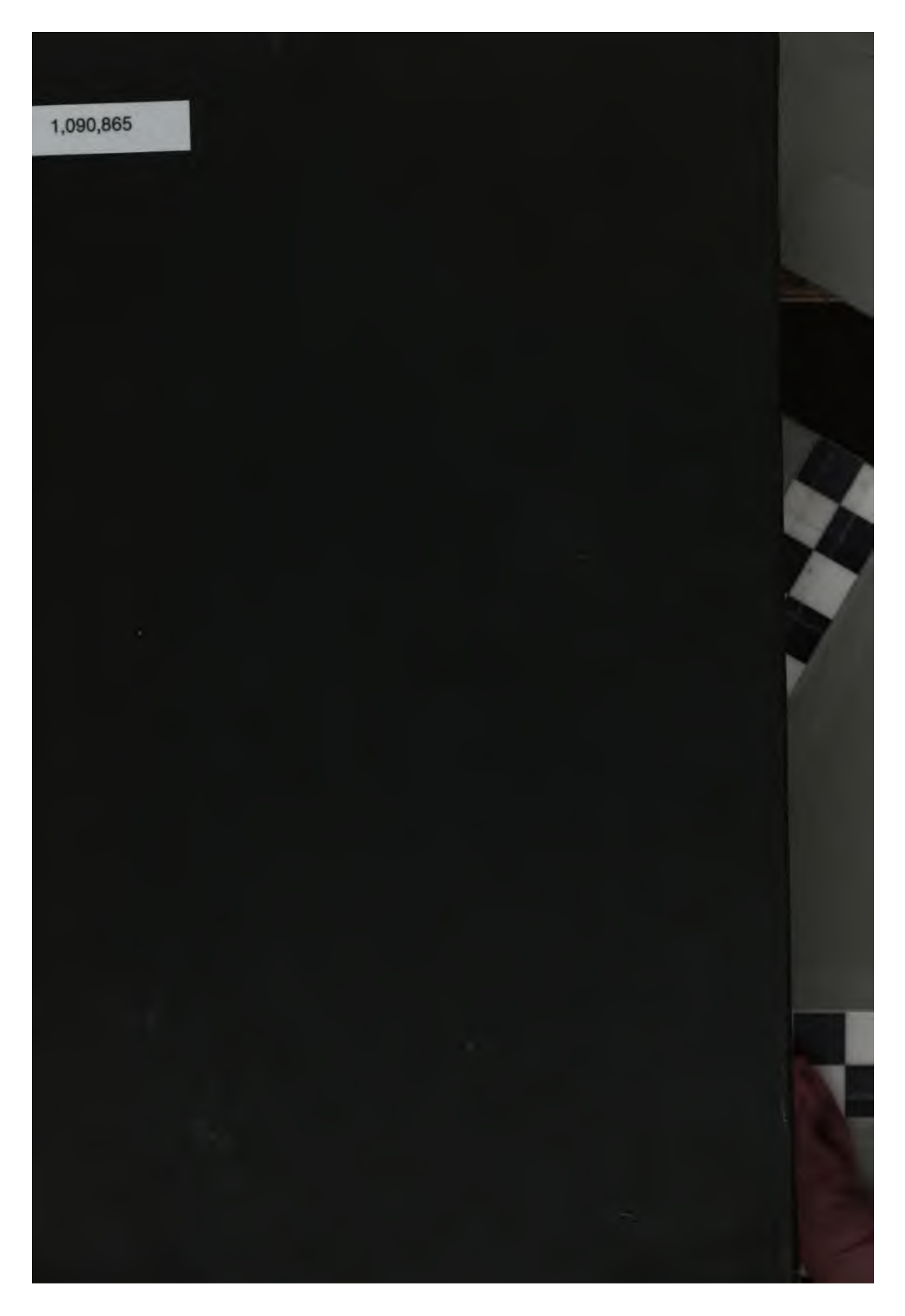
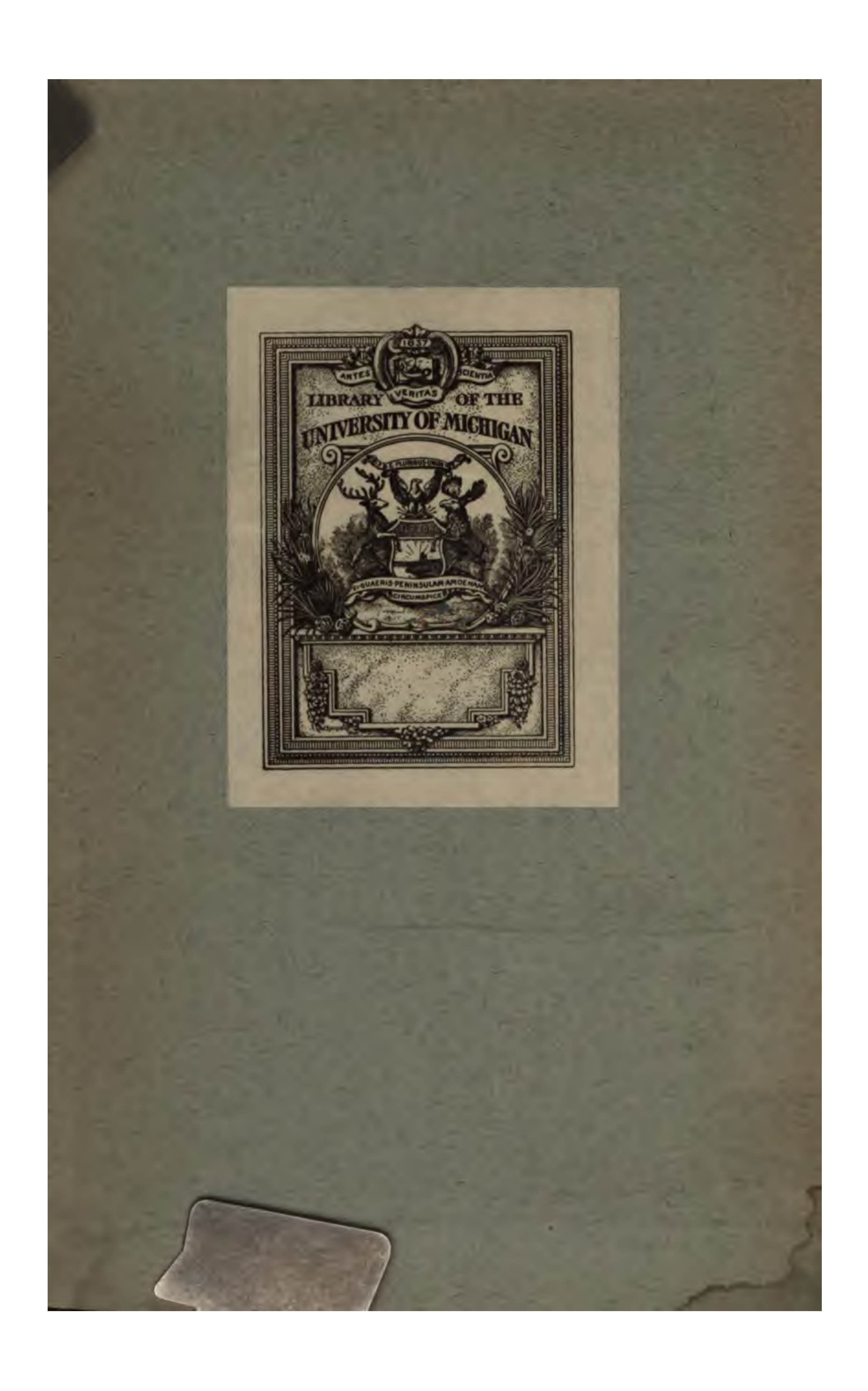

1,090,865

1837
ARTES
VERITAS
SCIENTIA
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF MICHIGAN
E PLURIBUS UNUM
TUEBOR
SI QUAERIS PENINSULAM AMOENAM
CIRCUMSPICE

AS
262
.P524

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

85

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1908.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:
И. И. Глазунова и **К. Л. Риккера** въ Санктпетербургѣ; **Н. П. Карбасникова** въ Санктпетербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ; **Н. Я. Оглоблина** въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; **Н. Киммеля** въ Ригѣ; у **Фоссъ (Г. Зоргенфрей)** въ Лейпцигѣ; у **Г. Люзакъ** и **Комп.** въ Лондонѣ, а также и въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этого тома **Сборника** *3 рубля.*

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1908 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ ***С. Ольденбургъ.***

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Труды академика М. И. Сухомлинова (1828—1901 гг.) по древней русской литературѣ почти всѣ представляютъ давно уже библіографическую рѣдкость. Хотя они уже нѣсколько устарѣли, тѣмъ не менѣе въ нихъ находится столько цѣнныхъ данныхъ и выводовъ, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ признало полезнымъ переиздать ихъ вновь, въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны покойнымъ.

О ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛѢТОПИСИ,

КАКЪ ПАМЯТНИКѢ ЛИТЕРАТУРНОМЪ [1]).

Лѣтописи принадлежатъ безспорно къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ нашей древней словесности, какъ по многочисленности своей, такъ и по внутреннему достоинству. Разсѣянныя по всему пространству Россіи, онѣ не рѣдкость и въ библіотекахъ иностранныхъ: въ Парижѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ и въ другихъ Европейскихъ городахъ находятся списки Русскихъ лѣтописей [2]). Достоинство содержанія лѣтописныхъ сборниковъ составляетъ причину того, что на нихъ обращали и обращаютъ особенное вниманіе при изученіи нашей старины. Въ ряду литературныхъ памятниковъ лѣтопись служитъ наиболѣе полнымъ и вѣрнымъ выраженіемъ образованности и быта нашихъ предковъ. Возникнувъ изъ требованій дѣйствительности, она шла рука объ руку съ жизнью народа, измѣняла и мѣсто, и видъ, и духъ свой съ измѣненіемъ мѣста и характера народной дѣятель-

1) Ученыя Записки Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, книга III, Спб. 1856 г., и отдѣльно, Спб. 1856 г.

2) Ср. Описаніе памятниковъ Славяно-Русской литературы, хранящихся въ библіотекахъ Германіи и Франціи, составл. С. Строевымъ. 1841. Отдѣленіе III, стр. 79 и слѣд.—Несторъ, Шлецера. I, стр. чг.

ности. Не случайно произошло появленіе лѣтописи, какъ памятника литературнаго: такъ же естественно было и ея прекращеніе. Если и допускаютъ въ послѣднемъ обстоятельствѣ вліяніе внѣшнее, мѣры запретительныя, то самое употребленіе этихъ мѣръ показываетъ, что условія быта нашего стали уже иныя, отличавшія его отъ періода древняго, котораго правдивымъ свидѣтелемъ была непрерывная лѣтопись.

Непрерываемая послѣдовательность въ дѣлѣ лѣтописномъ служитъ доказательствомъ его необходимости, вызываемой, безъ сомнѣнія, временемъ и обстоятельствами. Тѣмъ охотнѣе занимались составленіемъ лѣтописей и тѣмъ чаще справлялись съ ними, чѣмъ обширнѣе былъ кругъ потребностей, которымъ могли онѣ удовлетворять. А этотъ кругъ былъ довольно значителенъ по самому существу лѣтописи — у насъ, какъ и у другихъ народовъ. Желаніе и нужда отмѣчать событія, кажущіяся почему либо важными, весьма естественны для человѣка, на какой бы степени образованія онъ ни находился. Поэтому краткія указанія замѣчательнѣйшихъ происшествій, первообразъ лѣтописей, принадлежатъ у многихъ народовъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ письменности. Въ первоначальномъ своемъ видѣ лѣтописныя указанія представляются не чѣмъ инымъ, какъ календарными замѣтками. Народы или части ихъ, не знающіе письменъ, употребляютъ обыкновенно «черты и рѣзы», отмѣчая ими на кускахъ дерева мѣсяцы и даже дни со всѣми праздниками: такого рода календари извѣстны какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Европы. Письмена замѣняютъ собою черты и рѣзы, и даютъ возможность сохранить вполнѣ воспоминаніе о достопамятныхъ дняхъ и случаяхъ. Въ потребности сохранить его заключается первый зародышъ лѣтописей. Съ теченіемъ времени онѣ пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе достоинства, изъ календарныхъ замѣтокъ становятся лѣтописями въ настоящемъ смыслѣ слова.

Возбуждаемая невольнымъ стремленіемъ человѣка удержать воспоминаніе о быломъ, лѣтописная дѣятельность рано находитъ участіе и опору въ лицахъ, стоящихъ во главѣ обще-

ства. По мѣрѣ того, какъ опредѣляется у народа общественное устройство, возникаетъ и потребность упрочить его сохраненіемъ памяти о томъ, что освящено давнимъ обычаемъ. Наши древніе князья повелѣвали вносить въ лѣтопись все, что случалось при нихъ, доброе и недоброе, съ совершенною истиною и безъ всякихъ украшеній: «первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающи вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ» [1]). Свидѣтельство Русской лѣтописи подтверждается подобными распоряженіями правительственныхъ лицъ у различныхъ народовъ, даже самыхъ несходныхъ по общественному быту. У одного изъ древнѣйшихъ народовъ Азіи были такъ называемые историографы правой руки и историографы лѣвой руки: первые — для записыванья рѣчей государей, вторые — для записыванья ихъ дѣлъ. Совершенно такой же обычай существовалъ и на западѣ Европы. Въ средніе вѣка при дворѣ Британскомъ находились свѣдущіе люди, которые обязаны были записывать замѣчательные поступки и слова своихъ государей. Для избѣжанія лести записки эти могли быть обнародываемы не иначе, какъ по смерти уже владѣтельнаго лица и его дѣтей [2]). Такое сходство учрежденія въ обществахъ совершенно противоположныхъ одно другому заставляетъ искать его источника въ необходимости имѣть лѣтопись, признаваемой правительственными лицами вообще, безъ различія народностей.

Всѣ важныя событія въ жизни народа, мѣры внутренняго управленія и сношеній внѣшнихъ вносились въ лѣтопись. Къ ней обращались въ случаѣ несогласія князей и городовъ между собою, для рѣшенія возникавшихъ тяжбъ и пріобрѣтенія отыскиваемыхъ правъ. Крамола жителей Бреста въ 1289 г. занесена по волѣ князя въ лѣтопись. «Берестьяни, говоря лѣтописнымъ языкомъ, учинили бяхуть коромолу» — призвали къ себѣ

1) Русская лѣтопись по Никонову списку. Часть V, 1789, стр. 28.

2) Mémoires de littérature, tirez des registres de l'Académie royale des Inscriptions et belles lettres. Tome XV. Paris, 1743, p. 587.

на княженіе Юрія Львовича вмѣсто законнаго князя Мстислава Даниловича. За это Мстиславъ уставилъ на нихъ «ловчее», подать, какой не бывало «изъ вѣка», и велѣлъ написать такую грамоту: «Се азъ князь Мьстиславъ уставляю ловчее на Берестьаны и въ вѣкы, за ихъ коромолу: со ста по двѣ лукнѣ меду, а по двѣ овцѣ, и проч. А хто мое слово порушить, а станеть со мною передъ Богомъ. А вопсалъ есмь въ *лѣтописецъ* коромолу ихъ»[1]). Во время спора Василія Темнаго съ Юріемъ Дмитріевичемъ о великокняжескомъ престолѣ «царь повелевъ своимъ княземъ судити князей Рускихъ, и много пребысъ межи ижъ (ихъ). Князь великій по отечеству и по деденству искаше стола своего; князь же Юрій Дмитреевичь, дядя его, *лѣтописцы* и старыми списки и духовною отца своего»[2]). Подобное значеніе имѣли лѣтописи и въ западной Европѣ. Братъ Карла V по поводу несогласія съ патріархомъ Александрійскимъ велѣлъ внести въ *лѣтописи* поступки патріарха: «dux Aurelianensis contra ipsum tantam indignationem concepit, quod eidem vivae vocis oraculo inhibuit ne consiliis regiis, nec quocunque alio ubi ipse principaliter esset, compareret, statuens quod viae ejus superfluae in *Annalibus* dicerentur»[3]). Когда въ 1408 г. возникъ споръ между герцогомъ Орлеанскимъ и графинею Неверскою о владѣніи землею Куси, судьи обратились къ *лѣтописямъ*, веденнымъ при церкви св. Діонисія (Chroniques de Saint-Denys), и на основаніи ихъ свидѣтельства парламентъ рѣшилъ дѣло въ пользу графини[4]).

Возвращаясь къ русской словесности, замѣчаемъ, что при всей необходимости имѣть лѣтописи, пригодныя въ практическомъ отношеніи, древнѣйшими памятниками являются лѣтописи, далеко превышающія требованія одной житейской пользы.

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. II, 1843, стр. 223—225.

2) Русская лѣтопись по Никонову списку. V, стр. 110.

3) Mémoires tirez des registres de l'Académie des inscriptions. Tome XV, p. 595, b.

4) Тамъ же, стр. 594—595.

Польза общая постоянно имѣлась въ виду; но понятіе ея было гораздо обширнѣе, нежели выгода какого-либо лица или даже области, ихъ перевѣсъ надъ стороною противною. Интересы высшіе, духовные являются на первомъ планѣ въ нашей древней лѣтописи: благо всей земли Русской, нравственное достоинство человѣка-христіанина, благотворное дѣйствіе подвиговъ, совершенныхъ предками — вотъ предметы, которые наиболѣе занимали лѣтописцевъ и вызывали ихъ къ общеполезной дѣятельности, какъ полагали авторы. Общій взглядъ, проникающій лѣтопись, отражается и въ частностяхъ, опредѣляя выборъ того или другаго происшествія для описанія. Такъ, говоря о жестокой казни, постигшей мучителя Ѳеодорца, лѣтописецъ приводитъ такую причину внесенія событія въ лѣтопись: «Се же списахомъ, да не наскакають нѣціи на святительскый санъ, но его же позоветь Богъ: всякъ бо даръ свыше сходяй отъ Тебе, отца свѣтомъ. Его же благословлять человѣци, будеть благословенъ: его же проклянуть человѣци, будеть проклятъ»[1]). Здѣсь частный случай вошелъ въ лѣтопись не только для того, чтобы сохранить память о зломъ епископѣ, погибшемъ въ 1169 году, но и съ цѣлію представить важность святительскаго сана и необходимость высшаго призванія къ нему, безъ котораго ничтожны всѣ усилія и заботы.

Довольно простаго чтенія лѣтописей, чтобы замѣтить господствующее въ нихъ направленіе. Правда, въ многочисленныхъ спискахъ ихъ встрѣчаются статьи, имѣвшія прямое отношеніе къ дѣйствительности, къ удобствамъ и выгодамъ жизни. Таковы: Русская Правда, договоры съ Греками, грамоты князей и тому подобные памятники, помѣщенные въ лѣтописяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ находится много другаго рода извѣстій и статей, довольно обширныхъ; къ нимъ принадлежатъ: житія святыхъ, поученія и т. д. Внесеніе ихъ въ лѣтопись показываетъ обширное значеніе послѣдней, совмѣстившей въ себѣ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 152.

предметы разнородные. Подобное совмѣщеніе могло произойти только отъ цѣлей литературныхъ, отъ намѣренія лѣтописца помѣщать въ своемъ трудѣ вещи достопамятныя вообще, не предназначая его для какого либо исключительнаго употребленія; отъ желанія подѣлиться съ другими плодомъ своей начитанности и своихъ размышленій, и т. п. Составъ лѣтописи во всѣхъ извѣстныхъ доселѣ спискахъ заставляетъ признавать ее произведеніемъ литературнымъ. Съ этой точки зрѣнія разсматривается она и въ предлагаемомъ изслѣдованіи.

I.

Списки русскихъ лѣтописей.

При опредѣленіи свойствъ древней лѣтописи, какъ памятника литературнаго, всего надежнѣе руководствоваться самою древнею лѣтописью. Изъ разсмотрѣнія состава ея должны вытекать всѣ положенія касательно начала лѣтописной дѣятельности у насъ, ея дальнѣйшаго хода и различныхъ видоизмѣненій. Это же разсмотрѣніе должно опредѣлить самое понятіе древней лѣтописи, ея объемъ, содержаніе и характеръ. Поэтому прежде всего необходимо указать тотъ письменный памятникъ, который имѣетъ право назваться «древнею Русскою лѣтописью», и долженъ служить главнѣйшимъ источникомъ при изслѣдованіи особенностей ея, какъ произведенія литературнаго.

Списки лѣтописей нашихъ принадлежатъ нѣсколькимъ вѣкамъ, начиная съ XIV и до XVII. Отъ первой половины XIV вѣка мы имѣемъ списокъ лѣтописи сѣверной, Новгородской. Отъ второй половины XIV вѣка — такъ называемые списки Лаврентьевскій, писанный въ 1377 году и заключающій событія до 6813 (1305) года, и Ипатьевскій, оканчивающійся 6800 (1292) годомъ. Карамзинъ назвалъ Лаврентьевскій списокъ лучшимъ и

древнѣйшимъ, и мнѣніе его сдѣлалось общепринятымъ, будучи подкрѣплено прекраснымъ изданіемъ Тимковскаго. Нельзя признавать Лаврентьевскій списокъ безусловно лучшимъ по внутреннему достоинству, но древность его неоспорима. Мнѣніе противное не выдерживаетъ критики. Арцыбашевъ полагалъ, что «Лаврентьевскій списокъ, не дающій знать о прибытіи Рюрика въ Ладогу и называемый древнѣйшимъ, отнюдь не таковъ», основываясь на слѣдующемъ мѣстѣ Кіевской лѣтописи подъ 1198 (1199) годомъ: князь Рюрикъ заложилъ 10 іюля «стѣну камену подъ церковью святаго Михаила у Днѣпра, иже на Выдобычи, о нейже мнозѣ не дерьзнуша помыслити отъ древнихъ, али на дѣло ятися: 100 бо и 11 лѣтъ имать отнелѣ же создана бысть церкви, и въ толико лѣтъ мнози же самодержци преидоша, держащѣи столъ княженія Кіевьского, отъ того же боголюбиваго Всеволода, иже созда церковь ту, родовъ четыри, и ни единъ же вослѣдова любви его къ мѣсту тому» [1]). Слѣдственно, замѣчаетъ Арцыбышевъ, Кіевская лѣтопись сочиняема была 1309 г. и старѣе Лаврентьевскаго списка 68 годами [2]). Но въ лѣтописи положительно говорится, что сто одиннадцать лѣтъ прошло не отъ 1198 года, какъ принимаетъ Арцыбышевъ (1198+114=1309), а до 1198, т. е. до заложенія стѣны отъ времени построенія церкви Всеволодомъ (1198—111=1087). Арцыбышевъ руководствовался выпискою, помѣщенною у Карамзина, т. III, примѣч. 153, гдѣ заложеніе стѣны относится къ 1198, въ иныхъ же спискахъ о немъ упоминается подъ 1199, изъ котораго если вычтемъ 111, получимъ 1088. Дѣйствительно, подъ 1088 годомъ читаемъ: «священа бысть церкы святаго Михаила монастыря Всеволожа» [3]).

Къ XV и XVI вѣкамъ относятся списки Софійской лѣтописи и Кенигсбергскій. Къ XVI—XVII в.: Воскресенскій, Ростовскій, Никоновскій.

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. II, 152—153.
2) Повѣствованіе о Россіи, Арцыбышева. I, 16.
3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 89.

Мы назвали только списки наиболѣе замѣчательные; другіе же изъ извѣстныхъ принадлежатъ большею частью къ категоріи названныхъ нами [1]). Между списками: Лаврентьевскимъ, Ипатьевскимъ, Кенигсбергскимъ и однородными съ ними находится весьма близкое сходство въ повѣствованіи до начала XII вѣка. Они не списаны одинъ съ другаго, а имѣли общій источникъ, какъ можно полагать по тому, что они взаимно дополняютъ себя и исправляютъ. Если въ XIV вѣкѣ было уже нѣсколько списковъ одной и той же лѣтописи, то значитъ самая лѣтопись составлена гораздо ранѣе. Списки Лаврентьевской категоріи, если можно допустить такое условное названіе, рѣзко отличаются отъ списковъ Новгородскихъ и содержаніемъ и способомъ изложенія. Списки: Софійскій, Воскресенскій, Никоновскій и однородные съ ними по отношенію къ древней лѣтописи, заключающіе въ себѣ повѣствованіе съ древнѣйшихъ временъ до начала XII вѣка и гораздо далѣе, составлены по спискамъ Лаврентьевской категоріи съ различнаго рода дополненіями и вставками, частью изъ древнихъ лѣтописей, частью позднѣйшими. Источникомъ ихъ служили также и лѣтописи Новгородскія. Слѣдовательно, списки категоріи Софійской позднѣе по составу своему списковъ двухъ первыхъ категорій. Постараемся указать нѣкоторыя замѣчательныя особенности различныхъ списковъ, на сколько это нужно для рѣшенія вопроса о древнемъ текстѣ лѣтописи. При сличеніи ограничиваемся періодомъ до начала XII вѣка, именно до 1110 года, такъ какъ съ этого времени оказывается различіе между главнѣйшими списками, дающее знать о нѣкоторомъ измѣненіи въ дѣлѣ лѣтописномъ. Оставляя списки сходные между собою до начала XII вѣка, считаемъ нужнымъ указать на взаимное отношеніе списковъ: Лаврентьевскаго (и однородныхъ съ нимъ), Новгородскихъ, Софійскихъ, Воскресенскаго, Ростовскаго, Никоновскаго.

1) О многочисленныхъ спискахъ Русскихъ лѣтописей см. Ученыя Записки Казанскаго университета, 1848, книжка II и III, стр. 3—53.

Сличая Лаврентьевскій списокъ съ «первою Новгородскою лѣтописью», держась названія, даннаго Археографическою Коммиссіею, получаемъ слѣдующія данныя.

Въ Новгородской лѣтописи, обнимающей до 1110 года 94 года, не описано сорокъ шесть лѣтъ. Изъ нихъ только восемь не описано въ Лаврентьевской лѣтописи; остальные же описаны съ большею или меньшею подробностью.

Нѣкоторыя извѣстія въ Новгородской лѣтописи представляются какъ бы сокращеніями извѣстій Лаврентьевской, или, наоборотъ, Новгородская является какъ бы источникомъ Лаврентьевской, распространившей краткую замѣтку лѣтописи Новгородской:

Лаврентьевская лѣтопись.	*1-я Новгородская лѣтопись.*
Въ лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимѣрь, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, и поимъ Новгородцѣ и имѣнье ихъ, поиде Полотьску опять; и пришедшю ему къ Судомири рѣцѣ, и Ярославъ изъ Кыева въ 7 день постиже и ту, и *побѣди Ярославъ Брячислава*, и Новгородцѣ вороти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа Полотьску.	Въ лѣто 6529 (1021). Побѣди Ярославъ Брячислава.
Въ лѣто 6545. *Заложи Ярославъ городъ* великый *Кыевъ*, у него же града суть Златая врата; заложи же *и церковь святыя Софья*, митрополью, и посемъ церковь на золотыхъ воротѣхъ.... И при семъ нача	Въ лѣто 6545 (1037). Заложи Ярославъ городъ Кыевъ и церковь святыя Софія.

Лаврентьевская лѣтопись.

вѣра хрестьянская плодитися и разширяти.... И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы и т. д. и т. д.

Въ лѣто 6569. *Придоша Половци первое* на Русьскую землю воеватъ, Всеволодъ же изиде противу имъ *мѣсяца февраля въ 2 день;* и бившимъся имъ, *побѣдиша Всеволода*, и воевавше отъидоша. Се бысть первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ врагъ. Бысть же князь ихъ Искалъ (Сокалъ).

1-я Новгородская лѣтопись.

Въ лѣто 6569 (1061). Придоша Половьци первое, и побѣдиша Всеволода, мѣсяца феураря въ 2.

Въ такомъ же отношеніи между собою извѣстія подъ годами: 6547, 6551, 6562, 6568, 6575, 6576, 6586, 6599, 6601, 6605, 6609. Разница въ объемѣ повѣствованія огромная: такъ извѣстіе подъ 6601 годомъ занимаетъ въ Лавр. четыре страницы, а въ Новг. двѣ неполныя строки.

Иногда то же самое событіе описывается съ другими подробностями или въ другихъ выраженіяхъ:

Лаврентьевская лѣтопись.

Въ лѣто 6524. Приде Ярославъ, и сташа противу оба полъ Днѣпра.... И воевода нача Святополчь, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти Новгородцѣ, глаголя: «что придосте съ хромьцемъ симъ, о вы плотници суще? а поставимъ вы хоромомъ

1-я Новгородская лѣтопись.

Подъ 6524 (1016) ....(Начала недостаетъ) ....а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромъ рубити. И нача Дьнѣпрь мьръзнути. И бяше Ярославу мужь въ пріязнь у Святопълка, и посла къ нему Ярославъ нощью отрокъ свои, рекъ къ

Лаврентьевская лѣтопись.

рубити нашимъ». Се слышавше Новгородци рѣша Ярославу: «яко заутра перевеземъся на не; аще кто не поидеть съ нами, сами потнемъ». Бѣ бо уже въ заморозъ; Святополкъ стояше межи двѣма озерома, и всю нощь пилъ бѣ съ дружиною своею; Ярославъ же заутра исполчивъ дружину свою, противу свѣту перевезеся. И высѣдъ на брегъ, отринуша лодьѣ отъ берега, и поидоша противу собѣ, и ступишася на мѣстѣ. Бысть сѣча зла, и не бѣ лзѣ озеромъ Печенѣгомъ помагати, и притиснуша Святополка съ дружиною къ озеру, и въступиша на ледъ, и обломися съ ними ледъ, и одалати нача Ярославъ, Святополкъ же бѣжа въ Ляхы. Ярославъ же сѣде Кыевѣ на столѣ отьни и дѣдни. И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28 [1]).

Въ лѣто 6600. Предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищюше бѣси; аще кто вылѣ-

1-я Новгородская лѣтопись.

нему: онь си! что ты тому велиши творити? меду мало варено, а дружины много. И рече ему мужь тъ: рчи тако Ярославу, даче меду мало, а дружины много, да къ вечеру вдати. И разумѣ Ярославъ, яко въ нощь велить сѣцися; и тѣмъ вечерѣ перевозися Ярославъ съ вои на другыи полъ Дънѣпра, и лодьи отринуша отъ берега, и тои нощи поидоша въ сѣцю. И рече Ярославъ дружинѣ: знаменаитеся, повиваите собѣ убрусы голову. И бысть сѣчи злѣ, и до свѣта побѣдиша Святопълка. И бѣжа Святопълкъ въ Печенѣгы, а Ярославъ иде Кыеву, и сѣдѣ на столѣ отця своего Володимира; и нача вое свое дѣлити: старостамъ по 10 гривнъ, а смердомъ по гривнѣ, а Новъгородьчемъ по 10 всѣмъ; и отпусти я домовь вся [2]).

Въ лѣто 6600 (1092). Наиде рана на Полочаны, яко нѣкако бяше ходити по уличямъ, яко мнѣти вои множьство, а конемъ копыта видѣти; да аще кто изъ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, стр. 61.
2) Тамъ же. III, стр. 1.

Лаврентьевская лѣтопись.

зяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху; и не смяху излазити изъ хоромъ. Посемъ же начаша въ дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и т. д. [2]).

1-я Новгородская лѣтопись.

истьбы вылѣзеть, напрасно убьенъ бываше невидимо [1]).

Подъ нѣкоторыми годами сообщаются извѣстія совершенно различныя:

Лаврентьевская лѣтопись.

Въ лѣто 6558. Преставися княгиня Ярославля.

Въ лѣто 6585. Поиде Изяславъ въ Ляхы. Всеволодъ же поиде противу ему. Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣсяца мая 4 день, и бысть княженья его 8 днiй, и бѣжа Тмутороканю къ Романови. Всеволодъ же иде противу брату Изяславу на Волынь, и створиста миръ, и пришедъ Изяславъ сѣдѣ Кыевѣ, мѣсяца iуля 15 день. Олегъ же, сынъ Святославль, бѣ у Всеволода Черниговѣ [3]).

1-я Новгородская лѣтопись.

Въ лѣто 6558 (1050). Родися Святопълкъ.

Въ лѣто 6585 (1077). Преставися Ѳедоръ, архепископъ Новгородьскыи.

Различіе въ выборѣ событій зависитъ большею частью отъ

1) Тамъ же. III, стр. 3.
2) Тамъ же. I, стр. 92.
3) Тамъ же. I, стр. 85.

мѣстности лѣтописцевъ. Житель Кіева болѣе обращаетъ вниманіе на то, что происходило близко его родины, въ южной Россіи; Новгородецъ болѣе интересуется событіями сѣверной Руси и въ особенности самого Новгорода. Подъ 6616 г. Лаврентьевская лѣтопись говоритъ о построеніи церквей Кіевскихъ, а Новгородская объ украшеніи св. Софіи. Св. Софія имѣла большое значеніе въ исторіи Новгорода, и въ лѣтописи Новгородской съ точностью упоминаются обстоятельства, касающіяся Софійскаго храма. Не смотря на обычную краткость выраженія, рѣзко отличающую лѣтопись сѣверную отъ южной, Новгородская лѣтопись не скупится на подробности, когда рѣчь идетъ о св. Софіи. Подъ 6553 г. сказано въ Лаврентьевской: «заложи Володимеръ святую Софью Новѣгородѣ». Въ Новгородской извѣстіе этого года читается полнѣе: «съгорѣ святая Софія, въ суботу, по заутрьніи, въ часъ 3, мѣсяця марта въ 15. Въ то же лѣто заложена бысть святая Софія, Новѣгородѣ, Володимиромъ княземъ». При разсказѣ о несчастіи, постигшемъ Новгородъ, въ Лаврентьевской лѣтописи господствуетъ тотъ же спокойный тонъ, которымъ отличается все повѣствованіе. Но иначе передаетъ печальную вѣсть лѣтопись Новгородская; горестное чувство высказывается въ ней живо, хотя сжатый разсказъ, соотвѣтствующій характеру самой лѣтописи, не даетъ простора для изліянія душевныхъ движеній. Подъ 6574 (1066) въ Лаврентьевской лѣтописи такъ говорится о взятіи Новгорода: «заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскѣ, и зая Новъгородъ, Ярославичи же тріе, совокупивше вои, идоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ», и т. д. [1]). Изъ ряда извѣстій Лаврентьевской лѣтописи въ Новгородской находится только одно — самое взятіе Новгорода, безъ дальнѣйшаго хода войны: «приде Всеславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ дѣтми. И колоколы съима у святыя Софіѣ. О велика бяше бѣда въ часъ тыи! И понекадила съима». Впрочемъ различіе тона и способа выраженія никакъ

1) Тамъ же. I, стр. 71.

нельзя приписать намѣренному равнодушію лѣтописцевъ къ судьбѣ другаго края своего отечества. Количество свѣдѣній о Новгородской исторіи, находящихся въ Лаврентьевской лѣтописи, служитъ доказательствомъ участія авторовъ ея къ событіямъ сѣверной Руси. Въ свою очередь Новгородская лѣтопись не забываетъ Кіева, и иногда сообщаетъ о Кіевскихъ дѣлахъ то, чего не отмѣчено и въ лѣтописи Лаврентьевской. Подъ 6617 (1109) г. въ Лаврентьевск.: «преставися Евпракси, дщи Всеволожа, мѣсяца іулія въ 10 день, и положена бысть въ Печерскомъ монастырѣ у дверій, яже ко угу; и сдѣлаша надъ нею божонку, идѣже лежить тѣло ея. Въ тоже лѣто мѣсяца декабря въ 2 день Дмитръ Иворовичь взя вежѣ Половечскыѣ у Дону». Въ Новгородской подъ тѣмъ же годомъ: «бысть вода велика въ Дьнѣпри, и въ Деснѣ, и въ Припетѣ. И конціяша трьпезницю *Печерьскаго* манастыря. Въ то же лѣто заложена бысть церкы княземъ Святопълкомъ, *Кыевѣ*». Здѣсь Новгородская лѣтопись дополняетъ Лаврентьевскую, какъ въ иныхъ случаяхъ Лаврентьевская дополняетъ Новгородскую. Въ послѣдней: «въ лѣто 6560 (1052) преставися Володимиръ, сынъ Ярославль, въ Новѣгородѣ, мѣсяца октября въ 4». Въ Лаврентьевск.: «преставися Володимеръ, сынъ Ярославль старѣйшій, Новѣгородѣ, и положенъ бысть въ святѣй Софьи, юже бѣ самъ создалъ».

Отъ лѣтописей Новгородской и Лаврентьевской переходимъ къ находящимся съ ними въ связи сборникамъ *Софійскимъ*. Составъ такъ называемой 1-й Софійской лѣтописи показываетъ, что образцомъ ея былъ списокъ Лаврентьевской категоріи. Въ ней описываются большею частью тѣ же предметы, въ такой же послѣдовательности и съ такою же полнотою, какъ и въ Лаврентьевской. Тѣмъ не менѣе очевидны несходство между ними и позднѣйшій составъ Софійской. Въ текстѣ ея находится нѣсколько вставокъ; недостаетъ нѣсколькихъ извѣстій, но вмѣстѣ съ

тѣмъ есть и такія, которыя не отмѣчены въ Лаврентьевской; иныя описанія сокращены, другія добавлены. Послѣднія заставляютъ полагать, что при составленіи обѣихъ лѣтописей отчасти одними и тѣми же источниками пользовались не одинаково; отчасти же употребляли и различные источники. Передъ началомъ повѣствованія съ означеніемъ годовъ, т. е. передъ словами «въ лѣто 6360. Наченшу Михаилу царствовати, начася прозывати Русьская земля», вставлены двѣ небольшія статьи. Въ одной говорится, что Кіевъ получилъ названіе отъ Кія, какъ Римъ отъ царя Рима, Антіохія отъ Антіоха, Селевкія отъ Селевка, Александрія отъ Александра. О Кіѣ сказано: «его же древле нарицають перевозника бывша, иніи же яко и ловы дѣяше около града своего», а нѣсколько выше повторены слова Лаврентьевской лѣтописи: «иніи же не съвѣдуще глаголють, яко Кій есть перевозникъ былъ». Вторая вставка носитъ заглавіе: «о началѣ Русьскыя земля и о князѣхъ, како и откуду быша». Въ ней упоминается о счастливыхъ былыхъ временахъ, когда князья не собирали большихъ имѣній, не налагали виръ и продажъ; дружина воевала чужія земли; жены ходили въ серебрѣ и не носили золотыхъ обручей. Но «за наше несытьство — замѣчаетъ лѣтописецъ, современный Монгольскому игу — навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоти наши, и села наша, и имѣнія за тѣми суть; а мы злыхъ своихъ не останемъ».

Годы 6510—6518 не описаны въ Софійской лѣтописи; въ Лаврентьевской подъ двумя изъ нихъ краткія извѣстія: «въ лѣто 6511. Преставися Всеславъ сынъ Изяславль, внукъ Володимерь. Въ лѣто 6515. Перенесени святіи въ святую Богородицю». Наоборотъ, подъ 6375 годомъ, не описаннымъ въ Лаврентьевской, въ Софійской замѣтка: «тишина бысть».

Извѣстіе подъ 6599 есть самое сжатое сокращеніе повѣствованія Лаврентьевской лѣтописи — о перенесеніи мощей св. Ѳеодосія. Такое же сокращеніе и въ извѣстіяхъ 6601 и 6605 гг., подъ которымъ помѣщенъ разсказъ Василія, внесенный въ Несторову лѣтопись. Съ другой стороны нѣкоторые годы описаны

въ Софійской подробнѣе. Такъ, подъ 6529 (1021) г. въ Лаврентьевской: «приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимѣрь, на Новъгородъ, и зая Новъгородъ, и пр. (см. выше, стр. 9). Въ Софійской: «Поиде Брячиславъ князь, сынъ Изяславль, внукъ Володимеровъ, съ вои изъ Полотьска на Новъгородъ, и взя Новъгородъ, и поимъ Новгородци, и имѣніе ихъ, и весь полонъ и скоты, поиде къ Полотьску. И пришедшю ему къ Судимирѣ рѣцѣ, великый же князь Ярославъ слышавъ ту вѣсть, и совкупи воя многи, изъ Кіева въ седмый день постиже ту, и побѣди Брячислава, а Новгородци отпусти къ Новугороду, и полонъ отъ него отъя, елико бяше Новгородскія волости; а Брячиславъ бѣжа къ Полотьску. И отътолѣ призва къ себѣ Брячислава, и давъ ему два города Въсвячь и Видбескъ, и рече ему: «буди же со мною заодинъ». И воеваше Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота» [1]). Въ такомъ же видѣ это извѣстіе находится и въ Никоновской лѣтописи.

Дополненія къ лѣтописи Лаврентьевской заимствованы преимущественно изъ лѣтописей Новгородскихъ. Таковы извѣстія подъ 6538, 6586 и другими годами. Въ Лаврентьевской: «въ лѣто 6538 (1030) Ярославъ Бѣлзъ взялъ. И родися Ярославу 4-й сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Семъ же лѣтѣ иде Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ. Въ се же время умре Болеславъ великый въ Лясѣхъ, и бысть мятежъ въ земли Лядьскѣ: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, и бысть въ нихъ мятежъ» [2]). Въ Новгородской второй: «въ лѣто 6538. Преставися архіепископъ Акимъ Новгородскій, и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше» [3]). Въ Софійской: «въ лѣто 6538. Великый князь Ярославъ Бѣлзъ взялъ. Того же лѣта родися Ярославу четвертый сынъ, и нарече имя ему Всеволодъ. Того же лѣта иде великый князь Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ. И пріиде къ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. V, стр. 134.
2) Тамъ же. I, стр. 64.
3) Тамъ же. III, стр. 122.

Новугороду, собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ. Того же лѣта преставися архіепископъ Ноугородскый Акимъ; бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учааше. Въ се же время умре князь великый Болеславъ въ Лясѣхъ, и бысть мятежь въ земли Лятьской, и въставше людіе, избиша епискупы, и попове, и боляре своя» [1]). Все это и въ такомъ же порядкѣ помѣщено и въ Никоновской.

Въ Софійской больше заимствованій изъ хроникъ Византійскихъ, нежели въ Лаврентьевской, что составляетъ новую черту сходства съ Никоновской. Но въ послѣдней выписки изъ Греческихъ лѣтописей пространныя, а въ Софійской ограничиваются нѣсколькими строками или даже словами. Обширное описаніе событій 6479 (971) года начинается въ Лаврентьевской словами: «приде Святославъ въ Переяславець, и затворишася Болгаре въ градѣ» [2]), а въ Софійской: «царьствова Василей и Коньстянтинъ въ Цариградѣ. И пріиде Святославъ въ Переяславець, и затворишася Болгаре въ градѣ» [3]). Подъ 6376 (868) г. въ Лаврентьевской: «Поча царствовати Василій» [4]); въ Софійской: «нача царствовати Василіе, сынъ Михаиловъ, лѣтъ 18 и мѣсяцъ 11. При семъ трусъ бысть въ Цариградѣ 40 дній, почень на святаго Полуекта» [5]).

Особенность состава Софійской лѣтописи обозначается въ способѣ занесенія отдѣльныхъ повѣствованій. Такъ статьи, названныя въ рукописи: «убіеніе Бориса князя» и «убіеніе Глѣбово» [6]) суть полныя выписки изъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго монаху Іакову. Въ Лаврентьевскомъ тѣ же выписки значительно сокращены. Разсказъ о Варягѣ и сынѣ его [7]), пострадавшихъ въ 983 году за вѣру, изложенъ въ Софійскомъ

1) Тамъ же. V, стр. 136.
2) Тамъ же. I, стр. 29.
3) Тамъ же. V, стр. 108.
4) Тамъ же. I, стр. 9.
5) Тамъ же. V, стр. 89.
6) Тамъ же. V, стр. 125 и слѣд.
7) Тамъ же. V, стр. 113—114.

сообразнѣе съ повѣствованіемъ, находящимся въ прологахъ, и т. п. Во многихъ спискахъ Софійской лѣтописи находятся: Русская Правда, Судебникъ царя Константина, и другія вносныя статьи.

Названіе Софійскаго временника придается въ рукописяхъ и лѣтописи *Воскресенской;* но она представляетъ значительныя отличія отъ Софійской. Гораздо болѣе сходства имѣетъ она до начала XII вѣка съ Лаврентьевскою и Ипатьевскою, отличаясь отъ нихъ позднимъ составомъ и большимъ количествомъ вставокъ. Оканчивается 1347 годомъ. Съ Новгородскими же лѣтописями сходства не представляетъ. Она напечатана въ 1793 г. при Академіи Наукъ съ рукописи, принадлежащей Академіи и называющейся: «Лѣтописецъ Воскресенскій»; по каталогу, напечатанному въ 1818 г., значится подъ № 10. Изданіе сдѣлано съ соблюденіемъ самаго близкаго сходства съ рукописью. Удержаны даже явныя ошибки писцовъ и знаки препинанія, затрудняющіе чтеніе. Только сокращенія, надстрочные знаки и буквы, которыхъ нѣтъ въ гражданской печати, замѣнены полнымъ написаніемъ словъ и буквами употребительными. Вмѣсто: бы҇с, рѧ҇д, егыпъпѫ, властѡдръжца, какъ въ рукописи, напечатано: бысъ, рядъ, Егыпъпя, властодръжъца. Но буквы употребительныя оставлены безъ перемѣны и въ очевидныхъ неправильностяхъ, какъ напримѣръ: «посла къ Вогволодоу (= Рогволоду) Полотъцкомоу»; «Игорь совокупи воды (= вои) многи Варяги Русь и Поляне и Словѣны и Кривичи». Чтобы видѣть, до какой степени простиралась точность издателей даже въ знакахъ препинанія, приведу нѣсколько строкъ, по рукописи и по печатному изданію.

Рукоп. (л. 124).	*Печатн.* (I, стр. 63).
Полѧном҇ же живѹщимъ ѡ себѣ. и владѣющимъ роды сво-	Поляномъ же живущимъ о себѣ. и владѣющимъ роды сво-

ими. ѩже и до сее братии бѣѧхоу Полѧне. и живѧхꙋ кождо на своихъ мѣсте[х] с родомъ свои[м] и быша три братіа....	ими. еже и до сее братии бѣяхоу Поляне. и живяху кождо на своихъ мѣстехь с родомъ своимъ и быша три братіа....

Въ рукописи отдѣлены одно отъ другаго только тѣ слова, между которыми есть знакъ препинанія; остальныя писаны слитно. Къ изданію не приложено рѣшительно никакихъ объясненій или замѣтокъ; нѣтъ даже предисловія, такъ что самое имя издателя остается неизвѣстнымъ. Новое изданіе Воскресенской лѣтописи приготовляется Археографическою Коммиссіею въ ожидаемомъ VII томѣ Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей [1]).

Въ число рукописей, по которымъ издается Воскресенская лѣтопись, включенъ списокъ *Ростовскій*. По составу своему онъ весьма любопытенъ, и потому считаемъ нужнымъ сказать о немъ подробнѣе, тѣмъ болѣе, что онъ еще не извѣстенъ въ печати. «Ростовскій лѣтописецъ» писанъ въ концѣ XVII вѣка; принадлежалъ нѣкогда князю Сергію Дмитріевичу Кантемиру; подаренъ имъ Бантышъ-Каменскому, отдавшему рукопись на всегда Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Теперь Ростовскій списокъ принадлежитъ Московскому Архиву Министерства иностранныхъ дѣлъ, и оттуда взятъ на время въ Археографическую Коммиссію. Извѣстіемъ подъ 7047 годомъ объ уродѣ о двухъ головахъ и четырехъ ногахъ, рожденномъ въ Новгородѣ, прерывается хронологическая послѣдовательность. Непосред-

1) Воскресенскій списокъ описанъ г. Перевощиковымъ въ его сочиненіи о Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ. Гораздо подробнѣе описанъ онъ въ Библіографическомъ обозрѣніи Русскихъ лѣтописей, *Д. Польнова*, 1850, стр. 75—84. *Г. Погодинъ* говоритъ о Воскресенскомъ спискѣ въ своихъ Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о Русской исторіи, IV, 71—75.

ственно за этимъ извѣстіемъ слѣдуетъ: «в лѣто 6956. Бысть брань между митрополитомъ Геронтіемъ и Вассьаномъ» и т. д. Далѣе идутъ другія извѣстія, и за описаніемъ прибытія Іоанна IV-го въ Новгородъ помѣщена «о началѣ Рȣси выписка ис печатнаго исторіѧ Кіевъскаго». Потомъ повѣствованіе о различныхъ происшествіяхъ, частью въ хронологическомъ порядкѣ, частью отдѣльными статьями, до кончины Ѳеодора Алексѣевича. Далѣе вписаны ярлыки, нѣсколько другихъ статей, какъ то: житіе князя Іоасафа, и наконецъ сказаніе «о царѣ Казаринѣ и его царицѣ», которымъ и заключается рукопись.

Отличительнымъ внѣшнимъ признакомъ Ростовскаго списка можно считать: красивое письмо, раздѣльное написаніе словъ и употребленіе знаковъ препинанія. Въ другихъ спискахъ обыкновенно употребляется одна точка, въ разныхъ значеніяхъ, или же и двоеточіе въ значеніи теперешней точки. Въ Ростовскомъ есть и точки, и запятыя, и точки съ запятыми, и двоеточія, и знакъ восклицательный, постоянно слѣдующій за глаголомъ: *удивляться*. Вотъ примѣръ изъ описанія путешествія Апостола Андрея: «и поиде по Днепру в верхъ и пріиде в Словѧны, идѣже н҃нѣ великій Новъградъ. и видѣ тȣ люди сȣщіѧ како есть обычаи имȣт, и како мыютсѧ в бани: и ȣдивисѧ имъ! и иде в Варѧги, и пріиде въ Рімъ, и исповѣда елико научи, и елико видѣ. и рече имъ: дивно видѣх землю Словенскȣ, идȣщȣ ми сѣмо. видѣх бани древлѧны, и в них много каменій, и пережгут камен тои рȣмѧно, и идȣт в баню и разволокȣтсѧ и бȣдȣт нази, и облиютсѧ квасом кислым. и возмȣт на сѧ прȣтіе младое, и біютсѧ сами. и того сѧ добіют, едва излѣзут еле живи, и обліютсѧ водою стȣденою, и тако оживут, и то творѧтъ по всѧ дни, не мȣчими никим же: но сами сѧ мȣчат. и то творѧтъ омовеніе себѣ, а не м҃ченіе: и то слышавше Римлѧне дивлѧхȣсѧ! Андрееви же бывшу в Рімѣ», и т. д.

По содержанію своему Ростовскій списокъ представляется позднѣйшею переработкою Воскресенскаго. Во многомъ между обоими списками совершенное сходство и въ расположеніи ча-

стей, и въ самыхъ выраженіяхъ. Но, держась текста Воскресенской лѣтописи, Ростовскій списокъ въ иныхъ случаяхъ дополняетъ ее новыми извѣстіями, въ другихъ сокращаетъ ея разсказъ или вовсе пропускаетъ цѣлыя статьи.

Списокъ начинается перечнемъ лѣтъ, слѣдующимъ непосредственно за заглавіемъ: «Лѣтописецъ»: отъ Адама до потопа лѣтъ 2242; отъ потопа до раздѣленія языковъ 530, и т. д. Изъ Русскихъ происшествій отмѣчены приходъ Рюрика и крещеніе Русской земли: «а въ Россіи нача княжити Рюрикъ 6370. Отъ преложенія книгъ до крещенія Россіанъ 123. А отъ крещенія до конца 7-я тысящи лѣтъ 504». За тѣмъ идетъ «повѣсть временныхъ лѣтъ» съ различными измѣненіями сравнительно съ текстомъ списковъ болѣе древнихъ.

Добавленія въ родѣ слѣдующихъ: Въ Воскресенскомъ читаемъ: «О Оугрѣхъ. В лѣто 6406. Идоша Оугри мимо Киевъ горою» [1]) и т. д. Въ Ростовскомъ: «О Ѹгрѣхъ. В лѣто 6395. Леонъ цр҃твова с҃нъ Васіліевъ, иже и Левъ прозвася и братія его Александръ, иже царствоваста лѣт 25. Вкупѣ се лѣта собираютца: отъ перваго лѣта Олгова, понеже седѣ в Кіевѣ», и пр. Здѣсь помѣщены: перечень лѣтъ до битвы при Калкѣ; имена князей, отъ дѣтей Владимира Мономаха до сына Іоанна III, князя Ивана, и названія митрополій Греческихъ и епископій Русскихъ. Начало этого добавленія находится въ Лаврентьевской лѣтописи: «Въ лѣто 6395. Леонъ царствова, сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и братъ его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6» [2]). Все остальное — въ Софійской первой лѣтописи подъ 6395 годомъ и далѣе до 6406 г. [3]).

Въ Воскресенскомъ спискѣ: «В лѣто 6558. Священа церковь святаа Соѳия в Новѣгородѣ на возъдвижение честнаго креста, повелѣниемъ великого князя Ярослава. Того же лѣта преставися княгини Ярославля Ѳев. 10. В лѣто 6559. Постави Яро-

1) Русская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I часть, 1793, стр. 76.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 10.

3) Тамъ-же. V, 90—91.

славъ Дариона (=Иларіона) митрополитомъ Русинамъ святѣи Софии в Киевѣ собравъ епископы. В лѣто 6560. Преставися князь великии Володимеръ Ярославичь в Новѣ городѣ», и пр. [1]). Въ Ростовскомъ: «въ лѣто 6558. с҃щена бысть ц҃рковь с҃тыя Софіи въ Новѣ городѣ, на воздвиженіе честнаго креста повелѣніемъ великаго князя Ярослава и сына его Владиміра. Святилъ архіепископъ Лука Новгородскій, а дѣлаша ю 7 лѣтъ, а служили въ ту 7 лѣтъ священницы во Іоакимѣ и Анны. И устроивъ церковь, приведоша иконописцы изъ Царя града, и начаша подписывати церковь и во главѣ написаша образъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа со благословящею рукою, и во утрій день видѣ архіепископъ Лука образъ Спасовъ не благословящею рукою. Писцы же писаша по 3 утра, на 4-е же утро гласъ бысть отъ образа Господня, г҃лющъ: писари, писари, о писари, не пишите мене со благословящею рукою, но пишите мене сжатою рукою: азъ бо въ той руцѣ моей держу Новъ градъ, и егда рука моя распрострется, тогда будетъ скончаніе Нову граду. Того же лѣта преставися княгиня Ярославля Февраля въ 10 день. Въ лѣто 6559 постави Ярославъ митрополита Иларіона Русина во святѣи Софіи Кіеву, собравъ свои епископы. И се да скажемъ, чесо ради прозвася печерскій монастырь. Боголюбивому князю Ярославу любящу Берестовое», и т. д. — все сказаніе о началѣ Печерскаго монастыря, заключающееся словами: «се же написахомъ и положихомъ, въ кое лѣто поча быти монастырь сей, и что ради зовется Печерскій, а о житіи Ѳеодосіевѣ паки скажемъ». Добавленіе подъ 6558 г. читается въ Новгородской 3-й лѣтописи [2]), а подъ 6559 г. повѣсть о монастырѣ Печерскомъ въ томъ же видѣ — въ Лаврентьевской лѣтописи [3]). Добавленія подъ 6568 (6567), 6578 и другими годами — о епископахъ Новгородскихъ: Лукѣ, Ѳеодорѣ

---

1) Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I, 188.
2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. V, 211.
3) Тамъ же. I, 67—69.

и др. заимствованы изъ Новгородскихъ лѣтописей [1]). Изъ приведенныхъ данныхъ можно видѣть, что Ростовскій списокъ составлялся при помощи троякаго рода списковъ: прежде всего Воскресенскаго, потомъ списковъ Лаврентьевской категоріи и Новгородскихъ.

Бесѣда Греческаго миссіонера съ Владиміромъ, во всей подробности внесенная въ списокъ Воскресенскій, занимая тамъ 14 страницъ [2]), передана въ Ростовскомъ въ нѣсколькихъ строкахъ. А именно: «нача фiлософъ гл҃ти ѿ начала нб҃ꙋ и земли вса по радꙋ, ѿ Адама до потопа, ѿ потопа до преселенiа Вавvлонскаго, ѿ преселенiа Вавилонскаго до Дв҃да цр҃а и до Авгꙋста и до Рж҃тва Хр҃това, и до кр҃щенiа его и до ст҃рти Гд҃ни, и воскр҃нiи и на нб҃са возшествiи. Семꙋ же гл҃ющꙋ, Владимiръ же сладцѣ послꙋшаше. И рече Владимiръ: что ради ѿ жены родиса» и пр. Отсюда разсказъ сходенъ съ помѣщеннымъ въ Воскресенскомъ спискѣ.

Пропущено въ Ростовскомъ все то, что находится въ Воскресенскомъ до начала временника Нестора. Выпущены: статья о Кiѣ, основателѣ Кiева, подобно Антiоху, основателю Антiохiи, и обращенiе къ читателямъ [3]) — вставки, находящiяся и въ Софiйской лѣтописи; доказательство родства Рюрика съ Августомъ; похвала Владимиру Святому и т. п. [4]).

Къ спискамъ позднѣйшимъ относится, не столько по составу, сколько по языку, списокъ *Никоновскiй*. По составу своему онъ представляетъ много общаго со списками древними, хотя и не можетъ быть включенъ въ ихъ число. Въ Никоновскомъ

1) Тамъ же. III, 122, 212 и др.
2) Лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I, 126—140.
3) Тамъ же. 69—70.
4) Руская лѣтопись съ Воскресенскаго списка. I, стр. 71—72, 161—162 и др.

рядъ погодныхъ извѣстій и отдѣльныя статьи, внесенныя въ лѣтопись, находятся въ томъ же видѣ, какъ и въ Лаврентьевскомъ. Изъ отдѣльныхъ частей можно указать на повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря и на сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ. Послѣднее изложено совершенно одинаково въ обоихъ спискахъ; чего нѣтъ въ Лаврентьевскомъ, а есть въ другихъ: Ипатьевскомъ, Хлѣбниковскомъ и т. д., того нѣтъ и въ Никоновскомъ. Описаніе однихъ и тѣхъ же событій въ Никоновскомъ иногда подробнѣе, нежели въ Лаврентьевскомъ, что указываетъ отчасти на большее число источниковъ, отчасти же на позднѣйшую редакцію. Въ первомъ случаѣ Никоновскій списокъ можетъ служить дополненіемъ Лаврентьевскому. Такъ годы 6372, 6373, 6375 и другіе, не описанные въ Лаврентьевскомъ, описаны въ Никоновскомъ. Подъ 6375 г. отмѣчены слѣдующія событія: «возвратишася Аскoлдъ и Диръ от Царяграда в мале дружине, и бысть в Киеве плачь велиі. Того же лѣта бысть в Киеве гладъ велиі. Того же лѣта избиша множество Печенегъ Осколдъ и Диръ. Того же лѣта избежаша от Рюрика из Новагорода в Киевъ много Новгородцкихъ мужей» [1]). Подобныя замѣтки дѣлаются обыкновенно во время близкое къ событію: въ XVI вѣкѣ нельзя было записать по памяти, что въ 867-мъ году былъ голодъ въ Кіевѣ.

Замѣчательная особенность Никоновскаго списка въ сравненіи съ другими состоитъ въ большомъ числѣ пространныхъ выписокъ изъ Греческихъ хроникъ. Одна выписка подъ 1054 годомъ помѣщена на шести печатныхъ страницахъ, между тѣмъ какъ Русскія событія этого года занимаютъ не болѣе одной страницы.

Языкъ Никоновскаго списка новѣе языка списка Лаврентьевскаго. Въ этомъ легко убѣдиться изъ сравненія разсказа ихъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ Лаврентьевскомъ: «Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володи-

1) Русская лѣтопись по Никонову списку. I, 17.

меръ же възвратися въ Кыевъ съ побѣдою и съ славою великою.... Повелѣ исковати лжицѣ сребрены ясти дружинѣ, рекъ сице, яко сребромъ и златомъ не имамъ налѣзти дружины, а дружиною налѣзу сребро и злато, якоже дѣдъ мой и отець мой доискася дружиною злата и сребра. Бѣ бо Володимеръ любя дружину, и съ ними думая о строи земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ. И бѣ жива съ князи околними миромъ.... и бѣ миръ межю ими и любы. Живяше же Володимеръ въ страсѣ Божьи»[1]), и т. д. Въ Никоновскомъ: «Сотвори отрока того великимъ велможею, также и отца его великимъ величествомъ почте, и весь родъ его. И іде в Киевъ радуяся со славою и побѣдою.... Бѣ же Володимеръ милостивъ и щедръ и даровитъ, и сие слово присно глаголя, яко сребромъ и златомъ не имамъ добыти дружины, но дружиною добуду сребра и злата. И сице зело любляше Владимеръ дружину, и с ними думая о божественней державе Руской, и о всемъ земскомъ устроениі. Живяше же в мире и в любви и со окольными странами, и с короли.... і бѣ любя Володимеръ зело божественныхъ словесъ прочитание, и сихъ сладостию много наслаждашеся; и бѣ всегда в страсѣ божественнемъ, и в тихости, и во умилениі, и в слезахъ; и ко всѣмъ человѣкомъ кротость и тихость велия»[2]).

Никоновскій списокъ простирается до 1630 года. Онъ изданъ при Академіи Наукъ, въ 8 частяхъ, 1767—1792 г. Изданіе перваго тома и предисловіе къ нему принадлежатъ Шлецеру; сотрудникомъ Шлецера при изданіи былъ академическій переводчикъ Башиловъ.

На основаніи предложеннаго сличенія нѣсколькихъ списковъ можно сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Большею, сравнительно съ другими, древностью состава отличаются списки Лаврентьевской категоріи и Новгородскіе, а

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 53 и 54.

2) Руская лѣтопись по Никонову списку. I, стр. 107 и 109.

потому въ этихъ двухъ родахъ списковъ надобно искать текста древней лѣтописи.

2) Списки Лаврентьевской категоріи и Новгородскіе составлены независимо одни отъ другихъ: поэтому можно допустить одинаково древнее появленіе лѣтописной дѣятельности на югѣ и на сѣверѣ Россіи, въ Кіевѣ и въ Новгородѣ. Древнѣйшій списокъ Новгородскихъ лѣтописей начинается 1016 годомъ, слѣдовательно въ немъ недостаетъ 163 лѣтъ сравнительно съ Лаврентьевскимъ, начинающимъ счетъ лѣтъ съ 852 года. Притомъ въ Новгородскомъ сохранились только краткія замѣтки о событіяхъ древняго періода, а весьма часто выставлены одни годы вовсе безъ отмѣтокъ, между тѣмъ какъ въ Лаврентьевскомъ подробныя описанія расположены послѣдовательно, образуя одно цѣлое. Поэтому древняя лѣтопись во всей полнотѣ и какъ литературное произведеніе можетъ быть изучаема преимущественно по спискамъ Лаврентьевской категоріи, а не по Новгородскимъ.

3) Такъ какъ въ спискахъ древнѣйшихъ по составу и независимыхъ одинъ отъ другаго: Лаврентьевскомъ, Кенигсбергскомъ, Ипатьевскомъ и др., текстъ лѣтописи до начала XII вѣка одинъ и тотъ же, а въ послѣдствіи къ нему присоединяются добавленія и вставки, то его должно признать наиболѣе близкимъ къ первоначальной лѣтописи. Говорю: наиболѣе близкимъ, потому что со времени написанія древней лѣтописи до XIV вѣка, къ которому относятся древнѣйшіе списки, текстъ ея очевидно подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ отъ переписчиковъ и составителей сборниковъ. Кто знакомъ съ нашей древней словесностью, тотъ знаетъ, до какой степени списки ея произведеній принимаютъ отпечатокъ времени, образованности и даже мѣстнаго говора переписчиковъ.

4) Позднѣйшіе списки составлены подъ вліяніемъ двухъ главныхъ источниковъ: древнихъ отечественныхъ лѣтописей и Византійскихъ хроникъ. Изъ Русскихъ лѣтописей источниками служили преимущественно списки Лаврентьевской категоріи, и

къ нимъ уже прибавлялись свѣдѣнія, заимствованныя изъ лѣтописей Новгородскихъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что

5) Названіе «древней Русской лѣтописи» всего справедливѣе можно придать повѣствованію до начала XII вѣка, преимущественно по тексту списковъ Лаврентьевской категоріи. Признавая достоинство древней редакціи, мы вовсе не отвергаемъ важности списковъ позднѣйшихъ. Въ Никоновскомъ, Воскресенскомъ и другихъ находится много такихъ извѣстій, которыя пропущены въ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ и п., и признаются вполнѣ достовѣрными. Мы полагаемъ только, что списки Лаврентьевской категоріи превосходятъ другіе меньшею примѣсью посторонняго разсказа къ древнему, меньшимъ количествомъ вставокъ, а равно и древностью состава. Такимъ образомъ списки Лаврентьевской категоріи имѣютъ преимущество передъ другими не только по своей древности, но и по содержанію, по достоинству не только внѣшнему, но и внутреннему.

Для вѣрной оцѣнки внутренняго достоинства древней лѣтописи необходимо подробное обозрѣніе ея состава. Обращаемся теперь къ этому обозрѣнію, какъ къ главной задачѣ нашего труда.

II.

Начало и ходъ лѣтописанія въ Россіи.

Разсматривая составъ древней лѣтописи, замѣчаемъ, что большая часть и событій древнихъ и событій относительно позднѣйшихъ описана однимъ и тѣмъ же авторомъ. При описаніи двухъ съ половиною вѣковъ не замѣтно, при немногихъ исключеніяхъ, рѣзкаго различія ни въ духѣ разсказа, ни во взглядѣ лѣтописца, ни въ способѣ выраженія. Кромѣ того есть частныя указанія на то, что и свѣдѣнія о временахъ самыхъ

древнихъ внесены въ лѣтопись въ томъ видѣ, какой придалъ имъ лѣтописецъ XI—XII вѣка. Событія, напримѣръ, временъ Олега, въ томъ видѣ, какъ они находятся въ древнихъ спискахъ лѣтописи, не могли быть внесены въ нее ранѣе второй половины XI вѣка. Подъ 882 годомъ говорится: «се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже *до смерти Ярославлѣ* даяше Варягомъ» [1]). Ярославъ умеръ въ 1054 году, слѣдовательно извѣстіе лѣтописи во всемъ своемъ объемѣ никакъ не ранѣе 1054 года. Такого же рода извѣстія съ присоединеніемъ словъ: *до сего дне* и п., какъ слѣдующее: «и погребенъ бысть Игорь; есть могила его у Искоростѣня града въ Деревѣхъ и до сего дне» [2]), и многія другія.

Впрочемъ подобные факты ни сколько не даютъ права думать, чтобы всѣ извѣстія о древнемъ періодѣ впервые внесены въ лѣтопись уже въ XI вѣкѣ. Напротивъ: лѣтописецъ XI вѣка пользовался болѣе древними источниками, какъ устными, такъ и письменными; но немногое заимствовалъ изъ нихъ безо всякаго измѣненія.

Только во второй половинѣ XI вѣка начинается повѣствованіе очевидца или современника событій. Но съ появленіемъ лѣтописца современника, характеръ лѣтописи существенно не измѣняется. Единство, отличающее древнюю лѣтопись и дающее ей видъ стройнаго цѣлаго, заставляетъ признавать въ ней трудъ одного лица, писавшаго сперва по преданію старины, потомъ по живому свидѣтельству современности.

Составленіе древней лѣтописи приписывается, по общепринятому мнѣнію, преподобному Нестору, иноку Кіево-Печерскому. Несторъ не былъ первымъ Русскимъ лѣтописцемъ: до него уже въ разныхъ мѣстахъ Россіи люди грамотные вели краткія лѣ-

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 10.
2) Тамъ же. I, 23.

тописи, слѣды коихъ сохранились въ замѣткахъ, вошедшихъ въ составъ древней лѣтописи и относящихся къ событіямъ X—XI в. Были даже опыты лѣтописи подробной, излагающей событія въ нѣкоторой связи, какъ напримѣръ лѣтопись Іоакимовская [1]). Но она извѣстна въ небольшомъ отрывкѣ и притомъ остается памятникомъ, единственнымъ въ своемъ родѣ до самого Нестора. Поэтому трудъ Нестора необходимо признать древнѣйшимъ образцемъ лѣтописи полной, послѣдовательной, справедливо называемой «лѣтописью литературною» [2]).

Нельзя отвергать важнаго значенія лѣтописи, явившейся уже въ началѣ XII вѣка въ видѣ стройнаго, литературнаго цѣлаго; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не согласиться, что ея значеніе будетъ тѣмъ неоспоримѣе, чѣмъ болѣе докажется ея самостоятельность. Поэтому прежде всего необходимо указать, на сколько возможно, было ли самое начало лѣтописной дѣятельности у насъ явленіемъ самобытнымъ, вытекавшимъ изъ условій Русскаго быта, или же она есть слѣдствіе подражанія иностранному образцу, бывшему въ рукахъ Русскаго писателя XI вѣка.

Происхожденіе Русскихъ лѣтописей объясняемо было различно. Признавая въ немъ участіе Византійской хронографіи, ученые допускаютъ это участіе не въ одинаковой степени. По мнѣнію однихъ, вліяніе Византійское было полное и рѣшительное: составъ, внѣшнюю форму и внутренній характеръ лѣтописи наши получили отъ хроникъ Византійскихъ. По мнѣнію другихъ, вліяніе Византіи было умѣреннѣе: имъ объясняются многія частности, но въ цѣломъ лѣтопись остается оригинальнымъ произведеніемъ Русской словесности.

Шлецеръ въ своемъ изслѣдованіи о Русскихъ лѣтописяхъ

1) Содержаніе Іоакимовской лѣтописи съ выписками изъ нея предложено *Татищевымъ* въ его «Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ», и пр., 1768, книга I, часть I, глава 4, стр. 29—51. — «Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской» *П. Лавровскаго* издано отдѣльно и помѣщено во второй книгѣ Ученыхъ Записокъ Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.

2) Ср. Временникъ Московск. историч. общества, 1850, книга 5, статья *Бѣляева:* О разныхъ видахъ Русскихъ лѣтописей, стр. 4, 21 и слѣд.

задаетъ себѣ вопросъ: какъ Нестору пришла мысль написать временникъ? — и рѣшаетъ его тѣмъ, что Несторъ былъ знакомъ съ Византійскою литературою. «Четыре Византійскихъ историка, говоритъ онъ, Кедринъ, Скилицій, Ксифилинъ и Зонара, жили въ Несторово столѣтіе. Нѣтъ сомнѣнія, чтобы онъ не зналъ ихъ, или нѣкоторыхъ изъ нихъ. Весь временникъ его сдѣланъ на покрой Византійскій; цѣлыя мѣста изъ послѣднихъ, переведенныя слово въ слово, внесъ онъ въ свое твореніе; также очевидно подражалъ и въ хронологическомъ расположеніи.... Такимъ образомъ этотъ Руссъ вздумалъ быть историкомъ своего народа» [1]).

Со времени критики Шлецера мнѣніе его о началѣ Русскихъ лѣтописей было раздѣляемо многими. Крайняго предѣла своего оно достигло въ признаніи, что «первый лѣтописецъ нашъ былъ никто иной, какъ переводчикъ одного изъ Византійскихъ хронографовъ. Кончивъ переводъ, трудолюбивый монахъ помѣстилъ въ приличныхъ мѣстахъ собственныя свои свѣдѣнія о внутреннемъ положеніи Россіи, прибавилъ къ нимъ нѣкоторыя народныя и монастырскія преданія, обозначилъ главнѣйшія происшествія, случившіяся въ его монастырѣ» [2]).

Другіе ученые хотя и признаютъ, что временникъ Русскій составленъ по примѣру хроникъ Византійскихъ, однако полагаютъ, что «мысль къ дѣеписанію могла родиться въ Несторѣ отъ бесѣдъ съ собратіями своими о происшествіяхъ Россійскихъ; ибо преподобный Ѳеодосій, поучая иноковъ Печерскихъ избѣгать лѣности и долгаго сна, а упражняться въ пѣніи церковномъ и въ чтеніи книгъ, именно требовалъ, чтобъ они занимались притомъ и *преданіями отеческими*» [3]).

Какъ бы ни было сильно вліяніе Византіи, оно не исключало и самостоятельной дѣятельности, одновременной съ нимъ или даже предварившей его. Сближаясь во многомъ съ хрони-

---

1) Несторъ, *Шлецера*, I, стр. з̃ı и ӣı.
2) Сборникъ князя Оболенскаго. 1840, № 11, стр. 46—47.
3) Оборона лѣтописи Русской, *Буткова*, стр. 172—173.

ками Византійскими, лѣтописи наши во многомъ и несходны съ ними. Самая форма нашихъ лѣтописей, хотя и не чуждая Византійской хронографіи, въ болѣе близкомъ отношеніи находится къ формѣ западно-европейскихъ анналъ. Еще Шлецеръ замѣтилъ, что «Русскіе временники, *подобно Англо-Саксонскимъ*, имѣютъ странный обычай означать и тотъ годъ, въ которомъ ничего не сдѣлалось» [1]). Эта мнимая странность весьма удовлетворительно объясняется внесеніемъ годовъ въ лѣтопись изъ пасхальныхъ таблицъ. Полагаютъ, что «всѣ Русскія лѣтописи самымъ названіемъ «лѣтописей», «лѣтописцевъ», «временниковъ», «повѣстей временныхъ лѣтъ» и т. п., изобличаютъ свою первоначальную форму: ни одно изъ этихъ названій не было бы имъ прилично, если бы въ нихъ не было обозначаемо время каждаго событія, если бы лѣта, годы не занимали въ нихъ такого же важнаго мѣста, какъ и самыя событія. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, наши лѣтописи сходны не столько съ писателями Византійскими, сколько съ тѣми временниками (annales), которые ведены были издавна, съ VIII вѣка, въ монастыряхъ Романской и Германской Европы—независимо отъ историческихъ образцевъ классической древности. Первоначальной основой этихъ анналовъ были пасхальныя таблицы», и т. д. [2]).

Разнообразіе во взглядѣ ученыхъ показываетъ, что вопросъ о началѣ Русскихъ лѣтописей еще не рѣшенъ окончательно. Средства къ болѣе или менѣе полному рѣшенію его заключаются въ данныхъ, извлекаемыхъ главнѣйшимъ образомъ изъ самой же лѣтописи. Составъ ея обнаруживаетъ, что она не была дополненіемъ къ хронографу Византійскому. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и Славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является Русская земля съ жителями ея и событіями, въ ней

1) Несторъ, *Шлецера*, I, стр. 259.
2) Извѣстія 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ, т. II: Изслѣдованія о лѣтописяхъ Новгородскихъ, стр. 70—71.

происходившими. Число извѣстій, касающихся Греціи и большею частью краткихъ, не значительно въ сравненіи съ извѣстіями Русскими, изложенными съ большими подробностями. Трудно признать дополненіемъ къ хронографу лѣтопись по древнимъ спискамъ, когда не считаютъ имъ и лѣтопись въ спискахъ позднѣйшихъ, въ которыхъ несравненно болѣе заимствованій изъ Греческихъ источниковъ. Если лѣтопись позднѣйшая, составленная по древней Русской, заключаетъ въ себѣ много выписокъ изъ Греческихъ хронографовъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ мысли, что и древняя лѣтопись, явившись самостоятельно, *впослѣдствіи* обогатилась замѣтками о событіяхъ Греческихъ. Составитель ея могъ имѣть подъ рукою хронографы и пользоваться ими для цѣли, лично ему принадлежащей. Выписки изъ хронографовъ въ спискахъ позднихъ признаются дополненіемъ къ тексту Русской лѣтописи, а не наоборотъ. Тѣмъ справедливѣе принять это и въ отношеніи къ древнимъ спискамъ, что въ нихъ извѣстія Греческія гораздо явственнѣе обнаруживаются *добавленіями*, внесенными въ лѣтопись съ цѣлію пояснить основный разсказъ о событіяхъ Русской земли. Вставки изъ Византійскихъ лѣтописей въ спискѣ Никоновскомъ не сливаются съ самымъ текстомъ; онѣ легко могутъ быть исключены, и характеръ повѣствованія о Русскихъ происшествіяхъ черезъ то не измѣнится. Въ спискахъ же Лаврентьевской категоріи отбросить мѣста изъ лѣтописей Византійскихъ, значитъ лишить разсказъ полноты, скрыть взглядъ лѣтописца, замѣчаемый въ намѣренномъ сопоставленіи событій отечественныхъ съ чужеземными.

Участіе Византійскихъ образцовъ въ появленіи Русской лѣтописи можетъ быть до нѣкоторой степени опредѣлено формою, въ которой впервые она явилась. Во всѣхъ извѣстныхъ спискахъ лѣтопись имѣетъ форму погоднаго разсказа: происшествія описываются изъ года въ годъ, и впереди всегда выставленъ годъ, а за нимъ уже слѣдуетъ описаніе, какого бы объема оно ни было. Такая форма встрѣчается и въ лѣтописяхъ Византійскихъ, какъ напримѣръ въ хроникѣ Ѳеофана, писателя начала IX вѣка.

Въ ней счетъ годовъ идетъ отъ сотворенія міра и отъ Рождества Христова, и къ нимъ присоединяются годы царствованія государей Римскаго и Персидскаго, и управленія епископовъ: Римскаго, Константинопольскаго, Іерусалимскаго, Александрійскаго и Антіохійскаго. Событія въ хроникѣ Θеофана излагаются въ подобной формѣ:

Κόσμου ἔτη 5817	Τῆς θείας σαχρώσεως ἔτη . . . 317	Ῥωμαίων βασιλέως Κωνσταντῖνος ἔτη 32	Περσῶν βασιλέως Σαβώρης ἔτη 70	Ῥώμης ἐπισκόπου Σίλβεστρος ἔτη 28	Κωνσταντινουπόλεως ἐπισκόπου Αλέξανδρος ἔτη 23	Ιεροσολύμων ἐπισκόπου Μακάριος ἔτη 20	Ἀλεξανδρείας ἐπισκόπου Εὐστάθιος ἔτη 18	Ἀντιοχείας ἐπισκόπου Ἀλέξανδρος ἔτη 23
		21	23	25	6	11	11	19

Τούτῳ τῷ ἔτει Ἰουδαῖοί τε καὶ Πέρσαι τὸν χριστιανισμὸν ὁρῶντες ἀκμάζοντα κατὰ τὴν Περσίδα διαβάλλουσι Σαβώρῃ Περσῶν βασιλεῖ Συμεῶνα ἀρχιεπίσκοπον Κτησιφῶντος καὶ τὸν Σελευκείας, ὡς φίλους τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων καὶ μηνυστὰς τῶν Περσικῶν πραγμάτων.... Τῷ δ'αὐτῷ ἔτει Ἑλένην τὴν μακαρίαν μετὰ χρημάτων ἀπέστειλεν εἰς τὰ Ἱεροσόλυμα ὁ θεῖος Κωνσταντῖνος πρὸς τὸ ἀναζητῆσαι τὸν ζωοποιὸν τοῦ Κυρίου σταυρόν.... Τῷ δ'αὐτῷ ἔτει, и т. д.

Κόσμου ἔτη 5818	Τῆς θείας σαρκώσεως ἔτη 318	Ρ. β. Κωνσταντῖνος	Π. β. Σαβώρης	Ρ. ε. Σίλβεστρος	Κ. ε. Ἀλέξανδρος	Ι. ε. Μακάριος	Αλ. ε. Ἀλέξανδρος	Αντ. ε. Εὐστάθιος
		22	24	26	7	12	20	12

Τούτῳ τῷ ἔτει Κωνσταντῖνος ὁ μέγας κατὰ Γερμανῶν καὶ Σαρματῶν καὶ Γότθων στρατεύσας νίκην ἤρατο κραταιὰν διὰ τῆς τοῦ τιμίου σταυροῦ δυνάμεως, καὶ τούτους ἐρημώσας εἰς ἐσχάτην αὐτοὺς κατήγαγε δουλείαν. Τῷ δ'αὐτῷ ἔτει, и т. д.

Нѣкоторые годы выставлены безъ описанія событій. Такъ въ самомъ началѣ хроники:

Κόσμου ἔτη 5777—5778—5779	Τῆς ϑ. σαρκ. 277—278—279	Ρ. β. Διοκλητιανοῦ ἔτος	Π. β. Οὐαράχου ἔτος	Ρ. ε. Γαΐου ἔτος	Ι. ε. Ὑμεναίου ἔτος	Αλ. ε. Θεωνᾶ ἔτος	Αντ. ε. Τυράννου ἔτος
		1	15	7	13	11	2
		2	16	8	14	12	3
		3	17	9	15	13	4
			Π. β. Οὐαράνου ἔτος				
		4	1	10	16	14	5

Τούτῳ τῷ ἔτει Διοκλητιανὸς Μαξιμιανὸν τὸν Ἑρκούλιον κοινωνὸν ἀνεδείξατο τῆς αὐτοῦ βασιλείας τῷ τετάρτῳ αὐτοῦ χρόνῳ [1]).

Если написать года отъ сотворенія міра въ сплошную строку, то представится нѣкоторое сходство съ нашею лѣтописью, а именно: κόσμου ἔτη 5777. ἔτη 5778. ἔτη 5779. ἔτη 5780. Τούτῳ τῷ ἔτει Διοκλητιανὸς, и т. д.

Такую форму повѣствованія дѣйствительно находимъ у Ге-

1) Theophanis Chronographia. Parisiis, 1655, стр. 19—22 и 4.—Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae, 1839. Theophanes. I, стр. 36—40 и 7—8.

оргія Синкелла, служившаго образцомъ Ѳеофану. У Синкелла въ началѣ многихъ извѣстій отмѣчается: κόσμου ἔτη и т. д.; но года безъ событій не выставлены. Кедринъ, описывая времена Римской имперіи, говоритъ, что въ первый годъ царствованія такого-то императора случилось то-то, во второй—то-то, и т. д.; онъ означаетъ въ началѣ извѣстій и года отъ сотворенія міра, но не такъ послѣдовательно, какъ Синкеллъ. Обычай Кедрина выставлять при годахъ индикты: τῷ δὲ 6540 ἔτει, ἰνδικτιῶνος 15; τῷ δὲ 6547 ἔτει, ἰνδικτιῶνος 7, и т. п., не чуждъ и Русской лѣтописи: «въ лѣто 6360, индикта 15»; «въ лѣто 6601 индикта 1 лѣто». У другихъ лѣтописцевъ Византійскихъ наблюдается порядокъ времени, а не порядокъ собственно годовъ, т. е. событія излагаются преимущественно въ хронологической послѣдовательности, а не во внутренней связи между собою. Годы не выставляются въ началѣ разсказа ни у Іоанна Зонары, ни у Георгія Амартола, которымъ, безспорно, пользовался авторъ древней лѣтописи. Да если бы и предположить, что Византійскій образецъ имѣлъ форму погоднаго разсказа, то для чего въ Русской лѣтописи помѣщены годы безъ описанія? Казалось бы, всего проще было выставлять только тѣ годы, при которыхъ есть замѣтки. Такимъ образомъ поступали составители сборниковъ позднѣйшихъ: они пропускали вовсе годы, не отмѣченные событіями. Въ Лаврентьевскомъ: «въ лѣто 6519. Преставися цариця Володимеряя Анна. Въ лѣто 6520. Въ лѣто 6521. Въ лѣто 6522. Ярославу же сущю Новѣгородѣ» и т. д. Въ Воскресенскомъ: «в лѣто 6519. Преставися Анна царица. В лѣто 6522. Ярославоу соущу въ Новѣ городѣ» и пр.

Большое количество пустыхъ годовъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи придаетъ ей видъ, напоминающій не столько хроники Византійскія, сколько средневѣковые анналы западной Европы. Такъ лѣтописи Вейнгартенскія имѣютъ сзѣдующую форму:

792. Karolus rex fossatum jussit facere.

793. 794. 795. 796. 797. 798.

799. Kerolt occiditur.
800. 801.
802. Egino Veronensis episcopus obiit.
803. 804. 805.
806. Haito Waldoni successit.
807. 808. 809.
810. Leo papa obiit.
811. Haito episcopus super mare transivit [1]).

Такая же форма господствуетъ и въ большей части древнихъ лѣтописей, веденныхъ на югѣ и на сѣверѣ христіанской Европы. Неописанные года наводятъ на мысль о таблицахъ, послужившихъ основаніемъ для внѣшняго порядка лѣтописей. Обычай приписывать замѣтки къ заранѣе выставленнымъ годамъ до того укоренился, что давалъ поводъ къ довольно оригинальнымъ недоразумѣніямъ: одни и тѣ же извѣстія, части одного и того же предложенія размѣщались иногда подъ нѣсколькими годами. Въ спискѣ XIV в. хроники Козьмы Пражскаго одинъ періодъ, заключающій въ себѣ извѣстіе о событіи одного года, разбитъ на шесть частей, приписанныхъ къ шести годамъ. Козьма Пражскій говоритъ, что у Болеслава родился сынъ того же имени, но вовсе не похожій на отца, и противоположность между ними выражаетъ посредствомъ нѣсколькихъ сравненій, а именно: Do rubo uva, de spinis rosa, de tribulis ficus gignitur generosa: videlicet de fratricida prodit christicola, de lupo agnus, de tyranno modestus — de impio Boleslao pius nascitur secundus Boleslaus. Въ спискѣ же Пражскомъ эти слова расположены такимъ образомъ:

Anno dominicae incarnationis 952. de rubo uva, de spinis rosa.
Anno dominicae incarnationis 953. de tribulis ficus gignitur generosa.

---

1) Monumenta Germaniae historica, ed. *Pertz*, I, 65.

Anno dominicae incarnationis 954. videlicet de fratricida prodit christicola.

Anno dominicae incarnationis 955. de lupo agnus.

Anno dominicae incarnationis 956. de tyranno modestus.

Anno dominicae incarnationis 957. de impio Boleslao pius nascitur secundus Boleslaus [1]).

Если случалась даже подобная разстановка замѣтокъ по годамъ, то не удивительно, что одно и то же событіе означено въ нѣкоторыхъ спискахъ подъ различными годами. Весьма много примѣровъ тому, что происшествія отмѣчаются нѣсколькими годами раньше или позже въ однихъ спискахъ сравнительно съ другими.

Въ анналахъ Вейнгартенскихъ подъ 867 годомъ: terrae motus. Papa Nicolaus obiit et nimia superfluitas imbrium. Въ анналахъ Фульдскихъ подъ 868 г. говорится еще о дѣйствіяхъ папы Николая, а потомъ о чрезмѣрномъ разлитіи рѣкъ по причинѣ проливныхъ дождей, о коихъ въ другихъ анналахъ упоминается подъ предъидущимъ годомъ, и мн. др.

Подобное же различіе въ показаніи годовъ замѣчается и между списками нашихъ лѣтописей.

Смерть Ольги, сестры Всеволода, означена въ одномъ спискѣ подъ 1183 г., въ другомъ подъ 1181 г., въ обоихъ — 4 іюля.

Въ Лаврентьевскомъ: Въ лѣто 6691. Преставися благовѣрная княгыни Олга, нареченная чернечьскы Еуфросинья, мѣсяца іулія въ 4 день; и положена бысть въ святѣй Богородици въ Володимери.

Въ Ипатьевскомъ: Въ лѣто 6689. Преставися благовѣрная княгини Ольга, сестра Всеволожа великого, нареченая чернечьскы Офросѣнья, мѣсяца іюля въ 4 день; и положена въ святѣй Богородици Золотоверхой, и т. п.

Внѣшній видъ лѣтописей западныхъ объясняется, какъ мы сказали, посредствомъ пасхальныхъ таблицъ съ замѣтками о

---

1) Scriptores rerum Bohemicarum. I, стр. 45.

происшествіяхъ. При поразительномъ сходствѣ какого-либо явленія въ письменности нашей и западно-Европейской естественно предполагать для него одну и ту же причину. Нельзя отказать въ вѣроятности мнѣнію, что замѣтки на таблицахъ, составляющія анналы, дѣлаемы были и на Руси. Чтобы опредѣлить степень достовѣрности этого мнѣнія и его фактическую основу, обратимъ вниманіе на связь пасхальныхъ таблицъ съ дѣятельностью лѣтописною.

Празднованіе Пасхи положительно опредѣлено въ IV вѣкѣ на 1-мъ Никейскомъ соборѣ, и многіе христіанскіе писатели, преимущественно Александрійцы, занимались пасхальными вычисленіями. Древнѣйшіе опыты этого рода принадлежатъ Ѳеофилу, бывшему епископомъ въ Александріи съ 385 по 412 годъ, и Кириллу, архіепископу Александрійскому († 444 г.). Трудъ послѣдняго послужилъ образцомъ для Діонисія. Монахъ Діонисій († 556 г.), прозвищемъ Малый (Exiguus), пріобрѣлъ большую извѣстность своимъ «Cyclus paschalis», составленнымъ по примѣру Александрійцевъ, какъ свидѣтельствуетъ самъ авторъ. «Quia vero — говоритъ онъ — S. Cyrillus primum Cyclum (95 annorum) ab anno Diocletiani 153 coepit et ultimum in 247 terminavit, nos a 348 anno ejusdem tyranni potius quam principis inchoantes, noluimus circulis nostris memoriam impii et persecutoris innectere, sed magis elegimus ab incarnatione Domini nostri Jesu Christi annorum tempora praenotare»[1]) etc. Въ послѣдствіи пасхаліей много занимался Беда, прозванный Venerabilis († 735 г.). Таблицы Діонисія и Беды распространились по монастырямъ и церквамъ западной Европы. На краяхъ пасхальныхъ таблицъ и дѣлались первоначальныя замѣтки о происшествіяхъ, развившіяся съ теченіемъ времени въ стройное лѣтописное повѣствованіе.

При постоянныхъ сношеніяхъ Византіи съ древнею Россіею

---

1) Geschichte der Römischen Literatur, von *Baehr*, Supplement-Band. 2 Abtheilung. Carlsruhe, 1837, стр. 418, прим. 4.

не замедлили появиться и у насъ вычисленія пасхальныя, занимавшія Греческихъ писателей. Уже въ XII столѣтіи Кирикъ, извѣстный своими вопросами Нифонту, написалъ «Ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ». Здѣсь изложены: «хитрость числомъ недѣльнымъ», «ученіе о індиктѣ», «о високостныхъ лѣтехъ», «о велицемъ крузѣ», и т. п. [1]). Составленіе пасхальныхъ таблицъ было у насъ въ большомъ обычаѣ, какъ можно судить по числу, въ которомъ сохранились онѣ, будучи разсѣяны по разнымъ рукописямъ. Сверхъ того пасхальныя разысканія составляли предметъ особенныхъ обширныхъ сочиненій. Къ числу ихъ принадлежитъ «Полная наука пасхаліи», рукопись XVII в., на 672 листахъ, хранящаяся въ Императорской Публичной библіотекѣ [2]). Въ этой рукописи между статьями, составляющими науку пасхаліи, находится «великій миротворный кругъ», съ показаніемъ индикта, круга солнца и луны и т. п., съ перваго года отъ сотворенія міра по 2472 по Р. Х. Годы слѣдуютъ одинъ за другимъ въ такомъ порядкѣ:

Отъ Адама лѣта	Индиктъ	Кругъ солнца	Вруцѣлѣто	Кругъ луны	Справа	Златое число	Основаніе	Епакта	Ключъ гран.
6601	1	21	5	8	Ч	11	1	20	Ш
6602	2	22	6	9	И	12	12	9	С
6603	3	23	7	10	Г	13	23	28	Г

Означеніе индиктъ при нѣкоторыхъ годахъ лѣтописи показываетъ знакомство ея автора съ пасхальными таблицами. Два случая подъ 6360 и 6601 г. уже указаны нами. Третій находимъ въ самомъ концѣ разсказа, вопреки обычаю лѣтописцевъ выставлять годы въ началѣ: «се же бысть исходящю

1) Труды общества исторіи и древностей Россійскихъ. Часть IV, книга I, 1828, стр. 122—129.

2) По печатному каталогу рукописей Толстова :отд. I, № 199; по рукописному Публичной библіотеки: отд. I, № 320

лѣту 6604, индикта 4, наполы». Четвертый и всего полнѣе указывающій на таблицы есть слѣдующій: «въ лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. Въ се же лѣто преставися Володимеряя», и пр. Въ участіи пасхальныхъ таблицъ въ дѣлѣ лѣтописномъ удостовѣряетъ и слѣдующее мѣсто Псковской лѣтописи подъ 6497 г.: «бысть же крещена Руская земля въ 9-е лѣто княженія Володимерова. Купно же отъ Адама до крещенія Рускаго лѣтъ 6496, индикта 1, ключь границы Р, кругъ солнца числа 28, вѣруцѣлѣто 7, а лунѣ кругъ 17, а Жидомъ пасха апрѣля 5 въ пятокъ, а христіяномъ пасха апрѣля 8» [1]); и другія мѣста въ лѣтописяхъ.

Но наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ связи пасхальныхъ таблицъ съ лѣтописью могли бы служить безспорно самыя таблицы съ замѣтками о случившемся. Въ этомъ отношеніи весьма любопытное свидѣтельство представляетъ харатейная рукопись Синодальной библіотеки, въ листъ, № 325 — по прежнему каталогу. Она писана въ XIV вѣкѣ и заключаетъ въ себѣ собраніе разныхъ службъ. Въ срединѣ ея помѣщено нѣсколько пасхальныхъ таблицъ, из которыхъ въ одной приписаны къ ключевымъ буквамъ замѣтки. Таблица [2]) обнимаетъ 532 года великаго индиктіоннаго круга; за исключеніемъ годовъ Рождества и страданія Христова, всѣ замѣтки относятся къ 13-му индиктіону (877—1408 г.); самая ранняя изъ нихъ при 1015 г., самая поздняя при 1340 годѣ. Считаю нужнымъ передать вполнѣ эти въ высшей степени любопытныя замѣтки, присоединивъ къ нимъ соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей.

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. IV, 175.

2) Снимокъ съ этой таблицы помѣщенъ въ концѣ сочиненія. См. *Приложеніе къ стр. 40.*

тр. 41).

ві	д		ке	гі	
и	ѧ		в	ѿ	
ѯі	ҳ		ҳ	о	
ф	ѕ	ю ѧ	н	д	
е	ш		ж	т	в̑

лѣту 6604, индикта 4, наполы». Четвертый и всего полнѣе указывающій на таблицы есть слѣдующій: «въ лѣто 6615, индикта, кругъ луны 4 лѣто, а солнечнаго круга 8 лѣто. Въ се же лѣто преставися Володимеряя», и пр. Въ участіи пасхальныхъ таблицъ въ дѣлѣ лѣтописномъ удостовѣряетъ и слѣдующее мѣсто Псковской лѣтописи подъ 6497 г.: «бысть же крещена Руская земля въ 9-е лѣто княженія Володимерова. Купно же отъ Адама до крещенія Рускаго лѣтъ 6496, индикта 1, ключь границы Р, кругъ солнца числа 28, вруцѣлѣто 7, а лунѣ кругъ 17, а Жидомъ пасха апрѣля 5 въ пятокъ, а христіяномъ пасха апрѣля 8» [1]); и другія мѣста въ лѣтописяхъ.

Но наиболѣе убѣдительнымъ доказательствомъ связи пасхальныхъ таблицъ съ лѣтописью могли бы служить безспорно самыя таблицы съ замѣтками о случившемся. Въ этомъ отношеніи весьма любопытное свидѣтельство представляетъ харатейная рукопись Синодальной библіотеки, въ листъ, № 325 — по прежнему каталогу. Она писана въ XIV вѣкѣ и заключаетъ въ себѣ собраніе разныхъ службъ. Въ срединѣ ея помѣщено нѣсколько пасхальныхъ таблицъ, изъ которыхъ въ одной приписаны къ ключевымъ буквамъ замѣтки. Таблица [2]) обнимаетъ 532 года великаго индиктіоннаго круга; за исключеніемъ годовъ Рождества и страданія Христова, всѣ замѣтки относятся къ 13-му индиктіону (877—1408 г.); самая ранняя изъ нихъ при 1015 г., самая поздняя при 1340 годѣ. Считаю нужнымъ передать вполнѣ эти въ высшей степени любопытныя замѣтки, присоединивъ къ нимъ соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей.

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. IV, 175.

2) Снимокъ съ этой таблицы помѣщенъ въ концѣ сочиненія. См. *Приложеніе къ стр. 40.*

р. 41).

	ВI	Д		КЄ	ГI
	и	л		в	ѿ
	ꙁı	х		х	о
	ф	ѕ	Ю ѧ	н	д
	є	ш		ж	т

В̑

Порядка:	Въ клѣткѣ:	Подъ годомъ:	Замѣтки:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
5-го	27-й	1015	*Борисъ.*	Подъ 1015 г. въ Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ «о убьеньи Борисовѣ».
13-го	3-й	1215	*Юрьева рать.*	Подъ 1216 г. въ Новгородской первой лѣтописи подробно говорится о войнѣ Новгородцевъ съ великимъ княземъ Юріемъ (III, 34—35).
—	18-й	1230	*Дороговь.*	Подъ 1230 г. въ Новгородск. 1-й: «купляхомъ по гривнѣ хлѣбъ и по болшю, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серебра», и пр. (III, 45—47).
—	25-й	1237	*Татарьско.*	Подъ 1237 г. въ Лавр.: «того же лѣта, на зиму, придоша на Рязаньскую землю лѣсомъ безбожніи Татари» и т. д. (I, 196). Въ Новг. подъ 1238.
14-го	12-й	1252	*Незрюево.*	Подъ 1252 г. въ Воскресенскомъ спискѣ: «прииде Неврюи и Котья и Олобуха Храбрыи на землю Суздальскую со многими вои» (Воскресенск. II, 230).
—	23-й	1263	*Олеѯндръ кн҃з прес.*	Подъ 1263 г. въ Лавр.: «преставися великый князь Александръ, сынъ Ярославль» (I, 204).
—	24-й	1264	*Андрѣи Суздалс.*	Подъ 1263 г. въ Воскресенскомъ: «преставися князь Андрѣи Ярославичь Суждальски» (Воскр. II, 238).
—	27-й	1267	*Дмитр Нѣмц взѧ.*	Подъ 1268 г. въ Новгородскихъ: «пособи Богъ князю Дмитрію и Новгородцемъ: бывшу великому снятью, гониша Нѣмець

Порядка:	Въ клѣткѣ:	Подъ годомъ:	Замѣтки:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
				біюще до Раковора, въ три пути, 7 верстъ, яко и коневи негдѣ ступити трупомъ Нѣмецкимъ» (III, 60 и IV, 41).
15-го	3-й	1271	*Андр оженисѧ.*	Подъ 1270 г. въ Новг.: иде князь Ярославъ въ Володимирь, и оттолѣ иде въ орду, а въ Новѣгородѣ остави Андрея Воротиславича» (III, 62). Быть можетъ, замѣчена женитьба этого Андрея.
—	4-й	1272	*Ꙗросл Михаило ро.*	Подъ 1272 г. въ Воскр. «преставися великии князь Ярославъ Ярославичъ. По преставлениижъ его родися сынъ Михаилъ» (Воскр. II, 251).
—	7-й	1275	*Серен з.*	Подъ 1275 г. въ лѣтописяхъ нѣтъ этой замѣтки о погодѣ. Слово «серенъ» употребляется въ лѣтописяхъ: «бяшеть серенъ (= мгла, туманъ) великъ, якоже вои не можахуть зрѣима переити днемъ до вечера» (II, 129).
—	8-й	1276	*Василіі Костро умр.*	Подъ 1276 г. въ Новг.: «преставися великій князь Василій Ярославичь, и положенъ бысть у святаго Ѳеодора на Костромѣ (III, 63).
—	10-й	1278	*Тетѧкъ.*	Подъ 1278 г. въ Воскресенскомъ: «князь великии Дмитрии Александровичь взя Тетяковъ .... Подъ городомъ подъ Тетяковымъ, минувше вси горы вы-

Порядка:	Въ клѣткѣ:	Подъ годомъ:	Замѣтки:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
				сокіа, Яськие и Черкаские, близъ воротъ Желѣзныхъ» (Воскр. II, 255 и 291). Желѣзныя ворота — Дербентъ; Дедяковъ или Тетяковъ — нынѣ Дивенъ или Дедухъ. См. Карамзина Ист., т. IV, прим. 157.
15-го	14-й	1282	*Семенъ.*	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг. и Воскр. упоминаются два лица этого имени: «князь Андрей Александровичь съ Семеномъ Толигнѣевичемъ цареви би челомъ на брата своего на Дмитрея, и въздыну (въздвигнулъ) рать Татарскую, и взяша Переяславль на щитъ.... Тогда же князь Андреи Александровичь поиде изъ Новагорода, поимя съ собою Новогородцевъ Семена Михаиловича и иныхъ мужь старѣйшихъ.... Пріиде Семенъ Михаиловичь въ Торжекъ, и сѣде въ Торъжку засадою, а обиліе попровади все въ Новъгородъ» (III, 64.—V, 199 — 200. — Воскрес. II, 259 — 260. О первомъ замѣчено въ Воскрес. подъ 1283: «тогда *убиша на Костромѣ Семена Тонглиевича* кормолника лстиваго бояре княже Дмитриевы» (II, 260).
—	21-й	1289	*Кашиньскара*	Подъ тѣмъ же годомъ въ Софійской первой: «князь Дмитрей

Порядка:	Въ клѣткѣ:	Подъ годомъ:	Замѣтки:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
16-го	23-й	1319	*дорого моръ.*	Подъ 1318 г. въ Никоновскомъ спискѣ: «тое же зимы бысть *моръ* во Твери на люди» (Никон. III, 115). — Въ Псковской 1-й подъ 1314 г.: «изби мразъ всяко жито, и бысть *дороговость* люта; бяше же та драгость много время» (IV, 184). Не къ этой ли продолжительной дороговизнѣ относится замѣтка?
—	25-й	1321	*с̄лнце погибло.*	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг.: «внезапу померче солнце, и тма бысть яко въ зимнюю ночь, и пакы наполнися помалу» (III, 72).
—	27-й	1323	*Дмитрии сѣлъ.*	Подъ 1322 г. въ Новг.: «ходи князь Дмитріи Михаиловичь въ орду, и подъя великое княженіе» (III, 72).
17-го	2-й	1326	*Дмитріи оубитъ.*	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг.: «уби царь въ ордѣ князя Дмитрія Михаиловича» (III, 73).
—	3-й	1327	*Шевкалъ оубитъ.*	Подъ тѣмъ же годомъ въ Псковской: «великій князь Тферскій Александръ Михаиловичь изби Тотары на Тфери, великихъ пословъ, Шевкала князя бесерменскаго и дружину его» (IV, 185).
—	8-й	1332	*вл̄ка Василиі сталъ.*	Подъ 1331 г. въ Новг.: «пріиде архіепископъ Новогородскіи Василіи владыка въ Новъгородъ изъ Волынскои земли» (III, 76).

Порядка:	Въ клѣткѣ:	Подъ годомъ:	Замѣтки:	Соотвѣтствующія мѣста изъ лѣтописей:
17-го	11-й	1335	*кн҃зь Иванъ весновалъ.*	Подъ тѣмъ же годомъ въ Софійской: «пріѣха въ Новъгородъ великій князь Иванъ Даниловичь» (V, 220, б).
—	14-й	1338	*в лѣт ҂ѕм҃ѕ.*	=въ лѣто 6046, вмѣсто 6846=1338.
—	15-й	1339	*в лт м҃з.*	= въ лѣто 47, вмѣсто 6847=1339.
—	16-й	1340	*кн҃зь Іванъ ум҃р. Пожар велі.*	Подъ тѣмъ же годомъ въ Новг.: «преставися князь великіи Иванъ Даниловичь, на Москвѣ. Того же лѣта.... бяше великъ и лютъ пожаръ, съ бурею и съ вихремъ, яко мнѣти уже кончина» (III, 79).

Предложенное сличеніе показываетъ согласіе табличныхъ замѣтокъ съ свидѣтельствомъ лѣтописей. Если какое-либо событіе отмѣчено на таблицѣ годомъ раньше или годомъ позже, нежели въ лѣтописи, то совершенно то же находимъ и въ показаніяхъ различныхъ лѣтописей. Весьма часто день событія указанъ одинаково въ нѣсколькихъ спискахъ, а годъ въ одномъ спискѣ обозначенъ предъидущій, въ другомъ — послѣдующій. Краткость и отрывочность не чужды и нѣкоторымъ лѣтописямъ, преимущественно сѣвернымъ. Стоитъ только, по образцу самихъ же таблицъ, отмѣтившихъ годы 6846 и 6847, замѣнить пасхальные знаки годами, присоединить къ нѣкоторымъ изъ нихъ табличныя замѣтки, и передъ нами явится лѣтопись въ такой же формѣ, какую имѣетъ она во многихъ спискахъ.

Возьмемъ для примѣра 16-й порядокъ таблицы, заключающій въ себѣ годы съ 1297 по 1324. Выразивъ пасхальныя

буквы цыфрами, соотвѣтствующими 13-му индиктіону, получимъ слѣдующій рядъ извѣстій:

Въ лѣто 6805. Въ лѣто 6806. Дмитрии родися. Въ лѣто 6807. Въ лѣто 6808. Въ лѣто 6809. 6810. Борисъ преставися князь.

Въ лѣто 6811. Талая зима.

Въ лѣто 6812. Андреи князь преставися.

Въ лѣто 6813. 6814. 6815. 6816. 6817. 6818. 6819.

Въ лѣто 6820. Тохта умре.

Въ лѣто 6821. Избякъ сѣде.

Въ лѣто 6822.

Въ лѣто 6823. Торжекъ взятъ. 6824. На Ловоти стояли. 6825. Кавадѣево. Въ лѣто 6826. Михаило убитъ.

Въ лѣто 6827. Дорого моръ.

Въ лѣто 6828. 6829. Солнце погибло.

Въ лѣто 6830. 6831. Дмитрій сѣлъ.

Совершенно такого же рода многія извѣстія лѣтописныя, какъ напримѣръ:

Въ лѣто 6525. Ярославъ иде къ Берестію; и заложена бысть Святая Софія Кыевѣ.

Въ лѣто 6526. Въ лѣто 6527.

Въ лѣто 6528. Родися Володимиръ сынъ у Ярослава.

Въ лѣто 6529. Побѣди Ярославъ Брячислава.

Въ лѣто 6530. Въ лѣто 6531. Въ лѣто 6532. Въ лѣто 6533. Въ лѣто 6534. Въ лѣто 6535. Въ лѣто 6536. Знаменіе зміево на небеси явися [1]).

Подобныя замѣтки явились въ лѣтописи, безъ всякаго сомнѣнія, по личному желанію лѣтописцевъ, независимо отъ Византійскаго вліянія. Эти-то краткія замѣтки были первыми зародышами бытописанія. Самое удобное мѣсто для ихъ появленія представляли пасхальныя таблицы съ готовыми годами: нужно

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. III, 1.

было написать одно только слово, и память о событіи сохранена. Впрочемъ мы не утверждаемъ, чтобы всѣ древнія извѣстія обозначаемы были впервые непремѣнно на пасхальныхъ таблицахъ, и не иначе, какъ черезъ нихъ, перешли въ лѣтопись. Мы полагаемъ только, что многія извѣстія въ лѣтописяхъ весьма сходны по свойству и по формѣ съ пасхальными замѣтками; что послѣднія по всѣмъ соображеніямъ древнѣе первыхъ, и служили для нихъ пособіемъ, и что лѣтописныя извѣстія сходныя съ табличными замѣтками принадлежатъ къ древнѣйшимъ и самостоятельнымъ.

Такимъ образомъ и общій характеръ древней лѣтописи, открывающійся даже при простомъ чтеніи, и внѣшній ея видъ заставляютъ признать ее произведеніемъ самостоятельнымъ по мысли и отчасти по исполненію. Но это признаніе можетъ получить должную силу только по разсмотрѣніи состава лѣтописи въ подробностяхъ, не по одному общему впечатлѣнію, производимому ею на читателя.

Полнаго объема своего лѣтопись достигла съ теченіемъ времени: въ этомъ едва ли кто станетъ сомнѣваться. Признавая постепенность въ образованіи лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, считаемъ нужнымъ указать, на сколько возможно, путь, по которому шла лѣтопись въ своемъ послѣдовательномъ развитіи.

Внимательное чтеніе лѣтописи удостовѣряетъ въ томъ, что въ ней находятся единство внутреннее и единство внѣшнее. Первое заключается въ духѣ, проникающемъ повѣствованіе независимо отъ личныхъ усилій автора. Второе состоитъ въ соблюденіи порядка, принятаго самимъ лѣтописцемъ, какъ и всѣми вообще лѣтописцами, и сохраняемаго постоянно и настойчиво. Я говорю о порядкѣ лѣтъ, годовъ, имѣющемъ такое важное значеніе въ лѣтописяхъ. Всѣ повѣствованія, какого бы объема

они ни были, примыкаютъ къ году, выставленному въ началѣ ихъ и объясняющему отчасти самое ихъ появленіе. Одною изъ причинъ, почему событіе занесено въ лѣтопись остается непремѣнно годъ, въ которомъ оно случилось. Напротивъ того годы внесены совершенно независимо отъ событій. Доказательствомъ этому служатъ сто семь лѣтъ, означенныхъ, но не описанныхъ въ древней лѣтописи. Отсюда слѣдуетъ прямое заключеніе и объ остальныхъ годахъ: значитъ и они выставлены были прежде, нежели понадобились для опредѣленія времени какого-либо событія. Рядъ пустыхъ годовъ былъ вполнѣ у мѣста только на пасхальныхъ таблицахъ, гдѣ каждый изъ нихъ имѣлъ смыслъ по отношенію къ кругу церковныхъ праздниковъ. Такимъ образомъ рядъ лѣтъ является древнѣйшею и существенною особенностью лѣтописи, опредѣлившею навсегда ея форму.

Первыми начатками лѣтописанія по данной формѣ должны быть признаны, безъ сомнѣнія, тѣ извѣстія, которыя отличаются отъ другихъ, во первыхъ, сообщеніемъ событій наиболѣе древнихъ, во вторыхъ — краткостью. Обычай подробно описывать достойное замѣчанія образовался позднѣе: если изъ двухъ извѣстій одно заключается въ нѣсколькихъ словахъ, другое обставлено подробностями, то съ большою вѣроятностью можно допустить, что первое ближе къ своему начальному виду, нежели второе. Къ числу лѣтописныхъ замѣтокъ, представляющихся древнѣйшими, какъ по формѣ, такъ и по точности, которая возможна только для времени самаго близкаго къ событію, принадлежатъ слѣдующія:

Въ лѣто 6416. Въ лѣто 6417. Въ лѣто 6418. Въ лѣто 6419. Явися звѣзда велика на западѣ копѣйнымъ образомъ.

Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ.

Въ лѣто 6512. Въ лѣто 6513. Въ лѣто 6514. Въ лѣто 6515. Принесени святіи (т. е. иконы) въ святую Богородицю

Въ лѣто 6516. Въ лѣто 6517. Въ лѣто 6518. Въ лѣто 6519. Преставися цариця Володимеряя Анна.

Въ лѣто 6528. Родися у Ярослава сынъ, и нарече имя ему Володимеръ.

Въ лѣто 6541. Мьстиславичь Еустафій умре.

Въ лѣто 6546. Ярославъ иде на Ятвягы.

Въ лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву; и т. п.

Само собою разумѣется, что древность этихъ замѣтокъ относительная; онѣ древнѣе всѣхъ другихъ извѣстій, относящихся къ тѣмъ же годамъ; но во времени появленія ихъ разница огромная: они являлись до Нестора такъ же, какъ и при немъ и послѣ него. Замѣтка 6481 года гораздо древнѣе находящейся подъ 6541 г.; но между ними то общее, что они одинаково современны отмѣченному каждой изъ нихъ событію, о которомъ сообщаютъ самое раннее извѣстіе.

Первоначальныя краткія замѣтки мало по малу увеличивались въ своемъ объемѣ[1]). Число событій, отмѣчаемыхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ, постепенно возрастало; многія изъ нихъ описывались пространно; сверхъ того дѣлаемы были извлеченія изъ различныхъ сочиненій, явившихся независимо отъ лѣтописи. Образцы троякаго рода дополненій представляетъ текстъ древнѣйшихъ списковъ. Уже въ самыхъ краткихъ замѣткахъ упоминалось иногда не объ одномъ только происшествіи. Такъ подъ 6525 годомъ замѣчено: «Ярославъ иде въ Кыевъ, и погорѣша церкви». Обыкновеннымъ же признакомъ накопленія извѣстій служитъ повтореніе выраженій: «въ семъ же лѣтѣ», «въ си же времена», и т. п., какъ напримѣръ:

Въ лѣто 6489. Иде Володимеръ къ Ляхомъ, и зая грады ихъ: Перемышль, Червенъ и ины грады, иже суть и до сего

---

1) Соображенія о первыхъ листкахъ нашей лѣтописи предложены въ статьѣ *И. И. Срезневскаго*: «Памятники X вѣка до Владимира Святаго». Извѣстія 2-го Отдѣленія Академіи. Томъ III, стр. 56 — 57.

дне подъ Русью. *Въ семъ же лѣтѣ* и Вятичи побѣди и възложи на нь дань отъ плуга, якоже и отець его имаше.

Въ лѣто 6579. Воеваша Половци у Ростовьця и у Неятина. *Въ се же лѣто* выгна Всеславъ Святополка изъ Полотьска. *Въ се же лѣто* побѣди Ярополкъ Всеслава у Голотичьска. *Въ си времена* приде волхвъ, и т. д.

Тоже самое замѣчаемъ и въ лѣтописяхъ Новгородскихъ: «Въ лѣто 6620. Въ лѣто 6621. Ходи Ярославъ на Ятвягы, сынъ Святопълчь; и пришьдъ съ воины, поя дъчерь Мьстиславлю. *Томъ же* лѣтѣ преставися Святопълкъ, а Володимиръ сѣде на столѣ Кыевѣ. *Въ се лѣто* преставися Давыдъ Игоревиць. *Семъ же лѣтѣ* побѣди Мьстиславъ, на Бору, Чюдь. *Въ то же лѣто* заложена бысть церкы Новѣгородѣ, святаго Николы. *Въ то же лѣто* погорѣ онъ полъ и т. п. (III, 4).

Подобнаго рода дополненія такъ живо указываютъ на современную имъ Русскую дѣйствительность, что устраняютъ всякую мысль о подражаніи иностранному образцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ есть въ древнихъ спискахъ и такія дополненія и даже краткія извѣстія, которыя обнаруживаютъ весьма раннее вліяніе Византіи на развитіе нашей лѣтописи, возникшей самостоятельно. Сюда относятся извѣстія, подобныя слѣдующимъ:

Въ лѣто 6375. Въ лѣто 6376. Поча царствовати Василій (т. е. Василій Македонянинъ).

Въ лѣто 6394. Въ лѣто 6395. Леонъ царствова сынъ Васильевъ, иже Левъ прозвася, и братъ его Олександръ, иже царствоваста лѣтъ 20 и 6, и др.

Самый перечень лѣтъ въ началѣ погоднаго разсказа составленъ при участіи Византійской хроники. За словами: «отселѣ почнемъ и числа положимъ» слѣдуетъ перечень: «отъ Адама до потопа лѣтъ 2242; а отъ потопа до Аврама лѣтъ 1000 и 82; а отъ Аврама до исхоженья Моисѣева лѣтъ 430; а отъ исхоженья Моисѣева до Давыда лѣтъ 600 и 1......... А отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго

лѣта Святославля лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8, а Володимеръ лѣтъ 37», и т. д. — до смерти Святополка. (I, 7—8). Вторая половина перечня составлена, безспорно, Русскимъ лѣтописцемъ, но этого нельзя сказать о первой, находящейся и въ хроникахъ Византійскихъ въ подобной формѣ: «Суть убо отъ Адама до потопа лѣть 2042.... Отъ Авраама до исхода Израилева лѣтъ 509, от-потопа лѣть 1579; вькупѣ от-Адама до Давыда лѣть 4470. Давыдь роди Соломона, дрьжавъ царство за 40 лѣть; Соломонъ роди Ровоама, царствовавь лѣтъ 40; Ровоамь царствова лѣть 17, Авіа лѣта 3» и т. д.[1]).

Считать года отъ сотворенія міра Русскому лѣтописцу не было никакого повода. Въ Византіи же этотъ счеть явился вслѣдствіе историческихъ причинъ. Въ первые вѣка христіанства были еще въ Греціи пламенные защитники язычества, силившіеся доказать превосходство его надъ новою религіею. Главное основаніе мнѣніямъ своимъ поставляли они въ новизнѣ христіанства сравнительно съ языческими вѣрованіями. Чтобы противодѣйствовать неправымъ притязаніямъ приверженцевъ старины, христіанскіе писатели обратились къ хронологическимъ изслѣдованіямъ, и посредствомъ ихъ доказывали глубокую древность Ветхаго Завѣта, состоящаго въ непосредственной связи съ Новымъ. Доводы противниковъ теряли всю свою силу, когда доказано было, что Моисей жилъ многими вѣками ранѣе Троянской войны, имѣвшей такое важное значеніе въ преданіяхъ языческихъ. Таціанъ, Евсевій, Климентъ Александрійскій и другіе писатели занимались хронологическими разысканіями[2]). Трудами ихъ воспользовались позднѣйшіе хронисты.

Заимствованія изъ Византійскихъ источниковъ не многимъ увеличивали объемъ древней лѣтописи. Несравненно болѣе спо-

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. Приложеніе. стр. 246—248.

2) Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Chronicon Paschale. II. Bonnae. 1832. Praefatio. p. 21—22.—Geschichte der Römischen Litteratur, von Bähr. Supplement-Band. I. Abtheilung. 92 и слѣд.

собствовали ея возрастанію собственные труды Русскихъ лѣтописцевъ, то распространявшихъ прежнія краткія извѣстія о какомъ-либо предметѣ, то придававшихъ къ нимъ извѣстія о другихъ предметахъ. Три слѣдующія извѣстія, стоящія рядомъ, какъ бы опредѣляютъ до нѣкоторой степени способъ распространенія первоначальныхъ краткихъ замѣтокъ:

Въ лѣто 6548. Ярославъ иде на Литву.

Въ лѣто 6549. Иде Ярославъ на Мазовъшаны въ лодьяхъ.

Въ лѣто 6550. Иде Володимеръ, сынъ Ярославль, на Ямь, и побѣди я; и помроша кони у вой Володимерь; яко и еще дышющимъ конемъ съдираху хъзы съ нихъ: толикъ бо бѣ моръ въ конихъ. (I, 66).

Что древнія извѣстія со временемъ растространялись, на это много доказательствъ представляетъ сравненіе однихъ списковъ съ другими. Въ Лаврентьевскомъ подъ 6411 годомъ: «Игореви възрастъшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его; и приведоша ему жену отъ Плескова именемъ Ольгу» (I, 12). Въ Переяславскомъ лѣтописцѣ: «Игореви възрастьшю и хождаше по Ользѣ и всю волю его творѧ. Приведоша емоу женоу ѿ Плескова именемъ Олгу, остроумную и корень и основаніе вѣрѣ Христианстеи, и намъ вождь»[1]). Много примѣровъ распространенія гораздо большаго находится въ Никоновскомъ и вообще въ позднѣйшихъ спискахъ

Присоединеніе же подробныхъ описаній къ начальнымъ замѣткамъ открывается и въ древнѣйшемъ текстѣ. Подъ 6500 годомъ: «Иде на Хорваты. Пришедшю бо ему съ войны Хорватьскыя, и се Печенѣзи придоша по оной сторонѣ отъ Сулы» и т. д. Здѣсь подробно описывается борьба Русскаго силача съ Печенѣжскимъ, такъ, что все, сказанное подъ 6500 годомъ, состоитъ изъ краткой замѣтки о походѣ на Хорватовъ и подроб-

---

1) Временникъ Московск. Историч. Общества. 1851. книга 9. Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго. стр. 8.

наго разсказа о единоборствѣ. Такого же рода извѣстіе подъ 6530 годомъ: «Приде Ярославъ къ Берестію. Въ сиже времена Мстиславу сущю Тмутороканю поиде на Касогы. Слышавъ же се князь Касожьскый Редедя, изиде противу тому» и т. д. Слѣдуетъ описаніе единоборства Мстислава съ Редедею. — Въ подобныхъ извѣстіяхъ рѣзко отдѣляется первая часть, состоящая изъ краткой замѣтки, отъ второй, описывающей событіе съ подробностями. Очевидна неодновременность ихъ появленія, а вмѣстѣ и большая древность первой части въ сравненіи со второю.

Сверхъ указанныхъ нами способовъ составъ лѣтописи дѣлался все сложнѣе и сложнѣе посредствомъ заимствованій изъ сочиненій, излагавшихъ тѣже предметы, о которыхъ упоминалось подъ ея годами. Еще ранѣе XII вѣка были у насъ описанія жизни Святыхъ, поученія пастырей, памятники законодательства, и т. п. Всѣ эти произведенія въ большей или меньшей степени послужили къ обогащенію лѣтописи, къ приданію ей внѣшней полноты и внутренняго значенія.

Мѣста, заимствуемыя изъ различныхъ источниковъ, находились въ прямой связи съ лѣтописнымъ разсказомъ. Такъ къ замѣткѣ 6559 года: «постави Ярославъ *Ларіона* митрополитомъ Русина» присоединена повѣсть о Печерскомъ монастырѣ, ведущемъ свое начало отъ *Иларіона*. Въ двухъ спискахъ древней лѣтописи, непосредственно за извѣстіемъ о возвращеніи оправданнаго епископа Луки Жидяты на свою паству, помѣщено поученіе его — замѣчательный памятникъ Русской словесности XI вѣка, и т. п.[1]).

Разнородныя дополненія къ основному тексту при его внутреннемъ развитіи сообщили лѣтописи тотъ характеръ, въ которомъ является она въ древнѣйшихъ спискахъ. Разнообразіе, за-

1) Русскія Достопамятности. Часть I, стр. 3 и слѣд. — Эти списки — Бекетовскій и Котельницкій; имъ пользовался Тимковскій при изданіи Несторовой лѣтописи; оба списка сгорѣли въ Москвѣ въ 1812 году.

мѣчаемое въ ихъ составѣ, усвоило за ними названіе не лѣтописей собственно, а лѣтописныхъ сборниковъ. Такъ какъ эти сборники до сихъ поръ остаются самымъ древнимъ памятникомъ нашего бытописанія, то они достойны изученія во всей полнотѣ, со всѣми особенностями своего состава. Не имѣя права по своему произволу сокращать памятникъ, переданный намъ древностью, мы должны разсматривать его въ томъ видѣ, въ какомъ сохранился онъ въ важнѣйшихъ рукописяхъ.

III.

Заимствованія въ древней лѣтописи.

Расширеніе лѣтописи внутреннее и внѣшнее совершалось совокупно: одинъ и тотъ же писатель могъ и подробно излагать событія, о которыхъ были только краткія замѣтки, и вносить въ свою лѣтопись сказанія древнія, чтимыя уже его предками. Поэтому оригинальная и заимствованная части лѣтописи могутъ быть и разсматриваемы въ совокупности. Но мы находимъ болѣе удобнымъ предварительно обозрѣть главнѣйшія заимствованія и потомъ перейти къ оригинальному разсказу лѣтописи. Это обозрѣнье тѣмъ умѣстнѣе, что оно можетъ познакомить съ характеромъ образованія нашихъ лѣтописцевъ, съ кругомъ ихъ начитанности и умѣньемъ пользоваться ея плодами. Изъ источниковъ, послужившихъ къ составленію лѣтописи, главнѣйшими могутъ быть названы слѣдующіе: 1) Книги Св. Писанія, 2) Палея, 3) Исповѣданіе вѣры, сходное съ находящимся у Михаила Синкелла, 4) Жизнеописанія Св. Кирилла и Меѳодія, 5) Житіе Владимира Св., 6) Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, 7) Поученія Ѳеодосія, 8) Разсказъ Василія, 9) Хроника Георгія Амартола, 10) Сочиненіе Меѳодія Патарскаго, 11) Договоры Русскихъ князей съ Греками.

1. Книги Св. Писанія.

1) Книги Св. Писанія составляли постоянное и наиболѣе цѣнимое чтеніе предковъ нашихъ. «Иже бо книгы часто чтеть,— говоритъ лѣтописецъ — то бесѣдуеть съ Богомъ или святыми мужи; почитая пророческыя бесѣды, и еуангельская ученья и апостолская, житья святыхъ отець, въспріемлеть душа велику пользу». (I, 66). Мысль и чувство, возвышающіяся надъ обыкновенными, облекались лѣтописцами въ слово божественныхъ писателей, въ образы библейскіе. Большею частью тексты являются сами собою, вызываемые предметомъ повѣствованія. Уклоненіе отъ праваго пути тревожитъ набожное чувство, и оно выражается словами воспитавшаго его Св. Писанія. «Володимеръ же посла къ Блуду, — разсказываетъ лѣтописецъ — воеводѣ Ярополчю, съ лестью глаголя: «попріяй ми; аще убью брата своего, имѣти тя хочю во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене; не язъ бо почалъ братью бити, но онъ; азъ же того убоявъся придохъ на нь». И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: «азъ буду тобѣ въ сердце и въ пріязньство». О злая лесть человѣчьска! *Якоже Давыдъ глаголеть: ядый хлѣбъ мой възвеличилъ есть на мя лесть*». (I, стр. 32—33).

Тѣмъ живѣе должно было выражаться чувство вѣры, что оно было для тогдашняго Русскаго общества чувствомъ новымъ, ибо, хотя давно совершилось крещеніе Россіи, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держалось еще язычество со всѣми своими обычаями. Передавая то, что происходило въ его время, лѣтописецъ не могъ умолчать о бытѣ язычниковъ, жившихъ въ предѣлахъ Россіи. Но говорить о немъ нельзя было равнодушно христіанину, проникнутому сознаніемъ превосходства свѣта надъ тьмою, еще не вполнѣ разсѣянною. Упоминаніе о языческихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ пробуждало мысль о противоположныхъ и неизмѣримо высшихъ понятіяхъ и дѣйствіяхъ, открываемыхъ божественнымъ ученіемъ Христа. Подъ вліяніемъ такой мысли яви-

лись заключительныя слова въ слѣдующемъ описаніи: «Яко же се и при насъ нынѣ Половци законъ держать отець своихъ: кровь проливати, а хвалящеся о сихъ, ядуще мерьтвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы; поимають мачехи своя, ятрови, и ины обычая отець своихъ творять. *Мы же христіяне, елико земль, иже вѣрують въ святую Троицю, въ едино крещенье, въ едину вѣру, законъ имамы единъ, елико во Христа крестихомся, во Христа облекохомся»* (стр. 7). Здѣсь весьма естественно приведеніе текста писателемъ-христіаниномъ. Оно напоминаетъ благодарное воззваніе къ Христу у одного изъ западно-Европейскихъ средневѣковыхъ писателей, передававшаго обычаи еще памятнаго ему язычества. Исчисляя мѣсяцы, Беда говоритъ: «Halegmonath mensis sacrorum. Blotmonath mensis immolationum, quod in eo pecora, quae occisuri erant, diis suis voverent. Gratia Tibi, bone Jesu, qui nos ab his vanis avertens tibi sacrificia laudis afferre donasti[1]).

Въ нашей лѣтописи приводятся мѣста изъ писаній Ветхаго и Новаго Завѣта: изъ книгъ Моисеевыхъ, псалмовъ Давыда, притчей Соломона, книги Іова, пророковъ: Осіи, Амоса, Даніила, евангелія Іоанна, евангелія Луки, посланій апостола Павла. Особенно часто приводятся слова Соломона, то въ видѣ изреченій, вставленныхъ въ самый разсказъ, то въ пространной выпискѣ изъ книгъ Притчей, какъ напримѣръ разсужденіе о злыхъ и добрыхъ женахъ (стр. 34—35). — Такое же изобиліе мѣстъ изъ Св. Писанія замѣчаемъ и у другихъ лѣтописцевъ Европейскихъ, отъ Георгія Амартола до Григорія Турскаго. Иногда вся рѣчь ихъ состоитъ изъ длиннаго ряда текстовъ.

2. Палея.

Слово *палея* — *παλαιά*, женскій родъ прилагательнаго *παλαιός*, обыкновенно соединяется со словомъ *διαθήκη*: *ἡ παλαιά*

---

1) См. Geschichte der deutschen Sprache, von Jacob *Grimm*. 1853. стр. 57.

διαθήκη — Ветхій Завѣтъ, какъ ἡ καινή διαθήκη — Новый Завѣтъ. Иногда же оно употребляется безъ своего существительнаго, но съ тѣмъ же значеніемъ *Ветхаго Завѣта*. Такое употребленіе извѣстно какъ въ Греческихъ рукописяхъ, такъ и въ Славянскихъ, въ которыхъ παλαιά или переводилось словомъ *ветхій* безъ существительнаго, или же оставалось безъ перевода: *палеа*, *палѣя*, и п. — такъ же въ смыслѣ Ветхаго Завѣта. Въ примѣръ перваго можно привести слѣдующее мѣсто изъ сочиненій Аѳанасія Александрійскаго († 373) въ подлинникѣ и въ древнемъ переводѣ:

Τίς πρῶτος προετύπωσεν ἐν τῇ παλαιᾷ τοὺς δύο λαοὺς, λέγω δὲ τὸν ἐξ Ἰουδαίων καὶ ἐξ ἐθνῶν [1]).	Кто прьвѣе прообрази *въ ветхом* двоѧ люди, глю же: иже ѿ Іоудеи и ѿ ѧзыкъ [2]).

Примѣръ втораго употребленія встрѣчается въ Славянскомъ переводѣ хроники Георгія Амартола. Въ 15-й главѣ отдѣла «о христіанскихъ царяхъ», названной «Богословіемъ о Св. Троицѣ», собраны свидѣтельства о Св. Троицѣ, находящіяся въ Ветхомъ Завѣтѣ: «вѣдати, ꙗко въ *Ветъсѣмь Завѣтѣ* чтѣи ѥдиносоущеи Трци чтительско повченьѥ расѣꙗно бы». Свидѣтельства приводятся такого рода: «сътворим чл҃ка по образоу нашемоу и по подобию (Быт. I, 26); рече Гь Гв и моѥмоу: сѧди одесноую мене (Псал. СІХ, 1) и т. п., а въ заключеніи сказано: «и инѣми многыми *Палеꙗ* проповѣдаѥть, ꙗко не ѥдино лице знаменоуѥть влчьствиꙗ, нъ тремъ ѥстьствомъ ѥдиного же соущьства» [3]).

Подъ именемъ *Палеи*, какъ особеннаго сочиненія, извѣстно въ Славянскихъ рукописяхъ изложеніе ветхозавѣтной исторіи съ добавленіями изъ книгъ апокрифическихъ и съ толкованіями. Это изложеніе имѣетъ характеръ полемики противъ Іудеевъ и отчасти противъ Магометанъ. Изъ Ветхаго Завѣта вошли въ

1) S. Athanasii opera omnia. Parisiis, 1698. Томъ 2-й, стр. 282. Вопросъ 63 и др.

2) Торжественникъ, рукопись Румянцевскаго музеума. № 435, л. 564 об.

3) Хронографъ Амартола, рукопись XIII — XIV в., Московской духовной академіи, л. 221 об. — 223.

Палею, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, книги: Моисея, Іисуса Навина, Судей, Руѳь и Царствъ. За повѣствованіемъ о Давыдѣ помѣщено собраніе его пророчествъ. Въ такомъ видѣ Палея находится въ харатейномъ спискѣ начала XV вѣка (6914 г., какъ сказано въ послѣсловіи), принадлежащемъ Троицко-Сергіевой Лаврѣ. Этимъ спискомъ преимущественно руководствуемся мы при сличеніи Палеи съ лѣтописью.

Связь между ними не подлежитъ сомнѣнію: большая часть лѣтописныхъ извѣстій подъ 6494 годомъ — о предложеніи вѣръ Владимиру — находится и въ Палеѣ. Отзывъ Греческаго миссіонера о вѣрѣ Болгаръ, приведенный въ лѣтописи, объясняется полемическими выходками Палеи противъ Магометанства. Въ лѣтописи читаемъ: «Посемъ же прислаша Грьци къ Володимеру философа, глаголюще сице: слышахомъ, яко приходили суть Болгаре, учаще тя пріяти вѣру свою, ихъ же вѣра оскверняетъ небо и землю, иже суть прокляти паче всѣхъ человѣкъ, уподоблешеся Содому и Гомору, на не же пусти Господь каменье горюще, и потопи я, и погрязоша. Яко и сихъ ожидаеть день погибели ихъ, егда придетъ Богъ судитъ земли и погубить вся творящая безаконья и скверны дѣющія; си бо омывають оходы своя, въ ротъ вливають и по брадѣ мажются, поминають Бохмита; тако же и жены ихъ творять ту же скверну и ино пуще, отъ совкупленья мужьска и женьска вкушають» (стр. 36 — 37). Въ Палеѣ подобныя обвиненія Магометанъ встрѣчаются при описаніи различныхъ событій, упомянутыхъ въ Библіи, сопровождаемомъ многими отступленіями и толкованіями. Такъ при описаніи 5-го дня творенія и свойствъ замѣчательныхъ породъ птицъ и рыбъ, объ одной изъ послѣднихъ замѣчено: «рыба, зовемая мюрома (моурома) не чс҃та ѥсть дѣйствомъ и зѣло скверна; ѥгда оубо настанет нерестъ (нерость) ѥꙗ, тогда оубо ищеть ѣдовитоѣ змиѣ на смѣшениѥ; прилоучиже в то времѧ змии в дн҃ь ѥꙗ ради-потребы, оузрѣвше же ю мюрона и так смѣшаетьс.... съ ꙗдовитымъ гадом. Тѣмже и не чс҃тъ е҃ бессумѣрньскыи (бесоурменьски) законъ, понеж, ѥресию Бохмита своѥго обѧти суще,

оставлꙗють ȣбо подружьꙗ своꙗ и сами сѧ содомъскы смѣшають; тогож рад ч͠тѧть свои оходъ паче лица и ср͠ца» (л. 21 об.—22). За повѣствованіемъ о Хамѣ, видѣвшемъ обнаженнаго Ноя слѣдуютъ слова: «Хамо же племѧ раздѣлис в вс͠ь поганьскыи ꙗзыкъ, и приꙗша вѣру Бохмичю, ꙗже оскверьни землю,... иже в Жидовьскаго хлапа вѣроваша; но си вс҃ѧ послѣди скажю». (л. 57 — 57 об.). И дѣйствительно потомъ говорится «о вѣрѣ Бохмичѣ» — при описаніи гибели Содома и Гоморры, въ которомъ находится слѣдующая укоризна вѣрующимъ въ Бохмита: «Постыдите же сѧ оубо вы и постраммитесѧ, вѣры Бохмичѣ оканьнии Агарѧне. Разумѣите же оубо, что ради погубленъ б͠ы Содомъ и Гоморъ: злаго ради нрава, иже вы ныне держите.... вы хлапи нарекостесѧ, вѣровавше в Жидовьскаго хлапа Бохмита». (л. 69).

Нельзя не замѣтить связи между приведенными мѣстами: авторъ обѣщаетъ сказать «послѣди», и выполняетъ свое обѣщаніе. Взаимное отношеніе укоровъ магометанству показываетъ, что они—не случайныя выписки изъ какого либо памятника, напримѣръ изъ лѣтописи, а части обдуманнаго цѣлаго, явившіяся вслѣдствіе главной мысли, положенной въ основаніе труду. Замѣтимъ такъ же, что въ лѣтописи сравненіе поклонниковъ Бохмита съ жителями Содома и Гоморры не имѣетъ надлежащаго смысла, который открывается только посредствомъ сличенія съ Палеею. Еще одно обстоятельство, заслуживающее вниманія: въ лѣтописи, какъ и въ Палеѣ, невыгодные отзывы о слугахъ Бохмита принадлежатъ Христіанину, имѣющему цѣлью показать превосходство своей вѣры надъ магометанскою.

Сами же Болгары, по свидѣтельству лѣтописи, говорили Владимиру такъ: «вѣруемъ Богу, а Бохмитъ ны учить, глаголя: обрѣзати уды тайныя, и свинины не ясти, вина не пити, а по смерти съ женами похоть творити блудную. Дасть Бохмитъ комуждо по семидеся́тъ женъ красныхъ, изберетъ едину красну, и всѣхъ красоту възложить на едину, да будеть ему жена; сдѣ же, рече, достоить блудъ творити всякъ. На семъ свѣтѣ аще

буде кто убогъ, то и тамо; и ина многа лесть, ея же не лзѣ псати срама ради». (стр. 36). Хотя этихъ словъ въ Палеѣ нѣтъ, но по связи ихъ съ приведенными выше, считаемъ умѣстнымъ здѣсь же указать на ихъ источникъ. Они заимствованы изъ Византійскихъ жизнеописаній Могамеда, древнѣйшій образецъ которыхъ принадлежитъ Ѳеофану († 817). Эти біографіи извѣстны и въ Славянскихъ переводахъ. Въ хроникѣ Амартола говорится о происхожденіи, судьбѣ и ученіи Магомеда, который училъ, что въ раю «пльтьскаа пища и питиꙗ и смѣшениѥ женскоѥ боудеть.... И аще кто ѥсть здѣ богать или нищь, такожде и вь гредоущіимь вѣцѣ... Наоучихь обрѣзатисе.... заповѣда же имь все ѥже закономь повелѣноѥ ꙗсти, развѣ свинныхь месь; вина же всако не пити.... И женамь ихъ быти с ними (въ раю) и сьпретати имь власы (*друг. списк.*: и требити власы имъ), и всачьскыи оугаждати тѣмь сластолюбивымь тѣлесемь» 1). Въ Никоновскомъ спискѣ помѣщено «сказание о хулней вѣре Срацынстей», въ которомъ говорится, что лжепророкъ *Моамедъ* положилъ «обрѣзоватися; не суботствовати; свиных же мясъ не ясти; вино, еже пити, отнюдь отрече». Въ будущей жизни, по его ученію, женамъ Срацынъ «быти с ними безстрастно, и пометати имъ храмы, и всячески угажати, рече. Іюдѣомъ же и Християномъ в дровъ мѣсто огнемъ подложенномъ быти. Самаряномъ же, рече, смѣтие износити і мотылу ихъ из рая. Кождо же, якоже и здѣ жилъ есть, или в богатстве или в нищетѣ, тѣм же образомъ и онамо жити» 2). У Мусульманъ есть преданіе, что тотъ, кому суждена наименьшая степень райскаго блаженства, будетъ обладать 80,000 слугъ и 72 женами, сверхъ тѣхъ, которые принадлежали ему на землѣ 3).

За указаніемъ ложности ученія Магометанъ, Папистовъ, Іу-

---

1) Хроника Амартола, рукопись Синодальной библіотеки. № 148. л. 311 об. — 318.

2) Русская лѣтопись по Никонову списку. I. 96—103.

3) Les livres sacrés de l'Orient. Paris. 1842. Observations historiques et critiques sur le mahométisme. стр. 502.

деевъ помѣщена въ лѣтописи проповѣдь Греческаго миссіонера, въ которой съ особенной подробностью излагается ветхозавѣтная исторія. Въ этомъ изложеніи основа удержана библейская, но внесено много такого, о чемъ не упоминается въ Св. Писаніи. Когда убитъ былъ Авель, говоритъ лѣтопись, то Адамъ и Ева, впервые увидѣвшіе смерть, не знали, что̀ дѣлать съ мертвымъ тѣломъ сына, пока не прилетѣли двѣ птицы, изъ которыхъ одна умерла, а другая вырыла яму и положила въ нее умершую; увидѣвъ это, Адамъ и Ева выкопали яму и погребли Авеля. Арапъ, братъ Авраама, погибъ въ пламени, бросившись за идолами: это былъ первый сынъ, умершій прежде отца, и съ тѣхъ поръ начали умирать сыновья прежде отцовъ, и т. п. Несходство лѣтописныхъ извѣстій съ Библіею объясняется посредствомъ Палеи: въ ней встрѣчается большая часть добавленій лѣтописи сравнительно съ Библіею. Многое въ лѣтописной передачѣ проповѣди миссіонера находится какъ въ Палеѣ, такъ и въ Библіи. Сличая соотвѣтствующія мѣста, замѣчаемъ, что лѣтописецъ, пользуясь Палеею, имѣлъ постоянно въ виду книги Ветхаго Завѣта. Это ясно изъ того, что иныя подробности имѣютъ болѣе сходства съ повѣствованіемъ библейскимъ, другія — съ Палеею, какъ напримѣръ:

Бытія III, 1—7 (по рукописи XIV в. Троицко-Сергіевой лавры л. 3).	*Палея* (л. 36 об.—37 об.).	*Лѣтопись*, I, 38.
Змиꙗ же бѣ мудрѣиши всѣхъ звѣрии, сущихъ по земьли, ꙗже створи Гь҃ Бъ҃, и реч змиꙗ к женѣ: что ꙗко вама рече Бъ҃: не имата ꙗсти ѿ всего древа, сущаго в раі. И реч жена къ змии: ѿ всего древа, сущаго в раи, ꙗдивѣ, а ѿ плода же	Зьмиꙗ же бѣ м҃дриіши всѣхъ звѣрии, сущи (соущихъ) по всеи земьли... Дьꙗволъ, ѿпадыи славы Би҃ꙗ и свѣтлости, огрѣшивъ помысла своѥго и зазрѣвъ своѥꙗ пагубы, и не стерпѣвъ видѣти Бм҃ь почьщена чл҃вка, и преложисѧ на льсть...	Видѣвъ же дьяволъ, яко почти Богъ человѣка, възавидѣвъ ему, преобразися въ змію, и приде къ Евзѣ и рече ей: почто не яста отъ древа, сущаго посредѣ рая? И рече жена къ змiѣ: рече Богъ: не имата ясти, оли да умрета смертью. И рече

древу, еже есть посреди раꙗ, реч Б҃ъ, не мозита ꙗсти от него, ни имата прикоснутисѧ емь, да не оумрета. И реч змиꙗ к женѣ: не см҃ртью оумерета, вѣдѣаше бо Б҃ъ, ꙗко в он же д҃нь снѣста ѿ него, ѿверзетасѧ очи ваю и будета ꙗко Б҃ъ разумѣвающа добро и зло. І видѣ жена древо ꙗко добро въ снѣдь і угодно бы҃ очима видѣти и красно разумѣти, и вземши ѿ плода его снѣсть и дасть же і мужю своему с собою, и снѣста. И ѿверзостасѧ очи обѣма, и разумѣста, ꙗко нага єста; и сшиста листвие смоковное, и створиста себѣ оба препоꙗсаниꙗ.

приступи змиꙗ к женѣ... и рече: все ли повелѣно ꙗсти суще в раи древо?.. Ѿ всего повелѣ намъ Б҃ъ, рече, ꙗсти, развѣ єдиного древа, єже єсть посредѣ раꙗ. Рече бо Б҃ъ: ѿ плода єго не мозита ꙗсти, ни имата, реч, прикоснутисѧ ємь; оли, то см҃ртию оум҃рета... Диꙗволъ же.... оусты змиєвы.... рече къ женѣ: ни смр҃тию оум҃рта но тѣмь ваю не повелѣ Б҃ъ ꙗсти, да не будета ꙗко Б҃ъ: в он же бо д҃нь снѣста и ѿверзетасѧ очи ваю, и будета ꙗко Б҃ъ разумѣюще добро и зло... Си же видѣвъ, добрѣ красно бы҃ древо, взѧ ѿ плода є го и снѣсть... и дасть мужеви своєму, и сице ѿверзостасѧ очи.... и разумѣста.... ꙗко нага єста.... и сшиста собѣ листвиє смоковноє и створиста собѣ препоꙗсаниє.

змія къ женѣ: смертью не умрета; вѣдяше бо Богъ, яко въ онъ же день яста отъ него, отверзетася очи ваю, и будета яко и Богъ, разумѣюще добро и зло. И видѣ жена, яко добро древо въ ядь, и вземши снѣсть, и вдасть мужю своему, и яста, и отверзостася очи има, и разумѣста, яко нага еста, и съшиста листвіемъ смоковьнымъ препоясанье.

Почти все то, чего нѣтъ въ Библіи, читается въ одномъ и томъ же видѣ и въ лѣтописи и въ Палеѣ, а именно:

Палея, л. 48 — 48 об.	*Лѣтопись*, I, 38.
Реч же Каинъ брату своєму Авелю: поидевѣ оубо на поле; и бы҃ внегда имъ быти на поле. и	И рече Каинъ: «изидѣве на поле» Авелю. Яко изидоста, въста Каинъ и хотяше убити и, и не

оумысли Каинъ на Авелѧ брата своєго оубити, и (не оумѣꙗше како оубити и: не бѣ) не бѣ кто г убивалъ (кто кого оубивалъ), но наоучи сатона, рече: возми камень и оудари въ главу. Онъ же веземь камень и оуби брата своєго... И порадовасѧ сатона, и реч: азъ єсмь єму сотворихъ исъ породы изгнану быти, и се оуже болшеє зло ввергохъ, и плачь има налѣзохъ. И плакажесѧ Адамъ и Євга надъ Авелемь 30 лѣт, и не съгни тѣло єго, и не оумѣꙗста єго погрести. И повелѣньємъ Бж҃имъ прилѣтѣста двѣ горлици, єдина же єю оумре, и дроугаꙗ же ископавъши ꙗмоу и вложи в ню оумр҃шюю и погребе: то видѣвъ, Адамъ и Євга (и) погребоста Авеля, и оуста сии плачь.

умяше, како убити и, рече ему сотона: возми камень и удари и. Вземъ камень и уби и.... И дьяволъ радовашеся, рька: се, его же Богъ почти, азъ створихъ ему отпасти Бога, и се нынѣ плачь ему налѣзохъ. И плакастася по Авели лѣтъ 30, и не съгни тѣло его, и не умѣста его погрести. И повелѣньемъ Божьимъ птенца 2 прилетѣста, единъ ею умре, единъ же ископа яму, и вложи умершаго, и погребе и. Видѣвша же се Адамъ и Евга, ископаста яму, и вложиста Авеля, и погребоста съ плачемъ.

Въ такомъ же отношенiи къ палеѣ находятся и многiя другiя добавленiя лѣтописи. По всей вѣроятности, они вошли въ нее изъ палеи, а не наоборотъ. Въ палею же внесены изъ различныхъ источниковъ, и болѣе всего изъ такъ называемой «малой книги Бытiя» — ἡ λεπτὴ Γένεσις, откуда заимствовали многое Синкеллъ, Кедринъ и другiе Византiйскiе хронисты. Въ числѣ вопросовъ Аѳанасiя Александрiйскаго, писанныхъ къ князю Антiоху, есть слѣдующiй:

Τινὸς οὔπω τότε ἀποθανόντος, πόθεν ἔμαθεν ὁ Καΐν φονεῦσαι τὸν Ἄβελ; Ὁ διάβολος αὐτῷ κατ' ὄναρ ὑπέδειξεν, ποίῳ τρόπῳ θανατῶσαι τὸν ἀδελφόν [1]).

Никомꙋ же аще не ꙋмрьшꙋ, ѿкꙋ́дѣ навыкнꙋ Каинъ оубити Авелѧ? Дiаволъ емꙋ во снѣ показа, кимъ образом ꙋмр҃твити брат своего [2]).

1) S. Athanasii Opera. Parisiis. 1698. III, 281. Quaestio 57.

2) Рукопись Румянцевскаго Музеума. № 435, л. 564.

Въ «главахъ раввина Елеазара» находится описаніе погребенія Авеля. Передаемъ это описаніе по латинскому переводу у Фабриція: Considebant autem Adam et uxor ejus flentes et lugentes propter eum, et nesciebant quid faciendum esset Abeli, quia non assueti erant sepulturae. Venit autem illuc corvus quidam, atque sumpsit quendam e sociis suis, quem in terra defodit et abscondidit coram illorum oculis. Dixit Adam: «uti corvus iste, sic quoque faciam». Illico sumpsit cadaver Abelis, defodit in terra atque abscondidit [1]).—Подъ именемъ «главъ раввина Елеазара» извѣстно Еврейское сочиненіе, частью историческаго содержанія, частью вымышленнаго. Историческій разсказъ обнимаетъ время до Мардохея и Есѳири, передавая преимущественно дѣянія патріарховъ. Полагаютъ, что это сочиненіе несправедливо приписывается раввину Елеазару, сыну Гирканову [2]).

Превосходнымъ пособіемъ при изслѣдованіи мѣстъ апокрифическихъ можетъ служить «Codex pseudepigraphus Veteris Testamenti», Фабриція, изд. въ Гамбургѣ, 1-я часть въ 1722 году, 2-я ч. въ 1741 г.

Лѣтописное изложеніе исторіи Ветхаго Завѣта заключается сборникомъ пророчествъ: 1) объ отверженіи Жидовъ, 2) о призваніи странъ, 3) о воплощеніи Божіемъ, 4) о страданіяхъ Іисуса Христа, 5) о распятіи Его, 6) о воскресеніи Его. Въ палеѣ за повѣствованіемъ о Давыдѣ помѣщенъ такъ же сборникъ пророчествъ, принадлежащихъ впрочемъ одному Давыду, а не разнымъ пророкамъ, какъ въ лѣтописи. Пророчества расположены въ такомъ порядкѣ: 1) о Св. Троицѣ, 2) о потаенныхъ вещахъ, 3) о Пресвятой Дѣвѣ, 4) о воплощеніи Іисуса Христа, 4) о вочеловѣченіи Его, 6) о срѣтеніи, 7) о крещеніи, 8) о преображеніи, 9) о чудесахъ, 10) о Лазарѣ четверодневномъ, 11) о вшествіи Іисуса Христа въ Іерусалимъ, 12) о сонмищѣ Жидовскомъ, 13) объ Іудѣ, 14) о тайной вечерѣ, 15) о страсти Господней,

---

1) *Fabricii:* Codicis pseudepigraphi Veteris Testamenti volumen alterum, p. 47.
2) *Wolfii:* Bibliotheca Hebraea. 1715. T. I, 172—174.

16) о распятіи и о крестѣ, 17) о положеніи во гробъ, 18) о сошествіи въ адъ, 19) о воскресеніи, 20) о вознесеніи Іисуса Христа, 21) о сошествіи Св. Духа на Апостоловъ, 22) о собраніи языковъ, 23) объ отверженіи Жидовъ, 24) о призваніи странъ. Почти всѣ пророчества Давыда, приводимыя въ лѣтописи, находятся и въ палеѣ. Вѣроятно, оба сочиненія заимствовали изъ общаго источника; но едва ли онъ заключался въ проповѣди миссіонера, расположившаго пророчества сообразно съ своею цѣлью. — Въ одномъ изъ списковъ слова Иларіона о законѣ и благодати[1]) находится рядъ пророчествъ совершенно въ томъ же видѣ, какъ и въ лѣтописи; отсюда можно бы заключить, что пророчества внесены въ лѣтопись изъ слова Иларіона, который и привелъ ихъ въ систематическій порядокъ. Но такое заключеніе опровергается какъ составомъ списка и свойствомъ находящихся въ немъ вставокъ, такъ и свидѣтельствомъ самого слова. Пророчества вставлены въ рукопись непосредственно за прекраснымъ противоположеніемъ двухъ началъ въ Іисусѣ Христѣ и не имѣютъ внутренней связи съ этимъ противоположеніемъ. Самъ авторъ говоритъ: «еже поминати въ писаніи семъ пророческая проповѣданіа о Христѣ, то излиха есть», потому что объ этомъ «въ инѣхъ книгахъ писано» (стр. 225). Слѣдовательно, свидѣтельство самого Иларіона заставляетъ считать собраніе пророчествъ не его трудомъ. Поэтому скорѣе можно допустить позднѣйшее внесеніе ихъ изъ лѣтописи въ слово, нежели наоборотъ.

Признавая въ лѣтописномъ изложеніи библейской исторіи преимущественное участіе палеи, мы должны упомянуть о мнѣніи, по которому лѣтописецъ нашъ руководствовался въ этомъ случаѣ другимъ источникомъ. Полагаютъ, что «можно разложить весь разсказъ философа анонима, повѣствующаго св. князю Владиміру библейскую исторію. Это сотканіе отрывковъ удостовѣритъ, что не Свящ. Писаніе, во времена Нестора едва ли вполнѣ

1) Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1844. Часть 2-я, стр. 232 и стр. 289—290, прим. 7.

переведенное, но тотъ же Георгій (т. е. Георгій Амартолъ) руководствовалъ нашего лѣтописателя въ семъ случаѣ» [1]). Нѣкоторыя частности въ лѣтописномъ разсказѣ встрѣчаются и у Амартола. Такъ извѣстію лѣтописи: «нарече Адамъ скотомъ и птицамъ имяна, звѣремъ и гадомъ; и самѣма ангелъ повѣда имяна» (стр. 38) находимъ соотвѣтствующее не въ палеѣ, а у Амартола: «Адамъ по повелѣнию Бж҃ію створи имена всѣмъ чьтвкръножинамъ, и птицамъ, и гадомъ, и рыбамъ, и своимъ чадомъ; своѥго же имене и женѣ ѥго анг҃лъ Гн҃ь реч има» [2]). Слова лѣтописи: «възведе и на гору *Вамьску* и показа ему землю обѣтованную, и умре Моисій ту на горѣ» (стр. 41) объясняются изъ Амартола: «взиде на гороу Варимьскоую, иже и *Авамьска*, и показа ѥму Гс҃ь всю землю обѣщанноую» [3]). Но большая часть сходнаго въ лѣтописи и у Амартола находится и въ Библіи, которою руководствовался такъ же Амартолъ, посвятившій библейской исторіи обширный отдѣлъ въ своей хроникѣ. Амартолъ начинаетъ свою лѣтопись съ сотворенія человѣка; у него нѣтъ извѣстій о первыхъ дняхъ творенія, и между прочимъ о паденіи Сатанаила, о которомъ говорится въ палеѣ точно такъ же, какъ въ лѣтописи. О Моисеѣ Амартолъ разсказываетъ уже со времени явленія его передъ Фараономъ, между тѣмъ какъ въ палеѣ исторія Моисея начинается съ его дѣтства, причемъ названа дочь Фараона — *Фермуфь*, какъ названа она и въ лѣтописи; имени дочери Фараона нѣтъ въ Библіи.

Не только въ передачѣ библейской исторіи, но и въ начальномъ извѣстіи о столпотвореніи лѣтопись наша представляетъ сходство съ палеею. Представляемъ это извѣстіе въ томъ видѣ, въ какомъ находится оно у Амартола, въ палеѣ и въ лѣтописи. Сличеніе трехъ текстовъ любопытно въ томъ отношеніи, что указываетъ отчасти на способъ, какимъ лѣтописецъ нашъ пользовался различными источниками, бывшими у него подъ рукою.

1) Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ. Часть IV, книга I. 1828. *П. Строева:* О Византійскомъ источникѣ Нестора, стр. 171.

2) Хроника Амартола, рукопись XIV в. Моск. Д. Акад., л. 18 об.

3) Тамъ же, л. 54 об. — 65.

Хроника Амартола (рукопись М. Д. Акад.).

(Еверъ) роди Нектана и Фалека. При томь ѥдиногл҃оующю, ꙗко гл҃а Гъ҃, родоу члвч҃комоу, сборъ ѥсть на ѥдино мѣ҃, гл҃емоѥ Сенаръ. Таче столпъ создати до нбсъ҃ помыслиша, и около ѥго градъ Вавилонъ, ѥже есть размѣшениѥ.

Въ другихъ спискахъ, вмѣсто: глагола Господь—глагола Іосифъ, рече Іосиппъ (т. е. Іосифъ Флавій), *и вмѣсто* сборъ есть—сбирается.

Столпъ оубо создаса за 40 лѣт, бы҃ полма не свершенъ. По размѣшении Бъ҃ же вѣтромь великѥмь разроуши и, и ѥсть помежи Асоура и Вавилона в лѣт многа хранимъ останок ѥго.

Палея.

Л. 57 об. Аверъ же роди Фалѣка. При сем же столпотворениѥ бы҃. По потопѣ оубо чл҃вкомъ множающимсѧ.... обрѣтоша поле на земли, нарѣцаемъіи Сенаръ, ѥдиного же ꙗзыка соуще вси.... И рѣша другъ къ другу:....

Л. 58. Съзижемъ столпъ до нбсе҃... и начаша здати столпъ.... Дѣлаѥмоу столпу 40 лѣтъ, и не свершенъ бы҃. И сниде Гъ҃ видѣтъ столпа, и реч Гъ҃: се родъ ѥдинъ и ꙗзыкъ ихъ ѥдинъ. И смѣси Бъ҃ ꙗзыки и раздѣли ꙗ на 70 и на ѥдинъ ꙗзыкъ; 2 (=72-й) ꙗзыкъ, Адамовъ,.... не отатъ бы҃ (отъ Евера).

Л. 61 об. По раздѣлении оубо ꙗзыкъ Бъ҃ вѣтромъ великимъ раздруши столпъ, и ѥсть останокъ ѥго межи Асоура и Вавилона, на поли, нарицаѥмѣмь Сенаръ. Ѥсть же останокъ столпа въ высоту и в шире мѣра ег 5.000 и 400 и 30 и 3 локоть.

Лѣтопись, I, 2—3.

Бысть языкъ единъ, и умножившемъся человѣкомъ на земли, помыслиша создати столпъ до небесе, въ дни Нектана и Фалека; и собрашася на мѣстѣ Сенаръ поли здати столпъ до небесе, и градъ около его Вавилонъ, и создаша столпъ за 40 лѣтъ, не свершенъ бысть. И сниде Господь Богъ видѣти градъ и столпъ, и рече Господь: се родъ единъ и языкъ единъ. И съмѣси Богъ языкы, и раздѣли на 70 и 2 языка, и разсѣя по всей земли. По размѣшеньи же языкъ Богъ вѣтромъ великимъ разруши столпъ; и есть останокъ его промежю Асюра и Вавилона, и есть въ высоту и въ широту локотъ 5433.

Сличая всѣ сходныя мѣста въ палеѣ и въ лѣтописи, приходишь къ заключенію, что большая часть ихъ перешла изъ палеи въ лѣтопись [1]), и только немногія внесены изъ лѣтописи въ палею. Священная исторія въ лѣтописи заимствована, повидимому, изъ палеи, а не обратно, ибо въ послѣдней она составляетъ цѣлое, изложенное съ опредѣленнымъ намѣреніемъ; въ лѣтописи же она представляется эпизодомъ, хотя и весьма умѣстнымъ, искусно связаннымъ съ общею нитью повѣствованія. Космографія въ палеѣ имѣетъ болѣе сходства съ находящеюся у Синкелла, нежели съ тою, которая помѣщена у Амартола и въ нашей лѣтописи. Свѣдѣнія же, касающіяся Русской земли и сопредѣльныхъ ей странъ, перешли въ космографію палеи, по всей вѣроятности, изъ лѣтописи.—Все это показываетъ, что лѣтопись подвергалась дополненіямъ, вставкамъ, и въ свою очередь служила матеріаломъ для пополненія другихъ памятниковъ, и уже послѣ нѣсколькихъ измѣненій приняла тотъ видъ, въ которомъ сохранилась въ спискахъ наиболѣе древнихъ.

3. Исповѣданіе вѣры.

Символъ вѣры, приводимый въ лѣтописи, какъ преподанный Владимиру по крещеніи, есть сокращеніе того самаго символа, который гораздо пространнѣе излагается въ Греческихъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ въ «исповѣданіи вѣры» Михаила Синкелла. Михаилъ, синкеллъ [2]) Іерусалимскаго патріарха Ѳомы,

---

1) Въ статьѣ кн. Оболенскаго «О греческомъ кодексѣ Георгія Амартола», помѣщенной въ Чтеніяхъ Моск. историч. общ. 1846. № IV, сказано: «какъ хроника Амартола служила несомнѣнно источникомъ для лѣтописи преподобнаго Нестора, такъ и палея I. Дамаскина, по всей вѣроятности, находилась у него также въ рукахъ», стр. 88. Но что заимствовалъ изъ нея Несторъ, не опредѣлено. Замѣчанія на эту статью предложены г. Ундольскимъ въ Москвитянинѣ. 1846. № 4, стр. 219—220.

2) *Du Cange:* Glossarium mediae et infimae graecitatis. Lugduni. 1688. p. 1470—1472: «συγκελλος—concellaneus, domesticus—dignitas ecclesiastica. Syncellorum porro dignitas magna fuit, adeo ut sub Romano Argyro confessus praerogativam in sacris liturgiis supra metropolitas sibi arrogare ausi fuerint», etc.

другъ Θеодора Студита († 826 г.), подобно ему пострадавшій отъ иконоборцевъ, составилъ изложеніе вѣры, извѣстное подъ названіемъ λίβελλος περὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως [1]). Оно весьма рано переведено на Славянскій языкъ: въ Святославовомъ сборникѣ 1073 г. между другими статьями находится «Михаила Сунькела Иероусалимьскааго написаниѥ о правѣи вѣрѣ». Для объясненія символа, помѣщеннаго въ лѣтописи, приведемъ его сравнительно съ Греческимъ подлинникомъ и древнимъ Славянскимъ переводомъ. Это сравненіе можетъ до нѣкоторой степени возстановить текстъ лѣтописи, показывая, какое изъ чтеній различныхъ списковъ должно быть признано правильнымъ. Сообразуясь съ подлинникомъ, мы переносимъ въ текстъ нѣкоторые изъ варіантовъ.

Исповѣданіе Михаила Синкелла [2]).	*Сборникъ Святослава* (рукопись Синодальной библіотеки), л. 20 об. - 23 [3]).	*Лѣтопись*, I, 48.
Πιστεύω εἰς ἕνα θεὸν πατέρα ἀγέννητον, καὶ εἰς ἕνα υἱὸν γεννητὸν, καὶ εἰς ἓν πνεῦμα ἅγιον ἐκπόρευτον, τρεῖς ὑποστάσεις τελείας, νοερὰς, διαιρουμένας ἀριθμῷ καὶ ὑποστατικαῖς ἰδιότησιν, ἀλλ' οὐ θεότητι. διαιροῦνται γὰρ ἀδιαιρέτως καὶ συνάπτονται ἀσυγχύτως. πατὴρ γὰρ αὐθυπόστατος ὁ πατὴρ, ἀεὶ ὢν καὶ μένων ἐν τῇ πατρότητι, ἀγέννητος,	Вѣроуѫ въ ѥдиного Ба҃, въ Оц҃а нерождена и въ ѥдиного Сн҃а рождена, и въ ѥдинъ Дх҃ъ Ст҃ыи исходьныи, трии собьства съвьршена, разоумна, раздѣлꙗѥма числомь и собьствьныими своиствы, нъ не бж҃ствомь. Раздѣлꙗѭть бо сѧ нераздѣлѥнѣ и съвъкоуплꙗѭтьсѧ неизмѣньно. Оц҃ь бо своѥсобьствьнъ собьствьнѣ Оц҃ь, присносыи прѣбы-	Вѣрую въ единого Бога Отца нерожена, и въ единого Сына рожена, въ единъ Святый Духъ исходящь, три собства свершена, мыслена, раздѣляема числомъ и собственнымъ собьствомъ, а не божествомъ. Раздѣляетъ бо ся нераздѣлно и совкупляется неразмѣсно. Отець бо — Богъ Отець, присносый пребываеть во отчьствѣ, нероженъ,

1) *Fabricii:* Bibliotheca Graeca. Hamburgi. 1721. T. X, стр. 220.

2) *Montfaucon:* Bibliotheka Coisliniana olim Segueriana. Parisiis. 1715. Michaelis Syncelli libellus de orthodoxa fide, стр. 90—93.

3) По копіи Святославова Сборника въ Румянцовскомъ музеумѣ, подъ № 356, л. 21 об. — 23 об.

ἄναρχος, ἀρχὴ καὶ αἰτία τῶν πάντων, μόνῃ τῇ ἀγεννησίᾳ διαφέρων τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ πνεύματος καὶ τῷ εἶναι πατήρ.	ваꙗ въ оч҃ьствѣ, нерожденъ, без начала, начало и віна вьсѣмъ ѥдинѣмь нерождениѥмь различьнъ съ Сн҃омь и съ Дх҃омь, и ѥже быти Оц҃ь.	безъначаленъ, начало и вина всѣмъ, единѣмъ нероженьемъ старѣйсый Сыну и Духови.
ἐξ οὗ γεννᾶται μὲν ὁ υἱὸς πρὸ πάντων τῶν αἰώνων, ἐκπορεύεται δὲ τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον ἀχρόνως καὶ ἀσωμάτως· ἅμα γὰρ πατήρ, ἅμα υἱός, ἅμα πνεῦμα. υἱὸς αὐθυπόστατος ὁ υἱός, ὁμοούσιος, καὶ συνάναρχος τῷ πατρὶ τῷ γεννήτορι, τῇ γεννήσει μόνῃ διαφέρων τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ πνεύματος. πνεῦμα αὐθυπόστατον τὸ πνεῦμα τὸ ἅγιον, τῷ πατρὶ καὶ τῷ υἱῷ ὁμοούσιον καὶ συναΐδιον… τοῦ μὲν	Отъ нѥгоже раждаѥтьсѧ оубо Сн҃ъ, прѣжде вьсѣхъ вѣкъ, исходить же и Ст҃ыи Дх҃ъ безврѣменьнѣ и беспльтьнѣ. Идеже и Оц҃ь, тоуже и Сынъ, тоу идеже и Ст҃ыи Дх҃ъ. Сн҃ъ своѥсобьствьнѣ Сн҃ъ, ѥдиносоущьнъ и събезначальнъ Оц҃ю родившоуоумоу, рождениѥмь тъчьѫ различоуꙗ отъ Оц҃а и отъ Дх҃а. Дх҃ъ своѥсобьнъ Ст҃ыи Дх҃ъ, Оц҃ю и Сн҃оу ѥдиносоуштьнъ и съприсносоуштьнъ….	Отъ негоже рожается Сынъ преже всѣхъ вѣкъ, исходитъ же Духъ Святый безъ времене и безъ тѣла. Вкупѣ Отець, вкупѣ Сынъ, вкупѣ Духъ Святый есть. Сынъ подобосущенъ и събезначаленъ Отцю, роженьемъ точью разньствуя Отцю и Духу. Духъ есть пресвятый, Отцю и Сыну подобносущенъ и присносущенъ.
πατρὸς ἡ πατρότης, τοῦ δὲ υἱοῦ ἡ υἱότης, τοῦ δὲ ἁγίου πνεύματος ἡ ἐκπόρευσις. οὔτε γὰρ ὁ πατὴρ εἰς υἱὸν ἢ πνεῦμα μεταβαίνει, οὔτε ὁ υἱὸς εἰς πατέρα ἢ πνεῦμα, οὔτε τὸ πνεῦμα εἰς υἱὸν ἢ εἰς πατέρα· ἀκίνητοι γὰρ ἰδιότητες….	Оц҃ю оч҃ьство, а Сн҃оу сн҃овьство, а Ст҃оуоумоу Дх҃оу исходъ. Не бо ни Оц҃ь въ Сн҃а или въ Дх҃ъ прѣмѣноуѥтьсѧ, ни Сн҃ъ въ Оц҃а или въ Дх҃ъ, ни Дх҃ъ въ Сн҃а или въ Оц҃а: бес подвига бо соуть своиства….	Отцю бо отецьство, Сыну же сыновьство Святому же Духу исхоженье. Ни Отець бо въ Сынъ ли въ Духъ преступае, ни Сынъ во Отца и въ Духа, и Духъ ни въ Сынъ ли во Отець; не подвижена бо свойствія.
οὐ τρεῖς θεοί. εἷς γὰρ θεός, ἐπεὶ καὶ μία θεότης ἐν τρισὶ προσώποις…. βουλήσει πατρός τε καὶ πνεύματος τὸ	Не трии бози, ѥдинъ бо Б҃ъ, имьже и ѥдино Бж҃ьство вь трьхъ лицихъ…. (Богъ изволивъ) хотѣниѥмь Оц҃а и	Не тріе бози, единъ Богъ, понеже едино Божество въ трехъ лицахъ. Хотѣньемъ же Отца и Духа свою спа-

οἰκεῖον ἀνασώσασθαι πλάσμα, ἐκ τῶν πατρῴων κόλπων ὅθεν οὐκ ἀπέστη κατελθὼν, καὶ τὴν παρθενικὴν μήτραν τῆς πανάγνου οἱονεὶ θεῖος σπόρος εἰσδὺς, καὶ σάρκα ἐμψυχομένην ψυχῇ λογικῇ τε καὶ νοερᾷ μὴ προϋποστάσῃ προσειληφὼς, προῆλθε θεὸς σέσαρκωμένος, γεννηθεὶς ἀῤῥήτως, καὶ τὴν παρθενίαν τῆς τεκούσης φυλάξας ἀδιάφθορον. οὐ φυρμὸν, οὐ σύγχυσιν, οὐ τροπὴν ὑπομείνας. ἀλλὰ μείνας ὅπερ ἦν, γέγονεν ὅπερ οὐκ ἦν, προσλαβὼν τὴν τοῦ δούλου μορφὴν ἀληθείᾳ οὐ φαντασίᾳ, κατὰ πάντα πλὴν τῆς ἁμαρτίας ἡμῖν ὁμοιωθείς.... ἑκὼν γὰρ ἐγεννήθη, ἑκὼν ἐπείνασεν, ἑκὼν ἐδίψησεν, ἑκὼν ἐκοπίασεν, ἑκὼν ἐδειλίασεν, ἑκὼν ἀπέθανεν. ἀληθῶς καὶ ἀφαντασιάστως πάντα τὰ φυσικὰ, καὶ ἀδιάβλητα πάθη τῆς ἀνθρωπότητος. σταυρωθείς τε καὶ θανάτου γευσάμενος ὁ ἀναμάρτητος, καὶ ἀναστὰς τῆς ἰδίας σαρκὸς οὐκ ἰδούσης φθορὰν.... εἰς οὐρανοὺς συναγαγὼν κεκάθηκεν ἐν δεξιᾷ τȣ

Ст҃аго Дх҃а своѥ обновити зданиѥ, отъ оч҃ь ꙗдръ, отъ нихъже не отъстоупи, съшьдъ, и дѣвичьскыѧ прѣчистыꙗ, акы божьскоѥ сѣмѧ, въшьдъ, и плъть въд҃шеноу доушеѫ словесьноѫ и разоумьноуѫ не прѣже съставлены приимъ, проиде Б҃ъ въплъштенъ, родивъисѧ неиздреченьнѣ, и дѣвьство родивъшаꙗ съхранивъ. не истьлѣнѫ, не измоута, ни сълыꙗниꙗ, ни съврата подъимъ; нъ прѣбывъ, ѥже бѣ, бысть ѥже не бѣ, приимъ рабии образъ истиноѫ, а не мѧтежьм, вьсѧчьскы, развѣ грѣха, намъ съподобльсѧ....

Хотѧ бо родисѧ, хотѧ алъка, хотѧ жада, хотѧ троуждасѧ, хотѧ боꙗшесѧ, хотя оумьре. Въ истиноу и не мѧтежьмь всѧ ѥстьствьныꙗ и безазорьныꙗ страсти чл҃вчьство бестрасти. Пропѧтъ же и съмьрти вькоуси безгрѣшьныи, и вьскрьсноувъ въ своѥи ѥмоу плъти, не видѣвъши истьлѣниꙗ.... (чловѣчьскоѥ сѫштиѥ) на небеса съ собоѫ възнесъ,

сти тварь, отческихъ ядръ, ихъже не отступи, сшедъ, и въ дѣвичьское ложе пречистое, аки Божье сѣмя, вшедъ, плоть съдушевну, словесну же и умну, не преже бывшю пріимъ, изиде Богъ воплощенъ, родивыися неизречьннѣ, и дѣвьство мати схрани нетлѣньно. Не смятенье, ни размѣшенье, ни измѣненья пострадавъ, но пребывъ еже бѣ, бысть еже не бѣ, пріимъ рабій зракъ истиною, а не мечтаньемъ, всячьски, развѣ грѣха, намъ подобны бывъ.

Волею бо родися, волею взалка, волею вжада, волею трудися, волею устрашися, волею умре. Истиною, а не мечтаньемъ вся естьственная и неоклеветаны страсти человѣчьства. Распятъ же ся, смерти вкуси безъгрѣшный, въскресъ въ своей плоти, не видѣвши истлѣнья. На небеса взиде и сѣде одесную Отца. Придеть же паки съ сла-

πατρός. ἥξει δ'αὖ πάλιν κρίναι ζῶντας καὶ νεκροὺς, ὃν τρόπον ἀνῆλθε, μετὰ τῆς ἰδίας	посади одесноуѫ Оц҃а. Придеть же пакы въ славѣ сѫдитъ живыимъ и мьртвыимъ, имьже образомь възиде съ своѥѫ плътьѫ....	вою судити живымъ и мертвымъ: якоже взиде съ своею плотью, тако снидеть.
σαρκός.... Πρὸς τούτους ἓν βάπτισμα ὁμολογῶ δι' ὕδατος καὶ πνεύματος.... προσέρχομαι τοῖς ἀχράντοις μυστερίοις, πιστεύων αὐτὰ ἀληθῶς εἶναι σῶμα καὶ αἷμα.... δέχομαι τὰς ἐκκλησιαστικὰς παραδόσεις.... προσκυνῶ τὸ ξύλον τοῦ τιμίου σταυροῦ.... καὶ πάντα τύπιν τοῦ σταυροῦ, τὰ ἱερά τε σκεύη... προσκυνῶ καὶ τιμῶ... τὰς σεπτὰς... εἰκόνας... προσκυνῶ καὶ τιμῶ τὰ τῶν ἁγίων πάντων λείψανα.	Къ семоу ѥдиномоу крьштениѥ исповѣдаи водою и Дх҃омь.... Приступаѫ къ прѣчистыимъ таинамъ, и вѣроуꙗ въистиноу соушта тѣло и кръвь.... Приѥмлѭ же цр҃квнаꙗ прѣданиꙗ.... Покланѧѭсѧ дрѣвоу чьстънааго кр҃ста.... и вьсемоу образоу.... крьста; ст҃ыимъ съсоудомъ.... Покланѧѭсѧ и чьтоу... чьстьныимъ.... образомъ.... Покланꙗѭсѧ и чьтоу Ст҃ыихъ всѣхъ моштьмъ.	Къ симъ едино крещенье исповѣдаю водою и Духомъ. Приступаю къ пречистымъ таинамъ, вѣруа во истину тѣло и кровь. Пріемлю церковная преданья, и кланяюся честнымъ иконамъ. Кланяюся древу честному кресту, и всякому кресту; святымъ мощемъ и святымъ съсудомъ.

За приведенными словами слѣдуетъ у Михаила Синкелла заключеніе, а въ лѣтописи—извѣстіе о соборахъ, начинающееся такъ: «вѣруи же и семи сборъ святыхъ отецъ» (стр. 49—50), и сходство между двумя памятниками прекращается. Хотя и у М. Синкелла говорится вкратцѣ о соборахъ, но только о шести, а не о семи, и притомъ означается, въ какомъ храмѣ былъ каждый изъ нихъ, а не предметъ совѣщаній, какъ дѣлается это въ лѣтописи.

Для свѣдѣнія о соборахъ находилось уже въ XI—XII в. довольно много источниковъ. Въ сборникѣ Святослава непосредственно за исповѣданіемъ Михаила Синкелла помѣщена статья «о ст҃ыихъ и мирьскыихъ шести съборѣхъ». Въ ней

сперва исчисляются лица, бывшія на соборахъ, а потомъ описываются причины и дѣйствія соборовъ. Лица названы тѣ же, что и въ лѣтописи, за исключеніемъ Петра Монаха, на шестомъ соборѣ, не упоминаемаго въ сборникѣ. Вмѣсто: «Тимоѳей Александрьскыи, дьржаи намѣстьк Дамасово, папы Римьскааго», въ лѣтописи: «отъ Рима Дамасъ, а отъ Олексанъдрія Тимоѳѣй», и нѣсколько такого рода упоминаній отсутствующихъ папъ.

Подробныя свѣдѣнія о семи соборахъ заключаются въ посланіи патріарха Фотія къ Болгарскому царю Михаилу [1]). Такъ какъ оно писано въ Болгарію, то могло быть весьма рано и переведено на Болгарскій языкъ и сдѣлаться извѣстнымъ на Руси въ подлинникѣ или въ Болгарскомъ переводѣ. Въ посланіи приводится символъ вѣры въ такомъ же видѣ, какъ и теперь читается въ нашей церкви, и затѣмъ пространно описываются дѣянія вселенскихъ соборовъ: о каждомъ изъ нихъ сказано столько же, сколько въ лѣтописи обо всѣхъ вмѣстѣ. Лица упоминаются у Фотія вообще тѣже, что и въ лѣтописи, но съ большею полнотою и точностью. Присутствовавшихъ на четвертомъ соборѣ Фотій исчисляетъ такъ: Анатолій Цареградскій (τῆς βασιλίδος πόλεως); 2 епископа и 1 пресвитеръ, занимавшіе мѣсто папы Льва; Максимъ Антіохійскій и Ювеналъ Іерусалимскій. Въ лѣтописи названы только: «Левонтій Римьскій, Анатолій Царягорода, Увеналій Ерусалимьскій», и т. п. У Фотія Римскій епископъ упоминается прежде всѣхъ другихъ только однажды, въ лѣтописи же — постоянно, сообразно съ цѣлью показать, что прежде бывало на общихъ соборахъ и *Римское* духовенство.

Описаніе соборовъ находится такъ же у Георгія Амартола и у другихъ Византійскихъ хронистовъ.

На основаніи какого-либо Византійскаго сочиненія составлено лѣтописное повѣствованіе о соборахъ. Русскою добавкою кажется обвиненіе Латынянъ въ томъ, что они землю называютъ матерью: «землю глаголють матерію: да аще имъ есть

1) Photii, S. Patriarchae Constantinopolitani, Epistolae, per *Richardum Montacutium* latine redditae et notis subinde illustratae. Londini. 1651. стр. 3 и слѣд.

земля мати, то отець имъ есть небо, искони бо створи Богъ небо, таже землю». Обвиненіе западнаго духовенства въ томъ, что «ови попове единою женою оженѣвся служать, а друзіи до семые жены поимаючи служать», могло возникнуть только до преобразованій Гильдебранда, послѣдовавшихъ въ 1074 году [1]).

Можно замѣтить еще, что слова: «якоже глаголеть Василій» относятся не къ предъидущему, какъ они отнесены Тимковскимъ, а за нимъ и археографическою коммиссіею, а къ послѣдующему. Въ изданіяхъ того и другой читается: «Сего бо апостоли не предаша; предали бо суть апостоли крестъ поставленъ цѣловать, и иконы предаша. Лука бо еуангелистъ первое напсавъ посла въ Римъ, яко же глаголеть Василій; икона на первый образъ приходить» (стр. 49) [2]). Евангелистъ Лука дѣйствительно написалъ образъ Богоматери, и притомъ не одинъ, а нѣсколько, какъ извѣстно изъ церковнаго преданія. Василію же Великому принадлежатъ слова, слѣдующія за его именемъ и переданныя не точно какъ въ лѣтописи: «икона на первый образъ приходить», такъ и въ чтеніи, предлагаемомъ Тимковскимъ: «яко на первый образъ приходить». Въ книгѣ о Св. Духѣ, гл. 18, Василій Великій говоритъ: «διότι ἡ τῆς εἰκόνος τιμὴ ἐπὶ τὸ πρωτότυπον διαβαίνει» [3]). Ближе къ подлиннику, нежели въ самыхъ спискахъ лѣтописи, переведено это мѣсто въ припискѣ XVI в. на полѣ одного изъ нихъ, Хлѣбниковскаго, а именно: «почесть образа на первообразное приходить». Вѣрнѣе чтеній Лаврентьевскаго и другихъ списковъ чтеніе Никоновскаго и его изданія: «предали суть святіи Апостоли крестъ целовати, сицежъ и иконы предаша: Лука бо Евангелистъ первое посла в Римъ, написавъ, яко же глаголеть Василій: иконная честь на первый образъ приходитъ» [4]).

---

1) Чтенія Моск. историч. общества. 1847. № 5. Статья *Бѣляева:* О Несторовой лѣтописи, стр. 39.

2) Лѣтопись Несторова, изд. *Тимковскаго.* 1824, стр. 79.

3) S. Basilii opera. Parisiis. 1839. T. III, p. 52.

4) Руская лѣтопись по Никонову списку. I, 90.

Важное значеніе символа, изложеннаго въ лѣтописи, указано въ Исторіи христіанства въ Россіи до Владимира. «Мы думаемъ, говоритъ авторъ, что этотъ сѵмволъ есть дѣйствительно тотъ самый, который исповѣдали нѣкогда уста и сердце просвѣтителя Россіи, и потому есть драгоцѣннѣйшій памятникъ нашей церковной старины, какъ договоры первыхъ князей Кіевскихъ съ Греческими императорами — драгоцѣннѣйшіе памятники нашей старины гражданской. Нынѣ соглашаются, что помянутые договоры отнюдь не выдуманы самимъ лѣтописцемъ, а точно существовали, дошли до него въ письмени, въ подлинникахъ или въ копіяхъ съ подлинниковъ, и только внесены имъ въ лѣтопись: почему же не сказать того же самого и объ исповѣданіи вѣры.... Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, никакого основанія считать этотъ сѵмволъ сочиненіемъ самого лѣтописца» [1]). Буквальное сходство символа съ исповѣданіемъ Михаила Синкелла, прибавимъ мы, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что лѣтописный символъ есть произведеніе не оригинальное Русское, а переводное.

4. Жизнеописанія св. Кирилла и Меѳодія, первоучителей славянскихъ.

Въ нашей лѣтописи подъ 898 годомъ говорится о нашествіи Угровъ и войнѣ съ Моравами и Чехами, принадлежащими къ племени Славянскому. Для Славянъ-то, прибавляетъ лѣтописецъ, переведены были св. книги, отчего и грамота прозвалась Славянская, употребляемая теперь въ Россіи и въ Болгаріи. За упоминаніемъ о грамотѣ лѣтопись сообщаетъ самыя обстоятельства перевода книгъ: говоритъ о призывѣ къ этому дѣлу Кирилла и Меѳодія, объ изобрѣтеніи азбуки, о гоненіи на святыхъ братьевъ, и наконецъ о совершеніи ими подвига, къ которому были призваны. Свѣдѣнія свои о первоучителяхъ лѣтописецъ почерпалъ

---

1) Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владимира. Соч. *архимандрита Макарія*. 1846, стр. 361.

преимущественно изъ такъ называемыхъ Паннонскихъ жизнеописаній.

Самый богатый источникъ для знакомства съ судьбою Кирилла и Меѳодія заключается въ ихъ житіяхъ, писанныхъ по-Славянски въ Панноніи. Полагаютъ, что житіе Св. Кирилла писано ученикомъ его, Климентомъ, епископомъ Болгарскимъ. Житіе Св. Меѳодія признается столь же древнимъ памятникомъ, явившимся въ той же странѣ, а на томъ основаніи, что въ житіи Меѳодія большею частью пропускается то, что подробно описано въ житіи Кирилла, можно бы въ обоихъ произведеніяхъ видѣть трудъ одного и того же автора. Достоинство житій, какъ матеріала для историческихъ изслѣдованій, опредѣлено профессоромъ Горскимъ въ превосходной статьѣ его «о Св. Кириллѣ и Меѳодіи», помѣщенной въ Москвитянинѣ, 1843 г. № 6. Въ ней исторія Славянскихъ первоучителей въ первый разъ изложена систематически по Славянскимъ же источникамъ, свидѣтельство которыхъ оцѣнено со всею ученою основательностью. Оба житія во всемъ своемъ объемѣ напечатаны Шафарикомъ въ памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ [1]).

Начало лѣтописнаго повѣствованія сходно съ Паннонскими житіями въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ, что даетъ поводъ думать объ участіи другаго какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу. Но скорѣе можно допустить, что причина несходства заключается въ томъ, что самыя житія дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а со многими сокращеніями и дополненіями, отчасти Русскими. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сходство открывается не въ однихъ мысляхъ, но и въ самыхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ иныя удержаны лѣтописцемъ дословно, другія въ сокращеніи. Для подтвержденія сказаннаго приведемъ свидѣтельство лѣтописи вполнѣ, а изъ житій

1) Památky dřewniho pisemnictwi Jihoslovanův. V Praze. 1851. Здѣсь помѣщены отдѣльными статьями: Život sv. Konstantina, Život sv. Methodia, и др.— Объ изданіи Шафарика см. Извѣстія 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. Томъ I, стр. 293 и слѣд.

Мееодія и Кирилла, по изданію Шафарика, только мѣста, соотвѣтствующія лѣтописному разсказу.

Житіе Мееодія. Прилоучиша сѧ въ ты дьни Ростиславъ, кназь Словенѣскъ съ Сватополкомъ, и посласта изъ Моравы къ царю Михаилоу, глаголюща тако, ꙗко Божіею милостію здрави есмы, и соуть во нь вьшли оучители мнози христіане, изъ Влаахъ и изъ Грекъ и изъ Немець, оучаще ны различь, а мы Словени проста чадь, и не имамъ, иже бы ны наставилъ на исътинноу и разоумъ сказалъ. То добрѣ, владыко, посли такъ моужь, иже ны исправитъ всꙗкоу правдоу. Тогда царь Михаилъ рече къ философоу Коньстантиноу: слышиши ли, философе, рѣчь сію? Инъ сего да не можетъ сътворити развѣ тебе. Тѣмъ дамь ти дари мнози, и, поимъ братъ свои, игоуменъ Мефодеи, и иди же. Вы бо еста Селоунꙗнина, да Селоунꙗне все чисто Словеньскы бесѣдоуютъ. Тогда не смѣста сѧ отрещи ни Бога, ни царꙗ.... по великоу слышавъша рѣчь, на молитвоу сѧ наложиста и съ инѣми, иже бꙗхоу того же доуха, егоже и си. Да тоу ꙗви Богъ философоу Словеньскы книгы, и абіе оустроивъ писмена и бесѣдоу съставль, поути сѧ атъ Моравьскаго, поимъ же Мефодіа.

Житіе Кирилла. И абіе сложи писмена и начеть бесѣдоу писати Еvаггельскоу: испрьва бѣ Слово, и Слово бѣ оу Бога.... Вьскорѣ же

Лѣтопись, I, стр. 11—12.

Словѣномъ живущимъ крещенымъ, и княземъ ихъ, Ростиславъ и Святополкъ и Коцелъ послаша ко царю Михаилу, глаголюще: земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни Гречьску языку, ни Латыньску; óни бо ны онако учать, а óни бо ны и онако; тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ. Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся (*въ житіи Кирилла:* сьбравь же сьборь царь), и сказа имъ рѣчи вся Словѣньскихъ князь. И рѣша философи: есть мужь въ Селуни, именемъ Левъ; суть у него сынове разумиви языку Словѣньску, хитра 2 сына у него философа. Се слышавъ царь, посла по ня въ Селунь ко Львови, глаголя: посли къ намъ въскорѣ сына своя Мееодія и Костянтина. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святыя книги; сего бо желають. Умолена быста царемъ, и поидоша въ Словѣньскую землю къ Ростиславу и Святополку и Къцьлови. Сима же пришедъшема,

вьсь цьрковныи чинь пріємь, наоучи к оутрьници, и часовомь, и вечерни, и павечерници, и таинѣи слоужбѣ.

Житіе Меѳодія. Бꙗхоу же етера многа чадь, ꙗже хоулꙗхоу Словеньскыѧ книгы, глаголюще, ꙗко не достоитъ ни которомоу же ѧзыкоу имѣти боуковъ сихъ, развѣ Евреи и Грекъ и Латинъ, по Пѵлатовоу писанію, еже на крестѣ Господни написана. Еже апостоликъ пилатны и треѧзычникы нарекъ, проклѧтъ... Пославъ же Коцель къ апостоликоу, проси Мефодіа, блаженнааго оучителꙗ нашего, да бы емоу отпоустилъ.... И посла и, написавъ епистолію сію: «Аньдрѣꙗнъ епископъ и рабъ Божіи къ Ростиславоу и Коцелю.... Сеи же единъ храните обычаи, да на мьши прьвое чтоутъ Апостолъ и Еѵаггеліе Рімскы, таче Словеньскы, да сѧ исполнитъ слово книжное: ꙗко въсхвалѧтъ Господа вси ѧзыци, и дроугоици: вси възъглаголютъ ѧзыкы различны величіꙗ Божіа, ꙗкоже дасть имъ Доухъ Свѧтыи отвѣщевати. Аще же кто отъ събранныхъ вамъ оучитель и слышащихъ слоухи и отъ истинны отвращающихъ на блѧди, начнетъ дръзноувъ инако развращати вы, гадѧ книгы ѧзыка вашего, да боудетъ отлоученъ, но токмо въ соудъ даны церкви, дондеже сѧ исправитъ; ти бо соуть волъци, а не овца, ѧже достоитъ отъ плодъ ихъ знати и хранитисѧ ихъ. Вы же, чада възлюбленнаꙗ, послоу-

начаста съставливати писмена азъбуковьная Словѣньски, и преложиста Апостолъ и Еуангелье. Ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ. Посемъ же преложиста Псалтырь и Охтаикъ, и прочая книги. Нѣціи же начаша хулити Словѣньскыя книгы, глаголюще: яко не достоить ни которому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ Еврѣй, и Грекъ, Латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа. Се же слышавъ папежь Римьскій, похули тѣхъ, иже ропьщуть на книги Словѣньскія, река: да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци; другое же: вси възъглаголють языки величья Божья, якоже дасть имъ Святый Духъ отвѣщевати. Да аще кто хулить Словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ отъ церкве, донде ся исправять; ти бо суть волци, а не овца, яже достоить отъ плода знати я, хранитися ихъ. Вы же, чада Божья, послушайте ученья и не отрините наказанья церковнаго, якоже вы наказалъ Меѳодій учитель вашь. Костянтинъ же възвратився въспять, и иде учитъ Болгарьскаго языка, а Меѳодій оста въ Моравѣ. Посемъ же Коцелъ князь постави Меѳедья епископа въ Паніи, на столѣ святаго Онъдроника апостола единого отъ 70, ученика святаго апостола Павла.

шаите оученіа Божіа и не отринете казаніа церковнаго, да сѧ обращете истинніи поклонници Божіи, Отцоу нашемоу небесномоу, съ всѣми сватыми. Аминь.»....

Прежде же (т. е. до путешествія въ Константинополь) отъ оученикъ своихъ посажь два попы скорописца зѣло, преложи въборзѣ всѧ книгы исполнь, развѣ Макъкавеи, отъ Греческа ѧзыка въ Словенскъ, шестію мѣсѧць, наченъ отъ марта мѣсѧца до двоюдесѧте и шести дьне октабрѩ мѣсѧца. Скончав же достоиноую хвалоу и славоу Богоу въздасть, дающемоу таковоую благодѣть и поспѣхъ. И сватое възношеніе таиное съ клиросомъ своимъ възнесъ, сътвори памѧть сватаго Димитріѩ.

Меѳодій же посади два попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь отъ Гречьска языка въ Словѣнескъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца. Окончавъ же достойно хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать епископу Меѳодью, настольнику Анъдроникову.

Внимательное сличеніе предложенныхъ сказаній привело автора изслѣдованія о Кириллѣ и Меѳодіи къ заключенію, что не жизнеописатель пользовался лѣтописью, а лѣтописецъ жизнеописаніемъ. На это указываютъ въ лѣтописи сокращенная передача словъ папской буллы и пропускъ замѣчаній о книгахъ Маккавейскихъ и объ окончаніи перевода къ дню Св. Димитрія Солунскаго. Послѣднее обстоятельство важно было въ жизнеописаніи Меѳодія, уроженца Солунскаго, но для Русскаго лѣтописца не имѣло особеннаго значенія [1]).

5. Житіе Владимира Святаго.

Въ повѣствованіи о крещеніи Владимира и всей земли Русской лѣтописецъ нашъ слѣдовалъ автору «житія блаженнаго

1) Москвитянинъ. 1843. № 6. О Св. Кириллѣ и Меѳодіи, стр. 432—433, прим. 34.

Володимера». Оно съ вѣроятностью можетъ быть приписано монаху Іакову, Русскому писателю XI вѣка [1]). Извѣстія лѣтописи подъ 6495, 6496, 6497, 6504 и 6523 годами заимствованы преимущественно изъ житія Владимира. Судя потому, что многое изъ помѣщеннаго въ лѣтописи подъ исчисленными годами въ житіи не находится, можно бы полагать, что житіе есть позднѣйшее извлеченіе изъ лѣтописи. Къ такому же выводу склоняетъ и сравненіе нѣкоторыхъ извѣстій объ одномъ и томъ же предметѣ въ обоихъ памятникахъ. Въ лѣтописи: «посла Володимеръ ко цареви Василью и Костянтину, глаголя сице: се градъ ваю славный взяхъ; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створихъ...... И послушаста царя, посласта сестру свою, сановники нѣкія и презвитери; она же не хотяше ити: яко въ полонъ, рече, иду, лучи бы ми сдѣ умрети. И рѣста ей братья: еда како обратить Богъ тобою Рускую землю въ покаянье, а Гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати: видиши ли, колько зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ, аще не идеши, то же имуть створити намъ; и одва ю принудиша. Она же, сѣдъши въ кубару, цѣловавши ужики своя, съ плачемъ поиде чрезъ море, и приде къ Корсуню» (стр. 47). Въ Житіи: «Он же, веземъ градъ, посла къ царемь, къ Василію и къ Костянтину, въ Царьградъ, глаголя има: се градъ вашь славный взяхъ; слышахъ же, яко имаета сестру дѣвою, — дайте ю за мя; аще ли ми ея не даста, азъ и Царюграду тако сътворю по сему...... И посласта цари Анну, сестру свою, и с нею воеводы и прозвутеры, и пріидоша в Корсунь» [2]).—Въ лѣтописи: «повелѣ (Владимиръ) всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьницъ кунами. Устрои же и се, рекъ: яко немощніи и болніи не могуть долѣзти двора моего; повелѣ пристроити кола: въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разно-

1) Объ Іаковѣ мнихѣ см. Историческія чтенія 2-го отд. Акад. 1852 и 1853 гг., стр. 32—64 и 99—116.

2) Христіанское чтеніе. Часть II, 1849, стр. 330.

личный, медъ въ бчелкахъ, и въ другыхъ квасъ, — возити по городу, въпрашающимъ: кдѣ болніи и нищь, не могы ходити? тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля: устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити...... при князи и безъ князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины; бяше по изобилью отъ всего», и т. д. (стр. 54). Въ житіи: «Бяху же нищи приходяще на дворъ его по вся дни, и пріимаху, кто чего требоваше; а недужнымъ, не могущимъ ходити, повелѣ слугамъ, да в домы приносять имъ. И многы створи добродѣтели» [1]). Подобныя мѣста могутъ казаться въ житіи сокращеніями изъ пространнаго разсказа лѣтописи. Но съ другой стороны есть и въ житіи такія извѣстія, какихъ не находимъ въ лѣтописи. Такъ въ послѣдней говорится о низверженіи одного Перуна, а въ житіи читаемъ: «Волоса идола, его же именоваху скотья бога, велѣ в Почайну рѣку въврещи; Перуна же повелѣ привязати к коневи, къ хвосту» и т. д. Въ лѣтописи нѣтъ такъ же и сравненія Владимира съ Моисеемъ и т. п. Притомъ житіе, даже и въ позднѣйшихъ спискахъ, очевидно подвергавшихся измѣненіямъ, имѣетъ видъ отдѣльной статьи, а не извлеченія. Сравнительно съ лѣтописью въ житіи недостаетъ извѣстій политическихъ, которыя были бы неумѣстны въ сказаніи о томъ, какъ крестился Владимиръ. Если предполагать, что житіе составилось посредствомъ выписокъ изъ лѣтописи только тѣхъ происшествій, которыя имѣютъ религіозное значеніе, то чѣмъ объяснить пропускъ символа вѣры, внесеннаго въ лѣтопись уже въ древнѣйшихъ ея спискахъ? Это мнимое опущеніе всего вѣроятнѣе объясняется тѣмъ, что житіе составлено независимо отъ лѣтописи, и что къ нему присоединенъ символъ уже впослѣдствіи, когда лѣтописецъ изъ нѣсколькихъ источниковъ составлялъ одно цѣлое.

---

1) Тамъ же, стр. 332.

преимущественно изъ такъ называемыхъ Паннонскихъ жизнеописаній.

Самый богатый источникъ для знакомства съ судьбою Кирилла и Меѳодія заключается въ ихъ житіяхъ, писанныхъ по-Славянски въ Панноніи. Полагаютъ, что житіе Св. Кирилла писано ученикомъ его, Климентомъ, епископомъ Болгарскимъ. Житіе Св. Меѳодія признается столь же древнимъ памятникомъ, явившимся въ той же странѣ, а на томъ основаніи, что въ житіи Меѳодія большею частью пропускается то, что подробно описано въ житіи Кирилла, можно бы въ обоихъ произведеніяхъ видѣть трудъ одного и того же автора. Достоинство житій, какъ матеріала для историческихъ изслѣдованій, опредѣлено профессоромъ Горскимъ въ превосходной статьѣ его «о Св. Кириллѣ и Меѳодіи», помѣщенной въ Москвитянинѣ, 1843 г. № 6. Въ ней исторія Славянскихъ первоучителей въ первый разъ изложена систематически по Славянскимъ же источникамъ, свидѣтельство которыхъ оцѣнено со всею ученою основательностью. Оба житія во всемъ своемъ объемѣ напечатаны Шафарикомъ въ памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ [1]).

Начало лѣтописнаго повѣствованія сходно съ Паннонскими житіями въ общихъ чертахъ, а не въ подробностяхъ, что даетъ поводъ думать объ участіи другаго какого-либо источника, доступнаго лѣтописцу. Но скорѣе можно допустить, что причина несходства заключается въ томъ, что самыя житія дошли до насъ не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а со многими сокращеніями и дополненіями, отчасти Русскими. Въ дальнѣйшемъ изложеніи сходство открывается не въ однихъ мысляхъ, но и въ самыхъ выраженіяхъ, изъ которыхъ иныя удержаны лѣтописцемъ дословно, другія въ сокращеніи. Для подтвержденія сказаннаго приведемъ свидѣтельство лѣтописи вполнѣ, а изъ житій

---

1) Památky dřewního písemnictwí Jihoslovanův. V Praze. 1851. Здѣсь помѣщены отдѣльными статьями: Život sv. Konstantina, Život sv. Methodia, и др.— Объ изданіи Шафарика см. Извѣстія 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. Томъ I, стр. 293 и слѣд.

Меѳодія и Кирилла, по изданію Шафарика, только мѣста, соотвѣтствующія лѣтописному разсказу.

Житіе Меѳодія. Прилоучиша сѧ въ ты дьни Ростиславъ, кнѧзь Словенѣскъ съ Свѧтополкомъ, и посласта изъ Моравы къ царю Михаилоу, глаголюща тако, ꙗко Божіею милостію здрави есмы, и соуть во нь вънили оучители мнози христіане, изъ Влаахъ и изъ Грекъ и изъ Немець, оучаще ны различь, а мы Словени проста чадь, и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истинноу и разоумъ сказалъ. То добрѣ, владыко, посли такъ моужь, иже ны исправитъ всѧкоу правдоу. Тогда царь Михаилъ рече къ философоу Коньстантиноу: слышиши ли, философе, рѣчь сію? Инъ сего да не можетъ сътворити развѣ тебе. Тѣмъ дамь ти дари мнози, и, поимъ братъ свои, игоуменъ Мефодеи, и иди же. Вы бо еста Селоунꙗнина, да Селоунꙗне все чисто Словеньскы бесѣдоуютъ. Тогда не смѣста сѧ отрещи ни Бога, ни царꙗ.... но великоу слышавъша рѣчь, на молитвоу сѧ наложиста и съ инѣми, иже бꙗхоу того же доуха, егоже и си. Да тоу ꙗви Богъ философоу Словеньскы книгы, и абіе оустроивъ писмена и бесѣдоу съставль, поути сѧ ꙗтъ Моравьскаго, поимъ же Мефодіа.

Житіе Кирилла. И абіе сложи писмена и начеть бесѣдоу писати Еѵаггельскоу: испрьва бѣ Слово, и Слово бѣ оу Бога.... Вьскорѣ же

Лѣтопись, I, стр. 11—12.

Словѣномъ жиущимъ крещенымъ, и княземъ ихъ, Ростиславъ и Святополкъ и Коцелъ послаша ко царю Михаилу, глаголюще: земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ и поучалъ насъ, и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни Гречьску языку, ни Латыньску; óни бо ны онако учать, а óни бо ны и онако; тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа, ни силы ихъ: и послѣте ны учителя, иже ны могуть сказати книжная словеса и разумъ ихъ. Се слыша царь Михаилъ, и созва философы вся (*въ житіи Кирилла:* сьбравь же сьборь царь), и сказа имъ рѣчи вся Словѣньскихъ князь. И рѣша философи: есть мужь въ Селуни, именемъ Левъ; суть у него сынове разумиви языку Словѣньску, хитра 2 сына у него философа. Се слышавъ царь, посла по ня въ Селунь ко Лвови, глаголя: посли къ намъ въскорѣ сына своя Меѳодія и Костянтина. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко цареви, и рече има: се прислалася ко мнѣ Словѣньска земля, просящи учителя собѣ, иже бы моглъ имъ протолковати святыя книги; сего бо желають. Умолена быста царемъ, и поидоша въ Словѣньскую землю къ Ростиславу и Святополку и Къцьлови. Сима же пришедъшема,

вьсь цьрковныи чинь пріемь, наоучи к оутрьници, и часовомь, и вечерни, и павечерници, и таинѣи слоужбѣ.

Житіе Меѳодія. Бꙗхоу же етера многа чѧдь, ꙗже хоулꙗхоу Словеньскыѧ книгы, глаголюще, ꙗко не достоитъ ни которомоу же ѧзыкоу имѣти боуковъ сихъ, развѣ Евреи и Грекъ и Латинъ, по Пνлатовоу писанію, еже на крестѣ Господни написана. Еже апостоликъ пилатны и треѧзычникы нарекъ, проклѧтъ... Пославъ же Коцель къ апостоликоу, проси Меѳодіа, блаженнааго оучителꙗ нашего, да бы емоу отпоустилъ.... И посла и, написавъ епистолію сію: «Аньдрѣꙗнъ епископъ и рабъ Божіи къ Ростиславоу и Коцелю.... Сеи же единъ храните обычаи, да на мьши прьвое чтоутъ Апостолъ и Еνаггеліе Рімскы, таче Словеньскы, да сѧ исполнитъ слово книжное: ꙗко въсхвалѧтъ Господа вси ѧзыци, и дроугоици: вси възъглаголютъ ѧзыкы различны величіꙗ Божіа, ꙗкоже дасть имъ Доухъ Свѧтыи отвѣщевати. Аще же кто отъ събранныхъ вамъ оучитель и слышащихъ слоухи и отъ истинны отвращающихъ на блѧди, начнетъ дръзноувъ инако развращати вы, гадѧ книгы ѧзыка вашего, да боудетъ отлоученъ, но токмо въ соудъ даны церкви, дондеже сѧ исправитъ; ти бо соуть волъци, а не овца, ѧже достоитъ отъ плодъ ихъ знати и хранитисѧ ихъ. Вы же, чада възлюбленнаꙗ, послоуначаста съставливати писмена азъбуковьная Словѣньски, и преложиста Апостолъ и Еуангелье. Ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ. Посемъ же преложиста Псалтырь и Охтаикъ, и прочая книги. Нѣціи же начаша хулити Словѣньскыя книгы, глаголюще: яко не достоить ни которому же языку имѣти букъвъ своихъ, развѣ Еврѣй, и Грекъ, Латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа. Се же слышавъ папежь Римьскій, похули тѣхъ, иже ропьщуть на книги Словѣньскія, река: да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци; другое же: вси възъглаголють языки величья Божья, якоже дасть имъ Святый Духъ отвѣщевати. Да аще кто хулить Словѣньскую грамоту, да будеть отлученъ отъ церкве, донде ся исправять; ти бо суть волци, а не овца, яже достоить отъ плода знати я, хранитися ихъ. Вы же, чада Божья, послушайте ученья и не отрините наказанья церковнаго, якоже вы наказалъ Меѳодій учитель вашь. Костянтинъ же възвратився въспять, и иде учитъ Болгарьскаго языка, а Меѳодій оста въ Моравѣ. Посемъ же Коцелъ князь постави Меѳедья епископа въ Паніи, на столѣ святаго Онъдроника апостола единого отъ 70, ученика святаго апостола Павла.

шаите оученіа Божіа и не отринете казаніа церковнаго, да сѧ обращете истинніи поклонници Божіи, Отцоу нашемоу небесномоу, съ всѣми сватыми. Аминь.»...	
Прежде же (т. е. до путешествія въ Константинополь) отъ оученикъ своихъ посажь два попы скорописца зѣло, преложи въборзѣ всѧ книгы исполнь, развѣ Макъкавеи, отъ Греческа ѧзыка въ Словенскъ, шестію мѣсѧць, наченъ отъ марта мѣсѧца до двоюдесѧте и шести дьне октѧбрѧ мѣсѧца. Скончав же достоиноую хвалоу и славоу Богоу въздасть, дающемоу таковоую благодѣть и поспѣхъ. И сватое възношеніе таиное съ клиросомъ своимъ възнесъ, сътвори памать сватаго Димитріѧ.	Меѳодій же посади два попа скорописца зѣло, и преложи вся книги исполнь отъ Гречьска языка въ Словѣнескъ 6-ю мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октябрям мѣсяца. Окончавъ же достойно хвалу и славу Богу въздасть, дающему таку благодать епископу Меѳодью, настольнику Анъдроникову.

Внимательное сличеніе предложенныхъ сказаній привело автора изслѣдованія о Кириллѣ и Меѳодіи къ заключенію, что не жизнеописатель пользовался лѣтописью, а лѣтописецъ жизнеописаніемъ. На это указываютъ въ лѣтописи сокращенная передача словъ папской буллы и пропускъ замѣчаній о книгахъ Маккавейскихъ и объ окончаніи перевода къ дню Св. Димитрія Солунскаго. Послѣднее обстоятельство важно было въ жизнеописаніи Меѳодія, уроженца Солунскаго, но для Русскаго лѣтописца не имѣло особеннаго значенія [1]).

5. Житіе Владимира Святаго.

Въ повѣствованіи о крещеніи Владимира и всей земли Русской лѣтописецъ нашъ слѣдовалъ автору «житія блаженнаго

1) Москвитянинъ. 1843. № 6. О Св. Кириллѣ и Меѳодіи, стр. 432—433, прим. 34.

Володимера». Оно съ вѣроятностью можетъ быть приписано монаху Іакову, Русскому писателю XI вѣка [1]). Извѣстія лѣтописи подъ 6495, 6496, 6497, 6504 и 6523 годами заимствованы преимущественно изъ житія Владимира. Судя потому, что многое изъ помѣщеннаго въ лѣтописи подъ исчисленными годами въ житіи не находится, можно бы полагать, что житіе есть позднѣйшее извлеченіе изъ лѣтописи. Къ такому же выводу склоняетъ и сравненіе нѣкоторыхъ извѣстій объ одномъ и томъ же предметѣ въ обоихъ памятникахъ. Въ лѣтописи: «посла Володимеръ ко цареви Василью и Костянтину, глаголя сице: се градъ ваю славный взяхъ; слышю же се, яко сестру имата дѣвою, да аще еѣ не вдаста за мя, створю граду вашему, яко же и сему створихъ...... И послушаста царя, посласта сестру свою, сановники нѣкія и презвитери; она же не хотяше ити: яко въ полопъ, рече, иду, лучи бы ми сдѣ умрети. И рѣста ей братья: еда како обратить Богъ тобою Рускую землю въ покаянье, а Гречьскую землю избавишь отъ лютыя рати: видиши ли, колько зла створиша Русь Грекомъ? и нынѣ, аще не идеши, то же имуть створити намъ; и одва ю принудиша. Она же, сѣдъши въ кубару, цѣловавши ужики своя, съ плачемъ поиде чрезъ море, и приде къ Корсуню» (стр. 47). Въ Житіи: «Он же, вземъ градъ, посла къ царемь, къ Василію и къ Костянтину, въ Царьградъ, глаголя има: се градъ вашь славный взяхъ; слышахъ же, яко имаета сестру дѣвою, — дайте ю за мя; аще ли ми ея не даста, азъ и Царюграду тако сътворю по сему...... И посласта цари Анну, сестру свою, и с нею воеводы и прозвутеры, и пріидоша в Корсунь» [2]).—Въ лѣтописи: «повелѣ (Владимиръ) всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжь и взимати всяку потребу, питье и яденье, и отъ скотьницъ кунами. Устрои же и се, рекъ: яко немощніи и болніи не могуть долѣзти двора моего; повелѣ пристроити кола: въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощь разно-

1) Объ Іаковѣ мнихѣ см. Историческія чтенія 2-го отд. Акад. 1852 и 1853 гг., стр. 32—64 и 99—116.

2) Христіанское чтеніе. Часть II, 1849, стр. 330.

личный, медъ въ бчелкахъ, и въ другыхъ квасъ, — возити по городу, въпрашающимъ: кдѣ болніи и нищь, не могы ходити? тѣмъ раздаваху на потребу. Се же пакы творяше людемъ своимъ по вся недѣля: устави на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити..... при князи и безъ князя: бываше множьство отъ мясъ, отъ скота и отъ звѣрины; бяше по изобилью отъ всего», и т. д. (стр. 54). Въ житіи: «Бяху же нищи приходяще на дворъ его по вся дни, и пріимаху, кто чего требоваше; а недужнымъ, не могущимъ ходити, повелѣ слугамъ, да в домы приносять имъ. И многы створи добродѣтели» [1]). Подобныя мѣста могутъ казаться въ житіи сокращеніями изъ пространнаго разсказа лѣтописи. Но съ другой стороны есть и въ житіи такія извѣстія, какихъ не находимъ въ лѣтописи. Такъ въ послѣдней говорится о низверженіи одного Перуна, а въ житіи читаемъ: «Волоса идола, его же именоваху скотья бога, велѣ в Почайну рѣку въврещи; Перуна же повелѣ привязати к коневи, къ хвосту» и т. д. Въ лѣтописи нѣтъ такъ же и сравненія Владимира съ Моисеемъ и т. п. Притомъ житіе, даже и въ позднѣйшихъ спискахъ, очевидно подвергавшихся измѣненіямъ, имѣетъ видъ отдѣльной статьи, а не извлеченія. Сравнительно съ лѣтописью въ житіи недостаетъ извѣстій политическихъ, которыя были бы неумѣстны въ сказаніи о томъ, какъ крестился Владимиръ. Если предполагать, что житіе составилось посредствомъ выписокъ изъ лѣтописи только тѣхъ происшествій, которыя имѣютъ религіозное значеніе, то чѣмъ объяснить пропускъ символа вѣры, внесеннаго въ лѣтопись уже въ древнѣйшихъ ея спискахъ? Это мнимое опущеніе всего вѣроятнѣе объясняется тѣмъ, что житіе составлено независимо отъ лѣтописи, и что къ нему присоединенъ символъ уже впослѣдствіи, когда лѣтописецъ изъ нѣсколькихъ источниковъ составлялъ одно цѣлое.

---

1) Тамъ же, стр. 332.

Житіе Владимира издано въ Христіанскомъ чтеніи 1849 г. въ числѣ трехъ памятниковъ Русской духовной литературы XI вѣка (стр. 328—335). Ученый издатель признаетъ, что не авторъ житія позаимствовалъ что-либо у лѣтописца, а напротивъ, Несторъ воспользовался готовымъ уже сочиненіемъ, и внесъ его въ свою лѣтопись. Такое заключеніе основывается на признакахъ древности, находящихся въ житіи, и на особенностяхъ выраженія, обличающихъ въ лѣтописцѣ позднѣйшаго повѣствователя въ сравненіи съ авторомъ житія. Слова житія: «се же не яко древу чюющю, но на поруганье бѣсу, иже прелщаше *ны* симъ образомъ» измѣнены въ лѣтописи такъ: «иже прелщаше симъ образомъ *человѣкы*», и т. п. [1]).

6. Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ, составленное монахомъ Іаковомъ.

Лѣтописное изложеніе судьбы Бориса и Глѣба (стр. 57—60) представляетъ, какъ мы уже замѣтили, сокращеніе сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, принадлежащаго тому же монаху Іакову, которому приписываютъ и житіе Владимира. Отношеніе сказанія къ лѣтописи разсмотрѣно въ изслѣдованіи о древнихъ жизнеописаніяхъ Русскихъ князей, помѣщенномъ во 2-мъ томѣ Извѣстій 2-го отдѣленія Академіи Наукъ [2]).

7. Поученія Св. Θеодосія.

Въ лѣтописи подъ 6575 (въ иныхъ спискахъ подъ 6576) и 6582 годами приводятся мѣста изъ поученій преподобнаго Θеодосія Печерскаго († 1074). Описаніе событій перваго года начинается такъ: На Русскую землю пришли иноплеменики —

---

1) Тамъ же, стр. 308—309.

2) Оно напечатано и въ Историческихъ Чтеніяхъ о языкѣ и словесности въ засѣданіяхъ втораго отдѣленія Академіи 1852 и 1853 гг., записка *И. И. Срезневскаго:* Древнія жизнеописанія Русскихъ князей X—XI вѣка, стр. 92—96 и др.

Половцы, Изяславъ же, Святославъ и Всеволодъ выступили противъ враговъ на Альту; но по грѣхамъ нашимъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, попустилъ Богъ поганыхъ: Русскіе князья бѣжали, а Половцы побѣдили. Вслѣдъ за этими словами приводится поученіе Ѳеодосія о причинахъ, по которымъ Богъ попускаетъ нашествіе иноплеменниковъ. Поученіе передается почти дословно, что дѣлается очевиднымъ при сравненіи его съ текстомъ лѣтописи. Въ предлагаемомъ сличеніи пользуемся спискомъ, находящимся въ Румянцовскомъ музеумѣ и имѣющимъ названіе: «поученіе блаженнаго Ѳеодосія, игумена печерскаго, о казняхъ Божіихъ».

Рукопись Румянцовскаго музеума, № 435, л. 340—342.

Наводит Бъ҃ по гнѣвоу своемоу казнь каку любо или поганыа, зане не встагнемсѧ к Бг҃у, а оусобнаа рать бываеть ѿ соблажнениѩ діавола и ѿ злых чл҃къ. Бъ҃ бо не хощет зла чл҃ком, но бл҃га, а діѩволъ радуетсѧ всемоу зломоу, творимомоу въ чл҃вцѣх. Искони бо тои есть врагъ нам: хощеть оубииства и кровопролитьѩ, подвизаа свары и оубиства и зависти и братоненавидѣниѩ и на клеветы. Странѣ оубо съгрѣшивши коеи любо, казнить Бъ҃ смертью, или гладом, или наведением поганых, или бездождием и інѣми различными казньми: аще ли, покаѩвшесѧ боудем в немже ны Бъ҃ велить быти. Гл҃еть бо нам пррк҃ом: обратитесѧ ко мнѣ всем срд҃цемь вашимь, постом и плачем, въ всем волю Бж҃ию творѧще. Да аще бы-

Лѣтопись, I, стр. 72—73.

Наводить бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако скрушенымъ имъ въспомянутся къ Богу; усобная же рать бываеть отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хощеть зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убійству и кровипролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы.

Земли же согрѣшивши которѣй любо, казнить Богъ смертью, ли гладомъ, ли наведеньемъ поганыхъ, ли ведромъ[1]), ли гусеницею, ли инѣми казньми: аще ли, покаявшеся будемъ въ немъже ны Богъ велить жити (въ другихъ спискахъ: быти). Глаголеть бо пророкомъ намъ: обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. Да

1) Во всѣхъ спискахъ, кромѣ Лаврентьевскаго, вмѣсто *ведромъ—вредомъ;* но чтеніе Лаврентьевскаго вѣрнѣе, соотвѣтствуя слову *бездождіемъ* въ поученіи.

хом в заповѣдех Бж҃їих пребыли, то и сдѣ ходѧще прїимем бл҃гаа земнаа, и по ѿшествиі сего свѣта жизнь вѣчнѹю. Но мы прно акы свиниꙗ в калѣ греховнѣм валѧꙗс, грѣхи къ грѣхом прилагающе, въ всем гнѣвѧще Ба҃, злое пред очима его творѧще по всѧ дни. Того ради прорком гл҃ть к намъ: разумѣх, реч, ꙗко жестоци и каменосерди і лениви есте творити волю; того ради оудержах ѿ вас дождь и предѣлъ единъ одождих, а дрѹгаго не одождих, и исше землѧ нивъ ваших, и поразих вы различными казньми. То и тако не обратистесѧ ко мнѣ: сего ради винограды ваша и древа всѧкаа, носѧщаа плод, и нивы, и все истрох, гл҃еть Гь҃, а злобъ ваших не могоу истерти; но посылаю на вы помалоу различныꙗ напасти, нѣкли покаꙗвъшесѧ въстѧгнетесѧ ѿ злобъ ваших. Послах на вы смрти тѧжкиꙗ и на скот вашь, и ѿꙗх ѿ вас оутѣхѹ всѧкоу пища вашеꙗ; но и тоу не обратистесѧ ко мнѣ, но рѣсте: моужаемсѧ еще. Доколѣ не насытистесѧ злобъ ваших. Вы оубо ѹклонившесѧ ѿ пѹтіи моих, гл҃еть Гь҃, и сами погибосте со своімі безакониі, и іны многи съблазнисте. Сего ради боудѹ свидѣтель скоро на противныꙗ, и на прелюбодѣа, и на кленоуцаасѧ именем моим, и лишающаа мзды наимникоу, и насильствѹюща сиротѣ, соудъ неправъ. Почто презрѣсте словеса моа, и оуклонистесѧ ѿ закона моег, и не схранисте оправданиі моих. Обратітес ко мнѣ, гл҃ть Гь҃, и азъ

аще сице створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ.

Но мы на злое възвращаемся, акы свинья въ калѣ грѣховнѣмъ присно валяющеся, и тако пребываемъ. Тѣмже пророкомъ намъ глаголетъ: разумѣхъ, рече, яко жестокъ еси и шія железная твоя. Того ради удержахъ отъ васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, исше, и поразихъ вы зноемъ и различными казньми. То и тако не обратистеся ко мнѣ. Сего ради винограды вашѣ, и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могохъ истерти. Послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкыя, и на скоты казнь свою послахъ, то и ту не обратистеся, но рѣсте: мужаемъся.

Доколѣ не насытистеся злобъ вашихъ. Вы бо уклонистеся отъ пути моего, глаголетъ Господь, и соблазнисте многы. Сего ради буду свѣдѣтель скоръ на противныя, и на прелюбодѣйца, и на кленущаяся именемъ моимъ во лжю, и на лишающая мьзды наимника, насильствующая сиротѣ и вдовици, и на уклоняющая судъ кривѣ.

Почто не въздержастеся въ грѣсѣхъ вашихъ, но уклонисте законы моя и не схранисте ихъ. Обратитеся ко мнѣ и обращюся къ вамъ,

обращоуса к вамъ, и ѿверзꙋ хлаби нбныа, и възвращю ѿ вас гнѣвъ мои, дондеже въ всем изобилоуете, и дам всако обилие вам, и долга лѣта ваша створю. Но вы прно неправдѣ пребываете, словеса глте лжива. Оусты же чтите ма, глет Гь, а срдце ваше далече отстоить ѿ мене: того ради ихже просите и не прімете, и боудет бо, реч, егда призовете ма и не послоушаю вас; взыщют мене злиі и не обращют; не восхотѣша бо, реч, поутем моим ходити.

Да того ради затворакть Бъ нбо и не поущакть дожда; ово ли злѣ ѿверзакть, град поущаа и мразом плоды погоублаıа, и землю зноемъ тома, наших ради безакониі. Аще ли са покаем ѿ злобъ нашых, то акы чадом подасть Бъ вса блгаıа, и одождить нам дождь ранъ и позден, и наполнатса гꙋмна ваша пшеници, и въздам вамъ за лѣта, ıаже проузи и хроустове. Сила моа великаа, юже послах на вы, глть Гъ Вседержитель. Се слышаще, подвигнемса на добро; взыщите соуд, избавите обидимаго, и на покаание придѣте, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клеветоу; но любовию приплетемса Гви, постом и рыданиемь и слезами омывающе прегрѣшеніа наша. Но, словом нарицающес хртіане, а поганскі живꙋще. Се бо не поганскі ли творим: аще кто ꙋсращет черньца, или черницю, то възвращаютса, ли

глаголеть Господь, и азъ отверзу вамъ хляби небесныя и отвращю отъ васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуеть вамъ; и не имуть изнемощи виногради ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетенъ работаяй Богу. Тѣмже усты чтуть мя, а сердце ихъ далече отстоить мене: сего ради ихже просимъ не пріемлемъ; будеть бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ; взищете мене зли и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по путемъ моимъ.

Да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ въ дождя мѣсто пуская, ово ли мразомъ плоды узнобляя, и землю зноемъ томя нашихъ ради злобъ. Аще ли ся покаемъ отъ злобъ нашихъ, то акы чадомъ своимъ дасть намъ вся прошенья, и одождить намъ дождь ранъ и позденъ, и наполнятся гумна ваша пшеницѣ, пролѣются точила винная и масльная, и въздамъ вамъ за лѣта, яже пояша прузи, и хрустове, и гусениця. Сила моя великая, юже послахъ на вы, глаголеть Господь Вседержитель. Си слышаще, въстягнемъся на добро; взищѣте суда, избавите обидимаго; на покаянье придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету; но любовью прилѣпимся Господи Бозѣ нашемъ, постомъ и рыданьемъ, слезами омывающе вся прегрѣшенья, не словомъ нарицающеся хрестьяни, а поганьскы живуще. Се бо не по-

свінию, ли конь лысь; то се не поганьскі ли есть: се бо по діѩволю наоученью кобь сию держать. Дроузиі зачиханью вѣрꙋють, ѥже бываеть многажды на здравие главѣ.	ганьски ли живемъ, аще въ срѣчю вѣрующе: аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единець, ли свинью; то не поганьскы ли се есть: се бо по дьяволю наученью кобь сію держать; друзіи же и закыханью вѣрують, еже бываеть на здравье главѣ.
Но сими діаволъ лстіть и дроугими нравы, и всѧческими лестми пребавлѧеми отъ Бога: вълхвованиемь, чародѣаніемь, блоудом, запоиством, рѣзоиманиемь, приклады, татбою и лжею, завистью, клеветою, трꙋбами, скоморохі, гоусльми, сопѣлми и всѧкими играми и дѣлесы неподобными. Видим бо и іна злаа дѣла: вси дрьзливи на піанство и на блоуд и на игры злыѩ, ихже нѣ лзѣ хртіаномъ тако творити, и т. д.	Но сими дьяволъ лстить и другыми нравы, всячьскыми лестьми превабляя ны отъ Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи. Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множьство, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленаго дѣла; а церкви стоять, егда же бываеть годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви. Да сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всячскыя, и нахоженье ратныхъ, по Божью повелѣнью пріемлемъ казнь грѣхъ ради нашихъ.

За тѣмъ говорится въ поученіи о томъ, что надобно стоять въ церкви благоговѣйно, и что воздѣвать къ небу можно только руки, не взимающія нечистыхъ прибытковъ. Далѣе слѣдуютъ слова: «и се, взлюбленнаа чада, будете вѣдуще: св. отци наши уставили постны дни по наученію Господню и по заповѣди св. апостолъ» и т. д. За такимъ началомъ предлагаются наставленія о томъ, что праздники должно проводить сообразно съ ихъ святостью, а не въ пиршествахъ и въ особенности не въ пьянствѣ.

Все предъидущее, до приведенныхъ словъ, извѣстно пока только въ одномъ спискѣ Румянцовскаго музеума. По свидѣтельству митрополита Евгенія, поученіе о казняхъ Божіихъ встрѣчается въ древнихъ прологахъ. Мы не нашли его въ древнѣйшихъ прологахъ, даже и въ тѣхъ, въ которыхъ помѣщено подъ

3 мая житіе Θеодосія. Слово же о пьянствѣ извѣстно въ нѣсколькихъ спискахъ, изъ коихъ весьма замѣчателенъ находящійся въ «Златой чепи», рукописи XIV вѣка, принадлежащей Троицко-Сергіевой лаврѣ (л. 43 об.—45). Въ Златой цѣпи поученіе Θеодосія названо «словомъ св. отецъ о пьянствѣ», вѣроятно, по своему началу: «св. отци уставиша постныя дни по наученію Господню» и т. д.

Отдѣльность слова о пьянствѣ отъ предъидущаго видна изъ того, что въ древнихъ рукописяхъ оно помѣщено особенною статьею, какъ цѣлое, а не отрывокъ. Но едва ли такимъ же цѣлымъ произведеніемъ должно считать и приведенное лѣтописцемъ: онъ могъ привести поученіе не вполнѣ, отъ себя уже заключивъ его словами: «сего ради казни пріемлемъ отъ Бога всячскыя, и *нахоженье ратныхъ*, по Божью повелѣнью», которыми весьма удачно связывалось поученіе съ общею нитью разсказа.

Подъ 6582 годомъ лѣтописецъ приводитъ отрывки изъ поученія Θеодосія о постѣ (стр. 79), сказавши, что преподобный Θеодосій имѣлъ обычай поучать братію при наступленіи поста.

На Θеодосія, какъ на автора поученія о казняхъ, внесеннаго въ лѣтопись, указалъ Востоковъ: «Можетъ быть, говоритъ онъ, самъ Несторъ передаетъ намъ въ своей лѣтописи слова благочестиваго наставника своего Θеодосія, вперившіяся въ его памяти» [1]). Заимствованіе Несторомъ изъ поученія Θеодосія признаетъ и преосвященный Макарій, полагая, что поученіе написано по случаю нашестія Половцевъ въ 1067 году на Русскую землю [2]).

1) Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума, стр. 686.

2) Извѣстія 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. Т. IV, выпускъ 6-й. 1855 г. Статья преосвященнаго *Макарія:* Преподобный Θеодосій Печерскій, какъ писатель, стр. 275 и др.

8. Разсказъ Василія.

Въ числѣ событій, описанныхъ подъ 6605 (1097) годомъ, главное мѣсто занимаетъ ослѣпленіе князя Василька Ростиславича. При описаніи какъ самаго злодѣянія, такъ и близкихъ къ нему происшествій лѣтописецъ пользовался письменнымъ разсказомъ того Василія, который велъ переговоры съ ослѣпленнымъ княземъ.

Подлинный разсказъ Василія начинается, какъ можно полагать съ большею вѣроятностью, отъ словъ: «Василкови же сущю Володимери, и *мнѣ* ту сущю, присла по *мя* князь Давыдъ» и пр. (стр. 112). При описаніи же предъидущаго лѣтописецъ руководствовался своимъ источникомъ не вполнѣ, передавая по своему его содержаніе. На это указываетъ то обстоятельство, что различіе по изложенію между разсказомъ и другими мѣстами лѣтописи замѣчается преимущественно во второй части разсказа, именно съ приведенныхъ словъ. Въ первой же части изъ выраженій, которыя считаютъ не принадлежащими лѣтописцу, находятся только три: «мѣсяць груденъ, рекше ноябрь», «любезнивъ». «сколота». Но слово *любезнивъ* встрѣчается въ лѣтописи и подъ 971 годомъ: «посли къ нему (Святославу) дары, искусимъ и, *любезнивъ* ли есть злату ли паволокамъ» (стр. 30).

Во второй части способъ изложенія представляетъ сходство съ такъ называемою «Ипатьевскою лѣтописью» и съ состоящимъ въ нѣкоторой связи съ нею Словомъ о полку Игоревѣ. Выраженія, подобныя слѣдующему: «любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю», обычны и въ Ипатьевской лѣтописи, употребляются и въ Словѣ о полку Игоревѣ: «хощю главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону» и т. п.

Объ отношеніи сказанія Василія къ лѣтописному повѣствованію извѣстно нѣсколько мнѣній въ нашей исторической лите-

ратурѣ. Карамзинъ полагалъ, что Василій, священникъ или монахъ, житель Червенской или Волынской области *дополнилъ Нестора*, знавъ лучше происшествія страны своей, но оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія [1]). То же допускаетъ и г. Кубаревъ, приписывая вкратцѣ разсказанное сочинителю лѣтописи, а подробное дополнителю [2]). По мнѣнію же Буткова, *самъ Несторъ внесъ* въ свой временникъ разсказъ Василія [3]). Г. Бутковъ начало сказанія Василіева опредѣляетъ словами: «Василкови же сущю Володимери», и т. д. [4]). Бѣляевъ полагаетъ, что оно начинается гораздо ранѣе, словами: «И приде Святополкъ съ Давыдомъ Кыеву, и ради быша людье вси» и пр. [5]) (стр. 109). Профессоръ Соловьевъ признаетъ, что сказаніе заимствовано изъ лѣтописи Волынской, которой первая часть не дошла до насъ, кромѣ отрывка объ ослѣпленіи Василька [6]).

9. Хроника Георгія Амартола.

Лѣтописцы наши пользовались Византійскими источниками: на это указываютъ и составъ лѣтописей и собственныя слова лѣтописцевъ, означавшихъ иногда, откуда почерпнуто ими то или другое свѣдѣніе. Между Византійскими хронистами всѣхъ ближе во многихъ отношеніяхъ къ нашимъ лѣтописцамъ—Георгій Амартолъ. Въ древней лѣтописи приводятся неоднократно мѣста изъ его хроники, по разнымъ поводамъ и изъ различныхъ частей ея. Отсюда слѣдуетъ заключить, что древнему лѣтописцу извѣстна была хроника Амартола во всемъ ея объемѣ. Допуская

1) Исторія Карамзина, т. II, примѣч. 184.

2) Русскій историческій сборникъ, т. IV, книжка 4. *Кубарева:* Несторъ, стр. 385 и др.

3) *Буткова:* Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, стр. 210 и др.

4) Современникъ, 1850. № 9, отд. III. Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ. П. Б., стр. 22.

5) Чтенія Моск. историч. общества. 1847. № 5. *Бѣляева:* О Несторовой лѣтописи, стр. 65—67.

6) Исторія Россіи, *Соловьева*, т. III, стр. 131—132.

справедливость подобнаго заключенія, считаемъ сообразнымъ съ нашею цѣлью обозрѣть содержаніе историческаго труда Амартола съ указаніемъ заимствованій изъ него въ нашей древней лѣтописи.

Характеръ лѣтописи Георгія Амартола опредѣляется цѣлью, съ какою она предпринята, степенью образованности автора и отчасти его общественнымъ положеніемъ. Что касается до цѣли труда и образованности автора, то объ этомъ положительныя свидѣтельства находятся въ самомъ содержаніи хроники. О судьбѣ же Георгія извѣстно только то, что онъ жилъ и писалъ въ половинѣ IX вѣка; былъ монахомъ и архимандритомъ; изъ смиренія прозвалъ себя *грѣшникомъ* ἁμαρτωλός [1]). Памятникомъ его литературной дѣятельности осталась лѣтопись, составленная по различнымъ писателямъ и толкователямъ, и называющаяся: Χρονικὸν σύντομον ἐκ διαφόρων χρονογράφων τε καὶ ἐξηγητῶν συλλεγὲν καὶ συντεθὲν ὑπο Γεωργίȣ ἁμαρτωλȣ̃ μοναχȣ̃; въ Славянскомъ переводѣ — «Временьникъ въпростѣ ѿ различьнъıх же хронографъ же и сказатель събранъ же и сложенъ Геѡргиѥмь грѣшьникомь мнихомъ».

Текстъ греческій до сихъ поръ еще неизвѣстенъ въ печати, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отрывковъ, какъ напримѣръ, предисловія, помѣщеннаго въ первомъ изданіи Фабриціевой библіотеки, и т. п. Славянскій переводъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ [2]). При сравненіи съ лѣтописью мы пользовались преимущественно двумя изъ нихъ: однимъ, XIII—XIV в., принадлежащимъ Московской духовной академіи, другимъ, XIV в., находящимся въ Синодальной библіотекѣ подъ № 148. Академическій списокъ не полонъ, оканчиваясь описаніемъ царствованія Юстиніана, доведеннымъ до пятаго вселенскаго собора. Свѣдѣнія объ этомъ спискѣ сообщены г. Снегиревымъ въ «Замѣча-

1) *Fabricii:* Bibliotheka Graeca. 1801, т. VII, стр. 463.

2) См. Чтенія М. историч. общества 1846. № 4. Смѣсь. *Князя Оболенскаго:* О Греческомъ кодексѣ Георгія Амартола, стр. 74—76.—Essai de chronographie byzantine, par *Muralt*, p. XVIII—XXIII.

ніяхъ о Георгіѣ Амартолѣ», помѣщенныхъ въ Трудахъ Общества исторіи и древностей Россійскихъ, часть V, стр. 255—264.

Составляя хронику, Георгій Амартолъ имѣлъ опредѣленную цѣль и придалъ труду своему опредѣленное направленіе, которыя ясно выражаются въ предисловіи. Авторъ обѣщаетъ изложить паденіе ложныхъ языческихъ ученій, начало и распространеніе монашеской жизни, борьбу истинной вѣры съ злою ересью иконоборческою и другими ересями. Дѣйствительно, во всей хроникѣ главнымъ предметомъ являются судьбы вѣры и церкви, торжество православія надъ еретиками. Преобладающая мысль сочиненія высказывается съ большею или меньшею силою сообразно со свойствомъ описываемыхъ предметовъ.

Хроника начинается краткимъ обзоромъ замѣчательнѣйшихъ лицъ древняго міра, частью историческихъ, частью миѳическихъ. Потомъ излагается исторія библейская, исторія Вавилонскаго царства, исторія Римской монархіи въ періодъ языческій и наконецъ исторія Византійскаго государства до смерти царя Михаила — ἕως τελευταίȣ Μιχαὴλ, υἱοῦ Θεοφίλȣ — «до оумертвиꙗ Михаила, сн҃а Феофила». Слѣдовательно, Амартолъ писалъ до 867 года; все же, что относится къ событіямъ послѣ 867 г., къ которымъ принадлежатъ и походы Руссовъ, описано не имъ, а его продолжателями.

Въ первой части хроники говорится объ Адамѣ, Сиѳѣ, Кронѣ, Семирамидѣ, и т. д., до Александра Македонскаго. Послѣ Крона, пишетъ Амартолъ, царствовалъ Нинъ, который женился, по Персидскому обычаю, на матери своей — Семирамидѣ. Отъ него родился «*Зороастръ*, рекше *Зорозвѣздьникъ*, славнъіи Перськъіи звѣздозаконьникъ». *Нинъ* основалъ *Ниневію:* названія странъ и народовъ обыкновенно объясняются Амартоломъ изъ именъ отдѣльныхъ лицъ. Не только царства и города, но даже зданія получаютъ имена отъ своихъ основателей. Такъ все, сообщаемое

объ Артаксерксѣ, состоитъ въ слѣдующемъ: По Камбизѣ царствовалъ Артаксерксъ. При немъ былъ нѣкто въ Италійской епархіи именемъ *Пала;* онъ создалъ огромный домъ, какого не бывало еще въ той странѣ, и назвалъ его *палато* (др. сп. *палатіонъ*): отъ этого дома и царское жилище стало называться *палатою.*

Послѣ Артаксеркса царствовалъ Ромулъ—«Ромъ, иже созда Римъ градъ». Правленіе Ромула, умертвившаго Рема, было несчастливо: въ Римѣ не прекращались землетрясенія и не умолкалъ ропотъ народа. Пиѳія сказала, что бѣдствія не кончатся до тѣхъ поръ, пока Ромулъ не сядетъ на престолѣ вмѣстѣ съ братомъ своимъ. Тогда Ромулъ велѣлъ сдѣлать золотой кумирецъ, положилъ его на престолѣ, гдѣ сидѣлъ нѣкогда Ремъ, и—затихла людская молва. Но судъ Божій совершился надъ братоубійцею: его изрубили въ куски.

Всего подробнѣе говорится о подвигахъ Александра Македонскаго, и въ особенности о походѣ его на Іудею и обращеніи съ Еврейскимъ народомъ; весьма пространно описывается самая одежда первосвященника при встрѣчѣ Александра. Къ исторіи Александра примыкаетъ описаніе чудесной жизни Врахмановъ, которые не знаютъ ни желѣза, ни золота, ни серебра, ни огня, ни четвероножины; питаются овощами и сладкою водою. Женщины у нихъ живутъ на одной сторонѣ рѣки, текущей въ океанъ, а мужчины на другой. Въ рѣкѣ обитаетъ страшный звѣрь, пожирающій вдругъ по цѣлому киту, и дѣлаетъ ее неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звѣрь изъ рѣки, именно для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ женамъ. Страна Врахманская не многолюдна, но жители ея наслаждаются совершеннымъ счастьемъ, пребывая въ постоянной молитвѣ къ Богу.

Совсѣмъ другаго рода бытъ Сирійцевъ, Вавилонянъ, Амазонокъ, и т. п. Описаніе его вошло въ нашу лѣтопись, и мы приводимъ это описаніе сравнительно съ подлинникомъ Амартола и древнимъ Славянскимъ переводомъ.

Excerpta e chronico G. Hamartoli e cod. Barocc. 194. fol. 60 [1]).	*Хронографъ Амартола, рукопись Моск. д. акад. л. 31 об.—32.*	*Лѣтопись. I, стр. 6—7.*
Ἀμέλει γέ τοι καὶ ὁ μέγας Καισάρειος ὁ καὶ ὁμαίμων Γρηγορίου τοῦ μεγίστου καὶ Θεολόγου, διαφόρων ἐθνῶν καὶ ἠθῶν καὶ τρόπων καὶ νόμων ἐξήτησιν ποιούμενος σύντομον, τοιάδε φησίν «ἐν γὰρ ἑκάστῃ χώρᾳ καὶ ἔθνει ἐν τοῖς μὲν ἔγγραφος νόμος ἐστὶν, ἐν τοῖς δὲ ἡ συνήθεια· νόμος γὰρ ἀνόμοις τά πάτρια δοκεῖ».	**Ѥ**ще же и великоѥ Кесарии, братъ великаг Григория, различно ꙗко ѡбычаꙗ и нравы и законъ исповѣдаꙗ, въпростѣ ѡ тацѣхъ вѣщаваѥть: «ибо комождо ꙗзыкоу, ѡвѣмъ исписанъ (законъ) ѥсть, дроугымъ же ѡбычаꙗ; законъ бо беззаконьникомъ ѿчьствиѥ мнитьс».	Глаголеть Георгій въ лѣтописаньи: «ибо комуждо языку, овѣмъ исписанъ законъ есть, другимъ же обычаи, зане безаконьникомъ отечьствіе мнится» [2]).
Ὧν πρῶτοι Σῆρες, οἱ τὸ ἄκρον τῆς γῆς οἰκοῦντες, νόμον ἔχουσι τὸ πατρῷον ἔθος μὴ πορνεύειν ἢ μοιχεύειν, ἢ κλέπτειν, ἢ λοιδορεῖν, ἢ φονεύειν, ἢ κακουργεῖν τὸ σύνολον·	Ѿ нихъ же первѣѥ Сирии, и живоуще на конець землѧ, законъ имоуть — оц҃ь своихъ ѡбычаи: не любодѣꙗти, ни прѣлюбодѣꙗті, ни красти, ни клеветаті, ни оубити, ни злодѣꙗти весма.	Отъ нихъ же первіе Сиріи, живущіи на конець земля, законъ имуть — отець своихъ обычай: не любодѣяти и прелюбодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли злодѣяти весьма.
Νόμος δὲ παρὰ Βακτριανοῖς ἤτοι Βραχμάνες καὶ Γνησιῶτες, ἡ	Законъ ж и оу Вактіриꙗнъ, г҃лемии Врахмане и Ѡстровници:	Законъ же Уктиріянъ, глаголеми Врахмане Островьници [3]):

1) Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum oxoniensium descripsit *A. I. Cramer*. Vol. IV. Oxonii. 1837, p. 236—237.

2) Т. е. «а беззаконники считаютъ закономъ обычаи предковъ (отеческіе)»; τά πάτρια—mores, instituta majorum—невѣрно переведено словомъ: *отечествіе*, которому соотвѣтствуетъ въ Греческомъ: ἡ πατρίς — patria.

3) *Островьници* соотвѣтствуетъ Γνησιῶτες. — νησιώτης значитъ *островскій*, отъ ἡ νῆσος—островъ. *Островами* назывались въ древности *отдаленныя страны* вообще. Такъ Бытія X, 32: ἀπο τούτων διεσπάρησαν νῆσοι τῶν ἐθνῶν ἐπὶ τῆς γῆς μετὰ τὸν κατακλυσμόν — по древнему переводу: «ѿ сихъ разсѣашѧсѧ *острови* страннии на земли по потопѣ».

ἐκ προγόνων παιδεία τε καὶ εὐσέβεια, μὴ κρεοφαγεῖν, ἢ οἰνοποτεῖν, ἢ λαγνεύειν, ἢ παντοίαν κακίαν διαπράττεσθαι διὰ πολὺν φόβον Θεοῦ καὶ πίστιν·	иже ѿ прадѣдъ показаниѥмь, и бл҃гоч҃тьемь, мѧс не ꙗдоуще, ни вина пьюще, ни блоуда творѧще, ни зла коѥго творѧще, страха ради многа и Бжи҃ꙗ вѣры.	еже отъ прадѣдъ показаньемъ, благочестьемъ, мясъ не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, страха ради многа.
Καίτοιγε τῶν παρακειμένων αὐτοῖς μιαιφονούντων καὶ αἰσχροπραγούντων, ἐμμανῶς τε καὶ ὑπερφυῶς· ἐν δὲ τοῖς ἐσωτέροις μέρεσι τούτων ἀνθρωποβοροῦντες μάλιστα καὶ κατεσθίοντες ἀλλήλους ὡς οἱ κῦνες.	Таче прилежащемъ к нимъ Индѧномъ, оубиистводѣици и скверньнотворѧще и гнѣвливи паче ѥстьства. Въ ноутрьнѣйши же странѣ ихъ чл҃вкы ꙗдоуще, и страньнꙑꙗ оубивають; паче же ꙗдѧть ꙗко пси.	Ибо таче прилежащимъ къ нимъ Индомъ, убiйстводѣицамъ, сквернотворяще и гнѣвливiи паче естьства. Въ нутрьнѣйши же странѣ ихъ человѣкъ ядуще, и страньствующихъ убиваху; паче же ядять яко пси[2]).
Ἄλλος δὲ νόμος οὗτος Χαλδαίοις τε καὶ Βαβυλωνίοις, μητρογαμεῖν καὶ ἀδελφοτεκνοφθορεῖν καὶ μιαιφονεῖν· καὶ πᾶσαν θεομισῆ πρᾶξιν ὡς ἀρετὴν ἀποτελεῖν καὶ πόῤῥω τῆς χώρας αὐτῶν γένωνται.	Ѥтеръ же законъ Халдѣѥмъ и Вавилонѧномъ: мт҃ри поимати, с братними чадꙑ блоудъ дѣꙗти, и оубивати. И всѧко бг҃остоудноѥ дѣꙗниѥ ꙗко добродѣтель мнѧтьс дѣюще, любо аще и далече странꙑ своѥꙗ соуще.	Етеръ же законъ Халдѣемъ, Вавилоняномъ: матери поимати, съ братними чады блудъ дѣяти, и убивати. И всякое богостудное дѣянье яко дѣтелье [3]) мнятся дѣюще, любо далече страны своея будуть [4]).
Ἕτερος δ' αὖ Περαγιλαίοις [1]) νόμος· γυναῖκα	Инъ же законъ Гилѣѡмъ: женꙑ в нихъ	Инъ же законъ Гилiомъ: жены въ нихъ

1) Шлецеръ основываясь на словахъ Кедрина: κατεσθίουσιν ὡς Κάβες, и т. д. перевелъ это мѣсто такъ: «ѣдятъ человѣчину и подобно *Кабу* закалаютъ и пожираютъ чужестранцевъ». Онъ замѣчаетъ при этомъ: «во всѣхъ спискахъ: *яко псu;* ни одинъ переписчикъ не зналъ славнаго Каба» (Несторъ, I, 236). Но слова *яко псu* буквально переведены изъ Амартола: ὡς οἱ κῦνες.

2) *Дѣтелье* во всѣхъ спискахъ въ смыслѣ *добродѣтели* (ἀρετή), подобно тому, какъ въ старославянскомъ слово *дѣтѣльнъ* употребляется въ смыслѣ ἀρετῆς — virtutis.

3) Περαγιλαίοις — въ другихъ спискахъ: παρὰ Γηλαίοις.

4) Т. е. богопротивныя дѣла считая добродѣтелью, не оставляютъ ихъ и будучи далеко отъ своей страны, внѣ ея.

οἰκοδομεῖν, καὶ τὰ ἀνδρων ἔργα πράττειν· ἀλλὰ καὶ πορνεύειν ὡς ἂν βούλονται μὴ κωλυόμεναι παντελῶς ὑπὸ ἀνδρῶν αὐτῶν ἢ ζηλουμέναι· αἳ ὑπάρχουσαι καὶ πολεμικώταται καὶ θηρῶσαι τὰ μὴ λίαν ἰσχυρώτατα τῶν θηρίων· ἄρχουσι δὲ καὶ τῶν ἰδίων ἀνδρῶν καὶ κυριεύουσιν·

Ἐν δὲ Βρεττανίᾳ πλεῖστοι ἄνδρες μιᾷ συγκαθεύδουσι γυναικί· καὶ πολλαὶ γυναῖκες ἑνὶ ἑταιρίζονται ἀνδρί. καὶ τὸ παράνομον ὡς νόμον καλὸν καὶ πατρῷον πράττουσιν ἀζήλωτον καὶ ἀκώλυτον.

Ἀμαζόνες δὲ ἄνδρας οὐκ ἔχουσιν, ἀλλ᾽ ὡς τὰ ἄλογα ζῶα ἅπαξ τοῦ ἐνιαυτοῦ περὶ τὴν ἐαρινὴν ἰσημερίαν ὑπερόριοι γίνονται, καὶ μιγνύμεναι τοῖς γειτνιῶσιν ἄνδρασιν, ὡς πανήγυρίν τινα καὶ μεγάλην ἑορτὴν τὸν καιρὸν ἐκεῖνον ἡγοῦνται· ἐξ ὧν καὶ κατὰ γαστρὸς συλλαβοῦσαι

ѡрють и зижють храмы и моужьскаꙗ дѣла творꙗт; но и любы творити ѥлико хотꙗть, невъздержими ѿ моужь своих весма, лі зазрꙗть. В нихъ же ѕоуть и храбрꙑꙗ женꙑ ловити звѣри зѣло крѣпки. Владѣють же и моужи своими и оудоблꙗють имъ.

Въ Вретании же мнози моужи съ ѥдиною женою спꙗть, и многꙑ женꙑ съ ѥдинѣмь моужемь похотьствують; и безакониѥ ꙗко законъ оч҃ь творꙗть независтьно, ни въздержимо.

Амазонꙗне же моужа не имоуть, но акꙑ скотъ бесловеснꙑи ѥдиною лѣтмь къ вешнимъ днемъ ѡземьствьни боудут, и счатаютьсꙗ съ ѡкрьтнꙑми ихъ моужи: ꙗко нѣкоѥ торж҃ство и велико праздньство времꙗ то мнꙗть. ѿ них же зачеnъше въ чрьвѣ, пакꙑ

орють, зижють хоромы, мужьская дѣла творять; но любы творять елико хощеть, невъздержаеми отъ мужій своихъ весьма, ни зазрять. Въ нихъ же суть храбрыя жены ловити звѣрь крѣпко. Владѣють же жены мужи своими и добляють ими [1]).

Во Врѣтаньи же мнози мужи съ единою женою спять, и многыя жены съ единымъ мужемъ похотьствують; безаконьная — законъ отець творять независтьно, ни въздержаньно.

Амазоняне же мужа не имуть, но акы скотъ безсловесный единою лѣтомъ къ вешнымъ днемъ оземьствени [2]) будуть, и сочтаются съ окрестными мужи: яко нѣкоторое имъ торжьство и велико празденьство время тѣмъ мнять. Отъ нихъ заченшимъ въ чревѣ, паки разбѣгнутся отсюду вси. Во

1) *Оудоблѣти* (= оудолѣти, оуделѣти) — Старославянск., соотвѣтствуетъ Греч. νικᾶν, vincere, одолѣть, овладѣть.

2) *Оземьствени* — въ другихъ спискахъ: «единою лѣта въ врѣме весны *отлучаютсе*». Оземьственъ — ὑπερόριος, peregrinus. *Оземьствовати* значило *изгнать*: «Ираклиѡну болꙗриноу оурѣзавъше носъ, а м҃три ѥго ꙗзыка, *оземьствовашa*».

παλινδρομοῦσιν οἴκαδε πᾶσαι· τῷ δὲ καιρῷ τῆς ἀποκυήσεως τὸ μὲν ἄῤῥεν φονεύουσι· τὸ δὲ θῆλυ ζωογονοῦσι, καὶ ἐπιμελῶς ἐκτρέφουσιν.	разбѣгноуться ѿтоудѣ вси. Въ время же хотащьмъ родити, аще родиться ѡтроча, погоубать ѥ, ащел дв҃чьскъ полъ, то питають ѥ.	время же хотящимъ родити, аще родится отроча, погубять; аще дѣвическъ полъ, то въздоять, прилежнѣ въспитають.

Сказаніе Амартола о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ напечатано Строевымъ по списку библіотеки Толстова, отд. I, № 89, въ Трудахъ общества исторіи и древностей Россійскихъ, ч. IV, кн. 1, въ статьѣ: «О Византійскомъ источникѣ Нестора», стр. 177—178; археографическою коммиссіею—по двумъ спискамъ, по каждому отдѣльно, въ приложеніяхъ къ 1-му тому полнаго собранія Русскихъ лѣтописей, стр. 241—242.

Шлецеръ полагалъ, что Несторъ перевелъ это сказаніе изъ Кедрина, писателя половины XI вѣка [1]). Дѣйствительно, въ хроникѣ Кедрина находится описаніе быта разныхъ народовъ, слѣдующее также за извѣстіемъ о Врахманахъ [2]): но оно не представляетъ такого поразительнаго сходства съ нашею лѣтописью, какъ сообщаемое Амартоломъ. Такъ о бытѣ Халдеевъ и Вавилонянъ Кедринъ говоритъ только: ἕτερος νόμος Χαλδαίοις καὶ Βαβυλωνίοις ἀσελγείας ἀνάμεστος καὶ αἰσχρουργίας — «законы Халдеевъ и Вавилонянъ исполнены безстыдства и мерзости», и т. д. Самъ Шлецеръ чувствовалъ недостаточность хроники Кедрина для объясненія лѣтописнаго извѣстія и приводилъ еще свидѣтельства изъ Евсевія († 340) и Кесарія († 369), брата Григорія Богослова.

Второй отдѣлъ хроники Георгія Амартола посвященъ исторіи ветхозавѣтной. Основою повѣствованія служитъ Библія, но

1) *Шлецера:* Несторъ, Русскія лѣтописи. I, 232 и 236.

2) Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae. 1838. Georgius Cedrenus. Tomus prior. p. 269—270.

разсказъ Амартола во многомъ удаляется отъ библейскаго. Несходство между ними состоитъ въ извѣстіяхъ историческихъ, почерпнутыхъ Амартоломъ изъ другихъ источниковъ, въ различныхъ толкованіяхъ и сужденіяхъ и наконецъ въ томъ примѣненіи прошедшаго къ настоящему, которымъ обнаруживается взглядъ Византійскаго лѣтописца. Добавленія историческія заимствованы частью изъ Іосифа Флавія, частью изъ книгъ апокрифическихъ. Къ числу прибавокъ послѣдняго рода принадлежатъ разсказы о Сивиллѣ, о врачебныхъ книгахъ Соломоновыхъ и т. п. Царица Саванская, говоритъ Амартолъ, которая называется у Еллиновъ Сивиллою, желая испытать мудрость Соломона, представила ему нѣсколькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, одинаково одѣтыхъ и причесанныхъ, и предложила узнать, кто изъ нихъ какого пола. Мудрый царь приказалъ всѣмъ имъ умыться, и по движеніямъ ихъ узналъ, къ какому полу они принадлежали: мальчики крѣпко терли свои лица, дѣвочки же — гораздо нѣжнѣе. Находчивость Соломона изумила царицу.

Къ историческимъ добавленіямъ въ хроникѣ Амартола относятся также извѣстія о времени жизни и поступкахъ замѣчательныхъ людей міра языческаго. Въ ней говорится о Прометеѣ, Орфеѣ, Гомерѣ, Гезіодѣ, Ликургѣ, Эпаминондѣ; о древнихъ философахъ: Пиѳагорѣ, Анаксагорѣ, и особенно подробно — о Платонѣ и Аристотелѣ. О Платонѣ Амартолъ отзывается съ большимъ уваженіемъ, именуя его «мужемъ, славнымъ въ Еллинахъ, премудрымъ Платономъ». По мнѣнію Амартола, мысли Платона отличаются возвышенностью и чистотою: онъ училъ, что душа безсмертна, будучи образомъ Божіимъ; что она должна владычествовать надъ страстями. Совершенно другой взглядъ на вещи имѣлъ Аристотель, который возсталъ противъ своего великаго учителя Платона, не устыдясь его державныхъ словъ— «ни о словесѣхъ его державныхъ устыдѣсѧ». Амартолъ называетъ Аристотеля «блудникомъ», и приписываетъ ему весьма невыгодное вліяніе на народную нравственность.

Гдѣ всего виднѣе личность Амартола, это въ разсужденіяхъ,

замѣчаніяхъ и обращеніяхъ, которыя встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ его лѣтописи. Печальная судьба Моисея, умершаго у самыхъ предѣловъ обѣтованной земли, вызвала сочувствіе Амартола, посвятившаго выраженію своей скорби нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ. Отъ исторіи Моисея Амартолъ часто обращается къ своему времени, для котораго видитъ въ ней примѣръ въ высшей степени поучительный. Назидательное значеніе ея подкрѣплено цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія.

«По селицѣ исправленіи мнозѣ — говоритъ Амартолъ — и толикою моудростию и трезвѣниѥмь мало въздрѣмавъсѧ, не оулоучи прошениꙗ; како мы, иже стопы таковыꙗ добродѣтели или разоума не стѧжавъше, не воину бдѣти имамъ, и възрыдаѥмъ, и въсплачемъ себе весма, и раби неключимими быти мнимⷭ҇. Сего ради предъоутвержаꙗ Гⷭ҇ь гл҃ше: ѥгда вьсѧ повелѣнаꙗ вамъ створите, тогда рцѣте ꙗко неключимии раби ѥсмы, и ѥже бⷭ҇ъı намъ створити, створіхомъ. И се вѣдыи, бжⷭ҇твьныи Исаиꙗ къ Гⷭ҇оу рече: всѧ наша оправданиꙗ, ꙗко соукно раздрано предъ Тобою. Такожеже и ст҃опѣвець предобродѣтелныи Дв҃дъ гл҃а: рѣхъ Гⷭ҇ви: Б҃ъ мои ѥси ты, ꙗко бл҃гыхъ моихъ не требоуѥши. Тѣмь и оучить, гл҃ѧ: работаите Гⷭ҇ви съ страхомь и радоуитеⷭ҇ ѥмоу с трепетомъ.... Слыши оубо, что гл҃ть прⷪ҇ркъ, о добрыхъ размышлѧꙗ: ѿ страха Твоѥго, Г҃и, въ чревѣ приꙗхомъ, поболѣхомъ и родихомъ дх҃ъ сⷭ҇пниꙗ; о скверньныхъ[ж]: ꙗица аспидова извергоша и кросна паоуча ткоуть. О сихъ разъмышлѧюще, възлюбльнии, с разоумомь боремъсѧ, ꙗко и паче да не престанемъ, ѿ чⷭ҇тнаго онаго и бцⷭ҇тиваго моужа разоумно въспоминающе» (л. 69 об.—70 об.).

Такое же изліяніе чувствъ и мыслей автора сопровождаетъ и многія другія повѣствованія.

Изъ разсматриваемаго отдѣла хроники заимствовано свѣдѣніе о раздѣленіи земли между потомками Ноя съ перечисленіемъ странъ трехъ частей свѣта. Соотвѣтствующее мѣсто изъ Амартола напечатано въ названной выше статьѣ Строева,

стр. 178—179, и при первомъ томѣ лѣтописей, стр. 239—240.

Сверхъ космографическаго очерка, источникомъ для лѣтописи представляется находящійся въ томъ же отдѣлѣ разсказъ о нечестивыхъ обычаяхъ Еллиновъ. Подробное изложеніе этого предмета у Амартола послужило, вѣроятно, основаніемъ для слѣдующаго краткаго извѣстія лѣтописи: «На 70 и единъ языкъ раздѣлишася, и разидошася по странамъ, и кождо своя норовы прїяша. По дьяволю ученью, ови рощеньемъ, кладеземъ и рѣкамъ жряху, и не познаша Бога. Посемъ же дьяволъ въ болшее прельщенье вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣдяны, а друзіи мраморяны, а иные златы и сребрены; кланяхуся имъ, и привожаху сыны своя и дъщери, и закалаху предъ ними, и бѣ вся земля осквернена. Началникъ бо бяше кумиротворенью Серухъ, творяше бо кумиры во имяна мертвыхъ человѣкъ, овѣмъ бывшимъ царемъ, другомъ храбрымъ, и волъхвомъ, и женамъ прелюбодѣицамъ» (стр. 39). Начало злыхъ обычаевъ Амартолъ приписываетъ Серуху: «тъ первѣѥ начатъ Ѥлиньскаꙗ учениꙗ; древлебывъшимь храбромь игѣмономь, ли створшимь что моужьскоѥ добродѣтелье и помнити достоить ихъже, — коумирными столпъı почтис.... ꙗко бг҇ъı нбн҇ъıꙗ чтахоу и жрахоу имъ, неже ꙗко чл҇вмъ мертвомъ бывъшемъ». Упомянувъ о Серухѣ, Амартолъ говоритъ, что люди замышленіемъ своимъ честь и славу Божію возложили на небо, и на солнце, и на луну, и на звѣзды; богами стали называть людей, иныхъ по смерти, другихъ еще при жизни. Не только на людей перенесли имя Божіе, но и на звѣрей и гадовъ и даже на камни и деревья. И если спрашиваютъ у порабощенныхъ соблазномъ, почему они признаютъ богами умершихъ людей, то получаютъ въ отвѣтъ: потому называемъ ихъ богами, что они «человѣкомъ угодници быша», а именно: Посейдонъ открылъ искусство мореплаванія, Аполлонъ — музыку, Аѳина — тканье, Артемида — звѣриный ловъ, и т. п. Но въ такомъ случаѣ, возражаетъ Амартолъ, слѣдуетъ называть богами и другихъ изоб-

рѣтателей: Финикіянъ, Гомера, Зенона, и т. д. Ибо Финикіяне изобрѣли письмена, Гомеръ изобрѣлъ героическую поэзію, Зенонъ — діалектику, Кораксъ — реторику, Триптолемъ — пшеничное сѣмя, Ликургъ и Солонъ — законы.

По различію боговъ, далѣе говоритъ Амартолъ, и различныя жертвы приносятся имъ. Египтяне боготворятъ тельца и «волнатаго козла, и тѣми ктери Диωви жертвоу приносѧть»; Ливійцы почитаютъ овцу; Индійцы въ Діониса вѣруютъ и «съ притчею кмоу вино наричють», принося жертвы. «Инии же рѣкамъ и стоуденцемъ, паче же всѣхъ Єгоуптѧне водоу почтоша, и б҃а нарекоша. Тѣмъ тольма преоумножисѧ идолобѣсовьствиѥ во всѧ ꙗзыкы, не точью воломъ, и козломъ, и псомъ, и трепѧстъкомъ оугажахоу, но и чесновиткоу и лоуку» (л. 41).

За библейскою исторіею слѣдуетъ краткое, отчасти составленное также по Библіи, обозрѣніе царствованія Навуходоносора и его преемниковъ, и царей Индійскихъ, Персидскихъ и другихъ, владѣвшихъ Вавилономъ. Въ нашу лѣтопись перешло изъ этого отдѣла хроники только извѣстіе о знаменіяхъ, являвшихся въ Іерусалимѣ при Антіохѣ († 174 до Р. Х.).

Хроника Амартола, по рукописи М. Д. Академіи, л. 128 об.	*Лѣтопись. I, стр. 71.*
Антиωхъ ж ωблада соущаꙗ грады въ Єгоуптѣ, и всѧ плѣни. С҃тмоу же градоу живоущю всѣмь миромь.... ключисѧ по всемоу градоу вѣскорѣ за днии м҃ ꙗвлѧтисѧ на въздоусѣ, на конихъ рищюще, въ ωружьи, златыꙗ ωдежа имоуще, и полци ωбоꙗмо бывающа, и ωроужию двизаниꙗ и златыꙗ красоты блистаниꙗ всѧкымь видомь ωблечены въ брънѧ.	Якоже древле при Антіосѣ въ Іерусалимѣ ключися внезапу по всему граду за 40 дний являтися на вздусѣ на конихъ рищющимъ, въ оружьи, златы имуща одежѣ, и полкы обоамо являемы, и оружьемъ двизающимся. Се же проявляше нахоженье Антіохово на Іерусалимъ.

Сего ради молахоуса, да блго боудеть ıавлаемоıе; ıавлеıе же проıавлаше злоıе пришествиıе Антиωховово.

Исторія «Римскихъ царствъ» начинается Юліемъ Цезаремъ, котораго Амартолъ называетъ надменнымъ и жестокимъ: «облада Ромьскъıми скипетръı съ многою гордынею и боуıестью, тѣмь и диктаторъ нарицашес, ıеже ıесть сказаıемо ıединовластець». Повѣствованіе заключается царствованіемъ Константина Великаго до принятія имъ христіанской вѣры; послѣднее изъ описываемыхъ событій есть крещеніе Константина, его матери и подданныхъ.

Римская исторія, излагаемая Амартоломъ, разсматриваетъ преимущественно церковныя событія, и потому скорѣе можетъ быть названа исторіею церкви во времена императоровъ, нежели политическою исторіею Римскаго царства. Объ Августѣ сказано только, что онъ покорилъ Египетъ, построилъ нѣсколько городовъ, и въ честь его одинъ изъ мѣсяцовъ названъ августомъ. Вслѣдъ за этимъ помѣщено весьма подробное извѣстіе о рожденіи Христа Спасителя. Послѣ весьма краткихъ замѣтокъ о Неронѣ слѣдуетъ пространное описаніе дѣйствій св. Петра, его состязаній съ Симономъ волхвомъ, и мученической кончины апостоловъ Петра и Павла. О Клавдіи замѣчено, что онъ царствовалъ послѣ Гая, умертвилъ убійцъ Гаевыхъ, и самъ отравленъ былъ женою. Затѣмъ помѣщено обширное разсужденіе о монашеской жизни, въ которомъ разсматриваются начало ея и значеніе, и опровергаются несправедливыя нападки ея противниковъ. Этотъ эпизодъ заслуживалъ особеннаго вниманія нашихъ книжниковъ, какъ можно судить потому, что онъ включаемъ былъ въ различные сборники особою статьею подъ заглавіемъ: «О Клавдии цри и о посничьскомъ бголюбивѣмъ жительствѣ, како и ѿкоудоу бысть».

Въ числѣ историческихъ повѣствованій, внесенныхъ въ хронику, находятся слѣдующія: объ Авгарѣ, желавшемъ имѣть изображеніе Спасителя, о распятіи евангелиста Луки, о кончинѣ Іакова, брата Господня, и т. п. Подвиги мучениковъ, которыми такъ богатъ періодъ гоненій на христіанство, излагается съ особенною подробностью.

Событія другого рода, описываемыя Амартоломъ, суть большею частью различныя бѣдствія и необыкновенныя явленія природы. О Галіенѣ сказано въ хроникѣ, что онъ «наипервѣє коньскъıхъ чинъ оустави; пѣши бо болма въ Римьстѣмь бѧхоу; оубьенъ же бы ѿ воинникъ», и эти скудныя извѣстія дополняются описаніемъ мора, поразившаго родъ человѣческій во времена Галіена. При немъ, говоритъ Амартолъ, Богъ послалъ гнѣвъ свой на всю вселенную. Изъ земли и изъ моря подымались заразительные пары и дымъ, причинявшіе неисцѣлимыя болѣзни. Народу гибло безъ числа, и всюду раздавались рыданія и вздохи; отъ множества умирающихъ, мертвецы оставались безъ погребенія; «ни оужикъı, ни дроугъı, ни инѣхъ къıхъ соусѣдъ пощадѧше». Послѣ Тацита царствовали Провъ и Флоріанъ: «сь оубо Провъ, вредооуменъ створивъсѧ, оуби Флорьꙗна. При томь, дъждю бъıвъшю, пшеница с водою смѣшенъı много спаде, ѥгоже събравше соусѣкъı великъıꙗ створиша. Такоже и при Аврилиꙗнѣ кръхти сребрьни испадоша». Выборъ подобныхъ предметовъ для описанія опредѣляетъ взглядъ Амартола на вещи, показываетъ, какимъ явленіямъ въ исторіи народовъ придавалъ онъ особенное значеніе.

Въ описаніи царствованія Домиціана главное мѣсто занимаетъ разсказъ о волхвѣ Аполлоніи Тіанскомъ, перешедшій и въ нашу лѣтопись (стр. 16—17). Онъ приводится и Строевымъ (стр. 179—181), и археографическою коммиссіею (стр. 243—255). Въ статьѣ князя Оболенскаго: «О Греческомъ кодексѣ Георгія Амартола» къ Славянскому переводу, Сербской редакціи, приложенъ Греческій текстъ по синодальной рукописи XII вѣка (стр. 79—81).

Въ лѣтопись вошло еще извѣстіе о звѣздѣ въ видѣ копья, являвшейся въ Іерусалимѣ при Неронѣ. У Амартола: «тѣмь имъ (Іудеямъ) страшныя показываше, хотящеѥ быти имъ плѣнениѥ проповѣдоуя.... по семъ явися звѣзда надъ градомъ ѡбразомь копья». Въ лѣтописи: «по семъ же при Неронѣ цари въ томъ же Іерусалимѣ возсія звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ: се же проявляше нахоженье рати отъ Римлянъ» (стр. 71).

Другихъ заимствованій изъ этого отдѣла не замѣтно. Можно полагать, что свѣдѣнія о Римской исторіи, кое-гдѣ встрѣчающіяся въ разныхъ спискахъ, почерпнуты изъ хронографа Амартола. Вѣроятно, чтеніе хроники или другаго подобнаго ей произведенія дало возможность Русскому автору сдѣлать такое сравненіе своего князя съ Греческимъ императоромъ: «се есть новый Костянтинъ[1]) великаго Рима, иже крестивъ ся самъ и люди своя: тако и сь створи подобно ему» (стр. 56). Но развѣ только въ этомъ сравненіи и выразилось знакомство писавшаго о жизни и крещеніи Владимира съ Византійскими хронографами. Въ другихъ же обстоятельствахъ принятіе христіанской вѣры Константиномъ, по описанію Амартола, и св. Владимира, по описанію нашего лѣтописца, руководимаго домашнимъ источникомъ, представляетъ болѣе различія, нежели сходства, и послѣднее заключается въ самыхъ событіяхъ, а не въ ихъ изложеніи.

И Константинъ, и Владимиръ поражены болѣзнью предъ крещеніемъ, и исцѣляются отъ нея при совершеніи таинства; но болѣзни ихъ различны. Константинъ, какъ говоритъ Амартолъ, занемогъ жестокимъ недугомъ; напрасно обращался онъ и къ волхвамъ, и къ врачебнымъ пособіямъ. Жрецы предложили ему послѣднее средство: умертвить нѣсколькихъ дѣтей и искупаться въ ихъ теплой крови. Но видъ матерей тѣхъ младенцевъ, которые обречены были на жертву, тронулъ Константина. Онъ сказалъ: лучше умру отъ тяжкой болѣзни, нежели куплю вы-

---

1) Тоже сравненіе употребляетъ Григорій Турскій, говоря о крещеніи Хлодовея (Chlodoveus): Procedit *novus Constantinus* ad lavacrum, deleturus leprae veteris morbum, etc.

здоровленіе цѣною крови невинныхъ дѣтей. Состраданіе его было награждено небеснымъ видѣніемъ: ему явились во снѣ апостолы Петръ и Павелъ, и сказали: призови Сильвестра; онъ укажетъ тебѣ источникъ, цѣлебный не только для тѣла, но и для души. Этимъ источникомъ была купѣль крещенія, изъ которой Константинъ вышелъ здоровымъ, оставя въ водѣ струпы, подобные рыбной чешуѣ. Совершенно иначе, какъ извѣстно, описаны въ нашей лѣтописи болѣзнь и исцѣленіе Владимира.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ описаніи крещенія народа Русскаго замѣтна самостоятельность нашего автора, не смотря на то, что ему весьма легко было подчиниться вліянію Византійца, описавшаго крещеніе Константина. Владимиръ подобно Константину былъ просвѣтителемъ своего народа, а потому при литературной обдѣлкѣ преданія о Владимирѣ удобно было воспользоваться Греческимъ повѣствованіемъ о царѣ, сдѣлавшемъ для своей земли тоже самое, что Владимиръ сдѣлалъ для Русской. Самый призывъ народа ко крещенію не одинаково переданъ Византійскимъ и Русскимъ авторами. Амартолъ говоритъ, что народъ, увидѣвъ чудесное исцѣленье Константина, воскликнулъ: великъ Богъ христіанскій; мы всѣ теперь вѣруемъ въ него, и желаемъ креститься. Царь же сказалъ имъ: «чл҃вчска бо ноудима, бж҃твьна же волна соуть, ибо бл҃гою волею и любовью чьстимъ ѥсть. Тѣмь не ноужею, но соудомь свободнъıмь повелѣваѥмъ кр҃тьıаномъ бъıти хотѧщимъ, а не страхомь чл҃вчемь приводитисѧ къ Бж҃ии работѣ» и т. д. Въ нашей лѣтописи такимъ образомъ говорится о призваніи народа Русскаго ко крещенію: «Володимеръ посла по всему граду, глаголя: аще не обрящеться кто заутра на рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищъ, ли работенъ, противенъ мнѣ да будеть. Се слышавше, людье съ радостью идяху, радующеся и глаголюще: аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли» (стр. 50).

Въ повѣствованіи о временахъ христіанскихъ еще живѣе, нежели въ предъидущихъ отдѣлахъ хроники, обнаруживается религіозное направленіе. Судьба христіанской церкви составляетъ тотъ предметъ, которымъ преимущественно занимается Амартолъ при изложеніи исторіи съ эпохи Константина Великаго. Поэтому на первомъ планѣ является описаніе вселенскихъ соборовъ, какъ событій, упрочившихъ спокойствіе церкви, а съ другой стороны — описаніе ересей, усилія лжеучителей разрушить единство церкви и положить предѣлъ распространенію истинной вѣры. Возмущенія, произведенныя иконоборцами, изложены съ особенною подробностью и энергіею. Обличая ложность началъ, руководившихъ изступленными еретиками, Амартолъ расточаетъ укоризны ихъ представителямъ и защитникамъ. Упрекъ ѣдкій Константину Копрониму выраженъ такою игрою словъ: «не бо бѣ *христіанинъ*, но *хрѵсіанинъ* (ὁ χρυσός — золото) и хрѵсолатрь, сирѣчь златѣль и златоу слоужитель, или, истиннѣѥ и своиствьнѣѥ рещи, идолослоужитель». Въ исторіи Константина Великаго описано весьма подробно преніе Сильвестра съ Жидами, которые были торжественно обличены и силою слова святаго мужа, и чудомъ, совершеннымъ въ присутствіи всего народа.

Такое же мѣсто, какъ подвиги Сильвестра при Константинѣ, занимаютъ при описаніи другихъ царствованій подвиги святыхъ и учителей церкви съ извѣстіемъ о чудесахъ, совершенныхъ ими. Къ св. Макарію, говоритъ Амартолъ, пришелъ слѣпецъ, чтобы просить исцѣленія. Святаго не было на ту пору дома. Слѣпецъ въ уныніи, но съ живою вѣрою, просилъ привести его къ той стѣнѣ, у которой обыкновенно почиваетъ подвижникъ. Когда его привели туда, онъ взялъ немного «отъ сухаго бернья», коимъ смазана была стѣна, смѣшалъ его съ водою, помазалъ глаза, омылъ ихъ водою изъ источника, откуда пилъ воду св. Макарій, и глаза слѣпаго открылись: онъ возвратился домой безъ вожатаго. Не только люди, даже звѣри знали чудодѣйственную силу Макарія. Однажды гіена принесла дѣтей своихъ, слѣпыхъ, и бросила къ ногамъ Макарія; святой узналъ, что она

просила о прозрѣніи, и исцѣлилъ принесенныхъ отъ слѣпоты. Вскорѣ потомъ гіена съ дѣтьми пришла опять къ святому, держа въ зубахъ овечью кожу, и положила ее у дверей, какъ знакъ благодарности.

Между сказаніями о чудесахъ и подвигахъ святыхъ, о соборахъ и еретикахъ, встрѣчаются извѣстія другаго рода; но они, хотя и кажутся отдѣльными повѣствованіями, въ сущности суть только дополненія къ предмету, на коемъ сосредоточивается вниманіе автора. Такъ, въ хроникѣ довольно подробно говорится о воспитаніи Аркадія и Гонорія, сыновей императора Θеодосія. При этомъ сообщается нѣсколько любопытныхъ случаевъ, показывающихъ отношеніе Арсенія, избраннаго въ наставники, къ своимъ питомцамъ и взглядъ на воспитаніе Θеодосія, требовавшаго, чтобы наставникъ пользовался всѣми своими правами. Но весь этотъ разсказъ вошелъ въ хронику какъ эпизодъ изъ жизни Арсенія: авторъ не держится даже хронологическаго порядка, говоритъ о судьбѣ Арсенія по смерти Θеодосія, и потомъ снова обращается къ царствованію Θеодосія. Воспитаніе будущихъ императоровъ, Аркадія и Гонорія, такъ же какъ и нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни Іоанна Златоуста и другихъ отцевъ церкви, принадлежатъ къ числу описаній, довольно живо изображающихъ Византійскій бытъ.

Но не изображеніе внутренняго быта было главною задачею Амартола: цѣль у него была, какъ мы видѣли и какъ самъ онъ говоритъ, совершенно другая. Изъ происшествій, стоящихъ повидимому внѣ этой цѣли, онъ избиралъ такія, которыя казались ему необыкновенными, чудесными. Такимъ образомъ лѣтопись его есть въ нѣкоторомъ смыслѣ лѣтопись чудесъ, изъ коихъ одни совершаются высшею силою посредствомъ избранниковъ Божіихъ, другія же внѣшнею силою природы. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ замѣтки, подобныя слѣдующимъ. При Константинѣ Великомъ въ «Камбанистѣи странѣ» было землетрясеніе, разрушившее 13 городовъ; и солнце исчезло въ третьемъ часу дня, такъ что звѣзды явились на небѣ. Въ «Ми-

литинпистѣи странѣ» собрались змѣи во множествѣ, начали биться, избили другъ друга, и смрадъ отъ тѣлъ ихъ наполнилъ всю страну. При Юстинѣ Ѳракіянинѣ зловѣщая звѣзда являлась на небѣ въ теченіе 26 дней и ночей, и было страшное землетрясеніе; «Помьпиискъіи же градъ Моусикъіискъіѩ странъі» разсѣлся пополамъ, и половина его провалилась въ землю; люди изъ подъ земли взывали о помощи, но напрасно: ее невозможно было подать. И жена нѣкая пришла отъ Киликіи «гиганьтородица», ростомъ на цѣлый локоть превосходившая самаго высокаго человѣка.

Вмѣстѣ съ происшествіями чудесными въ собственномъ смыслѣ Амартолъ описывалъ и вещи просто диковинныя. Такъ онъ разсказываетъ о фокусникѣ, который отбиралъ кольца у зрителей, а собака возвращала каждому по принадлежности. «Пріиде ѿ запада чл҃вкь нѣкыи, — говоритъ онъ — ходьць вь Константинь градь, имѣѩ пса чрьмна и слѣпа, иже, повелѣваѥмь ѿ ходца, твораaше чюдеса прѣславна: прѣдстоѥщоу же народоу, ходцоу вьземлющоу ѿ многыхь прьстенѥ златы, и сребрьны, и мѣдны, и желѣзны, и все смѣшаѥ и закрываѥ прьстию, и псоу повелѣваѥ, вьзымааше оусты и давааше комоуждо свои прьстень, ꙗкожде и златныкы различныихь цр҃еи смѣшены подавааше па име. И кь симь прѣдстоѥщоу народоу моужіи и жень вьпрашаѥмь показовааше вь чрѣвѣ имоущеѥ по законоу и безъ закона. и прелюбодѣѥ, и блоудпице, и доброволныихь, и милостивыѥ, и нерасоудниихь, и немилостивыхь, — съ истиною всѣхь обличааше; тѣмже гл҃аахоу: доухь пытливыи имать» и т. п.

Въ лѣтопись изъ послѣдняго отдѣла перешли въ сокращеніи извѣстія о чудныхъ явленіяхъ. У Амартола:

	Лѣтопись. I, 71.
Априліа же мц҃а течениѥ звѣздамь бысть на вьздоусѣ, и падающемь на землю, ꙗкоже видещеи мнѣти кончинѣ быти. Абиѥ же и соуша бы҃ многа и гладь великь...	Посемь же бысть при Костянтинѣ иконоборци, сына Леонова, теченье звѣздное бысть на небѣ, оторваху бо ся на землю, яко видящимъ мнѣти кончину; тогда же

Вь Сиріи же бы̑ троусь и много падение, ꙗкоже овѣмь ѿ градовь до конца низложеномь быти, овѣм же ѿ полоу, овѣмь же ѿ горь на подьлежещаꙗ мѣста равнаꙗ сь стѣнами и сь храминами вьнезаꙗпоу прѣложеномь безь врѣда, ꙗко на пьприщи двѣ. И земꙗ Месопотоміискаꙗ на г҃ пьприща растрьгшисе, и дроугаꙗ израстьши бѣла и пѣсьчна земꙗ, изыде прѣславно ѿ срѣды сее мьскь, чл҃вчьскымь гласомь вѣщае и провьзвѣщае нашьствие ѥзыкомь; еже и бы̑ помалѣ. (л. 345 об.—346. Синод. рпс.).	въздухъ възліяся по велику. Въ Сиріи же бысть трусъ великъ; земли разсѣдшися трій поприщь, изиде дивно изъ землѣ мъска, человѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитье языка; еже и бысть: наидоша бо Срацини на Палестиньскую землю.

Другія извѣстія, о явленіи блистаницы при Юстиніанѣ и рожденіи ребенка съ рыбьимъ хвостомъ при Маврикіи, см. въ статьѣ Строева, стр. 181, 4 и 5. Въ лѣтописи эти три извѣстія, и еще нѣкоторыя другія, слѣдуютъ одно за другимъ (стр. 71), а въ рукописи они находятся въ разныхъ мѣстахъ, именно на л. 288, 293 и 345. Въ лѣтописи поставлены они рядомъ очевидно потому, что признаны однородными, а сопоставить ихъ лѣтописецъ могъ только при знакомствѣ со всею хроникою, а не съ однимъ какимъ-либо отрывкомъ или даже цѣлымъ отдѣломъ ея.

Какъ въ этомъ отдѣлѣ, такъ и въ другихъ отдѣлахъ хроники есть нѣсколько выраженій, сходныхъ съ лѣтописными. О Святославѣ сказано въ лѣтописи: «легко ходя аки пардусъ, войны многи творяше» (стр. 27). Амартолъ говоритъ объ Алексадрѣ Македонскомъ: «скочи акы пардусъ съ многою силою на въсточныꙗ странъı». Въ лѣтописи о Святополкѣ: «прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже злѣ животъ свой» (стр. 63). У Амартола о Домиціанѣ: «нелѣпою см҃ртью и мерзъкою и скверною испроверже житье». Объ Юліанѣ: «прободеньемь животъ съı испроверже невѣдоущю ѥмоу, кто и оуби», и др.

Сравненіе соотвѣтствующихъ мѣстъ нашей лѣтописи и хроники Амартола показываетъ, что иныя заимствованія изложены лѣтописцемъ въ сокращеніи и отчасти своими словами, другія же, пространныя, выписаны почти дословно. Источникомъ служилъ скорѣе Славянскій переводъ, нежели подлинникъ. По крайней мѣрѣ въ лѣтописи не замѣчается такихъ особенностей выраженія, которыя, уклоняясь отъ Славянскаго перевода, сходны были бы съ Греческимъ текстомъ, и которыя весьма обычны въ другихъ памятникахъ. Такъ извѣстно, что переводы Св. Писанія позднѣйшіе отличаются отъ древнихъ большею и буквальною вѣрностью Греческому тексту. Но такой буквальной вѣрности въ лѣтописныхъ извлеченіяхъ изъ Амартола нѣтъ. Напротивъ, всякое отступленіе отъ подлинника въ лѣтописи объясняется такимъ же отступленіемъ и въ переводѣ. Именительные падежи: ἡ ἐκ προγόνων παιδεία τε καὶ εὐσέβεια — постановленіе предковъ и благочестіе — переведены и въ хронографѣ, и въ лѣтописи творительными: «иже (еже) отъ прадѣдъ *показаніемъ* и *благочестіемъ*». Причастіе κατεσθίοντες переведено изъявительнымъ наклоненіемъ: *ядять;* неопредѣленное наклоненіе ἀποτελεῖν причастіемъ: *дѣюще*, и т. п. Различные списки переводовъ принадлежатъ къ двумъ разрядамъ: Болгарскому и Сербскому. Текстъ лѣтописи представляетъ болѣе сходства съ переводомъ Болгарской редакціи, нежели съ Сербскимъ. Въ этомъ можно удостовѣриться при сличеніи тѣхъ отрывковъ, которые помѣщены въ приложеніяхъ къ первому тому лѣтописей, въ двухъ колоннахъ: въ лѣвой — по Сербскому переводу, въ правой — по Болгарскому.

Хронику Георгія Амартола назвалъ своимъ источникомъ самъ древній лѣтописецъ нашъ, сказавши однажды, передъ описаніемъ быта различныхъ народовъ: «глаголеть *Георгій* въ лѣтописаньи». Лѣтописецъ не прибавляетъ прозвища *грѣшный* или

другаго пояснительнаго слова, которое бы опредѣленно указывало, о какомъ Георгіи здѣсь упоминается. Такъ же точно подъ однимъ именемъ Георгія ссылались на Амартола и Византійскіе лѣтописцы, какъ напримѣръ Михаилъ Глика и другіе. А что Глика имѣлъ въ виду именно Георгія Амартола, доказываетъ сходство приводимаго имъ мѣста съ находящимся у Амартола.

	Амарт. акад. л. 19—19 об.
Κατὰ δὲ τὸν Γεώργιον πρῶτος ἐξεῦρεν ὁ Σὴθ γράμματα Ἑβραϊκὰ, καὶ τὰ σημεῖα τοῦ ὀρανȣ̃, καὶ τὰς τροπὰς τῶν ἐνιαυτῶν καὶ τοὺς μῆνας καὶ τὰς ἑβδομάδας, καὶ τοῖς ἄστροις καὶ τοῖς πέντε πλανήταις ἐπέθηκεν ὀνόματα, ὥστε γνωρίζεσθαι [1]).	Сифъ же наипервѣє грамотоу Жидовьскоую (обрѣте) и премдр҃ть, и знаменьꙗ н҃бсьнаꙗ, и нравы д҃ годинъı лѣтоу, и мц҃и, нед҃ли; и звѣздамъ створи имена и е҃ звѣздъ блазньнъıхъ, да чл҃вци знають ихъ точью.

Фабриціи искалъ этого мѣста у Георгія Синкелла, но не нашелъ, замѣтивъ: «alius a Syncello, apud quem ista non reperio» [2]). Иначе читается оно и у Георгія Кедрина.

Какъ Фабриціи источникомъ для Глики считалъ Синкелла, такъ Шлецеръ для Нестора — Георгія Кедрина, не отрицая впрочемъ возможности открыть источникъ болѣе близкій къ нашей лѣтописи, нежели хроника Кедрина. Слова: «глаголеть Георгій» казались Шлецеру позднѣйшимъ искаженіемъ надлежащаго чтенія: «глаголеть Кесарій, братъ Григорія», хотя въ лѣтописи названъ не Григорій, а Георгій.

«Слова: *Кесарій, братъ великаго*, выпущены—говоритъ Шлецеръ — во всѣхъ Русскихъ спискахъ; почему нѣсколько лѣтъ вотще я искалъ источника, считая всегда сочинителемъ *Георгія*. Впрочемъ кажется, что Несторъ бралъ болѣе изъ *Кедрина*, который выписывалъ у *Кесарія:* по крайней мѣрѣ оставилъ онъ послѣднему всѣ астрологическія бредни». О космографіи, нахо-

---

1) Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae. 1836. Michael Glycas. стр. 228.

2) Codex pseudepigraphus veteris testamenti. I, стр. 147.

дящейся въ лѣтописи, Шлецеръ замѣчаетъ: «вѣроятно, что съ нѣкоторыми выпущеніями *Кедринъ* списывалъ *Синкелла*, а *Несторъ Кедрина*; но можетъ быть, кому нибудь удастся отъискать еще четвертаго или пятаго Византійскаго историка, съ которымъ Несторъ болѣе согласуется, нежели съ *Кедриномъ*» [1]).

Въ 1813 г. Кругъ и Ермолаевъ открыли, что источникомъ для нашей лѣтописи служила хроника Георгія Амартола. Въ письмѣ Дивова къ графу Румянцову отъ 13 марта 1814 г. упоминается о рукописи XVI в., заключающей въ себѣ Славянскій переводъ Амартола.

Преосвященный Иннокентій, епископъ Пензенскій († 1819 г.), въ своемъ «Начертаніи церковной исторіи» называетъ въ числѣ писателей IX в. и Георгія Амартола: «*Георгій*—говоритъ онъ—по проименованію *грѣшникъ* (ἁμαρτωλός), по происхожденію Грекъ, по должности архимандритъ. Его *лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра до Михаила III*, составленное на основаніи изъяснителей Св. Писанія и многихъ лѣтосчисленій, не столько богатое повѣствованіями, сколько разсужденіями о догматахъ вѣры, свидѣтельствами Св. отцевъ, было источникомъ для исторіи *Кедрина*, *Ѳеофана*, *Глики*, и другихъ писателей. Достоинство его усугубляется тѣмъ наипаче, что оно служитъ ключемъ ко многимъ темнымъ и труднымъ мѣстамъ древнихъ писателей» [2]).

Въ 1819 году г. Строевъ узналъ древній Славянскій переводъ хронографа подъ заглавіемъ: «Временникъ вънростѣ отъ различныхъ хронографъ и сказатель, собранъ же и сложенъ Георгіемъ грѣшнымъ монахомъ». По мнѣнію Круга и другихъ ученыхъ, авторомъ Временника признанъ Византійскій лѣтописецъ Георгій Амартолъ. Г. Строевъ высказалъ это мнѣніе и подкрѣпилъ его выписками изъ хронографа въ статьѣ своей о Византійскомъ источникѣ Нестора, вышедшей въ 1828 году.

---

1) Несторъ, соч. *Шлецера*. I, стр. 236 и 14—15.

2) Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII вѣка; изд. 3-е. Отдѣленіе второе, стр. 21.—Первое изданіе вышло въ 1817 году.

Статья г. Снегирева: «Замѣчанія о Георгіѣ Амартолѣ» состоитъ преимущественно изъ описанія Славянскаго перевода хроники, находящагося въ библіотекѣ Московской духовной академіи. При описаніи обращено вниманіе на внѣшнюю форму рукописи и на нѣкоторыя выраженія. У Георгія Амартола читаемъ: «Коуръ (= Киръ) скоро посла *быля* своего къ немоу (Даніилу), да съ честью приведоутъ и». Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «уже не вижду брата моего съ Черниговскими *былями*» и т. п. [1]).

Со времени открытія Славянскаго перевода хроники Амартола утвердился взглядъ на нее какъ на одинъ изъ источниковъ нашей древней лѣтописи [2]). Если и у другихъ Византійскихъ хронистовъ встрѣчаются мѣста, находящіяся и у Нестора, и у Амартола, то это происходитъ отъ того, что изъ лѣтописи Амартола, какъ древнѣйшей, заимствовали весьма много послѣдующіе Византійскіе лѣтописцы: Кедринъ, Ѳеофанъ, Глика и другіе [3]).

10. Сочиненіе Меѳодія Патарскаго.

На Меѳодія Патарскаго ссылается лѣтописецъ нашъ при разсказѣ о нашествіи Половцевъ въ 1096 году. Безбожные сыны Измаиловы, говоритъ лѣтопись, пришли изъ пустыни Етривской. Меѳодій свидѣтельствуетъ, что 8 колѣнъ убѣжало въ пустыню, и «по сихъ 8 колѣнъ, къ кончинѣ вѣка» выйдетъ нечистое племя, заключенное Александромъ Македонскимъ. Отрокъ Гюряты Новгородца узналъ отъ Югры о неслыханномъ чудѣ: о горахъ «зайдуче луку моря», въ которыхъ вѣчный кликъ и говоръ, и люди сѣкутъ гору, «хотяще высѣчися». Это и есть люди, заключенные

---

1) Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ. Часть V. 1830, стр. 255—264. Ср. *Кедрина* (I, 240) о томъ же: ὁ δὲ Κῦρος ἀκούσας ταῦτα ἔπεμψε πρὸς αὐτὸν τοὺς μεγιστᾶνας αὐτοῦ, ὅπως μετὰ τιμῆς ἀγάγωσιν αὐτόν — Cyrus hoc audito *principes* suos ad Danielum mittit, qui eum honorifice adducerent.

2) О хроникѣ Амартола см. Ученыя записки Казанскаго университета. 1843, книжка II и III, стр. 111—133.

3) *Fabricii* Bibliotheka Graeca, ed. Harles. VII, 463 и XII, 30.

Александромъ Македонскимъ. Затѣмъ приводится свидѣтельство о нихъ изъ сочиненія того же Меѳодія. Таковъ ходъ разсказа во всѣхъ спискахъ лѣтописи кромѣ Лаврентьевскаго, въ которомъ между словами: «заклепеніи въ горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы» (стр. 100) и «се же хощю сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичь Новгородець» (стр. 107) вставлено поученіе Владимира Мономаха.

Упоминаемый въ лѣтописи авторъ, Меѳодій Патарскій былъ епископомъ сперва въ Олимпѣ, городѣ Малоазіатской области Ликіи, потомъ въ главномъ городѣ той же области Патарѣ (который нѣкогда славился оракуломъ Аполлона, предсказывавшимъ ежегодно въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ), наконецъ въ Тирѣ, и пострадалъ во время преслѣдованій Діоклиціана около 311 года [1]).

Сочиненія Меѳодія пользовались большимъ уваженіемъ у послѣдующихъ писателей, начиная отъ блаженнаго Іеронима. Меѳодій написалъ: Толкованія на книгу Бытія и на Пѣснь пѣсней; О воскресеніи мертвыхъ, противъ Оригена; Разговоръ о дѣвственности и цѣломудріи — Συμπόσιον τῶν δέκα παρθένων — въ подражаніе разговору Платона, какъ показываетъ самое названіе, и др. Не смотря на вычурность выраженія и темноту аллегорій, сужденія Меѳодія признаются здравыми, чуждыми погрѣшностей, замѣчаемыхъ у многихъ древнихъ писателей, преимущественно въ ученіи объ ангелахъ хранителяхъ, о первородномъ грѣхѣ и о другихъ подобныхъ предметахъ [2]).—Авторъ начертанія церковной исторіи сообщаетъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній о сочиненіяхъ Меѳодія. Вотъ слова его: «*Меѳодій*, сперва въ Олимпѣ, что въ Ликіи, потомъ въ Тирѣ епископъ и около 303 года мученикъ. По Епифанію, мужъ словесный и сильный поборникъ истины. Съ ясностію и чистотою написалъ онъ о *воскресеніи* противъ Оригена, о *свободномъ произволеніи*, о

1) *Fabricii* Bibliotheca Graeca. T. VII. 1801, стр. 260—272.

2) Nouvelle bibliothèque des auteurs ecclésiastiques, par. *L. Ellies du Pin.* 1690. T. I, стр. 195—200.

сотворенномъ и нѣсколько книгъ *противъ Порфирія*. Сіи впрочемъ творенія его остались только въ извлеченіяхъ Епифанія, Дамаскина и Фотія. Но *бесѣда о чистотѣ*, *слово о Симеонѣ и Аннѣ*, или на день срѣтенія, *слово о мученикахъ* и *въ недѣлю Ваій* пощажены временемъ, и, по строгомъ изслѣдованіи, большею частію относятся къ его сочиненіямъ, кромѣ послѣдняго: хотя впрочемъ и на сіе изслѣдователи не даютъ рѣшительнаго мнѣнія, колеблясь между симъ писателемъ и Златоустомъ» [1]).

Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ именемъ Меѳодія Патарскаго означается сборникъ различнаго рода предсказаній: περὶ τῶν ἀπὸ συστάσεως κόσμου συμβάντων, καί των μελλόντων συμβαίνειν εἰς τὸ ἑξῆς, — по заглавію Славянскаго перевода: «слово о царствіи языкъ послѣднихъ временъ». Въ Словѣ говорится объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая; объ убіеніи Каиномъ Авеля, надъ которымъ Адамъ и Ева плакали будто бы сто лѣтъ; о потопѣ и столпотвореніи Вавилонскомъ; о разселеніи и завоеваніяхъ потомковъ Агари; объ освобожденіи Израильтянъ отъ ига Агарянъ Гедеономъ; о подвигахъ Александра Македонскаго, о заключеніи имъ нечистаго племени въ горахъ; о бѣдствіяхъ Христіанъ отъ Турковъ, и наконецъ объ антихристѣ и кончинѣ міра.

Предсказанія обыкновенно издаваемы были въ Латинскомъ переводѣ; въ подлинникѣ же напечатаны они въ Базельскомъ изданіи, которымъ мы и пользуемся. Въ переводѣ подлинникъ передается не буквально, а per periphrasin, что происходитъ, какъ кажется, не отъ желанія переводчика передавать по своему мысли оригинала, а отъ того, что самый подлинникъ имѣлъ первоначально другой видъ, а не тотъ, который находимъ въ позднѣйшихъ рукописяхъ.

Славянскій переводъ извѣстенъ въ нѣсколькихъ спискахъ, повидимому составляющихъ два разряда. Къ первому принадлежатъ списки близкіе къ подлиннику, сохраняющіе его порядокъ въ изложеніи предметовъ, съ нѣкоторыми выпусками. Таковы:

---

1) Начертаніе церковной исторіи. I, стр. 139—140.

Синодальный, № 38, отрывки изъ котораго приведены Карамзинымъ въ 64 примѣчаніи ко 2-му тому исторіи и Чертковымъ въ Русскомъ историческомъ сборникѣ, Т. VI, стр. 154—156; Синодальный № 682, по которому предлагаемъ мѣсто, заимствованное лѣтописцемъ; Публичной Библіотеки Отд. I, № 60, по описанію же рукописей Толстова, составленному Строевымъ Отд. III, № 56, и т. п. Заглавіе ихъ большею частію такое: «Слово о царствіи языкъ послѣдніихъ временъ и извѣстно сказаніе отъ прьваго человѣка до скончанія вѣка». Второй разрядъ составляютъ списки, значительно уклоняющіеся отъ подлинника, со многими пропусками и вставками, отчасти изъ книгъ апокрифическихъ и другихъ, отчасти изъ Византійскихъ преданій. Сюда относятся: списокъ, находящійся въ сборникѣ Публичной Библіотеки, 1602 г., Отд. XVII, № 82, по печатн. же описан. библ. Толстова — Отд. II, № 229, в, съ заглавіемъ: «Слово св. отца нашего Меѳодія епископа о (отъ) созданія Адамля и о второмъ пришествіи, и о Михаиловѣ царствѣ, и о антихристѣ»; списки въ сборникахъ Троицко-Сергіевой Лавры, и другіе.

Славянскій переводъ по всей вѣроятности сдѣланъ съ Греческаго текста, а не съ Латинскаго. Такъ можно полагать уже по самому началу, одинаковому въ различныхъ спискахъ и сходному съ началомъ Греческаго текста. Въ началѣ его читаемъ: ἐξελθόντες ὅτε Ἀδὰμ καὶ ἡ Εὔα ἡ γυνὴ αὐτοῦ ἐκ τοῦ παραδείσου, παρθένοι ἐτύγχανον; Славянскій переводъ начинается такъ: «Егда изыдоста изъ рая Адамъ и Ева дѣвственна бѣста» или «вѣдомо буди, яко дѣвою бѣ Адамъ и Ева», и т. д. Въ Латинскомъ же переводѣ объ этомъ упоминается уже въ третьей главѣ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чтеніе Славянскаго перевода ближе къ Латинскому, нежели къ Греческому, что̀ зависитъ опять отъ того же, что текстъ подлинника, изданный въ XVI вѣкѣ, представляетъ нѣкоторыя позднѣйшія измѣненія сравнительно съ древнимъ спискомъ, служившимъ образцомъ для Славянскаго переводчика, а можетъ быть, и для Латинскаго.

Изъ «Слова о царствѣ языкъ» заимствованы въ лѣтописи

извѣстія, означенныя именемъ Меѳодія. Предлагаемъ, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ обоихъ переводахъ, тѣ мѣста изъ сочиненія Меѳодія Патарскаго, которыя послужили основаніемъ для лѣтописныхъ извѣстій:

Monumenta S. Patrum orthodoxographa. Basileae. 1569.

Стран. 94—95. (Ἀλέξανδρος) ἀνῆλθεν ἕως τῆς θαλάσσης τῆς ἐπονομαζομένης Ἡλίου χώρα ἔνθα ἑώρακεν ἔθνη ἀκάθαρτα. καὶ εἶδεν ἐκεῖ τῶν ὑιῶν Ἰάφεθ ἀπογόνους ἐσθίοντας ἀκάθαρτα. μυσαρὰ καὶ βδελύγματα. και κώνωπας καὶ μύας καὶ ὄφεις. καὶ νεκρῶν σάρκας, ἐκτρώματα, ἔμβρυα, καὶ οὐ μόνον ταῦτα, ἀλλὰ πᾶν εἶδος θηρίου ἀκαθάρτου. τοὺς νεκροὺς οὐκ ἔθαπτον, ἀλλὰ οἱ πλείους ἤσθιον αὐτούς. ταῦτα δὴ εἰ ὁ Ἀλέξανδρος ἕλλην ἦν, πῶς ὁ θεὸς αὐτοῦ εἰσήκουσεν. πάντα συναθροίσας ὁ Ἀλέξανδρος διὰ τὰ ὑπ᾽αὐτῶν ἐναγῶς καὶ μυσαρῶς γινόμενα βδελύγματα. φοβηθεὶς μή πως ἀφείσει ἐν τῇ γῇ τῇ ἁγίῳ καὶ μιάνωσιν αὐτὴν, ἐκ τῶν μυσαρῶν αὐτῶν ἐπιτηδευμάτων, ἐδεήθη τοῦ Θεοῦ ἐκτενῶς καὶ προστάξῃ αὐτοῦ, ἤγαγε

Стр. 104—105 ...et descendit usque ad mare quod vocatur Regio solis, ubi conspexit gentes immundas et aspectu horribiles. Sunt autem ex filiis Japhet nepotes, quorum immundiciem videns exhorruit, comedebant enim hi omnem canticorum speciem, omne coinquinabile, id est, canes, mures, serpentes, morticinorum carnes, abortiva, infirmabilia corpora, et ea quae in alvo nondum per lineamenta coagulata sunt, vel ex aliqua parte membrorum producta. Compago formam figmenti possit perficere, formam vel figuram exprimere jumentorum, nec non etiam et omnem speciem ferarum immundarum, mortuos autem nequaquam sepeliunt, sed saepe comedunt illos. Haec vero universa contemplatus Alexander

Рукопись Синодальной библіотеки № 682.

Л. 288—289 об. Сеи... сниде до морѧ, нарицаемаго сл҃ньчнаа страна, идѣже видѣ нечистыꙗ ꙗзыкы и скверны, с҃нове же с҃новъ Іафетовѣх и вноуци его, гноушахоусѧ их, ихже нечистотоу видѣвъ Александръ. Ꙗдѧхоу бо всѧк нечистыи вид и прочаа животнаа, мерскаꙗ же и скверная: комарѧ, и мȣхы, и зміа, и мр҃твы плоти, изворогы младыхъ, единаче не до конца свершеныих или образȣ своемȣ имоущих за свершено знаменіе, и не токмо же скѿскыа, но и всѧ виды звѣреи нечистых. Мертвеца же не погребахȣ, но и тѣх ꙗдѧхоу. Сіа всѧ видѣвъ Александръ ѿ них неподобнѣ и мерзъцѣ дѣема, и оубоꙗсѧ, да не когда нападоут на землю с҃тую, и оскверьнѧт ю мерскыми сво-

πάντας αὐτοὺς, καὶ τὰς γυναῖκας αὐτῶν, καὶ τὰ τέκνα αὐτοῦ. καὶ πάσας τὰς παρεμβολὰς αὐτῶν. καὶ ἐξήγεγκεν αὐτοὺς ἐκ τῆς γῆς αὐτῶν. καὶ κατεδίωξεν ὀπίσω αὐτῶν, ἕως οὗ εἰσήχθησαν ἐν τοῖς περάσι τοῦ βορρὰ. καὶ οὐκ ἔστιν οὔτε εἴσοδος, οὔτε ἔξοδος, ἀπὸ ἀνατολῶν μέχρι δυσμῶν. δι'ἧς δυνήσεταί τις περᾶσαι ἢ ἠσελθεῖν. αὖθις οὖν παρεκάλεσε τὸν θεὸν ὁ Ἀλέξανδρος καὶ ὑπήκουσε τῆς δεήσεως αὐτοῦ. καὶ προσέταξε κύριος ὁ θεὸς δύο ὄρους ὧν οὐ προσηγορία μαζοὶ τοῦ βορρᾶ. καὶ ἐπλησίασαν ἄχρι πηχῶν δεκαδύο. καὶ κατεσκεύασε πύλας χαλκὰς, καὶ ἐπέχρισεν αὐτοὺς ἀσύγχυτον. ἵνα ἐὰν βούλωνται ἀνοίξαι ἐν σιδήρω, μὴ δυνηθῶσι ἢ διαλύσαι αὐτὰς πυρὶ. ἡ γὰρ φύσις τοῦ ἀσυγχύτου. οὐδὲ σιδήρου ὑφίσταται κατάλυσιν, οὐδὲ πυρὸς διάλυσιν. . . . ἐν δε ταῖς ἐόχάταις ἡμέραις τῆς συντελείας τοῦ κόσμου, ἐξελεύσεται Γὼγ καὶ Μαγὼγ. οἱ τινες εἰσὶν

Magnus, ab eis immunditer et sceleriter fieri, timens, ne quando exilientes in terram sanctam et illam contaminent a pollutionibus et iniquissimis affectionibus, deprecatus est Dominum Deum, ut conjungeret montes, et praecipiens congregavit eos, omnesque mulieres eorum et filios et omnia scilicet castra eorum, et eduxit eos de terra Orientali, et conclusit, minans eos donec introissent in finibus aquilonis, et non est introitus nec exitus ab oriente usque in occidentem, per quem aliquis possit ad eos transire vel ipse exire. Continuo ergo supplicatus est Dominum Deum Alexander, et exaudivit ejus obsecrationes, et praecepit Dominus Deus duobus montibus quibus est vocabulum Ubera aquilonis, et adjuncti proximaverunt ad invicem usque ad duodecim cubitos, et construxit portas aereas inter illas, et

ими начинаньми. Помолис Александръ Бг҃ѹ прилѣжно, и собра вьсѣх их, и женъ и чад их, и, спроста рещи, вса полкы их, и изведе их ѿ въстока, и погнавъ слѣд их до предѣл сѣверных. Имже нѣ҃ исхода ѿ въстока до запада, за еже не преити никим ѿ них: понеже бѣ Александръ помоливса Бг҃ѹ, и оуслышавъ его, повелѣ Гь҃ Бг҃ъ двѣма горама, имаже имена Мазивора [1]), и приближастаса дрѹг дрѹгоу ꙗко лактіи в҃і и сотвори врата мѣдна, и помаза их асингитом, ꙗко да аще помыслат ѿврести желѣзомъ не възмогоут; (ащели растопити огнемъ, то и тако не возмогѹтъ); но абіе ѿ них огнь оугаснет. Ес҃тво же асингитово ни желѣзнаго рассѣченіа боитса, ни огненаго растопленіа. . . . В послѣднаа дни и времена их изыдоут на землю Ії҃левѹ ѿ странъ сѣверных Гогъ и Магогъ,

---

1) *Мазивора* — удержано Греческое названіе μαζοὶ βορρᾶ — ubera aquilonis, отъ ὁ μαζός — сосецъ и ὁ βορρᾶς, род. βορρᾶ — борей, сѣверъ.

ἔθνη καὶ βασιλεῖς, οὓς καθεῖρξεν Ἀλέξανδρος ἐν τοῖς πέρασι τοῦ βορρᾶ.

superinduxit eas Assurim, ut si voluerint eas patefacere cum ferro, ut non possint aut dissolvere per ignem, nec valeant utrumque, sed statim ignis omnis instinguitur. Talis est enim natura Assurim, quia neque ignis suscipit resolutionem.... In novissimo die consummationis mundi exiet Gog et Magog.... Hi.... reges consistunt reclusi intrinsecus portarum....

и пр. Сіа цртвіи затворени быша вноутрь врат, аже постави Александръ црь.

Стр. 98. ....τότε ἀνοιχθήσονται αἱ πύλαι τοῦ βασιλέως καὶ ἐξελεύσονται αἱ δυνάμεις αἱ οὖσαι καθειργμέναι ἔσωθεν.... τὰ γὰρ ἐξερχόμενα ἔθνη ἐκ τοῦ βορρᾶ ἐσθίουσι σάρκας ἀνθρώπων, καὶ πίνουσιν αἷμα θηρίων, καὶ πᾶν ἀκάθαρτον αἰσθίουσιν. ὄφεις καὶ σκορπίους καὶ πάντα τὰ μυσαρὰ καὶ βδελυκτὰ. θηρία καὶ ἑρπετὰ ἕρποντα ἐπὶ τῆς γῆς. τάτε κτηνώδη καὶ τὰ νεκρὰ σώματα, καὶ τὰ ἐκτρώματα τῶν γυναικῶν, σφάζουσι νήπια, καὶ πραχώσουσι ταῖς μητράσιν αὐτῶν, καὶ ἐψίσουσι τὰ κρέη αὐτῶν....

Стр. 112. ....tunc reserabuntur portae aquilonis et ingredientur virtutes gentium illarum, quas conclusit intus Alexander Magnus.... Gentes namque qui exient ab Aquilone, comedent carnes hominum, et bibent sanguinem bestiarum sicut aquam, et comedent immunda: serpentes, scorpiones et universa abominabilia et horribilia bestiarum, et reptilia qui reptant super terram, jumentorum etiam et corpora mortuorum, et abortiva mulierum, et necabunt pueros et largientur eos matribus suis ut comedant eos....

Л. 299. О затвореныхъ Татарех. Тогда ѿвръзѹтсѧ врата сѣвернаа, и изыдѹт силы ꙗзычскіа, ꙗже бѧху затворени вноутрьоудоу.... Ꙗзыци бо исходѧщеи ѿ сѣвера снѣдѧт плоти чл҃ческіа, и піют кровь звѣрем, ꙗко водоу, и снѣдѧт нечистаа: и зміа, и скоропіа, и вса мерзьскіа и гноусныа звѣрѧ, и гады ползоущаа по земли, скѿскіа же мртвеца и изворогы женьскіа; и заколют младенца и дадѧт ихъ мт҃ремъ их, и снѣдѧт их....

Приведенное сказаніе передается въ лѣтописи слѣдующимъ образомъ: «Яко же сказаеть Меѳодій Патарійскый: и взиде на всточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистыя, отъ племене Аѳетова, ихъ же нечистоту видѣхъ; ядяху скверну всяку: комары и мухы, коткы, зміѣ; и мертвець не погребаху, но ядяху, и женьскыя изворогы, и скоты вся нечистыя. То видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія; и, Богу повелѣвшю, ступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть. И ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огнемъ взяти, не възмогуть и жещи; вещь бо сунклитова сица есть: ни огнь можеть вжещи его, ни желѣзо его приметь. Въ послѣдняя же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыня Етривьскыя, изидуть и си скверніи языкы, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божію» (стр. 107). Нѣсколько выше, говоря о восьми колѣнахъ, лѣтописецъ приводитъ также слова Меѳодія Патарскаго: «Меѳодій же свѣдѣтельствуеть о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, егда исѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣжа въ пустыню, а 4 исѣче» (стр. 99). У Меѳодія читаемъ: «Гедеонъ съсѣче плъкы ихъ, и ѿгна ихъ ѿ вселенныѧ въ поустынѧ Еѳрівъскѫѭ (εἰς τὸ ἔθριβον), из неѭ же бѣхѫ, и оставше ві колѣнъ, изыдошѧ въ пустынѧ вънѧтрънѫѭ».

Сочиненіе Меѳодія Патарскаго, послужившее однимъ изъ источниковъ для нашей лѣтописи, долгое время считалось несомнѣнно принадлежащимъ автору, именемъ котораго оно обозначается какъ въ Греческихъ, такъ и въ Славянскихъ памятникахъ. Подлинникъ имѣетъ заглавіе: τοῦ ἁγίου Μεθοδίου Πατάρων ἐπισκόπου и т. д.; въ древнихъ Славянскихъ переводахъ сочиненіе Меѳодія называется «Словомъ св. отца нашего Меѳодія, епископа Патарскаго». Несторъ называетъ Меѳодія — «Меѳодій Патарійскій», а позднѣйшій лѣтописецъ — «Меѳодій,

епископъ Патаромьскій» (стр. 216). Въ старинныхъ минеяхъ, изданныхъ въ Венеціи, восхваляется Меѳодій Патарскій, какъ авторъ слова, заключающаго въ себѣ великія предсказанія: «hic plane admirabilis Dei sacerdos et martyr libros nobis abs se laboratos, omni refertos scientia ac utilissimos reliquit. Quin et de futuris clarissime vaticinatus est, summaque praedixit perspicuitate: regnorum scilicet utrinque mutationes, gentium excursiones, locorum ac provinciarum vastationes, orthodoxos item reges et haereticos mundique consummationes et antichristum, ejusque regnum et mundi destructionem, ac omnis humanae carnis interitum; haec inquam omnia vir eximius clarissime vaticinatus est» [1]).

Подъ именемъ Меѳодія Патарскаго предсказанія помѣщались и въ «библіотекахъ отцевъ», но издатели допускали это имя только по преданію, ссылаясь на прежнія изданія. Уже въ XVII столѣтіи сомнѣвались въ справедливости преданія, и это сомнѣніе скоро перешло въ рѣшительное отрицаніе. Ученые, единодушно отвергая принадлежность сочиненія Меѳодію Патарскому, приписываютъ оное другимъ писателямъ этого имени, указывая то на Меѳодія исповѣдника, то на Меѳодія патріарха, жившаго въ XIII столѣтіи. Первый получилъ названіе исповѣдника за свою ревность въ защищеніи иконопочитанія, и въ послѣдніе годы своей жизни былъ патріархомъ Константинопольскимъ († 846). Въ одномъ изъ списковъ авторомъ названъ именно «святой Меѳодій патріархъ»: τοῦ ἁγίου Μεθοδίου πατριάρχου περὶ τῶν ἀπὸ συστάσεως κόσμου συμβάντων καὶ τῶν μελλόντων συμβαίνειν εἰς τὸ ἑξῆς [2]). Другой Меѳодій—Methodius junior — бывшій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ патріархомъ въ Константинополѣ въ 1240 году, не могъ, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ [3]), быть авторомъ слова уже и по тому одному, что оно извѣстно было Русскому писателю болѣе древнему, жившему въ XI—XII в.

---

1) Maxima bibliotheca veterum patrum. Lugduni. 1677, стр. 673.

2) *Fabricii* Bibliotheca graeca. VII. 273—274.

3) Scriptorum ecclesiasticorum historia litteraria, autore *G. Cave*. Oxonii. 1740. T. I, стр. 153.

Сверхъ сборника предсказаній, извѣстны въ Славянскомъ переводѣ и другія сочиненія Меѳодія Патарскаго. Древнѣйшимъ переводчикомъ Меѳодія считаютъ Русскаго митрополита Никифора († 1121), автора замѣчательныхъ посланій къ Владиміру Мономаху [1]).

11. Договоры русскихъ князей съ греками.

По лѣтописи извѣстны четыре договора: подъ 907 годомъ приводится договоръ Олега съ царями Львомъ и Александромъ (стр. 13); подъ 912 г. — другой договоръ Олега съ тѣми же царями (стр. 13—16); подъ 945 г. — договоръ Игоря съ царемъ Романомъ и сыновьями его, Константиномъ и Стефаномъ (стр. 19—23); подъ 971 г.—договоръ Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ (стр. 31).

Договоры состоятъ изъ статей, большею частію переведенныхъ съ Греческаго. Они были предметомъ нѣсколькихъ спеціальныхъ изслѣдованій [2]), опредѣлившихъ до нѣкоторой степени и отношеніе договоровъ къ лѣтописи, въ которую внесены они, какъ замѣчательные памятники нашей старины.

Таковы главнѣйшіе источники, послужившіе къ составленію древней лѣтописи. Въ выборѣ ихъ ясно обнаруживаются вѣкъ и образованность лѣтописца, а въ цѣли заимствованій — искусство его, какъ писателя. Въ этомъ отношеніи замѣчательно подчиненіе всего вноснаго главной мысли повѣствованія. Извлеченіями изъ разныхъ источниковъ объясняются тѣ явленія въ Русскомъ мірѣ, которыя по своей важности или по своей необычай-

1) Памятники Русской словесности XII вѣка, стр. 156. — Русскія достопамятности. I, стр. 59.

2) Историческія чтенія 2 отд. Академіи, 1852—1853 г., стр. 7—31. Извѣстія Академіи, т. III, стр. 257—295. — О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками. *Н. Лавровскаго.* 1853 г.

ности нуждались въ объясненіи для людей мыслящихъ, не вовсе равнодушныхъ къ причинамъ событій.

Между источниками первое мѣсто занимаютъ книги Св. Писанія, главнѣйшій и необходимый источникъ вѣрованій и убѣжденій всякаго христіанскаго общества и его органа — писателя. Затѣмъ сами собою представлялись вниманію лѣтописца произведенія его соотечественниковъ, родныя ему по слову и по духу. Въ связи съ памятниками Русскими находятся памятники литературы Византійской, черезъ посредство которой Русское общество ознакомилось съ идеями христіанскими. Нравственная связь Византіи съ древнею Россіею имѣла такую силу, что Русскому писателю весьма естественно было искать у Византійцевъ объясненія событій, не вполнѣ объяснимыхъ помощью однихъ домашнихъ источниковъ.

Въ способѣ пользоваться источниками, какъ отечественными, такъ и иностранными, замѣтны единство, одинаковость пріемовъ: лѣтописецъ обыкновенно не выписываетъ свидѣтельства своего источника дословно во всемъ его объемѣ, а приводитъ изъ него извлеченіе, связывая его съ главнымъ предметомъ повѣствованія.

Разсмотрѣвши заимствованія, находящіяся въ древней лѣтописи, переходимъ къ ея содержанію самостоятельному.

IV.

Самостоятельная часть древней лѣтописи.

Особенности древней лѣтописи, какъ произведенія литературнаго, могутъ быть наблюдаемы въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, въ самомъ содержаніи лѣтописи — въ тѣхъ данныхъ, изъ коихъ она составлена; во-вторыхъ, въ способѣ сообщенія

данныхъ, излагаемыхъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Упоминаніе однихъ происшествій и опущеніе другихъ, большее или меньшее сочувствіе при передачѣ событій, случайность или обдуманность въ приведеніи извѣстій, и т. п. — вотъ предметы, разсмотрѣніе коихъ знакомитъ съ отличительными свойствами литературнаго труда. Разнообразіе подобныхъ предметовъ приводится къ двумъ главнымъ отдѣламъ — къ обозрѣнію того, *что* и *какъ* передано потомству писателемъ. Этихъ двухъ точекъ зрѣнія мы будемъ держаться и въ разсмотрѣніи лѣтописи, какъ самостоятельнаго памятника нашей древней словесности.

Главный предметъ лѣтописи ясно указанъ первыми ея словами: «се повѣсть времянныхъ лѣтъ, откуда есть пошла *Руская земля*, и кто въ ней поча первое княжити». Такъ читается начало лѣтописи въ большей части списковъ. Судьба Русской земли раскрывалась во множествѣ событій, и выборъ нѣкоторыхъ изъ нихъ для внесенія въ лѣтопись зависѣлъ отъ личной цѣли и взгляда лѣтописца.

Передъ изложеніемъ происшествій собственно Русскихъ Несторъ сообщаетъ свѣдѣнія о единоплеменныхъ Русскому народу Славянахъ: Моравахъ, Чехахъ, Сербахъ и другихъ; затѣмъ — о племенахъ, вошедшихъ уже въ Несторово время въ составъ народа Русскаго: Полянахъ, Древлянахъ, Новгородцахъ, и т. д. Подъ 862 годомъ встрѣчаемъ имя перваго Русскаго князя, судьба потомковъ котораго сливается съ судьбою Русскаго народа. Преданіе о призывѣ первыхъ князей сообщено съ большею точностью, безъ всякихъ украшеній, съ коими являются древнія преданія у большей части лѣтописцевъ. Несторъ, называя положительно мѣста поселенія княжескаго рода, объясняетъ даже имя народа, давшаго Русской землѣ князей: «идоша за море къ Варягомъ къ Руси: сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свее, друзіи же Урмане, Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си. И избрашася 3 братья съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь, и придоша; старѣйшій Рюрикъ сѣдѣ въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, а третій Изборьстѣ Тру-

воръ. Отъ тѣхъ прозвася Руская земля, Новугородьци: ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни» (стр. 8—9). Въ этихъ словахъ передано только то, что̀ прямо идетъ къ дѣлу, и что̀ въ высшей степени достовѣрно.

Извѣстія о послѣдующихъ князьяхъ сообщаются такъ же съ точностію, которая возрастаетъ по мѣрѣ приближенія событій ко времени жизни лѣтописца. Въ княженіи Олега отмѣчены преимущественно его *походы:* двигаясь къ югу, онъ покорилъ жителей Смоленска, Любеча, Кіева; потомъ—Древлянъ, Сѣверянъ, Радимичей. Походъ Олега въ Грецію переданъ съ большою подробностью, причемъ приведенъ и пространный договоръ съ Греками. Въ описаніи княженія Игоря также говорится подробно о походѣ на Грековъ и договорѣ съ ними и о войнѣ Игоря съ Древлянами. Вся исторія Святослава есть *исторія походовъ* на Козаръ, Ясовъ, Печенѣговъ, Грековъ и другихъ народовъ, съ которыми Святославъ былъ въ постоянной враждѣ. По смерти Святослава описываются *междоусобія* сыновей его: Ярополка, Олега, Владимира. Большая часть извѣстій о княженіи Ярослава состоитъ изъ описаній: *войны* этого князя съ Святополкомъ и съ Ляхами и Печенѣгами, призванными Святополкомъ; *борьбы* Ярослава съ Брячиславомъ, внукомъ Владимировымъ, и Мстиславомъ; *единоборства* Мстислава съ княземъ Касожскимъ; походовъ Ярослава на Ятвяговъ, Литву, Мазовшанъ, и т. п.

Подъ 1061 годомъ упоминается впервые *о нашествіи Половцевъ* на Русь; подъ 1067 г. говорится весьма подробно *о набѣгахъ Половецкихъ*, и приводится поученіе Θеодосія, объясняющее причину несчастія, постигшаго Русскую землю. Начиная съ 1061 года и по 1110 г., почти при половинѣ годовъ находятся извѣстія *о Половцахъ*, то въ видѣ краткихъ замѣтокъ, то въ видѣ описаній довольно пространныхъ, каковы помѣщенныя подъ 1093, 1095, 1096, 1103, 1107 годами. Описаніе несчастныхъ слѣдствій борьбы съ непріятелями идетъ рядомъ съ описаніемъ *раздоровъ княжескихъ*, которыхъ самая полная, вѣрная и печальная картина представлена въ повѣсти объ ослѣпленіи Василька.

Вѣрно изображая дѣйствительность, лѣтопись Нестора была бы самою грустною повѣстью, если бы не передавала другой, свѣтлой стороны въ жизни того времени. Эта свѣтлая сторона — вѣра, двигавшая умомъ и чувствомъ Нестора, какъ и лучшей части его современниковъ. Самыя бѣдствія получали другой смыслъ въ воззрѣніи религіозномъ. Страданія, понесенныя во имя вѣры, представлялись не несчастіемъ, не паденіемъ, а побѣдою духа надъ силою внѣшнею, залогомъ будущаго блаженства. Примѣры подвиговъ вѣры дѣйствуютъ благотворно, а потому описаніе ихъ не могло не имѣть высокаго значенія для лѣтописца, не могло не найти мѣста въ его трудѣ, посвященномъ замѣчательнымъ событіямъ родины.

Разсказъ о борьбѣ князей между собою и съ чужеземцами соединяется въ лѣтописи съ сказаніемъ о борьбѣ внутренней, выдержанной *подвижниками* противъ враговъ ихъ душевнаго блага, силившихся поколебать ихъ усердіе къ вѣрѣ. Подъ 983 годомъ находится первое подобное сказаніе — о Варягѣ и его сынѣ: они погибли за то, что остались твердыми въ своихъ убѣжденіяхъ. Не соглашаясь почтить боговъ, чтимыхъ большинствомъ, Варягъ говорилъ: «не суть то бози, но древо; днесь есть, а утро изъгнѣеть; не едять бо, ни пьють, ни молвять, но суть дѣлани руками въ деревѣ. А Богъ есть единъ, ему же служать Грьци и кланяются, иже створилъ небо и землю, звѣзды, и луну, и солнце и человѣка — далъ есть ему жить на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть» (стр. 35).

Въ самомъ обширномъ объемѣ излагаетъ лѣтописецъ княженіе Владимира, утвердившаго христіанство въ Русской землѣ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ Владимира можно назвать главнымъ лицомъ лѣтописи; подвиги его изображены съ наибольшею подробностью и съ живымъ сочувствіемъ. Описывая дѣйствія Владимира, его отношенія къ новообращенному народу, лѣтописецъ не забываетъ и предметовъ внѣ области вѣры, имѣвшихъ привлекательность для современнаго Владимиру Русскаго общества; описываетъ и пиры съ дружиною, сохранившею обычаи ста-

рины, и схватки съ врагами, вызывавшими Русскихъ удальцовъ перевѣдаться съ ними силою. Будучи истиннымъ и ревностнымъ христіаниномъ, Несторъ вмѣстѣ съ тѣмъ — писатель народный; общее не заглушаетъ въ немъ частнаго, народнаго: онъ постоянно удерживаетъ двойственный характеръ — христіанина и *Русскаго* писателя XI вѣка.

Жизнь первыхъ иноковъ монастыря Печерскаго представлена лѣтописцемъ какъ высокій образецъ единодушія и нравственнаго совершенства. Единственною и крѣпкою связью, соединявшею иноковъ въ святое братство, была любовь, самая искренняя и безкорыстная. Въ любви пребывали они, говоритъ лѣтописецъ, младшіе покорялись старшимъ, и не возвышали предъ ними голоса, а внимали ихъ словамъ; старшіе любили младшихъ, наставляли и утѣшали, какъ чадъ возлюбленныхъ; если братъ впадалъ въ преступленіе и подвергался наказанію, то три или четыре брата раздѣляли между собою наказаніе, чтобы облегчить виновнаго. Были въ числѣ ихъ и мужи, обладавшіе свойствами непостижимыми. Заболѣвалъ ли кто, дитя или взрослый, обращались къ Даміану, и недугъ прогоняемъ былъ силою молитвъ святаго мужа. Сокрытое для людей обыкновенныхъ ясно было для Матвѣя прозорливаго. Необычайнымъ терпѣніемъ изумлялъ всѣхъ Исаакій, нѣсколько лѣтъ страдавшій жестокою болѣзнью, изнурившею его до того, что онъ долженъ былъ, какъ дитя, учиться ходить, ѣсть, говорить; но за то и враги, пораженные силою его воли, признали его побѣдителемъ, и самыя стихіи повиновались ему.

Дѣйствія силы высшей всего скорѣе обнаруживались въ храмахъ, посвященныхъ истинному Богу; поэтому сооруженіе *церкви* считалось важнымъ событіемъ и тщательно отмѣчалось какъ нашими лѣтописцами, такъ и западно-Европейскими. Въ средніе вѣка въ Европѣ самое зданіе церкви имѣло особенное значеніе: когда всюду грозила опасность, одна церковь представляла надежный пріютъ; тотъ, кто, страшась преслѣдованій, постоянно окружалъ себя тѣлохранителями, вступалъ одинъ

безбоязненно въ церковь; даже преступника не рѣшались умертвить, если онъ взятъ въ церкви. Мѣстомъ священнымъ почитаемы были также *монастыри*. Подобно другимъ Европейскимъ лѣтописцамъ, Несторъ неоднократно упоминаетъ о созданіи церквей и учрежденіи монастырей. Однимъ изъ самыхъ счастливыхъ событій въ княженіе Ярослава, по словамъ лѣтописца, было то, что «при семъ нача вѣра хрестьянская плодитися и расширяти, и черноризьци почаша множитися, и манастыреве починаху быти» (стр. 65). Въ такомъ же духѣ замѣчаніе Амартола: «по Львѣ же цр҇твова Константинь, сн҇ь ѥго, при нѥмже бл҇гочьстиѩ оучениѥ приѥть начело дрьзати, и слово Бж҇иѥ простыратисе, и монастыре сь всацѣмь пространьствомь съзыдатисе».

Между древними монастырями Россіи первое мѣсто занимаетъ обитель Печерская, основанная и устроенная Русскими, между тѣмъ какъ другіе монастыри учреждались преимущественно монахами Греческими, переселявшимися въ Россію. Съ первыхъ лѣтъ своего существованія Кіевская обитель сдѣлалась средоточіемъ монашеской жизни въ Россіи, и получила народное значеніе не только для юга, но и для сѣвера и вообще для всей Русской земли. Поэтому въ лѣтописи Всероссійской, какъ справедливо называютъ лѣтопись Несторову, сказаніе о Печерскомъ монастырѣ является вполнѣ умѣстнымъ, будучи разсматриваемо и безъ отношенія къ южному происхожденію лѣтописца и пребыванію его въ Кіевѣ. Печерскій монастырь не былъ только мѣстомъ уединенія отшельниковъ; онъ оказывалъ вліяніе и на бытъ общественный: князья обращались къ инокамъ за благословеніемъ на войну, за совѣтомъ въ мирное время, съ просьбою о содѣйствіи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Ѳеодосій, Никонъ и ихъ преемники принимали участіе въ гражданскихъ дѣлахъ, какъ это видно изъ житія Ѳеодосія, описаннаго Несторомъ, и изъ другихъ памятниковъ нашей древней словесности [1]).

1) Ср. *Буткова:* Оборона лѣтописи Русской, стр. 206–207.—О значеніи Печерскаго монастыря въ исторіи духовнаго образованія Россіи см. *Шевырева:* Исторія Русской словесности, преимущественно древней. 1846. Т. I, часть 2, лекція 6, стр. 14 и слѣд.

Народъ чтилъ обитель, какъ святыню, и стекался въ нее изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи.

Сверхъ повѣствованія о христіанскихъ подвижникахъ, свѣтлая сторона картины, изображаемой лѣтописью, заключается въ *преданіяхъ древности*, не умолкнувшихъ еще во времена лѣтописца. Воспоминаніе объ Ольгѣ, Владимирѣ, Ярославѣ и ихъ предшественникахъ составляетъ для нашего лѣтописца прекрасное прошедшее, передаваемое во всей простотѣ и естественности; поэтическій колоритъ приданъ разсказу преданіями народа, коимъ не могъ не сочувствовать народный писатель.

Ко временамъ Олега относятся преданія о завладѣніи Кіевомъ, о походѣ на Грековъ и о смерти Олега. Завладѣніе Кіевомъ произошло такимъ образомъ, что Олегъ «приплу подъ Угорьское, похоронивъ вои своя, и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя, яко гость есмь; идемъ въ Греки и отъ Олга и отъ Игоря княжича, да придѣта къ намъ къ родомъ своимъ. Асколдъ же и Диръ придоста; выскакавъ же вси прочіи изъ лодья .... и убиша Асколда и Дира»; а Олегъ сталъ княжить въ Кіевѣ (стр. 10).

Княженіе Ольги, которая, по отзыву бояръ Владимировыхъ, была «мудрѣйши всѣхъ человѣкъ», богато преданіями, въ особенности ея война съ Древлянами, кончившаяся покореніемъ Древлянской земли. Послѣднее событіе этой войны, сожженіе Коростеня, описано съ наибольшею подробностью въ такъ названномъ лѣтописцѣ Переяславскомъ. Желая положить конецъ войнѣ, Ольга говоритъ Древлянамъ: у васъ нѣтъ теперь ни меду, ни кожъ; но малаго у васъ прошу для избавленія отъ головной болѣзни: дайте мнѣ отъ двора по 3 голубя и по 3 воробья; у васъ вѣдь есть эти птицы, въ другихъ же мѣстахъ ихъ нѣтъ, а въ чужую землю не посылаю; и это вамъ въ родъ и родъ, а тяжкой дани, какая была при мужѣ моемъ, не хочу налагать на васъ, потому что вы уже изнемогли [1]).

---

1) Временникъ Московскаго историческаго общества. 1851, книга 9-я. Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго, изд. кн. Оболенскимъ, стр. 12.

Изъ эпохи Владимира, героя народныхъ былинъ, разсказано въ лѣтописи такъ же нѣсколько преданій, преимущественно о борьбѣ Русскихъ съ чужеземцами. Печенѣжскій богатырь, встрѣтившій своего противника «середняго тѣломъ» насмѣшкою, погибъ отъ руки Русскаго силача. Осажденные Печенѣгами, Русскіе призвали пословъ Печенѣжскихъ и привели ихъ «къ кладязю, идѣже цѣжь, и почерпоша ведромъ и льяша въ латки, и яко свариша кисель, и поимше придоша съ ними къ другому кладязю, и почерпоша сыты, и почаша ясти сами первое, потомъ же Печенѣзи. Людье же нальяша корчагу цѣжа и сыты отъ колодязя, вдаша Печенѣгомъ; они же пришедше повѣдаша вся бывшая»; князья Печенѣжскіе удивились, встали отъ города и ушли во своси, и т. п. [1]).

Въ преданіяхъ старины, удержанныхъ лѣтописью, Русскіе князья являются большею частью побѣдителями, а не побѣжденными, какими правдивая лѣтопись представляетъ ихъ не однократно во времена Половцевъ. Въ печальную годину Половецкихъ набѣговъ весьма естественно было дорожить воспоминаніемъ о счастливомъ времени первыхъ князей, коихъ доблестные подвиги приводились въ примѣръ и писателями вѣковъ послѣдующихъ. Вассіанъ писалъ Іоанну III: «поревнуй прежебывшимъ прародителемъ твоимъ великимъ княземъ: не точію Рускую землю обороняху отъ поганыхъ, но иныя страны пріимаху подъ собе, еже глаголю: Игоря, и Святослава, и Владимера» [2]).

Что касается до перваго начала преданій, то можно думать, что они слагались въ племенахъ Русскихъ, какъ при содѣйствіи

1) Въ Исторіи Русскаго народа, *Полеваго*, ч. 2, стр. 267—274, приводится слѣдующій «рядъ поэмъ, въ коихъ изложена древняя исторія»: 1) завоеваніе Кіева Хазарами, 2) смерть Аскольда и Дира, 3) походъ Олега къ Царьграду, 4) смерть Олега, 5) походъ Игоря къ Царьграду, 6) мщеніе за смерть Игоря, 7) крещеніе Ольги, 8) походъ Святослава въ Булгарію, 9) исторія Рогнѣды Полоцкой, 10) битва съ Печенѣгами, 11) спасеніе Бѣлгорода, 12) походъ Мстислава на Касоговъ.—Ср. *Погодина:* Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи. Т. I, стр. 175—189.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. VI, стр. 227.

пришлыхъ Норманновъ, такъ и независимо отъ нихъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, древнѣйшими поэтическими сказаніями обязаны мы исключительно Норманнамъ. Но справедливѣе, кажется, допустить, что элементъ Норманскій пришелъ въ соприкосновеніе съ народнымъ Русскимъ, т. е. Славянскимъ, какъ въ жизни, такъ и въ поэзіи, которая сопутствуетъ народу на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Были, безъ сомнѣнія, повѣрья сходныя у Славянъ Русскихъ и у Варяговъ-Руси; сходство могло быть въ иныхъ случаяхъ полное, въ другихъ только нѣкоторое — въ основной мысли, обставленной неодинаковыми подробностями. По крайней мѣрѣ многія черты лѣтописныхъ сказаній встрѣчаются въ народныхъ произведеніяхъ Славянскихъ племенъ, не подвергавшихся Норманскому вліянію.

Самое преданіе о смерти Олега, при поразительномъ сходствѣ съ Исландскою сагою, не чуждо, по мысли, и міру Славянскому. Олегъ, вспомнивъ о конѣ, отъ котораго долженъ былъ умереть по предсказанію кудесника, пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали кости коня «голы и лобъ голъ, и посмѣяся ркя: отъ сего ли лъба смерть мнѣ взяти? и въступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклюну и въ ногу, и съ того разболѣвся умре» (стр. 16). Исландское преданіе говоритъ о подобномъ же предсказаніи вѣщуньи (Völva) — лица, играющаго весьма важную роль въ древнемъ Скандинавскомъ бытѣ. Вѣщунья предсказала Норвежскому герою Орварду Одду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, въ продолженіе коихъ онъ наполнитъ своею славою отдаленнѣйшія страны; но по истеченіи роковаго времени погибнетъ отъ своего коня, цвѣтомъ пепельнаго и называющагося отъ повислой гривы Факсомъ (Faxius). Орваръ Оддъ умертвилъ Факса и свергнулъ его въ глубокій ровъ, надъ коимъ сдѣлалъ большую насыпь изъ камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Оддъ отправился въ далекія путешествія. Послѣ ряда блистательныхъ подвиговъ во многихъ странахъ, между прочимъ въ Россіи, гдѣ будто бы женился на Русской принцессѣ (ducta in uxorem Silkisife, Herraudi Russiae regis

filia), онъ возвратился въ Норвегію—ровно черезъ триста лѣтъ. По возвращеніи въ отечество Орваръ Оддъ замѣтилъ, что многія мѣста, покрытыя прежде зеленью, поблекли и высохли; высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи; лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса, говоритъ Оддъ, ворочая ее копьемъ. Между тѣмъ ящерица, выскочивъ изъ конской головы, уязвила героя въ пяту, откуда смертельный ядъ разлился по всѣму тѣлу [1]).—Таже мысль о неизбѣжности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ Сербскомъ преданіи о «суженомъ днѣ» суђен дан. Сербы вѣрятъ, что каждому человѣку *суждено*—по нашему: *на роду написано*—какою смертью умереть, и отъ *суженья* невозможно избѣжать; у нихъ есть пословица: «од суђења се не може утећи». Разсказываютъ, что у какого-то царя была дочь, которой вѣщунъ (гатар) предсказалъ смерть отъ змѣи. Царь, желая спасти свою дочь отъ рока, сдѣлалъ для нея стеклянный домъ, въ который не могло заползти даже насѣкомое, и никуда не выпускалъ ея изъ дома. Но когда насталъ «суђен дан», она захотѣла винограду; слуги принесли ей большую кисть, въ коей скрывалась змѣйка, и эта-то змѣйка укусила царскую дочь, постигнутую суженымъ днемъ, и «зада јој суђену смрт» [2]).

Приписывающіе Скандинавскій характеръ древнѣйшимъ преданіямъ полагаютъ, что князей нашихъ сопровождали скальды, что на пирахъ Владимира пѣли они свои эпическія, лирическія и драматическія пѣсни, умолкнувшія со введеніемъ христіанства [3]). Но извѣстій о скальдахъ, подобныхъ Скандинавскимъ, не сообщаютъ намъ лѣтописи, по свидѣтельству которыхъ не пѣвцы, а дружина, «мужи отни», одобряли подвиги князей. Въ войнѣ 1149 года князь Андрей Юрьевичъ оказалъ необыкновенную

1) *Thormodi Torfaei* Historia rerum Norvegicarum in quatuor tomos divisa. Hafniae. 1711. T. I, стр. 265—266, 273—274.
2) *Караџић*, Српски рјечник. 1852. стр. 724.
3) *Полевой*, Исторія Русскаго народа. Т. II, стр. 265.

храбрость, и «мужи отни *похвалу ему даша* велику, зане мужьскы створи паче всѣхъ бывшихъ ту» (I, стр. 140). Мнѣніемъ дружины дорожили и Владиміръ Св. и Владиміръ Мономахъ.

Образовавшіяся изъ двухъ стихій, народной и занесенной Варягами, преданія переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе, поддерживаемыя видимыми памятниками существованія людей, о которыхъ говорила молва. Такими памятниками были у насъ, какъ и всюду, преимущественно могилы; могилы Аскольда и Дира, Игоря, Олега Святославича († 977), Святополка были еще во времена Нестора; а обыкновенно, чѣмъ древнѣе могила, тѣмъ болѣе преданій окружаетъ ее.

Въ ряду описаній, болѣе или менѣе пространныхъ, составленныхъ по преданію и по другимъ источникамъ, встрѣчаются въ лѣтописи и *замѣтки краткія*, подобныя первымъ начаткамъ лѣтописной дѣятельности — замѣткамъ пасхальнымъ. Краткія замѣтки сообщаютъ извѣстія о построеніи церквей, о знаменіяхъ небесныхъ, о походахъ на враговъ, о другихъ предметахъ, какъ напр. о разливѣ рѣкъ, о саранчѣ, и т. п. Иныя замѣтки составляютъ отдѣльныя и единственныя извѣстія при нѣкоторыхъ годахъ, другія примыкаютъ къ описаніямъ подробнымъ, но не имѣютъ съ ними никакой связи. Отдѣльныя замѣтки изъ двухъ-трехъ словъ попадаются въ древнѣйшей части лѣтописи: послѣ извѣстія подъ 1058 годомъ: «побѣди Изяславъ Голяди», встрѣчается только одно въ такой же степени краткое, именно подъ 1082 г.: «Осень умре, Половечьскій князь». Но за то подъ иными годами всѣ извѣстія состоятъ изъ ряда краткихъ замѣтокъ, какъ напримѣръ:

Въ лѣто 6613. Увалися верхъ святаго Андрея.

Постави митрополитъ епископа Анфилохія Володимерю мѣсяца августа въ 27 день.

Томъ же лѣтѣ явися звѣзда съ хвостомъ, на западѣ, и стоя мѣсяць.

Того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ на Зарубѣ, и побѣди Торкы и Береньдѣѣ (стр. 119).

Въ лѣто 6588. Заратишася Торци Переяславьстіи на Русь, Всеволодъ же посла сына своего Володимера, Володимеръ же шедъ побѣди Търкы.

Въ лѣто 6589. Бѣжа Игоревичь Давыдъ съ Володаремъ Ростиславичемъ, мѣсяца мая 18 день; и придоста Тмутороканю, и яста Ратибора, и сѣдоста Тмуторокани (стр. 87).

Въ лѣто 6616. Заложена бысть церкы святаго Михаила, Золотоверхая, Святополкомъ княземъ....

Въ се же лѣто вода бысть велика въ Днѣпрѣ и въ Деснѣ и въ Припетѣ.

Въ семъ же лѣтѣ вложи Богъ въ сердце Ѳеоклисту игумену Печерьскому, и нача възвѣщати князю Святополку, дабы вписалъ Ѳеодосья въ сѣнаникъ....

Въ се же лѣто преставися Катерина, Всеволожа дщи, мѣсяца іулія въ 11.

Въ се же лѣто кончаша верхъ святыя Богородици на Кловѣ, заложенѣй Стефаномъ, игуменомъ Печерьскымъ (стр. 120—121).

Пространное описаніе событій 1091 года заключается слѣдующими замѣтками:

Въ се же лѣто бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье.

Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша.

Въ се же лѣто волхвъ явися Ростовѣ, иже вскорѣ погыбе (стр. 92).

Передавая различныя событія, лѣтописецъ сообщаетъ свѣдѣнія и о лицахъ, принимавшихъ участіе въ этихъ событіяхъ. Извѣстія о лицахъ состоятъ обыкновенно изъ замѣтокъ о годѣ ихъ рожденія, изъ описанія ихъ дѣйствій, преимущественно военныхъ, и изъ упоминанія о годѣ смерти и мѣстѣ погребенія. Чаще, нежели о рожденіи, встрѣчаются замѣтки о смерти, повторяющіяся иногда подъ нѣсколькими годами сряду: «въ лѣто 6508. Преставися Малъфрѣдь. Въ се же лѣто преставися и Рогънѣдь.

Въ лѣто 6509. Преставися Изяславъ. Въ лѣто 6511. Преставися Всеславъ»,и т. п.

За извѣстіемъ о смерти часто слѣдуютъ *отзывы*, болѣе или менѣе знакомящіе со свойствами умершихъ. Отзывы о лицахъ касаются какъ внутреннихъ ихъ качествъ, такъ и наружныхъ, и не смотря на всю краткость, ясно указываютъ различіе между упоминаемыми лицами. О князѣ Ростиславѣ († 1065) лѣтописецъ говоритъ: «бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, взрастомъ же лѣпъ и красенъ лицемъ, и милостивъ убогымъ». О Глѣбѣ († 1078): «бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогымъ, и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, теплъ на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ». Митрополитъ Іоаннъ II († 1090), по словамъ лѣтописца, былъ «мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицамъ, ласковъ же ко всякому богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшаа печалныя». Преемникъ же его, Іоаннъ скопецъ — «скопьчина», вовсе не похожъ былъ на своего предшественника: «бѣ же се мужь не книженъ, но умомъ простъ и просторѣкъ».

О князѣ Изяславѣ († 1078) лѣтописецъ отзывается такъ: «бѣ же Изяславъ мужь взоромъ красенъ и тѣломъ великъ, незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любя правду; не бѣ бо въ немъ лсти, но простъ мужь умомъ, не вздая зла за зло». Эта похвала вовсе не состоитъ изъ общихъ мѣстъ, примѣнимыхъ ко всякому доброму князю, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Она прямо вытекаетъ изъ образа дѣйствій Изяслава, упоминаемыхъ непосредственно за похвалою ему. Изяславъ, говоритъ лѣтописецъ, не воздалъ зла за зло: ибо сколько зла ни сдѣлали ему Кіевляне: и самого его выгнали, и домъ его разграбили,— но онъ не отомстилъ имъ за это. Такъ же братья его изгнали его, и онъ ходилъ по чужой землѣ, блуждая; но когда одинъ изъ братьевъ пришелъ къ нему побѣжденный, Изяславъ не напомнилъ ему о прежнихъ его злыхъ поступкахъ, но принялъ его ласково и вступилъ съ нимъ въ искренній и дружескій союзъ.

Будучи правдивымъ отголоскомъ мнѣнія современниковъ, похвалы, находящіяся въ лѣтописи, всегда состоятъ въ связи съ личными свойствами тѣхъ, къ которымъ относятся. Поэтому, при всей краткости, они даютъ понятіе объ особенностяхъ характера и дѣйствій замѣчательныхъ людей древней Россіи. Въ лѣтописи нѣтъ такихъ безцвѣтныхъ очерковъ, которые бы сглаживали всѣ черты различія между изображаемыми лицами. И Ярополкъ и Мстиславъ были князья, достойные уваженія, по отзыву лѣтописи; но достоинства были не одни и тѣже. О Ярополкѣ († 1086) лѣтописецъ говоритъ: «бяше блаженный сь князь тихъ, кротъкъ, смѣренъ и братолюбивъ, десятину дая святѣй Богородицы отъ всего своего имѣнья, по вся лѣта, и моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой! пріими молитву мою, и дажь ми смерть, якоже двѣма братома моима, Борису и Глѣбу, отъ чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражіи». Другими свойствами отличался Мстиславъ († 1036), какъ видно изъ слѣдующаго отзыва: «бѣ же Мстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицемъ, великыма очима, хработъ на рати, милостивъ, любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше». —

Вмѣстѣ съ свѣдѣніями о замѣчательныхъ происшествіяхъ и о личныхъ свойствахъ князей и другихъ общественныхъ дѣятелей, лѣтопись сообщаетъ и нѣкоторыя *черты быта внутренняго:* говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ общества, о нравахъ и обычаяхъ, о понятіяхъ большинства и людей съ болѣе вѣрнымъ взглядомъ на вещи. Эти черты разсѣяны по разнымъ мѣстамъ лѣтописи.

Въ завѣщаніи Ярослава видно господство семейнаго начала въ древне-Русскомъ княжескомъ бытѣ. Умирающій Ярославъ говоритъ своимъ дѣтямъ: «се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере. Да аще будете въ любви межю собою, Богъ будеть въ васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно

живуще —, аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ. Но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да то вы будеть въ мене мѣсто, а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль», и т. д. (стр. 69).

О любознательности Ярослава и мѣрахъ къ распространенію образованія свидѣтельствуютъ слѣдующія слова лѣтописи: «и бѣ Ярославъ книгамъ прилежа и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра письцѣ многы, и прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы, и списка, ими же поучащеся вѣрніи людье, наслажаются ученья божественнаго» (стр. 65).

Нравы, обычаи и вѣрованія предковъ нашихъ обнаруживаются въ начальномъ извѣстіи о бытѣ Славянъ Русскихъ: Полянъ, Древлянъ, Сѣверянъ и другихъ племенъ, въ подробномъ повѣствованіи о волхвахъ, и т. п. Волхвъ — замѣчательное лицо въ древнемъ Русскомъ бытѣ, оказывавшее сильное вліяніе на массы. Въ словахъ и поступкахъ волхвовъ, и въ дѣйствіяхъ въ пользу и противъ нихъ, отражается тогдашній бытъ съ нѣкоторыми даже видоизмѣненіями его по различнымъ классамъ общества. Волхвы утверждали подобныя вещи: что Днѣпръ потечетъ назадъ, и земли перейдутъ съ мѣста на мѣсто, такъ что Русская земля станетъ тамъ, гдѣ была Греческая, а Греческая тамъ, гдѣ была Русская; что женщины держатъ подъ кожею жито, рыбу и медъ; что боги, коимъ служатъ волхвы, черны видомъ, съ крыльями и хвостами; что боги подземные восходятъ въ воздушную высь и подслушиваютъ живущихъ на небѣ, и т. п. Люди здравомыслящіе находили, что волхвы морочатъ людей сущею ложью, потому что, говоря словами Яна, собесѣдника Несторова, «створилъ Богъ человѣка изъ земли, сставленъ костьми и жылами отъ крове» и кромѣ костей, жилъ и крови

нѣтъ ничего въ человѣческомъ тѣлѣ. Не смотря на противодѣйствіе князей, епископовъ и воеводъ, народъ питалъ къ волхвамъ полное довѣріе, приводилъ къ нимъ женъ, матерей, сестеръ, передавался весь на сторону волхва, такъ что только князь со своею дружиною оставался на сторонѣ епископа (стр. 75—78).

Несторъ, по общепринятому мнѣнію, признается представителемъ лѣтописной дѣятельности въ Россіи, древнѣйшимъ и достойнѣйшимъ авторомъ литературной лѣтописи. Такъ какъ лѣтопись наша, разсматриваемая какъ видъ словесности, представляетъ много общаго съ лѣтописями другихъ Европейскихъ народовъ, какъ въ способѣ составленія, такъ и въ содержаніи и характерѣ, то при разсмотрѣніи Русской лѣтописи слѣдуетъ принимать въ соображеніе и однородныя съ нею произведенія въ литературахъ западно-Европейскихъ. Сравненіе Нестора съ другими представителями лѣтописанія въ Европѣ можетъ нѣсколько содѣйствовать вѣрному и полному опредѣленію свойствъ самого Нестора, какъ писателя. Поэтому позволяемъ себѣ указать нѣкоторыя черты произведеній тѣхъ изъ Европейскихъ лѣтописцевъ, которые могутъ идти въ сравненіе съ Несторомъ. При выборѣ послѣднихъ, мы имѣемъ въ виду преимущественно три ихъ качества: древность, внутреннее достоинство ихъ трудовъ и отношеніе къ другимъ лѣтописцамъ своего народа — такое же или сходное съ тѣмъ, въ коемъ Несторъ находится къ позднѣйшимъ Русскимъ лѣтописцамъ. Сообразно съ этими условіями избираемъ слѣдующихъ писателей: Козьму Пражскаго († 1125), Ламберта Гершфельдскаго († 1077) и Григорія Турскаго († 595). Всѣ три писателя, подобно Нестору, принадлежали къ наиболѣе образованному классу современнаго имъ общества, т. е. къ духовенству: первый былъ настоятелемъ церкви Пражской — ecclesiae Pragensis decanus; второй — монахомъ и

священникомъ; третій — епископомъ. Козьма Пражскій болѣе всѣхъ другихъ лѣтописцевъ Чешскихъ имѣетъ право на сравненіе съ Несторомъ: это ясно само собою, не нуждаясь въ доказательствахъ. Не такъ необходимъ выборъ Ламберта изо всѣхъ Нѣмецкихъ лѣтописцевъ; но мы допустили его на томъ основаніи, что лѣтопись Ламберта единодушно признается учеными одною изъ самыхъ замѣчательныхъ лѣтописей Германскихъ, какъ по основательности сужденій о событіяхъ и прагматизму, такъ и по художественности изложенія. Козьма Пражскій и Ламбертъ Гершфельдскій близки къ Нестору по времени жизни; Григорій Турскій удаленъ отъ нихъ на нѣсколько столѣтій; но одними хронологическими соображеніями нельзя руководствоваться при сравненіи Русскихъ литературныхъ памятниковъ съ иностранными. Часто то, что въ другихъ Европейскихъ литературахъ возникаетъ почти одновременно въ какую либо эпоху, у насъ является гораздо позднѣе: таково, напримѣръ, введеніе у насъ схоластики, драматическихъ представленій, стихотворной формы, и т. п. сравнительно со временемъ развитія ихъ на западѣ Европы. Григорій Турскій, есть тотъ лѣтописецъ, который впервые изложилъ въ полнотѣ и послѣдовательности судьбу своего отечества съ древнѣйшихъ временъ; безъ него Французы, какъ утверждаютъ Французскіе же писатели, не знали бы ничего о своей первоначальной исторіи: лѣтописцы позднѣйшіе были большею частью его продолжатели или послѣдователи. Вотъ причина, почему Григорій Турскій, древнѣйшій представитель лѣтописной дѣятельности въ мірѣ Романскомъ, можетъ быть сравниваемъ съ Несторомъ, представителемъ лѣтописанія въ Россіи, подобно тому, какъ могутъ быть сравниваемы съ Несторомъ Ламбертъ, первостепенный лѣтописецъ Германскій, и Козьма Пражскій, стоящій во главѣ лѣтописцевъ западно-Славянскихъ. Чтобы ограничить себя въ выборѣ сравниваемыхъ предметовъ, постараемся указать только тѣ изъ особенностей повѣствованія трехъ Европейскихъ лѣто-

писцевъ, которыя находятся въ наибольшемъ соотношеніи съ лѣтописью нашего Нестора [1]).

Какъ у Нестора, такъ и у Козьмы Пражскаго и Ламберта, лѣтописныя извѣстія состоятъ частью изъ *краткихъ замѣтокъ*, частью изъ подробныхъ описаній. У Григорія Турскаго различіе между тѣми и другими не такъ рѣзко обнаруживается, потому что въ ней не принятъ порядокъ повѣствованія изъ года въ годъ. Въ *краткихъ замѣткахъ* упоминается о вещахъ разно-

1) Лѣтопись Козьмы Пражскаго состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой излагается исторія Богеміи съ древнѣйшихъ временъ до 1039 года; во второй съ 1039 до 1092 г. и въ третьей – съ 1092 до 1125 г. Въ лѣтописи Ламберта Гершфельдскаго рѣзко отличается первая половина, простирающаяся до 1040 г., отъ второй, оканчивающейся 1077 годомъ. Лѣтопись Григорія Турскаго раздѣляется на 10 книгъ; въ первой книгѣ помѣщенъ краткій очеркъ всеобщей исторіи до смерти Мартина, епископа Турскаго, т. е. до 397 г.; въ остальныхъ девяти книгахъ излагается исторія Франковъ до 591 года. — Лѣтопись Козьмы Пражскаго издана Пелцелемъ и Добровскимъ въ 1783 г. въ 1-мъ томѣ Scriptores rerum Bohemicarum. Это изданіе важнѣе всѣхъ прежнихъ изданій. Новѣйшее изданіе принадлежитъ *Кепке* (Koepke), въ «памятникахъ» Пертца—Monumenta Germaniae historica, edid. *Pertz*. Tomus XI, Scriptorum tomus IX. 1851. стр. 1—132. Критическое обозрѣніе лѣтописи К. Пражскаго находится въ сочиненіи *Палацкаго:* Würdigung der alten böhmichen Geschichtschreiber. Prag. 1830, стр. 1—35.—Лѣтопись Ламберта издана также въ Monumenta Germaniae historica, ed. *Pertz*. Tomus VII, Scriptorum tomus V. 1844. стр. 134—263, подъ названіемъ: Lamberti Hersfeldensis annales. Названіе Hersfeldensis усвоено ему отъ имени монастыря въ Гершфельдѣ (Hirschfeld) — monasterium Hersfeldense. До поправки, сдѣланной Вайтцемъ, Ламберта называли обыкновенно: Lambertus Schafnaburgensis или Aschafnaburgensis, Lambert von Aschaffenburg, Ламбертъ Ашаффенбургскій, подъ именемъ котораго извѣстенъ онъ и въ нашей исторической литературѣ. Невѣрность произошла отъ того, что слова Ламберта подъ 1058: «ego presbiter ordinatus sum Ascafnaburg» въ старинныхъ изданіяхъ читаются такъ: ego presbiter *a Scafnaburg*, и пр. — Изданіе лѣтописи Григорія Турскаго сдѣлано было въ 1699 г. *Рюинаромъ*. Ученое предисловіе издателя, показывающее надлежащую точку зрѣнія на издаваемую лѣтопись, перепечатывалось и въ послѣдующихъ изданіяхъ. Лѣтопись Григорія Турскаго помѣщена въ собраніи *Буке:* Recueil des historiens des Gaules et de la France, par *Martin Bouquet*. Tome second. Paris. 1739. стр. 75—390. — Новѣйшее изданіе ея — въ Patrologiae cursus completus. Tomus 71. Parisiis. 1849. — Переводовъ было нѣсколько, но иные непонятнѣе подлинника. Лучшій принадлежитъ Гизо и помѣщенъ имъ въ Collection des mémoires rélatifs à l'histoire de France, par *Guizot*. Paris. 1823. Лѣтопись Григорія Турскаго въ изданіи Гизо занимаетъ первый томъ весь, а второй до 152 стр.

родныхъ: о нашествіи непріятелей, о явленіяхъ небесныхъ, о бракѣ государей, объ избраніи и смерти епископовъ, и т. п. Такъ въ лѣтописи Козьмы Пражскаго читаемъ:

Anno dominicae incarnationis 933. Ungari, orientales Francos et Alamaniam atque Galliam devastantes, per Italiam redierunt.

A. d. i. 939. Luduicus rex Gerpirgam viduam Gisalberti duxit uxorem.

A. d. i. 942. Sidus simile cometae per 14 noctes visum est, et immensa mortalitas boum secuta est.

A. d. i. 1043. Tanta fames fuit in Bohemia, ut tertia pars populi interiret fame.

A. d. i. 1045. Obiit Gunter monachus 7 idus octobris.

У Ламберта встрѣчаются такого рода извѣстія:

1045. Dux Gotefridus a rege in dedicionem acceptus, in Gibekestein missus est custodiendus, sicque regnum brevi tempore quietum et pacatum mansit. Petrus Ungariorum rex Ouban, aemulum atque insidiatorem regni sui, captum decollavit. Bruno Wirciburgensis episcopus obiit; cui Adalbero successit. Cathelo Citicensis episcopus obiit; cui Eppo successit. Adalbrandus Premensis archiepiscopus obiit; cui Adalbertus successit.

1060. Rex nativitatem Domini Wormaciae celebravit; ubi et sinodus indicta fuerat, sed excusantibus se per infirmitatem et pestilentiam, quae tunc temporis vehementer grassabatur in Gallia, ad effectum non pervenit. Sizzo Verdensis episcopus obiit; cui Richbertus successit. Gebehardus Ratisponensis episcopus obiit; cui Otto successit. Counradus Spirensis episcopus obiit; cui Einhart successit.

Подъ 1070 годомъ внесены одна за другою замѣтки, совершенно не относящіяся къ предъидущему повѣствованію: Adalbero Wormaciae episcopus, propria, ut fertur crassitudine praefocatus, interiit; cui Adalbertus successit. Aribo diaconus occisus est a propriis servis suis.... Silvestrium arborum eadem quae priore anno sterilitas permansit. Sed vinearum tanta fertilitas fuit, ut plerisque in locis prae multidunine vix colligi vindemia posset, и т. п.

Козьма Пражскій, Ламбертъ и Григорій Турскій описываютъ событія частію по преданію и другимъ источникамъ свѣдѣній о древнемъ періодѣ, частью же какъ современники и очевидцы. Ламбертъ для древнѣйшей части лѣтописи воспользовался анналами своего монастыря, не распространяя ихъ краткихъ замѣтокъ. Козьма Пражскій и Григорій Турскій описываютъ старину своего народа довольно подробно, руководствуясь во многомъ народными преданіями. По выбору преданій и извѣстій о старинѣ, эти лѣтописцы находятся не въ одинаковомъ отношеніи къ Нестору.

Несторъ сообщаетъ преимущественно такія свѣдѣнія, которыя по его понятіямъ не заключали въ себѣ ничего не вѣроятнаго и подтверждались фактами, которыхъ онъ самъ могъ быть очевиднымъ свидѣтелемъ. Таково его описаніе быта племенъ, слившихся впослѣдствіи въ одинъ народъ—Русскій. Поляне, говоритъ лѣтописецъ, имѣли обычай своихъ отцовъ, тихій и кроткій; стыдѣнье къ снохамъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и родителямъ, къ свекровямъ и деверямъ; брачный обычай имѣли: не ходилъ зять по невѣсту, а приводили ее свечера, а на другой день приносили, что́ давали за нею. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне одинъ обычай имѣли: жили въ лѣсахъ, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и снохами; браковъ у нихъ не было, но сходились они на игрища, на плясанье, и тамъ умыкали женъ себѣ, кто съ какою сговорился; а имѣли они и по двѣ и по три жены. Если кто умиралъ, творили надъ нимъ тризну, потомъ дѣлали большую кладу, и на нее клали мертвеца и сожигали; потомъ собирали кости, складывали ихъ въ судину малую, и ставили при пути, что̀ дѣлаютъ Вятичи и теперь — «еже творять Вятичи и нынѣ» и т. д. (стр. 6).

Сообщая преданія, Несторъ не выбираетъ изъ нихъ только того, что сообразно съ его личнымъ намѣреніемъ, а оставляетъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ ходили они въ народѣ. Въ этомъ удостовѣряетъ и самый тонъ разсказа преданій и сличеніе ихъ съ объясненіями, которыя весьма часто предлагаются лѣтопис-

цемъ, выражая собою его личный взглядъ на событіе, переданное имъ со словъ народа. Единственная, кажется, причина внесенія въ лѣтопись большей части преданій, заключается въ томъ, что они имѣли особенный интересъ не для лѣтописца собственно, а для всѣхъ его современниковъ, повторявшихъ сказанія отцовъ.

Козьма Пражскій также считалъ нужнымъ въ началѣ лѣтописи разсказать о древнѣйшемъ бытѣ своего народа; но въ выборѣ предметовъ для изображенія замѣтна особенная цѣль, чуждая нашему лѣтописцу. Первобытное состояніе Чеховъ описано въ идиллическомъ родѣ. По словамъ Козьмы Пражскаго, между древнѣйшими обитателями Богеміи не было ни вражды, ни ненависти; никто ничего не называлъ *своимъ*, а все у нихъ было *общее:* какъ свѣтъ солнца и влага воды доступны всѣмъ и каждому, такъ у всѣхъ были общіе поля, лѣса и даже жены. У одного изъ старшинъ счастливаго племени, Крока, было три дочери, изъ коихъ младшая, Любуша, прославилась своею мудростью. Уступая желанію народа, она отдала руку свою и власть Премыслу, начавшему собою рядъ Чешскихъ государей. Послы Любуши застали Премысла за полевою работою; зная напередъ судьбу свою, онъ охотно принялъ предложеніе; замѣнилъ скромное платье земледѣльца одеждою, свойственною его новому сану; но приказалъ сохранить обувь, въ которой обработывалъ землю. Окружающіе его спросили: для чего же беречь вещь, никуда не годную? Для того, отвѣчалъ онъ, чтобы потомки наши помнили свое происхожденіе, и никогда не дошли бы до гордаго угнетенія людей, ввѣренныхъ имъ отъ Бога. Послѣдующія извѣстія до самаго принятія Богемцами христіанства также не имѣютъ исторической истины: онъ взялъ ихъ, какъ самъ говоритъ, изъ баснословныхъ разсказовъ стариковъ — senum fabulosa relatione.

Козьма Пражскій видимо увлекся желаніемъ представить картину, противоположную нравамъ ему современнымъ. По крайней мѣрѣ онъ съ большимъ прискорбіемъ и негодованіемъ говоритъ о *своемъ времени*. Оно, по сознанію автора, несравненно хуже времени *прошлаго:* истина и прямота потеряли свои права; добро-

дѣтельные люди сошли въ могилу или перестали дѣйствовать; мѣста ихъ заняли человѣкоугодники, не знающіе правды сами и не признающіе ее въ другихъ. Нельзя сказать правды объ умершихъ: еще опаснѣе высказать ее о живыхъ, ибо за правое слово легко нажить себѣ враговъ между людьми, у которыхъ всегда одинаковый отвѣтъ князю: ita, domine; ita est, domine; ita fac, domine. Поэтому гораздо безопаснѣе разсказывать сны, коихъ никто не станетъ повѣрять, нежели описывать дѣйствія теперешнихъ людей[1]).

Желая представить старину въ радужномъ свѣтѣ, Козьма Пр. вошелъ въ общую колею писателей о мнимомъ золотомъ вѣкѣ, и тѣмъ лишилъ разсказъ свой необходимыхъ чертъ народности, которыя съ такою живостью являются у Нестора. Стыдѣнье къ снохамъ и свекровямъ, зятья и деверья, тризны и клады весьма живо напоминаетъ Русскій бытъ — дѣйствительный, а не вымышленный; между тѣмъ какъ счастливое состояніе древнихъ Чеховъ, изображенное Козьмою Пражскимъ, есть только развитіе общей темы утопистовъ, не имѣющее народнаго колорита. Не будучи убѣжденъ въ истинѣ преданій, сообщаемыхъ въ хроникѣ, Козьма Пражскій представляетъ читателямъ рѣшить, достовѣрно или вымышленно то, что разсказано имъ о древнихъ временахъ[2]). Слѣдовательно, онъ передаетъ то, чему не вѣритъ самъ; вотъ черта, которою онъ отличается отъ Нестора.

Въ этомъ отношеніи ближе къ Нестору Григорій Турскій, передающій народныя преданія и повѣрья безъ особеннаго выбора и со всею естественностью и простотою, обличающими ихъ народное происхожденіе. Въ первой книгѣ исторіи Франковъ приводится прекрасное преданіе о счастливой четѣ, извѣстной подъ именемъ: duo amantes. Одинъ изъ вельможъ Овернскихъ— разсказываетъ Григорій Турскій — вступилъ въ бракъ съ дѣвушкою, давшею обѣтъ цѣломудрія. Когда, послѣ свадебнаго

1) Scriptores rerum Bohemicarum. I, стр. 261 и 195—196.—Monumenta, ed. *Pertz*. стр. 125 и 101—102.

2) Scriptores. стр. 34.—Monumenta. стр. 44.

пира, они заняли, по обычаю, брачное ложе, дѣвушка оборотилась къ стѣнѣ и зарыдала. Мужъ просилъ открыть причину горькихъ слезъ, и она объявила ему о своемъ обѣтѣ. Онъ пытался увѣщаніями поколебать ея рѣшимсть; но убѣжденный ея вдохновенными рѣчами, сказалъ: пусть будетъ по твоему: они подали другъ другу руку, и спокойно уснули. И много лѣтъ потомъ спали на одномъ ложѣ, пребывая въ цѣломудріи. Когда дѣвушка скончалась, мужъ, опуская ее въ гробъ, воззвалъ къ Богу: «возвращаю Тебѣ данное мнѣ сокровище такимъ же чистымъ, какимъ получилъ его отъ Тебя». При этихъ словахъ дѣвушка улыбнулась во гробѣ и сказала: «зачѣмъ же ты говоришь то, о чемъ тебя не спрашиваютъ». Вскорѣ и онъ послѣдовалъ за своею женою. Ихъ похоронили на далекомъ разстояніи другъ отъ друга; но съ разсвѣтомъ дня народъ увидѣлъ, что гробницы ихъ сблизились сами собою, какъ бы въ знакъ того, что могила не должна раздѣлять соединенныхъ Небомъ. Григорій Турскій заключаетъ преданіе словами: hos *usque hodie* Duos Amantes vocitare loci incolae voluerunt[1]), соотвѣтствующими Несторовымъ: *и до сего дне, и нынѣ, якоже и до сего дне словеть*, и т. п. —

Однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, описанныхъ съ наибольшею подробностью, являются у трехъ разсматриваемыхъ лѣтописцевъ *войны внутреннія и внѣшнія*. Самое содержаніе своей лѣтописи Григорій Турскій опредѣляетъ такъ: «scripturus *bella regum cum gentibus adversis*, martyrum cum paganis, ecclesiarum cum haereticis»[2]). Въ повѣствованіи о войнахъ, коими такъ богата исторія Галліи, о причинѣ и ходѣ ихъ выражается духъ Европейскаго общества V и VI в. Простота въ отношеніяхъ областей между собою, готовность воевать изъ за самой

---

1) Recueil des historiens des Gaules et de la France, par M. *Bouquet*. T. II, стр. 151—152. Есть одно южно-Русское преданіе, сходное съ приведеннымъ. Мужа хоронили у церкви, жену—у колокольни; на могилѣ мужа посадили яворъ, на могилѣ жены—тополь: «стали жъ ихъ могилы та присуватися, ставъ яворъ до тополи та прихилятися».

2) *Bouquet*. Prologus. стр. 139.

ничтожной причины, жестокость въ военныхъ дѣйствіяхъ — характеризуютъ общественный бытъ описываемаго времени и придаютъ разсказу Григорія Турскаго оригинальность и свѣжесть. Какъ легко было найти поводъ къ войнѣ, видно уже изъ одной ссоры владѣльцевъ Турингіи, Германфрида и Бальдерика. Однажды Германфридъ, прійдя къ обѣду, увидѣлъ, что половина стола не накрыта, и спросилъ у жены, что это значитъ. Она отвѣчала: кто лишаетъ себя половины царства, тотъ долженъ быть доволенъ столомъ вполовину накрытымъ. Подстрекаемый подобными выходками, Германфридъ вооружился противъ своего брата, и тайно послалъ къ Теодорику сказать: «если ты умертвишь его, мы страну раздѣлимъ пополамъ». Теодорикъ обрадовался предложенію, и они вмѣстѣ отправились на войну, разбили Балдерика, и послѣ побѣды Теодорикъ возвратился восвояси. Но Германфридъ, забывъ клятву, не исполнилъ обѣщаннаго Теодорику, и между ними возникла страшная вражда[1]).

Вражды и смуты, внутреннія и внѣшнія, усиливались съ каждымъ годомъ, и Григорій Турскій изливаетъ свою скорбь о бѣдствіяхъ, въ которыя ввергаютъ его отечество войны и междоусобія; онъ видитъ въ нихъ наступленіе золъ и несчастій, предсказанныхъ словами Спасителя: «предастъ на смерть братъ брата, и отецъ сына; и возстанутъ дѣти на родителей, и будутъ убивать ихъ»[2]). Безпрестанныя войны пріучали народы къ кровопролитію, а грубость нравовъ была причиною жестокихъ поступковъ и въ мирное время. Въ лѣтописи Григорія Турскаго разсказывается и о томъ, какъ отецъ задушилъ своего сына, и о томъ, какъ живой былъ заключенъ въ гробъ, наполненный костями мертвыхъ, и о подобныхъ тому жестокостяхъ.

Содержаніе всей третьей части лѣтописи Козьмы Пр. составляютъ преимущественно *раздоры* и *битвы* Чешскихъ владѣтелей, какъ между собою, такъ и съ сосѣдними державами, Польшей и

1) *Bouquet*. II, стр. 188, IV.
2) Тамъ же. II, книга V. Prologus. стр. 232.

Германіей. Внутреннія и внѣшнія безпокойства, вражда и ненависть, ужасныя преступленія и ужасныя наказанія одно за другимъ описываются въ хроникѣ. Убійства, отрѣзываніе носа и въ особенности ослѣпленіе упоминаются какъ весьма обыкновенные способы наказанія и мести. Только страхъ Божій и благочестіе, сохранившіеся у немногихъ, удерживали отъ безчеловѣчныхъ поступковъ. Брячиславъ въ порывѣ гнѣва на одного изъ своихъ приближенныхъ не изувѣчилъ его только потому, что считалъ большимъ грѣхомъ испортить то, что сдѣлано рукою самого Бога; обращаясь къ виновному, Брячиславъ сказалъ: «ego si non Deum offendere metuerem, uti meritus es, profecto oculos tibi eruerem; sed nolo, quia grande nefas est corrumpere, quod Dei digitus operatus est in homine»[1]).

Изъ событій, относящихся не ко внѣшнему быту народа, а ко внутреннему, особенно любопытны дѣйствія Брячислава, описанныя въ самомъ началѣ 3-й книги лѣтописи Козьмы Пр. Брячиславъ распространялъ христіанскія понятія въ народѣ и истреблялъ слѣды язычества; онъ выгналъ изъ Богеміи всѣхъ гадателей и вѣщуновъ; вырубилъ и сжегъ священныя деревья и рощи, боготворимыя народомъ; уничтожилъ жертвы, приносимыя у источниковъ, а также тризны по умершимъ и другіе обычаи быта языческаго. Противодѣйствовать подобнымъ обычаямъ долженъ былъ не одинъ князь или епископъ и въ Россіи XI вѣка; въ XI-мъ же вѣкѣ происходила борьба Брячислава съ язычествомъ, не вполнѣ отвергнутымъ Чехами.

Въ лѣтописи Ламберта наиболѣе пространныя описанія посвящены также *войнамъ и междоусобіямъ*. Часто повторяются въ ней слова: atrox pugna coorta est, anceps pugna fuit, и т. п. Безпрестанное повтореніе однихъ и тѣхъ же лицъ, то воюющихъ между собою, то готовыхъ заключить миръ, могло бы придать хроникѣ однообразіе и лишить ее занимательности; но выборъ

---

1) Scriptores rerum Bohemicarum. I, 202. — Monumenta, ed. *Pertz*. XI. Scriptorum IX, стр. 103.

главнаго предмета для изображенія и описаніе нѣкоторыхъ любопытныхъ особенностей тогдашняго быта сообщаютъ интересъ разсказу, возбуждая вниманіе и участіе читателя. Ламбертъ всего подробнѣе описываетъ войны Генриха IV съ Саксонцами и распри его съ Гильдебрандомъ. Свиданіе ихъ во дворцѣ Матильды есть одно изъ самыхъ драматическихъ событій въ исторіи среднихъ вѣковъ; Ламбертъ передаетъ его со многими интересными подробностями. Роковой день годовщины отлученія отъ церкви былъ уже близко, а жестокая зима сдѣлала Альпы непроходимыми. Генрихъ рѣшается на все, беретъ опытныхъ вождей, и предпринимаетъ опасный и невѣрный путь черезъ вершины Альповъ, покрытыя снѣгами и льдомъ. Часто оказывается рѣшительная невозможность идти далѣе; тогда онъ ползетъ, упираясь руками и ногами, и не будучи въ состояніи держаться на скользкой массѣ, падаетъ въ обрывъ, откатываясь на большое пространство. Жену Генриха и другихъ женщинъ, одѣтыхъ въ бычачьи кожи, путники тащили за собою, также какъ и лошадей, коимъ связали ноги. Впрочемъ трудности далекаго пути не были новостью для Генриха, который не задолго предъ тѣмъ скрывался отъ враговъ въ густомъ и дикомъ лѣсу, содрогаясь при каждомъ шумѣ вѣтра.

Вообще тайныя путешествія по мѣстамъ непроходимымъ были весьма обычны въ то время, когда безпрерывныя войны оставляли немногія мѣстопребыванія безопасными для людей богатыхъ и знатныхъ [1]). Страхъ отъ угрожающей всюду опасности, ожиданіе новыхъ набѣговъ и чувство самосохраненія заставляли всегда быть наготовѣ къ смѣлымъ подвигамъ, и развивали предпріимчивый духъ и страсть къ приключеніямъ. Самое устройство тогдашняго общества поддерживало эту страсть и даже давало ей право законности. Живымъ доказательствомъ тому служитъ разсказъ о Балдуинѣ Фландрскомъ и сыновьяхъ его, Бал-

1) Ср. разсказъ о двухъ отрокахъ и т. п. — въ лѣтописи Ламберта, стр. 251—252, 211—313 и др.

дуинѣ и Робертѣ. Во Фландріи былъ законъ, освященный давностью, состоявшій въ томъ, что одинъ изъ сыновей владѣтеля признавался наслѣдникомъ отца и получалъ всю область, между тѣмъ какъ другіе обязаны были или покориться владѣтельному брату и провести жизнь въ неизвѣстности, или же собственными подвигами добыть себѣ область въ чужой землѣ. Повинуясь древнему закону, Балдуинъ отдалъ всю Фландрію старшему своему сыну, Балдуину, а меньшаго, Роберта, отправилъ искать себѣ счастья въ чужихъ краяхъ. Послѣ многихъ приключеній, изъ коихъ нѣкоторыя могли бы найти мѣсто въ романѣ, Робертъ возвратился на родину, вступилъ въ сраженіе съ братомъ, и, оставшись побѣдителемъ, завладѣлъ всею Фландріею[1]).

Не только свѣтскіе владѣтели, но и духовные должны были домогаться правъ своихъ вооруженною рукою; не разъ говорится въ лѣтописи Ламберта: inter milites regis et milites episcopi seditio facta est, и т. п. Впрочемъ во многихъ отношеніяхъ жизнь высшихъ духовныхъ особъ похожа была на жизнь свѣтскихъ вельможъ. Честолюбіе и удовлетвореніе его силою оружія были обыкновенными явленіями въ бытѣ представителей духовенства. Въ 1063 году въ день праздника Рождества Христова произошла кровавая схватка между камераріями епископа Гильденгеймскаго и аббата Фульдскаго. Причиною ея было мѣстничество, не чуждое и нравамъ западныхъ Европейцевъ: въ собраніяхъ духовенства первое мѣсто подлѣ архіепископа Могонтскаго занималъ обыкновенно аббатъ Фульдскій; но епископъ Гильденгеймскій пожелалъ присвоить себѣ эту честь. Утушенная распря возобновилась съ новою силою въ день Пятидесятницы. Враждующіе ворвались въ церковь съ обнаженными мечами, и во время богослуженія началась кровопролитная борьба. Вмѣсто молитвъ и пѣсней духовныхъ раздавались крики сражающихся и вопли умирающихъ; епископъ сталъ на возвышенномъ мѣстѣ и подобно полководцу возбуждалъ своихъ къ битвѣ; на алтарѣ Господнемъ

---

1) Monumenta Germaniae historica, ed. *Pertz*. T. VII. Scriptorum V. стр. 180–183.

закалались ужасныя жертвы, и во храмѣ текли рѣки крови, пролитой не по зову истинной вѣры, какъ бывало нѣкогда, а по чувству жестокости ко врагамъ [1]).

Съ разсказами о военныхъ тревогахъ, о подвигахъ храбрости, удивлявшихъ современниковъ, соединяются въ разсматриваемыхъ лѣтописяхъ повѣствованія о событіяхъ еще болѣе удивительныхъ —*о чудесахъ, знаменіяхъ, видѣніяхъ*.

Изъ четырехъ Европейскихъ лѣтописцевъ всего рѣже встрѣчаются описанія необыкновенныхъ явленій у Нестора, всего чаще у Григорія Турскаго. Въ лѣтописи послѣдняго почти столько же упоминается чудесъ, сколько обыкновенныхъ происшествій, и первыя иногда описываются съ большею подробностью, нежели послѣднія. Надлежащая точка зрѣнія на этотъ предметъ въ связи съ внутреннимъ состояніемъ тогдашняго общества указана Рюинаромъ въ ученомъ предисловіи къ изданной имъ лѣтописи Григорія Турскаго.

Съ сказаніями о чудесахъ сливаются извѣстія о необыкновенныхъ явленіяхъ природы внѣшней, о бѣдствіяхъ народа и т. п. Въ лѣтописяхъ Ламберта и Козьмы Пражскаго неоднократно упоминается о знаменіяхъ небесныхъ и бѣдствіяхъ земли: голодѣ, стужѣ, смертныхъ болѣзняхъ, и т. п. Въ самой послѣдовательности этихъ извѣстій замѣтно нѣкоторое сходство между древнею нашею лѣтописью и лѣтописью Григорія Турскаго. Несчастія слѣдовали въ Галліи одно за другимъ: обрушилась скала и задавила многихъ изъ окрестныхъ жителей; нѣсколько разъ вокругъ солнца являлись три или четыре свѣтила, которыя народъ (rustici — ср. Нестор. «невѣгласи») называетъ солнцемъ, говоря: вотъ три, вотъ четыре солнца на небѣ; однажды солнце такъ потемнѣло, что виднѣлась только четвертая часть его, да и та была мрачна и безцвѣтна, и звѣзда, которую называютъ кометою, съ лучомъ (хвостомъ) подобнымъ мечу, являлась въ теченіе цѣлаго года. И много было другихъ знаменій: въ церковь

---

1) Тажъ же, стр. 163—164.

во время служенія влетѣлъ жаворонокъ, и потушилъ крыльями всѣ свѣчи; другая птица сдѣлала тоже самое въ базиликѣ св. Андрея. Когда наступила предвѣщаемая язва, во всей странѣ была такая смертность на людей, что невозможно было сосчитать множество погибшихъ, и т. д. [1]).

При разсказѣ о дѣйствіяхъ достопамятныхъ лицъ всѣ три лѣтописца описываютъ иногда и *свойства* этихъ *лицъ*, не только нравственныя, но и физическія. Отзывы лѣтописцевъ большею частью кратки, и своею краткостью, а равно и выборомъ чертъ для краткой характеристики сближаются съ отзывами нашего лѣтописца.

Ламбертъ говоритъ объ Аннонѣ, архіепископѣ Колонскомъ: «crebris jejuniis corpus suum macerabat et in servitutem redigebat. Pernoctabat plerumque in orationibus, et per ecclesias, uno tantum puero contentus comite, nudis pedibus discurrebat. Multa illius in pauperes, in peregrinos, in clericos, in monachos benignitas, mira liberalitas erat» [2]).

Какъ близки эти похвалы къ словамъ нашей лѣтописи: «бяше постникъ и въздержникъ; егда приспѣяше зима и мрази лютіи, стояше въ прабошняхъ, въ черевьяхъ протоптанныхъ, яко примерзняшета нозѣ его къ камени, и не движаше ногами, дондеже отпояху заутреню; бѣ милостивъ убогымъ и страннолюбивъ; въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци» [3])—качества одинаково удивительныя и драгоцѣнныя какъ для Русскаго лѣтописца, такъ и для Германскаго.

О епископѣ Гюнтерѣ Ламбертъ отзывается такъ: «lingua promptus et consilio, litteris eruditus tam divinis quam humanis, tum statura et formae elegantia ac totius corporis integritate ita ceteris eminens mortalibus, ut in illo Hierosolimitano itinere ex urbibus et agris spectandi ejus studio profluerent». Объ Адаль-

---

1) Bouquet. II, liber IV. стр. 218—219, XXXI.
2) Monumenta, ed. *Pertz*. VII. Scriptorum V. стр. 238.
3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. стр. 81, 84, 85, 92.

берѣ: «vir per omnia dignus spectaculo; erat enim fortitudinis magnae, edacitatis nimiae, crassitudinis tantae, quae aspicientibus horrorem magis incuteret quam admirationem» etc.[1]).

По этимъ немногосложнымъ отзывамъ можно представить себѣ различіе между упоминаемыми лицами. Но сказанное Ламбертомъ о Гильдебрандѣ далеко не знакомитъ насъ съ характеромъ знаменитаго Римскаго первосвященника. При извѣстіи о его избраніи достоинства новаго папы выражены Ламбертомъ такъ: «elegerunt Hildebrandum, sacris litteris eruditissimum et in tota ecclesia, tempore quoque priorum pontificum, omni virtutum genere celeberrimum»[2]). Въ слѣдующемъ за этими словами пространномъ повѣствованіи о Гильдебрандѣ разсѣяны многіе черты, довольно живо рисующія личность его; но эти черты не выходятъ на первый планъ, а теряются въ массѣ подробностей вовсе не характеристическихъ.

Отзывы Козьмы Пражскаго сходны съ Ламбертовымй по выбору выхваляемыхъ качествъ. Болеслава II Козьма Пражскій называетъ: «vir christianissimus, fide catholicus, pater orphanorum, defensor viduarum, gementium consolator, clericorum et peregrinorum pius susceptor, ecclesiarum Dei praecipuus fundator»; сестру его Младу: «virgo Deo devota, sacris litteris erudita, christianae religioni dedita, humilitate praedita, alloquio blanda, pauperibus et orphanis fautrix larga, ac omni morum honestate decorata»[3]). Славникъ, отецъ Адальберта, выхваляется въ такихъ выраженіяхъ: «erat enim vir laetissimus ad omnes facie, in consiliis serenissimus mente, alloquiis blandissimus, locuples divitiis, quam secularibus, tam spiritualibus. In domo illius honestas fulgebat et sincera dilectio, judiciorum rectitudo et procerum multitudo. In operibus ejus erat legum cognitio, pauperum refectio, moerentium consolatio, peregrinorum receptio, viduarum et orphanorum

1) Тамъ же, стр. 171.

2) Тамъ же, стр. 194.

3) Scriptores rerum Bohemicarum. I, 47. Monumenta, ed. *Pertz*. XI. Scriptorum IX, стр. 48.

defensio»[1]). Тегдагъ или Теадагъ (Thegdagus, Theadagus), третій епископъ Пражскій, былъ по выраженію Козьмы Пражскаго — «corpore virgineus, moribus aureus, actibus purpureus».

Не одни заслуги вождей церкви и народа обращали на себя вниманіе Козьмы Пражскаго: нѣжная красота женщинъ нашла въ немъ также своего описателя, иногда довольно пламеннаго. Нашъ лѣтописецъ только случайно, вскользь упоминаетъ о женской красотѣ, говоря, что Святославъ отдалъ приведенную имъ Гречанку за сына своего Ярополка «красоты ради лица ея» (стр. 32). Козьма Пр. напротивъ того любитъ расточать похвалы прекрасному полу. О Юдиѳи, дочери Оттона, Козьма Пр. говоритъ: «pulchritudine sub Phoebo cunctis quae sunt praelata puellis». Необыкновенная красавица была также Божена, плѣнившая Яромира; возвращаясь съ охоты онъ увидѣлъ ее у колодца, любовался ея станомъ, и огонь любви запылалъ въ сердцѣ Яромира. Да и нельзя было не плѣниться прелестною дѣвушкою, когда она — нѣжнѣе лебедя, бѣлѣе снѣга, прекраснѣе яхонта: «erat enim corporis ejus habitudo insignis, nive candidior, mollior cigno, nitidior ebore antiquo, pulchrior saphiro» [2]).

Но не въ подобныхъ отзывахъ, а въ описаніяхъ пространныхъ обнаруживается умѣнье Козьмы Пр. отмѣчать характеристическія особенности изображаемыхъ лицъ. Искусное очертаніе характеровъ, открывающихся въ различныхъ обстоятельствахъ, удачно собранныхъ въ лѣтописи Козьмы Пр., составляетъ одно изъ ея неотъемлемыхъ литературныхъ достоинствъ. Читатель видитъ передъ собою не одинъ перечень именъ и событій, а людей движимыхъ тою или другою страстью. Весьма живо очерченъ характеръ Вратислава, человѣка уклончиваго и притворнаго, изобрѣтающаго самыя утонченныя средства для достиженія своихъ цѣлей. Съ особеннымъ же искусствомъ изображены характеры князя Спитигнева и епископа Гебгарда.

---

1) Scriptores. I, 54. Monumenta, стр. 51.
2) Scriptores. I, 81, 72. Monumenta, стр. 62, 58.

Спитигневъ былъ чрезвычайно пылокъ и рѣшителенъ. Сострадательный къ несчастію ближнихъ, склоняющійся на просьбу бѣдной вдовы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ помнитъ обиды, даже давнія, и не пропускаетъ случая отомстить за нихъ. Въ первый же день по восшествіи на престолъ Спитигневъ издалъ повелѣніе выгнать всѣхъ Нѣмцевъ до единаго изъ предѣловъ Богеміи; не пощадилъ даже матери своей, родомъ Нѣмки. Онъ изгналъ такъ же одну аббатиссу, укорявшую его нѣкогда за обиду, имъ самимъ нанесенную. Не смотря на свою злопамятность, онъ былъ, какъ говоритъ Козьма Пражскій, хорошимъ христіаниномъ, много времени посвящалъ молитвѣ, особенно въ теченіе великаго поста.

Еще рѣзче противоположность качествъ: дерзости и смиренія, запальчивости и кротости, совмѣщавшихся въ епископѣ Гебгардѣ. Насильно постриженный въ монахи, онъ бросилъ келію и вступилъ въ военную службу, болѣе сродную съ его наклонностями. Смерть епископа Пражскаго заставила Гебгарда снова облечься въ монашескую одежду. Затѣмъ послѣдовало избраніе его въ епископы. Первымъ подвигомъ новаго епископа въ самый день посвященія было то, что онъ подошелъ къ одному изъ воиновъ, сидѣвшему на берегу Рейна, и столкнулъ его въ рѣку, говоря: снова крещаю тебя, Вильгельмъ. Несчастный Вильгельмъ долго оставался подъ водою и едва не погибъ въ волнахъ Рейна. Уже эта одна выходка знакомитъ нѣсколько съ личностью Гебгарда. Его жестокость и дерзость видны изъ поступковъ съ Моравскимъ епископомъ и съ папскимъ посломъ, такъ что только предстательство Матильды удержало за нимъ епископскую каѳедру. Подвергаясь въ Римѣ опасности потерять санъ, Гебгардъ по возвращеніи на родину спокойно и весело разсказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Римѣ, и о томъ, какъ Матильда выручила его изъ бѣды; между прочимъ сказалъ, поглаживая себя по бородѣ: а какова у меня борода — право, годилась бы и Цезарю. Ему отвѣчали на это: о если бы вмѣстѣ съ бородой ты привезъ и другой характеръ. Исполнились ли желанія

Пражанъ или нѣтъ, но, по свидѣтельству Козьмы Пражскаго, въ числѣ поступковъ Гебгарда было много такихъ, которые вполнѣ достойны его сана. Разгульный и свирѣпый воинъ, не умѣющій сдерживать себя въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни, смиренно исполняетъ обязанности служителя церкви, омываетъ ноги двѣнадцати странникамъ, даетъ пищу и одежду сорока нищимъ, и т. п. [1]).

Лѣтопись Григорія Турскаго заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ описаній, исполненныхъ поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ простоты. Бытъ и нравы людей представлены весьма живо, и если авторъ не заботился о характеристикѣ изображаемыхъ лицъ, то самая подробность изображенія даетъ возможность составить понятіе объ ихъ характерѣ. Подобно всѣмъ другимъ лѣтописцамъ, Григорій Турскій упоминаетъ о достоинствахъ замѣчательныхъ лицъ, и въ концѣ 10-ой книги его лѣтописи находится даже списокъ Турскихъ епископовъ съ показаніемъ ихъ заслугъ. Но гораздо опредѣлительнѣе, нежели изъ краткихъ отзывовъ, читатель знакомится съ различными личностями изъ самаго разсказа лѣтописи. Весьма удачно очерченъ характеръ Теодорика въ 3-й книгѣ, и въ особенности живо — характеръ Фредегунды въ 8-й книгѣ исторіи Франковъ.

Вообще касательно предметовъ, изображаемыхъ четырьмя Европейскими лѣтописцами, въ томъ числѣ и нашимъ Несторомъ, можно замѣтить, что главное мѣсто въ лѣтописяхъ занимаетъ *описаніе быта внѣшняго, а не внутренняго*. Войны, междоусобія, дѣйствія, предпринимаемыя для защиты себя отъ враговъ или для пріобрѣтенія добычи, и т. п. казались особенно важными для лѣтописцевъ, сообщавшихъ о нихъ подробныя извѣстія. Міръ внутренній, мысль, руководившая тѣмъ или другимъ событіемъ, значеніе описываемыхъ явленій въ умственной и нравственной жизни народа — не изображались и не указыва-

---

1) Scriptores. I. 129 и слѣд.; 146, 161, 180 и др. Monumenta. стр. 76, 83, 89, 96 и др.

лись въ лѣтописяхъ. Если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и занимаютъ видное мѣсто предметы, относящіеся къ міру внутреннему, къ вѣрованіямъ и понятіямъ народнымъ (какъ напримѣръ религіозныя распри правовѣрныхъ съ еретиками, подробно изложенныя у Григорія Турскаго), то даже и въ подобныхъ предметахъ ограничиваются сводомъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ догматическое преніе, не опредѣляя идеи, выраженной въ нихъ и значенія ея въ умственной жизни народа. Авторы не забываютъ подробностей, не имѣющихъ прямаго отношенія къ главному предмету разсказа; но не выводятъ заключенія о сущности описываемаго событія, не отдѣляютъ отъ него всего посторонняго и случайнаго.

Причина такого преобладанія внѣшняго надъ внутреннимъ заключается въ томъ, что лѣтопись была живымъ выраженіемъ близкаго къ ней по времени и по духу, отчасти же и современнаго ей, общества; лѣтописцы, изображая дѣйствительность, брали изъ нея черты, имѣвшія наибольшее значеніе для общества, среди котораго составлялась лѣтопись. Этотъ выборъ происходилъ не преднамѣренно, а какъ бы самъ собою: писатель въ средніе вѣка не былъ раздруженъ съ современнымъ ему бытомъ большинства; многія происшествія производили совершенно одинаковое впечатлѣніе какъ на лѣтописца, такъ и на всѣхъ его современниковъ. Онъ описывалъ то, что возбуждало общее сочувствіе, а въ теченіе многихъ вѣковъ событія внѣшнія, очевидныя для всѣхъ, привлекали общее вниманіе гораздо болѣе, нежели міръ внутренній, невидимый для массъ, но доступный проницательному уму. Съ развитіемъ просвѣщенія, съ тѣхъ поръ когда исторія образовалась въ стройную, систематическую науку, раскрытіе и объясненіе міра внутренняго, міра идей и чувствъ, признано ея существенною задачею. Требовать же выполненія ея отъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ значитъ итти наперекоръ самой исторіи и по понятіямъ, усвоеннымъ современною намъ наукою, судить о явленіяхъ вѣковъ отдаленныхъ, для коихъ

необходима иная точка зрѣнія, потребны иныя основанія при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній.

Что перевѣсъ внѣшняго надъ внутреннимъ въ повѣствованіи нельзя ставить въ укоръ средневѣковымъ лѣтописцамъ, лучшимъ доказательствомъ этому служитъ то, что подобный же перевѣсъ замѣчается и въ образцовыхъ твореніяхъ классической древности, почитаемыхъ до такой степени совершенными, что съ ними не рѣшаются и сравнивать труды писателей послѣдующихъ. Шлецеръ только потому затруднялся Русскія лѣтописи назвать лѣтописями, что такое названіе казалось ему слишкомъ громкимъ, напоминая собою знаменитое произведеніе Тацита[1]). Ученые находятъ, что и древніе историки изображали жизнь только въ ея внѣшней дѣйствительности, забывая о ея внутренней, духовной сторонѣ; описывали одни внѣшнія, видимыя событія, предлагали біографіи и исчисляли дѣйствія поэтовъ, художниковъ, законодателей и другихъ замѣчательныхъ лицъ, не сознавая, что отдѣльныя произведенія наукъ и искусствъ суть проявленія одной и той же творческой идеи, которая, развиваясь во времени, должна имѣть и свою внутреннюю исторію[2]).

Отъ содержанія древней Русской лѣтописи, въ которое вошли довольно разнообразные предметы, обращаемся къ способу изложенія этихъ предметовъ, принимая слово *изложеніе* въ об-

---

1) Шлецера, Несторъ. I, стр. 4—5.

2) Ср. Charakteristik der antiken Historiographie von *Hermann Ulrici*. Berlin. 1833. стр. 344: «Demnächst haben wir zu zeigen gesucht, dass die antike Historiographie fortwährend an der Wirklichkeit hing, die einzelne, sinnliche Erscheinung verfolgte und zur Erkenntniss zu bringen suchte, uberhaupt aber das Leben in seiner äussern Wirklichkeit (Realität) aufzufassen und darzustellen strebte; dass ihr daher eine philosophische Behandlungsweise, die Auffassung des Leben von seiner geistigen, ideellen Seite fremd gewesen, und in ihrer künstlerichen Behandlungsart eben nur praktische Wissenschaft mit darstellender Kunst, beide an die Wirklichkeit gebunden, sich vereinigt habe» etc. См. тамъ же, стр. 174—175 и др.

ширномъ смыслѣ. Не только языкъ и слогъ, но и послѣдовательность, въ которой событія излагаются въ лѣтописи, направленіе, господствующее въ ней, степень участія, принимаемаго авторомъ въ повѣствованіи, и т. п. должны быть приняты во вниманіе при опредѣленіи того, какимъ образомъ лѣтописецъ пользовался своими матеріалами, въ какой мѣрѣ его воззрѣніе на предметы и искусство въ ихъ описаніи выразились въ его произведеніи.

Послѣдовательность, строго наблюдаемая въ лѣтописи, есть хронологическая; года описываются одинъ за другимъ; въ событіяхъ одного года принятъ также порядокъ времени, именно порядокъ мѣсяцевъ:

Въ лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка.

Въ лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда....

Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давыда на море, мѣсяца іюня въ 10. Томъ же мѣсяци братья створиша миръ межи собою, въ Увѣтичихъ, мѣсяца августа въ 10 день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сняшася....

Въ лѣто 6609. Преставися Всеславъ, Полотьскыи князь....

Въ лѣто 6610. Выбѣже Ярославъ Ярополчичь изъ Кыева мѣсяца октября въ 1. Того же мѣсяца на исходѣ прелстивъ Ярополкъ Ярослава и ятъ и.... Томъ же лѣтѣ, мѣсяца декабря въ 20 приде Мстиславъ съ Новгородци.... Въ тоже лѣто бысть знаменье на небеси мѣсяца генваря въ 29 день» (стр. 116—117).

Происшествія, находящіяся во взаимной связи, признаваемой самимъ лѣтописцемъ, описываются въ разныхъ мѣстахъ только потому, что случились не въ одинъ и тотъ же годъ. Сообщивъ извѣстія о знаменіяхъ, являвшихся въ 1102 году, лѣтописецъ прибавляетъ, что знаменія бываютъ или къ худу, или же къ добру, какъ были они въ этомъ случаѣ, предвѣщая войну, которую дѣйствительно предприняли Русскіе князья противъ Половцевъ. Но о самой войнѣ лѣтописецъ находитъ неумѣстнымъ упомянуть здѣсь же; онъ обѣщаетъ говорить о ней подъ

слѣдующимъ годомъ, то есть подъ тѣмъ, въ который она происходила, а вмѣсто нея упоминаетъ о событіяхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ предъидущему. Причина предпочтенія ихъ походу противъ Половцевъ заключается единственно въ томъ, что они случились въ тотъ же самый годъ, какъ и знаменія. Вотъ подлинныя слова лѣтописца: «знаменья бываютъ ова на зло, ова ли на добро; на придущее лѣто вложи Богъ мысль добру въ Русьскыѣ князи — умыслиша дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ, еже и бысть, *яко же скажемъ послѣже въ пришедшее лѣто. Въ се же лѣто* преставися Ярославъ Ярополчичь.... *Въ се же лѣто* ведена бысть дщи Святополча Сбыслава въ Ляхы за Болеслава» (стр. 117—118).

Такъ какъ многія событія весьма тѣсно связаны между собою и при упоминаніи одного изъ нихъ нельзя было не упомянуть хотя вкратцѣ и о другомъ, то и въ лѣтописи иногда говорится, но только вскользь, о происшествіяхъ, случившихся не въ описываемомъ году, какъ напримѣръ подъ 996 годомъ о Владимирѣ: «праздновавъ князь днй 8, възвращашеться Кыеву, и ту пакы створяше празникъ великъ, сзывая безчисленное множьство народа; видя же люди хрестьяны суща, радовашеся душею и тѣломъ, — и тако *по вся лѣта* творяше» (стр. 54). Предсказаніе смерти Олегу приводится не въ тотъ самый годъ, когда Олегъ узналъ судьбу свою отъ кудесника, а нѣсколькими годами позже, подъ 912 годомъ читаемъ: «и приспѣ осень, и *помяну Олегъ конь свой*, иже бѣ поставилъ кормити, не всѣда нань. Бѣ бо преже въпрошалъ волъхвовъ кудесникъ: отъ чего ми есть умьрети?», и когда узналъ, что долженъ умереть отъ коня, то повелѣлъ «не водити его къ нему, и пребывъ нѣколко лѣтъ не дѣя его, дондеже и на Грекы иде. И пришедшю ему къ Кіеву, и *пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой*, отъ него же бяху рекли волъстви умрети Олгови» (стр. 16). Причина несвоевременнаго внесенія извѣстія въ лѣтопись та, что предсказаніе получило значеніе для лѣтописца уже тогда, когда оно исполнилось; лѣтописцу не казалось важнымъ впечатлѣніе, произведенное на

Олега словами кудесника, и объ этомъ онъ упоминаетъ только мимоходомъ; главное же для него было то, что Олегъ умеръ по предсказанію волхвовъ, и что, слѣдовательно, ихъ предсказанія могутъ сбываться. Послѣднее обстоятельство имѣло для лѣтописца особенную важность, какъ видно изъ ряда приводимыхъ свидѣтельствъ, доказывающихъ, по мнѣнію лѣтописца, ту дивную вещь, что иногда сбываются чары волхвовъ. Такимъ образомъ разсказъ о чудесной смерти Олега не измѣняетъ общепринятому порядку лѣтъ: подъ 912 годомъ онъ помѣщенъ потому, что именно въ этомъ году исполнилось предсказаніе волхва; все же, происходившее за нѣсколько лѣтъ прежде, упомянуто только для объясненія главнаго предмета — не болѣе. Замѣчаніе о Святополкѣ: «коли идяше на войну или инамо, ноли поклонивъся у гроба Ѳеодосьева и молитву веземъ у игумена, ту сущаго, тоже идяше на путь свой» — прибавлено какъ поясненіе того, что онъ пришелъ въ Печерскій монастырь въ 1107 году. Отсутствіе въ лѣтописи многихъ и весьма любопытныхъ свѣдѣній зависитъ отчасти отъ того, что они не приходились *кстати* въ разсказѣ, слѣдующемъ порядку *времени*.

Отъ строгаго соблюденія порядка годовъ въ лѣтопись вошли нѣкоторые эпизоды въ родѣ извѣстій о подвигахъ Мстислава въ описаніи княженія Ярослава или разсказа о Бонякѣ, прерывающаго повѣствованіе объ Олегѣ. «Олегъ — говоритъ лѣтописецъ — вбѣже въ Стародубъ и затворися ту.... и вылѣзе изъ града, хотя мира, и вдаста ему миръ, рекъше сице: иди къ брату своему Давыдови, и придѣта Кіеву на столъ отець нашихъ и дѣдъ нашихъ, яко то есть старѣйшей градъ въ земли во всей Кыевъ: ту достойно снятися и порядокъ положити. *Олегъ же обѣщася* се створити, и на семъ цѣловаша крестъ. Въ се же время приде Бонякъ съ Половци къ Кыеву» и т. д. (стр, 98). За тѣмъ говорится подробно о нашествіи Половцевъ, о происхожденіи ихъ, приводится свидѣтельство Меѳодія Патарскаго, и послѣ всего этого слѣдуетъ продолженіе прерваннаго раз-

сказа: «*Олгови обѣщавшюся* ити къ брату своему Давыдови» и пр. (стр. 107).

Впрочемъ авторъ соединяетъ эпизодъ съ продолжающимся повѣствованіемъ, говоря: «но мы на предняя взвратимся, якоже бяхомъ преже глаголали». Также точно, приведя поученіе Ѳеодосія, лѣтописецъ обращается къ описанію Половецкихъ набѣговъ, и начинаетъ его словами: «мы же на предлежащее възвратимся» (стр. 73). Употребленіе подобныхъ выраженій при переходѣ отъ одного предмета къ другому показываетъ, что лѣтописецъ понималъ требованія послѣдовательности и старался удовлетворить имъ, насколько это возможно было при стѣснительной формѣ погоднаго описанія событій. Иногда связь между предъидущимъ и послѣдующимъ выражается словами: «скажемъ же», «и се да скажемъ», «се же хощю сказати» и пр.: «Ѳеодосій игуменъ печерьскый преставися: скажемъ же о успеньи его мало» и т. п. (стр. 79).—

Въ большей части древнихъ Европейскихъ лѣтописей при изложеніи событій наблюдается порядокъ хронологическій. У Ламберта разсказъ идетъ изъ году въ годъ, а въ каждомъ годѣ событія описываются по порядку мѣсяцевъ. Такая условная симметрія въ высшей степени не удобна, и потому Ламбертъ не рѣдко отступаетъ отъ нея, дозволяя себѣ значительные эпизоды. При этомъ онъ, подобно нашему лѣтописцу, не упускаетъ изъ виду главной нити разсказа, съ которою старается такъ или иначе связать эпизодическія повѣствованія. Отступленія чаще всего заключаются словами: sed ad coeptum, unde digressi sumus, redeamus; ad coeptum potius revertamur[1]), — вполнѣ соотвѣтствующими выраженію: «на предняя возвратимся», постоянно употребляющемуся въ подобныхъ случаяхъ нашими лѣтописями.

По мнѣнію Козьмы Пражскаго каждое событіе должно имѣть опредѣленное мѣсто; онъ неоднократно говоритъ: quantum conflictum habuerit *in loco suo* declarabitur; — de quibus *in suis*

---

1) Monumenta, et *Pertz.* VII. Scriptorum V. стр. 225, 184 и др.

locis satis copiose tractabitur, и т. д. Мѣсто событіямъ, какъ видно изъ хроники, опредѣлялось *временемъ*, въ которое они происходили. Такъ, политическую исторію Брячислава Козьма Пражскій прерываетъ описаніемъ чуда, ибо чудо совершено Венцеславомъ и Адальбертомъ надъ узниками *въ ту самую ночь*, когда происходило событіе, на коемъ прерванъ разсказъ, и т. д. Слѣдовательно, слова Козьмы Пражскаго: «на своемъ мѣстѣ» выражаютъ тоже самое, что и «*послѣ же* скажемъ» нашего лѣтописца, т. е. когда дойдемъ до *времени*, въ которое это случилось. Но вмѣсто однообразнаго: «се же скажемъ» Козьма Пражскій употребляетъ различныя фразы, въ сущности выражающія одну и туже мысль: nec tacere cupio; nec praetereundum censeo, и т. п.[1]).

Послѣдовательность, которую Григорій Турскій признаетъ необходимою въ лѣтописи, указана имъ самимъ: *Prosequentes ordinem temporum* — говоритъ онъ — mixte confuseque tam virtutes sanctorum, quam strages gentium memoramus. Но авторъ часто измѣняетъ обѣщанному порядку времени: прерываетъ разсказъ посторонними извѣстіями, дѣлая это или по чувству уваженія къ лицамъ, о которыхъ желалъ говорить прежде, нежели о другихъ предметахъ, или же просто по забывчивости, въ чемъ откровенно и сознается. Разговоръ свой съ Сальвіемъ онъ приводитъ не тогда, когда бы слѣдовало, оправдывая себя тѣмъ, что забыть какое-либо происшествіе и потомъ разсказать о немъ не вовремя — вовсе не есть преступленіе: «et licet — говоритъ онъ — de beati Salvii episcopi conlocutione superius memorare debueram, sed quia mente excessit, esse *sacrilegium* non arbitror, si in posterum scribatur»[2]). Въ лѣтописи Григорія Турскаго гораздо менѣе послѣдовательности въ изложеніи, нежели въ лѣтописяхъ Ламберта, Козьмы Пражскаго и нашего Нестора. По наивности довольно забавной, съ которою объясняется допущеніе

1) Scriptores rerum Bohemicarum. I, стр. 139, 140, 161, 162 и др. Monumenta, стр. 80, 81, 89, и др.

2) *Bouquet*, Recueil des historiens des Gaules et de la France. II, 264.

эпизодовъ, въ Григоріи Турскомъ можно узнать предшественника Жуанвиля.

Не смотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе коего сопоставлялись происшествія, лишенныя внутренней связи между собою, не смотря на краткость и какъ бы случайность многихъ замѣтокъ, древнюю лѣтопись отнюдь нельзя назвать сборникомъ отрывочныхъ извѣстій, не имѣющихъ одно съ другимъ ничего общаго. Содержаніе ея не состоитъ изъ ряда сухихъ фактовъ, а изложеніе — изъ безцвѣтныхъ описаній; она получаетъ жизнь и колоритъ отъ искусства лѣтописца, который, будучи человѣкомъ мыслящимъ и способнымъ сочувствовать общему горю и общей радости, многими чертами въ повѣствованіи обнаруживаетъ свои *понятія* и *чувства*, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности.

Понятія его выражаются въ указаніи *причинъ* происшествій и преимущественно въ *объясненіи* ихъ, какъ въ одной изъ самыхъ яркихъ особенностей нашей древней лѣтописи. Въ большей части приводимыхъ причинъ лѣтописецъ остался вѣренъ общему мнѣнію и духу вѣка, не стараясь толковать событія произвольно; но въ тѣхъ случаяхъ, когда молва народа не могла удовлетворить человѣка начитаннаго и разсудительнаго, лѣтописецъ, указывая ея неосновательность, выражаетъ *свое мнѣніе*, основанное на свидѣтельствахъ вполнѣ достовѣрныхъ.

По словамъ лѣтописца, князья X и XI в. воюютъ между собою и предпринимаютъ походы, увлекаясь желаніемъ расширить свою область или получить богатую дань, или же слѣдуя ложнымъ совѣтамъ, и т. п. Дружина сказала Игорю: отроки Свѣнельдовы изодѣлись оружьемъ и портами, а мы наги; пойди, князь, съ нами въ дань, и ты добудешь и мы: и послушалъ Игорь, «иде въ Дерева въ дань, и примышляше къ первой дани,

насиляше имъ, и мужи его». Спустя почти полтора столѣтія возникла распря между Ярославичами: двое изъ братьевъ вооружились на старшаго въ родѣ Изяслава, заставили его удалиться изъ Кіева, а сами сѣли на столѣ на Берестовомъ, преступивъ заповѣдь отнюю: «Святославъ же бѣ начало выгнанью братню, *желая большее власти*». Въ 1085 году Ярополкъ хотѣлъ итти на Всеволода, «послушавъ злыхъ совѣтникъ». и т. д.[1]). Эти причины такъ естественны для тогдашняго общества, что представить другія, болѣе сложныя, значило бы измѣнить духу времени, удалиться отъ простоты древняго быта.

При сужденіи о причинѣ событій, указываемой въ лѣтописи, необходимо держаться исторической точки зрѣнія. То, что намъ кажется маловажнымъ и наивнымъ, для предковъ нашихъ имѣло совершенно другое значеніе, вслѣдствіе различныхъ условій ихъ быта, съ коими находится въ связи тотъ или другой взглядъ на вещи. Приведемъ любопытное въ этомъ отношеніи замѣчаніе профессора Бѣляева. Онъ говоритъ: «съ перваго взгляда разсказъ Несторовъ о войнѣ Ярополка съ Олегомъ (въ 977 г.) представляетъ эту войну не болѣе, какъ слѣдствіемъ мести Свенельда за смерть сына (въ 975 г.)... Вся вина Свенельдича состояла въ ловлѣ звѣрей въ чужомъ лѣсу: «ловъ дѣющу Свенальдичу, гна по звѣри въ лѣсѣ: и узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть? И рѣша ему: Свенальдичь: и заѣхавъ, уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ» (I, 31). По нашимъ теперешнимъ понятіямъ, это самая ничтожная причина, показывающая не болѣе, какъ прихоть Олегову; но не такъ это понимали наши предки въ X столѣтіи; тогда охота за звѣрями имѣла священныя права, нарушеніе которыхъ посягало на первыя и важнѣйшія условія независимой жизни; припомнимъ, что еще при Несторѣ знали и свято хранили ловища и перевѣсища Ольги. Въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ даже въ XIII вѣкѣ (напр. грам. 1265 г. съ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ) помѣщались особыя

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 23, 78, 88.

статьи о ловлѣ звѣрей Новгородскими князьями, и для этого отводились особыя мѣста. Послѣ этого Олегъ имѣлъ полное право убить Свенельдича, который самовольно, нарушая права охоты и лова звѣрей въ ловищахъ княжескихъ, святотатственно пренебрегалъ княжескими правами, такъ сказать смѣялся надъ властію удѣльнаго князя и, конечно, дѣлалъ это не безъ согласія Кіевскаго государя, который искалъ только предлога начать войну съ братомъ» и т. д. [1]).

Высшею причиною событій, достопамятныхъ для потомства, лѣтописецъ признаетъ волю Господню, праведный судъ Божій: благая мысль и благое чувство возникаютъ по дѣйствію небесной силы — Богъ влагаетъ ихъ въ умъ и сердце человѣка. Рѣшимость Русскихъ князей защищать родную землю лѣтописецъ выражаетъ словами: *вложи Богъ* мысль добру въ Русьскыѣ князи». Знаменитый представитель нашей церкви, Иларіонъ, первый митрополитъ изъ природныхъ Русскихъ, получилъ свой высокій санъ потому, что «*Богъ* князю *вложи въ сердце*, и постави и митрополитомъ въ святой Софьи» [2]). Богъ благословляетъ оружіе защитниковъ отечества и поражаетъ ужасомъ враговъ: «Богъ великый вложи ужасть велику въ Половцѣ и страхъ нападе на ня и трепетъ отъ лица Русскыхъ вой, и дремаху сами, и конемъ ихъ не бѣ спѣха въ ногахъ; наши же съ весельемъ на конѣхъ и пѣши поидоша къ нимъ» [3]). Несчастія, постигающія людей, допускаются Богомъ, какъ справедливое наказаніе за грѣхи и беззаконія: «се бо на ны Богъ попусти поганымъ — говоритъ лѣтописецъ — не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ: симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да нѣколи смирившеся вспомянемъся отъ злаго пути своего» [4]).

---

1) Чтенія Московск. общества исторіи и древностей. 1847. № 5. Изслѣдованіе *Бѣляева* «о Несторовой лѣтописи». стр. 32—33.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 117, 67.

3) Тамъ же. стр. 118.

4) Тамъ же. стр. 95.

Неминуемой казни подвергается тотъ, кто «преступаетъ крестъ», т. е. нарушаетъ клятву, скрѣпленную цѣлованіемъ креста. Съ другой стороны тотъ, кто вѣренъ данному слову, привлекаетъ на себя благословеніе Божіе. Изяславъ и братья его поступили вѣроломно: цѣловали «крестъ честный къ Всеславу» и говорили: приди къ намъ, не сотворимъ тебѣ зла; онъ переѣхалъ въ ладьѣ черезъ Днѣпръ, и былъ схваченъ, приведенъ въ Кіевъ и посаженъ въ порубъ съ двумя сыновьями. Вскорѣ за вѣроломнымъ поступкомъ послѣдовало вторженіе Половцевъ: Изяславъ бѣжалъ въ Ляхи, а Всеславъ сѣлъ въ Кіевѣ. Все это произошло не случайно: такимъ стечніемъ событій «Богъ показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй, *да не преступають честнаго креста*, цѣловавше его; аще ли преступить кто, то и здѣ пріиметь казнь, и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную: понеже *велика есть сила крестная*»[1]). Сверхъ общаго значенія для всего христіанскаго міра, крестъ имѣлъ для современниковъ лѣтописца еще значеніе особенное, какъ символъ единства Русской земли, залогъ внутренняго мира и дружнаго противодѣйствія врагамъ отечества. Князья, враждовавшіе между собою и на полѣ брани и подъ домашнимъ кровомъ, забывали вражду свою у креста, и только «сила крестная» могла возстановлять единодушіе, нарушаемое кровопролитными усобицами.

Ненависть и вражда между братьями и родственниками приписываются furnишьвам козням дьявола: «въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ: бывши распри межи ими» и пр. Но дьяволъ можетъ дѣйствовать только на маловѣрныхъ и малодушныхъ; на твердыхъ же въ вѣрѣ и чистыхъ мыслью и совѣстью онъ не въ силахъ оказывать вліяніе, и въ борьбѣ съ ними остается побѣжденнымъ. Наущенія дьявола въ такой же степени опасны, какъ и совѣты злыхъ людей, а потому всякій вѣрующій и правомыслящій можетъ остаться невредимымъ отъ вражескихъ козней. Злые люди дѣйствуютъ за одно съ винов-

1) Тамъ же. стр. 72—74.

никомъ зла, стараясь поселить въ душахъ преступныя чувства и намѣренія: «приде Ярополкъ изъ Ляховъ, и сѣде Володимери, и пересѣдѣвъ мало дни, иде Звенигороду; и не дошедшю ему града, и прободенъ бысть отъ проклятаго Нерадьця, отъ дьяволя наученья и отъ злыхъ человѣкъ». Хотя бѣсы и подвигаютъ людей на зло, но помышленій человѣческихъ они не знаютъ: «бѣси бо не вѣдять мысли человѣческое, но влагають помыслъ въ человѣка, тайны не свѣдуще. Богъ единъ свѣсть помышленья человѣчьская, бѣси же не свѣдають ничтоже»[1]).

Не только въ событіяхъ историческихъ, въ дѣйствіяхъ людей, но и въ явленіяхъ внѣшней природы лѣтописецъ не допускаетъ случайности. По его понятію, различныя явленія на землѣ и на небѣ происходятъ не сами по себѣ, не лишены всякой связи съ судьбою человѣка: напротивъ, ихъ таинственный смыслъ можетъ быть разгаданъ только наблюденіемъ дѣлъ человѣческихъ. Такая вѣра въ родство человѣка съ природою, въ единство всѣхъ силъ вселенной, средоточіемъ которой является человѣкъ съ его замыслами и поступками, съ его ограниченными нуждами, — есть слѣдъ давно минувшаго быта, удержанный сказаніями лѣтописи. Возникнувъ во времена первобытныя, эта вѣра оживляла многія поколѣнія, къ ряду коихъ принадлежитъ и поколѣніе современное нашему лѣтописцу. Простымъ и необходимымъ явленіямъ природы онъ придаетъ значеніе высшее, какъ бы осмысляетъ ихъ, что̀ показываетъ самое названіе: *знаменіе* — явленіе знаменательное, предвѣщавшее что-либо доброе или злое: «*знаменія бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро*» — говоритъ лѣтописецъ[2]).

Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи находится слѣдующее извѣстіе съ объясненіемъ: «Въ се же лѣто Новѣгородѣ иде Волховъ вспять, днiй 5; *се же знаменье не добро бысть*: на 4-е бо лѣто *пожже Всеславъ градъ*»[3]).

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. стр. 78, 88, 76.
2) Тамъ же. I. стр. 117.
3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. стр. 70.

Въ знаменіяхъ искали пророческаго смысла всѣ — и простолюдины, и люди высшаго сословія, даже духовенство; лѣтописецъ такъ же принималъ общее мнѣніе, какъ видно и изъ собственныхъ словъ его о причинѣ знаменій, и изъ одобрительнаго отзыва о людяхъ, прибѣгающихъ къ Богу съ молитвою о томъ, чтобы Онъ *явленья небесныя обратилъ на добро:* «видяще знаменья, *благовѣрніи* человѣци съ въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро» [1]). Но не все то, чему въ простотѣ сердца вѣрили массы, признавалъ за достовѣрное и лѣтописецъ. Когда случались солнечныя затмѣнія, народъ говорилъ, что солнце съѣдено: такъ думали во времена Нестора; отголосокъ такого же мнѣнія сохраняется и доселѣ въ устахъ народа въ слѣдующемъ повѣрьѣ о зарѣ, съѣдающей солнце: «заря, заряница, красная дѣвица, по бору ходила, болѣсть говорила, травы собирала, корни вырывала, мѣсяцъ скрала, солнце съѣла: чуръ ее колдунью, чуръ ее вѣдунью» [2]). Лѣтописецъ отвергаетъ толки народа, называя «невѣголосами» тѣхъ, которые думаютъ, что солнце съѣдается. Въ самомъ же затмѣніи лѣтописецъ допускаетъ связь съ событіями земными, коимъ будто бы служитъ оно предзнаменованіемъ.

Описавъ цѣлый рядъ необыкновенныхъ явленій, Несторъ говоритъ, что они случились не къ добру, и въ доказательство приводитъ однородныя извѣстія изъ хроники Георгія Амартола. Въ это же время — говоритъ нашъ лѣтописецъ подъ 1064 годомъ — было знаменье на западѣ: звѣзда превеликая, съ лучами вида криваваго, восходящая съ вечера по заходѣ солнечномъ. Это проявляло (проявляше) не добро: послѣ того было много усобицъ и нашествіе поганыхъ на Русскую землю; ибо звѣзда цвѣта криваваго (акы крована) проявляетъ кровопролитье. Въ то же время рыболовы выволокли неводомъ изъ Сѣтомля дитя, на

1) Тамъ же. стр. 117.

2) См. «Солнечныя затмѣнія, видѣнныя въ Россіи до XVI вѣка», статья *Мельникова* въ Отечественныхъ Запискахъ. 1842. № 6.

которое мы смотрѣли до вечера; оно было таково: «на лици ему срамніи удове, иного нелзѣ казати срама ради». Предъ симъ же временемъ и солнце измѣнилось: не блестѣло болѣе, а сдѣлалось какъ мѣсяцъ; «его же невѣгласи глаголють снѣдаему сущу. Се же бывають сица знаменья не на добро, *мы бо по сему разумѣемъ*». Древле, при Антіохѣ, въ Іерусалимѣ являлись на воздухѣ вооруженные всадники, и это проявляло нашествіе Антіоха на Іерусалимъ. Потомъ при Неронѣ въ томъ же Іерусалимѣ возсіяла надъ городомъ звѣзда въ видѣ копья, проявлявшая нашествіе Римлянъ. При Юстиніанѣ явилась на западѣ звѣзда, которую называютъ блистаницею; потомъ было теченье звѣздамъ, такъ что всѣ думали, что падаютъ звѣзды; и солнце не испускало лучей: все это проявляло крамолы, недуги и моръ. При Маврикіи же случилось вотъ что: одна женщина родила дитя безъ рукъ и безъ ногъ, съ рыбьимъ хвостомъ; тогда же родился шестиногій песъ, и т. п. При Константинѣ иконоборцѣ было теченіе звѣздное на небѣ. Въ Сиріи было страшное землетрясеніе, земля разсѣлась на три поприща, и вышла изъ земли кобылица, говорившая человѣческимъ языкомъ и предрекавшая нашествіе враговъ, которое и случилось дѣйствительно: Сарацины сдѣлали нашествіе на Палестину, и т. д.[1]). —

Объясненія, подобныя приведенному, встрѣчаются довольно часто въ древней лѣтописи, выражая собою взглядъ лѣтописца. Первое изъ нихъ находится при описаніи быта Русскихъ племенъ, заключающемся извѣстіемъ о Вятичахъ, сожигающихъ мертвыя тѣла. Затѣмъ слѣдуютъ слова: такой же обычай и у Кривичей и у другихъ язычниковъ, не знающихъ закона Божія, но сдѣлавшихъ сами себѣ законъ. Говоритъ Георгій въ лѣтописаньи: у всякаго народа есть или письменный законъ, или обычаи предковъ, почитаемые закономъ, и т. д. — о правахъ Сирійцевъ, Вавилонянъ и другихъ народовъ[2]). Это мѣсто заим-

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I. стр. 71.
2) Тамъ же. стр. 6—7.

ствовано также у Амартола; оно приведено нами выше и въ подлинникѣ и въ переводѣ (стр. 88—91). Лѣтописецъ помѣстилъ его вслѣдъ за описаніемъ быта своихъ соотечественниковъ, вѣроятно, потому, чтобы разнообразіемъ нравовъ и обычаевъ у многихъ народовъ объяснить несходство въ нравахъ и обычаяхъ племенъ Русскихъ. Въ наше время было бы излишне доказывать или объяснять общеизвѣстную истину, подобную той, что у всякаго народа свои обычаи; но въ XI—XII в., когда этнографическими свѣдѣніями обладали не многіе, писатель, убѣжденный въ необходимости христіанскаго закона, могъ найти нужнымъ, описывая образъ жизни своего народа, независимый отъ закона вѣры, привести извѣстія о другихъ народахъ, не знающихъ закона Божія и живущихъ по своимъ стародавнимъ обычаямъ. Какъ не требуетъ доказательствъ то, что всякій народъ живетъ по своему, такъ ясно само-собою и то, что счастіе и несчастіе, добро и зло перемѣшаны въ жизни, и потому, описывая жизнь какъ она есть, необходимо говорить и о хорошихъ поступкахъ и о дурныхъ; а между тѣмъ Григорій Турскій считалъ нужнымъ объяснять эту простую истину многими примѣрами, заимствованными изъ Св. Писанія и сочиненій различныхъ историковъ. Внимательный читатель Библіи — говоритъ онъ — замѣтитъ, что нечестивый Финеесъ умеръ при Самуилѣ праведномъ и Голіаѳъ при Давыдѣ; что въ то время, когда Илія удерживалъ дождь, и скудость бѣдной вдовы превратилъ въ богатство, бѣдствія тяготѣли надъ народами и несчастная земля изнемогала отъ засухи, и т. д.[1]).

Преданіе о смерти Олега лѣтописецъ объясняетъ тѣмъ, что предсказанія волхвовъ, иногда, къ общему удивленію, сбываются. Такъ именно въ царствованіе Домиціана волхвъ Аполлоній Тіанскій дѣлалъ бѣсовскія чудеса, ходя изъ города въ городъ. Пришедъ въ Византію, изгналъ оттуда множество змѣй и скорпіоновъ. Пришедъ въ Антіохію, избавилъ ее отъ скорпіоновъ и

---

1) *Bouquet*, Recueil des historiens. II, 154—155.

комаровъ такимъ образомъ: сдѣлалъ изъ мѣди скорпіона, зарылъ его въ землю, поставилъ надъ нимъ небольшой столбъ, и приказалъ народу ходить по городу, махать палками и кричать: «безъ комара граду» (ἀκώνωπον τῇ πόλει); и отъ этого исчезли и комары и скорпіоны. Будучи вопрошенъ о землетрясеніяхъ, угрожающихъ городу, Аполлоній написалъ со вздохомъ: горе тебѣ, несчастный городъ, тебя разрушатъ землетрясенія и пожары. И Анастасій Божія града говоритъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и доселѣ прибѣгаютъ къ дѣйствіямъ Аполлонія для уничтоженія вредоносныхъ птицъ и четвероногихъ, для удержанія опустошительнаго разлива рѣкъ, и т. п. Еще болѣе: бывали и такіе случаи, что пророчествовали объ истинномъ Богѣ люди, подобные Валааму, который не отличался ни хорошею жизнію, ни правою вѣрою, Саулу, Каіафѣ и другимъ, и т. д. [1]).

Какъ преданія народа, такъ и разсказы отдѣльныхъ лицъ лѣтописецъ сопровождаетъ обыкновенно объясненіями. Больше всего отъ Новгородцевъ приходилось ему слышать о вещахъ диковинныхъ, требовавшихъ подтвержденія въ ихъ достовѣрности. Такъ, одному Новгородцу случилось прійти въ Чудь и обратиться къ кудеснику за волхвованьемъ. Кудесникъ по обычаю сталъ призывать бѣсовъ, но они не являлись, и кудесникъ сказалъ: бѣсы не смѣютъ прійти — на тебѣ есть что-то, чего они боятся. Новгородецъ вспомнилъ, что на немъ былъ крестъ, и снялъ его: тогда бѣсы ринулись въ храмину и открыли Новгородцу то, о чемъ онъ желалъ узнать. На вопросъ его, отчего бѣсы бѣгаютъ креста, волхвъ отвѣчалъ: «то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся». А что за боги у васъ и гдѣ они живутъ? спросилъ Новгородецъ. «Въ безднахъ, — сказалъ кудесникъ — суть же образомъ черни, крилаты, хвосты имуще, всходять же и подъ небо, слушающе вашихъ боговъ; ваши бо бози на небеси суть: аще кто умреть отъ вашихъ людей, то възносимъ есть на небо; аще ли отъ нашихъ умираеть,

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 16—18.

то носимъ къ нашимъ богомъ въ бездну». Лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ, что волхвы дѣйствуютъ по наученью бѣсовъ; больше всего волхвуютъ женщины, ибо искони дьяволъ прельстилъ жену; но и между мужчинами бываютъ чародѣи, и въ примѣръ приводитъ Іаннія и Іамврія волхвовъ, современныхъ Моисею; также Симона волхва, бывшаго во времена апостоловъ: онъ заставлялъ псовъ говорить по-человѣчески, измѣнялся и самъ, являясь то старикомъ, то юношею, и «иного премѣняше во иного образъ» и т. д.[1]).

Разсказъ Гюряты Роговича Новгородца о дивныхъ людяхъ, заключенныхъ въ скалѣ, Несторъ поясняетъ свидѣтельствомъ Меѳодія Патарскаго о народѣ, заключенномъ Александромъ Македонскимъ. Выше мы привели свидѣтельство Меѳодія и въ подлинникѣ и въ переводахъ Латинскомъ и Славянскомъ (стр. 118—120).

Объясняя преданія и разсказы, лѣтописецъ не оставляетъ безъ объясненія и самыхъ словъ, именно — названій народовъ и городовъ[2]). Народы, по свидѣтельству лѣтописца, получили свои названія большею частью отъ мѣстъ, на которыхъ поселились, и преимущественно отъ рѣкъ: «отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и *прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ*: иные сѣли на рѣкѣ Моравѣ и прозвались Моравами; другіе сѣли на Двинѣ и прозвались Полочанами, отъ рѣки Полоты, впадающей въ Двину; Бужане получили такое имя, «зане сѣдоша по Бугу»; Древляне — «зане сѣдоша въ лѣсѣхъ»; Поляне — «занеже въ полѣ сѣдяху». Иные народы получили имена отъ вождей: въ Ляхахъ — «въ Лясѣхъ» — было два брата, Радимъ и Вятко; Радимъ поселился на берегахъ Сожи, и отъ него прозвались Радимичи; Вятко съ родомъ своимъ поселился по Окѣ, и отъ него прозвались Вятичи. Рогволодъ пришелъ изъ за моря и поселился въ Полотскѣ, а Туръ въ Туровѣ, и отъ

1) Тамъ же. стр. 77.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей I, стр. 3, 5, 12, 32, 53, 4.

Тура получили названіе свое Туровцы. Переяславль одолженъ и именемъ своимъ и самымъ существованіемъ подвигу храбраго отрока побѣдившаго Печенѣжина. Видя паденіе своего богатыря, «Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша по нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече и *Переяславль*, зане *перея славу* отрокъотъ». Никоновская лѣтопись, сообщающая весьма часто имена лицъ, упоминаемыхъ безъ имени въ древнѣйшихъ спискахъ, называетъ отрока *Яномъ Усмошвецомъ*, говоря о немъ какъ о богатырѣ, подобномъ *Александру Поповичу* или *Рахдаю удалому*[1]). Кіевъ получилъ свое названіе отъ *Кія*, одного изъ трехъ владѣтельныхъ братьевъ въ племени Полянъ. Люди «несвѣдущіе» полагали, что Кій былъ перевозчикомъ; такое мнѣніе произошло оттого, что черезъ Днѣпръ былъ перевозъ и весьма часто говорили: «на перевозъ на Кіевъ». Этотъ переходъ часто повторяемой фразы въ собственное имя напоминаетъ образованіе слова *Стамбулъ* изъ εἰς τὴν πόλιν — «въ городъ». Лѣтописецъ не соглашается съ общимъ мнѣніемъ, опровергая его тѣмъ, что если бы Кій дѣйствительно былъ перевозчикомъ, то не ходилъ бы въ Константинополь и не принялъ бы отъ царя великой чести.

Что̀ составляетъ особенное достоинство Нестора въ извѣстіяхъ о странахъ и народахъ, это — ясность, полнота и точность сообщаемыхъ имъ географическихъ свѣдѣній о сѣверѣ Европы и о мірѣ Славянскомъ. Великая заслуга нашего лѣтописца давно уже признана и доказана Шлецеромъ. «Внутренность земель, — говоритъ Шлецеръ — лежащихъ по сю сторону Балтійскаго моря отъ Вислы, была неизвѣстна; Несторъ первый открываетъ сей міръ, бывшій до тѣхъ поръ сокрытымъ; извѣстій его не много, но за то они вѣрны, опредѣленны и съ точностію означены. До Нестора не было географіи Европейскаго сѣвера, которая достойна бы была сего названія»[2]).

1) Русская лѣтопись по Никонову списку. I, стр. 107 и 111.

2) *Шлецеръ*, Несторъ I, стр. 41 и 38.

Какъ Несторомъ, такъ и другими Европейскими лѣтописцами, опредѣляется взаимная связь событій и высказываются мнѣнія о нихъ. Въ этомъ отношеніи не мало замѣчательныхъ данныхъ представляютъ лѣтописи Козьмы Пражскаго и Ламберта, называемаго древнѣйшимъ авторомъ *прагматической* исторіи въ Германіи. Но и у Ламберта связь событій и сужденіе о нихъ не раскрываются послѣдовательно, ограничиваясь обыкновенно нѣсколькими намеками, дающими поводъ къ недоразумѣнію. Такого рода отзывъ его о законѣ безбрачія, произведшемъ сильное движеніе во всемъ католическомъ мірѣ. Противъ декрета папскаго — говоритъ Ламбертъ — вооружались лица духовныя, обвиняя папу въ томъ, что онъ забылъ слова Спасителя: «не всѣ могутъ снести сіе, но тѣ, коимъ дано» (Матѳ. XIX, 11) и Апостола: «лучше вступать въ бракъ, нежели разжигаться» (I Кор. VII, 9). Но папа настаивалъ на своемъ. Архіепископъ же Могонтскій дѣйствовалъ умѣреннѣе, зная, какъ трудно уничтожить укоренившійся вѣками обычай и по началамъ раждающейся церкви пересоздать одряхлѣвшій міръ. Судя по этимъ словамъ можно бы подумать, что и Ламбертъ принадлежалъ къ числу недовольныхъ; но далѣе онъ называетъ браки духовныхъ незаконными и противными церковнымъ постановленіямъ, чѣмъ и обнаруживается его собственный образъ мыслей о мѣрѣ Гильдебранда[1]).

Неожиданное счастіе приписываетъ Ламбертъ особенной милости Божіей, а волненія общественныя — дѣйствію нечистой силы. Наущеніемъ же сатаны объясняется поступокъ префекта Квинтія, который, будучи отлученъ папою, ворвался съ оруженосцами въ церковь и вытащилъ изъ нея папу за волосы. Ламбертъ отвергаетъ обвиненіе, взводимое на Гильдебранда въ томъ, что будто бы Матильда день и ночь держитъ его въ своихъ объятіяхъ. Несправедливость клеветы доказывается, по мнѣнію

1) Monumenta Germaniae historica, ed. *Pertz*. VII. Scriptorum V. стр. 217 — 218 и 257.

Ламберта, во-первыхъ, образомъ жизни Матильды, которая постоянно окружена многолюднымъ обществомъ, такъ что порочная связь не могла бы избѣжать огласки; во-вторыхъ, добродѣтелями папы, его усердіемъ къ церкви, знаменіями и чудесами, совершаемыми по его молитвамъ.

Козьма Пражскій причиною однихъ событій почитаетъ сцѣпленіе обстоятельствъ, причиною же другихъ — дѣйствіе силы таинственной и притомъ враждебной человѣку. Древній змій, — говоритъ онъ — врагъ роду человѣческому, никогда не дремлющій и постоянно нарушающій спокойствіе другихъ, не стерпѣлъ мирной жизни братьевъ, короля Вратислава и епископа Гебгарда, и посѣялъ между ними вражду[1]). Такой же взглядъ выражается словами нашей лѣтописи: «воздвиже дьяволъ котору въ братьи».

Явленія небесныя отмѣчались всѣми Европейскими лѣтописцами, какъ событія необыкновенныя, имѣющія сокровенный смыслъ. Разсказъ о дѣйствіяхъ Генриха въ 1074 г. Ламбертъ прерываетъ извѣстіемъ о двухъ огненныхъ столбахъ, видѣнныхъ на небѣ. Въ числѣ происшествій 1066 г. упоминается о кометѣ и вслѣдъ за тѣмъ о жестокой битвѣ на сѣверѣ Европы. Хотя Ламбертъ прямо не называетъ послѣдняго событія слѣдствіемъ перваго, но ихъ сопоставленіе указываетъ на то, что онъ допускалъ между ними нѣкоторую связь. Онъ говоритъ: in festis paschalibus per quatuordecim fere noctes continuas cometa apparebat. Quo in tempore atrox et lacrimabile nimis praelium factum est in partibus aquilonis, in quo rex Anglisaxonum tres reges cum infinito eorum exercitu usque ad internitionem delevit[2]).

Григорій Турскій рѣшительно высказываетъ мысль, что затмѣнія солнца суть кары за пороки и пролитіе невинной крови: «tunc et sol teter apparuit, ita ut vix ab eo pars vel tertia elu-

1) Scriptores rerum Bohemicarum. I, 178.—Monumenta, ed. *Pertz*. XI. Scriptorum IX, 95.

2) Monumenta historica, ed. *Pertz*. VII. Scriptorum V. стр. 207, 173.

ceret; credo pro tantis sceleribus et effusione sanguinis innocentis»[1]). Смерть короля Теодебальда предвѣщали, по мнѣнію Григорія Турскаго, чудныя явленія, а именно: на деревѣ бузинѣ (sambucus) выросли виноградныя кисти и въ кругѣ луны явилась звѣзда, двигаясь къ ней на встрѣчу[2]).

Иныя изъ причинъ, приводимыхъ лѣтописцами, довольно наивны; другія показываютъ наблюдательность и умѣнье понимать вещи. Но при всемъ достоинствѣ западныхъ лѣтописцевъ у нихъ нѣтъ такой послѣдовательности въ объясненіи событій сомнительныхъ, какою отличается наша древняя лѣтопись. Поясненія, находящіяся въ другихъ лѣтописяхъ, не всегда умѣстны; съ другой стороны, часто остаются вовсе безъ поясненій такія извѣстія, которыя возбуждаютъ сомнѣніе въ читателѣ. Нашъ лѣтописецъ объясняетъ вещи, дѣйствительно и наиболѣе нуждающіяся въ истолкованіи. Онъ не былъ довѣрчивъ къ слухамъ и впечатлѣніямъ: зналъ ли онъ о какомъ-либо происшествіи по молвѣ народной, слышалъ ли о немъ отъ людей достойныхъ вѣроятія, былъ ли даже самъ очевидцемъ его, онъ старался дать себѣ отчетъ въ этомъ происшествіи, если оно почему бы то ни было казалось не вполнѣ сообразнымъ съ обыкновеннымъ ходомъ вещей. Слова лѣтописца при опредѣленіи причины событій: «мы посему разумѣемъ» показываютъ, что онъ обсуживалъ то, что вносилъ въ свою лѣтопись, составлялъ ее съ разборчивостью, помѣщая въ ней только такія свѣдѣнія, которыя доступны были его разумѣнію, удовлетворяли требованіямъ мыслящаго человѣка.—

Мысль о событіяхъ выражается въ лѣтописи не въ отвлеченной формѣ, а въ живой связи съ повѣствованіемъ. Лѣтописецъ высказываетъ мнѣнія о томъ, что близко его душѣ, что имѣло вліяніе на судьбу Русской земли, а потому *мысли* его исполнены одушевленія, соединяясь съ *чувствами*, вызванными тѣми же предметами, о коихъ излагаетъ онъ свое мнѣніе.

1) *Bouquet*. Recueil des historiens. II, стр. 160.

2) Тамъ же. стр. 207.

Чувство лѣтописца иногда высказывается въ замѣчаніи, вставляемомъ въ разсказъ, какъ напримѣръ въ слѣдующихъ словахъ: «Олегъ же и Борисъ придоста Чернигову, мняще одолѣвше, а землѣ Русьскѣй много зло створше, проливше кровь хрестьянску, *ея же крове взищеть Богъ отъ руку ею*, и отвѣтъ дати има за погубленье душа хрестьяньскы» [1]. Иногда же чувства выражаются въ формѣ болѣе пространной, какъ заключеніе предлагаемаго описанія, почему и встрѣчаются при извѣстіяхъ о смерти достопамятнаго лица или о совершеніи замѣчательнаго подвига.

Особенное сочувствіе лѣтописца вызываютъ подвиги для блага Русской земли, для улучшенія ея состоянія нравственнаго, умственнаго, общественнаго. Отзывъ объ Ольгѣ, первой изъ Русскихъ вошедшей въ царство Божіе, полонъ душевнаго участія: «си бысть предътекущія крестьяньстѣй земли аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ; си бо сьяше аки луна въ нощи; тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтяшеся, аки бисеръ въ калѣ: кальни бо бѣша, грѣхъ не омовени крещеньемъ святымъ. Си бо омыся купѣлью святою и совлечеся грѣховныя одежа ветхаго человѣка... Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалять Рустіи сынове, ибо по смерти моляше Бога за Русь» и т. д. [2]. Ольга была предшественницею Владимира на поприщѣ христіанскомъ. При Владимирѣ вся земля Русская просвѣщена христіанскою вѣрою; оставалось укрѣпить вѣру въ новообращенномъ народѣ, что возможно было только посредствомъ образованія, и преемникъ Владимира св., Ярославъ, заботится о просвѣщеніи своего народа ученіемъ книжнымъ.

Изъ всѣхъ качествъ и дѣйствій Ярослава его любовь къ просвѣщенію и мѣры къ его поддержанію наиболѣе цѣнимы лѣтописцемъ, признающимъ великую пользу отъ ученія книжнаго. Доводы его проникнуты живымъ чувствомъ, которое вы-

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 86.

2) Тамъ же. стр. 29.

ражается и въ превосходномъ сравненіи заслугъ Владимира и Ярослава, принадлежащемъ къ числу самыхъ счастливыхъ образовъ въ нашей древней лѣтописи. «Яко же бо се нѣкто землю разореть,— говоритъ лѣтописецъ — другый же насѣеть, ини же пожинають и ядять пищю бескудну, тако и сь: отець бо сего Володимеръ взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; сь же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людій; а мы пожинаемъ, ученье пріемлюще книжное. Велика бо бываеть полза отъ ученья книжного; книгами бо кажеми и учими есмы пути покаянью; мудрость бо обрѣтаемъ отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напаяюще вселеную, се суть исходища мудрости; книгамъ бо есть неисчетная глубина; сими бо въ печали утѣшаеми есмы; си суть узда въздержанью. Мудрость бо велика есть, якоже и Соломонъ хваля е глаголаше: азъ премудрость вселихъ, свѣтъ, разумъ и смыслъ; азъ призвахъ страхъ Господень; мои съвѣти, моя мудрость, мое утверженье, моя крѣпость; мною цареве царствують и силніи пишуть правду» и т. д. [1]).

Общественное благо потрясаемо было набѣгами вражескими и междоусобіями князей; описаніе и тѣхъ и другихъ несчастій сопровождается изліяніемъ горестнаго чувства. Половцы пришли на землю Русскую, и на Руси открылась печальная картина: «ови ведуться полонени; друзіи посѣкаеми бывають; друзіи на месть даеми бывають, горкую смерть пріемлюще; друзіи трепечють, зряще убиваемыхъ; друзіи гладомъ умориеми и водною жажею; овы вяжемы и пятами пхаеми, и на зимѣ держими и ураняеми». Участіе свое къ народному бѣдствію и свое воззрѣніе на него лѣтописецъ выражаетъ такимъ образомъ: «праведно и достойно есть, тако да накажемъся, тако вѣру имемъ, кажеми есмы: подобаше намъ преданымъ быти въ руку языку странну и безаконьнѣйшю всея земля. Рцѣмъ велегласно: праведенъ еси, Господи, и прави суди твои. Рцѣмъ по оному разбойнику: мы достойная, яже сдѣяхомъ, пріяхомъ. Рцѣмъ и со Іовомъ: яко

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 65—66.

Господеви любо бысть, тако и бысть; буди имя Господне благословено въ вѣкы. Да нахоженьемъ поганыхъ и мучими ими Владыку познаемъ, его же мы прогнѣвахомъ: прославлени бывше, не прославихомъ; почтени бывше, не почтохомъ; освятившеся, не разумѣхомъ; куплени бывше, не поработахомъ; породивъшеся, не яко отца постыдѣхомъся. Согрѣшихомъ и казними есмы; яко же створихомъ, тако и стражемъ: городи вси опустѣша и села; прейдемъ поля, идѣже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нонѣ видимъ; нивы, поростъше, звѣремъ жилища быша. Но обаче надѣемъся на милость Божью; кажеть бо ны добрѣ благый Владыка: не по безаконью нашему створи намъ и по грѣхомъ нашимъ въздасть намъ» [1]) и пр.

Внутреннія смуты такъ же печалили мыслящаго лѣтописца; онъ вполнѣ сочувствовалъ горю тѣхъ князей, которымъ «печаль бысть отъ сыновець своихъ, яко начаша стужати, *хотя власти, овъ сея, овъ же другоѣ*». Согласіе между братьями лѣтописецъ признаетъ залогомъ счастія Русской земли и по поводу братолюбія Изяслава доказываетъ необходимость любви. Доводы его отличаются истиннымъ чувствомъ и силою: «по истинѣ, аще что створилъ есть въ свѣтѣ семъ етеро согрѣшенье, отдасться ему, занеже *положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости*, ни имѣнья хотя болша, но за братню обиду. О сяковыхъ бо Господь рече: . . . да кто положить душю свою за другы своя. Соломонъ же рече: братья въ бѣдахъ пособива бывають. Любы бо есть выше всего, яко же Іоанъ глаголеть: Богъ любы есть; пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываеть, и Богъ въ немъ пребываеть. . . . Аще кто речеть: люблю Бога, а брата своего ненавидя, ложь есть: не любяй бо брата своего, его же видить, Бога, егоже не видить, како можеть любити? сію заповѣдь имамы отъ Него, да любяй Бога любить брата своего. Въ любви бо все свершается: любве ради и грѣси разсыпаются; любве бо ради сниде Господь на землю и распятъся за ны грѣшныя;

---

1) Тамъ же. стр. 95.

веземъ грѣхы наша, пригвозди на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанье ненависти бѣсовьское; любве ради мученици проьяша крови своя; любве же ради сій князь пролья кровь свою за брата своего, свершая заповѣдь Господню» [1]).

Въ выраженіи мыслей и чувствъ лѣтописца обращаютъ на себя вниманіе три особенности: во-первыхъ то, что они состоятъ преимущественно изъ мѣстъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія; во-вторыхъ то, что они суть именно размышленія и изліянія чувствъ, а *не поученія* въ собственномъ смыслѣ (какъ называютъ ихъ нѣкоторые изслѣдователи), и въ-третьихъ то, что они имѣютъ самое прямое отношеніе къ предметамъ, изображаемымъ въ лѣтописи.

Касательно первой особенности замѣтимъ, что она совершенно въ духѣ средневѣковой литературы: въ произведеніяхъ лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ безпрестанно встрѣчаются выраженія Св. Писанія. Въ лѣтописи Григорія Турскаго весьма много картинъ свѣтской жизни; но авторъ часто прибѣгаетъ къ текстамъ даже при описаніи мірскихъ событій. Говоря о бытѣ Франковъ, поклонявшихся лѣсамъ, водамъ, животнымъ, и приносившихъ имъ жертвы, Григорій Турскій приводитъ мѣста противъ идолопоклонства изъ Исхода, Второзаконія, Псалтири, пророковъ: Іереміи, Аввакума, Исаіи, и мн. др. [2]).

Вторая особенность нѣсколько противорѣчитъ тому мнѣнію, что будто бы характеръ нашей лѣтописи есть по преимуществу поучительный — вслѣдствіе сильнаго вліянія Византійскихъ образцевъ. Поученія собственно, находящіяся въ лѣтописи, принадлежатъ не самому лѣтописцу, а другому писателю — Ѳеодосію; близкія къ нимъ по духу похвалы Владимиру св. и Борису и Глѣбу—также не произведенія лѣтописца. Въ остальныхъ затѣмъ мѣстахъ лѣтописи, заключающихъ въ себѣ какую-либо мысль или чувство, не замѣтно исключительной цѣли автора поу-

---

1) Тамъ же. стр. 93 и 87.

2) *Bouquet*. Recueil des historiens, II, стр. 167—168.

чать читателей. Внимательные читатели безъ сомнѣнія извлекали назиданіе изъ словъ лѣтописца; но не только изъ тѣхъ, въ коихъ выражаются его христіанскія понятія и чувства, и притомъ словами Св. Писанія, а въ такой же степени и изъ многихъ другихъ, не выдающихся рѣзко изъ послѣдовательнаго разсказа.

Едва ли можно предположить, что лѣтописецъ и самый трудъ свой предпринялъ единственно съ цѣлью представить рядъ поучительныхъ картинъ. Если бы составитель лѣтописи смотрѣлъ на нее какъ на сборникъ поучительныхъ разсказовъ, то, вѣроятно, не внесъ бы въ нее ни разговора Русскаго князя съ магометанами, ни преданій о хитростяхъ княгини и жестокихъ поступкахъ ея съ Древлянами, ни тому подобныхъ вещей, не имѣющихъ вовсе назидательнаго характера. Другое дѣло трудъ, предпринятый исключительно съ назидательною и благочестивою цѣлью, каковы поученія духовенства: въ нихъ обыкновенно опускается все то, что противорѣчитъ общему назидательному духу. Если на это возразятъ, что лѣтопись по самой сущности своей, т. е. для того, чтобы быть въ полномъ смыслѣ слова *лѣтописью* — описаніемъ случившагося въ теченіи многихъ лѣтъ, требовала внесенія разнородныхъ извѣстій; то съ другой стороны представляются образцы лѣтописей, явившихся съ цѣлью поучительною собственно, и сравненіе ихъ съ нашею лѣтописью показываетъ, что въ способѣ ея изложенія не видно такого рѣшительнаго намѣренія поучать, какое ясно выражается въ другихъ лѣтописяхъ. Въ сочиненіи Амартола, напримѣръ, религіозный взглядъ на вещи, стремленіе открывать въ событіяхъ назидательную сторону составляетъ одну изъ существенныхъ особенностей повѣствованія. Разница въ этомъ отношеніи между историческимъ трудомъ Амартола и нашею лѣтописью — очевидна; въ послѣдней вовсе нѣтъ такого рода поученій отъ лица автора къ читателю, какими изобилуетъ хроника Амартола. Въ хроникѣ Амартола многія повѣствованія сопровождаются довольно пространными поученіями, начинающимися обыкновенно характеристиче-

скими словами: «тѣмъ научаемся» — выраженіемъ неупотребительнымъ въ нашей лѣтописи.

Обращенія нашего лѣтописца къ своимъ современникамъ, подобныя слѣдующему: «да никто же не дерзнеть рещи, яко ненавидими Богомъ есмы. Да не будеть! Кого бо тако Богъ любить, яко же ны взлюбилъ есть? кого тако почелъ есть, яко же ны прославилъ есть и възнеслъ? никого же» — нельзя приписывать одному Византійскому вліянью уже потому, что подобныя воззванія и притомъ въ формѣ именно наставленія встрѣчаются и у лѣтописцевъ западныхъ и даже у Козьмы Пражскаго, который обращался къ своимъ современникамъ чаще съ укоромъ и насмѣшкою, нежели съ наставленіемъ. Но и Козьма Пражскій дѣлаетъ иногда примѣненіе къ современности съ цѣлью указать назидательный примѣръ: таково заключеніе разсказа о Спитигневѣ и вдовѣ. Когда Спитигневъ былъ на пути по случаю военныхъ дѣйствій, его остановила бѣдная вдова и умоляла защитить ее отъ угнетеній. Спитигневъ сказалъ: разберу дѣло твое послѣ, когда ворочусь. Вдова усилила просьбу: если же ты, возразила она, не воротишься съ похода, кто тогда освободитъ меня? и для чего упускаешь награду, которую можешь получить отъ Бога? Спитигневъ тронулся словами и воплемъ вдовы, прекратилъ свой путь и справедливымъ судомъ избавилъ ее отъ притѣснителя. Извѣстіе объ этомъ поступкѣ Козьма Пражскій сопровождаетъ обращеніемъ къ сильнымъ міра: «quid ad haec vos, o moderni principes, dicitis, qui tot viduarum, tot pupillorum ad clamores non respicitis, sed eos tumido fastu superbiendo despicitis» [1]).

Вліяніе Византійской литературы на нашу древнюю лѣтопись оспаривать нельзя; но оно принадлежало болѣе тѣмъ высокимъ писаніямъ, которыя переданы намъ Византіею, нежели произведеніямъ ея національныхъ писателей; по крайней мѣрѣ

---

1) Scriptores rerum Bohemicarum. I, стр. 136. — Monumenta, ed *Pertz*. XI, scriptorum IX, стр. 78.

вліяніе послѣднихъ было слабѣе того, какое оказывали первыя. Византійскія хроники послужили нашему лѣтописцу для знакомства съ исторіею церкви, отчасти съ гражданскою исторіею, съ понятіями географическими и этнографическими; свѣдѣнія, заимствованныя изъ хроникъ, дополняютъ самостоятельный разсказъ лѣтописи, но не замѣняютъ его; мѣста же Св. Писанія приводятся отъ лица самого лѣтописца, который до того усвоилъ ихъ себѣ, что пользовался ими какъ своимъ собственнымъ словомъ для выраженія мысли и чувства. Духъ произведеній, къ которымъ прибѣгали наши лѣтописцы, не могъ не отразиться и въ ихъ собственныхъ трудахъ, и характеръ послѣднихъ, по преимуществу серіозный, исполненный преданности Богу и сѣтованія объ уклоненіи отъ путей Его, образовался подъ вліяніемъ писаній пророческихъ и другихъ божественныхъ книгъ. При постоянномъ чтеніи ихъ лѣтописцами, такой характеръ явился бы и самъ собою, независимо отъ Византіи; но Византійская литература, и не хроники собственно, а творенія отцевъ церкви, духъ этихъ твореній способствовалъ развитію библейскаго вліянія на нашу древнюю словесность, и слившись съ нимъ въ одно цѣлое, образовалъ то начало, которое преобладало въ ней, и въ части ея — лѣтописи, и которому даютъ обыкновенно названіе Византійскаго.

Что не изъ простаго подражанія хроникамъ возникли въ нашей лѣтописи отступленія, по духу назидательныя, доказывается всего очевиднѣе третьею ихъ особенностью, т. е. тѣмъ, что они находятся въ самой тѣсной связи съ описаніемъ событій Русскихъ, между тѣмъ какъ, напримѣръ, у Амартола поученія предлагаются большею частью по поводу событій, описываемыхъ въ библейской исторіи. Упоминаніе о казни, постигшей первосвященника Илію, дало Амартолу поводъ высказать слѣдующія нравоученія: «аще оубо архиѥрѣеви старцю славноу, ѥмоуже лѣт к҃ прѣстоꙗвшю и бес порока Бо҃у работавшю, ничтоже сего възможе извести ѿ гнѣва Би҃ꙗ.... коѥ мы приимемъ ѿпоущениѥ, толикы добродѣтели оного далече соуще, и, ѥтеромъ

сгрѣшающемъ, молчимъ и не радимъ, еще же, могоуще прѣти имъ и ѿтергноути, ко зломоу паче преходимъ. Да ніктоже глть, ꙗко мнози и вѧще Илии своихъ не брегоуще чадъ, ничтоже пострадаша, ꙗко же онъ. Пострадаша оубо мнози многажды и поущьше того, аще и мы не свѣдаемъ винъı ѿ многаго нечювьствіꙗ: ѿкоудоу оубо напраснъıꙗ смрти; ѿкоудоу лютии одержимии недоузи, намъ и чадомъ нашимъ; ѿкоудоу платежа, и скорби, и скрушениꙗ?.... И мы оубо, егда согрѣшаемъ, да смотримъ, аще достоини есмы млти, и аще что створихомъ, да помиловани боудемъ, аще ли покаꙗхомъсѧ, ли ѿстоупихомъ ѿ злыхъ нашихъ дѣлъ: оуклонибосѧ отъ зла и створи благо» [1]). Изъ внезапнаго паденія Соломона, предавшагося грѣху, — говоритъ Амартолъ — мы научаемся тому, что не должно прославлять человѣка прежде его смерти; ибо многіе подвижники, удивлявшіе всѣхъ строгою жизнію, неожиданно низпали съ высоты своей [2]), и т. п. У Амартола изъ частнаго случая дѣлается общее примѣненіе, которое нисколько не объясняетъ описываемаго происшествія; у Нестора же такъ называемыя «поученія» служатъ самымъ прямымъ объясненіемъ историческаго разсказа.

Если бы нашъ лѣтописецъ былъ только рабскимъ подражателемъ, то его заимствованія лишены были бы примѣненія къ Русскому быту, такъ что то, что сказано Византійцемъ о какомъ-либо историческомъ лицѣ или событіи, отнесено бы было къ Русскому міру безо всякой внутренней связи съ нимъ. Но мы замѣчаемъ совершенно противное въ нашей лѣтописи: всякое кажущееся отступленіе связано въ ней съ главною нитью повѣствованія. Такъ слова пророка: «преложю праздникы ваша въ плачь и пѣсни ваша въ рыданье» и др. приводятся по случаю того, что два нашествія Половцевъ на Русь были въ праздники Вознесенія Господня и св. Бориса и Глѣба [3]). Разсужденіе

---

1) Временникъ Георгія Амартола, харатейная рукопись Московской духовной академіи. л. 79—80.

2) Тамъ же. л. 97.

3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 95.

о непокорности волѣ отеческой и начинается и оканчивается чертами Русской дѣйствительности: «Святославъ сѣде Кыевѣ,— говоритъ лѣтописецъ—прогнавъ брата своего, *преступивъ заповѣдь отню*, паче же Божью. Велій бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего, ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сиѳову, и по 400 лѣтъ отмьщеніе пріяша отъ Бога; отъ племене бо Сиѳова суть Еврѣи, иже, избивше Хананѣйско племя, всприяша свои жребіи и свою землю. Пакы преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прія убійство; *не добро бо есть преступати предѣла чужего*» [1]). Свидѣтельства, приведенныя выше (стр. 179—180), о любви, заповѣдованной Богомъ, помѣщены въ лѣтописи потому, что Русскій князь Изяславъ пролилъ кровь свою за брата—любви ради, свершая заповѣдь Господню; самыя слова: «пригвозди на крестѣ, давъ намъ крестъ свой на прогнанье ненависти бѣсовьское», не составляютъ распространенія предъидущей фразы: «распятъся за ны грѣшныя», заключая, быть можетъ, въ себѣ живой намекъ на современность — на клятву, запечатлѣваемую крестомъ и водворяющую единодушіе и любовь.

У лѣтописца нашего не находимъ неумѣстныхъ подражаній; заимствованія его оправдываются описанными имъ Русскими происшествіями, дававшими право и какъ бы заставлявшими лѣтописца говорить словами писателей, бывшихъ въ подобномъ ему положеніи. Начитанный въ Библіи инокъ Кіевскій, будучи свидѣтелемъ нашествія Половцевъ, разорившихъ Кіевъ и поругавшихся надъ святыней, могъ выразить свое чувство словами пророка, призывавшаго гнѣвъ Божій на враговъ отечества, положившихъ истребить самое имя роднаго пророку и священнаго города. Но странно было бы Кіевскому лѣтописцу чувство скорби объ изгнаніи изъ Кіева Изяслава братомъ его Всеволодомъ выражать только потому, что Византійскій лѣтописецъ выразилъ свое чувство и мнѣніе о смерти Израильскаго царя Факея отъ руки преемника его Осіи, и т. п.—

1) Тамъ же. стр. 78.

Чувство лѣтописца, какъ бы сильно оно ни было, никогда не переступаетъ мѣры справедливости, не переходитъ въ пристрастіе. Описываетъ ли подвиги своихъ соотечественниковъ, говоритъ ли о чужеземцахъ, Несторъ не увлекается ни слѣпою любовью, ни безпощадною ненавистью. Чувства его не безотчетны; они основываются на вѣрномъ взглядѣ на вещи: похвалы и порицанія находятъ положительное подтвержденіе себѣ въ самомъ повѣствованіи. Иногда они выражаются посредствомъ сравненія съ лицами, увѣковѣченными сказаніемъ библейскимъ: такъ Владимиръ св. сравнивается въ лѣтописи съ Соломономъ, и первому отдается преимущество передъ послѣднимъ; но только въ одномъ отношеніи и по опредѣленной причинѣ.

Замѣтивши о Владимирѣ, что онъ «бѣ женолюбець, яко же и Саломанъ», лѣтописецъ прибавляетъ: «мудръ же бѣ (Соломонъ), а наконецъ погибе; се же (Владимиръ) бѣ невѣголосъ, а наконець обрѣте спасенье» [1]). Съ Соломономъ сравниваетъ своего князя такъ же и Козьма Пражскій; по словамъ его, Брячиславъ превосходилъ мужествомъ въ бояхъ Гедеона, тѣлесною силою Самсона, мудростью Соломона: «quadam speciali praerogativa sapientiae praeiret Solomonem» [2]). Видно, что Козьма Пражскій взялъ идеалы различныхъ доблестей и ради риторической фигуры примѣнилъ ихъ къ Чешскому князю; но громкія похвалы не вполнѣ оправдываются излагаемою исторіею Брячислава.

Предметъ, возбуждающій живѣйшее сочувствіе нашего лѣтописца есть отечество—«земля Русьская», о которой говоритъ онъ съ постояннымъ участіемъ; но это участіе обнаруживается само собою, въ содержаніи и тонѣ разсказа какъ о временахъ ея славы, такъ и о годинѣ бѣдствій, коихъ лѣтописецъ былъ свидѣтелемъ. Съ прискорбіемъ описываетъ онъ несчастія, наносимыя Русской землѣ Половцами и внутренними раздорами, и даетъ названіе «мужей смысленныхъ» тѣмъ, которые призывали кня-

---

1) Тамъ же. стр. 34.

2) Scriptores rerum Bohemicarum. I, 105. — Monumenta. XI, scriptorum IX. стр. 67.

зей къ единодушію и къ дѣятельнымъ мѣрамъ противъ враговъ: «рѣша има *мужи смысленіи:* почто вы распря имата межи собою, а поганіи губять землю Русьскую; послѣди ся уладита, а нонѣ поидита противу поганымъ, любо съ миромъ, любо ратью» [1]). Онъ признаетъ необходимость борьбы со врагами отечества, называя «доброю» мысль, подвигающую на святую брань: «вложи Богъ *мысль добру* въ Русьскыѣ князи — умыслиша дерзнути на Половцѣ и поити въ землю ихъ» [2]).

Но и сама земля Русская, священная для лѣтописца, не изображается имъ въ свѣтѣ ложномъ, съ украшеніями, скрывающими истину. Первый приводимый въ лѣтописи отзывъ о Русской землѣ чуждъ всякаго пристрастія; нельзя не признать искренности въ писателѣ, передавшемъ потомству достопамятныя слова: «рѣша Руси Чудь, Словѣни и Кривичи: земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ» [3]). Иначе поступали другіе лѣтописцы: они старались осыпать свое отечество, въ особенности при первомъ извѣстіи о немъ, похвалами преувеличенными и искусственными. Козьма Пражскій говоритъ, что Богему, основателю Богеміи, стоило большаго труда найти удобное мѣсто для жительства; послѣ долгихъ странствованій онъ открылъ наконецъ счастливую землю, лучше которой нельзя отыскать на всемъ земномъ шарѣ. Восторгъ свой при видѣ чудной земли онъ выражаетъ такими словами: «haec est illa, haec est illa terra, quam saepe me vobis promisisse memini: terra obnoxia nemini, feris et volatilibus referta, nectare mellis et lactis humida et, ut ipsi perspicitis, ad habitandum aëre jocunda. Aquae ex omni parte copiosae, et ultra modum piscosae. Hic vobis nihil deerit, quia nullus vobis oberit» [4]).

Подобными же фразами Мартинъ Галлъ, Польскій лѣтопи-

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 93.

2) Тамъ же. стр. 117.

3) Тамъ же. стр. 8.

4) Scriptores rerum Bohemicarum. I, стр. 7.—Monumenta. XI, scriptorum IX. стр. 33.

сецъ XII в., восхваляетъ свое отечество: «Patria, ubi aër salubris, ager fertilis, silva melliflua, aqua piscosa, milites bellicosi, rustici laboriosi, equi durabiles, boves arabiles, vaccae lactosae, oves lanosae» [1]).

Похвалы обоихъ лѣтописцевъ сходны между собою по своей безцвѣтности, и не имѣютъ большаго значенія сравнительно съ отзывомъ нашей лѣтописи, мѣткимъ и оригинальнымъ, какъ народная пословица.

Любя отечество, Несторъ боялся клеветы и на враговъ его, и повѣствуя о дѣйствіяхъ непріятельскихъ, не искажалъ истины въ событіяхъ. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ разсказъ о войнѣ Русскихъ съ Поляками въ 1018 г., описанной какъ нашимъ лѣтописцемъ, такъ и Мартиномъ Галломъ.

Несторъ говоритъ: «приде Болеславъ съ Святополкомъ на Ярослава съ Ляхы; Ярославъ же, совокупивъ Русь, и Варягы, и Словѣнѣ, поиде противу Болеславу и Святополку, приде Волыню, и сташа оба полъ рѣкы Буга. И бѣ у Ярослава кормилець и воевода, именемъ Будый, нача укаряти Болеслава, глаголя: да то ти прободемъ трѣскою черево твое толстое, бѣ бо Болеславъ великъ и тяжекъ, яко и на кони не могы сѣдѣти, но бяше смысленъ. И рече Болеславъ къ дружинѣ своей: аще вы сего укора не жаль, азъ единъ погыну. Всѣдъ на конь, вбреде въ рѣку и по немъ вои его; Ярославъ же не утягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава; Ярославъ же убѣжа съ 4-ми мужи Новугороду; Болеславъ же вниде въ Кыевъ съ Святополкомъ» [2]) и т. д. Въ этихъ словахъ нельзя не замѣтить отчетливости и безпристрастія: съ точностью указаны и племена, принимавшія участіе въ войнѣ, и число убѣжавшихъ мужей; побѣдителемъ названъ непріятель — Болеславъ. Насмѣшка надъ нимъ совершенно въ духѣ времени, напоминая собою, по замѣчанію Карамзина [3]), насмѣшку короля Французскаго надъ тучностію Вильгельма Завое-

1) Martini Galli Chronicon, ed. *Bandtkie.* 1824, стр. 17.
2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 62.
3) Исторія Карамзина. т. II, примѣч. 13.

вателя [1]), и перебранки, которыми начинаются битвы у Гомера. Личнаго негодованія лѣтописецъ не выражаетъ: онъ признаетъ даже достоинство въ противникѣ, называя его «смысленымъ».

У Мартина Галла напротивъ того нѣтъ ни обстоятельности въ приводимыхъ извѣстіяхъ, ни чувства справедливости къ непріятелямъ, ни умѣренности въ отзывахъ о своихъ соотечественникахъ; вмѣсто безпристрастнаго: «смысленый» встрѣчаемъ оскорбительное названіе: ignavissimus, и т. п. По словамъ Мартина Галла, Болеславъ, вступивши въ Россію, разсѣялъ Русскихъ передъ лицемъ своимъ, какъ вѣтеръ разсѣеваетъ пыль; Русскій князь удилъ рыбу въ то время, когда получено извѣстіе о приближеніи враговъ; узнавши о грозномъ нашествіи и обращаясь въ бѣгство, «in ignominiam suae gentis proverbium protulisse fertur»—говоритъ Мартинъ Галлъ; но самихъ словъ Русскаго князя не приводитъ. Болеславъ обнажилъ мечъ и ударялъ имъ въ золотыя ворота, говоря: «sicut in hac hora aurea porta civitatis ab isto ense percutitur, sic in nocte sequenti soror regis ignavissimi, mi dari prohibita, corrumpetur». Овладѣвъ Кіевомъ и всѣми его сокровищами, Болеславъ возвращался восвояси; князь

---

1) Въ 1087 г. во время войны за Вексинъ Вильгельмъ Завоеватель заболѣлъ въ Руанѣ такъ сильно, что долго не оставлялъ постели. По этому поводу Французскій король сказалъ въ насмѣшку, что и женщины никогда не страдаютъ такъ долго родами, и что если Вильгельмъ разрѣшится наконецъ отъ бремени, то принятіе родильной молитвы отпразднуетъ съ большимъ блескомъ. Раздраженный Вильгельмъ велѣлъ сказать Французскому королю, что брать молитву придетъ во Францію, и вмѣсто блестящихъ свѣтильниковъ принесетъ съ собою нѣсколько тысячъ копій. Въ «Chronique de Normandie», которая до 1106 г. есть ничто иное, какъ переложеніе въ прозу такъ называемаго «Roman de Rou» (*Rou*—испорченн. *Rollon*) разсказано это такимъ образомъ: «Il advint comme Dieu voult que le Roy et Duc Guillaume encbut en maladie et y fut longuement. Et lui manda Phelippe roy de France se en Northmandie femme n'avoit si longuement geu de gesine, et que se il relevoit jamais il deveroit avoir beau luminaire à se relevailles. Si en eut Guillaume desplaisir que il le ramponoit: et il manda que quant il releveroit que le roy le sçauroit bien, et que il yroit en France oïr la messe de ses relevailles, et y feroit allumer mille torches sans are, dont les lumignons seroient de bois, et si y auroit mil gaulles garnies d'arciers es bouts pour lesdittes torches allumer.» (Recueil des historiens des Gaules et de la France, par *Bouquet*. T. XIII. стр. 240).

рѣшился его преслѣдовать съ Половцами и Печенѣгами (cum Plaucis et Pincinaturis). На берегахъ Буга произошло сраженіе; у Болеслава было немного войска, у противниковъ же — чуть не во сто разъ болѣе; но онъ не оробѣлъ: произнесъ къ воинамъ длинную рѣчь (риѳмованной прозой); какъ кровожадный левъ ворвался въ ряды непріятельскіе, и — невозможно описать всѣхъ бѣдствій, нанесенныхъ имъ врагу, и исчислить несмѣтное множество погибшихъ. Вся прибрежная равнина загромождена была трупами, и въ Бугѣ текла уже не вода, а кровь.

Оставляя въ сторонѣ вѣрность разсказа историческую и основываясь на одномъ способѣ изложенія, читатель можетъ сдѣлать опредѣленный выводъ о томъ, въ повѣствованіи котораго изъ лѣтописцевъ обнаруживается болѣе желанія передать сущую правду безъ всякихъ умышленныхъ невѣрностей и прикрасъ.

Безпристрастіе и преобладаніе мысли, сдерживающей увлеченія чувства, составляютъ существенныя внутреннія качества лѣтописи Нестора. Они выразились всюду, гдѣ можетъ быть наблюдаема личность лѣтописца: въ его отзывахъ объ историческихъ лицахъ, въ описаніи событій, въ его разсказѣ вообще.

Отличительное свойство повѣствованія Нестора заключается въ *ровности изложенія:* у него нѣтъ порывовъ и витіеватыхъ отступленій и воззваній. Рѣчь его чужда искусственныхъ украшеній, изысканныхъ троповъ и фигуръ; но за то она исполнена внутренней силы: слова ясно и точно передаютъ мысль, и ихъ сказано не болѣе и не менѣе, какъ сколько нужно для яснаго и точнаго выраженія мысли.

Описанія сраженій и побѣдъ, нечаянной смерти и т. п. особенно благопріятствуютъ тропамъ и фигурамъ, и у словоохотливыхъ повѣствователей самыя краснорѣчивыя страницы посвящаются подобнымъ описаніямъ. Но у Нестора и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, господствуютъ ровность и простота изложенія.

Жестокая битва Ярослава съ Печенѣгами описана безо всякаго пристрастнаго увлеченія и съ самою строгою точностью: «Ярославу сущю Новѣгородѣ — говоритъ лѣтописецъ — вѣсть

приде ему, яко Печенѣзи остоять Кыевъ; Ярославъ събра вой многъ, Варягы и Словѣни, приде Кыеву и вниде въ городъ свой. И бѣ Печенѣгъ безъ числа. Ярославъ выступи изъ града и исполчи дружину: *постави Варягы посредѣ, а на правѣй сторонѣ Кыяне, а на лѣвѣмъ крилѣ Новгородци.* Печенѣзи приступати начаша, и ступишася на мѣстѣ, идѣже стоить нынѣ святая Софья, митрополья Русьская; *бѣ бо тогда поле внѣ града.* И бысть сѣча зла, и *одва одолѣ къ вечеру Ярославъ;* и побѣгоша Печенѣзи разно, и не вѣдяхуся камо бѣжати, тоняху въ Сѣтомли, инѣ же въ инѣхъ рѣкахъ, а прокъ ихъ пробѣгоша и до сего дне» [1]).

Описаніе смерти Ростислава, отравленнаго вѣроломнымъ другомъ, отличается совершенно спокойнымъ тономъ: «Ростиславу сущю Тмуторокани, и емлющю дань у Касогъ и въ инѣхъ странахъ, сего же убоявшеся Грьци, послаша съ лестью Котопана. Оному же пришедшю къ Ростиславу и ввѣрившюся ему, чтяшеть и Ростиславъ. Единою же пьющю Ростиславу съ дружиною своею, рече Котопанъ: княже! хочю на тя пити; оному же рекшю: пій; онъ же испивъ половину, а половину дасть князю пити, дотиснувъся палцемъ въ чашю, бѣ бо имѣя подъ ногтемъ растворенье смертное, и вдасть князю, урекъ смерть до дне семаго. Оному же испившю, Котопанъ же пришедъ Корсуню повѣдаше, яко въ сій день умреть Ростиславъ, яко же и бысть; сего же Котопана побиша каменьемъ Корсуньстіи людье. Бѣ же Ростиславъ мужь добль, ратенъ, взрастомъ же лѣпъ и красенъ лицемъ, и милостивъ убогымъ: и умре мѣсяца февраля въ 3 день, и тамо положенъ бысть въ церкви святыя Богородица» [2]).

Какъ по мотиву преданія — объ отравѣ отъ человѣка близкаго и довѣреннаго, такъ и по спокойствію, которое можно бы назвать эпическимъ, разсказъ лѣтописца напоминаетъ тѣ народныя пѣсни, въ коихъ говорится объ отравѣ брата сестрою, мужа женою и т. п. Въ одной изъ пѣсенъ разсказывается, какъ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 65.
2) Тамъ же. стр. 71—72.

«сестра брата известь думала:
выходила посередъ двора,
наливала чару прежде времени,
подносила брату милому.
Ты пей, сестра, напередъ меня.
Пила, братецъ, наливаючи,
тебя, братецъ, поздравляючи.
Канула капля коню на гриву,
у коня грива загорѣлася;
сходитъ молодецъ съ добра коня,
вынималъ свою саблю острую,
и сонмалъ съ сестры буйну голову:
«не сестра ты мнѣ родимая,
а змѣя ты подколодная».
Онъ клалъ дрова среди двора
и онъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
что до самаго до пепла;
онъ развѣялъ пухъ по чисту полю;
заказалъ всѣмъ тужить и плакати»[1]).

Къ нѣкоторымъ событіямъ лѣтописецъ питалъ особенное сочувствіе, и оно выразилось въ повѣствованіи о нихъ, но выразилось не отрывистыми, восторженными фразами, а послѣдовательнымъ описаніемъ происшествій. Въ мѣстахъ, проникнутыхъ чувствомъ, рѣчь лѣтописца дѣлается не короче, какъ это бываетъ у многихъ писателей, а напротивъ того—длиннѣе: не мгновенную вспышку страсти передаетъ онъ, а чувство глубокое и постоянное, поддерживаемое многими обстоятельствами жизни и многими дѣйствіями людей.

Бѣдствія, постигнувшія Русскую землю съ нашествіемъ Половцевъ, описаны, повидимому, съ большимъ спокойствіемъ; но въ этой спокойной рѣчи много такого, что можетъ вызвать чув-

1) Сказанія Русскаго народа, собранныя *Сахаровымъ*. 1841. Т. I, книга третья, стр. 202.

ство читателя скорѣе самыхъ затѣйливыхъ описаній. «Половци воеваша много — говоритъ лѣтописецъ — и възвратишася къ Торцьскому, и изнемогоша людье въ градѣ гладомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, пріимше градъ, запалиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежѣ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ. Много роду хрестьянска стражюще: печални, мучими, зимою оцѣпляеми, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ, опустнѣвше лици, почернѣвши тѣлесы; незнаемою страною, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ногы имуще сбодены терньемъ. Со слезами отвѣшеваху другъ къ другу глаголюще: «азъ бѣхъ сего города», и другія: «азъ сего села»; тако съупрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе, и вздыхающе, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдущему тайная»[1]).

Особенною теплотою чувства проникнута рѣчь лѣтописца въ тѣхъ случаяхъ, когда самое содержаніе ся такого свойства, что могло возбуждать умиленіе въ людяхъ, современныхъ изображаемому произшествію. Вѣрность духу времени составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ качествъ нашей древней лѣтописи. Въ лѣтописи выражается участіе къ тому, къ чему не могли быть равнодушны Русскіе люди XI—XII в., не лишенные нравственнаго и умственнаго развитія—въ той степени, въ какой оно возможно было сообразно съ условіями вѣка.

Общую печаль о смерти добраго князя (Изяслава) лѣтописецъ изображаетъ такъ: «изиде противу ему весь городъ Кыевъ, и възложивше тѣло его на сани повезоша и, съ пѣсньми попове и черноризци понесоша и въ градъ, и не бѣ лзѣ слышати пѣнья во плачи, велицѣ вопли: плакабося по немъ весь градъ Кіевъ. Ярополкъ же идяше по немъ плачася съ дружиною своею: отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти пріимъ отъ людій и отъ братья своея? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою»[2]).

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 96.

2) Тамъ же. стр. 86.

Чувство глубокой привязанности предки наши выражали завѣщаніемъ быть погребенными рядомъ съ тѣми, къ коимъ питали расположеніе, желали «лечь у ихъ гроба» — какъ бы въ залогъ духовнаго союза, не нарушаемаго и могилой. Лѣтописецъ говоритъ о трогательномъ желаніи съ полнымъ сочувствіемъ; самый слогъ показываетъ, что слова идутъ прямо отъ души. Кончина великаго князя Всеволода и любовь къ нему отца его описаны въ лѣтописи слѣдующимъ образомъ: «Всеволодъ любимъ бѣ отцемъ своимъ, яко глаголати отцю къ нему: сыну мой! благо тобѣ, яко слышю о тобѣ кротость, и радуюся, яко ты покоиши старость мою; аще ти подасть Богъ пріяти власть стола моего по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемъ, то егда Богъ отведеть тя отъ житья сего, *ляжеши, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее*. Се же сбыстьса отца его, яко же глаголалъ бѣ. Сему пріимшю послѣже всея братья столъ отца своего, по смерти брата своего, се же, Кыевѣ княжа, быша ему печали болше, паче неже сѣдящю ему въ Переяславли: сѣдящю бо ему Кыевѣ, печаль бысть ему отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другоѣ; се же смиривая ихъ, раздаваше волостѣ имъ. Въ сихъ печали всташа и недузи ему, приспѣваше старость къ симъ; разболѣвшюся ему велми, посла по сына своего Володимера Чернигову; пришедшю Володимеру, видѣвъ и велми болна суща, и плакавъся. Пресѣдящю Володимеру и Ростиславу, сыну его меншему, пришедшю же часу, преставися тихо и кротко, и приложися ко отцемъ своимъ»[1]). — Ѳеодосій пришелъ однажды, говоритъ лѣтописецъ, «въ домъ Яневъ къ Яневи и къ подружью его Марьи: *Ѳеодосій бо бѣ любя я*, занеже живяста по заповѣди Господни и въ любви межи собою пребываста; единою же ему пришедшю къ нима, и учашеть я о милостыни къ убогымъ, о царствіи небеснѣмъ, о смертнѣмъ часѣ. И се ему глаголющю о положеніи тѣла въ гробѣ има, рече ему Яневая: кто вѣсть, кдѣ

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 92—93.

си мя положать? Рече же ей Θеодосій: по истинѣ, *идѣ же лягу азъ, ту и ты положена будеши.* Се же събысться»[1]), и т. д.

V.

Языкъ и слогъ древней лѣтописи.

Въ языкѣ и слогѣ древней лѣтописи ясно различаются два элемента: Церковно-Славянскій и Русскій, отдѣляющіеся одинъ отъ другаго довольно рѣзко.

Первый является въ мѣстахъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія; не говоря о сплошныхъ выпискахъ, эти мѣста большею частью прибавляются къ словамъ лѣтописца, и приставка такъ очевидна, что они составляютъ какъ бы вторую половину фразы, выражающей полную мысль. Связью служатъ обыкновенно слова; *не вѣдый яко, не вѣдуще яко*, и т. п., которыми лѣтописецъ соединяетъ мѣста заимствованныя съ собственною рѣчью, какъ напримѣръ: «Онъ же (Святославъ) не послуша матере, творяще норовы поганьскія, *не вѣдый*, аще кто матере не послушаеть, смертью да умреть». Или: «рече Борисъ: ты готова зри, азъ имъ противенъ всѣмъ; похваливъся велми, *не вѣдый яко* Богъ гордымъ противится, смѣренымъ даеть благодать». Или: Половцы «словеса хулная глаголаху на святыя иконы, насмихающеся, *не вѣдуще, яко* Богъ кажеть рабы своя напастми ратными, да явятся яко злато искушено въ горну»[2]).

Приведеніе текста всегда умѣстно, оправдываясь самимъ предметомъ, по поводу котораго встрѣчается. Такъ словами Св. Писанія выражена та мысль, что Богъ услышалъ молитву благочестиваго князя, сообщаемую лѣтописью. О Ярополкѣ сказано, что онъ «моляше Бога всегда, глаголя: Господи Боже мой!

---

1) Тамъ же. стр. 91.
2) Тамъ же. стр. 27, 86, 99.

пріими молитву мою, и дажь ми смерть, яко же двѣма братома моима Борису и Глѣбу, отъ чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью, избуду суетнаго сего свѣта и мятежа, сѣти вражіи. Его же прошенья не лиши его благый Богъ: въспрія благая она, ихже око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человѣку не взиде, еже уготова Богъ любящимъ его»[1]).

Преобладающій элементъ въ языкѣ лѣтописи — въ разсказѣ событій, который и составляетъ лѣтопись собственно — есть Русскій. Въ лѣтописи сохранены многія замѣчательныя особенности древняго Русскаго языка.

По изобразительности, по живости и силѣ, по древности и т. п. обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія слова и выраженія[2]):

Игорь же дошедъ Дуная, созва дружину и нача *думати* (=совѣщаться), повѣда имъ рѣчь цареву. 19.

Начаша *думати* дружина Ратиборя со княземъ Володимеромъ о погубленьи Итларевы чади. 97.

Моляшеся за сына и за люди, *кормящи* сына своего до мужьства его и до взраста его. 27.

И поча *нарубати* мужѣ лучьшіѣ, и отъ сихъ насели грады. 52.

И ведоша въ вежѣ къ *сердоболемъ* своимъ. 96.

Она же *хотящи домови*, приде къ патреарху, благословенья просящи *на домъ*. 26.

Есть у мене единъ сынъ меншей *дома*, а съ четырми есмь вышелъ. 53.

Поиди, княже, на конихъ *около:* стоять бо Печенѣзи въ порозѣхъ. 31.

Принесе и къ собѣ въ келью и служаше *около* его. 83.

И налѣзоша Ольга *высподи* трупья. 32.

За маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. 30.

---

1) Тамъ же. стр. 88—89.

2) Цыфра при словахъ изъ лѣтописи означаетъ страницу I-го тома Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей.

Отъ года бо и до года пребывъ, умре. 89;—днiй бо есть *отъ года и до года* 300 и 60 и 5. 79.—

Предлогъ *за* въ значенiи: *въ продолженiе* времени:

Аще не имете волхву сею, не иду отъ васъ и *за* лѣто. 75.

Пождѣте, да же вы куны сберуть, *за* мѣсяць; ждаша *за* мѣсяць, и не дасть имъ. 33.—

Наши же съ весельемъ, на конѣхъ и пѣши, потекоша къ нимъ. 118.

И постави Сѣверъ въ *чело* противу Варягомъ, а самъ ста съ дружиною своею по *крилома*. 64.—

Созва Володимеръ боляры своя и старци градьскiѣ, и рече имъ: ....да что *ума придасте?* что отвѣщаете. 45.

Рече кудесникъ: конь, его же любиши, отъ того ти умрети. Олегъ же *прiимъ въ умъ* си, рече: николи же всяду на конь. 16.

И рече Блудъ къ посломъ Володимеримъ: *азъ буду тобѣ въ сердце* и въ прiязньство. 33.

Да отселѣ *имемъся въ едино сердце*. 109.

Все взяша Ляхове у него, *показавше ему путь* отъ себе. 78.

А жены и дѣти *вдаша на щиты*. 72.

Въ едину бо нощь *бысть безъ вѣсти*. 75.

Митрополита *ужасть обiиде*. 78.

Се поручаю игуменьство Стефану, *не дай его въ обиду*. 80.

Бѣ бо Глѣбъ.... *теплъ на вѣру* и кротокъ. 85.

И *взяста* межи собою *распря и которы*. 93.

И конемь ихъ *не бѣ спѣха* въ погахъ. 118.—

Внезапу свѣтъ восья, *яко зракъ вынимая человѣку*. 82.

Бѣ бо въздано ея при немъ възвыше, *яко на кони стояще досящи*. 65.

Нѣкоторыя выраженiя часто повторяются въ лѣтописи, напоминая собою подобное же повторенiе, любимое народною поэзiею:

Рече же имъ Ольга: *люба ми есть рѣчь ваша*. 24.

Люба бысть рѣчь си дружинѣ. 30.

И *бысть люба рѣчь* князю и всѣмъ людемъ. 46. —

И рече Блудъ Ярополку: видиши, колько вой у брата твоего? нама ихъ не переборoти, твори миръ съ братомъ своимъ. И рече Ярополкъ: *такъ буди*. 33.

Рече Редедя къ Мьстиславу: что ради губивѣ дружину межи собою? но сънидевѣ ся сама боротъ. И рече Мьстиславъ: *тако буди*. 63.

Зоветь вы князь Володимеръ, реклъ тако: обувшеся, въ теплѣ избѣ заутрокавше у Ратибора, пріѣдите ко мнѣ. И рече Итларь: *тако буди*. 97.—

Се же слышавъ царь, *радъ бысть*, и посла къ нему дары. 30.

Володимеръ же, *радъ бывъ*, заложи городъ. 53.

Древляне же, *ради бывше*, внидоша въ градъ. 25.—

Бысть сѣча зла, *яка же не была въ Руси*. 62.

Бысть Іоанъ мужъ хытръ книгамъ и ученью.... и сякого *не бысть прежe въ Руси, ни по немъ не будетъ* сякъ. 89.—

Лѣтописью удержаны древнія пословицы, поговорки и выраженія близкія къ нимъ по мѣткости и наглядности:

Слышавше же Деревляне, яко опять идеть, сдумавше со княземъ своимъ Маломъ: *аще ся въвадить волкъ въ овцѣ, то выносить все стадо*, аще не убьють его; тако и се: аще не убьемъ его, то вся ны погубить. 23.

Рѣша Новгородци Святополку: се мы, княже, присланы къ тобѣ, и рекли ны тако: не хочемъ Святополка, ни сына его; *аще ли 2 главѣ имѣетъ сынъ твой*, то пошли и. 117.

Русь корятся Радимичемъ, глаголюще: *Пищаньци волъчья хвоста бѣгають*. 36.

Створи миръ Володимиръ съ Болгары, и ротѣ заходиша межю собѣ, и рѣша Болгаре: *толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути*. 36 [1]).

1) Какъ въ приведенныхъ словахъ выражается мысль о вѣчномъ мирѣ

Рѣша дружина Игорева: ...еда кто вѣсть, кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? ли *съ моремъ кто свѣтенъ?* се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣй; обьча смерть всѣмъ. 19.

Рече Ольга: *уже мнѣ мужа своего не кресити;* но хочю вы почтити наутрія предъ людьми своими. 24.

Разгнѣвася Ярославъ.... пославъ къ Новгородцемъ рече: *уже мнѣ сихъ не крѣсити.* 61.

Рече Святославъ: *уже намъ нѣкамо ся дѣти,* волею и неволею стати противу. 30.

Святославъ рече дружинѣ своей: потягнемъ, *уже намъ не лзѣ камо ся дѣти.* 74.

Рече Добрыня Володимеру: съглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ; симъ дани намъ не даяти, *поидемъ искатъ лапотниковъ.* 36.

Есть притъча въ Руси и до сего дне: *погибоша аки Обрѣ.* 5.

Есть притча и до сего дне: *бѣда аки въ Роднѣ.* 33.

Посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: поидита на Половци, да *любо будемъ живи, любо мертви.* 118.

Рѣша вои (Святославу): идѣ же глава твоя, ту и *свои главы сложимъ.* 30.

Аще лишена будевѣ, то оба: *азъ сложю главу* свою за тя. 86.

Утѣши Всеволода, и повелѣ сбирати вои *отъ мала до велика.* 86.

Въ филологическомъ отношеніи замѣчательны:

такъ въ одной Южнорусской пѣснѣ мысль о вѣчной разлукѣ выражается тѣмъ, что сынъ обѣщаетъ возвратиться къ матери тогда, когда перо станетъ тонуть, а камень—выплывать:

Сыну мой, коли пріѣдешъ до насъ?
Тогдѣ я, нене, пріѣду до васъ,
Якъ павине перье насподъ потоне,
А млиновый камень наверхъ выплыне.

(Сборникъ украинскихъ пѣсень, изд. *Максимовичемъ.* 1849. стр. 107, прим. 135).

1) Будущее время съ глаголомъ *хотѣть*:

Онъ же (Святославъ) не внимаше того, глаголя: како азъ *хочю* инъ законъ *прiяти* единъ, а дружина сему смѣятися начнеть. 27.

Аще убью брата своего, *имѣти* тя *хочю* (друг. списк.: *начну*) во отца мѣсто, и многу честь возьмешь отъ мене. 32.

Аще не подъступите заутра къ городу, *предатися хотять* (друг. списк.: *имуть*) людье Печенѣгомъ. 28.

2) Образованiе сложныхъ временъ посредствомъ причастiй, прошедшаго и настоящаго:

Азъ есмь мужь его, и *пришелъ есмь* въ сторожѣхъ. 28.

Ини же не свѣдуще рекоша, яко Кiй *есть* перевозникъ *былъ*. 4.

Призва старѣйшину конюхомъ, ркя: кдѣ есть конь мой? Онъ же рече: *умерлъ есть*. Олегъ же посмѣяся и укори кудесника, ркя: конь *умерлъ*, и я живъ. 16.

Иже *бѣ поставилъ* кормити. 16.

Бѣша бо многи *погибли* на полку. 30.

Яко же преже *почали бяхомъ*. 8.

Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣ *бяху убили* мужа ея. 25.

Суть кости его и доселѣ тамо *лежаче*. 87.

Бѣ бо *умѣя* печенѣжьски. 28.

И *бѣ володѣя* единъ въ Руси. 32.

Бѣ бо ловы *дѣя* Олегъ. 31.

3) Употребленiе причастiй:

Была суть три братья: Кiй, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ *платяче* дань родомъ ихъ Казаромъ. 9.

Похорони вои въ лодьяхъ, а другiя назади остави, а самъ приде *нося* Игоря дѣтьска. 10.

И живяше Олегъ миръ *имѣя* ко всѣмъ странамъ, *княжа* въ Кiевѣ. 16.

4) Отдѣленiе, непостоянное впрочемъ, мѣстоименiй, слившихся впослѣдствiи съ глаголомъ:

Они же пережьгоша истопку, и влѣзоша Деревляне, начаша *ся мыти*. 25.

Уже намъ нѣкамо *ся дѣти*. 30.

Прешедъше ту *ся вселиша*, и платять дань Руси; повозъ везуть и до сего дне. 36.

Вси гради ваши *предашася* мнѣ, и *ялися* по дань.... Деревляне же рѣкоша: ради *ся* быхомъ *яли* по дань, но хощеши мьщати мужа своего. 25.

Си же *ся* злоба *сключи*. 94.

Ср. иже *ся* бѣ *родилъ*. 63.

5) Употребленіе именъ числительныхъ:

И всѣхъ лѣтъ княженья Святославля, *лѣтъ 20 и 8*. 31.

И *бѣста 12 отрока* съ нимъ. 75.

2 части дани *идета* Кіеву, а третьяя Вышегороду. 25.

Аще ли *2 главѣ* имѣеть сынъ твой. 117.

Одолѣ Святославъ *въ трехъ тысячахъ*, а Половець бѣ *12 тысячь*. 74.

6) Опущеніе предлоговъ:

Иде Вольга *Новугороду*. 25.

Волхвъ явися *Ростовѣ*. 92.

Придоста *Тмуторокаию*, и яста Ратибора, и сѣдоста *Тмуторокани*. 87.

Томъ же мѣсяци братья створиша миръ межи собою. 116.

Томъ же лѣтѣ совокупишася вся братья. 117.

7) Предлоги въ сложеніи съ глаголами:

Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль. 72.

Заратишася Торци Переяславьстіи на Русь. 87.

Егда же *подъпьяхуться*, начьняхуть роптати на князь. 54.

8) Неопредѣленное наклоненіе, выражающее дѣйствіе необходимое:

Помяну конь свой, отъ него же бяху рекли волсви *умрети* Олгови. 16.

Повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру *потещи* вспять, и землямъ *преступати* на ина мѣста. 75.

Сице нама бози молвять, *не быти* нама живымъ отъ тобе. 76.

Нама *стати* предъ Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже. 76.

9) Повелительное наклоненіе глагола *мочь*:

Не мози ихъ держати въ градѣ. 34.

Не мози повѣдати никомуже отъ братьи. 90.

Ср. *Не мозьте* погубити Русьскыѣ земли. 112.

10) При именахъ собирательныхъ множественое число, но не исключительно:

На Бѣлеозерѣ *сѣдять Весь*. 5.

Русь поидоша противу имъ.... Половци же слышавше, яко *идеть* Русь. 118.

Дружина сему смѣятися *начнуть*. 27.

И *рекоша дружина* князю. 73.

Другая *половина* людій *приде* отъ погреба. 90.

А *прокъ*[1]) ихъ *пробѣгоша* и до сего дне. 65.

11) Образованіе предложеній; предложенія главныя и придаточныя; ихъ взаимное отношеніе. Общій характеръ лѣтописнаго языка, выразившійся въ устройствѣ рѣчи вообще — въ особенностяхъ синтаксическихъ.

Вмѣсто придаточныхъ предложеній большею частью употребляются главныя. Они соединяются между собою союзомъ *и*, иногда же — союзомъ *а*:

Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ съ дружиною своею, *и* приде Кіеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, *и* съжалися о бывшемъ отъ Печенѣгъ, *и* собра вои, *и* прогна Печенѣги въ поле, *и* бысть миръ. 28.

Совокупишася вся братья... *и* прислаша Половци слы отъ всѣхъ князій ко всей братьи, просяще мира; *и* рѣша имъ Русскыи князи: да аще хощете мира, да совокупимся у Сакова; *и* послаша по Половцѣ, *и* сняшася у Сакова, *и* створиша миръ съ

---

1) *Прокъ*—остальные, прочіе; въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописей вмѣсто *прокъ* поставлено *прочіи*, *останокъ* и т. п. Церковно-Славянск. *прокъ* соотвѣтствуетъ Греч. λοιπός—reliquus.

Половци, *и* пояша тали межи собою, мѣсяца семтября въ 15 день, *и* разидошася разно. 117.

Всѣ извѣстія подъ 1031 г. состоятъ изъ ряда короткихъ предложеній, соединенныхъ союзомъ *и*:

Въ лѣто 6539. Ярославъ и Мстиславъ собраста вой многъ, идоста на Ляхы, *и* заяста грады Червеньскыя опять, *и* повоеваста Лядьскую землю, *и* многы Ляхы приведоста, *и* раздѣлиста я, *и* посади Ярославъ своя по Рси, *и* суть до сего дне. 64—65.

Святославъ же прія дары и поча думати съ дружиною своею, рька сице: аще не створимъ мира со царемъ, *а* увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны въ градѣ; *а* Руска земля далеча, *а* Печенѣзи съ нами ратьни, *а* кто ны поможеть. 30.

Приде ему вѣсть изъ Кыева отъ сестры его Передъславы си: отець ти умерлъ, *а* Святополкъ сѣдитъ ти Кыевѣ, убивъ Бориса, *а* на Глѣба посла; *а* блюдися его повелику. 61.

Впрочемъ придаточныя предложенія не вовсе чужды языку лѣтописи; они соединяются съ главными или посредствомъ причастій, служащихъ сказуемыми, или посредствомъ относительныхъ мѣстоименій и союзовъ: *ать*, *яко*, *да*, *бо*.

Взяша главу его и во лбѣ его съдѣлаша чашю, *оковавше лобъ его*, и пьяху по немъ. 31.

Другая половина людій приде отъ погреба, *отворивше погребъ;* и рекоша дружина князю: се зло есть, посли ко Всеславу, *ать*, *призвавше лестью къ оконцю*, *пронзуть* и мечемъ. 73.

Положите хлѣбъ предъ нимъ, а не вкладайте въ рукы ему, *атъ самъ пьстъ*. 83.

Узрѣ и Олегъ и рече: кто се есть? И рѣша ему: Свѣналдичь; и *заѣхавъ* уби и, *бѣ бо ловы дѣя* Олегъ. 31.

Предложенія съ союзомъ *бо* соотвѣтствуютъ *вводнымъ* позднѣйшаго синтаксиса, какъ напримѣръ:

Сѣде въ Новѣгородѣ, и посла ко Рогъволоду Полотьску, глаголя: хочю пояти дъчерь твою собѣ женѣ. Онъ же рече дъчери своей: хочеши ли за Володимера? она же рече: не хочю розути робичича, но Ярополка хочю. *Бѣ бо Рогъволодъ пришелъ*

изъ заморья, имяше власть свою въ Полотьскѣ..... И придоша отроци Володимерови, и повѣдаша ему всю рѣчь Рогънѣдину, дъчери Рогъволожѣ, князя Полотьскаго. 32.

Предложенія придаточныя причастныя выражаются и въ формѣ дательнаго самостоятельнаго — падежа весьма употребительнаго какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ сложнаго предложенія:

Что ради погубиста толико человѣкъ? *Онѣма же рекшема*, яко ти держать обилье, да аще истребивѣ сихъ, будеть гобино; аще ли хощеши, то передъ тобою вынемевѣ жито, ли рыбу, ли ино что. Янъ же рече: по истинѣ лжа то, и т. д. 75.

Повелѣ бити я и потергати брадѣ ею. *Сима же тепенома* и *брадѣ ею потерганѣ* проскѣпомъ, рече има Янъ: что вама бози молвять? *Онѣма же рекшема:* стати намъ предъ Святославомъ. И повелѣ Янъ вложити рубль въ уста има, и т. д. 76.

Основана бысть церквы Печерьская игуменомъ Ѳеодосьемъ и епископомъ Михаиломъ, *митрополиту Георгію тогда сущю въ Грьцѣхъ, Святославу Кыевѣ сѣдящю.* 78—79.

При связи посредствомъ мѣстоименія, въ придаточномъ предложеніи часто повторяется слово, къ которому относится мѣстоименіе:

Приходившю ему ко царю, яко же сказають, яко велику честь пріялъ *отъ царя, при которомъ приходивъ цари.* 4.

Заложи Ярославъ *городъ* великый, *у него же града* суть златая врата. 65.

Какъ повторяются отдѣльныя слова, такъ повторяются и цѣлыя фразы, съ легкими измѣненіями въ словахъ:

Иніи сѣдоша по Двинѣ и *нарекошася Полочане рѣчьки ради*, яже втечеть въ Двину, именемъ Полота, *отъ сея прозвашася Полочане.* 3.

И *положена* бысть въ Печерскомъ монастырѣ *у дверій, яже ко углу*, и *сдѣлаша надъ нею божонку, идѣже лежить* тѣло ея. 121.

Въ се же лѣто преставися Янъ..... *отъ него же* и азъ *многа словеса слышахъ, еже и вписахъ* въ лѣтописаньи семъ, *отъ него же слышахъ.* 120.

Умре Болеславъ великый въ Лясехъ, *и бысть мятежъ* въ земли Лядьскѣ: вставше людье избиша епископы, и попы, и бояры своя, *и бысть въ нихъ мятежъ*. 64.

Подобныя повторенія едва ли можно объяснять, отчасти по слѣдамъ Шлецера и Миклошича, единственно ошибками, невѣжествомъ и умничаньемъ переписчиковъ. Съ одной стороны, переписчики не до такой степени произвольно обращались съ текстомъ, чтобы совершенно исказить его; съ другой стороны, приведенныя особенности такъ постоянны, что съ большею справедливостью могутъ быть отнесены (хотя и не вполнѣ) къ древнему лѣтописцу, нежели къ тѣмъ людямъ, черезъ руки которыхъ проходилъ текстъ его до XIV в.

Повтореніе фразъ, выражающихъ одну и туже мысль, составляетъ отличительную черту языковъ, еще необработанныхъ грамматически. Это изобиліе слова служитъ признакомъ разговорнаго элемента, вліянія живой рѣчи, стремленіе которой сдерживается мало по малу въ письменномъ употребленіи языка. Замѣчаютъ, что человѣку, особенно же въ началѣ его умственнаго образованія, свойственно въ устной рѣчи прибавлять къ главной мысли множество мыслей дополнительныхъ; онъ не скупится на слова, и не стѣсняется повтореніемъ того, что уже сказано, будучи управляемъ въ этомъ случаѣ не столько строгими требованіями ума, сколько движеніемъ чувства. Въ богатствѣ мыслей дополнительныхъ филологи видятъ зародышъ грамматическихъ категорій, которыя съ теченіемъ времени достигаютъ блестящаго развитія во многихъ языкахъ[1]). Какъ бы то ни было, есть основаніе допустить, что для выраженій нашего лѣтописца, повидимому многословныхъ, скорѣе всего должно искать причины въ современномъ ему состояніи Русскаго письменнаго языка. По крайней мѣрѣ, ни чѣмъ инымъ не объясняется такъ естественно повтореніе однихъ и тѣхъ же фразъ

---

1) *Humboldt:* Sur la nature des formes grammaticales en général, etc. Paris. 1827. стр. 51—52. — *W. Humbolt's* Gesammelte Werke. Berlin. Siebenter Band. 1852. стр. 334.

писателемъ, который вообще не любитъ лишнихъ словъ, и передаетъ мысли самымъ точнымъ образомъ, уклоняясь отъ всего того, что не идетъ прямо къ дѣлу. Извѣстно, что синтаксисъ языка развивается вмѣстѣ съ развитіемъ народа. Фразы, въ началѣ не подчиняемыя другому закону, кромѣ движенія души въ ту минуту, когда пишутся строки, принимаютъ впослѣдствіи болѣе стройный видъ, располагаются по требованіямъ грамматики, округляются и образуютъ плавную рѣчь.

Въ отношеніи условій правильности, предлагаемыхъ теоріею, синтаксисъ у писателей послѣдующихъ обыкновенно бываетъ совершеннѣе, нежели у ихъ предшественниковъ. Но, вырабатываясь синтаксически, языкъ теряетъ первобытную свѣжесть и свой естественный колоритъ; выраженія, исполненныя жизни, хотя и не расположенныя симметрически, уступаютъ мѣсто менѣе яркимъ, иногда даже безцвѣтнымъ, искусственно связаннымъ въ одно цѣлое.

Для нагляднаго подтвержденія этой истины въ отношеніи къ языку нашей древней лѣтописи, слѣдуетъ разсказъ ея сравнить съ разсказомъ писателей послѣдующихъ. Изъ нихъ останавливаемся на авторахъ Степенной Книги и на Ломоносовѣ и Карамзинѣ. Въ «Степенной Книгѣ» представляются любопытные образцы старинной передачи лѣтописнаго разсказа, измѣненнаго сообразно съ тогдашними литературными требованіями. Ломоносовъ и Карамзинъ также пользовались Несторомъ, передавая слова его по своему, болѣе или менѣе близко къ подлиннику. Притомъ и Ломоносовъ и Карамзинъ признаются образцовыми для своего времени писателями по слогу. Первый пользовался Несторомъ въ своемъ опытѣ Русской исторіи, довед. до 1054 года, второй—въ «Исторіи Государства Россійскаго».

Несторъ [1]).

Рече имъ Ольга: «да глаголете, что ради придосте сѣмо»? Рѣша же Древляне: «посла ны Дерьвьска земля, рькуще сице:

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. I. стр. 24.

мужа твоего убихомъ, бяше бо мужъ твой аки волкъ восхищая и грабя, а наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю; да пойди за князь нашь за Малъ»; бѣ бо имя ему Малъ, князю Деревьску. Рече же имъ Ольга: «люба ми есть рѣчь ваша, уже мнѣ мужа своего не креситп; но хочю вы почтити наутрія предъ людьми своими, а нынѣ идѣте въ лодью свою, и лязите въ лодьи величающеся; азъ утро послю по вы, вы же рьцѣте: не ѣдемъ на конѣхъ, ни пѣши идемъ, но понесѣте ны въ лодьѣ; и възнесуть вы въ лодьи»; и отпусти я въ лодью. Ольга же повелѣ ископати яму волику и глубоку на дворѣ теремьстѣмъ внѣ града. И заутра Волга, сѣдящи въ теремѣ, посла по гости, и придоша къ нимъ глаголюще: «зоветь вы Ольга на честь велику». Они же рѣша: «не ѣдемъ на конихъ, ни на возѣхъ, ни пѣши идемъ — понесѣте ны въ лодьи». Рѣша же Кіяне: «намъ неволя; князь нашь убьенъ, а княгини наша хоче за вашь князь»; и понесоша я въ лодьи. Они же сѣдяху въ перегъбѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся; и принесоша я на дворъ къ Ользѣ; несъше вринуша я въ яму и съ лодьею. Приникъши Ольга и рече имъ: «добра ли вы честь?». Они же рѣша: «пущи ны Игоревы смерти». И повелѣ засыпати я живы; и посыпаша я.—

Степенная книга [1]).

Глаголя къ нимъ: «добре, яко пріидоста сѣмо, о мужіе! глаголите же, что ради пріидосте»? Они же рекоша: «пріидохомъ, о госпоже! Деревская земля посла насъ возвѣстити тебѣ, яко князь твой отягча насъ данію, а довола не имый, сего ради убіенъ бысть. Наши же князи добры суть, и ты пойди за нашего князя Мала», иже тако зовомъ бѣ. Ольга же глагола къ нимъ: «любовна ми суть словеса ваша, никтоже бо можетъ мертваго воскресити, тако ни азъ могу мужа своего возставити господствующаго вами, его же вы убисте; нынѣ же идите въ лодію вашу, и заутра, егда послю по васъ, и вы величающеся рцыте

1) Книга Степенная (изд. Миллеромъ). 1775. Часть I, стр. 10–11.

посланнымъ отъ меня по васъ: «мы пѣши не идемъ, и на конѣхъ не всядемъ; но понесите насъ на главахъ вашихъ вземше съ лодіею. Егда понесутъ вы, и тогда велію честь отъ мене пріимите предъ людьми моими». Они же, послушавше ея, идоша въ лодію свою; и заутра посла по нихъ. Древляне же гордящеся сѣдяху въ лодіи, и глаголаша, якоже Ольгою научены, веляху нести себе и съ лодіею на главахъ. Кіевстіи же людіе насмѣхающеся безумію ихъ, яко повинующеся, и глаголаху: «князя не имамы, а княгиню поемлете за вашего князя, и нѣсть нынѣ нашея воли»; и взяша ихъ съ лодіею на главы и принесоша ихъ на теремный дворъ, иже бѣ внѣ града Кіева. Ольга же зряше изъ терема. И вринуша ихъ живыхъ во уготованную имъ глубокую яму, глаголюще: «угодна ли есть вамъ честь сія?». Они же ввержени вопіяху: «о, горе намъ! аще и убихомъ Игоря, а блага не обрѣтохомъ, но паче горшая злая праведно по дѣломъ нашимъ постигоша насъ»; и живы засыпаны быша.

Ломоносовъ [1]).

Ласково отвѣчала представшимъ предъ нею съ дерзостною рѣчью, что они отъ Древлянской земли посланы ей сказать: «мужа твоего убили мы за отягченіе насъ безмѣрною данію, которою однако еще не довольствовался, какъ волкъ насъ расхищая. Наши князи добронравны; обогатили свое владѣніе земледѣльствомъ; и тебѣ прилично посягнуть за князя нашего Мала». «Люба мнѣ рѣчь ваша, сказала премудрая Ольга, уже не воскресить мнѣ своего супруга. Въ оказаніе моего благоизволенія къ вашему князю и къ вамъ, окажу вамъ честь и преимущество предъ людьми своими. Нынѣ возвратитесь въ судно ваше спокойно, а заутра умѣйте имъ показать свое преимущество». Въ слѣдующій день пришли посланные отъ Ольги на берегъ, къ Древлянскому судну, прося ихъ по княгинину повелѣнію въ городъ на изготовленную для нихъ почесть. Древляне величаясь отвѣтство-

1) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина. 1850. Т. III. стр. 164—166.

вали: «не хотимъ ни пѣши, ни на коняхъ итти съ вами; вы въ ладьѣ нашей на головахъ своихъ насъ понесите». Повинуясь раболѣпно, посланные съ такимъ страннымъ позорищемъ взошли на дворъ теремной. Ольга, смотря съ высоты его и смѣясь глупой гордости, величаніе ихъ въ горесть превратила. Въ уготовленную на дворѣ нарочную яму повелѣла съ ладьею Древлянъ вдругъ повергнуть, и приближаясь, спросила: «довольно ль пріятна имъ оказанная на сватовствѣ почесть?». Древляне съ раскаяніемъ и страхомъ въ ямѣ кричали, что Игорева смерть не принесла имъ пользы, и что за ихъ злодѣяніе преданы достойной казни. Оная совершена вскорѣ — засыпаніемъ ихъ живыхъ въ землѣ по Ольгину повелѣнію.

Несторъ [1]).

Въ си же времена Мьстиславу сущю Тмуторокани, поиде на Касогы. Слышавъ же се князь Касожьскый, Редедя, изиде противу тому, и ставшема обѣма полкома противу собѣ, и рече Редедя къ Мьстиславу: «что ради губивѣ дружину межи собою? но съидевѣ ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все». И рече Мьстиславъ: «тако буди». И рече Редедя ко Мьстиславу: «не оружьемъ ся бьевѣ, но борьбою». И ястася бороти крѣпко; и надолзѣ борющемася има, нача изнемагати Мьстиславъ: бѣ бо великъ и силенъ Редедя; и рече Мьстиславъ: «о пречистая Богородице! помози ми; аще бо удолѣю сему, сзижю церковь во имя Твое». И се рекъ, удари имъ о землю, и вынзе ножь, зарѣза Редедю. Шедъ въ землю его, взя все имѣнье его, жену его и дѣти его, и дань възложи на Касогы. И пришедъ Тмутороканю, заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тмуторокани.

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 63.

Степенная Книга [1]).

Бысть же нѣкогда, подвигшуся ему изъ Тмуторокани съ воинствомъ своимъ на Касоги, князь же Касожскій, именемъ Редедя, устремись противу ему такоже съ воинствомъ своимъ... и глагола къ Мстиславу: «почто намъ бранію пагубѣ предати многія люди? Оставимъ кождо насъ люди наша, и сами единъ со единемъ снидемся и боремся; и кто одолѣетъ, той обѣ державѣ со всѣмъ достояніемъ пріиметъ».... Мстиславъ не отречеся самъ единъ братися со иноплеменникомъ за вся люди своя... И начаша братися, и яко одолѣвати мняся Редедя, и тогда благоразумный Мстиславъ.. глаголя: «о пресвятая Госпоже Владычице! помози ми;... егда же поможеши ми, и тогда въ Тмуторакани воздвигну церковь во имя Твое—истинныя Божія Матере». И абіе услышана бысть молитва его, и низложи сопостата своего безбожнаго Редедю, и удари ямъ о землю, и ножемъ своимъ закла его.... и пріятъ всю область его и жену его, и чада его, все имѣніе его; и дань возложи на Касоги. И пріиде въ Тмутораканъ, чудесну побѣду нося помощію пресвятыя Богородица, еяже имени и церковь воздвиже, якожъ обѣщася.

Ломоносовъ [2]).

Около сихъ временъ Мстиславъ, господствуя въ Тмутараканѣ, ходилъ на Касоговъ. Редедя, князь ихъ, сталъ противу со своею силою, и выслалъ ко Мстиславу вызывать его на единоборство, съ условіемъ, что побѣдителю взять безъ большаго кровопролитія имѣніе, жену, дѣтей и землю побѣжденнаго; и чтобъ поединку быть безъ военнаго оружія, борьбою. Согласились въ томъ оба соперники, сошлись между обѣими войсками, и въ борьбѣ сцѣпились. Долгое время сомнительно казалось одолѣніе. Наконецъ Мстиславъ, чувствуя силъ своихъ ослабѣніе противъ Редеди, превосходяшаго возрастомъ и крѣпостію, въ потѣ и въ одышкѣ возопилъ отъ сердца: «подай мнѣ одолѣніе, Божія Мати—храмъ

---

1) Книга Степенная. Часть I, стр. 214—215.
2) Сочиненія Ломоносова, изд. 1850. Т. III, 238—239.

въ честь Тебѣ воздвигну». Съ тѣмъ словомъ ударилъ о землю противоборца, и ножъ вонзилъ въ горло. Потомъ вскорѣ съ побѣдою вступилъ въ его землю, наложилъ дань, и плѣненную жену побѣжденнаго съ дѣтьми привелъ въ Тмутараканъ съ собою. Обѣщанная за одолѣніе церьковь заложена и вскорѣ построена. —

Нельзя не согласиться, что слогъ и синтаксисъ у писателей послѣдующихъ обработаннѣе слога и синтаксиса у лѣтописца. У нихъ не повторяются одни и тѣ же слова и предложенія, какъ напр. «понесѣте ны *въ лодьѣ;* и вънесуть вы *въ лодьи*; и отпусти я *въ лодью*»; или «и помяну Олегъ конь свой, *иже бѣ поставилъ кормити*... и призва старѣйшину конюхомъ, ркя: кдѣ есть конь мой, *его же бѣхъ поставилъ кормити*»; два предложенія не заключаютъ въ себѣ совершенно одинаковой мысли, подобно слѣдующимъ: «*неправо молвять* волсви, но все то *лжа есть*» и т. п.; нѣтъ отрывочныхъ предложеній, однообразно соединяемыхъ между собою союзомъ *и*, — по крайней мѣрѣ подобное соединеніе предложеній встрѣчается гораздо рѣже, нежели въ лѣтописи, и т. п. Но за то въ позднѣйшихъ памятникахъ нѣтъ и живыхъ слѣдовъ разговорной рѣчи, удержанныхъ языкомъ лѣтописи. Въ послѣднемъ преобладаетъ разговорный элементъ, ослаблявшійся постепенно въ письменной словесности и наконецъ исчезнувшій подъ сильнымъ вліяніемъ книжнаго. Чтобы ясно представить взаимное отношеніе двухъ элементовъ, стоитъ только сравнить между собою выраженія, подобныя слѣдующимъ: «добра ли вамъ честь? *Пущи ны Игоревы смерти*», и «аще убихомъ Игоря, но паче горшая злая постигоша насъ»;—«*взя* все имѣнье его, жену его и дѣти его» и «*плѣненную жену побѣжденнаго* съ дѣтьми привелъ съ собою»; — «*внесоша и и положиша и на ковръ, и приде Ярополкъ*, надъ нимъ плакася» и «*на ковръ положенное тѣло увидѣвъ Ярополкъ* возрыдалъ горестно», и т. д.

12) Преобладаніе разговорнаго элемента, замѣчаемое въ составѣ и связи предложеній, въ слогѣ лѣтописи вообще, обнаруживается и въ способѣ размѣщенія предложеній и словъ. Вникая

въ лѣтописный порядокъ словъ и предложеній, чувствуешь естественность его образованія подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній. Какъ въ бѣгломъ разговорѣ слова слѣдуютъ одно за другимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ возникаютъ въ умѣ говорящаго, такъ и въ лѣтописи не видно постоянной системы словорасположенія, а слова передаютъ мысли въ той неуловимой вполнѣ послѣдовательности, въ которой движутся сами мысли, быстро смѣняясь одни другими. Въ нѣкоторыхъ предложеніяхъ составныя части не слиты въ одно цѣлое, какъ бы сохраняя свою первоначальную отдѣльность, происшедшую отъ того, что они вписывались по мѣрѣ появленія въ головѣ мыслей, въ нихъ выраженныхъ, какъ напримѣръ:

Постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ Русина, въ святѣй Софьи, собравъ епископы. 67.

Отъ Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ, отъ царицѣ Грькынѣ. 69.

И воевода нача Святополчь, ѣздя възлѣ берегъ, укаряти Новгородцѣ. 61.

Въ се же лѣто умре Брячиславъ... и Всеславъ, сынъ его, сѣде на столѣ его, его же роди мати отъ вълхвованья. 67.—

Сказуемое большею частью предшествуетъ подлежащему:

Нача изнемагати Мьстиславъ.—Бѣ бо великъ и силенъ Редедя. 63.—Преставися Вячеславъ Смолиньскѣ.—Иде Всеволодъ на Торкы.—Побѣди Изяславъ Голяди.—Преставися Игорь, сынъ Ярославль.—Придоша Половци первое на Русьскую землю воеватъ.—Бѣжа Ростиславъ Тмутороканю. — Иде Святославъ на Ростислава.—На 4-е бо лѣто пожже Всеславъ градъ. 70. —

Вмѣстѣ съ тѣмъ:

Судиславъ преставися, Ярославль братъ.—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ высадиша стрыя своего изъ поруба. 70. —

Дополненіе полагается и послѣ и прежде дополняемаго:

Ярославъ совокупи воя многы. 64.

Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица. 67.

Вятичи побѣди Святославъ и дань на нихъ възложи. 27.

Ярославъ Бѣлзъ взялъ. 64.

Бысть буря велика, и разби корабли Руси, и *княжь корабль разби вѣтръ*, и взя князя въ корабль Иванъ Творимиричь. 66.—

Иногда слова располагаются по требованію благозвучія, какъ и въ произведеніяхъ народной словесности. Такой порядокъ встрѣчается преимущественно въ словахъ, выражающихъ чувство, подобно отзывамъ и причитаньямъ:

Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицемъ, великыма очима; храборъ на рати, милостивъ, любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше. 65.

Ярополкъ же идяше по немъ, плачася съ дружиною своею: отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти пріимъ отъ людій и отъ братья своея? се же погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою. 86.

13) Слѣды живой народной рѣчи являются преимущественно въ разговорѣ лицъ, упоминаемыхъ въ лѣтописи. Форма *разговора* составляетъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей лѣтописнаго изложенія. Обыкновенно объясняютъ ее вліяніемъ библейскаго способа повѣствованія; по мнѣнію же нѣкоторыхъ ученыхъ, она произошла отъ двухъ причинъ: отъ влiянія Библіи и отъ драматической формы южныхъ Русскихъ пѣсень, которая могла отозваться и въ произведеніи лѣтописца, жившаго на югѣ Россіи [1]).— Библейское вліяніе на нашу древнюю словесность не подлежитъ сомнѣнію; Шлецеръ справедливо замѣтилъ, что источника разговорной формы въ лѣтописи надобно искать въ историческихъ книгахъ Ветхаго Завѣта, а не въ хроникахъ Византійскихъ [2]).— Употребляющаяся въ Библіи форма разговора представляетъ большое сходство съ изложеніемъ нашей лѣтописи. Въ книгѣ Бытія, напримѣръ, читаемъ (XXIX, 3—8): «Напаахѫ стада и паки полагаахѫ камень на оустіе кладѧзѧ на мѣстѣ своемъ. *Рече*

1) *Шевырева*: Исторія Русской словесности, преимущественно древней. Т. I, часть 2, стр. 94—95.

2) *Шлецера*: Несторъ. Часть I. Введеніе. стр. ка.

же имъ Іаковъ: братіе, откѫдоу есте вы? *Си же ръшѧ*: ѿ Хараана. *И рече*: знаете ли Лавана, сына Нахорова? *Ръшѧ ему*: знаемъ. *Рече же имъ*: здравъ ли есть? *Си же ръшѧ*: здравъ есть. И еще емоу глаголѭщоу, се Рахиль, дъщи его, грѧдѣше съ овцами отца своего. *И рече* Іаковъ: еще есть длъгъ день (дне много), не оу часъ събрати скота; напоивше овцѧ, шедше напасѣте ихъ. *Си же ръшѧ*: не можемъ, дондеже съберемсѧ (соберутсѧ) въси пастыріе ѿвалити камень ѿ оустіа кладенцꙋ, да напоимъ овцѧ» [1]), и мн. др. Въ лѣтописи: «*Рече има* Янъ: коему Богу вѣруета? *Она же рекоста:* антихристу. *Онъ же рече* има: то кдѣ есть? *Она же рекоста*: сѣдить въ безднѣ. *Рече има* Янъ: Богъ есть на небеси, сѣдя на престолѣ, славимъ отъ ангелъ», и т. д. (стр. 76); или «Въстужиша людье въ градѣ и *ръша*: не ли кого, иже бы моглъ на ону страну дойти... *И рече* единъ отрокъ: азъ преиду. *И ръша*: иди. Онъ же изиде изъ града» и пр. (стр. 28).

Но независимо отъ вліянія библейскихъ образцовъ, разговорная форма находится въ прямой связи съ синтаксическими особенностями Русскаго языка, современнаго лѣтописцу. Чѣмъ проще снитаксическая основа письменнаго языка, тѣмъ ближе онъ къ устной рѣчи, которую передаетъ безъ многихъ и рѣзкихъ измѣненій. Лѣтописцу же очень часто приходилось передавать живую рѣчь по самому содержанію его произведенія: онъ описывалъ сношенія людей между собою, которыя могли происходить не иначе, какъ только посредствомъ разговора.

Самое рѣшеніе на какое-либо дѣйствіе, обдумываніе его выражалось иногда въ формѣ разговора, какъ бы безъ вѣдома лѣтописца—единственно вслѣдствіе той неоспоримой истины, что мысль и слово связаны другъ съ другомъ неразрывно. Какъ народная поэзія однимъ и тѣмъ же словомъ выражаетъ понятія: *мыслить* и *говорить* (гадать, думать-гадать и т. п.), какъ на языкѣ лѣтописномъ *думать* значитъ *совѣщаться*, разговаривать,

---

1) Рукописи Румянцовскаго Музеума: № 27, л. 59; № 28, л. 20; № 29 л. 23—23 об.—Слова: *рече же имъ, си же ръшѧ (они же ръша)* соотвѣтствуютъ словамъ: εἶπε δὲ αυτοῖς, οἱ δε εἶπαν, и пр., часто повторяемымъ въ Греческомъ текстѣ.

такъ и внутреннее обсуживаніе какого-либо предмета, безмолвная бесѣда съ самимъ собою передается лѣтописцемъ въ видѣ дѣйствительной бесѣды; слова размышляющаго какъ бы обращаются къ слушателю, и въ началѣ ихъ употребляется замѣчательное «*рекъ въ себѣ*» или однозначащее съ нимъ «*помысли въ себѣ*»: «Видѣвъ же мало дружины своея, *рече въ себѣ*: «еда како прельстивше изъбьють дружину мою и мене»; бѣша бо многи погибли на полку; и *рече:* поиду въ Русь, приведу болѣ дружины. 30.— «Володимеръ же *нача размышляти*, *река*: аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ. И *размысливъ*, посла по Святополка Турову, а самъ иде Чернигову». 93.—Ср. «Святополкъ же оканьный *помысли въ собѣ*, *рекъ*: се убихъ Бориса; како бы убити Глѣба? И пріемъ *помыслъ* Каиновъ, съ лестью посла къ Глѣбу». 58.

Нѣкоторыя предложенія имѣютъ разговорную форму только потому, что не испытали синтаксическаго измѣненія, обычнаго въ языкѣ, обработанномъ литературою; иногда чьи-либо слова приводятся не отъ лица, сказавшаго ихъ, а отъ самого лѣтописца, и не смотря на то приводятся въ первомъ лицѣ и во второмъ, а не въ третьемъ, какъ бываетъ это впослѣдствіи въ придаточныхъ предложеніяхъ. Таково соединеніе слѣдующихъ предложеній:

Посласта ко Олгови и Давыдови, глаголюща: поидита на Половци; и послуша Давыдъ, а *Олегъ не всхотѣ* сего, вину река: *не сдравьлю*. 118.

Посла *Святополкъ и Володимеръ къ Ольгови*, глаголюща сице: се *ты не шелъ еси съ нама* на поганыя, иже погубили суть землю Русьскую; а се *у тобе* есть Итларевичь—любо убій, любо и дай *нама*: то есть ворогъ Русьстѣй земли. 97.

Посла *Мьстиславъ по Ярослава*, глаголя: *сяди* въ своемъ Кыевѣ, *ты еси* старѣйшей братъ, а *мнѣ* буди си сторона. 64.

Егда бо прокопахъ, послахъ къ игумену: *приди, да вынемемъ и*; игуменъ же приде съ двѣма братома. 90.

Придоша людье Ноугородьстіи, просяще князя собѣ: *ащене поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ*. 29.

Вынесоша Игоря, и «се есть сынъ Рюриковъ». 10.

Въ трехъ послѣднихъ примѣрахъ связь между предложеніями подразумѣвается; но грамматически она не выражена.—

Въ соотношеніи съ приведенными фактами находится то обстоятельство, что союзы, вырабатывающіеся въ языкѣ по мѣрѣ развитія синтаксиса, въ лѣтописи не оказываютъ еще постояннаго дѣйствія на предложенія, коимъ служатъ связью:

Въ си же времена мнози человѣци умираху различными недугы, якоже *глаголаху* продающе корсты, *яко продахомъ* корсты отъ Филипова дне до мясопуста 7 тысячь. 92.

И *повелѣ* осѣдлати конь, *да ть вижю* кости его. 16.

Подобное значеніе союзовъ свойственно древнему періоду многихъ языковъ, съ теченіемъ времени развившихъ, подобно Русскому, грамматическія формы до высокой степени разнообразія и богатства.—

Усовершенствованіе синтаксиса повело за собою и измѣненіе въ составѣ періодовъ; главныя предложенія во многихъ случаяхъ перешли въ придаточныя, чужія слова вмѣсто перваго и втораго лица стали передаваться въ третьемъ, разговорная форма вышла изъ употребленія. Слова лѣтописца въ позднѣйшей передачѣ приняли слѣдующій видъ:

Несторъ [1])

Рече же воевода ихъ, имянемъ Прѣтичь: «*подъступимъ* заутра въ лодьяхъ, *и попадше княгиню и княжичь умчимъ* на сю страну; аще ли сего не створимъ, погубити ны имать Святославъ». Яко бысть заутра, всѣдъше въ лодью противу свѣту и въструбиша вельми, и людье въ градѣ кликнуша; Печенѣзи же мнѣша князя пришедша, побѣгоша разно отъ града: и изиде Ольга со унуки и съ людьми къ лодьѣ. *Видѣвъ же се князь Печенѣжъскій*, възратися единъ къ воеводѣ Прѣтичю, *и рече*: «*кто се приде?*» И рече ему: «лодья оноя страны». И рече князь Печенѣжьскій:

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 28.

«а ты князь ли еси?» *Онъ же рече: «азъ есмь мужь его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ*, по мнѣ идеть полкъ со княземъ безъ числа множьство» — се же рече грозя имъ. *Рече же князь Печенѣжьскій къ Прѣтичю: «буди ми другъ». Онъ же рече: «тако створю»*. И подаста руку межю собою, и вьдасть Печенѣжьскій князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы: онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь. Отступиша Печенѣзи отъ града, и т. д.

Ломоносовъ [1]).

Притичь *воевода... велѣлъ* всѣми ладьями *приступить* къ Кіевскому берегу, *чтобы* хотя *избавить* изъ рукъ Печенѣжскихъ *Ольгу со внуками, увезти* на другую сторону. При наступленіи дня затрубили на ладьяхъ Россіяне, и дерзостно устремились къ приступу; люди въ городѣ подняли крикъ великой. Въ ужасъ пришли Печенѣги, представляя себѣ пришествіе самаго великаго князя. Отступаютъ отъ города въ разныя стороны; и Ольгѣ со младыми князьями свободной проходъ къ ладьямъ отворился. *Видя сіе князь Печенѣжскій, спросилъ о шумѣ*, и *услышалъ* отвѣтъ *отъ Притича, что онъ военачальникъ передоваго войска* Святославля, которой со всею военною силою за нимъ въ близости слѣдуетъ. Пришелъ въ страхъ *Печенѣгъ, заключилъ міръ съ Притичемъ*, давъ ему въ знакъ коня, саблю и стрѣлы; а отъ него взаимно принялъ латы, щитъ и саблю. И такъ совершеннымъ отступленіемъ Печенѣжскимъ Кіевъ избавился отъ тѣснаго облежанія.

Карамзинъ [2]).

Воевода рѣшился спасти хотя семейство княжеское — и Печенѣги, на разсвѣтѣ, увидѣли лодки Россійскія, плывущія къ ихъ берегу съ трубнымъ звукомъ, на который обрадованные жители отвѣчали громкими восклицаніями. Думая, что самъ грозный Святославъ идетъ на помощь къ осажденнымъ, непріятели

1) Сочиненія Ломоносова, изд. 1850. Т. III, глав. VII, стр. 175—176.
2) Исторія Государства Россійскаго, изд. 1851. Т. I, стр. 175—176.

разсѣялись въ ужасѣ, и великая княгиня Ольга могла, вмѣстѣ со внуками, безопасно встрѣтить своихъ избавителей за стѣнами города. Князь Печенѣжскій увидѣлъ ихъ малое число, но все еще не смѣлъ сразиться: требовалъ дружелюбнаго свиданія съ предводителемъ Россійскимъ, и *спросилъ у него, князь ли онъ?* Хитрый воевода *объявилъ себя начальникомъ передовой дружины* Святославовой, увѣряя, что сей герой съ многочисленнымъ войскомъ идетъ въ слѣдъ за нимъ. Обманутый *Печенѣгъ предложилъ миръ*: они подали руку одинъ другому и въ знакъ союза обмѣнялись оружіемъ. Князь далъ воеводѣ саблю, стрѣлы и коня: воевода князю щитъ, броню и мечь. Тогда Печенѣги немедленно удалились отъ города.—

И у позднѣйшихъ писателей приводятся иногда слова лицъ, принимавшихъ участіе въ событіи; но въ приведеніи замѣтенъ выборъ: удерживаются только нѣкоторыя выраженія, казавшіяся авторамъ по чему-либо замѣчательными, другія же передаются въ обыкновенный формѣ повѣствованія. Разсказъ о поединкѣ на мѣстѣ будущаго Переяславля состоитъ у лѣтописца изъ ряда разговоровъ, изъ коихъ позднѣйшими писателями оставлено весьма немного выраженій. Словамъ лѣтописи: «Володимеръ же приде въ товары, посла биричи по товаромъ, глаголя: «нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжиномъ?» и не обрѣтеся никдѣ же; и поча тужити Володимеръ» — соотвѣтствуютъ у Ломоносова: «Владимиръ, не вѣдая въ полкахъ своихъ чрезвычайнаго усилка, велѣлъ спрашивать чрезъ кличеевъ»;—у Карамзина: «Владиміръ велѣлъ бирючамъ въ станѣ своемъ кликнуть охотниковъ для поединка: не сыскалось ни одного, и князь Россійскій былъ въ горести». Слѣдующее обращеніе старика ко Владимиру: «княже! есть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома; отъ дѣтства бо его нѣсть кто имъ ударилъ; единою бо ми и сварящю, и оному мьнущю усніе, разгнѣвавъся на мя, преторже череви рукама» — передано Ломоносовымъ въ третьемъ лицѣ: «нѣкто ремесленный человѣкъ ременьщикъ, явившись, сказалъ, что есть у него сынъ, коего никто не одаливалъ

съ ребячества, и что онъ осердясь деретъ сырыя воловыя кожи»; у Карамзина же удержана лѣтописная форма: «я вышелъ въ поле съ четырьмя сынами, а меньшій остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ одолѣть его. Однажды, въ сердцѣ на меня, онъ разорвалъ на-двое толстую воловью кожу». Слова лѣтописца: «рече ему Володимеръ: можеши ся съ нимъ бороти» переданы Ломоносовымъ такъ: «можешь съ Печенѣжскимъ богатыремъ бороться, сказалъ Владимиръ», а Карамзинымъ вовсе опущены, и т. п. [1]).—

Въ отношеніи *внутренняго свойства разговоровъ*, приводимыхъ въ лѣтописи, отличительными признаками ихъ должны быть названы: простота, вѣрность духу времени и естественность, т. е. сообразность со свойствами лицъ и настроеніемъ ихъ при тѣхъ обстоятельствахъ, по поводу коихъ приводятся слова и разговоры. Въ способѣ сообщенія ихъ не видно ни малѣйшаго желанія придавать искусственную обдѣлку словамъ собесѣдниковъ, просто и прекрасно выражающимъ мысли, вполнѣ соотвѣтствующія быту тогдашняго времени.

Нельзя придумать разговора проще и наивнѣе, и по мысли, и по выраженію, того, который происходитъ между Олегомъ и Радимичами: «Посла Олегъ къ Радимичемъ, рька: кому дань даете? Они же рѣша: Козаромъ. И рече имъ Олегъ: не дайте Козаромъ, но мнѣ дайте. И вдаша Ольгови по шьлягу, якоже и Козаромъ даяху». 10.—Живою бесѣдою отзывается объясненіе Ольги съ послами Древлянскими: «Воззва е Ольга къ собѣ: добри гостье придоша; и рѣша Деревляне: придохомъ, княгине. И рече имъ Ольга: да глаголете, что ради придосте сѣмо? Рѣша же Древляне: посла ны Деревьска земля» и пр. 24.

Истинное чувство выражается въ словахъ князя, тронутаго видомъ мертваго брата: «вижь сего ты, еже еси хотѣлъ» (стр. 32), и въ восклицаніи пронзеннаго Ярополка:—«Ярополкъ, говоритъ

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, стр. 52—53.—Сочиненія Ломоносова, Т. III, стр. 224.—Исторія Карамзина. Т. I, стр. 224—225.

лѣтописецъ, прободенъ бысть отъ проклятаго Нерадьця: лежащу и ту на возѣ, саблею съ коня прободе и; тъгда въздвигнувъся Ярополкъ, выторгну изъ себе саблю и возпи великымъ гласомъ: охъ, то тъ мя враже улови (стр. 88).

Совѣщаніе князя Владимира съ дружиною Ратибора въ высшей степени естественно и сообразно съ духомъ времени: «начаша думати дружина Ратиборя со княземъ Володимеромъ о погубленьи Итларевы чади. Володимеру же не хотящю сего створити, отвѣща бо: «како се могу створити, ротѣ съ ними ходивъ?». Отвѣщавше же дружина, рекоша Володимеру: «княже! нѣту ти въ томъ грѣха: да они всегда къ тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую, и кровь хрестьянску проливають безперестани» (стр. 97).

Простую и вмѣстѣ трогательную рѣчь повелъ Изяславъ съ пришедшимъ къ нему братомъ. «Всеволодъ же приде къ брату своему Изяславу Кіеву, цѣловавшася и сѣдоста; Всеволодъ же исповѣда вся бывшая. И рече ему Изяславъ: брате, не тужи; видиши ли, колико ся мнѣ сключи? первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша; и пакы, кую вину вторую створилъ бѣхъ, не изгнанъ ли бѣхъ отъ ваю—брату своею; не блудилъ ли бѣхъ по чюжимъ землямъ, имѣнья лишенъ быхъ—не створихъ зла ничтоже. И нынѣ, брате, не туживѣ: аще будеть нама причастье въ Русскѣй земли, то обѣма, аще лишена будевѣ, то оба; азъ сложю главу свою за тя» (стр. 86). Невольно вѣришь задушевности этихъ словъ и дѣйствію ихъ, выраженному въ заключеніи лѣтописца: «и се рекъ, *утѣши* Всеволода, и повелѣ сбирати вои отъ мала до велика» и т. д.

По простотѣ и естественности изложенія ближе многихъ иностранныхъ лѣтописцевъ находится къ Нестору Григорій Турскій, если только чужой и мертвый языкъ можно сравнивать съ живою, народною рѣчью, если выраженія подобныя: simus

unianimes могутъ напомнить древнія Русскія: «имемся въ едино сердце» и подобныя. У Григорія Турскаго многія черты описываемаго времени сохранены во всей свѣжести и наивности; нѣтъ высокопарныхъ рѣчей, наполненныхъ сентенціями и ослабляющихъ впечатлѣніе отъ событія; преданія, живущія въ устахъ народа, излагаются большею частью безъ риторическихъ прикрасъ. Часто употребляется разговорная форма, какъ напримѣръ: «Гундобальдъ (Gundobaldus), не зная о коварствѣ брата, послалъ къ нему, говоря (misit ad eum dicens): прійди помочь мнѣ, ибо Франки двинулись противъ насъ, и вступили въ землю нашу, съ тѣмъ, чтобы взять ее; будемъ же единодушны, чтобы не испытать того, чему подверглись другіе народы. Пойду съ войскомъ, сказалъ тотъ, и помогу тебѣ» [1]), и мн. др. Связью для приводимыхъ словъ разговора служитъ обыкновенно «*ait*», подобно нашему «*и рече*»: Aregisilus *ait* Munderico: quousque hic resides tamquam unus ex insipientibus? Numquid poteris diu regi resistere! Ecce ablato tibi cibo, cum te fames oppresserit, ultro egredieris, et traderis in manus inimicorum, et morieris quasi unus ex canibus... Tunc ille, his mollitus sermonibus, *ait*: si egredior, comprehensus a rege interficior et ego, et filii mei, et omnes amici qui mecum sunt congregati. Cui Aregisilus *ait*: Noli timere, sed si vis egredi, accipe sacramentum de hac culpa, et sta securus coram rege, etc. [2]).

Въ лѣтописи Григорія Турскаго много текстовъ и длинныхъ выписокъ изъ Св. Писанія: сверхъ того, встрѣчаются мѣста изъ древнихъ писателей, приводятся слова Саллюстія, стихи Виргилія. Но къ міру древнему Французскій лѣтописецъ не питалъ сочувствія, считая, какъ самъ говоритъ, «презрительнымъ для христіанскаго писателя занятіемъ описаніе гнѣва Юноны или любовныхъ похожденій Юпитера». Слогъ Латинской рѣчи Григорія Турскаго грубъ и неизященъ, отличаясь тѣмъ невыгод-

---

1) *Bouquet*. Recueil des historiens, т. II, стр. 178.

2) Тамъ же. стр. 193.

нымъ для стилиста свойствомъ, которое называютъ *rusticitas*. Самъ авторъ признаетъ въ своемъ слогѣ это свойство, говоря въ заключеніи своей лѣтописи, замѣчательномъ и по слогу и по мысли, слѣдующее: Quos libros licet stilo rusticiori conscripserim, tamen conjuro omnes sacerdotes Domini, qui post me, humilem, ecclesiam Turonicam sunt recturi, per adventum Domini nostri Jesu-Christi, ac terribilem reis omnibus judicii diem, si numquam confusi de ipso judicio discedentes cum diabolo condemnandi estis, ut numquam libros hos abolere faciatis, aut rescribi, quasi quaedam legentes, et quasi quaedam praetermittentes; sed ita omnia vobiscum integra inlibataque permaneant, sicut a nobis relicta sunt. Quod si te, sacerdos Dei, quicumque es, Martianus noster septem disciplinis erudiit, id est, si te in grammaticis docuit legere, in dialecticis altercationum propositiones advertere, in rhetoricis genera metrorum agnoscere, in geometricis terrarum linearumque mensuras colligere, in astrologicis cursus siderum contemplari, in arithmeticis numerorum partes colligere, in harmoniis sonorum modulationes suavium accentuum carminibus concrepare: si in his omnibus ita fueris evercitatus, ut tibi stilus noster sit rusticus, nec sic quoque deprecor, ut avellas quod scripsi. Sed si tibi in his quiddam placuerit, salvo opere nostro te scribere versu non abnuo [1]).—

Несравненно изящнѣе латынь лѣтописца Германскаго, Ламберта; слогъ его служитъ даже, по мнѣнію ученыхъ, несомнѣннымъ доказательствомъ образованности и вкуса автора, основательно знакомаго съ древними Римскими писателями. Лѣтопись Ламберта изобилуетъ выраженіями и оборотами, взятыми у Саллюстія, Тита-Ливія, Тацита, Цицерона, Плинія, Варрона, Горація, Виргилія, Теренція, Лукреція. Знакомство съ классическою литературою соединяется въ Ламбертѣ съ начитанностью въ Св. Писаніи; онъ часто прибѣгаетъ къ выраженіямъ библейскимъ и мысли свои облекаетъ въ образы, заимствованные изъ

---

1) Тамъ же. стр. 389.

Ветхаго и Новаго Завѣта. Слова Исаіи или Іереміи стоятъ иногда рядомъ съ словами Виргилія или Горація; но перевѣсъ остается всегда на сторонѣ языка Св. Писанія: имъ выражается постоянно главная и задушевная мысль автора.

Соединеніе элемента библейскаго съ древне-Латинскимъ составляетъ одну изъ яркихъ особенностей слога Ламберта; въ строкахъ, которыя мы сейчасъ приведемъ, находятся заимствованія: съ одной стороны, изъ писаній Моисея, Давыда, евангелиста Матѳея, апостола Павла; съ другой—изъ одъ Горація и комедій Теренція; первыя напечатаны курсивомъ, вторыя—капителью. Ламбертъ говоритъ подъ 1071 годомъ: in coemptionem exigui honoris AUREOS MONTES cottidie PROMITTEBANT [1]) seculares que emptores largitionis suae immoderantia excludebant, nec venditor tantum audebat exposcere, quantum emptor paratus erat exsolvere. Mirabatur mundus, unde tantus pecuniarum scateret fluvius, unde Cresi et Tantali opes in privatos homines congestae fuissent, et eos potissimum homines, qui crucis scandalum et paupertatis titulum praeferrent et praeter simplicem victum et vestitum nihil rei familiaris habere se mentirentur. Ista *dominici agri zizania*, haec vineae Dei arida sarmenta et stipula *aeternis ignibus praeparata* [2]) totum sacri gregis corpus quasi tabo quodam infecerant, et secundum apostolum *modicum fermentum totam corruperat massam* [3]), ita ut omnes similes aestimaremur, *nec esse in nobis* putaretur, *qui faceret bonum, non esse usque ad unum* [4]). Propter hoc prin-

---

1) Terentii *Phormio*. Actus I, scena 2. *Geta* (servus Demiphontis):

> . . . . evenit senibus ambobus simul,
> iter illi in Lemnum ut esset, nostro in Ciliciam
> ad hospitem antiquom: is senem per epistolas
> pellexit, modo non montis auri pollicens.

2) Matth. XIII, 40: Sicut ergo colliguntur zizania, et igni exuruntur: ita erit in consummatione seculi hujus.

3) Pauli apost. ad Corinth. I, V, 6: non est bona gloriatio vestra. An nescitis paululo fermenti totam massam fermentari?

4) Psalmus XIV, 3: Unusquisque recessit, omnes simul putidi facti sunt; non est qui faciat bonum, non est vel unus.

cipes regni ad instituendam in Galliis divini servitii scolam Transalpinos monachos evocabant, nostrates autem, quicumque in illorum instituta ultro concedere noluissent, de monasteriis cum ignominia eiciebant. Ego tamen animadverti, nostras quam illorum consuetudines regulae sancti Benedicti melius congruere, si tam TENACES PROPOSITI [1]) tamque rigidi paternarum nostrarum traditionum aemulatores vellemus existere [2]).

Такимъ же слогомъ говорятъ и другія лица, выводимыя въ лѣтописи Ламберта, какого бы рода они ни были: въ рѣчахъ ихъ, а равно и въ способѣ выраженія мыслей и чувствъ самого лѣтописца, не представляется различія, подобнаго тому, какое замѣчаемъ въ нашей лѣтописи между разговорами, отзывами, размышленіями.

Но что сближаетъ ее нѣсколько съ лѣтописью Ламберта, это—господствующая въ послѣдней ровность изложенія. Ламбертъ не измѣняетъ плавнаго и спокойнаго теченія рѣчи ни восторженными восклицаніями и панегириками, ни жолчными выходками и укоризнами. Онъ не заботится о риторическомъ уборѣ фразъ; не пестритъ слога образами, взятыми изъ древней миѳологіи: при описаніи сраженій у него нѣтъ ни Марсовъ, и Беллонъ. Разсказъ его производитъ сильное впечатлѣніе именно тѣмъ, что передаетъ событія большею частью вѣрно (судя впрочемъ по одному *изложенію*, а не съ точки зрѣнія исторической критики), не давая имъ преувеличенныхъ размѣровъ. Въ исторіи войны Генриха съ Саксонцами встрѣчаются описанія, подобныя слѣдующему: Кончилась битва, и Генрихъ, немного спустя по захожденіи солнца, возвращался въ лагерь среди торжественныхъ восклицаній войска, радуясь побѣдѣ надъ безпокойнѣйшими

---

1) Horatii, lib. III, carm. 3:

> justum ac tenacem propositi virum
> non civium ardor prava jubentium,
> non vultus instantis tyranni
> mente quatit solida, etc.

2) Monumenta Germaniae historica. VII, Scriptorum V, стр. 189.

врагами. Воины хвалились другъ передъ другомъ, что того-то и того изъ первыхъ вельможъ Саксонскихъ поразили собственною рукою. Но когда пришли на сборное мѣсто, открылось, что у одного погибъ въ сраженьѣ отецъ, у другаго братъ, у иного родственникъ, и тогда радость превратилась въ печаль; плачъ и вопли раздались по всѣмъ лагерямъ. На слѣдующій день убитыхъ зарываютъ въ землю; кто изъ нихъ познатнѣе и побогаче, отправляютъ въ страну, откуда былъ родомъ; раненымъ даютъ помочь, а тѣхъ, коихъ раны сдѣлали неспособными къ битвѣ, отсылаютъ въ отечество, для излѣченія, и т. д. [1]). Этими словами изображена простая, вѣрная и вмѣстѣ печальная картина.

Ровность разсказа не нарушаетъ и встрѣчающаяся иногда у Ламберта иронія—образъ выраженія, несвойственный нашему лѣтописцу. У послѣдняго она проглядываетъ въ весьма немногихъ случаяхъ, и притомъ въ словахъ не самого автора, а другихъ лицъ. Такъ какъ на вопросъ Яна волхвамъ: «что вамъ бози молвять?» волхвы отвѣчали: «не быти нама живымъ отъ тобе», то Янъ сказалъ: *«то ти вама право повѣдали»*. Какъ бы съ намѣреніемъ повторяется и вопросъ Владимира Жидамъ объ ихъ отечествѣ. Гдѣ же земля ваша? спросилъ Владимиръ. Жиды отвѣчали: въ Іерусалимѣ. Онъ опять спросилъ: да тамъ ли она— *«то тамо ли есть?»*, и Жиды должны были сознаться, что Іерусалимъ уже не ихъ земля, ибо имъ владѣютъ христіане [2]).

У Ламберта иронія является не сама собою, а съ особенною цѣлью автора, въ его собственной рѣчи. О виновникѣ кровопролитія въ стѣнахъ церковныхъ Ламбертъ отзывается такъ: tum vero urgebat et ille *apostolicae sanctitatis* ac *Mosaicae mansuetudinis* episcopus, qui *tanti sanguinis effusione* manus suas Deo consecraverat et violatae ecclesiae injurias truculentius atque immitius quam rex suas persequebatur. Желая положить конецъ утомительной войнѣ съ Саксонцами, Генрихъ призывалъ къ содѣйствію всѣхъ вельможъ государства; на зовъ его, говоритъ

1) Тамъ же, стр. 228.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, стр. 76 и 36.

Ламбертъ, multi quidem episcoporum protinus ad eum convenerunt, sed hi *consiliis praebendis paratiores quam stipendiis faciendis* [1]). —

Противоположность, довольно рѣзкую по способу изложенія, сравнительно съ нашею лѣтописью представляетъ лѣтопись Козьмы Пражскаго. Слогъ Козьмы Пражскаго носитъ яркіе слѣды школьнаго образованія автора. Не простотою и естественностью, которыя идутъ такъ къ разсказу о древнѣйшихъ временахъ народа, а искусственнымъ краснорѣчіемъ отличается повѣствованіе Чешскаго лѣтописца. Искусственность обнаруживается всюду: въ изобиліи риторическихъ фигуръ, въ употребленія риѳмы и стихотворной формы, въ составѣ приводимыхъ рѣчей, въ заимствованіи образовъ изъ міра языческой древности. Чуждаясь простоты и однообразія, Козьма Пражскій избѣгаетъ словъ и оборотовъ, постоянное употребленіе коихъ состовляетъ одну изъ особенностей лѣтописнаго слога, у насъ, какъ и въ западно-Европейскихъ литературахъ. Вмѣсто обычнаго въ лѣтописяхъ западныхъ слова: *obiit*, соотвѣтствующаго нашему: *преставися*, Козьма Пражскій употребляетъ выраженія описательныя и переносныя: Prziemisl jam plenus dierum, postquam jura instituit legum, quem coluit vivus ut Deum, *raptus est ad Cereris generum*. Cui Nezamisl successit in regnum. Hunc ubi *mors rapuit*, Mnata principales obtinuit fasces. Quo *decedente ab hac vita*, Vogin suscepit rerum gubernacula. Hujus *post fatum* Vnislaw rexit ducatum. Cujus *vitam* dum *rumpunt Parcae*, Crezomisl locatur sedis in arce. Hoc *sublato e medio*, Neklan ducatus potitur solio. Hic ubi *vita decessit*, Hostivit throno successit.—Wenceslaus ab ineunte aetate hanc *fragilem vitam mutavit aeternitate*. — Izzo, quintus episcopus Pragensis ecclesiae, *transit ab hoc mundo* bravio fruiturque jocundo [2]).

Созвучіе окончаній постоянно встрѣчается въ хроникѣ

1) Monumenta Germaniae historica. VII, Scriptorum V, стр. 164 и 207.

2) Scriptores rerum Bohemicarum. I, 22—23, 63, 86.—Monumenta, ed. *Perz*. Tomus XI, Scriptorum IX, стр. 39, 55, 64.

Козьмы Пражскаго; почти вся она написана риѳмованною прозою. Нѣсколько примѣровъ мы уже привели; число ихъ можетъ быть увеличено подобными выраженіями: foemina *rimosa* virilia judicia mente tractat *dolosa*;—Tunc dux torsit caput a munere *nefando* et solvit ora talia *fando*.... ad hoc *flagicium* nec potest dignum excogitari *praejudicium*, nec par *supplicium*;—Cui prae caeteris *prosperitas operis*, *proceritas corporis* et formae *pulchritudo*, ac virium sapientiaeque *magnitudo*, in adversis *fortitudo*, in prosperis temperata inerat *mansuetudo*[1]),—и множествомъ другихъ. Созвучіе окончаній, какъ намѣренная прикраса слога, является въ нашей исторической прозѣ уже въ позднѣйшій ея періодъ, именно въ сказаніи Авраамія Палицына.

Въ такой же почти степени, какъ риѳма, нравился Козьмѣ Пражскому и стихотворный размѣръ. И мысли собственныя, и мысли чужія, и сцены патетическія, и вещи самыя обыкновенныя Козьма Пражскій передаетъ иногда въ стихотворной формѣ. О смерти Оттона III Козьма Пражскій говоритъ:

eodem anno
Caesar ab hoc mundo migravit tercius Otto,
vivat ut in coelis, ubi vivit quisque fidelis.

Любуша стихами предсказываетъ судьбу стольнаго города Богеміи:

urbem conspicio fama quae sidera tanget,
est locus in silva, villa qui distat ab ista
terdenis stadiis, quem Wlitava terminat undis.

Болеславъ, умирая, призываетъ къ себѣ сына, и передаетъ ему свою послѣднюю волю; не смотря на то, что едва уже владѣетъ языкомъ и переводитъ дыханіе, умирающій произноситъ длинную рѣчь, и заключаетъ ее стихами изъ Фарсаліи Лукана:

---

1) S. r. Bohemic., стр. 12, 33, 81.—Monumenta, стр. 35, 44, 62.

diviciae plebis sunt laus et gloria regis,
nec sibi, sed domino gravis est, quae servit, egestas[1]).

Стихами же описывается битва Нѣмцевъ съ Чехами; стихами извѣщается о смерти Гебгарда; стихами Матильда прогоняетъ мужа; даже разбойники, напавшіе на беззащитныхъ монаховъ, стихами требуютъ выдачи сокровища.

Лица, описываемыя въ хроникѣ Козьмы Пражскаго, обыкновенно говорятъ другъ другу рѣчи. И Любуша, и Болеславъ, и люди гораздо менѣе замѣчательные произносятъ рѣчи и слышатъ ихъ отъ другихъ; но между этими рѣчами нѣтъ яркаго различія, а оно должно бы существовать непремѣнно. Въ нихъ обнаруживается не личность говорящихъ, а личность самого лѣтописца, его образованность, далеко превосходящая степень развитія, на которой находилось общество, изображаемое въ хроникѣ.

Когда толпа, недовольная рѣшеньемъ Любуши, потребовала себѣ правителя, Любуша созываетъ народъ, и обращается «ad agrestes viros» съ рѣчью, которую могли бы уразумѣть только слушатели, вполнѣ знакомые съ гражданскими понятіями образованнаго быта. O plebs miseranda nimis, — говоритъ Любуша — quae libera vivere nescit, et quam nemo bonus nisi cum vita amittit, illam vos non inviti libertatem fugitis, et insuetae servituti colla sponte submittitis. Heu tarde frustra vos poenitebit, sicut poenituit ranas, cum hydrus, quem sibi fecerant regem, eas necare coepit. Aut si nescitis, quae sint jura ducis, tentabo vobis dicere paucis. Inprimis facile est ducem ponere, sed difficile est positum deponere, и т. д.[2]). Переданная Козьмою Пражскимъ рѣчь нисколько не напоминаетъ словъ Любуши, приводимыхъ въ древнѣйшемъ памятникѣ Чешской словесности — «Судѣ Любушиномъ». Тамъ говоритъ она:

---

1) S. r. Bohem. стр. 72, 20, 66.— Monumenta стр. 58, 38, 56.—M. A. Lucani, *Pharsalia*. liber III. vers. 151 et 152:

damna movent populos, si quos sua jura tuentur:
non sibi, sed domino gravis est, quae servit, egestas.

2) S. r. Bohemicarum, стр. 14—16.—Monumenta, стр. 36—37.

moji kmetie, lesi i vladyky,
se bratroma rozrěšite pravdu....
budeta im oba v jedno vlasti,
či sie rozdělita rovnu měru.
Moji kmetie, lesi i vladyky,
rozrěšite moje vypovědi,
budetě li u vas po rozumu;
ne budetě l' u vas po rozumu,
ustavite ima novy nalez,
ky by směril rozvadiena bratry [1]).

Козьма Пражскій часто прибѣгаетъ къ фигурамъ и сравненіямъ, заимствуемымъ изъ древней миѳологіи. Удовольствія, сопровождавшія свиданіе Любуши съ Премысломъ, описываются слѣдующимъ образомъ: inter se consertis dextris cum magna laetitia tecta subeunt, thoris discumbunt, *Cerere et Baccho* corpora reficiunt, cetera noctis spatia *Veneri et Himenaeo* indulgent, и т. д. [2]). *Чехъ*, окончивъ странствованіе, призываетъ своихъ спутниковъ совершить возліяніе *пенатамъ*. Князь Чешскій Владиславъ, въ рѣчи своей, возбуждаетъ духъ народа воспоминаніемъ прежней славы и картиною настоящихъ бѣдствій, при чемъ упоминаетъ и о Церерѣ, и о Ларахъ, и о Вулканѣ. Дѣйствія воиновъ,

---

1) Die ältesten Denkmäler der Böhmischen Sprache, von *Šafarik und Palacky*. Prag 1840. стр. 46—47.—Polyglotta Kraledvorského rukopisu, vyd. *V. Hanky*. v Praze. 1852. стр. 111—113. По-Русски эти слова переданы г. Бергомъ (тамъ же, стр. 206) такъ:

гой вы, Кметы, Лехи и Владыки!
разрѣшите братьевъ по закону....
Вмѣстѣ-ль станутъ безъ раздѣла править,
иль на части ровныя раскинутъ.
Гой вы, Кметы, Лехи и Владыки!
приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
коли вамъ по разуму придется;
а не то —законъ поставьте новый,
да разсудитъ разлученныхъ братьевъ.

2) Scriptores rerum Bohemicarum, стр. 19.—Monumenta, стр. 38.

современныхъ лѣтописцу, сравниваются съ нападеніемъ Геркулеса на Лернейскую гидру.

Замѣчательна смѣсь понятій христіанскихъ съ языческими въ заключеніи второй книги: Sicque inflicta ab hoste vulnera matri ecclesiae curata sunt antidoto justitiae, statum fidei catholicae regente papa tertio Clemente, Jesu Christo Domino nostro cum Patre et Spiritu Sancto regnante per omnia secula seculorum. Amen. Siste gradum, Musa, chronicis es jam satis usa. Carmine completo dic lector amice valeto[1]).

Оканчивая свой разсказъ, Козьма Пражскій также обращается къ музѣ, по обычаю писателей многихъ вѣковъ и народовъ. Въ обращеніи его сквозь риторическую оболочку проглядываетъ и неподдѣльное чувство. Восьмидесятилѣтній писатель слышитъ призывъ богини, вѣчно юной и вѣчно милой юношамъ; но бремя годовъ заставляетъ его не внимать сладкому голосу, на который должны откликнуться другіе — писатели новаго поколѣнія[2]).—

Вообще о хроникѣ Козьмы Пражскаго должно замѣтить, что она, показывая начитанность и талантъ автора, чужда той простоты въ изложеніи, которая составляетъ драгоцѣнную принадлежность лѣтописнаго повѣствованія. Простота всегда и вездѣ имѣетъ свои неоспоримыя права, и нельзя предпочесть ей самыя блестящія искусственныя украшенія. Но говоря объ искусственности въ изложеніи, мы не можемъ поставить ее безусловно въ укоръ автору. Напротивъ того, держась наиболѣе справедливой точки зрѣнія, то есть, судя о писателѣ по условіямъ его вѣка и современной ему образованности, мы должны признать въ Козьмѣ Пражскомъ не только замѣчательнаго лѣтописца, но до нѣкоторой степени и писателя-художника. Риторическая оправа его разсказу дана школьнымъ образованіемъ; талантъ же автора сообщилъ произведенію разнообразіе и занимательность.

---

1) Scriptores rerum Bohemicarum. I, 194.—Monumenta, стр. 101.
2) Script. rer. Bohem. I, 277—278. — Monumenta, стр. 130—131.

Мы имѣли въ виду литературный характеръ хроники. Историческое ея значеніе опредѣлено Чешскимъ историкомъ Палацкимъ, который, приписывая знаменитому лѣтописцу Богеміи вѣрный историческій тактъ и умѣнье пользоваться такими затруднительными источниками, каковы преимущественно народныя саги, называетъ Козьму Пражскаго писателемъ достопочтеннымъ, истымъ Геродотомъ своего отечества.

VI.

Заключеніе.

По обозрѣніи состава древней лѣтописи, укажемъ въ бѣгломъ очеркѣ тѣ черты, на основаніи коихъ мы старались опредѣлить особенности лѣтописи, какъ произведенія литературнаго.

Начало лѣтописной дѣятельности у насъ представляется явленіемъ самостоятельнымъ по мысли и по формѣ. Замѣтки о событіяхъ были слѣдствіемъ желанія записывать то, что казалось замѣчательнымъ для грамотныхъ предковъ нашихъ. Форма первоначальныхъ замѣтокъ должна была быть въ высшей степени простою, а трудно найти для того времени что-либо проще и удобнѣе въ этомъ отношеніи, какъ пасхальныя таблицы. Рядъ годовъ въ нихъ уже сведенъ въ одно цѣлое; стоило только вписать по нѣскольку словъ въ клѣтки таблицъ, и по нимъ легко было съ перваго взгляду припомнить замѣчательные случаи.

Возникнувъ самостоятельно, лѣтопись наша увеличивалась постепенно въ своемъ внѣшнемъ объемѣ и пріобрѣтала внутреннее значеніе и характеръ. Развитіе ея совершалось двумя путями: во-первыхъ, не одни только краткія замѣтки, а и повѣствованія довольно подробныя входили въ ея содержаніе; во-вторыхъ, дѣлаемы были заимствованія изъ постороннихъ сочиненій. Заимствованія были также двоякаго рода: одни изъ писаній соотечественниковъ лѣтописца; другія — изъ произведеній или со-

племенниковъ его, какъ напр. изъ житія Кирилла и Меѳодія, или писателей Греческихъ, какъ напр. изъ хроники Георгія Амартола.

Древнѣйшимъ составителемъ полной лѣтописи, дошедшей до насъ въ объемѣ цѣлаго произведенія, былъ, по общепринятому мнѣнію, преподобный Несторъ, монахъ Кіево-Печерской обители. Заслонивши своимъ превосходнымъ произведеніемъ труды своихъ предшественниковъ, онъ удержалъ усвоенную ими форму погоднаго записыванья событій. Его «повѣсть временныхъ лѣтъ» по формѣ своей есть въ такомъ же полномъ смыслѣ *лѣтопись*, какъ и древнія Новгородскія лѣтописи, и тѣ начатки лѣтописной дѣятельности, которыя замѣчаются задолго до него — еще въ X столѣтіи.

Главный предметъ лѣтописи Нестора есть Русская земля, и Несторъ вѣренъ своему предмету въ теченіе всего разсказа, почему и заслуживаетъ названія древнѣйшаго лѣтописца Русскаго народа, представителя лѣтописанія въ Россіи. Сообразно съ судьбою Русской земли, въ лѣтописи представляется двѣ стороны: свѣтлая — въ изображеніи минувшаго, и темная — въ описаніи печальной дѣйствительности, современной лѣтописцу. Разсказъ о древнѣйшихъ временахъ, прославленныхъ подвигами Олега, Ольги, Владимира, смѣняется повѣствованіемъ о вторженіяхъ Половецкихъ, о несчастіяхъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Но и среди этихъ несчастій жила утѣшительная мысль, дававшая силу для борьбы съ ними, при сознаніи ихъ необходимости, и питавшая надежду на избавленіе отъ ужасныхъ бѣдствій. Тяжелое впечатлѣніе, производимое ими, умѣрялось мыслію, что все совершается по волѣ Бога, что гнѣвъ Его падаетъ и на тѣхъ, кого Онъ любитъ, и падаетъ для того, чтобы удержать ихъ отъ неправаго пути и воззвать къ жизни новой, истинно-счастливой.

Убѣжденіе во всемогуществѣ, правосудіи и милосердіи Промысла и живое чувство преданности Ему выражаются постоянно въ лѣтописи. Слова лѣтописца: «вложилъ Богъ мысль добрую»

показываютъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на событія. Признавая высшую причину ихъ, онъ говоритъ и о поводѣ къ нимъ обыкновенномъ—о земныхъ разсчетахъ, цѣляхъ и замыслахъ, передаваемыхъ въ такомъ видѣ, который уже самъ по себѣ ручается за ихъ достовѣрность, будучи вполнѣ вѣренъ духу времени.

Лѣтописецъ былъ человѣкъ мыслящій: обстоятельства сомнительныя подвергалъ розсмотрѣнію, обсуживалъ ихъ, повѣрялъ различными данными; доказательства свои основывалъ большею частью на примѣрахъ, заимствуемыхъ изъ Библіи и писателей Византійскихъ.

Многія изъ объясняемыхъ происшествій были такъ близки душѣ автора, что рѣчь его становилась одушевленнѣе и выражала не только ясную мысль, но и теплое чувство. При всей силѣ и независимости своей оно не было въ разладѣ съ понятіями и убѣжденіями лѣтописца; мысль и чувство его были одинаково вѣрны истинѣ, усвоивъ за нимъ неотъемлемо два замѣчательныя свойства: здравомысліе и безпристрастіе.

Внутренняя сосредоточенность лѣтописца и отсутствіе порывовъ и вспышекъ отразились и въ тонѣ лѣтописнаго повѣствованія: оно отличается плавностію и ровностью рѣчи, и своимъ спокойнымъ теченіемъ приближается къ тону эпическихъ произведеній, духъ коихъ обыкновенно не исчезаетъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ исторіи народа, возникающихъ уже по созданіи народнаго эпоса.

Достоинства нашего лѣтописца обозначаются особенно рѣзко при сравненіи его съ представителями лѣтописанія въ западной Европѣ. Между тѣмъ и другими находится весьма много общаго. Содержаніе ихъ лѣтописей составляютъ преимущественно описанія битвъ, вторженій непріятельскихъ, внутреннихъ междоусобій. Главною причиною событій признается Европейскими лѣтописцами единодушно — промыслъ Божій, его невѣдомые и непреложные пути. Въ этомъ отношеніи на западныхъ хронистовъ не оказало никакого вліянія даже знакомство ихъ съ древ-

нимъ языческимъ міромъ, отъ коего заимствовали они много свѣдѣній, но не подчинились его идеямъ, которыя потеряли все свое значеніе въ сравненіи съ идеями высшими, христіанскими. Безусловное предпочтеніе христіанскихъ понятій всѣмъ другимъ, выраженнымъ древними писателями, обнаруживается у всѣхъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, хотя и не одинаковымъ образомъ. У Ламберта оно очевидно изъ того, что все, одобряемое имъ, находитъ, по его мнѣнію, подтвержденіе въ Библіи, и часто излагается словами Св. Писанія; заимствованія же изъ классическихъ писателей играютъ роль второстепенную, служа украшеніемъ слога — не болѣе. Григорій Турскій энергически высказываетъ мысль о превосходствѣ христіанскаго міра надъ языческимъ, мысль, которая, по замѣчанію ученыхъ, была въ высшей степени благотворна для развитія современнаго ему общества [1]).

Не только въ общихъ чертахъ содержанія и въ основной идеѣ, но и въ нѣкоторыхъ частностяхъ сходятся западно-Европейскіе хронисты съ лѣтописцемъ Русскимъ. Особенно любопытно согласіе ихъ въ такихъ вещахъ, въ коихъ выражается духъ времени, измѣнившійся впослѣдствіи подъ вліяніемъ многихъ причинъ, изъ коихъ самая важная заключается въ успѣхахъ просвѣщенія. Затмѣніямъ, разливамъ рѣкъ, неурожаямъ, случаямъ диковиннымъ и т. п. придавали таинственное значеніе и западные лѣтописцы, свидѣтели шумнаго движенія, совершавшагося въ центрѣ Европы, знакомые, по описаніямъ Тацита, Тита Ливія и другихъ историковъ, съ судьбами лицъ и народовъ, восходившихъ на высоту величія и падавшихъ съ нея

---

1) Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France... par Guizot, Paris. 1823. Histoire des Francs, par Grégoire de Tours. стр. XII. Приведя слѣдующія слова Григорія Турскаго о преданіяхъ міра языческаго: «Je méprise toutes ces choses qui tombent en ruines, et m'applique bien plutôt aux choses divines, aux miracles de l'Evangile»,—Гизо говоритъ: «le peuple partageait ce sentiment; c'était celui des meilleurs hommes de l'époque, de tous ceux qui conservaient quelque énergie morale, quelque goût vraiment actif pour le développement intellectuel».

вслѣдствіе причинъ историческихъ, независимо отъ какого-нибудь огненнаго столба или затмѣнія. Нашъ лѣтописецъ, признавая, что «знаменія бываютъ или на добро, или на зло», старается подкрѣпить свою мысль послѣдовательными доказательствами, чего не находимъ у другихъ лѣтописцевъ.

Нѣтъ у нихъ и той искренности чувства, которая слышится въ правдивомъ разсказѣ Нестора; стоитъ только сравнить любое свидѣтельство Нестора съ описаніемъ, напримѣръ, дѣйствій папы у Ламберта или съ другимъ какимъ-либо описаніемъ у западныхъ лѣтописцевъ, и обратить вниманіе не на то даже, *что* говорятъ эти хронисты, а на то, *какъ* они говорятъ, чтобы убѣдиться въ разумномъ и благородномъ безпристрастіи нашего лѣтописца.

Возвышаясь нѣкоторыми свойствами надъ своими Европейскими собратами, лѣтописецъ нашъ долженъ въ свою очередь уступить имъ въ иныхъ случаяхъ. Главнѣйшее преимущество западныхъ хронистовъ заключается, какъ полагаемъ, въ большей образованности ихъ—вслѣдствіе знакомства съ древнимъ міромъ. Хотя начитанность въ древней литературѣ не потрясла основныхъ убѣжденій Европейскихъ лѣтописцевъ, но она имѣла вліяніе на содержаніе ихъ произведеній, обогативъ его многими интересными подробностями. Описаніе жизни свѣтской съ ея пестрой обстановкой, съ ея запутанными интригами, могло явиться въ хроникахъ западныхъ отчасти подъ вліяніемъ древнихъ образцовъ, коему авторы подчинялись невольно, вовсе не желая подражать, а только привыкнувъ находить въ историческихъ повѣствованіяхъ много такого, чему подобнаго не встрѣчали въ священныхъ книгахъ. Какъ бы то ни было, нельзя отрицать, что направленіе внимательно читаемыхъ книгъ отражается въ большей или меньшей степени въ собственномъ сочиненіи читателя. Нашему лѣтописцу представлялись идеи доблести и нравственной чистоты преимущественно въ образахъ библейскихъ, въ образахъ невиннаго страдальца Авеля, добродѣтельныхъ Мардохея и Есѳири, цѣломудренной Сусанны, и т. д. Порокъ изображается

въ Библіи такимъ же сильнымъ словомъ, съ сохраненіемъ того же серіознаго тона: какъ преступное уклоненіе отъ истиннаго пути, порокъ возбуждаетъ праведный гнѣвъ, изливаемый въ величественномъ, обличительномъ словѣ. Для того, чтобы внести въ лѣтопись изображенія, по духу своему, совершенно противоположныя библійскимъ, описывать игру страстей съ ея послѣдствіями, часто комическими, лѣтописцу должно было бы отвергнуть преданіе, уклониться отъ условій своего быта и образованности, разорвать связь съ своими высокими образцами. Но воображенію западно-Европейскихъ писателей, легко могли представиться и картины другаго рода; западнымъ хронистамъ не безъизвѣстны были поступки Тиверія, и дѣйствія Катилины, и политическія интриги, съ такимъ искусствомъ переданныя Римскими историками, и наконецъ образы Деліи, Хлои, Цинтіи и т. д., воспѣтыхъ Гораціемъ, Проперціемъ и другими поэтами. Вліяніе, хотя и посредственное, древнихъ классическихъ образцовъ послужило одною изъ причинъ той занимательности, которою отличаются западныя хроники въ сравненіи съ нашею лѣтописью.

Впрочемъ и нашей лѣтописи нельзя отказать въ занимательности, способной овладѣть вниманіемъ читателя. Это зависитъ не столько отъ содержанія, какъ въ западныхъ хроникахъ, сколько отъ живой, народной рѣчи, въ которой оно излагается. Дѣйствіе слова въ этомъ случаѣ обаятельно: оно заставляетъ насъ отрѣшиться отъ своего времени и перенестись въ міръ давноминувшій, изображаемый въ лѣтописи. Читая и перечитывая разговоры князей между собою, съ дружиною или съ чужеземцами, невольно входишь въ интересы древняго Русскаго быта, привыкаешь находить и наслажденіе и занимательность въ простыхъ, но задушевныхъ словахъ предковъ нашихъ.

Знакомство съ древнимъ міромъ западные лѣтописцы пріобрѣли посредствомъ знанія Латинскаго языка. Это знаніе, много содѣйствуя ихъ образованности, сопряжено было и съ невыгодными послѣдствіями, изъ коихъ самое рѣшительное было — отчужденіе отъ родного языка. Въ лѣтописяхъ западныхъ из-

рѣдка и случайно попадаются два-три слова на непонятномъ народу языкѣ. Въ хроникѣ Козьмы Пражскаго одна фраза, кажущаяся народною, признавалась сперва двусмысленною: ее читали и *а напос аурас*, т. е. et usque ad noctem, eia igitur, и *ana noc aypac*, т. е. est enim nox, eia igitur,—а потомъ и вовсе не Чешскою, а Греческою: an ὄνος λύρας [1]). Въ нашей лѣтописи слова служатъ не только общимъ выраженіемъ мысли, а передаютъ ее со всѣми оттѣнками, во всей свѣжести, простотѣ и естественности, вполнѣ свойственными какъ самой мысли, такъ и быту того времени, къ которому относится разсказъ лѣтописца.

Народность языка составляетъ безспорно то драгоцѣнное свойство нашей лѣтописи, которое ставитъ ее неизмѣримо выше хроникъ писателей западныхъ, излагавшихъ преданія своей старины на языкѣ иностранномъ, съ коимъ ознакомились путемъ искусственнымъ и который совершенно чуждъ былъ изображаемой ими材 старинѣ. Языкъ западныхъ лѣтописцевъ ученые называютъ искаженіемъ Латинскаго языка, занимающимъ въ исторіи послѣдняго самое невыгодное мѣсто. Языкъ Русской лѣтописи, напротивъ того, признается сокровищницею древней Русской рѣчи, удержавшею въ себѣ множество мѣткихъ и прекрасныхъ выраженій, которыя должны быть воззваны къ жизни художественнымъ чувствомъ писателей. Онъ является не бѣднымъ остаткомъ, а роскошнымъ началомъ письменнаго употребленія Русскаго слова, и потому составляетъ существенную принадлежность исторіи Русскаго языка.

ПОСОБІЯ ПРИ ИЗУЧЕНІИ НЕСТОРОВОЙ ЛѢТОПИСИ.

I.

Несторовой лѣтописи посвящено нѣсколько изслѣдованій въ нашей ученой литературѣ. При разработкѣ лѣтописи изслѣдователи имѣли въ виду преимущественно ея историческое значеніе,

1) Script. rer. Bohemic. I, стр. 143, *l.*—Monumenta, стр. 81, примѣч. 15.

ограничиваясь немногими замѣчаніями о ея характерѣ литературномъ.

Критическій разборъ состава Несторовой лѣтописи, изданіе ея и переводъ представлены въ сочиненіи *Шлецера:* Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt. 4 Bände. Göttingen. 1802—1809. Трудъ Шлецера доведенъ до 980 года. На Русскій языкъ переведенъ *Языковымъ* подъ заглавіемъ: «Несторъ, Русскія лѣтописи на древне-Славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя А. Л. Шлецеромъ». 3 части. СПб. 1809—1819. Взглядъ и метода Шлецера разсмотрѣны въ сочиненіи *Попова*: «Шлецеръ. Разсужденіе о Русской исторіографіи», помѣщенномъ въ Московскомъ Сборникѣ на 1847 годъ, стр. 399—483.

Въ 1836 году вышло сочиненіе *В. Перевощикова:* «О Русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ по 1240 годъ», напечатанное снова, съ перемѣнами и добавленіями, въ «Трудахъ Россійской Академіи», 1841. ч. IV, стр. 77—130. Оно состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Въ первомъ обстоятельно описаны списки лѣтописей: Лаврентьевскій. Кенигсбергскій, Ипатьевскій и др. Въ третьемъ представлены извлеченія изъ лѣтописей. Во второмъ изложены заключенія автора, который желалъ, говоря его словами, «показать, кто были наши лѣтописатели по 1240 годъ, что именно они сочинили, и каковы ихъ творенія по содержанію, по *филологическимъ* и *естетическимъ* свойствамъ». Показанія автора объ ихъ свойствахъ весьма кратки и ограничиваются общими чертами, но большею частью вѣрными. О Несторѣ замѣчено, что онъ «дѣянія Россіянъ разсказываетъ токмо важнѣйшія, преимущественно военныя; гражданскія весьма рѣдко и кратко. Не смотря на сіе, при внимательномъ чтеніи его творенія, можно составить, если не полное, то ясное понятіе о степени просвѣщенія, образѣ правительства, обычаяхъ и нравахъ Славянъ и Варяговъ, о состояніи Россіи вообще подъ управленіемъ князей, о дѣяніяхъ и характерахъ сихъ послѣднихъ; можно провидѣть причины и слѣдствія происшествій. Несторъ

судитъ о поступкахъ людей всегда справедливо. Разговоры и рѣчи, которыя влагаетъ онъ въ уста дѣйствующихъ особъ, приличны имъ, обстоятельствамъ и духу времени. Многія картины его живописны. Что принадлежитъ до словоыраженія Несторова, то можно сказать о немъ вообще, что оно есть смѣсь церковнаго языка съ народнымъ; Несторъ писалъ какъ говорилъ и начитался въ книгахъ» и т. д. (XXXV, стр. 101—103). Перевощиковъ полагаетъ, что Несторъ кончилъ лѣтопись 1074 годомъ (XXXIII, стр. 99—100). По мнѣнію же другихъ трудъ Нестора оканчивается позднѣе: Татищевъ полагалъ, что 1093 годомъ; Карамзинъ, равно какъ и большая часть послѣдующихъ писателей,—1110[1]); Бутковъ—1113; Миллеръ—1115; Шлецеръ—1116.

Въ 1839 году г. *Погодинъ* издалъ историческое изслѣдованіе о Несторѣ. Оно помѣщено и въ «Изслѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ М. Погодина о Русской исторіи», 1846, т. I, стр. 3—229. Авторъ опредѣляетъ источники лѣтописи и видъ, въ коемъ она дошла до насъ, и доказываетъ ея достовѣрность.

---

1) 1110 годъ принимается на основаніи доказательствъ, подобныхъ слѣдующимъ, приведеннымъ въ статьѣ г. *Бѣляева*: О Несторовой лѣтописи, стр. 71—72:

1) Съ 1110 г. начинаются большія разногласія въ спискахъ: Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ, Ипатьевскомъ, въ чемъ никакъ нельзя, обвинять переписчиковъ, которыя до 1110 года не допускали же такихъ разногласій.

2) Повтореніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ и формъ изложенія, помѣщенныхъ прежде; напр. Ипатьевскій списокъ подъ 1111 годомъ повторяетъ со всѣми подробностями княжескій съѣздъ на Долобьскѣ, описанный у Нестора подъ 1103 годомъ; даже самая рѣчь Мономаха одна и та же, только въ Ипатьевскомъ спискѣ подновлена и распространена противъ помѣщенной у Нестора; или подъ 1113 г. описаніе знаменія, бывшаго въ 19 день марта, есть повтореніе такого же описанія у Нестора подъ 1064 годомъ.

3 Слогъ продолженія и точка зрѣнія на происшествія рѣшительно не походятъ на Несторовскіе; стоитъ только сравнить какой-либо Несторовъ панегирикъ съ любымъ панегирикомъ его продолжателей, чтобы убѣдиться въ невозможности приписать Нестору продолженіе лѣтописи послѣ 1110 года.

Въ сочиненіи г. *Буткова:* «Оборона лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта скептиковъ», СПб., 1840, рѣшаются вопросы: о степени образованности лѣтописца и его вѣка (стр. 1—29 и 157—176), о средствахъ Нестора къ собранію матеріаловъ для лѣтописи (стр. 195—208), о связи съ лѣтописью другихъ сочиненій Нестора (стр. 188—194) и др. Статья того же автора: «Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, лѣтописцѣ Русскомъ» напечатана въ Современникѣ, 1850, № 9, отд. III, стр. 1—52. Она имѣетъ въ виду опроверженіе мнѣній о Несторовой лѣтописи, высказанныхъ г. Казанскимъ. Замѣчанія г. *Казанскаго* и отвѣты его на возраженія см. Временникъ, 1849, кн. 1 и 3; 1850, кн. 10; 1852, кн. 13;—Отечественныя Записки, 1851, т. LXXIV, отд. VIII, стр. 80—99. Цѣль статей Казанскаго показать, что части лѣтописи, изданной Археографическою Комиссіею подъ названіемъ «древняго текста лѣтописи Нестора», не всѣ одинаково древни и не принадлежатъ одному и тому же автору.

Въ сочиненіи *Кубарева:* «Несторъ, первый писатель Россійской исторіи, церковной и гражданской» (помѣщенн. въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ. 1842. Томъ IV, книжка 4) доказывается, что «Несторъ есть сочинитель извѣстной намъ лѣтописи, и что ни внутреннее содержаніе оной, ни вліяніе постороннихъ отношеній не сильны отнять у него сей чести». Въ заключеніе авторъ говоритъ: «я оставлю читателя его собственному эстетическому чувству: я поведу его въ галлерею картинъ, по разнообразію и изяществу плѣнительныхъ для воображенія и чувства». Эти картины выбраны изъ княженія Ольги, Святослава и Владимира, и слѣдуютъ за отрывками изъ повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ и жизнеописанія св. Θеодосія, какъ доказательство, что всѣ три произведенія принадлежатъ Нестору.—Въ связи съ изслѣдованіемъ о Несторѣ находится сочиненіе *того же автора:* «О патерикѣ Печерскомъ», помѣщенн. въ Чтеніяхъ Моск. Историческаго Общества. 1846—47 г. № 9. Отдѣлъ изслѣдованій, стр. 1—22.

Въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета» 1843 г.

(книжка II и III) помѣщены двѣ статьи г. *Иванова* о Русскихъ лѣтописяхъ. Первая подъ названіемъ: «Краткій обзоръ Русскихъ временниковъ, находящихся въ библіотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ» (стр. 3—57) заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о пятидесяти двухъ спискахъ, поступившихъ въ Археографическую Комиссію, и о нѣсколькихъ лѣтописныхъ сборникахъ въ библіотекахъ Московскихъ: Синодальной, Типографской, бывшей Погодина, бывшей Царскаго и Общества исторіи и древностей.— Во второй обширной статьѣ подъ заглавіемъ: «Общее понятіе о хронографахъ и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ, хранящихся въ библіотекахъ С.-Петербургскихъ и Московскихъ» (стр. 58—396) говорится въ началѣ о спискахъ хронографовъ (стр. 62—77); большую же часть статьи составляетъ подробное изложеніе мнѣній о началѣ и древности Русской лѣтописи, о Византійскомъ вліяніи на нее, и изслѣдованій о Несторовой лѣтописи. Разсмотрѣны мнѣнія, труды и заслуги ученыхъ, занимавшихся лѣтописями: Байера, Татищева, Миллера, Шлецера, Карамзина, Эверса, П. Строева, барона Розенкампфа, взгляды послѣдователей скептической школы и, наконецъ, сочиненія Погодина и Буткова, изслѣдованія коихъ о Несторовой лѣтописи разсматриваются съ особенною подробностью. Указаны и труды другихъ изслѣдователей нашей старины.

Изслѣдованіе г. *Бѣляева:* «О Несторовой лѣтописи» (напечатанное въ 1847 году) представляетъ послѣдовательное обозрѣніе Несторовой лѣтописи, сопровождаемое указаніемъ ея источниковъ и историческими объясненіями, въ коихъ обращено особенное вниманіе на взаимныя отношенія князей, открывающіяся изъ лѣтописи. Авторъ опредѣляетъ и литературное достоинство лѣтописи. Какъ образецъ взгляда, господствующаго въ изслѣдованіи, можно привести слѣдующую характеристику Нестора: «Несторъ поступилъ съ большою отчетливостью въ описаніи Изяславова княженія, столь важнаго по своимъ послѣдствіямъ и произведшаго большой переворотъ въ политическомъ устройствѣ древней Руси; онъ не только добросовѣстно передалъ

политическую исторію того времени, но удачно познакомилъ насъ и съ другими сторонами народной жизни. Его описаніе Кіево-печерскаго монастыря и тамошнихъ иноковъ, прославившихся подвигами благочестія, заслуживаетъ полное изученіе и превосходно очеркиваетъ религіозную сторону народной жизни; а разсказы о волхвахъ и кудесникахъ, являвшихся въ Новгородѣ, Ростовѣ, Кіевѣ и Бѣлѣ-озерѣ, и производившихъ большія движенія въ народѣ, указываютъ намъ на нравственную и умственную сторону народнаго духа. Изъ всѣхъ этихъ описаній, съ перваго взгляда кажущихся приставными и лишними, вытекаетъ полная и стройная исторія Руси XI вѣка; здѣсь мы видимъ, какъ возможность многихъ политическихъ событій утверждается на нравственныхъ явленіяхъ, и какъ, наоборотъ, сіи послѣднія получаютъ свою достовѣрность отъ первыхъ. Здѣсь заслуга и умъ Нестора—неоцѣнимы; онъ во всѣхъ фазахъ жизни умѣлъ подмѣтить движеніе и борьбу стараго съ новымъ и новаго со старымъ, борьбу элемента Скандинавскаго съ Славянскимъ и христіанства съ язычествомъ, и передалъ эту борьбу съ изумительною точностію. Несторово описаніе Изяславова княженія заслуживаетъ глубокое изученіе; этотъ періодъ времени есть одинъ изъ важнѣйшихъ во всей Русской исторіи: до Изяслава, можно сказать, наша лѣтописная Русь, т.-е. смѣсь пришельцевъ съ туземцами, только знакомилась сама съ собою, и каждая сторона только еще пытала свои силы, но при Изяславѣ это знакомство разрѣшилось борьбою разностороннихъ идей, которая надолго установила ходъ событій въ нашей исторіи. Несторъ вполнѣ понялъ важность этого времени, и посему не удовольствовался одною исторіею Кіева, какъ дѣлалъ прежде; но, по возможности, распространилъ свой взглядъ на всю Русь и преимущественно сосредоточилъ свое вниманіе на обще-Русскихъ событіяхъ. Говоря о Несторѣ, какъ о вѣрномъ и глубокомысленномъ историкѣ, нельзя пропустить безъ вниманія и художническую сторону его лѣтописи. Посмотрите, какъ у него величественно и характерно описаніе похоронъ Изяслава (подъ 1078 г.—I, 86);

сколько правды, сколько современности и художническаго достоинства въ этомъ, повидимому, безыскусственномъ разсказѣ», и т. д. (стр. 55—56).—Статья Бѣляева помѣщена въ Чтеніяхъ Московск. Историч. Общества, 1847, № 5, въ отдѣлѣ «Изслѣдованій».—

Сверхъ специальныхъ изслѣдованій о Несторѣ, должны быть названы и труды ученыхъ, касающіеся лѣтописи какъ части излагаемаго ими обширнаго цѣлаго. Сюда принадлежатъ: «Исторія Государства Россійскаго» *Карамзина*;—«Исторія Русскаго народа» *Полевого*; — «Повѣствованіе о Россіи» *Арцыбашева*.

Въ исторіи *Карамзина,* въ первомъ томѣ и въ шести начальныхъ главахъ второго—съ многочисленными примѣчаніями, находится много указаній весьма важныхъ по отношенію къ Несторовой лѣтописи.

Въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» проф. *Соловьева* обозрѣвается составъ нашихъ лѣтописей и указываются «религіозныя, нравственныя, политическія и научныя понятія» древняго лѣтописца и его продолжателей. См. Т. III, 1852, стр. 114—149.

Въ «Исторіи Русской Словесности, преимущественно древней», профессора *Шевырева* (Томъ I, часть 2. 1846, стр. 65—128) вся седьмая лекція посвящена Нестору. Въ ней говорится объ источникахъ лѣтописи, о формѣ ея изложенія и языкѣ, объ отношеніи къ западнымъ хроникамъ, и т. п. «Языкъ Нестора—говоритъ авторъ—въ грамматическихъ формахъ носитъ слѣды самаго сильнаго вліянія грамоты Словено-Болгарской, т.-е. нашей древней церковной.... Но несмотря на то, въ языкѣ Нестора пробивается сильно живая устная рѣчь. Полногласіе Русскихъ словъ, повтореніе предлоговъ, будущее время вмѣсто настоящаго и другіе обороты указываютъ на народную стихію». Отличіе Нестора отъ западныхъ лѣтописцевъ представлено такъ: «Въ Несторѣ, какъ и во всѣхъ древнихъ лѣтописцахъ нашихъ, замѣчается отсутствіе личности, которая, напротивъ, такъ гос-

подствуетъ въ западныхъ лѣтописателяхъ. Въ Виль-Гардуэнѣ виденъ смѣлый предводитель ватаги Французскихъ смѣльчаковъ, занятый только водвореніемъ въ Константинополѣ и презирающій все Византійское; въ Джіованни Виллани—обанкрутившійся купецъ, который богомольнымъ странникомъ явился въ Римъ, влюбился въ великолѣпіе его древнихъ памятниковъ, и гордое славолюбіе языческаго Рима перенесъ на преданія своего отечества; въ Фруасарѣ—трубадуръ, искатель приключеній и любезникъ, который бродитъ по феодальнымъ замкамъ, угождаетъ дамамъ и рыцарямъ, собираетъ и записываетъ ихъ разсказы. Отсюда, изъ этой личности проистекаетъ заманчивость хроникъ Запада; всегда личныя страсти оживляютъ ихъ повѣствованіе... Нашъ лѣтописецъ Несторъ и его послѣдователи не имѣютъ этой выгоды западныхъ лѣтописцевъ. Въ немъ видимъ мы лицо безстрастное, человѣка, не увлекаемаго никакимъ пристрастіемъ. Но эта личность уступаетъ мѣсто другой великой личности и становится за нее: личности самаго народа Русскаго. Да, нашъ Несторъ—это сама народная совѣсть, принявшая образъ лѣтописца; это—народныя уста, которыми высказалась первоначальная жизнь нашего отечества» (стр. 95—97).—

Въ сочиненіяхъ, разсматривающихъ другіе предметы, а не лѣтописи собственно, встрѣчаются иногда весьма цѣнныя замѣчанія, поясняющія нѣкоторыя части лѣтописи. Указанія на подобныя сочиненія находятся на страницахъ предлагаемаго изслѣдованія.

II.

Языкъ Несторовой лѣтописи разсмотрѣнъ *Миклошичемъ* въ трудѣ его: Uber die Sprache der ältesten Russischen Chronisten, vorzüglich Nestor's. Wien. 1855 (Aus dem Novemberhefte des Jahrganges 1854 der Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften besonders abgedruckt). Авторъ разсматриваетъ фонетику и формы склоненія и спряженія—lautlehre (стр. 5—36) и formenlehre

(стр. 37—41); синтаксиса же не касается. Цѣль труда—возстановить древній текстъ въ его надлежащемъ филологическомъ видѣ. При этомъ авторъ, какъ самъ говоритъ, руководствовался слѣдующими основаніями.

1) Несторъ держался опредѣленныхъ правилъ въ употребленіи языка, хотя во многихъ случаяхъ и безсознательно. Непослѣдовательность, съ которою на одной и той же страницѣ одно и то же слово писалось различнымъ образомъ, должна быть отнесена не къ Нестору, а къ невѣжественнымъ переписчикамъ.

2) Взглядъ самого Нестора на языкъ, коимъ онъ писалъ, выраженъ имъ въ словахъ: «Словѣнескъ языкъ и Рускый—одинъ». Поэтому при филологическомъ возстановленіи древняго текста необходимо положить въ основу языкъ церковно-Славянскій; но такимъ образомъ, чтобы

3) Уклоненія отъ церковно-Славянскаго, встрѣчающіяся въ спискахъ Несторовой лѣтописи и современныхъ имъ памятникахъ, писанныхъ въ Россіи, были непремѣнно удержаны въ возстановленномъ текстѣ.

Сообразно съ принятыми основаніями допущены уклоненія отъ древняго списка въ родѣ слѣдующихъ:

Лаврентьевскій списокъ, л. 1 об.	*Miklosich: Ueber die Sprache Nestor's, стр. 41.*
Се повѣсти времѧньныхъ лѣтъ, ѿ куду есть пошла Рускаꙗ земѧ, кто въ Киевѣ нача первѣе кнѧжити, и ѿ куду Рускаꙗ землѧ стала есть. Се начнемъ повѣсть сию, и. т. д.	Се повѣсть врѣменьныхъ лѣтъ, отъ коудоу ѥсть пошьла Роусьскаꙗ земліа, къто въ Кыѥвѣ нача первоѥ кнꙗжити, и отъ коудоу Роусьскаꙗ земліа стала ѥсть. Се начьнѣмъ повѣсть сию.

Подобныя измѣненія становятся тѣмъ справедливѣе, чѣмъ болѣе древнихъ памятниковъ принято въ соображеніе. Миклошичъ же пользовался только слѣдующими: Лаврентьевскимъ спискомъ по изданію Археографической Комиссіи, не предназначенному для филологическихъ изслѣдованій; лѣтописцемъ Переяс-

славля-Суздальскаго, изданнымъ кн. Оболенскимъ; кодексомъ Ганкенштейна, какъ называется онъ по имени прежняго владѣльца. Кодексъ заключаетъ въ себѣ: чтенія изъ Евангелія и Апостола, воскресные каноны и другія пѣсни Октоиха, и синаксарь; писанъ, какъ полагаютъ, въ Россіи въ XII—XIII в. (см. «Грамматика языка Славянскаго по древнему нарѣчію, соч. *Добровскаго*». 1833. Часть I, стр. XXIX—XXXI Русск. перев.). Миклошичъ не отдѣляетъ оригинальной части лѣтописи отъ заимствованной, и требованія Русско-Славянской грамматики, извлекаемыя имъ изъ языка Нестора, примѣняетъ и къ выпискамъ изъ хроники Амартола, переведенной не въ Россіи и не Русскими.—Достоинство труда Миклошича состоитъ въ собраніи и систематическомъ расположеніи данныхъ для грамматики лѣтописнаго языка.—

Словарь къ лѣтописи Несторовой былъ приготовляемъ покойнымъ *Карелкинымъ*, авторомъ весьма замѣчательной статьи о Востоковѣ, помѣщенной въ 1-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» 1855 г. Изданіе этого словаря, по окончательной его обработкѣ, приняло на себя 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ (см. Извѣстія, Т. IV, выпускъ 5, стр. 252—253).

О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи[1]).

Лѣтописи были первыми письменными памятниками, въ которыхъ заговорила русская жизнь. Лѣтописи весьма рано являются, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, первоначально въ видѣ краткихъ замѣтокъ, впослѣдствіи въ видѣ пространной повѣсти временныхъ лѣтъ. Древнѣйшая лѣтописная повѣсть составлена въ Южной Руси. Составъ древней лѣтописи разнообразенъ, и, чтобы объяснить соединеніе различныхъ частей въ одно цѣлое, необходимо разсмотрѣть самыя части, изъ которыхъ составлена лѣтопись, и указать связь ихъ съ другими произведеніями словесности. Внимательное разсмотрѣніе откроетъ степень вліянія трехъ элементовъ лѣтописи, какъ и вообще древней русской словесности, — библейскаго, византійскаго и народнаго.

Библейское вліяніе на нашу древнюю лѣтопись не подлежитъ сомнѣнію; оно выразилось и въ цѣломъ и въ частностяхъ. Общее настроеніе лѣтописца, его взглядъ на событія, тонъ повѣствованія и даже отдѣльныя выраженія напоминаютъ библію. Независимо отъ книгъ собственно библейскихъ, изъ лѣтописи видно, что предкамъ нашимъ знакомы были сочиненія апокрифическія. Многія изъ этихъ сочиненій не лишены своего рода поэзіи; явленіямъ, установленнымъ природою, и потому неизбѣжнымъ, дается въ апокрифахъ объясненіе, не чуждое поэтическаго коло-

1) *Основа* 1861 года, № 6.

рита. Апокрифическое сказаніе о смерти Авеля изображаетъ впечатлѣніе, произведенное первою смертью на землѣ, на которой не имѣли еще понятія о гибели и разрушеніи: Адамъ и Ева были поражены новымъ для нихъ зрѣлищемъ трупа и не знали, что̀ дѣлать съ нимъ, пока не прилетѣли птицы и не научили, какъ хоронить мертвыхъ. Въ лѣтописи говорится, что Адамъ и Ева плакали надъ убитымъ Авелемъ тридцать лѣтъ, и не сгнило тѣло его, и не умѣли похоронить его; и повелѣніемъ Божіимъ прилетѣло два птенца,—одинъ изъ нихъ умеръ, другой выкопалъ яму, положилъ въ нее умершаго и похоронилъ его; увидѣвши это, Адамъ и Ева выкопали яму, вложили въ нее Авеля и погребли его съ плачемъ. По естественному порядку вещей, старшіе прежде младшихъ сходятъ въ могилу; измѣненіе этого порядка легенда приписываетъ событію, привлекшему небесную кару на виновнаго: отецъ Авраама, продолжаетъ лѣтописецъ, поклонялся кумирамъ; Авраамъ, «пришедъ въ умъ», сказалъ отцу: ты обманываешь людей, дѣлая кумиры изъ дерева, истинный же Богъ тотъ, который сотворилъ небо и землю. Взявши огонь, Авраамъ зажегъ храмину, гдѣ стояли идолы, а братъ его, ревностный идолопоклонникъ, хотѣлъ «вымчать» идоловъ и сгорѣлъ вмѣстѣ съ ними; такимъ образомъ, онъ умеръ прежде своего отца, и съ тѣхъ-то поръ начали дѣти умирать прежде родителей, а до смерти брата Авраамова сыновья умирали послѣ отцовъ своихъ [1]).

Поэтическій элементъ въ древней лѣтописи является въ ней, съ одной стороны, подъ вліяніемъ апокрифовъ и легендарной литературы Византіи, съ другой — подъ вліяніемъ русской жизни—вѣрованій и преданій, жившихъ въ русскомъ народѣ во времена древнихъ лѣтописцевъ. Хроники византійскія, безспорно, имѣли вліяніе на нашу лѣтопись: оно обнаружилось преимущественно въ фактической части лѣтописи, то-есть многія извѣстія и разсказы заимствованы нашими лѣтописцами изъ сочиненій

---

1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, стр. 38 и 39.

византійскихъ писателей. Любопытно, что византійскія легенды, не ограничиваясь письменною словесностію, проникали даже въ народъ. Такъ, въ хроникѣ Амартола и другихъ, при повѣствованіи о подвигахъ Александра Македонскаго, разсказывается о счастливой жизни *Врахмановъ*, которые «не знаютъ ни желѣза, ни золота, ни серебра, ни огня, ни четвероножины, питаются овощами и сладкою водою». Женщины живутъ у нихъ на одной сторонѣ рѣки, текущей въ океанъ, а мужчины — на другой. Въ рѣкѣ обитаетъ страшный звѣрь, пожирающій вдругъ по цѣлому киту, и дѣлаетъ ее неприступною. Только на сорокъ дней удаляется звѣрь изъ рѣки и удаляется для того, чтобы мужья могли перейти къ своимъ женамъ. Страна Врахмановъ не многолюдна, но жители ея наслаждаются совершеннымъ счастіемъ, пребывая въ постоянной молитвѣ. Галичане до сихъ поръ говорятъ: «постимо якъ Рахмане», «на Юра-Ивана, на рахманській великдень», и въ Галиціи есть преданіе, что «далеко отсюда, за черными морями, живутъ люди Рахмане. Они счастливѣйшіе между людьми; сильно постятся, только разъ въ году ѣдятъ мясо, на «великдень», а праздникъ «великдень Рахманській» приходится тогда, когда скорлупа благословеннаго яйца отъ насъ до нихъ переплыветъ по морю. *Рахмане* суть не чтó иное, какъ *Врахманы*, то-есть *брамины*, съ которыми наши предки знакомы были изъ Александріи, или баснословной исторіи объ Александрѣ Македонскомъ[1]). Съ именемъ Александра Македонскаго, любимаго героя средневѣковой повѣсти, соединяется преданіе о чудномъ и страшномъ народѣ, въ которомъ предки наши видѣли то Половцевъ, то Татаръ. Объ этомъ народѣ ходили легенды и въ Западной Европѣ; на средневѣковыхъ картахъ обозначалась страна, гдѣ все ужаснѣе, нежели можно себѣ представить, гдѣ постоянно невыносимый холодъ, а люди до того жестоки, что ѣдятъ мясо чело-

---

1) *Буслаева*: Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. I, стр. 121. Въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ. слово — рахма́нний употребляется въ смыслѣ — кроткій, тихій, ласковый: рахма́нна дити́на, рахма́нний кінь.

вѣческое и пьютъ человѣческую кровь. Жители страны — потомки Каина. Они заключены въ своихъ предѣлахъ во время Александра Македонскаго; при немъ было землетрясеніе, и вмѣсто прежнихъ равнинъ явились горы, заключившія навѣки отверженный народъ[1]). Русскій лѣтописецъ, говоря объ ужасномъ народѣ[2]), приводитъ свидѣтельство Меѳодія Патарскаго. Византійскій писатель, Меѳодій Патарскій разсказываетъ, что Александръ Македонскій видѣлъ въ такъ называемой «Солнечной Странѣ» нечистое племя, которое ѣстъ всякую скверну: комаровъ, мухъ, змѣй, всякую падаль, даже трупы людскіе и выкидышей. Александръ, боясь, чтобы гнусное племя не напало на святую землю и не осквернило ее своими обычаями, собралъ всѣхъ ихъ, и женъ, и дѣтей, и весь родъ ихъ, и изгналъ ихъ съ востока на сѣверъ. И нѣтъ имъ выхода отъ востока до запада, потому что Богъ, по молитвѣ Александра Македонскаго, велѣлъ двумъ горамъ, называемымъ «сосцами борея», приблизиться другъ къ другу на двѣнадцать локтей и образовать мѣдныя ворота; они покрыты асинхитомъ — составомъ, который не боится ни огня, ни желѣза. Только въ послѣдніе дни выйдутъ изъ странъ сѣверныхъ люди, заключенные Александромъ Македонскимъ[3]).

Съ сказаніемъ Меѳодія Патарскаго находится въ связи цѣлый рядъ сказаній о послѣднихъ дняхъ міра. Къ числу подобныхъ произведеній принадлежитъ и повѣсть о снахъ Мамера, ожидающая издателя и объяснителя. Передадимъ содержаніе этой повѣсти, имѣвшей большой интересъ для нашихъ предковъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ царь Мамеръ. Онъ видѣлъ двѣнадцать страшныхъ сновъ и не находилъ человѣка, который могъ бы ихъ растолковать. Наконецъ, нашелся мудрый мужъ,

---

1) *Santarem*: Essai sur l'histoire de la cosmographie et de la cartographie pendant le moyen-âge. II, p. 338.

2) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, стр. 99 и 189.

3) Monumenta S. Patrum orthodoxographa. Basileae. 1569, стр. 94—95 и 104—105.

успокоившій встревоженнаго царя увѣреніемъ, что сны относятся не къ нему и не къ его царству, а что все это сбудется въ послѣднія времена.

Первый сонъ. Отъ земли до неба золотой столбъ, а на столбѣ голубь; столбъ разрушился, голубь улетѣлъ въ небо, а на его мѣсто спустился воронъ, сталъ зобать золото; пришли звѣри дикіе, ехидны и змѣи. — Это значитъ, придутъ времена злыя и година лютая, отъ востока и до запада зла много исполнится, будетъ мятежъ по всей землѣ, не будетъ правды и мысли доброй, люди другъ другу будутъ враги, и прольется кровь человѣческая; отецъ возстанетъ на сына, судья на судью и сосѣдъ на сосѣда. И не будетъ добра въ людяхъ: языкомъ будутъ говорить добро, а на сердцѣ мыслить злое. Сама природа измѣнитъ обычай свой: лѣто и осень переступятъ въ зиму, зима впадетъ въ весну, среди лѣта будетъ зима, жестокіе морозы и студь съ яростью. Люди захотятъ сѣять и не узнаютъ времени, много посѣютъ и мало пожнутъ. Земля не дастъ плода ради лихоимства человѣческаго. Вельможи будутъ крамольники, судьи неправедные, станутъ судить по корысти, богатаго оправдаютъ, бѣдняка обвинятъ. Не только судьи, — сама земля станетъ брать взятки (мзду): не дастъ плода, пока не удобрятъ ее навозомъ.

Второй сонъ. Съ небеси сырое брюховище виситъ, а съ земли псы лаютъ, а щенята брешутъ.—Это значитъ, когда придетъ то злое время, исчезнетъ родственная любовь и пріязнь. Къ живущимъ въ богатствѣ станутъ присвояться и приносить дары ради гортаней своихъ. Любовь древнюю отъ своихъ и сродниковъ отлучатъ; начнутъ съ чужими людьми держать любовь, а родъ свой и прежнихъ друзей забудутъ.

Третій сонъ. Три котла висятъ надъ однимъ огнемъ: въ одномъ кипитъ вода, въ другомъ воскъ, въ третьемъ масло. Воскъ каплетъ въ масло, масло брызжетъ въ воскъ, а въ воду не попадаетъ ни одной брызги ни отъ масла, ни отъ воска. —Это значитъ, что въ послѣднія времена бѣдняки будутъ жить между богачами; богачи будутъ посѣщать другъ друга и угощать рос-

кошными яствами, а убогаго и нищаго никто не призоветъ и не накормитъ.

Четвертый сонъ. Видѣлъ старую кобылу, а жеребята играютъ и лижутъ кобылу.—Это значитъ, матери приведутъ своихъ дочерей къ чужимъ мужьямъ, сестра сестру и сноха сноху будетъ подстрекать къ грѣху, и въ семь лѣтъ не найдется ни одной чистой дѣвушки.

Пятый сонъ. Щельница бережая лежитъ на гноищи, а въ чревѣ ея брешутъ щенята. — Это значитъ, въ то злое время отцы станутъ учить дѣтей своихъ доброму разуму, а дѣти ихъ не послушаютъ, укорятъ отцовъ глупостью, скажутъ: вы старики, жили не смысля, а мы станемъ своими разумами умышлять.

Шестой сонъ. Видѣлъ страхъ великій и содрогнулся: видѣлъ множество верблюдовъ и дикихъ звѣрей, страшныхъ видомъ, двуглавыхъ и троеглавыхъ, иные хромаютъ, другіе скрежещутъ зубами, вертятъ хвостомъ, киваютъ головою, высовываютъ языкъ, скачутъ, вертятся. И стали рвать траву и деревья, рыть когтями землю и бросать на людей. Но сошелъ пламень огненный и истребилъ чудовищъ.—Дикіе звѣри значитъ лихоимцы, двуглавые и треглавые—лжецы и клеветники, хромые—значитъ уклоняющіеся на злыя дѣла; скрежещутъ зубами—значитъ съѣдаютъ злыми дѣлами; вертятъ хвостомъ и киваютъ головою — льстецы говорятъ доброе, а думаютъ злое, сами себя губя; языкъ высовываютъ и скачутъ—какъ бѣсы вертятся люди; вырываютъ траву и деревья — искореняютъ добрыя мысли. Огонь-истребитель—гнѣвъ Господа, который, не терпя злобы, погубитъ злыхъ людей.

Седьмой сонъ. Іереи, впадающіе въ илъ, кричатъ и не могутъ вылѣзти.—Это значитъ, что іереи нѣкоторые начнутъ жить нечисто; ради мзды и страха будутъ прощать грѣхи, не подвергая согрѣшившихъ эпитиміи.

Восьмой сонъ. Много людей проливаютъ молоко и потомъ собираютъ его.—Это значитъ, въ послѣдніе времена люди станутъ давать милостыню убогимъ и потомъ захотятъ взять ее назадъ.

Девятый сонъ. Красивый конь ѣстъ траву двумя горлами: переднимъ и заднимъ.—Значитъ: князья, и судьи, и старѣйшины начнутъ судить не по правдѣ, а для прибытка, и брать посулы и у праваго и у виноватаго.

Десятый сонъ. По всей вселенной разсыпано много драгоцѣнныхъ камней, и пришли разсыпавшіе и ничего не могли найти.—Значитъ: нападетъ на богачей великій страхъ, они станутъ отдавать имѣніе свое друзьямъ и сосѣдямъ на сохраненіе, и въ скоромъ времени потребуютъ назадъ и не найдутъ того, что̀ отдано ими для сбереженія.

Одиннадцатый сонъ. Видѣлъ гору высокую и на ней камень самоцвѣтный, гора разсѣлась и камень погибъ.—Значитъ: одно правовѣрное царство отпадетъ отъ вѣры и раздѣлится на двѣ доли, и Божія правда не воспомянется въ то время.

Двѣнадцатый сонъ. Скажи мнѣ, братъ философъ, послѣ всѣхъ бѣдъ какое будетъ скончаніе царствамъ и землямъ? Философъ отвѣчаетъ: въ прежнія лѣта пророкъ Гедеонъ изгналъ въ пустыню восемь племенъ; они выйдутъ въ послѣдніе дни (ср. лѣтоп.: «еда исѣче Гедеонъ, восемь ихъ бѣжа въ пустыню... по сихъ восьми колѣнъ къ кончинѣ вѣка изыдутъ заклепеніи Александромъ Македонскимъ») и поплѣнятъ всю землю, и дойдутъ до Рима великаго, и будетъ сѣча злая. И пойдутъ предъ ними четыре язвы: пагуба, погибель, плѣнъ и запустѣніе. Тогда мужья начнутъ одѣваться въ блудныя одежды и украшать себя подобно женамъ; у одной жены будетъ нѣсколько мужей; сынъ, отецъ, братъ будутъ мужьями одной и той же женщины.... И предана будетъ земля Перская во тьму и въ погибель, Арменія отъ меча погибнетъ, Ассирійская земля опустѣетъ, и владыки греческіе въ бѣгство и въ плѣненіе впадутъ. И не будетъ живущихъ въ Египтѣ, и въ Ассиріи, и въ поморіи, и въ восточныхъ странахъ, и въ другихъ; всѣ человѣки въ погибель и плѣнъ будутъ расхищены, и грады многіе разорятся[1]).

1) Нѣкоторые ученые предполагаютъ связь сказанія о снахъ царя Мамера съ одною изъ повѣстей сборника, извѣстнаго подъ именемъ «Калила и Димна»

Мы привели сказаніе о снахъ Мамера по связи его съ сочиненіемъ Меѳодія Патарскаго. Слово Меѳодія «о царствѣ языкъ», то-есть о послѣднихъ дняхъ міра, дѣйствовало на воображенье нашихъ старинныхъ читателей, и, судя по числу списковъ и заимствованій изъ него, можно полагать, что оно было однимъ изъ любимыхъ предками нашими произведеній въ мистическомъ родѣ.

Другого рода преданія перешли въ лѣтопись изъ живыхъ источниковъ, изъ русской жизни, изъ сказаній современниковъ, изъ легендъ, жившихъ въ устахъ народа. Таковы преданія о сотвореніи человѣка, о добромъ и зломъ началѣ, о мудрости Ольги, о смерти Олега и т. п. Не вдаваясь въ предположенія, мы приведемъ несомнѣнное свидѣтельство лѣтописи—самыя преданія, составляющія ея народный элементъ, и укажемъ соотвѣтствующія имъ преданія, съ одной стороны—скандинавскія, съ другой—славянскія, и въ частности южно-русскія. Мы ограничимся на этотъ разъ указаніемъ слѣдовъ космогоническихъ понятій въ разсказѣ о волхвахъ и преданьями о мести Ольги и гибели Олега.

По понятіямъ, жившимъ въ народѣ, независимо отъ ученія, передаваемаго людьми книжными, въ созданіи человѣка принимали участіе двѣ враждебныя одна другой силы—добрая и злая: отсюда проистекаетъ добро и зло въ жизни, и въ свойствахъ, и судьбѣ человѣка. Лѣтопись положительно свидѣтельствуетъ, что

и распространеннаго у многихъ восточныхъ народовъ. Но содержаніе показываетъ, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Въ десятой книгѣ сборника говорится, что царь Биладъ (Biladh) видѣлъ восемь сновъ, которые брамины хотѣли растолковать въ свою пользу: увѣряли царя, что сны предвѣщаютъ бѣду, и отъ нея можно избавиться только казнью нѣкоторыхъ лицъ, заклятыхъ враговъ браминовъ. Царь отвергъ ихъ предложеніе, а болѣе добросовѣстный мудрецъ объявилъ, что сны означаютъ дары, которые Биладъ получитъ отъ другихъ царей, а именно: двѣ красныя рыбы, стоящія на хвостахъ своихъ,—два короба съ перлами и драгоцѣнностями; цѣна имъ четыре тысячи фунтовъ золота. Змѣя, вьющаяся на лѣвой ногѣ,—мечъ изъ чистѣйшаго желѣза, которому нѣтъ подобнаго. Кровь, покрывающая тѣло,—драгоцѣнная пурпуровая одежда, свѣтящаяся въ темнотѣ. Царь стоитъ на бѣлой горѣ—значитъ, царь получитъ въ даръ бѣлаго слона, который быстрѣе лошади, и т. п.

весь народъ—«людье вси»—обнаружилъ полное сочувствіе подобному разсказу о сотвореніи человѣка. Въ Эддѣ происхожденіе исполиновъ описывается только въ одной чертѣ сходно съ ученіемъ нашихъ волхвовъ, происхожденіе же обыкновенныхъ людей совершенно различно: Имеръ спалъ и вспотѣлъ, подъ лѣвою рукою у него произошли мужчина и женщина, ноги его произвели сына. Три Аса пришли на берегъ морской и нашли тамъ два дерева—ясень и яворъ; одинъ изъ Асовъ далъ имъ дыханіе и жизнь, другой—духъ и чувствительность, третій—кровь, языкъ, слухъ и зрѣніе; такимъ образомъ сотворены первобытные мужчина и женщина, отъ которыхъ произошли всѣ люди[1]).

Преданіе, до сихъ поръ слышанное въ народѣ, на югѣ и на сѣверѣ, основывается на вѣрѣ въ двѣ первобытныя силы, источники добра и зла[2]). Земля, говоритъ это преданіе, въ началѣ была покрыта водою. Богъ, задумавъ создать твердую землю, (будто бы) послалъ діавола достать горсть земли со дна моря и велѣлъ сказать, доставая: во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Діаволъ взялъ въ руку земли, но не сказалъ ни слова, и затò, когда выплылъ, въ рукѣ его не было ничего. Онъ долженъ былъ вторично опуститься, сказалъ Божьи слова, но кусокъ земли

---

1) Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ со времени Владиміра до Іоанна Грознаго, соч. *Руднева*. 1838, стр. 18 и примѣч. 12.

2) *Приводимыя легенды о сотвореніи земли и человѣка, отзывающіяся еретичествомъ Манихейскимъ и Павликіанскимъ, по своему сходству съ подобными легендами у другихъ народовъ, показываютъ весьма древнее свое происхожденіе. Безъ сомнѣнія, онѣ зашли съ Востока, гдѣ существовало нелѣпое понятіе о равносильности двухъ дѣйствующихъ въ мірѣ началъ—добра и зла. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что Русскій православный народъ, подъ вліяніемъ святыхъ истинъ ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго христіанскаго ученія, отнюдь не держится суемудреннаго, еретическаго вѣрованія въ два равносильныя начала: добра и зла. По его же (народа) представленію, просвѣтленному ученіемъ святой Библіи, діаволъ есть злой духъ, надъ гордынею котораго посмѣвается и торжествуетъ всемогущество, мудрость и благость Господня, разрушая всѣ козни сатанинскія. Познаніе народныхъ легендъ и ихъ нелѣпостей интересно и важно для уразумѣнія тѣхъ путей, коими шелъ родъ человѣческій, пока свѣтъ Божественнаго Откровенія не озарилъ всѣхъ язычниковъ. Съ этой только цѣлію мы и осмѣлились привести здѣсь вышеозначенныя легенды и надѣемся, что добрые и благонамѣренные изыскатели старины, въ своихъ изслѣдованіяхъ, раскроютъ всю ихъ тщету.*

утаилъ, спрятавши себѣ въ ротъ. Богъ посыпалъ землю, говоря: «расти и множись, земля», и изъ нея образовались три части свѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ начала расти земля и во рту у бѣса, причиняя ему ужаснѣйшую боль. Наконецъ, Богъ разрѣшилъ бѣсовы уста: діаволъ плюнулъ на всѣ стороны, и изъ выплюнутой изо рта земли явились болота, пустыни и безплодныя мѣста. Сотворивъ тѣло человѣка изъ глины, Богъ положилъ его на землю, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ принести душу. Завидуя прекрасному творенью Божью, діаволъ хотѣлъ разрушить его, но ни ласки, ни угрозы не дѣйствовали на приставленнаго стража. Діаволъ подошелъ и оплевалъ тѣло человѣка; отсюда болѣзни, страданія, грѣхи и преступленія. Воротившись, Богъ вложилъ душу, но не хотѣлъ передѣлывать тѣла, ибо увидѣлъ, что и страданія необходимы человѣку [1]).

Приведенное преданіе извѣстно на сѣверѣ Россіи, у Псковичей; подобные же разсказы о сотвореніи міра и человѣка слышатся и на югѣ. Въ примѣръ можно привести слѣдующія *оповидкі:*

«Ото, якъ задумавъ Господь сотворити світъ, то й говорить до найстаршого ангела Сатанаила: «а що», каже, «архангеле мій, ходімъ творити світъ». «Да ходимо, Боже», каже Сатанаилъ. Ото вони и пійшли надъ море, а море таке темне-темне,—сказано—безодня. Ото Богъ и каже до Сатанаила: «бачешь», каже, «оттую безодню?»—«Бачу, Боже».—«Иди жъ», каже, «у тую безодню на самее дно, та дістань мені жменю піску. Та гляди», каже, «якъ будешь брати, то скажи про себе: беру тебе, земле, на имя Господнє. — «Добре, Боже». — И вперпувъ Сатанаилъ у самую безодню, надъ самий пісокъ, та й зазлістно ему стало: «ні, каже, Боже, приточу я и свое имя—нехай буде разомъ и твое и мое». И бере вінъ той пісокъ та й каже: «беру тебе, земле, на имя Господнє и свое». Сказавъ—сказавъ. Прійшлося виносити, а вода ему той пісокъ такъ и измиває. Той та́къ затискае жменю, але

1) Zeitschrift für deutsche mythologie und sittenkunde, begründet von J. W. Wolf. 4 band, 2 heft. 1858.

де вже Бога ошукати! закимъ вигулькнувъ изъ моря, такъ того піску якъ не було: геть вода змила. «Не хитри, Сатанаиле», каже Господь: «иди знову та не приточуй свого имя»! Пишовъ знову Сатанаилъ! знову примовляе: «беру тебе, земле, на имя Господнє и свое», и знову піску не стало. Ажъ за третімъ разомъ сказавъ уже Сатанаилъ: «беру тебе, земле, на имя Господнє». И ото уже несе та й не стискае жмені, такъ и несе на долоні, щобъ то вода змила. Але дарма: якъ набравъ повну руку, то такъ и вінісъ до Бога. И узявъ Господь той пісокъ, ходить по морі та й розсівае, а Сатанаилъ давай облизовати руку: «хочь трохи», думае, «сховаю для себе, а потімъ, думае собі, и землю збудую». А Господь розсіявъ. «А що», каже, «Сатанаиле, нема більше піску?»—«А нема, Боже».—«То тря благословити», каже Господь, та й благословивъ землю на всі чотирі части, и якъ поблагословивъ, такъ тая земля и почала рости. Ото росте земля, а тая що у роті и собі росте; далі такъ разрослася, що й губу росперае. Богъ и каже: «плюнь, Сатанаиле»; той зачавъ плювати та харкати; и де вінъ плювавъ, то тамъ виростали гори, а де харкавъ, то тамъ скали. Отъ черезъ що у насъ и земля нерівна. Воно ще кажуть, що ніби то ти скали та гори Богъ знае доки бъ росли,—а то Петро та Павло якъ закляли ихъ, то вони вже й не ростуть. А ото вже Господь и каже до Сатанаила: «теперъ», каже, «тілько бъ посвятити землю, але нехай вона собі росте, а ми відпочиньмо».—«А добре, Боже», каже Сатанаилъ. И лягли вони спочивати. Господь почивае, а Сатанаилъ и думае, щоби землю забрати. И ото піднявъ его та й біжить до моря. Спершу на полудень біжить та й біжить, а моря нема; вдарився на північъ— и тамъ не видати. Побивався на всі чотирі части світа—нігде нема моря... Бачить вінъ, що нічого не вдіе, несе Бога на то саме місце та й самъ коло нёго лягае. Полежавъ трохи та й будить Бога: «вставай», каже, «Боже, землю святити». А Богъ ему й каже: «не журись, Сатанаиле, земля моя свячена: освятивъ я іі сеи ночи на всі чотирі боки».—Чоловіка, кажуть, виліпивъ

Господь зъ глини и давъ ему зовсімъ свою святую постать....» и т. д.[1]).

Не только въ созданіи человѣка и вселенной, но и въ происхожденіи всѣхъ условій жизни человѣка, всей обстановки ея, природной и искусственной, участвовали двѣ силы: добро и зло, Богъ и дьяволъ, и борьба ихъ оканчивалась побѣдою Бога и добра надъ зломъ и дьяволомъ. Дьяволъ—тьма, Богъ—свѣтъ, говорятъ Южноруссы; дьяволъ научилъ людей строить дома, а Богъ прорубилъ въ нихъ окна:

«Хотівъ нечистий похвалиться передъ Богомъ своімъ розумомъ да й построівъ людямъ хату. Збудовавъ зовсімъ якъ слідуе,—а тоді ще хатъ робить люди не вміли. Тілько щожъ? сказано—нечиста сила! усе поробивъ у хаті, тілько віконъ не тямивъ попрорубовать: отъ, на нічъ годитця, а на день—то й ні. Такъ Господь попрорубовавъ вікна; отъ и почали люде жить у хаті».

Весьма близкое, въ нѣкоторыхъ чертахъ, сходство съ сказаніями, живущими въ народѣ, представляютъ повѣсти, находящіяся въ различныхъ видахъ въ письменныхъ памятникахъ нашей старинной словесности. Въ рукописяхъ встрѣчается «сказаніе, како сотвори Богъ Адама»—апокрифическое произведеніе слѣдующаго содержанія:

Богъ создалъ человѣка изъ восьми частей: отъ земли тѣло, отъ камени кости, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облака мысли, отъ свѣта свѣтъ (?), отъ вѣтра дыханіе, отъ огня теплота. И оставилъ Богъ человѣка одного, положивъ его на землю, и пришелъ сатана и измазалъ лежащаго тиною. Воротившись, Богъ омылъ человѣка его же слезами, приставилъ къ нему стража, а самъ пошелъ за душою Адама въ горній Іерусалимъ. Во время его отсутствія, сатана взялъ дерево, изранилъ имъ всего Адама и тѣмъ сотворилъ въ немъ семьдесятъ два недуга. По возвращеніи Бога, сатана оправдывался передъ нимъ тѣмъ, что чѣмъ

---

1) Слышано въ селѣ Хомутинцахъ, на Подольѣ, въ Винницкомъ повѣтѣ.

болѣе недуговъ у человѣка, тѣмъ чаще призоветъ Бога на помощь. Богъ изгналъ дьявола, и онъ исчезъ, какъ тьма исчезаетъ предъ свѣтомъ. Ангеламъ же повелѣлъ взять *а*—на востокѣ, *д*—на западѣ, *м* — на югѣ, *з* — на сѣверѣ, и далъ человѣку душу живу.

Образованіе человѣка изъ восьми частей напоминаетъ стихи о голубиной книгѣ. Подобныя же космогоническія понятія встрѣчаются и въ литературахъ западной Европы, преимущественно средневѣковыхъ. Въ числѣ рукописей знаменитой парижской библіотеки есть хроники XV вѣка, начинающіяся такъ: Сотворивъ небо, землю и всѣ существа, Господь создалъ человѣка изъ восьми силъ: первая — земля, вторая — море, третья — солнце, четвертая — облака небесныя, пятая — вѣтеръ, шестая — камни, седьмая — духъ святой, восьмая — красота вселенной.

Византійское происхожденіе нашего апокрифа всего очевиднѣе изъ того, что четыре буквы имени «Адамъ» принесены съ четырехъ странъ свѣта. Это объясняется названіемъ странъ свѣта на греческомъ языкѣ. Еще въ первые вѣка христіанства Греки замѣтили, придавая своему замѣчанію таинственный смыслъ, что имя Αδάμ заключаетъ въ себѣ первыя буквы четырехъ странъ свѣта: Α — ἀνατολή востокъ, δ — δύσις западъ, α — ἄρκτος сѣверъ, μ — μεσημβρία югъ, полдень.

По мусульманскому преданью, также съ четырехъ краевъ свѣта принесли ангелы землю, изъ которой Богъ сотворилъ тѣло человѣка; а для сердца и головы земля принесена изъ Мекки и Медины. Душа человѣка сотворена за тысячу лѣтъ до тѣла, и когда Богъ велѣлъ ей войти въ тѣло, она неохотно покидала безконечныя, полныя свѣта небесныя пространства; въ наказаніе Богъ сказалъ ей: какъ противъ воли своей ты вселяешься въ тѣло, такъ противъ воли своей ты и разлучишься съ нимъ[1]). Другое преданіе говоритъ, что когда Богъ послалъ ангела при-

---

1) Biblische legende der muselmänner, aus arabischen quellen zusammengetragen, von *Weil*. 1845, стр. 12 и слѣд.

нести земли для сотворенія человѣка, ангелъ долго не хотѣлъ выносить ее со дна морского, потому что ему становилось больно, что будетъ на свѣтѣ такое несчастное созданіе, какъ человѣкъ [1]).

Народныя преданія въ лѣтописи относятся преимущественно къ двумъ лицамъ, княжившимъ на Руси, изъ которыхъ одно утвердило на югѣ столъ всей русской земли, а другое не покидало юга до самой своей смерти. Эти два лица — Олегъ и Ольга.

Личность Ольги возбуждала особенное сочувствіе, основанное, во-первыхъ, на томъ, что она дѣйствовала въ духѣ народа; по крайней мѣры изъ лѣтописи видно, что она раздѣляла народныя антипатіи; во-вторыхъ, на томъ, что ея предшественникъ уступалъ ей въ умѣньѣ ладить съ народомъ, а ея преемникъ былъ врагомъ вѣры, усвоенной послѣдующими поколѣніями. Княгиня, хитро наказавшая ненавистное Полянамъ племя Древлянъ, не могла не возбудить сочувствія въ Полянахъ. Она много выигрываетъ въ сравненіи съ личностію ея мужа, разорявшаго народъ и получившаго, за свои поступки, названіе волка въ овечьемъ стадѣ. Ольга приняла вѣру, впослѣдствіи сдѣлавшуюся господствующею, и потому съ именемъ ея соединилось воспоминаніе о первой побѣдѣ новаго и лучшаго надъ старымъ и недобрымъ. Легенды о вводителяхъ христіанства отличаются мягкостью въ изображеніи своихъ героевъ, описывая ихъ кротость и терпѣніе въ борьбѣ съ невѣрными; принятіе Ольгою христіанства содѣйствовало тому, что въ сказаніяхъ она является въ болѣе мягкомъ свѣтѣ, нежели бы можно ожидать, судя по жестокой мести Древлянамъ. Мать, любящая оскорбляющаго ее сына, разумная и честная вдова и, притомъ, христіанка, имѣла для воображенія христіанскаго потомства болѣе привлекательности, нежели сынъ ея Святославъ, оскорблявшій мать, не-

---

1) Г. Петриченко, приславшій въ редакцію «Основы» приведенную нами оповідку, замѣчаетъ: «наша байка за початокъ землі подібна до байки турецькоі за початокъ чоловіка. Турки кажуть, що якъ Господь захтівъ сотворити чоловіка, то посилавъ підъ воду за землею архангела Уріила, и архангелъ два рази не хотівъ виносити земли, бо ёму було жалко, що буде на світі таке несчасне творіне якъ чоловікъ».

смотря на любовь ея къ нему, торговавшій людьми, ѣвшій конское мясо и глумившійся надъ святою вѣрою. Честное вдовство высоко цѣнилось «лучшими людьми» древней Руси, какъ можно судить и по письменнымъ памятникамъ и по произведеніямъ устной словесности. На второй бракъ смотрѣли невыгодно по вліянію его на судьбу дѣтей отъ перваго брака, и Ольгу славили книжники особенно за то, что она, оставшись съ малолѣтнимъ сыномъ, не вышла въ другой разъ замужъ, уподобяся «горлицѣ единомужней». «Честная вдова» — обычное выраженіе и одинъ изъ любимыхъ типовъ нашей народной поэзіи. «Многоразуміе» честной вдовы обыкновенно обуздываетъ буйные порывы сына; въ этомъ отношеніи преданіе объ Ольгѣ и сынѣ ея, Святославѣ, напоминаетъ отчасти былины о Васильѣ Буслаевѣ и его «желанной матушкѣ, честной вдовѣ Мамельфѣ Тимоѳеевнѣ». Святославъ не внималъ разумному голосу матери, издѣвался надъ ея единовѣрцами и «творилъ норовы поганскіе»; но, несмотря на то, не оставлялъ матери до ея смерти, пребывалъ съ нею въ любви и плакалъ надъ ея могилою. Та же смѣсь, хотя и въ болѣе яркихъ чертахъ, буйной дерзости и покорной любви къ разумной и честной матери-вдовѣ замѣчается и въ Васильѣ Буслаевѣ. Онъ обращается къ матери съ такими словами:

Ты старушка лукавая,
Лукавая старушка толковая,
Ежели бъ ты зашла впереди меня,
То не спустилъ бы тебѣ, государынѣ-матушкѣ,
Убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго.

Не слушаетъ онъ совѣтовъ матери, незванымъ идетъ на почестной пиръ у князя новгородскаго, нарушаетъ благословеніе материнское и купается нагимъ тѣломъ въ Іорданѣ-рѣкѣ. Несмотря на все это, къ матери-вдовѣ идутъ искать защиты отъ сына, когда «сталъ онъ шутить-пошучивать: за руку возьметъ— рука прочь; за ногу возьметъ — нога прочь; двухъ-трехъ вмѣстѣ

столкнетъ — безъ души лежать»; просятъ мать уговорить его: «хоть бы оставилъ народу на сѣмена». Недоступный ничьимъ увѣщаньямъ, прогоняющій всѣхъ словами: «у насъ дѣло дѣется: головами играемся», Василій Буслаевъ склоняется на просьбу матери укротить свою силу великую, свое сердце богатырское, и говоритъ: «никого я не послухалъ бы, а послушалъ тебя, родну матушку» [1]).

Честное вдовство Ольги обезоружило пресловутую волокиту Цимисхія, который, видя ее «добру лицемъ и разумомъ украшенну и въ премудрости довольну», хотѣлъ уловить ее «гаданьми и ласканьми», но она осталась непоколебимою и на соблазнительныя рѣчи отвѣчала въ строгомъ, наставительномъ тонѣ. Легенда прославляетъ также цѣломудріе Ольги при первой встрѣчѣ ея съ женихомъ. Преданіе, записанное въ лѣтописяхъ позднѣйшей редакціи, говоритъ, что однажды молодой Игорь утѣшался ловитвами и, замѣтивъ на той сторонѣ рѣки желанный ловъ, а на рѣкѣ пловца, призвалъ пловца къ берегу и сѣлъ въ его лодку, чтобы переплыть на другой берегъ. Этотъ пловецъ была юная и прекрасная Ольга. Игорь разгорѣлся желаніемъ, и «очи лакомѣ некасаемыхъ касахуся». Она, смекнувши въ чемъ дѣло, пресѣкла бесѣду не юношескимъ, но старческимъ смысломъ. «Не думай, сказала она, что можешь одолѣть меня: я хотя и молода и простой обычай имѣю, но все-таки понимаю, что ты хочешь поругаться надо мною. Если отдаешься неправедной страсти, то какъ же ты возбранишь другимъ неправду? Если я соблазняю тебя, то пусть лучше приметъ меня глубина рѣчная». Игорь почувствовалъ къ ней такое уваженіе, что когда для выбора ему невѣстъ собрали дѣвицъ изо всего царства, онъ избралъ Ольгу, «мужественную и благообразную», говорившую ему «хитростные глаголы» [2]).

Хитрость Ольги проявлялась не всегда въ такомъ крот-

1) Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ, 1861, часть I, стр. 335—336.
2) Книга Степенная. 1775, часть I, стр. 7—9, 16—17.

комъ, назидательномъ видѣ. Ольга «переклюкала» не только Игоря и Цимисхія, но и Древлянъ и ихъ пословъ. Разные роды мести Ольги Древлянамъ: сожженіе, смерть въ банѣ, пожаръ отъ птицъ напоминаютъ скандинавскія саги, какъ напримѣръ Niala Saga, Styr Saga и другія.

Сага о Ніалѣ — одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по разнообразію и обрисовкѣ характеровъ. Содержаніе ея слѣдующее. Витязь Гуннаръ женится на Гальгердѣ, первой красавицѣ въ Исландіи. На пиру возникаетъ споръ между нею и женою Ніала; Гальгерда, чтобы раздуть вражду, велитъ убить одного изъ слугъ Ніала; жена Ніала возбуждаетъ сыновей своихъ къ мщенію; но Гуннаръ и Ніалъ живутъ попрежнему въ дружбѣ. Жаждущая мести, злобная Гальгерда вовлекаетъ кроткаго мужа и въ другіе споры, и до того раздражаетъ его, что онъ даетъ ей пощечину. Дальнѣйшіе поступки ея таковы, что въ наказаніе за нихъ приговорили мужа къ изгнанію. Гуннаръ отправляется съ братомъ; но при выѣздѣ со двора конь споткнулся, и Гуннаръ рѣшается остаться, несмотря на всю опасность своего положенія. Враги окружаютъ домъ его, убиваютъ вѣрныхъ псовъ; Гуннаръ геройски защищается, но, вопреки совѣту матери, пускаетъ обратно стрѣлою вражею: враги, полагая, что запасъ истощенъ, ударили съ новою силою. Гуннаръ проситъ у жены нѣсколькихъ изъ ея длинныхъ волосъ для тетивы, какъ единственное средство, чтобы спасти его жизнь; Гальгерда отказываетъ, говоря: это тебѣ за пощечину. Гуннаръ палъ въ бою отъ изнеможенія. Скальды сложили въ память его пѣсни, а сынъ Ніала принялъ на себя мщеніе за его смерть. Такъ же печальна была и судьба Ніала. Послѣ долгихъ странствованій и приключеній Ніалъ погибъ жертвою родовой вражды и мести. Враги сыновей Ніала окружили, чтобы сжечь, его домъ: Ніалу предлагали выйти, но онъ сказалъ: «я уже старъ и не въ состояніи мстить за погибшихъ сыновей, а въ безчестіи жить не хочу». На то же предложеніе жена Ніала отвѣчала: «въ молодости я полюбила Ніала и обѣщала не разлучаться съ нимъ до смерти». Внукъ

сказалъ, что ему лучше умереть, нежели пережить Ніала и его жену. Старики опустились на ложе, положили между собою внука и погибли въ пламени.

Сага о Стирѣ—конца X и начала XI столѣтія. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержаніе. Въ правленіе Гакона Ярла исландскій старшина былъ въ Норвегіи для покупки строевого лѣса. Ярлъ предложилъ ему выбрать себѣ что-либо изъ его драгоцѣнностей. Исландецъ попросилъ у него двухъ берсерковъ, неистовыхъ въ бою потомковъ восьмирукаго великана. Видя невозможность укротить ихъ, Исландецъ подарилъ ихъ брату своему Стиру. Одинъ изъ берсерковъ влюбился въ дочь Стира. Стиръ обѣщалъ ее выдать, если онъ съ братомъ проложитъ дорогу чрезъ неприступную пропасть. Берсерки работали страшно, до изступленія, низвергали въ бездну огромные камни, и въ двадцать четыре часа дорога была готова. Между тѣмъ, Стиръ выстроилъ въ землѣ баню изъ дерева съ отверстіемъ вверху, какъ строились вообще скандинавскія бани; предложилъ берсеркамъ, усталымъ отъ работы, итти въ баню, жарко натопилъ ее и заперъ отверстіе. Берсерки хотѣли спастись, одному удалось выскочить, но его убилъ Стиръ; другой сожженъ въ банѣ [1]).

Послѣдняя месть Древлянамъ состояла въ томъ, что Ольга потребовала съ каждаго двора по три воробья и по два голубя, велѣла привязать къ нимъ зажженный трутъ съ сѣрою и пустить въ городъ. О подобной хитрости говорятъ еще древніе, приписывая ее Аннибалу. Титъ-Ливій (кн. XXII, гл. 16 и 17) разсказываетъ, что Аннибалъ взялъ изъ добычи въ непріятельской землѣ около двухъ тысячъ быковъ и велѣлъ привязать къ рогамъ ихъ пуки хвороста и щепокъ. Съ наступленіемъ ночи быковъ погнали передъ войскомъ и зажгли привязанный къ рогамъ хворостъ; близость огня, жаръ, а потомъ и боль привели быковъ въ бѣшенство, они метались изъ стороны въ сторону и зажигали

1) Sagaenbibliothek des skandinavischen alterthums.... von *Müller*, aus der dänischen handschrift übersetzt von *Karl Lachmann*. 1816. стр. 26—30; 37—44.

кустарники. Видъ тысячи огней и быстрота ихъ движенія произвели въ римскомъ войскѣ ужасъ и недоумѣніе. Совершенно сходно съ местью Ольги, скандинавскій витязь Гаральдъ, братъ Олафа святого, взялъ одинъ городъ въ Сициліи. Сага говоритъ, что Гаральдъ велѣлъ ловить птицъ, имѣвшихъ гнѣзда въ стѣнахъ и прилетавшихъ въ городъ за пищею; къ пойманнымъ птицамъ велѣлъ привязать хворосту съ сѣрою и смолою, подложивъ пылающіе уголья. Выпущенныя птицы полетѣли въ гнѣзда, свитыя между стѣнами въ верхней части строеній, покрытыхъ соломою и тростникомъ. Герой саги, Гаральдъ, былъ женатъ на дочери Ярослава и обращается къ ней въ своихъ пѣсняхъ. «Мы видѣли»—говоритъ онъ въ пѣснѣ—«берега Сициліи, и, плавая на быстрыхъ корабляхъ, искали славы, чтобы заслужить любовь русской красавицы... Однажды, было насъ шестнадцать товарищей въ кораблѣ; зашумѣла буря, взволновалось море, и грузный корабль наполнился водою—мы вычерпали ее и спаслись. Я надѣялся быть счастливымъ, но русская красавица меня презираетъ! Сражаюсь я храбро, сижу на конѣ твердо, плаваю легко, катаюсь по льду, мѣтко бросаю копье, умѣю владѣть весломъ, но русская красавица меня презираетъ [1])!».

У славянскихъ народовъ не встрѣчается, сколько мнѣ извѣстно, преданія сходнаго съ хитростію Ольги и Гаральда, но имя Ольги находится между древними славянскими, и есть слѣды, что разсказъ о взятіи города посредствомъ голубей доходилъ и до западнаго славянства. Въ числѣ старочешскихъ собственныхъ именъ попадаетъ имя Ольги вмѣстѣ съ именами Ярослава, Ивана, Святослава, Владиміра. Между *чешскими* именами лицъ, жившихъ въ десятомъ, одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ и отчасти тринадцатомъ вѣкѣ, встрѣчаются слѣдующія: Баба, Дѣва, Мила, *Ольга*, Слава, и т. д. [2]). Въ хроникѣ Далимила, начала XIV вѣка,

---

1) Исторія Карамзина, II, примѣч. 41.—Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, *Погодина*. III, стр. 104, прим. 180.

2) Časopis českého museum. 1832, swazek prwni. Popis staročeskych osobních a křestných gmen od *Palackého*.—*Dobrowsky*, Geschichte der böhmi-

въ томъ мѣстѣ, которое напоминаетъ месть Ольги, имя лица и города не то, что въ нашей лѣтописи; вмѣсто Коростена—Кіевъ, вмѣсто Ольги—Татары, подобно тому какъ въ нашихъ былинахъ смѣшиваются эпохи Владиміра и Татаръ. Далимилъ говоритъ, что около тысяча двѣсти тридцать второго года пришли Татары, раздѣлившись на три потока: одни взяли голубями Кіевъ на Руси, другіе—венгерскую землю, третьи—польскую:

... Tateři vznidú,
i třmi prameny pojidú,
iako po své zemi jdiechu,
neb zpytáci ie vediechu.
v Rusiéch Kyieva dobychu... [1]).

Въ рукописи XV вѣка послѣдніе два стиха читаются такъ:

nebo ge gich sspêherzi wodiechu;
gedny w *Russech Kygowa welikeho holuby* dobychu.

Русскій Кіевъ называется *великимъ* въ отличіе отъ другого, *малаго* Кіева въ Моравіи.

Въ преданіи объ Ольгѣ замѣтно скандинавское вліяніе. Оно отразилось и въ другихъ мѣстахъ лѣтописи. Полагаютъ, что извѣстія о сѣверо-востокѣ Европы, которымъ такъ удивляются ученые со времени Шлецера, заимствованы лѣтописцемъ изъ разсказовъ скандинавскихъ купцовъ и пиратовъ. Многія слова въ древней лѣтописи производятъ отъ скандинавскихъ корней [2]).

---

schen sprache und älteren litteratur. Prag. 1818. стр. 91—92; das necrologium des klosters Podlažic bei Chrast enthält eine sehr grosse menge von böhmischen namen derjenigen personen, die im 10—13 jahrhunderte bis etwa 1230 gelebet haben:... Baba, Deva, Glupa, Leva, Mila, Olga, Slava, Strada, etc. Cp. Dějiny řeči literatury československé, sepsal *Šembera*. 1859. I, стр. 88 и др.

1) Dalimilova chronica Česká, od Václava Hanky. 1851, стр. 138.

2) *Погодина:* Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи. Томъ III. Норманнскій періодъ.—*Буслаева:* Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Древне-сѣверная жизнь (I, 257—268) и др.—Chronica Nestoris, textum

Для точнаго рѣшенія, на основаніи лѣтописи, вопроса о скандинавскомъ и туземномъ, славянскомъ, элементѣ необходимо сравнить лѣтописныя преданія съ сагами скандинавскими и съ преданіями у народовъ славянскихъ, не подвергавшихся скандинавскому вліянію.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ народныхъ преданій, сохраненныхъ лѣтописью, принадлежитъ разсказъ о смерти Олега, предсказанной волхвами, игравшими важную роль въ древней русской жизни, какъ показываютъ историческія свидѣтельства. Преданіе объ Олегѣ и по мысли, и по подробностямъ извѣстно и на югѣ, и на сѣверѣ Европы, и въ скандинавскомъ, и въ славянскомъ мірѣ; оно относится къ различнымъ лицамъ, какъ обыкновенно бываетъ въ произведеніяхъ народной словесности. Мысль преданія состоитъ въ томъ, что человѣку не избѣжать своей судьбы, и она постигаетъ именно тогда, когда человѣкъ думаетъ, что покончилъ съ нею навсегда и уже вполнѣ безопасенъ. Эта мысль развивается во многихъ памятникахъ славянской народной словесности отъ пословицы до сказки. Возьмемъ примѣры у двухъ, во многихъ отношеніяхъ не сходныхъ между собою, славянскихъ племенъ—Поляковъ и Сербовъ.

Богатый панъ—гласитъ польская *клёхда*—жилъ надъ Вислою; всѣ окна обращены были на рѣку и ни одно не выходило на другую сторону; дворъ заросъ травою; никто не рѣшался подойти къ страшному дому. Родился панъ подъ несчастною звѣздою: глаза у него были смертоносные, отъ взгляда его умирало все живущее, засыхала трава и увядали деревья; всюду за нимъ слѣдовали болѣзни и смерть. Одинъ отважный пловецъ причалилъ было къ бѣлому двору, но разсерженный панъ взглянулъ

---

russico-slovenicum, edidit Miklosich. 1860, I. Миклошичъ считаетъ скандинавскими имена: Блудъ, Глѣбъ, замѣчая, что Блудъ встрѣчается между старочешскими именами, а мѣсто Глибовъ есть въ Галиціи; Лютъ, Диръ; Лыбедь—отъ lifandi, причастіе отъ lifa жить, vivens, viva; Прѣтичъ отъ fretr и славянскаго суффикса *ичъ*; прозвище «волчій хвостъ»—славянскій переводъ скандинавскаго имени, и т. п.

на него, пловецъ упалъ замертво, заболѣлъ лютой болѣзнью и долго не могъ оправиться; разсказами своими онъ еще болѣе запугалъ пловцовъ: плывя по Вислѣ, не смѣли взглянуть на бѣлый дворъ и втайнѣ творили молитву. Единственнымъ спутникомъ пана былъ его старый слуга; ему одному не вредили грозныя очи. Разъ, во время вьюги, панъ, отвыкшій отъ человѣческаго голоса, изумленъ былъ пріѣздомъ семьи, спасавшейся отъ стаи волковъ. Сбившаяся съ дороги семья состояла изъ отца, матери и дочери. Панъ влюбился въ дочь; свадьба отпразднована великолѣпно; заросшая трава измята поѣзжанами. Но потомъ опять опустѣлъ домъ, молодая жена лежала больная на богатомъ ложѣ, мужъ ухаживалъ за нею, отворачивая глаза. Истерзанный страданіями жены, онъ рѣшилъ положить имъ предѣлъ—выколоть себѣ глаза. Раздалось два крика—новорожденнаго, впервые увидѣвшаго свѣтъ, и пана, видѣвшаго его въ послѣдній разъ: зловѣщіе глаза упали наземь съ окровавленнымъ ножомъ. Вѣрный слуга закопалъ ихъ въ саду. Все перемѣнилось съ этой минуты: ворота растворены, окна пробиты на село и на гумно, пловцы пристаютъ къ бѣлому двору, всѣ любуются прекрасной дѣвушкой, водящей слѣпого отца. Между тѣмъ, слугѣ, зарывшему глаза въ землю, вздумалось посмотрѣть, что̀ сталось съ ними, цѣлы ли они; онъ открылъ ихъ; они горѣли какъ свѣчки, и блескъ ихъ такъ поразилъ старика, что онъ упалъ и умеръ; въ первый и въ послѣдній разъ повредили старику грозныя очи! Отчего же прежде не вредили? Оттого, что панъ *любилъ* его и *сердце* отнимало губящую силу у глазъ, а теперь они лежали *одни* и набрались пущей силы [1]).

Та же мысль о неизбѣжности рока, хотя съ другими подробностями, выражается въ сербскомъ преданіи о суженомъ днѣ — суђен дан. Сербы вѣрятъ, что каждому человѣку суждено, какою смертью умереть, и отъ судьбы невозможно избѣжать; у нихъ есть пословица: «од суђена се не може утећи».

---

1) Klechdy ludu polskiego i Rusi, zebrał *Wojcicki*. I, 55—72.

Разсказываютъ, что у какого-то царя была дочь, которой вѣщунъ предсказалъ смерть отъ змѣи; чтобы спасти дочь отъ судьбы, царь сдѣлалъ для нея стеклянный домъ, въ который не могло даже заползти насѣкомое, и никуда не выпускалъ ея изъ дома. Но когда насталъ суженый день, она захотѣла винограду; слуги принесли большую кисть; въ виноградной кисти скрывалась змѣйка, и эта-то змѣйка укусила царскую дочь, и она умерла, постигнутая суженымъ днемъ.

Другой разсказъ о суженомъ днѣ еще ближе къ нашей лѣтописи. Одной дѣвушкѣ вѣщунья предсказала смерть отъ волка, жившаго близъ села въ лѣсу. Дѣвушка отдана была замужъ въ другое село, и дорога къ нему шла черезъ лѣсъ. По сербскому обычаю, невѣсту провожали сваты верхомъ; во время поѣзда на нее напалъ волкъ, но сваты убили его. Потомъ отецъ и мать «отишли у походе»; «походе» называется первое посѣщеніе новобрачной ея родными. Она должна бы въ свою очередь посѣтить ихъ, но, боясь волка, не выходила изъ села своего. Прошло девять лѣтъ; терпѣніе ея лопнуло; собрали столько же людей, сколько провожало ее въ первый разъ, и пошли черезъ лѣсъ. Волкъ напалъ на нее, и сопровождавшіе убили его. Она встала съ лошади и съ досады ударила ногою въ голову убитаго волка: зубъ вошелъ въ ногу, нога распухла, и женщина, обреченная на смерть отъ волка, умерла[1]).

Поразительное сходство, даже въ подробностяхъ, представляютъ два преданія, скандинавское и сербское, изъ которыхъ одно находится въ исландской сагѣ объ Орварѣ Оддѣ, другое слышано мною въ глубинѣ Сербіи[2]).

---

1) Слышано въ Сербіи, въ Чаганскомъ округѣ, въ селѣ Дѣдоевцѣ.

2) Слышано въ Шабцѣ отъ уроженца села Беочина въ Фрушкой горѣ. Приводимъ самый подлинникъ:

«Био е едан султан, турски цар, кои е одвеће радо имао конѣ. Добіе едног особитог хата, кога е тако волео, да е по вас дан у аару код нѣга бавіо се, него гледо и миловао га. Кад-кад тражили су га у дивани, па су ѓа у аару нашли. Іеданпут га доктор нѣгов опомене, да се он чува тога коня, јер ће тай конь, кога он тако люби, нѣму главе дођи. Султан се поплаши, и даде

«Вѣщунья предсказала норвежскому герою Орвару Одду, что ему назначено рокомъ триста лѣтъ счастливой жизни, въ продолженіе которыхъ онъ наполнитъ своею славою отдаленнѣйшія страны, но по истеченіи срока погибнетъ отъ своего коня, цвѣтомъ пепельнаго и называющагося, отъ повислой гривы, Факсомъ. Орваръ Оддъ умертвилъ Факса и свергнулъ его въ глубокій ровъ, зарылъ его и сдѣлалъ надъ нимъ большую насыпь изъ камней и дерна. Спокойный за свою будущность, Орваръ Оддъ отправился въ далекія путешествія. Ровно черезъ триста лѣтъ воротился онъ въ отечество. Многія мѣста, покрытыя прежде зеленью, поблекли и высохли; высохло и болото, въ которое брошенъ былъ Факсъ, и не осталось никакого слѣда отъ могильной насыпи: лежала только голая и гнилая голова коня. И это голова Факса! сказалъ Орваръ Оддъ, ворочая ее копьемъ. Между тѣмъ ящерица выползла изъ конской головы и уязвила Орвара Одда въ пяту, откуда смертельный ядъ разлился по всему тѣлу».

Сербское преданіе «о судбини» переноситъ мѣсто дѣйствія въ Турцію и, вмѣсто волхва, предсказаніе приписывается доктору:

«Одинъ султанъ очень любилъ лошадей. Онъ досталъ себѣ коня, котораго до того любилъ, что по цѣлымъ днямъ проводилъ подлѣ него, глядя на него и любуясь. Бывало, ищутъ его въ сенатѣ, а находятъ въ конюшнѣ. Однажды докторъ сказалъ ему, что онъ умретъ отъ своего любимца — коня. Султанъ испугался

га у едну ливаду одвести с том заповести, да нико бригу о нѣму не води. Кад зимнѣ доба наступи, конь цркне. Султанъ се обрадуе, кад е чуо, да е конь цркао, и рекне: фала пророку, сад нема више онога, од кога сам е страшіо, да ће ми главе дођи. И 5—6 година ніе у ливаду ишао. Іеданпут му дође воля, да чини зіяфет. Сазове многе великаше, и ту ій е почастіо царски. Кад се захлади, пође с гостима проходити се по ливади. Наиђе на едну кость—коньску главу; па онда друштву рекне: ово е глава онога мога хата, кога сам я волео, него ништа на свету, и за кога ми е овай мой доктор казао, да ће ми той хат главе дођи. То рекши, гурне главу ногом, скочи гуя из главе, уеде султана у ногу, од кога уеда цар трећи дан умре. И тако се испуни и пророчанство доктора и непостижима судба».

и велѣлъ отвести коня на лугъ и оставить его безъ всякаго присмотра. По осени конь издохъ. Узнавши объ этомъ, султанъ очень обрадовался: хвала пророку, сказалъ онъ, нѣтъ уже больше того, отъ кого я ожидалъ смерти. Пять-шесть лѣтъ царь не ходилъ по лугу. Но вдругъ вздумалось ему устроить пиръ; онъ созвалъ вельможъ, угостилъ ихъ по-царски, а когда стало прохладнѣе, пошелъ съ гостями гулять по лугу. Во время прогулки попалась ему подъ ноги лошадиная голова; обращаясь къ спутникамъ, онъ сказалъ: вотъ тотъ конь, отъ котораго докторъ пророчилъ мнѣ смерть. Говоря это, султанъ толкнулъ ногою конскую голову; изъ нея выскочила змѣя и уязвила его въ ногу; отъ этой язвы султанъ умеръ на третій день. Такимъ образомъ исполнилось и пророчество, и непостижимая судьба».

Преданіе о смерти Олега находится, въ одинаковомъ видѣ, въ различныхъ редакціяхъ лѣтописи, согласно съ ея древнѣйшимъ спискомъ[1]). Оно считалось достопамятнымъ событіемъ лѣтописцами, прибавлявшими объясненье для доказательства, что предсказанія волхвовъ сбываются. Даже въ тѣхъ редакціяхъ, въ которыхъ извѣстія о первыхъ вѣкахъ состоятъ изъ краткихъ замѣтокъ, лѣтописцы не забываютъ отмѣтить: «умре Олегъ, а смерть ему отъ коня своего, и выйде изо лба змія, и уязви его въ ногу, и умре». Иногда разсказъ сопровождается выводомъ въ родѣ слѣдующаго: да научится каждый, что судьбѣ противиться нельзя, и суда Божія никому не избѣжать...

---

1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. I, 16; II, 240—241; IV, 174.

О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго[1]).

Въ исторіи древней русской словесности XII столѣтіе было временемъ счастливымъ въ сравненіи съ вѣками послѣдующими: въ этомъ согласны всѣ изслѣдователи русской старины. Къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской литературы XII вѣка принадлежатъ произведенія Кирилла Туровскаго. Они представляютъ интересъ для исторіи словесности какъ по древности своей, такъ и потому, что опредѣлительно знакомятъ съ характеромъ древней нашей образованности, и способствуютъ наиболѣе подробному рѣшенію вопроса о древнѣйшемъ и продолжительнѣйшемъ иностранномъ вліяніи на нашу словесность.

Значеніе сочиненій Кирилла Туровскаго сознавалось и въ древній и въ новый періодъ русской литературы, хотя это сознаніе — само собою разумѣется — выражалось различно.

Въ древній періодъ произведенія Кирилла Туровскаго были явленіемъ болѣе или менѣе живымъ, удовлетворявшимъ до нѣкоторой степени требованіямъ тогдашнихъ читателей. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ они читались и переписывались довольно усердно, что̀ доказывается множествомъ списковъ. Распредѣленіе ихъ въ сборникахъ и обращеніе въ началѣ нѣкоторыхъ

1) «Рукописи графа А. С. Уварова. Томъ второй. Памятники словесности. Выпускъ первый». Спб. 1858. — *Указанія на страницы относятся къ этому изданію твореній Кирилла, сдѣланному М. И. Сухомлиновымъ.*

словъ показываютъ, что они читались въ извѣстные дни всенародно. По введеніи книгопечатанія они не замедлили явиться въ печати. Уваженіе къ сочиненіямъ Кирилла Туровскаго обнаруживается изъ того, что даже въ XVII вѣкѣ они служили образцами для русскихъ книжниковъ вмѣстѣ съ сочиненіями лучшихъ византійскихъ писителей.

Въ новый періодъ изслѣдователи русской исторіи и литературы постоянно обращаются къ сочиненіямъ Кирилла Туровскаго при описаніи русскаго быта въ древности. Историки признаютъ ихъ весьма важнымъ матеріаломъ для изображенія внутренней жизни Россіи XII вѣка. Ученые, обращавшіе вниманіе на литературное значеніе Кирилла Туровскаго, согласны въ томъ, что онъ обладалъ замѣчательнымъ талантомъ, и что безъ основательнаго знакомства съ его произведеніями нельзя составить вѣрнаго понятія о русской литературѣ XII вѣка.

Степень убѣдительности выводовъ о литературномъ значеніи Кирилла Туровскаго всего вѣрнѣе можетъ опредѣлиться посредствомъ сравненія сочиненій его съ произведеніями, служившими для него источниками. Рѣдкій писатель бываетъ въ разладѣ съ духомъ вѣка, съ общимъ направленіемъ литературы, и въ этомъ-то направленіи должно искать данныхъ для характеристики писателя. Чтобы не преувеличить дѣла незаслуженными похвалами, и, съ другой стороны, чтобы не допустить рѣзкаго и несправедливаго осужденія, необходимо имѣть въ виду отношеніе памятника не къ современной намъ литературной теоріи, а къ явленіямъ, ближайшимъ къ нему и по времени и по духу.

Сознавая важность историческаго изученія писателей, представляемъ нѣсколько данныхъ, опредѣляющихъ отношенія Кирилла Туровскаго къ его источникамъ и образцамъ.

Въ древній періодъ, до XVI — XVII в., словесность наша подвержена была двумъ вліяніямъ, библейскому и византійскому. Библейское вліяніе, проникая во всѣ литературы христіанскихъ народовъ, является въ полномъ блескѣ и въ литературѣ византійской въ періодъ ея, обнимающій IV-е столѣтіе. Но у послѣ-

дующихъ писателей обнаружилось иное направленіе, которое хотя и напоминало библейское вліяніе — многочисленными цитатами изъ библіи, но въ сущности все болѣе и болѣе уклонялось отъ него. Византійская литература, постоянно и въ сильной степени подвергаясь библейскому вліянію, до такой степени видоизмѣнила его, что трудно въ нѣкоторыхъ случаяхъ разграничить элементъ библейскій собственно и элементъ библейско-византійскій, проникшій въ русскую письменность съ первыхъ, можно сказать, дней ея существованія. Тѣмъ не менѣе существенныя черты отличія не могутъ ускользнуть отъ внимательнаго изслѣдованія. За библейскимъ элементомъ остается глубина воззрѣнія, свѣжесть чувства, широкій взглядъ на человѣка и сочувственный на природу. Византійскій элементъ принесъ съ собою не глубокія идеи или поэтическое чувство, а исключительный, односторонній взглядъ на человѣка, и прозаическую холодность къ природѣ. Византійске вліяніе не поддерживало художественныхъ стремленій, не содѣйствовало литературному развитію народа, заставляя писателей чуждаться дѣйствительности и современности. Не находя умѣстнымъ теперь подтверждать мысль свою многими доказательствами, которыя представятся сами собою изучающему нашу и родственную намъ старину sine ira et studio, скажу только, что по отношенію къ занимающему насъ вопросу о Кириллѣ Туровскомъ, вліяніе библейско-византійское выразилось преимущественно: въ сочувственномъ взглядѣ на природу и человѣка, въ символизмѣ и аллегоризмѣ, наконецъ въ литературныхъ пріемахъ вообще.

Символизмъ вытекаетъ изъ сочувственнаго взгляда на природу: между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ образуется таинственная связь, входящая въ представленія народа, независимая отъ чьего-либо личнаго произвола. Но къ живому представленію примѣшивается мало-по-малу произволъ, условное пониманіе и толкованіе. Здѣсь переходъ отъ символизма къ иносказанію, къ аллегорическому объясненію; въ послѣднемъ — полное торжество византійскаго элемента.

Сообразно съ указанными нами чертами библейско-византійскаго вліянія на Кирилла Туровскаго, а въ лицѣ его и на всю древнюю словесность, представимъ данныя: во первыхъ, вліянія библейскаго; во вторыхъ, византійскаго, какъ оно выразилось въ литературныхъ пріемахъ, въ символизмѣ и въ аллегоризмѣ. Въ каждомъ изъ отдѣловъ будемъ приводить и самыя заимствованія. Сравненіе подражанія съ оригиналомъ тѣмъ необходимѣе, что Кириллъ Туровскій есть въ полномъ смыслѣ слова представитель византійскаго вліянія на нашу древнюю словесность, и съ совершенною справедливостью можно сказать, что опредѣлить направленіе Кирилла Туровскаго значитъ опредѣлить направленіе, господствовавшее въ нашей литературѣ въ теченіе цѣлыхъ шести столѣтій.

Библейское вліяніе.

Библейское вліяніе обнаруживается во множествѣ текстовъ, приводимыхъ Кирилломъ Туровскимъ, но обнаруживается болѣе внѣшнимъ образомъ, нежели внутреннимъ. Между словами Св. Писанія и словами и мыслями автора не всегда видна та живая связь, какая замѣтна, напримѣръ, у Нестора. Библейскіе образы и выраженія не вытекаютъ свободно изъ религіознаго настроенія, а сопоставляются съ нѣкоторою искусственностью, отчасти наивною. Не всѣ тексты приводятся умѣстно; иногда они служатъ только для распространенія мысли, нисколько не содѣйствуя ея изобразительности и живости производимаго ею впечатлѣнія. Гораздо удачнѣе тѣ мѣста у Кирилла Туровскаго, которыя, не состоя изъ подбора текстовъ, явились, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ библейскихъ образцовъ, хотя и не имѣютъ буквальнаго сходства съ ними. Таковы, напримѣръ, жалобы страдальца, напрасно умоляющаго о помощи, картины ликующей природы, и т. п.

Кириллъ Туровскій говоритъ: «Нынѣ горы и холмы точатъ

сладость, удолія и поля плоды Богу приносятъ» (стр. 8). Въ псалмѣ LXIV, 13, 14: «Тучнѣютъ пустынныя пажити, и холмы радостью препоясываются. Луга покрываются стадами, и поля (удолія) одѣваются пшеницею».—У Кирилла Туровскаго: «Тебѣ всю тварь на работу сотворилъ; небо и земля тебѣ служатъ: небо — влагою, а земля — плодами. Для тебя солнце свѣтомъ и теплотою служитъ, и луна съ звѣздами ночь обѣляетъ. Для тебя облака дождемъ землю напояютъ, и земля всякую траву сѣменитую и деревья плодовитыя возращаетъ. Для тебя рѣки приносятъ рыбъ, и пустыни питаютъ звѣрей» (стр. 39). Въ псалмахъ такъ описывается созданное на службу человѣка: «Когда взираю на небеса твои, на луну и звѣзды, которыя ты поставилъ: то что есть человѣкъ, что ты помнишь его?.... Поставилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ твоихъ, все положилъ къ ногамъ его, овецъ и воловъ всѣхъ, и дикихъ звѣрей, птицъ небесныхъ и рыбъ морскихъ, ходящихъ морскими путями (VIII, 4, 5, 7, 8, 9). Ты съ высотъ своихъ напояешь горы; плодами дѣлъ твоихъ насыщается земля. Ты произращаешь траву для скота, и зелень на пользу человѣка, чтобъ произвесть изъ земли хлѣбъ (CIII, 13, 14). Взираешь на землю, и орошаешь ее.... Напояешь борозды ея, равняешь глыбы ея, дождевыми каплями размягчаешь ее, благословляешь ее произращать» (LXIV, 10, 11), и т. п. Сходство съ приведенными мѣстами изъ Кирилла Туровскаго представляютъ нѣкоторыя мѣста въ «Пчелахъ», откуда они переходили и въ другія произведенія. Такъ, въ одномъ «словѣ о постѣ» читаемъ: «Море, и озера, и рѣки, и источники служатъ людямъ: переносятъ на корабляхъ, посредствомъ вѣтровъ, изъ города въ городъ; служатъ путемъ, лѣтомъ черезъ море перенося въ ладьяхъ и челнахъ, а зимой на возахъ; напояютъ водами, кормятъ всякими рыбами, омываютъ насъ: такъ намъ служатъ, боясь Творца своего. Также и огонь творитъ, повинуясь Господу, служа людямъ.... Самъ говоритъ намъ въ Пчелѣ: почему, о человѣкъ, ты меня не умѣешь почитать? А я для тебя свѣтъ сотворилъ, небо простеръ, и землю на водахъ основалъ; море на-

лилъ горстью, пескомъ оградилъ. Для тебя сотворилъ озера и рѣки и источники. Для тебя солнце, луну и звѣзды украсилъ. Для тебя всякое дерево насадилъ, и траву произрастилъ. Для тебя огонь сотворилъ; пустилъ дождь и снѣгъ. И все это меня боится и трепещетъ, и не преступаетъ повелѣній моихъ. А ты, человѣкъ, не боишься и не трепещешь меня, не хранишь заповѣдей моихъ», и т. д.[1]).

Кириллъ Туровскій влагаетъ въ уста «разслабленнаго» такую рѣчь: «Грѣхи мои разслабили всѣ члены тѣла моего. Богу молюсь, и не слушаетъ меня, ибо беззаконія мои покрыли голову мою. Врачамъ раздалъ все имѣніе мое, но помощи получить не могъ: нѣтъ зелія, могущаго перемѣнить Божію казнь. Знакомые мои гнушаются меня, ближніе мои стыдятся меня, и я какъ чужой братьямъ моимъ. Всѣ клянутся мною, и утѣшающаго не нахожу.... Стеню со слезами, томимъ болѣзнію недуга моего, и никто не придетъ посѣтить меня; одинъ страдаю, невидимый никѣмъ» и т. д. Рѣчь эта, обращенная къ Господу, составлена подъ вліяніемъ Іова, отчасти евангелистовъ и особенно псалмовъ, изъ коихъ одинъ, сто первый, и называется: «молитва страждущаго, когда онъ унываетъ, и предъ лицемъ Господнимъ изливаетъ печаль свою». Ср. «Братья мои отступили отъ меня, и друзья чуждаются меня. Покинули меня ближніе мои, и знающіе имя мое забыли меня. Гнушаются меня видящіе меня, и тѣ, кого любилъ, возстали на меня» (Іова XIX, 13, 14, 19). Къ спасителю прикоснулась женщина, «много претерпѣвшая отъ многихъ врачей, и истощившая все свое имѣніе, но никакой пользы не получившая» (Марк. V, 26. — Лук. VIII, 43). «Нѣтъ здраваго мѣста въ тѣлѣ моемъ отъ гнѣва Твоего; нѣтъ мира въ костяхъ моихъ отъ грѣха моего. Ибо беззаконія мои покрыли голову мою; какъ тяжелое бремя тяготятъ меня. Искренніе мои и друзья мои, видя язву мою, отступили; вдали стоятъ ближніе мои» (псал. XXXVII, 4, 5, 12). «Всѣ видящіе меня ругаются мнѣ, расширяютъ уста, ки-

1) Православный Собесѣдникъ. 1858. Январь. Стр. 138—168.

ваютъ головою» (псал. XXI, 8). «Чужимъ сталъ я для братьевъ моихъ, и незнакомымъ для сыновъ матери моей. Посрамленіе сокрушило сердце мое, я изнемогъ; жду состраданія, но нѣтъ его; утѣшителей, но не нахожу» (псал. LXVIII, 9, 21).

Многія поученія Кирилла Туровскаго состоятъ изъ пересказа евангельскаго повѣствованія, съ различными дополненіями и объясненіями. Тексты рѣдко приводятся съ точностью и опредѣлительностью. Обыкновенно нѣсколько текстовъ сводятся въ одинъ, и связываются собственными словами автора. Многіе тексты приводятся въ сокращеніи, такъ что болѣе передается мысль библейскаго повѣствованія, а не слова его. Свидѣтельства библіи дополняются изъ другихъ источниковъ, частью же изъ самого Св. Писанія, но съ перерывомъ послѣдовательности библейскаго изложенія. Слова Св. Писанія весьма часто перемѣшиваются съ собственными словами автора, такъ что иногда цѣлыя страницы состоятъ изъ словъ и выраженій Св. Писанія, а между тѣмъ нѣтъ ни одного текста вполнѣ. Частое, почти безпрестанное употребленіе Кирилломъ Туровскимъ текстовъ или ихъ отрывковъ доказываетъ, съ одной стороны, начитанность автора въ Св. Писаніи, давшую ему возможность съ большою легкостью выражать мысль словами, взятыми изъ нѣсколькихъ мѣстъ библіи, и искусно слитыми въ одно цѣлое. Съ другой стороны, привычка и желаніе говорить текстами препятствовали свободному выраженію мыслей автора, и придали слогу его искусственность, заслонившую элементъ народный. А только въ народномъ, непринужденномъ словѣ можетъ вполнѣ отразиться самобытный образъ мыслей, движеніе чувства, воззрѣніе народа.

Тексты, приводимые Кирилломъ Туровскимъ, сличены нами съ текстами списковъ, преимущественно древнѣйшихъ, Св. Писанія. Сличеніе предлагается на страницахъ самаго изданія. Мы не сличаемъ всѣхъ текстовъ безъ исключенія: это невозможно уже по самой методѣ автора приводить тексты неточно и отрывками. Притомъ же мѣста, заимствованныя изъ Св. Писанія, указаны нами по лучшимъ спискамъ издаваемаго автора, и въ та-

комъ количествѣ, что ими довольно ясно и положительно опредѣляется, какимъ образомъ Кириллъ Туровскій пользовался книгами Св. Писанія.

Византійское вліяніе.

Писатели, выражающіе направленіе Византійской литературы.—Вліяніе ихъ на Кирилла Туровскаго.—Заимствованія и сходство.—Литературные пріемы.

Литературные пріемы усвоены Кирилломъ Туровскимъ подъ вліяніемъ византійскихъ образцовъ. Введеніе длинныхъ рѣчей, сравненія и противоположенія, вопросы и восклицанія, обращенія и олицѣтворенія, словомъ вся риторическая сторона его сочиненій объясняется условіями византійскаго краснорѣчія. Въ числѣ представителей его здѣсь могутъ быть названы: Іоаннъ Златоустъ и его подражатели; Проклъ Константинопольскій, Титъ Вострскій, Евлогій Александрійскій, Кириллъ Александрійскій, Епифаній Кипрскій, Симеонъ Логоѳетъ и другіе. Большая часть этихъ писателей такъ сходны между собою и по направленію, и по выбору предметовъ и образовъ, что многія черты, замѣчаемыя въ ихъ произведеніяхъ, служатъ выраженіемъ не ихъ личнаго взгляда и таланта, а общаго литературнаго обычая, рутины. Одинъ и тотъ же образъ, одно и то же толкованіе, даже одни и тѣ же выраженія встрѣчаются у нѣсколькихъ изъ нихъ, такъ что нѣтъ никакой возможности сказать, откуда именно заимствовалъ нашъ авторъ общія всѣмъ черты. Впрочемъ очевидно то, что онъ заимствовалъ не столько слова, сколько манеру вообще. Масса писателей, извѣстныхъ русскому книжнику XII вѣка, не должна казаться удивительною. Почти всѣ они принадлежатъ къ отцамъ церкви, творенія которыхъ переводились на славянскій языкъ въ глубокой древности. Притомъ, такъ какъ поученія ихъ писаны большею частью по одному и тому же поводу—преимущественно на праздники церковные, и располагались по порядку праздниковъ, то чтеніе «сборника» или «торжественника» могло

уже достаточно ознакомить съ произведеніями византійскихъ писателей. Примѣръ Кирилла Туровскаго указываетъ на подобный путь заимствованія, и служитъ однимъ изъ доказательствъ существованія такого рода сборниковъ въ XII столѣтіи, если не ранѣе.

I.

Изъ византійскихъ писателей, служившихъ образцами для Кирилла Туровскаго, ученые указываютъ преимущественно на Іоанна Златоуста (354—407). Не разъ повторенное мнѣніе о связи словъ Кирилла Туровскаго съ поученіями Златоуста произошло, между прочимъ, отъ того, что въ рукописяхъ нѣкоторыя слова Кирилла Т. приписываются Златоусту. Но съ именемъ Златоуста соединялось у нашихъ книжниковъ понятіе, нѣсколько смутное, о писателѣ вообще, и они приписывали Златоусту, безъ строгаго выбора, сочиненія разныхъ писателей, какъ русскихъ, такъ и византійскихъ.

Издавая сочиненія Кирилла Туровскаго, Калайдовичъ называлъ его подражателемъ Златоуста, а Каченовскій готовъ былъ видѣть въ немъ переводчика или даже переписчика сочиненій Златоуста[1]). Послѣдующіе ученые хотя и признавали между этими писателями сходство по духу и характеру[2]), но видѣли его только въ «любви къ слову Божію и спасенію другихъ», т. е. въ свойствахъ, принадлежащихъ всѣмъ благочестивымъ писателямъ безъ исключенія. Ближайшее отношеніе допускалось съ такими ограниченіями, что внутренняя, живая связь становится нѣсколько сомнительною. Находятъ, что слова Кирилла Туровскаго справедливо оставили за нимъ имя *русскаго* Златоуста, *но 12 вѣка.* По другому мнѣнію, современники и ближайшіе потомки не безъ

---

1) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. IX. — Вѣстникъ Европы. 1822. № 1, стр. 54—57; № 2, стр. 133, стр. 55, прим. 1.

2) Исторія Русской Словесности, преимущественно древней, *Шевырева.* 1846, выпускъ 2-й, стр. 225.—Исторія Русской Церкви. 1849. Періодъ первый, стр. 69.

основанія могли называть святителя туровскаго русскимъ Златоустомъ, конечно, не въ томъ смыслѣ, чтобы сочиненія его равнялись *по достоинству и характеру* съ твореніями древняго златословеснаго учителя, а въ томъ, что св. Кириллъ былъ тогда у насъ самымъ лучшимъ витіею и отличался необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, но въ словахъ его «не достаетъ двухъ самыхъ главныхъ свойствъ проповѣдей св. Златоуста: общедоступности и нравственнаго преобладающаго направленія» [1]).

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что пониманіе Златоуста, во всей полнотѣ его литературнаго и общественнаго значенія, было рѣшительно недоступно русскому писателю XII вѣка, даже даровитому и начитанному. Ему оставалось только усвоить черты общедоступныя и внѣшнюю форму. Но какъ форма тѣсно связана съ содержаніемъ, то и Кириллъ Туровскій формальною стороною своихъ словъ сближается болѣе съ другими византійцами, а не съ Златоустомъ. У другихъ византійскихъ ораторовъ преобладаетъ аллегоризмъ, отчужденіе отъ современной имъ дѣйствительности, равнодушіе къ общественнымъ недугамъ Византіи. У Златоуста, даже въ словахъ, гдѣ наиболѣе догматизма, слышится то сочувствіе къ нуждамъ общества, то участіе къ горькой долѣ пролетарія, которое заставило его сказать исполненныя глубокаго смысла слова: «Богъ не такъ скоро услышитъ праведныхъ, какъ бѣдныхъ» [2]).

Въ бесѣдѣ о вшествіи Іисуса Христа въ Іерусалимъ, І. Златоустъ и Кириллъ Туровскій основываются на томъ же самомъ повѣствованіи евангельскомъ, и объясняютъ его. Но въ тонѣ объясненій расходятся. Кириллъ Т., послѣ иносказательнаго толкованія, говоритъ, обращаясь къ слушателямъ: «изыдемъ любовію, подобно народамъ, во срѣтеніе ему; постелемъ, какъ ризы, наши добродѣтели; воскликнемъ молитвою и беззлобіемъ

---

1) Исторія Русской Церкви, Макарія, епископа винницкаго, 1857, т. III, стр. 148—149 и 100.

2) Въ бесѣдѣ о второмъ пришествіи. Хр. Чт. 1843. Часть I, февр., стр. 235.

какъ младенцы; предъидемъ милостынями къ нищимъ; послѣдуемъ смиреніемъ и постомъ» (стр. 9), и т. д. Это обращенье не поражаетъ прозаическою холодностію; оно довольно живо и одушевленно. Но ясно, что добродѣтели: любовь, милостыня, смиреніе и т. п. названы только для показанія соотвѣтствія съ предметами, о которыхъ говорится въ текстѣ. Подобныя наставленія могутъ относиться ко всѣмъ и каждому, и не заключаютъ въ себѣ ничего такого, что особенно могло бы подѣйствовать на русскихъ слушателей того вѣка или было бы вызвано ихъ бытомъ. У Златоуста же черты современнаго ему византійскаго быта ярко выступаютъ даже и тамъ, гдѣ, по самому предмету рѣчи, не было имъ простора. Іисусъ Христосъ, — говоритъ І. Златоустъ, — при входѣ въ Іерусалимъ, возсѣвъ на осла, исполнилъ пророчество Захарія, и въ то же время прообразовалъ будущее — призваніе язычниковъ. Кромѣ того, по мнѣнію Златоуста, Іисусъ Христосъ имѣлъ цѣлью и представить образецъ простоты, показывая, что не на коняхъ, не на мулахъ надобно мчаться, но должно довольствоваться осломъ, и не простираться далѣе необходимаго.... Христосъ садится на осленка, покрытаго одеждою апостоловъ, потому что апостолы все свое отдаютъ, какъ говоритъ одинъ изъ нихъ: я съ удовольствіемъ буду издерживать свое, и истощать себя самого за души ваши (2 Кор. XII, 15). Будемъ и мы поступать такъ же; будемъ подавать одежду тѣмъ, которые носятъ его, и пр. Затѣмъ слѣдуютъ увѣщанія о вспоможеніи бѣднымъ, показывающія въ авторѣ близкое знакомство съ вопіющими нуждами народа. По его мнѣнію, въ городѣ $^1/_{10}$ часть бѣдныхъ, а $^1/_{10}$ — пролетаріевъ, остальныя $^8/_{10}$ — посредственнаго состоянія, и т. д. [1]).

Различіе воззрѣнія открывается всего яснѣе тогда, когда рѣчь идетъ или объ одномъ и томъ же предметѣ или о предметахъ близкихъ между собою. Удаленіе отъ свѣта, жизнь уеди-

---

1) Іоанна Златоустаго, Бесѣды на евангелиста Матѳея. Новый переводъ съ Греческаго. Москва. 1839. Ч. III, бесѣда 66.

ненная, иноческая имѣла высокое значеніе какъ для Златоуста, такъ и для Кирилла Туровскаго. Но послѣдній, говоря о ней, ограничивается иносказательными объясненіями ея аттрибутовъ, и нѣсколькими совѣтами, обнаруживающими полное сочувствіе къ предмету, о которомъ говоритъ. Для инока, по понятію Кирилла Т., всѣ вещи необходимыя ему, весь окружающій его міръ исполненъ таинственнаго смысла. Стремленіе уразумѣть эту таинственность развилось подъ вліяніемъ аскетическихъ сочиненій Византійцевъ. Кириллъ Т. смотритъ на призваніе монаха по отношенію къ первообразу, открываемому въ аллегорическихъ обѣтахъ, а не по отношенію къ быту дѣйствительному, съ его мелочами и неправдами, которому иноки должны бы служить безмолвнымъ обличеніемъ. Въ сказаніи объ иноческомъ чинѣ Кириллъ Туровскій разъясняетъ аллегорическое значеніе монашеской одежды, и предлагаетъ наставленія въ родѣ слѣдующихъ: будь славенъ не одеждами свѣтлыми, а дѣлами добрыми; ты воленъ надъ собой только до церковныхъ дверей, подобно свѣчѣ, а тамъ покорись, что̀ бы изъ тебя ни сдѣлали; подобно одеждѣ, знай себя до тѣхъ поръ, пока не возьмутъ тебя въ руки, а тамъ терпи, хотя бы и разорвали тебя на онучья, и т. п. Въ сказаніи встрѣчаются довольно яркіе намеки на тогдашнее монашество, позволяющіе думать, что Кириллъ Т. могъ бы передать много интересныхъ подробностей быта своего времени, если бы не подчинился византійской исключительности. Для Златоуста жизнь отшельническая была исполнена прелести, какъ близкая къ природѣ, и представляющая невозмутимое, нравственное величіе, котораго напрасно было бы искать между людьми, преданными житейской суетѣ. Святые, — говоритъ І. Златоустъ, — облеченные въ власяницы, живущіе въ пустыняхъ, носятъ брачныя одежды.... Нѣтъ у нихъ потоковъ крови; они не разсѣкаютъ мясъ; нѣтъ головныхъ болей; нѣтъ приправъ въ кушаньяхъ; нѣтъ ни тяжелаго запаха и непріятнаго курева, ни безпрестаннаго бѣганья и шума, ни суматохи и криковъ несносныхъ, а только хлѣбъ и вода: вода изъ чистаго источника, хлѣбъ — отъ

трудовъ праведныхъ. Постелью имъ служитъ просто трава; небо служитъ имъ вмѣсто крова, и луна вмѣсто свѣтильника: и для нихъ-то однихъ не даромъ свѣтитъ луна.... Разговоръ ихъ исполненъ такого же спокойствія: они не говорятъ о томъ, о чемъ разговариваемъ мы, до насъ нисколько не касающемся, напр. тотъ-то сдѣланъ начальникомъ, тотъ лишенъ начальства, тотъ умеръ, а другой получилъ наслѣдство, и т. п. И какъ мы не находимъ достойнымъ нашего разговора то, что дѣлаютъ муравьи въ своихъ муравейникахъ, такъ и они не говорятъ о томъ, что дѣлаемъ мы.... Ничто у святыхъ царь, ничто — начальникъ; но какъ мы смѣемся надъ дѣтьми, въ игрѣ представляющими царя или начальника, такъ и они презираютъ гордость тѣхъ, которые внушаютъ страхъ собою, и т. д.[1]).

Мы приводимъ черты различія, а не сходства, потому что первыхъ болѣе, нежели послѣднихъ. Оставляя все то, что не составляетъ особенности Златоуста, являясь у него только въ слабой степени, и получило развитіе уже впослѣдствіи, — мы можемъ указать только на сходство нѣкоторыхъ выраженій. Такъ, несовершенно ясное начало слова въ недѣлю цвѣтную представляетъ сходство, въ выраженіяхъ и образахъ, съ словомъ Златоуста о томъ же предметѣ. Кириллъ Туровскій начинаетъ такъ: «велика и ветха *сокровища*, дивно и радостно *откровенье*, добра и сильна *богатьства*, нескудно ближнимъ и дальнимъ даеми *дарове*.... обильны и преполнени царскіе трапезы мнози останци, отъ нихже нищіи мы *препитаемы биваемъ не гиблющею ядью, но пребывающею въ животъ вѣчный*» (Іоан. VI, 27). — Въ словѣ I. Златоуста на вербицу, начинающемся такъ: «отъ чудесъ къ чудесамъ переходимъ» и пр., встрѣчаются подобныя мѣста: «святыхъ евангелій чудеса.... Христову церковь *питаютъ не гиблющею ядію, но пребывающею въ животъ вѣчный*.... Давыдъ писаніемъ *сокровище* покрываше, глаголя: о Господи, спаси; о Господи поспѣши; благословенъ грядый во имя Господне (CXVII,

1) Бесѣды Златоуста. Москва. 1839, т. III, бесѣда 69.

25, 26). Мы сокровище раскопаемъ, и письмена *открываемъ* вѣрно.... Давыдъ пророкъ подъ писаніемъ скры разумъ, а дѣти, открывше, на языцѣ *богатьство* изнесоша.... И мы.... въ кровѣхъ положимъ Божія *дары*, возопіемъ безпрестани: благословенъ грядый во имя Господне», и т. д.[1]).

Въ литературныхъ пріемахъ отразилось вліяніе Златоуста частью характеромъ рѣчей, болѣе же — употребленіемъ наглядныхъ сравненій. У Златоуста, изображаемыя лица изливаютъ иногда свои чувства въ формѣ рѣчей, составляющихъ лирическія мѣста поученій. Такъ въ формѣ рѣчи онъ передаетъ чувства блудницы, омывающей ноги Спасителя, и предающейся внутреннему, безмолвному изліянію своихъ чувствъ. Само собою разумѣется, что не всѣ рѣчи — одного и того же литературнаго достоинства. Въ древнемъ Супрасльскомъ сборникѣ, въ словѣ «въ недѣлю новую и о невѣрствіи апостола Ѳомы», есть разговоръ ап. Ѳомы съ Іисусомъ Христомъ, одинаковый по мысли съ такимъ же разговоромъ у Кирилла Т., и поразительно сходный по формѣ; но содержаніе не представляетъ сходства, за исключеніемъ самыхъ общихъ чертъ[2]).

У другихъ византійскихъ ораторовъ лирическія мѣста замѣняются схоластикой, сцѣпленіемъ текстовъ, болѣе приличнымъ теологическому разсужденію, нежели рѣчамъ тѣхъ простыхъ, некнижныхъ и прямодушныхъ людей, которые были свидѣтелями многихъ событій библейскихъ. Рѣчи Кирилла Туровскаго занимаютъ какъ-бы средину между рѣчами Златоуста и его подражателей. Большее, сравнительно съ византійскими, соотвѣтствіе лицу и предмету, и проблески чувства въ рѣчахъ Кирилла Т. отчасти обязаны благотворному вліянію Златоуста.

Златоустъ любилъ употреблять сравненія, способствующія наглядному представленію предмета, заимствованныя отъ вещей общеизвѣстныхъ и общедоступныхъ. Живую связь и послѣдова-

---

1) Monumenta linguae palaeoslovenicae, ed. Miklosich. 1851, стр. 234, 241.— Рукопись Публ. Библ. I. F. 251. Л. 101 об., 104.

2) Monumenta l. palaeosl., стр. 386—389.

тельность евангельскихъ повѣствованій онъ сравниваетъ съ крѣпкою связью звеньевъ драгоцѣнной цѣпи, неразрывно вплетающихся одно въ другое. Если видишь, говоритъ Златоустъ, цвѣтущій дубъ или струящійся источникъ, переносишься къ нимъ взоромъ и сердцемъ; если слышишь повѣсти о событіяхъ, стремишься къ нимъ, и хотя тѣломъ находишься на одномъ и томъ же мѣстѣ, но мыслью — тамъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе: то же случилось теперь и со мной, и т. д. У Кирилла Т. также встрѣчаются подобныя сравненія: когда мужъ уходитъ въ далекій путь, жена предается скорби и сурово обходится съ дѣтьми; когда же возвращается мужъ, вдругъ настаетъ невыразимое веселье, и дѣти радостно ликуютъ, одаряемыя безмѣрно. Или: когда пастухъ приляжетъ уснуть, и проснувшись увидитъ, что стадо его разошлось, то быстро вставъ, спѣшитъ повсюду собрать свое стадо: такъ и Христосъ по воскресеніи собираетъ ангеловъ и людей въ единое стадо, и т. п.[1]).

Говоря объ отношеніи Златоуста къ нашему автору, не можемъ оставить безъ вниманія тѣхъ соображеній, которыми доказывали вліяніе Златоуста на русскаго проповѣдника XII вѣка. Каченовскій первый поднялъ весьма важный вопросъ о томъ, самостоятельный ли писатель Кириллъ Туровскій. Вопросъ поставленъ такъ удачно, что и въ наше время сохраняетъ свое значеніе. Сомнѣніе свое въ самостоятельности открытаго Калайдовичемъ автора Каченовскій основывалъ главнѣйшимъ образомъ на томъ, что во первыхъ, въ сочиненіяхъ Кирилловыхъ говорится иногда о предметахъ гораздо болѣе умѣстныхъ въ Византіи IV вѣка, нежели въ Туровѣ XII в.; во вторыхъ, начала нѣкоторыхъ словъ Кирилла Т. и Златоуста буквально сходны между собою[2]).

---

1) Въ словѣ на пасху, въ притчѣ о бѣлоризцѣ, и др.

2) Возраженія Каченовскаго и защита Калайдовича, по поводу изданныхъ послѣднимъ въ «Памятникахъ россійской словесности XII вѣка» сочиненій Кирилла Туровскаго, помѣщены въ Вѣстникѣ Европы 1822 г. № 1, стр. 44—57; № 2, стр. 130—133; № 6, стр. 81—100.

Каченовскій говоритъ объ І. Златоустѣ: «извѣстно, что сей краснорѣчивый отецъ церкви, отъ котораго осталось намъ болѣе четырехъ сотъ сочиненій, по благочестивой ревности своей къ вѣрѣ, гремѣлъ противъ Іудеевъ и Аріанъ, тогда еще опасныхъ и многочисленныхъ враговъ православія; въ семъ отношеніи находимъ въ словахъ нашего Кирилла мѣста, болѣе приличныя обстоятельствамъ *четвертаго* вѣка, нежели двѣнадцатаго, приличныя болѣе катедрѣ константинопольской, нежели туровской». Кириллъ Т. нѣсколько разъ упоминаетъ объ Іудеяхъ; но слова его составлены по повѣствованію евангельскому, въ которомъ постоянно говорится объ Іудеяхъ, слѣдившихъ съ дѣятельнымъ участіемъ и ненавистью за ученіемъ и дѣйствіями Іисуса Христа. Обличенія Іудеевъ у Кирилла Т. касаются только поступковъ ихъ въ теченіе жизни Іисуса Христа, не указывая на образъ дѣйствій ихъ въ вѣкахъ послѣдующихъ; слѣдовательно, могутъ принадлежать христіанскимъ писателямъ всѣхъ вѣковъ. Противъ Арія говорится въ словѣ на соборъ отцовъ противъ Арія, т. е. «заимствуя предметъ отъ событія», какъ замѣтилъ Калайдовичъ въ своемъ возраженіи. Если что̀ указываетъ на дѣйствительность византійскую IV в., а не русскую XII в., то скорѣе слѣдующее мѣсто, особенно рѣзкое. Приведя начало евангельской притчи (Матѳ. XXI, 33), въ которой подъ именемъ «человѣка домовита» разумѣется Богъ, Кириллъ Т. говоритъ: если Богъ и называется человѣкомъ, то «не образомъ, но притчею: ни единого бо подобія (т. е. внѣшняго) человѣкъ имѣя Божія, аще бо и блазнятся етери, слышаще Моисея глаголюща: «рече Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію», и прилагаютъ къ безплотному тѣлу, не имуще стройна разума. И *си есть ересь и донынѣ, человѣкообразно ся глаголющимъ Бога*, иже никакоже описается Богъ, ни мѣры качеству имать». Ученіе о человѣкообразности Божества извѣстно было въ Византіи. Въ IV вѣкѣ нѣкто *Audius*, коего послѣдователи называются *Audiani* или *Odiani*, основываясь на оригинальномъ пониманіи словъ: «по образу нашему и по подобію», училъ, что Божество человѣкообразно, имѣетъ

внѣшній видъ и тѣлесные члены человѣка. Свѣдѣнія объ этомъ ученіи и опроверженія его находятся у Аѳанасія Александрійскаго († 373), у церковнаго историка V вѣка Теодорита и др.

Изъ каталога греческихъ рукописей синодальной библіотеки, изданнаго Маттеи, Каченовскій привелъ начала двухъ словъ, означенныхъ именемъ Златоуста. Одно изъ нихъ начинается: ἐγὼ μὲν ἤλπιζον, у Кирилла Т.: *азъ убо*, о друзи и братье, *надѣяхся*; другое: ἔλεον θεοῦ καὶ φιλανθρωπίαν, у Кирилла: *милость Божію и человѣколюбіе*. Калайдовичъ справился съ печатнымъ изданіемъ сочиненій Златоуста, и увидѣлъ, что въ числѣ ихъ есть слова съ такимъ началомъ; но совершенно другаго содержанія. Но такъ какъ одинаковыя начала могутъ быть и въ разныхъ словахъ, и притомъ второе извѣстно только по заглавію, не будучи напечатано, какъ подложное, то необходимо было обратиться къ самимъ рукописямъ, чтобы убѣдиться, что первое слово тожественно съ напечатаннымъ, а второе не служило оригиналомъ для нашего автора. По справкѣ съ греческою рукописью оказалось[1]), что первое слово есть дѣйствительно то самое, которое извѣстно въ печати и направлено противъ тѣхъ, которые говорятъ, что демоны управляютъ дѣйствіями людей, и т. д.— Второе слово надписано въ рукописи: τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ὑμῶν Ιω. ἀρχιεπ. Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Χρυσοστόμου ὁμιλία, ὅτε ἔνιψεν ὁ Ἰησοῦς τοὺς πόδας τῶν μαθητῶν, т. е. иже во святыхъ отца нашего Іоанна, архіепископа константинопольскаго слово на умовеніе ногъ ученикамъ Іисуса. Въ словѣ же Кирилла Туровскаго, начинающемся такъ: «милость Божію и человѣколюбіе», говорится о слѣпцѣ, исцѣленномъ Спасителемъ. Несходныя по заглавію, поученія греческое и русское такъ же различны и по содержанію. Начинается: ἔλεον θεοῦ καὶ φιλανθρωπίαν κηρύττει μὲν ἡ κτίσις ἅπασα. κηρύττει δὲ καὶ ἡ τῆς κτίσεως οἰκονομία. οὐδὲν γάρ ἐστιν

1) Считаю долгомъ выразить искреннюю признательность г. Невоструеву (издающему съ профессоромъ Горскимъ «Описаніе Славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки»), сообщившему мнѣ заглавія, начала и заключенія двухъ спорныхъ словъ синодальной рукописи.

τῶν φαινομένων[1]), ὃ μὴ τὴν τοῦ θεοῦ κηρύττει ἀγαθότητα, т. е. «милость Божію и человѣколюбіе возвѣщаетъ все твореніе; возвѣщаетъ устройство всего творенія; все, что ни является (въ немъ), возвѣщаетъ благость Божію». Слово Кирилла Т. начинается такъ: «милость Божію и человѣколюбіе Господа нашего Іисуса Христа, и благодать Св. Духа возвѣщаю вамъ, братія, добрые и христолюбивые послушники, чада церкви, сыны свѣта и причастники царства небеснаго». Оканчивается греческ.: λάμποντος τοίνυν τοῦ σταυροῦ τῆς χάριτος καὶ πάντων ἡμῶν νίπτοντος τὰς διανοίας τοῦ λόγου τῆς ἀληθείας, καθαρῶς πολιτευσώμεθα αὐτῷ δόξαν ἀναπέμποντες ὡς φιλανθρώπῳ θεῷ ἡμῶν νῦν καὶ αεὶ...

Первое слово—въ рукописи по каталогу Маттеи № 114, по синодальному № 115, л. 352 — 366. Напечатано въ новомъ изданіи сочиненій Златоуста, Монфокона. 1838. Т. II. Ч. I, стр. 290—306. — Вторoе слово не напечатано: см. Index alphabeticus ex primis verbis sermonum et homiliarum ἔλεον θεοῦ καὶ φιλανρωπίαν κηρύττει, in lotionem pedum, spuria ac praetermissa. Т. XIII. 1839. Ч. I. стр. 351. Рукопись слова — по каталогу Маттеи № 138, по синодальному 139, л. 239—243.

II.

Общій характеръ подражателей Златоуста и большей части византійскихъ ораторовъ состоитъ въ преобладаніи догматизма въ содержаніи ихъ сочиненій, и искусственности во внѣшней отдѣлкѣ. Искусственность выражается въ произвольныхъ сближеніяхъ, въ безпрестанныхъ восклицаніяхъ, вопросахъ, повтореніяхъ, въ растянутости, въ неумѣстныхъ и безцвѣтныхъ рѣчахъ со множествомъ сентенцій и изысканныхъ, неизящныхъ образовъ. Изъ сочиненій Златоуста составлялись выборки, эклоги, болѣе или менѣе неудачныя, изобилующія вставками, принадле-

---

1) φαινόμενον—являемое внѣшнимъ образомъ; противоположное ему νοούμενον—созерцаемое умственно.

жащими бездарной посредственности. Вмѣстѣ съ подлинными произведеніями Златоуста переводились подложныя и эклоги. Они должны быть принимаемы въ соображенье при разборѣ поученій Кирилла Туровскаго.

Въ эклогахъ разсматриваются вопросы догматическіе, богословскіе. Цѣлыя слова посвящаются разсмотрѣнію пасхальнаго цикла, времени празднованія пасхи. Съ догматическимъ изложеніемъ соединяются постоянныя укоризны манихеямъ, монотелитамъ, несторіанамъ и другимъ еретикамъ: ἀκουέτωσαν οἱ αἱρετικοί, и т. д. Богословская полемика не могла найти мѣста въ юной русской словесности, и ее дѣйствительно нѣтъ у Кирилла Туровскаго. Догматизма также немного въ его поученіяхъ, и чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить ихъ съ любымъ изъ подложныхъ сочиненій Златоуста.

Натянутыя примѣненія и сближенія были слѣдствіетъ излишней наклонности къ аллегоризму. Одно изъ словъ на «пентикостію» начинается такимъ образомъ: Нынѣ земля сдѣлалась небомъ, не потому что звѣзды попадали съ неба, а потому что апостолы вошли превыше небесъ. Какое же сходство, спрашиваетъ ораторъ, между звѣздами и апостолами? и не затрудняется отыскать его: звѣзды, говоритъ онъ, — на небѣ, апостолы — надъ небомъ; въ звѣздахъ — огонь вещественный, въ апостолахъ — огонь духовный; звѣзды свѣтятъ ночью, а днемъ скрываются, апостолы блистаютъ и днемъ и ночью; звѣзды въ день всеобщаго воскресенія попадаютъ какъ листья, апостолы же будутъ восхищены на облакахъ, и т. д.[1]). Повѣствованіе «исхода» о пасхальномъ агнцѣ примѣнено къ Спасителю, умершему за спасеніе міра, и сравненіе простирается до мельчайшихъ подробностей, отыскиваемыхъ изобрѣтательностію автора[2]). Примѣры подобнаго рода (хотя и въ слабѣйшей степени) сравненій и объясненій находимъ и у Кирилла Т. Въ сказаніи объ иноческомъ чинѣ, Кириллъ Т.

---

1) S. Joannis Chrysostomi Opera, ed. *Montfaucon*. 1838. T. III. Spuria, стр. 951—963.

2) Ibid. VIII. Spuria, 933—977.

дѣлаетъ слѣдующее примѣненіе подробностей библейскаго повѣствованія. Въ четвертой книгѣ Моисеевой исчисляются дары, принесенные каждымъ колѣномъ, черезъ своего князя, на жертву скиніи: блюдо вѣсомъ въ сто тридцать сикловъ (σίκλος) и чаша вѣсомъ въ семьдесятъ сикловъ, наполненныя пшеничною мукою и масломъ для жертвъ, и пр. (Числ. VII). Кириллъ Туровскій, упоминая о страданіяхъ Спасителя и обращаясь къ монахамъ, говоритъ: людскіе князья, собравшись на Господа и на Христа, вмѣсто крупичной муки говорили на него хулу; вмѣсто масла, плевали на святое лице его; вмѣсто сала, били по ланитамъ; купили его отъ Іуды вѣсомъ серебра, подобно тому сиклу. Монахъ, твореніемъ закона и добрыхъ дѣлъ, тѣло свое дѣлаетъ скиніею, и приноситъ себя въ жертву: вмѣсто муки приноситъ молитву, вмѣсто масла — слезы, вмѣсто сала — сердечное воздыханіе. — Кириллъ Т. видитъ особенный, таинственный смыслъ въ томъ, что не Іоаннъ, а Петръ прежде вошелъ во гробъ, въ которомъ былъ положенъ Спаситель, и т. д. Но объясненія, также какъ и описанія Кирилла Туровскаго отличаются наивностью и нѣкоторою игрою воображенія въ противоположность византійскимъ, построеннымъ по схоластическому образцу и утомительнымъ по своему однообразію. Выводы, добытые византійцами въ ихъ риторическихъ упражненіяхъ, остаются безъ всякаго отношенія не только къ жизни, но даже и къ нравственности въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Съ точки зрѣнія современной, и Кириллъ Т. можетъ показаться догматикомъ попреимуществу; но сравненіе съ византійскими образцами удостовѣряетъ, что онъ не упускалъ изъ виду и нравственной цѣли: какъ ни наивны его сближенія, они большею частью клонятся къ тому, чтобы предложить *наставленіе*, а не объяснить *догматъ*.

Рѣчи составляютъ давнюю принадлежность исторической и дидактической прозы. Какъ византійскіе историки заставляютъ солдатъ говоритъ длинныя рѣчи, исполненныя сентенцій и разныхъ схоластическихъ тонкостей, такъ и византійскіе ораторы влагаютъ схоластическія рѣчи въ уста пастуховъ и сборщиковъ

подателей. Изъ подражанія, рѣчи являются и въ поученіяхъ Кирилла Т. У него говорятъ рѣчи и Ѳома, и Іосифъ, и разслабленный, и слѣпецъ. Рѣчи обыкновенно состоятъ изъ разъясненія событій, касающихся этихъ лицъ, изъ приведенія текстовъ и примѣровъ изъ священной исторіи. Все это было бы гораздо умѣстнѣе въ устахъ самого проповѣдника, но нашъ ораторъ не слишкомъ заботился о соотвѣтствіи повѣствуемаго съ повѣствователемъ, какъ не заботились объ этомъ и его византійскіе руководители. Впрочемъ у послѣднихъ болѣе растянутости и изысканности, нежели у Кирилла Т. — Въ словахъ въ недѣлю новую — εἰς τὴν καινὴν κυριάκην καὶ εἰς τὸν ἀπόστολον Θωμᾶν — Ѳома является необыкновенно многорѣчивымъ. Узнавши, что соученики его видѣли Іисуса Христа, Ѳома говоритъ: «Всякое слово тогда только бываетъ сильнымъ и твердымъ, когда подтверждается самимъ дѣломъ; если слово не подтверждается дѣломъ, то оно безполезно выходитъ изъ устъ, и разсѣевается въ воздухѣ.... Распятаго владыку моего я видѣлъ, а воскресшаго не видѣлъ, а слышалъ о немъ отъ другихъ! Кто не посмѣется этому? иное дѣло слышать, иное — видѣть: иное дѣло услышать слово, иное — увидѣть и испытать».... Далѣе авторъ приводитъ разговоръ Іисуса Христа съ Ѳомою, вставляя и собственныя восклицанія. «Подай перстъ твой сюда; посмотри на руки мои. О неизмѣримая высота благости! о безконечное море снисхожденія! Подай перстъ твой сюда; посмотри на руки мои, и размысли самъ съ собою, тотъ ли я, что добровольно распятъ, или иной кто? Посмотри на руки мои, и не сомнѣвайся въ истинѣ моего воскресенія.... Прикоснись къ рукамъ моимъ, какъ къ залогу нашего возрожденія.... Не бойся бурь и вѣтровъ. Смѣло плавай по морю жизни; плавай, держа якорь Духа; плавай, стремясь къ небу, какъ къ пристани; плавай, боясь только кораблекрушенія — отреченія отъ меня.... Подай руку твою, и вложи въ бокъ мой; вложи руку твою въ аптеку природы (εἰς τὸ ἰατρεῖον τῆς φύσεως), и вынеси оттуда лѣкарство».... Ѳома отвѣчаетъ: «Ты—Богъ и Господь; ты—человѣкъ и человѣколюбецъ; ты—дивный врачъ природы: язвъ не

разсѣкаешь желѣзомъ, не сожигаешь огнемъ; лѣкарственной силы не берешь изъ травъ; ранъ не перевязываешь видимою перевязью; но имѣешь невидимыя перевязи сострадания, которыя невидимо соединяютъ разсѣянное: слово твое острѣе желѣза, слово твое сильнѣе огня.... Вѣрю промыслу твоему, вѣрю сошествію твоему, вѣрю твоему тѣлесному страданію, вѣрю тридневной твоей смерти», и т. д.[1]). У Кирилла Т. подобный же разговоръ передается такимъ образомъ: «Дай руку твою; смотри на прободенныя ребра мои, и вѣруй, что это я. И прежде тебя, патріархи и пророки вѣрили моему вочеловѣченію.... Осязай меня, какъ прежде осязалъ меня Симеонъ, и просилъ отпущенія съ миромъ. Не будь не вѣренъ, какъ Иродъ, который, услышавъ о моемъ рожденіи, сказалъ волхвамъ: гдѣ Христосъ родился? пойду и поклонюсь ему; а въ сердцѣ замышлялъ убить меня. Но и младенцевъ избилъ, а искомаго не нашелъ: взыщутъ меня злые, и не обрящутъ.... Дай перстъ твой, и посмотри на руки мои, которыми отверзалъ очи слѣпымъ и слухъ глухимъ, а нѣмыхъ заставлялъ говорить. Посмотри на ноги мои, которыми передъ вами ходилъ по морю, и явственно ступалъ по воздуху, и входилъ въ преисподнюю, и шелъ съ Клеопою и Лукою до Еммауса; — и не будь невѣренъ, но вѣренъ. Ѳома отвѣчалъ: вѣрую, Господи, что ты Христосъ Богъ мой, о которомъ писали пророки.... Вижу ребра, изъ которыхъ источилъ воду и кровь: воду, чтобы очистить осквернившуюся землю, кровь, чтобы освятить человѣческое естество. Вижу руки твои, которыми сотворилъ всю тварь, и насадилъ рай, и создалъ человѣка; которыми благословилъ патріарховъ; которыми помазалъ царей; которыми освятилъ апостоловъ. Вижу ноги твои, прикоснувшись къ коимъ блудница приняла отпущеніе грѣховъ; припавши къ коимъ, вдова приняла мертваго сына своего живымъ и съ душою; надъ этими ногами кровоточивая, прикоснувшись края разъ, исцѣлѣла отъ

---

1) Ibid. VIII. Spuria, 878–885. — XII. Spuria, 1044—1048. Эклоги, помѣщенныя въ XII-мъ томѣ.

недуга. И я, Господи, вѣрую, что ты — Богъ. Іисусъ сказалъ ему: ты видѣлъ меня и повѣрилъ, блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе».

Восклицанія, вопросы, повторенія, и т. п. служатъ у византійскихъ ораторовъ искусственнымъ средствомъ для связи частей, лишенныхъ внутренняго единства. Кириллъ Туровскій гораздо скуднѣе на подобныя прикрасы: о лютѣ души ихъ! оле преславныя тайны явленіе! и пр. гораздо рѣже попадаются у него нежели: ὢ τῆς χορηγίας τῆς μυστικῆς, ὢ τῆς πνευματικῆς ἑορτῆς, и т. д. — у его византійскихъ предшественниковъ.

III.

Въ сочиненіяхъ византійскихъ писателей разныхъ вѣковъ встрѣчаются черты, сходныя съ Кирилломъ Т. Въ словѣ въ недѣлю цвѣтную — εἰς τὰ βαΐα, — Прокла, архіепископа Константинопольскаго († 446), читаемъ: «приготовимъ дома душъ нашихъ: разсѣемъ паутину братоненавидѣнія; да не будетъ между нами сору злословія; обильно изольемъ воду любви;... входы устъ нашихъ украсимъ цвѣтами благочестія.... и воскликнемъ съ толпами: благословенъ грядый во имя Господне»[1]). Ср. у Кирилла Т. въ заключеніи слова о томъ же предметѣ: «приготовимъ, какъ горницы, души наши смиреніемъ, чтобы причастіемъ вошелъ къ намъ Сынъ Божій, и пасху съ учениками своими сотворилъ; и пойдемъ съ идущимъ на вольную страстъ; возьмемъ крестъ свой претерпѣніемъ всякой обиды.... воскликнемъ: осанна въ вышнихъ, благословенъ пришедшій на муку вольную.... пѣснями, какъ цвѣтами, святую церковь увѣнчаемъ, и праздникъ украсимъ». — Слово писателя IV в., Тита, епископа Вострскаго (Βόστρων), въ Аравіи, — о «цвѣтоносіи», извѣстное въ старинныхъ переводахъ, помѣщено нами въ приложеніи, какъ знакомящее

1) Graecolatinum patrum bibliothecae novum auctarium. Opera et studio Fr. Combefis. Paris. 1648. T. I. p. 399—406.

съ пріемами византійскаго краснорѣчія вообще, при сходствѣ съ словами Кирилла Т. въ нѣкоторыхъ частностяхъ. — Въ словѣ Епифанія епископа Кипрскаго († 403), о «погребеніи тѣла Господа», и пр., находится рѣчь Іосифа[1]), какъ и у Кирилла Туровскаго въ словѣ о мироносицахъ.

Извѣстному жизнеописателю святыхъ Семеону († около 976), называемому *логоѳетомъ*[2]) по своему званію, и *метафрастомъ*[3]) по роду литературныхъ трудовъ, приписываютъ и канонъ на такъ называемый «плачъ Богоматери». Въ рукописяхъ ему даютъ такое заглавіе: «во святый и великій пятокъ на павечерницѣ, по обычаю канонъ, о распятіи Господни, и на плачъ Пресвятыя Богородицы. Твореніе Симеона логоѳета». У Кирилла Т. въ словѣ о снятіи тѣла Христова со креста и о мироносицахъ есть ясные слѣды подражанія «плачу» и заимствованія изъ него. Укажемъ соотвѣтствующія мѣста. Въ канонѣ Симеона логоѳета[4]): «Вижу тя нынѣ, возлюбленное чадо и любимое, на крестѣ висяща, и уязвляюся горцѣ сердцемъ.... Нынѣ моего чаянія и радости и веселія, сына моего и Бога, лишена быхъ; увы мнѣ! болѣзную сердцемъ.... Се свѣтъ мой сладкій, надежда и животъ мой благій, Богъ мой угасе на крестѣ.... Солнце не заходяй, Боже превѣчный и творче всѣмъ тваремъ, Господи, како терпиши страсть на крестѣ?... Плачущи глаголаше бракунеискусимая къ благообразному: потщися, Іосифе, къ Пилату приступити, и испроси сняти со древа учителя си. Видѣвъ пречистую горцѣ слезящу, Іосифъ смутися, и плачася приступи къ Пилату: даждь ми, вопіяше съ плачемъ, тѣло Бога моего.... Хотѣла быхъ съ тобою умрети, пречистая

---

1) Monumenta linguae palaeoslovenicae. стр. 352 и слѣд.

2) Логоѳетъ — λογοθέτης — званіе, съ которымъ соединены были различныя какъ свѣтскія, такъ и духовныя обязанности, о которыхъ см. *Ducange*: Glossarium mediae et infimae graecitatis. 1688. T. I, стр. 821—824.

3) *Fabricii:* Bibliotheca graeca. 1802. VIII, 29: Simeon magister et logotheta, cognomento *Metaphrastes*, ita enim adpellatus est, quod plerasque vitas non suopte ipso ingenio composuit condiditque, sed ab antiquioribus scriptas μετέφρασε et paula alio habitu induit, omittendo alia in aliis, alia addendo, vel mutando atque interpolando.

4) По рукописи графа Уварова, № 7, М., л. 520—527.

глаголаше, не терплю бо бездушна, мертва тя видѣти. Дивлюся, зрящи тя, преблагій Боже и прещедрый Господи, безъ славы и безъ души, и безобразна и нага.... Дѣву рыдающу Іосифъ видѣвъ, растерзашеся весь, и вопіяше горько: како тя, о Боже мой, нынѣ погребу рабъ твой? Кацѣми плащаницами обвію тѣло твое? Паче ума превзыде странное видѣніе: носящаго тварь всю Господа, сего убо Іосифъ яко мертва съ Никодимомъ на руку своею носитъ и погребаетъ.... Радость мнѣ николиже отселѣ не прикоснется, рыдающи глагола непорочная; свѣтъ бо мой и радость моя во гробъ зайде», и т. д. Въ рукописяхъ встрѣчается и другой канонъ съ именемъ Симеона логоѳета: «канонъ на боготѣлесное погребеніе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и на плачъ Богородицы. Твореніе Симеона логоѳета». Въ немъ также есть сходныя мѣста съ словомъ Кирилла Туровскаго, какъ напримѣръ: «моляшеся пречистое испросити тѣло твое у Пилата, беззаконнаго судіи.... Отвержеся первый ученикъ Петръ; оставиша учителя вси.... И рыдаше вся тварь, того видящи висяща нага на древѣ; солнце луча сокры, и звѣзды свѣтъ отложиша; земля же со многимъ страхомъ поколебася, и море побѣже, и каменіе распадеся.... Гдѣ благовѣстія? гдѣ ми еже радуйся? гдѣ еже благословенная? иже изъ утробы моея свѣтъ угасе бо на крестѣ.... Ужаснися, небо и земля, и скрый, солнце, свѣта своего зарю.... Слыши, небо и земле, и внушите матерняя моя рыданія»... и т. д. [1]) У Кирилла Т. «ужаснуся небо, и земля трепещетъ.... солнце померче и каменіе распадеся.... Вижу тя, милое чадо, на крестѣ нага висяща, бездушна, безрачна, не имуща видѣнія, ни доброты, и горько уязвляюся душею. И хотѣла быхъ съ тобою умрети: не терплю бо бездушна тебе зрѣти. Радость мнѣ отселѣ никакоже прикоснется: свѣтъ бо мой и надежда и животъ, сынъ и Богъ на древѣ угасе.... Кдѣ ми, чадо, благовѣстованіе, еже ми древле Гаврилъ глаголаше: радуйся, обрадованная, съ тобою Господь.... Нынѣ моего чаянія, радости же и веселія, сына и Бога, лишена

---

1) Та же рукопись, л. 528—536 об.

быхъ.... Слышите, небеса, и море съ землею, внушайте моихъ слезъ рыданіе.... Вси бо тя оставиша.... гдѣ ли верховніи апостоли? единъ тя предасть, другій съ клятвою отвержеся.... Потщися, благообразне, къ Пилату, беззаконному судіи, и испроси съ креста сняти тѣло учителя своего.... Умилився же Іосифъ плачевными тоя глаголы.... вниде къ Пилату, и вопроси, глаголя: даждь ми, о игемоне, тѣло.... Вопіяше же Іосифъ, глаголя сице: солнце не заходяй, Христе, творче всѣхъ, и тваремъ Господи!.... Кацѣми же плащаницами обію тя?.... Како ли понесу тя на моею перстною руку, носящаго тварь всю, невидимаго Господа?» и т. д.

«Плачи» восходятъ къ весьма ранней эпохѣ византійской литературы, черезъ посредство которой проникли они и въ нашу письменность. Въ такъ называемомъ Іаковлевомъ Евангеліи приводится слѣдующій плачъ Анны:

Оувы мнѣ, кому оуподобихсѧ азъ или кто мѧ роди? или коꙗ ложесна изнесоша мѧ? ꙗко смирена [1]) родихсѧ пред с҃ны Изл҃вы; и поносиша ми и подражаша и изгнаша мѧ изь цр҃кви Г҃а Бг҃а моего. Оувы мнѣ, кому оуподобихсѧ азъ? Не оуподобихсѧ птицам нб҃нымъ: ꙗко птица нб҃ныꙗ плодовитыи сут предъ тобою, Г҃и. Лютѣ мнѣ! не оуподобихсѧ ни звѣрем земным: ꙗко [2]) звѣри земнии плодовиты сут пред тобою, Г҃и. Не оуподобихсѧ ни водам симъ: ꙗко и воды сиꙗ плодовитыи суть предъ тобою, Г҃и: волны ихъ

Οἴ μοι, οἴ μοι, τίς με ἐγέννησε; Ποία δὲ μήτρα ἐξέφυσέ με; Ὅτι κατάρα ἐγεννήθην ἐγὼ ἐνώπιον τῶν υἱῶν Ἰσραὴλ, καὶ ὠνειδίσθην, καὶ ἐξεμυκτηρίσθην ἐκβληθεῖσα ἐκ ναοῦ κυρίου τοῦ Θεοῦ μου. Οἴ μοι, τίνι ὡμοιώθην ἐγώ; Οὐχ ὡμοιώθην ἐγὼ τοῖς πετεινοῖς τοῦ οὐρανοῦ, ὅτι καὶ τὰ πετεινὰ τοῦ οὐρανοῦ γόνιμά εἰσιν ἐνώπιόν σου, κύριε. Οἴ μοι, τίνι ὡμοιώθην ἐγώ; Οὐχ ὡμοιώθην ἐγὼ τοῖς ἀλόγοις ζώοις, ὅτι καὶ τὰ ἄλογα ζῶα γόνιμά εἰσιν ἐνώπιόν σου, κύριε. Οἴ μοι, τίνι ὡμοιώθην ἐγώ; Οὐχ ὡμοιώθην ἐγὼ τοῖς ὕδασι τούτοις, ὅτι καὶ τὰ ὕδατα γόνιμά

---

1) клѧтвена.

2) ибо.

оугѣшаютсѧ и глумѧщасѧ тебе славѧт, Гй̑ [1]). Оувы мнѣ, кому оупобихсѧ азъ? Не оуподобихсѧ азъ земли сеи: ꙗко и земля си приносит плоды своꙗ на всѧко времѧ и тобе блг҃вить, Гй̑ [2]).

εἰσιν ἐνώπιόν σου, κύριε. Οἴ μοι, τίνι ὡμοιώθην ἐγώ; Οὐχ ὡμοιώθην ἐγὼ τῇ γῇ, ὅτι καὶ ἡ γῆ προσφέρει τοὺς καρποὺς αὐτῆς κατὰ καιρὸν, καὶ σὲ εὐλογεῖ, κύριε [3]).

Изъ всѣхъ «плачей» наиболѣе распространенъ былъ у насъ плачъ Богоматери. Искренность и общедоступность проникающаго его чувства—скорби матери, оплакивающей смерть сына,—всего болѣе, вѣроятно, содѣйствовали его популярности. Книжники вписывали его въ сборники, измѣняя и дополняя его. Въ статьѣ, внесенной въ хронографъ и названной: «о снятіи тѣла Іисусова со креста, и о плачѣ Богородицы» описывается, какъ Богоматерь «припала къ подножію креста, и когда капли крови сына ея падали на землю, она собирала ихъ устами, и цѣловала землю.... Іосифъ призвалъ мужа мудраго Никодима: одинъ держалъ тѣло Іисусово, другой вынималъ гвозди изъ рукъ и ногъ; сколько могла, помогала имъ и Марія. Снятъ былъ со креста Спаситель. У главы его сидѣла мать, какъ трость, наклоненная сильною бурею, омывала лице его горькими слезами, и говорила».... Здѣсь приводится плачъ ея [4]). Подобный же плачъ встрѣчается и въ другихъ рукописяхъ, и въ сборникахъ, въ коихъ онъ приписывается извѣстному автору; въ Соборникѣ, изданномъ въ Москвѣ въ 1647 году, въ статьѣ Георгія, архіепископа Никомидійскаго, «о еже стояху при крестѣ Іисусовѣ мати его, и сестра матери

---

1) волны бо ꙑ оутѣшають и глоумѧть ꙑ и рыбы их бл҃гословѧть тебе, Гй. Увар. № 514, Q, л. 337.

2) Увар. № 348, Q, л. 118.

3) Codex apocryphus novi testamenti, opera et studio J. C. Thilo. T. I. Lipsiae. 1832. Protevangelium Jacobi minoris. Cap. IV, p. 180—182.

4) Рум. муз. № 457, л. 392—396 об. — Откуда эта статья занесена въ хронографъ, указывается отчасти самымъ языкомъ, а именно такими словами: *закликалъ* велiимъ гласомъ; на ноги свои *вспинаючися*, *узднималась кюрь*; да ихъ сладостно *поздоровила* (привѣтствовала); милостiю *порушилися* на жалость ея, и т. п.

Яко человѣкъ, въ ребра прободенъ бысть; но *яко Богъ*, завѣсу перваго закона полма раздра.... *Яко человѣкъ*, въ гробѣ положенъ бысть, и *яко Богъ*, олтарь языческія церкви освяти».—Въ словѣ русскаго предшественника Кириллова, Иларіона такое же противоположеніе: «*Яко* человѣкъ, во утробѣ матери растяше, и *яко Богъ*, изыде дѣвства цеврежль.... *Яко человѣкъ*, повився въ пелены, и *яко Богъ*, звѣздою волхвы вождаше.... *Яко человѣкъ*, пріиде на крещеніе, и *яко Бога*, устрашився, Іорданъ возвратися.... *Яко человѣкъ*, въ корабли спаше, и *яко Богъ*, запрети вѣтрамъ и морю, и послушаша его. *Яко человѣкъ*, по Лазари прослезися, и *яко Богъ*, воскреси и отъ мертвыхъ.... *Яко человѣкъ*, оцта вкуси, и испусти духъ, и *яко Богъ*, солнце помрачи, и землю потрясе» и т. д. [1]).

Сравненіе и противоположеніе предполагаютъ соотвѣтствіе между предметами сравниваемыми или противополагаемыми. Это соотвѣтствіе, по византійскому взгляду на вещи, покрыто таинственностью, и въ ней-то—зародышъ символизма, къ которому теперь и переходимъ.

Символизмъ.

Символическій взглядъ на природу. — Аллегоризмъ. — Притча. — Вопросы и отвѣты. — Загадка.

Символизмъ преобладаетъ въ древнѣйшихъ произведеніяхъ византійской и вообще христіанской литературы, какъ и въ произведеніяхъ христіанскаго искусства. Подобно тому какъ послѣднее было первоначально символическимъ по преимуществу: сперва изображали «агнца» и «добраго пастыря», а потомъ уже Христа; сперва крестъ, а потомъ—Распятаго на немъ; такъ и произведенія словесности первыхъ вѣковъ христіанства проникнуты символи-

1) Памятники духовной литературы временъ Ярослава I. Изъ 2-й части Прибавл. Св. Отц. 1844 г. стр. 30—31.

ческимъ воззрѣніемъ. Не вдаваясь въ подробности происхожденія и развитія этого воззрѣнія, обратимъ вниманіе только на тѣ стороны его, которыя отразились въ произведеніяхъ русскаго писателя XII вѣка.

V.

Самая жизненная, самая поэтическая сторона символизма заключалась въ созерцаніи природы, по которому она является одушевленнымъ выраженіемъ творческой мысли, родственнымъ душѣ человѣка, и неразрывно соединеннымъ съ его внутреннимъ міромъ. Въ смѣнѣ годовыхъ временъ, съ существенными особенностями каждаго изъ нихъ, всего полнѣе выражается жизнь и разнообразіе силъ и свойствъ природы. Поэтому, съ послѣдовательностью временъ года прежде всего слилось символическое представленіе: природа живетъ и измѣняется, какъ живетъ и подвергается превратностямъ жизни человѣкъ; но и та и другая жизнь совершается не случайно, а по идеѣ высшей, по волѣ и мысли Творца, раскрывающейся съ одинаковою непреложностью и въ явленіяхъ природы, и въ судьбѣ человѣка. Изъ временъ года самое поэтическое, самое неистощимое для сближеній и описаній, — весна. Общее возрожденіе природы весною не могло остаться нѣмымъ событіемъ для религіи, проповѣдующей духовное возрожденіе человѣка. Сочувственный взглядъ на весеннее возрожденіе выразился цѣлымъ рядомъ сравненій видимой природы, оживающей отъ лучей весенняго солнца, съ душою человѣка, оживленною лучами евангельскаго свѣта. И это не простое сравненіе, а выраженіе соотвѣтствія необходимаго, глубокаго и таинственнаго. Роскошное убранство природы есть тотъ величественный даръ, который царица годовыхъ временъ, т. е. весна, приноситъ царицѣ дней, т. е. пасхѣ, празднику воскресенія Спасителя. Слѣдовательно, между природою и человѣкомъ-христіаниномъ признается живая связь: у нихъ есть общая радость. Такой взглядъ ясно высказанъ лучшимъ представителемъ византійской литературы, которому въ этомъ случаѣ послѣдовалъ и

нашъ авторъ. — Въ словѣ «на недѣлю новую, на весну и на память мученика Маманта» [1]) Григорій Богословъ († 391) говоритъ: «Нынѣ небо прозрачно; нынѣ солнце выше и златовиднѣе; нынѣ кругъ луны свѣтлѣе, и сонмъ звѣздъ чище. Нынѣ примиряются волны съ берегами, облака съ солнцемъ, вѣтры съ воздухомъ, земля съ растеніями, растенія со взорами. Нынѣ источники струятся прозрачнѣе, нынѣ рѣки текутъ обильнѣе, разрѣшившись отъ зимнихъ узъ. Лугъ благоухаетъ, растеніе цвѣтетъ, трава посѣкается, и агнцы скачутъ на злачныхъ поляхъ.... Уже земледѣлецъ водружаетъ въ землю плугъ, возводя взоръ горѣ, и призывая въ помощь Подателя плодовъ; уже ведетъ онъ подъ ярмо вола-оратая, нарѣзываетъ пышную борозду, и веселится надеждами. Уже пасущіе овецъ и воловъ настроиваютъ свирѣли, наигрываютъ пастушескую пѣснь, и встрѣчаютъ весну подъ деревьями и на утесахъ.... Уже трудолюбивая пчела, расправивъ крылья и оставивъ улей, показываетъ свою мудрость, летаетъ по лугамъ, собираетъ добычу съ цвѣтовъ, и иная обдѣлываетъ соты.... иная складываетъ медъ.... Уже птица вьетъ себѣ гнѣздо,.... а иная летаетъ вокругъ, оглашаетъ лѣсъ, и какъ-бы разговариваетъ съ человѣкомъ», и т. д. — У Кирилла Т., также въ словѣ въ «недѣлю новую» по пасхѣ, такъ описывается торжество природы: «Нынѣ небеса просвѣтились, совлекши съ себя темныя облака, какъ вретища, и свѣтлымъ воздухомъ славу Господню исповѣдаютъ.... Нынѣ солнце, красуяся, къ высотѣ восходитъ, и радуяся, землю огрѣваетъ.... Нынѣ луна, сойдя съ высшей ступени, большему свѣтилу воздаетъ честь.... Нынѣ весна красуется, оживляя земную природу; бурные вѣтры, тихо повѣвая, плодотворятъ землю, и земля, питая сѣмена, раждаетъ зеленую траву.... Нынѣ новорожденные агнцы и тельцы быстро бѣгаютъ, скачутъ, и скоро возвращаясь къ матерямъ, веселятся. Пастыри же, играя на свирѣли, съ веселіемъ славятъ Христа....

---

1) Творенія св. Отцовъ. Т. IV. Творенія Григорія Богослова. Слово 44, стр. 141—151.

Нынѣ деревья пускаютъ ростки; цвѣты, распускаясь, благоухаютъ, и сады издаютъ сладостный запахъ. И дѣлатели, трудясь съ надеждою, призываютъ Подателя плодовъ, Христа.... Нынѣ ратаи слова приводятъ словесныхъ тельцовъ къ духовному ярму, проводятъ раломъ креста бразду покаянія, и сѣя духовное сѣмя, веселятся надеждами будущихъ благъ.... Нынѣ трудолюбивая пчела, показывая свою мудрость, всѣхъ удивляетъ. Пчела — образъ монашества: какъ они, живя самокорміемъ въ пустыняхъ, удивляютъ ангеловъ и людей; такъ и она, летая по цвѣтамъ, дѣлаетъ медовые соты, давая и людямъ сладкое, и церкви потребное. Нынѣ всѣ доброгласныя птицы церковныхъ ликовъ, гнѣздяся, веселятся», и т. д.

При всемъ сходствѣ приведенныхъ мѣстъ нельзя не замѣтить, что Кириллъ Туровскій находился и подъ другимъ вліяніемъ, менѣе благопріятнымъ. Его главный образецъ, Григорій Богословъ, представилъ поэтическую картину, и символическій смыслъ ея выразилъ словами: «*царица годовыхъ временъ* исходитъ во срѣтеніе *царицѣ дней*, и приноситъ въ даръ» и т. д. Примѣненія ограничиваются однимъ обращеньемъ къ слушателямъ: «о если бы поступали такъ и мы, Христовъ пчельникъ, мы, имѣющіе передъ собою такой образецъ мудрости и трудолюбія», и однимъ — къ себѣ самому, какъ къ поэту и оратору: «хвалебная ихъ пѣснь дѣлается моею: отъ нихъ я беру поводъ къ пѣснословію». Но Кириллъ Туровскій, по примѣру позднѣйшихъ византійскихъ ораторовъ, ищетъ таинственнаго смысла не въ цѣломъ, а въ частностяхъ, дѣлаетъ постоянныя примѣненія, и тѣмъ ослабляетъ дѣйствіе поэтической картины. У него разумѣются не видимыя небеса, а духовныя — апостолы, которые, познавъ Господа, забывъ печаль свою и страхъ отъ Іудеевъ, и осѣнившись Святымъ Духомъ, проповѣдаютъ воскресеніе Христа. Луна уступающая мѣсто большому свѣтилу, это—ветхій законъ, воздающій честь новому. Весна красная — вѣра Христова; бурные вѣтры — грѣховные помыслы; земля — естество наше,

принимающее сѣмя слова Божія и раждающее духъ спасенія, и тому подобныя аллегорическія толкованія.

Представляемъ важное для объясненія Кирилла Т. мѣсто изъ слова Григорія Богослова — въ подлинникѣ и старинномъ переводѣ.

Ἴδε γὰρ οἷα τὰ ὁρώμενα· ἡ βασίλισσα τῶν ὡρῶν, τῇ βασιλίδι τῶν ἡμερῶν πομπεύει καὶ δωροφορεῖ παρ᾽ ἑαυτῆς, πᾶν ὅτι κάλλιστον καὶ τερπνότατον. νῦν οὐρανὸς διαυγέστερος. νῦν ἥλιος ὑψηλότερος καὶ χρυσοειδέστερος. νῦν σελήνης κύκλος φανότερος, καὶ ἀστέρων χορὸς καθαρώτερος. νῦν αἰγιαλοῖς μὲν κύματα σπένδεται, ἡλίῳ δὲ νέφος· ἀέρι δὲ, ἄνεμοι. γῇ δὲ, φυτοῖς· φυτὰ δὲ, ὄψεσι. νῦν πηγαὶ διαυγέστερον νάουσι. νῦν δὲ ποταμοὶ δαψιλέστερον τῶν χειμερίων θεσμῶν λυθέντες, καὶ λειμὼν εὐωδεῖ, καὶ φυτὸν βρύει, καὶ κείρεται πόα, καὶ ἄρνες ἐπισκιρτῶσι χλοεραῖς ταῖς ἀρούραις. ἄρτι μὲν ναῦς ἐκ λιμένων ἀνάγεται σὺν κελεύσμασι, καὶ τούτοις ὡς τὰ πολλὰ φιλοθέοις, καὶ τῷ ἱστίῳ πτεροῦται, καὶ περισκιρτᾷ δελφὶς ἀναφυσῶν ὡς ἥδιστον καὶ ἀναπεμπόμενος, καὶ παραπέμπει πλωτῆρας σὺν εὐθυμίᾳ. ἄρτι δὲ γεωργὸς ἄροτρον πήγνυται ἄνω βλέπων, καὶ τὸν καρποδότην ἐπικαλούμενος. καὶ ὑπὸ ζυγὸν ἄγει

Виждь бо, какова видимаа: цр҃ца временемь цр҃ци днемь посылаеть и дароносить ѿ своихъ все, еже что добрѣише и краснѣише. Нынѣ нб҃о свѣтлѣише; нынѣ солнце высочаише и златовиднѣише; нынѣ лѫнѣ крѫгъ прозрачнѣи и звѣздамъ ликъ чистѣйши; нынѣ оубо моремь волненіа изливаютсѧ, сл҃нцу же облакъ, въздоухѫ же вѣтры, землѧ же сады, садове же видѣнію. Нынѣ оубо источьници прозрачнѣйше истѣкають; нынѣ же рѣкы силнѣе земленыхъ оузъ ѿрѣшившесѧ, и цвѣтъ бл҃гооухаеть, и садъ точить, и жнетсѧ трава, и агньци играють оу зеленыхъ нивъ. Нынѣ оубо корабль ѿ пристанищь възводитсѧ съ ꙗдры, и симь ꙗко много любиотечьныимь, и ꙗдромь въскрилѧетсѧ, и играеть делфинъ, въздоуваа ꙗко сладцѣ и въспѫщаемь, и ѿсылаеть пловца съ бл҃годшіемь. Нынѣ же ратаи рало погрѫжаеть, горѣ зрѧ, и плодо-

βοῦν ἀρότην, καὶ τέμνει γλυκεῖαν αὔλακα; καὶ ταῖς ἐλπίσιν εὐφραίνεται. ἄρτι δὲ ποιμὴν καὶ βουκόλος ἁρμόζονται σύριγγας, καὶ νόμιον ἐμπνέουσι μέλος, καὶ φυτοῖς καὶ πέτραις ἐνεαρίζουσιν. ἄρτι δὲ φυτὸν φυτουργὸς θεραπεύει, καὶ ἰξευτὴς καλάμους οἰκοδομεῖ καὶ ὑποβλέπει πτόρθους, καὶ περιεργάζεται πτερὸν ὄρνιθος, καὶ ἁλιεὺς βυθοὺς διορᾷ, καὶ δίκτυον ἀνακαθαίρει, καὶ πέτρας ὑπερκαθέζεται. ἄρτι μὲν ἡ φιλεργὸς μέλισσα τὸ πτερὸν ἑλκύσασα, καὶ τῶν σίμβλων ἀπαναστᾶσα τὴν ἑαυτῆς σοφίαν ἐπιδείκνυται, καὶ λειμῶνας ἐφίπταται, καὶ συλᾷ τὰ ἄνθη. καὶ ἡ μὲν πονεῖ τὰ κηρία τὰς ἑξαγώνους καὶ ἀντιθέτους σύριγγας ἐξυφαίνουσα, καὶ τάς εὐθείας ταῖς γωνίαις ἐπαλλάττουσα, ἔργον ὁμοῦ κάλλους καὶ ἀσφαλείας· ἡ δὲ μέλι ταῖς ἀποθήκαις ἐναποτίθεται καὶ γεωργεῖ τῷ ξενίζοντι, καρπὸν γλυκὺν καὶ ἀνήροτον. ὡς ὄφελόν γε καὶ ὑμεῖς ὁ Χριστοῦ μελισσῶν καὶ τοιοῦτο λαβόντες σοφίας καὶ φιλοπονίας ὑπόδειγμα. ἄρτι δὲ καλιὰν ὄρνις πήγνυται, καὶ ὁ μὲν ἐπανέρχεται, ὁ δὲ εἰσοικίζεται, ὁ δὲ περιίπταται, καὶ καταφωνεῖ τὸ ἄλσος, καὶ περιλαλεῖ τὸν ἄνθρωπον. πάντα Θεὸν ὑμνεῖ καὶ δοξάζει φωναῖς

дателѧ призываеть, и подъ ꙗремъ ведеть вола орачь, и прочертаеть сладъкѫю браздоу, и надеждами веселитсѧ. Нынѣ же пастырь и говѧдарь сгаждаеть свѣрѣли, и пастырьскыи въздыхають гласъ, и садовы и каменіемь весноують. Нынѣ же садъ садодѣлатель напаѧеть, и мелникъ трости творить, и взираеть проутіи, и преликѫеть перо птичее. И рибарь глѫбины съзираеть и мрѣжю очищаеть, и на каменехъ сѣдить. Нынѣ оубо любодѣлная пчела, крило ѿвлѣкши и ѿ вощинъ въставши, свою прѣмоудрость показѫеть, и цвѣтомь прикасаетсѧ, и крадеть цвѣтца, и ова оубо дѣлаеть съты шестооуглъныѧ и спротивоположныя съты истъкающи и прѣкыа оуглы прѣмѣнѧющи, дѣло вкоупѣ доброты и оутверженіа. Сіа же медъ въ кровѣхъ полагаеть, и съдѣловаеть набдѧщемоу плодъ сладокъ и неоранъ. Ꙗко полезно оубо и мы, Х҃вꙑи пчелинъ, и таковую пріемше премѫдрости и любодѣтельства притчю. Нынѣ же гнѣздо птицѧ взѧтъ, ова исходить, ова же вселѧетсѧ, ова же

ἀλαλήτοις. ἐπὶ πᾶσι γὰρ εὐχαριστεῖται δι' ἐμοῦ Θεός. καὶ οὕτως ὁ ἐκείνων ὕμνος, ἡμέτερος γίνεται, παρ' ὧν ἐγὼ τὸ ὑμνεῖν λαμβάνω. νῦν μὲν γελᾷ πᾶν ζώων γένος, καὶ πᾶσαν αἴσθησιν ἑστιώμεθα. νῦν δὲ ὑψαύχην ἵππος καὶ ἀγέρωχος τοῖς οἴκοις δυσχεραίνων, καὶ τὰ δεσμὰ τυραννήσας, κροαίνει κατὰ πεδίον, καὶ ποταμοῖς ὡραΐζεται [1]).

окр҇тъ лѣтаетъ и оглашаетъ юугъ и оувѣщаваетъ ч҇лка; вса Б҇га поютъ и славатъ гласы неглъными. О всѣхъ бо бл҇годарится мною Б҇ъ. И тако онѣхъ пѣніе мое бываетъ, ѿ нихже азъ еже пѣти пріемлю. Нынѣ оубо смеется всакъ животенъ родъ, и всако чювьство почоуваемь. Нынѣ же высоковыивъ конь и гордъ, въ храминахъ тоужа и оузы преторгнувъ, ногама оударает по полехъ, и рѣками красҗется [2]).

Замѣтимъ, что нашимъ авторомъ удачно выпущены мѣстныя черты оригинала, не соотвѣтствующія туровской или кіевской природѣ. Онъ не упоминаетъ ни о кораблѣ, который выводится изъ пристани и окриляется парусомъ; ни о дельфинѣ, играющемъ около корабля, неутомимо сопровождая пловцовъ, и т. п.

Какъ царица временъ, весна, была символомъ жизни, такъ зима — символомъ смерти, физической и нравственной. Такое значеніе имѣютъ весна и зима не только въ византійской символикѣ, но и въ произведеніяхъ, не подлежащихъ византійскому вліянію, и отчасти даже въ народной поэзіи. Чѣмъ памятникъ ближе къ византійскимъ образцамъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ представленіе отвлеченное, духовное: подъ жизнію понимается живая, теплая вѣра, стремленіе къ добру; подъ смертію — холодное без-

1) S. Gregorii Nazianzeni opera. Coloniae. 1690. T. I, стр. 703—704.

2) Рукопись гр. Уварова № 530, F.—слова Григорія Богослова.

вѣріе и коснѣніе во злѣ. Народная поэзія олицетворяетъ признаки видимой жизни и всѣмъ понятнаго веселья и невзгоды.

Кириллъ Туровскій признаетъ весну символомъ вѣры и добродѣтели, и противополагаетъ ей зиму, какъ символъ невѣрія и грѣха. «Весна убо красная — говоритъ онъ — вѣра есть Христова, яже крещеніемъ поражаетъ человѣческое паки естество». Бурные вѣтры, отъ дѣйствія весны, дѣлаютъ землю плодотворною: это значитъ — грѣховные помыслы, претворившись въ добродѣтель покаяніемъ, приносятъ душеполезные плоды. Напротивъ того, зима служитъ символомъ зла, грѣха. «Нынѣ, говоритъ Кириллъ Т., зима грѣховная прекращена покаяніемъ, и ледъ невѣрія растаялъ отъ разумѣнія Божества. Зима языческаго кумирослуженія прекращена апостольскимъ ученіемъ и Христовою вѣрою; ледъ невѣрія Ѳомы растаялъ отъ показанія Христовыхъ ребръ».

Въ другихъ памятникахъ находимъ не символическое изображеніе, а олицетвореніе временъ года, нечуждое аллегоріи. Въ рукописяхъ встрѣчается такое сравненіе временъ года съ возрастами жизни человѣческой: «*весна* наречеся яко *дѣва преукрашенна*, *красотою и добротою сіяюща*, чюдна и преславна, яко всѣмъ дивитися добротѣ ея. Любима бо всѣми; родитъ бо ся въ ней всяко животно; радости и веселія исполнена: — сицева есть весна. *Прообразуетъ бо весна юность житія человѣческаго. Лѣто* же нарицается *мужъ тихъ, богатъ и красенъ*, питая многія человѣки, и прилежно смотря о всемъ дому, и любя прилежно дѣло, безъ лѣности, до вечера безъ упокоя: — таковъ есть мужъ лѣто. *Прообразуетъ* бо *совершеніе возраста* житія сего человѣческаго. *Осень* есть подобна *женѣ старой*, *и богатой*, *и многочадной*, овогда же дряхлующи и сѣтующи, и плодомъ земнымъ скудостію и овощемъ; иногда же радующися о чадѣхъ, и плодомъ земнымъ и овощемъ изобильно всѣмъ. *Прообразуетъ осень старость* житія человѣческаго. *Зима* подобна *мачихѣ злой*, ярой и немилостивой, злонравной. Егда добра, и тогда не щадитъ; а овогда знобитъ безъ милости и мучитъ, грѣхъ ради на-

шихъ: — сицева есть зима. *Прообразуетъ* бо старость послѣдняго житія человѣческаго болѣзнь, и скорбь, и *скончаніе животу нашему*. Блаженъ человѣкъ, иже поживетъ въ разумѣ блазѣ и трезвѣ, состарѣвся умретъ»[1]). — Олицетворенія временъ года весьма обычны какъ въ литературныхъ памятникахъ средневѣковой Европы, такъ и въ живописи и скульптурѣ. Большею частью олицетворяются они въ видѣ мальчиковъ или юношей. Весна держитъ лилію или собираетъ розы; лѣто жнетъ серпомъ колосья; осень держитъ виноградную вѣтвь; зима, съ лопатой или факеломъ, стоитъ между разведеннымъ огнемъ и деревомъ безъ листьевъ. Подобный же взглядъ на различіе временъ выражается и въ нашей пословицѣ: «весна красна цвѣтами, а осень снопами».

Мысль, заключающаяся въ другой пословицѣ: «зимѣ да лѣту союзу нѣту», развилась въ цѣлую группу пѣсень, повѣрій, игръ, извѣстную подъ именемъ «борьбы годовыхъ временъ». Эта борьба изображаема была и письменною словесностью, какъ напр. въ стихотвореніи Conflictus veris et hiemis, приписываемомъ Бедѣ († 735); преимущественно же она была и остается до сихъ поръ предметомъ народной поэзіи у западныхъ Европейцевъ и у Славянъ. И у тѣхъ и у другихъ зима служитъ символомъ смерти. Мальчикъ, покрытый соломою, представляетъ зиму, а покрытый плющомъ — лѣто. Они начинаютъ бороться, и борьба оканчивается побѣдою лѣта, а съ побѣжденной зимы снимаютъ ея соломенный уборъ; во время борьбы поютъ:

stab aus, stab aus, stecht den Winter die Augen aus!

Въ другой пѣснѣ:

Wir haben den Tod hinausgetrieben,
den lieben Sommer bringen wir wieder,
den Sommer und den Maien
mit Blümlein mancherleien.

---

1) Рукопись графа Уварова, № 536, Q, л. 155—155 об.

Въ чешской пѣснѣ:

giž nesem Smrt ze wsy
nowe Leto do wsy;
witey, Leto libezne,
Obiljčko zelene!

Или:

Smrt plyne po wode,
nowe Leto k nam gede...

Вмѣсто зимы выводится смерть, очевидно, потому, что зимою замираетъ все въ природѣ. Независимо отъ подобнаго представленія, внѣ борьбы годовыхъ временъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи, а также у Чеховъ и Лужичанъ, есть обрядъ изгнанія смерти. Она изображается въ видѣ соломеннаго чучела, которое топятъ въ водѣ или сжигаютъ. Съ этимъ обрядомъ соединяется символическое значеніе побѣды надъ демонами, т. е. языческими богами, которые, хотя и удалены христіанствомъ, но не совершенно потеряли свое вліяніе, обнаруживая его враждебнымъ для человѣка дѣйствіемъ зимы[1]).

Изъ сказаннаго нами видно, что одинаковые мотивы являются и въ письменной и въ устной словесности западныхъ народовъ съ весьма давняго времени. У насъ и въ XII вѣкѣ существовало различіе въ мотивахъ между народною и книжною словесностью: по крайней мѣрѣ, между символикою Кирилла Туровскаго и образами народной поэзіи незамѣтно постоянной, внутренней связи и тожества воззрѣнія. Только въ языкѣ мелькаютъ слѣды живой, народной рѣчи. Такъ эпитетъ: *красная* при словѣ: *весна* принадлежитъ народной поэзіи; *весна красная* — говоритъ Кириллъ Туровскій, и также называетъ ее народная пѣсня:

---

1) *Grimm*: Deutsche Mythologie. 1844. cap. XXIV.—*Piper*: Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst. 1851. Erstes Bandes zweite Abtheilung. s. 311—339.—*Снегирева:* Русскіе простонародные праздники. 1838. Выпускъ 3-й, стр. 1—16 и друг.

Весна, *весна красная*,
приди, весна, съ радостью,
съ великою милостью:
со льномъ высокiимъ,
съ корнемъ глубокiимъ,
съ хлѣбами обильными.

Или:

Весна красная, на чемъ пришла, на чемъ прiѣхала?
На сошечкѣ, на бороночкѣ, на овсяномъ снопу,
на ржаномъ колосу.

Общая радость природы, изображенная въ приведенномъ нами мѣстѣ по византiйскому образцу, представлена Кирилломъ Т. и въ словѣ на Вознесенiе. Это слово весьма замѣчательно; въ немъ довольно свѣжести въ образахъ и свободы въ ихъ расположенiи. Сюжетъ для картины взятъ изъ Св. Писанiя и церковныхъ пѣсней, преимущественно относящихся къ изображаемому празднику. Въ развитiи сюжета участвовало воображенiе болѣе, нежели въ другихъ словахъ того же автора. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно и влiянiе византiйское, въ подробностяхъ рисунка.

Мѣста изъ Св. Писанiя и церковныхъ пѣсней служили источникомъ вдохновенiя для византiйскихъ художниковъ съ древнѣйшихъ временъ византiйскаго искусства. Слова Исаiи: «отъ нощи утренюетъ духъ мой къ тебѣ, Боже» (XXVI, 9) изображаются въ рукописяхъ IX—X в. такъ: пророкъ съ поднятыми руками; надъ нимъ — благословляющая рука Господа; пророкъ стоитъ между фигурами ночи и утра; ночь — въ видѣ женщины, въ одной рукѣ ея — факелъ, обращенный внизъ, другою она поддерживаетъ усѣянное звѣздами покрывало; утро — въ видѣ мальчика, легко одѣтаго, съ факеломъ въ рукѣ, пламенемъ вверхъ. — Въ другой картинѣ, на деревѣ, рождество Спасителя представлено такимъ образомъ: въ глубинѣ пещеры (вертепа) сидитъ святая дѣва; передъ нею въ ясляхъ дитя; далѣе пастухи и ангелъ, пере-

дающій имъ радостную вѣсть, а въ вышинѣ небесныя силы, славословящія рождество Христа; внизу волхвы, приведенные звѣздою; а въ сторонѣ — земля, въ видѣ престарѣлой женщины, въ зеленой нижней одеждѣ и въ красной верхней, принимаетъ дитя въ свои объятія, и т. д. Смыслъ картины объясняется надписью у подножія сидящаго при входѣ пророка: «дѣва днесь пресущественнаго (ὑπερούσιον) рождаетъ, и земля вертепъ неприступному приноситъ; ангелы съ пастухами славословятъ; волхвы же съ звѣздою путешествуютъ: насъ бо ради родися отроча младо — предвѣчный Богъ» — слова церковной пѣсни на праздникъ Рождества Христова [1]).

Воображеніе русскаго писателя XII вѣка составило, подъ вліяніемъ византійскаго аллегоризма, слѣдующую картину, заимствованную изъ псалмовъ и дѣяній, изъ повѣствованія пророка Захаріи, евангелиста Матѳея, апостола Павла [2]). На гору Елеонскую приходитъ Спаситель и собираются лики патріарховъ, пророковъ, апостоловъ, и множество людей вѣрующихъ. Тамъ и ангельскія силы и архангельскія воинства: одни на крыльяхъ вѣтра приносятъ облака, чтобы взять отъ земли Христа; другіе готовятъ престолъ. Богъ Отецъ ждетъ его, а Духъ Святый велитъ принять врата небесныя. Небеса веселятся, украшая свои свѣтила; земля радуется, и вся тварь красуется. Ангелы, патріархи, праведники, всѣ присутствующіе напутствуютъ Христа вдохновенными пѣснями. Онъ обѣщаетъ имъ прислать утѣшителя, благословляетъ ихъ, и возносится на небо: свѣтлое облако подымаетъ его и уноситъ на крыльяхъ вѣтра. Съ собою взялъ Христосъ и души человѣческія въ даръ Отцу. Ангелы хотятъ отворить врата небесныя; но привратники не позволяютъ: это — врата Господни, говорятъ они, и изъ земныхъ никто сюда не ходитъ. Ангелы убѣждаютъ ихъ, говорятъ, что это — Сынъ Божій, что онъ сошелъ съ неба такъ, что никто изъ нихъ и не

---

1) *Piper*, Mythologie. II, 358—360, 69—71 и др.

2) См. слово Кирилла Туровскаго на Вознесеніе, стр. 52—55.

услышалъ, и что теперь возвращается на небо. Не покоримся, пока не услышимъ его голоса, отвѣчаютъ привратники. Тогда Христосъ сказалъ: отворите мнѣ врата правды; я войду, и разскажу Отцу моему, что̀ я на землѣ сдѣлалъ и вытерпѣлъ. И узнали Христа по голосу, и павши поклонились ему.... Духъ Святый выходитъ ему на встрѣчу, а Богъ Отецъ привѣтствуетъ его словами: Ты — Сынъ мой; сядь одесную меня; посадилъ его на престолѣ, и увѣнчалъ его, а серафимы воспѣли: положилъ на главу его вѣнецъ, славою и честью увѣнчалъ его, и т. д.

Впечатлѣніе, производимое мастерскою для своего времени картиною, нѣсколько нарушается примѣсью византійскаго аллегоризма и риторики, какъ напримѣръ, противоположеніемъ Елеонской горы Синайской. Но чтобы судить объ относительномъ достоинствѣ Кириллова изображенія, надобно сравнивать его съ тѣмъ, что̀ находимъ въ подобномъ родѣ у другихъ древнихъ и старинныхъ писателей нашихъ. Наивность и общедоступность образовъ, возникшихъ при участіи воображенія, тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что у послѣдующихъ ораторовъ онѣ становятся все блѣднѣе и блѣднѣе. Въ XVII столѣтіи византійскій символизмъ уступаетъ мѣсто схоластической рутинѣ. Въ словахъ Симеона Полоцкаго на Вознесеніе, общее съ Кирилломъ Т. содержаніе измѣнилось отъ обилія образовъ и поясненій, подобныхъ слѣдующимъ: «подъятъ же его облакъ, не яко апостолы святыя отъ разсѣянія носяй въ Геѳсиманію на погребеніе преблагословенныя Богоматере; но славу величествія его являяй... Спутствоваху ему и ангели, но не пособіе дѣюще восхожденію его, точію же бо честь ему должную творяще, и ко служенію являюще готовость» и т. д. [1]).

VI.

Символическое воззрѣніе чаще всего примѣнялось къ событіямъ церковнымъ, къ свидѣтельству Св. Писанія. Такое примѣ-

1) Обѣдъ душевный. Москва. 1681, л. 71, об.—83.

неніе объясняется преобладавшимъ характеромъ древнерусской образованности, духомъ вѣка. Толкованія Кирилла Т. представляютъ сходство съ ихъ византійскими первообразами. Такъ, Ѳеофилактъ, архіепископъ болгарскій (до 1107 г.), извѣстный своими толкованіями на Св. Писаніе, шествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ (Матѳ. XXI) изъясняетъ такимъ образомъ: *жребя*—новые, языческіе народы; *предшествующіе* — пророки, жившіе до воплощенія Христа; *послѣдующіе*—мученики и учители, которые одежды свои постилаютъ Христу, то есть тѣло покоряютъ духу, ибо тѣло есть одежда и покровъ души; они разостлали тѣла свои на *пути*, т. е. по Христѣ, ибо онъ сказалъ; я есмь путь и т. д.[1]). Совершенно такое же толкованіе предлагаетъ и Кириллъ Т. въ словѣ въ недѣлю цвѣтоносную: *жребя*—язычники, увѣровавшіе во Христа; другіе, ломая вѣтви, полагали ихъ по *пути*: добрый и правый путь есть Христосъ; *предшествующіе*—пророки и апостолы; *послѣдующіе*—святители мученики и пр.

Обширнымъ поприщемъ для символизма были священныя преданія и истины христіанства, и самое мѣсто, гдѣ онѣ возвѣщались, т. е. храмъ. Храмъ — земное жилище Бога, долженъ, сколько возможно, уподобиться его небесной обители. Отсюда символическое значеніе храма. Его обыкновенно сравнивали съ Ноевымъ ковчегомъ, въ которомъ избранные спаслись отъ всеобщей гибели. Служеніе Богу должно быть не только внѣшнее, но преимущественно внутреннее; оттого въ древнѣйшія времена христіанства несравненно болѣе вниманія обращали на внутренность храмовъ, украшая ее съ необычайнымъ великолѣпіемъ, и не заботились о внѣшнемъ убранствѣ и красотѣ. Не смотря на блескъ и роскошь, древнѣйшія церкви напоминаютъ сельскія постройки; онѣ кажутся, по замѣчанію одного ученаго, виѳлеемскимъ вертепомъ, обогащеннымъ дарами маговъ. Средоточіе храма, алтарь, былъ обращенъ съ востока на западъ, ибо съ во-

1) Theophilacti, archiepiscopi Bulgariae, commentarii in quatuor evangelia. Lutetiae Parisiorum. 1635. — Правосл. Собесѣдникъ, изд. при Казанской духовной академіи. 1856. Книжка 3, стр. 357—358.

стока восходитъ солнце, освобождающее міръ отъ тьмы, и служащее символомъ Спасителя. Въ церковь вело трое дверей, узкихъ и низкихъ, въ знакъ смиреннаго и узкаго пути, ведущаго въ жизнь вѣчную. Куполы поддерживались двѣнадцатью колоннами, въ честь двѣнадцати апостоловъ, и т. п.[1]).

Аллегорическое значеніе храма вело къ сравненію его съ духовною природою человѣка. Евсевій Кесарійскій (260—340), описывая храмъ, построенный тирскимъ епископомъ, говоритъ: «назначивъ для храма пространство гораздо обширнѣе прежняго, весь этотъ объемъ епископъ оградилъ извнѣ стѣною, чтобы огражденное мѣсто было самымъ безопаснымъ убѣжищемъ для каждаго.... Вступившему во врата ограды онъ не позволилъ вдругъ нечистыми и необмытыми ногами войти въ самое святилище: но между храмомъ и вратами ограды оставивъ весьма большое мѣсто, украсилъ его со всѣхъ сторонъ четырьмя полукруглыми портиками, и далъ ему видъ четвероугольника, поддерживаемаго вездѣ столпами.... Онъ не переставалъ вправлять въ васъ — то блестящее золото, то чистое серебро, то благородные и драгоцѣнные камни.... Назидая души правдою, онъ раздѣлилъ силы всего народа по различію достоинствъ. Однихъ оградилъ только внѣшнею стѣною, т. е. твердою вѣрою. Другимъ ввѣряя входы во храмъ, повелѣлъ стоять у дверей, и входящихъ отводить на свои мѣста. Иныхъ поставилъ въ видѣ первыхъ столповъ, окружающихъ четвероугольное преддверіе, вводя ихъ въ уразумѣніе буквальнаго смысла четырехъ евангелій.... Собравъ вездѣ и отвсюду живые, твердые и крѣпкіе камни душъ, онъ устроилъ изъ нихъ великій и царственный домъ, исполненный блеска и свѣта извнѣ и внутри»[2]). Въ посланіи Кирилла Т. къ

---

1) Ср. *Wolfgang Menzel*: Christliche Symbolik. 1854. II, 477 — 488.— *Quast:* Ueber Form, Einrichtung und Ausschmückung der ältesten christlichen Kirchen. 1853. — *Albert de Broglie*: L'Eglise et l'empire romain au IV-e siècle. 1856. Chapitre VI, p. 169—177.

2) Сочиненія Евсевія Памфила, переведен. съ греч. при С.-Петерб. духовн. акад. 1848. Ч. I, стр. 563—564 и 571—573.

печерскому архимандриту, Василію, находится слѣдующее уподобленіе: «ты создалъ вокругъ всего монастыря высокія и прекрасныя, каменныя стѣны на твердомъ основаніи. Для этого вопервыхъ, заготовилъ ты денежныя средства; потомъ, при помощи огня, приготовилъ плинѳу, и наконецъ совершилъ дѣло при помощи воды и извести.... Когда же ты хочешь создать духовную храмину, то положи въ основаніе ея вѣру, и на немъ зижди надежду и любовь, какъ плиту; бреніе твоего тѣла смѣшай съ водою — съ цѣломудріемъ, чтобы душа твоя возвышалась какъ храмъ. Поставь ей опору, какъ столпъ, Божію помощь, чтобы, если и сойдутъ на нее, какого бы то ни было рода, дождь и рѣки, она пребыла непоколебима, какъ наковальня, ни отъ добрыхъ, ни отъ худыхъ людей. Введи въ свою храмину матерь и жену, т. е. кротость и смиреніе. Обнеси свою храмину отъ воровъ отовсюду оградою, т. е. страхомъ Божіимъ и молитвою, и приставь къ ней стража—умъ любомудрый» [1]).

VII.

Господство аллегоризма въ нашей письменности, бывшей подъ вліяніемъ византійскимъ, дѣйствуя вообще стѣснительно, имѣло однакожъ и свою хорошую сторону. Она состояла въ томъ, что аллегорическое, нравственное значеніе разсказа давало ходъ самому разсказу, не препятствовало его распространенію. Назиданіе, извлекаемое посредствомъ аллегорическаго объясненія, удовлетворяло строгимъ требованіямъ книжниковъ; на массу же читателей производили свое дѣйствіе занимательныя подробности разсказа. Самымъ занимательнымъ проявленіемъ аллегоріи въ литературѣ была *притча*, апологъ. Притча сдѣлалась у насъ одною изъ любимыхъ литературныхъ формъ, принесенныхъ изъ Византіи. Книжники наши усердно переписывали византійскіе апологи, передѣлывали ихъ по своему, и рѣшались даже на собственные опыты въ томъ же родѣ.

1) Прибавл. къ изд. твор. св. отц. 1851. Ч. X, стр. 348 — 349 и 354 — 355.

Въ Византіи приточный характеръ повѣствованія явился отчасти, но не исключительно, подъ вліяніемъ библейскимъ. Ветхому Завѣту не чужды аллегорическія повѣствованія. Одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ этого рода, извѣстныхъ въ славянскихъ переводахъ, представляетъ притча, переданная въ книгѣ Судей, IX, 6—20. По смерти Гедеона, оставившаго 70 сыновей, Авимелехъ избилъ сыновей его, и былъ поставленъ царемъ Сихемлянами. Оставшійся въ живыхъ, младшій сынъ Гедеона предлагаетъ Сихемлянамъ притчу слѣдующаго содержанія. Деревья пошли поставить себѣ царя, и сказали оливѣ: будь нашимъ царемъ; олива отвѣчала: не покину я сочности своей, прославленной Богомъ и людьми, и не пойду владѣть деревьями. Деревья обратились къ смоковницѣ: приди, царствуй надъ нами. Не оставлю, отвѣчала она, своей сладости своего прекраснаго плода, и не пойду владѣть вами. Деревья стали просить виноградную лозу: приди, будь нашимъ царемъ. И лоза отвѣчала: не оставлю вина своего, веселящаго Бога и людей, и не пойду владѣть вами. Тогда всѣ деревья предложили тернію быть царемъ, и терніе согласилось, сказавши: если дѣйствительно избираете меня царемъ, то войдите подъ сѣнь мою; если же нѣтъ, то пусть огонь выйдетъ изъ тернія и сожжетъ кедры. Такъ и вы—заключаетъ рѣчь свою Іоаѳамъ—поставивши царемъ сына рабыни, и избивши сыновей его, если поступили справедливо, будете благоденствовать съ Авимелехомъ; если же нѣтъ, то—да выдетъ огонь изъ Авимелеха и пожретъ Сихемлянъ. Въ Новомъ Завѣтѣ притча служитъ постояннымъ образомъ выраженія.—Въ литературѣ византійской она также достигла значительнаго развитія. Назовемъ тѣ произведенія приточнаго содержанія, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ притчамъ Кирилла Туровскаго.

У Кирилла Т. замѣтно заимствованіе притчей преимущественно изъ Пролога и изъ Исторіи Варлаама и Іосифа.

Въ Прологахъ XIII, XIV, XV и XVI в. находится подъ 28 сентября краткое описаніе жизни и страданій чешскаго князя Вячеслава и другихъ святыхъ, а затѣмъ—«притча о тѣлѣ чело-

вѣческомъ, и о душѣ, и о воскресеніи мертвыхъ». Въ нѣкоторыхъ прологахъ не встрѣчаемъ «притчи», какъ напримѣръ, въ прологѣ гр. Увар., № 70, XIII в., краткомъ и безъ русскихъ прибавленій. Но въ другихъ только и есть подъ 28 сентября, что притча, какъ напр. въ прологѣ гр. Увар., XIV в., № 83.— «Притча» въ прологѣ буквально сходна съ словомъ Кирилла Т., названнымъ также «притчею о человѣческой душѣ и о тѣлѣ, и о преступленіи Божіихъ заповѣдей, и о воскресеніи тѣлъ человѣческихъ, и о будущемъ судѣ, и о мукѣ.» Послѣдняя притча представляетъ распространеніе и поясненіе мысли и образа, опредѣленно выраженныхъ въ первой. Поэтому притчу Кирилла Т. можно признать заимствованною изъ пролога.—Прилагаемъ для сличенія «притчу» по списку харатейнаго пролога Публичн. Библіотеки Отд. I, № 48, съ варіантами изъ харатейнаго же Погодин. пролога.

Притча изъ Пролога:

Ч҃лвкъ нѣкто добра роду насади винограда, и оплотомь оградиⁱ[1]), и ѿхода в домъ оц҃а своѥго, кого, р҃е, створю стража винограду[2]) моѥму? Аще бо оставлю сдѣ ѿ престатель моихъ, то потерѧють мои трудъ. Но сице створю: посажю оу вратъ слѣпца съ хромьчемъ; да аще отъ врагъ моихъ кто хощеть окрасти виноградъ мои, слѣ-

Притча Кирилла Туровскаго: *)

Человѣкъ нѣкто домовитъ **) бѣаше, иже насади виноградъ, и огради оплотомъ, и ископа точило, и остави входъ, и сотвори врата, но не затвори входа. И отходя въ свой домъ, кого, рече, оставлю стража моему винограду? Аще оставлю отъ служащихъ ми рабъ, то, свѣдуще мою кротость, истеряютъ моя благая. Но сице сотворю: при-

(*) Рукопись гр. Уварова Q № 610, л. 123—138.—Памятники Россійск. Словесн. XII вѣка, стр. 132—152. —Соборн. Моск., 1647, л. 436—447 об.

(**) Ср. Матѳ. XXI, 33, 34: «рече Г҃ь притъчѫ сиѭ: человѣкъ нѣкыи домовитъ, иже насади виноградъ, и оплотъмь и огради, и ископа въ нѥмь точило, и създа стлъпъ, и въдасть и дѣлателѥмъ, и отиде. Ѥгда же приближися врѣмѧ плодомъ, посъла рабы своѩ къ дѣлателѥмъ приѩти плодъı ѥго» (Остромир.).—То же Марк. XII, 1, 2.

1) оплете. 2) стража своѥму притѧжанию.

пець оубо чюѥть[1]), а хромьць видить; аще ли кто ѿ сею въсхощьть, хромець оубо не имать ногу доити, слѣпець же, аще поидеть, то во пропастехъ убьѥтсѧ. И посадивъ ꙗ оу вратъ, ѿиде.

Иноа долзѣ[2]) сѣдѧщама, рѐ слѣпець хромю: что оубо блгоуханьѥ се повѣваѥть издну вратъ[3]). Ѿвѣща хромець: многа блгаꙗ гна наю внутрьоудъ[4]), ихже неизреченьно вкушенеѥ; но понеже премудрилъ[5]) ѥсть гнъ наю, и посади тебе слѣпаго, мене же хромого, и не можевѣ тѣхъ никакоже доити и насытитисѧ. Ѿвѣща слѣпець хромчю, глѧ: почто давно нѣси ми сего возвѣстилъ, да быховѣ не

ставлю ко вратомъ хромца и слѣпца; да аще кто отъ врагъ моихъ восхощетъ окрасти мой виноградъ, то хромецъ убо видить, слѣпецъ же чюеть; аще ли отъ сею восхощетъ внити кто въ виноградъ, хромецъ убо не имать ногу доити внутренихъ, слѣпецъ же, аще поидеть, то заблудитъ въ пропастехъ, и убіется. И посадивъ я оу вратъ, дасть има власть на всѣхъ внѣшнихъ, пищу же и одѣяніе нескудно уготова, но точію рече: внутренихъ безъ моего не коснетася повелѣнія. И тако отъиде, повѣдавъ имъ свой приходъ по времени .....

Сѣдящема же има етеро время, рече слѣпецъ къ хромцю: что се убо благоуханіе извнутрьюду вратъ полетаетъ на мя? Отвѣща хромецъ: многа благая господина наю внутрь суть, ихъже вкушенія неизреченна сладость; но понеже премудръ есть наю господинъ, и посади тебе слѣпа, мене же хромаго, и не можевѣ никакоже тѣхъ доити, и насытитися благинь. Отвѣщавъ, глагола слѣпецъ: да

1) слѣпець оучюѥть. 2) надолзѣ. 3) что оубо блгооуханиѥ се налѣтаѥть извну вратъ. 4) внутрь суть. 5) премдръ ѥсть.

жадала? Ащь бо азъ слѣпъ ѥсмь, но нозѣ имамъ, и силенъ ѥсмь носити тебе: възми кошь, и всѧди на мои плещи[1]), и ꙗзъ несу тѧ, ты же ми путь повѣдаи; и всѣ бл҃гаꙗ г҃на наю обуѥмлевѣ.

почто давно нѣси ми сего повѣдалъ, да быховѣ не жадала, но къ симъ, даным нам въ область, идема, и она собѣ восхитима. Аще бо азъ слѣпъ есмь, но имамъ нозѣ, и силенъ есмь, могій носити тебе и бремя. Виждь, душевное бремя — грѣхъ, того ради глаголетъ пророкъ: яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ*). Рече же слѣпець: возми кошъ, и всяди на мя, и азъ тя ношу, ты же показуй ми путь, и вся благая господина наю объемлевѣ....

И ѥгда придеть г҃нъ наю, оукрыѥтсѧ ѿ него наю дѣло: аще бо мене въспросить, азъ реку: ты вѣси, г҃не, ꙗко слепъ ѥсмь. Аще ли тебе въспросить, ты же рчи: азъ хромъ ѥсмь; и тако премудрѣѥвѣ[2]) наю г҃на. Всѣдъ же хромець на слѣпца, и, дошедша, окрадоста овощь г҃на своего.

Аще ли, рече, пріидетъ сѣмо господинъ наю, укрыется отъ него наю дѣло: аще бо мене воспроситъ о татьбѣ, азъ реку: ты вѣси, господине, яко слѣпъ есмь. Аще ли тебе вопроситъ, ты рци, яко азъ хромъ есмь, и не могу тамо доити; и тако упремудривѣ господина наю, и пріимевѣ мзду нашея стражбы. Всѣдъ же хромець на слѣпца, и, дошедша, окрадоста вся внутренняя благая господина своего....

По времени же, приде г҃нъ винограда, и видѣвъ ѥго окра-

Видѣвъ же онъ человѣкъ свой окраденъ виноградъ, вос-

1) всѧди на мѧ. 2) пр҃мдруѥвѣ.

*) Псал. XXXVII, 5.

дена, повелѣ привести слѣпца, и гл҃а ѥму: не добра ли тѧ стражь мо̀ѥму сътворихъ [1]) винограду, то почто ѥго окралъ ѥси? Ѿвѣща слѣпець: гн҃е, ты вѣси, ꙗко азъ слепъ ѥсмь: да аще быхъ хотѣлъ, то не вижю доити; но покралъ ѥсть хромьць, а не азъ.

хотѣ разлучити слѣпца отъ хромца, и повелѣ первѣе привести слѣпца, да его опытаетъ... Приведену же бывшу слѣпцу, бысть опытаніе: не добра ли тя, рече, стража поставихъ моему винограду, то почто его еси окралъ? Отвѣща слѣпецъ: Господи! ты вѣси, яко азъ слѣпъ есмь, и не вижу, безъ водящаго мя, камо ити; ни видѣ не единаго (мѣста); ни чюхъ же никогоже, минующа мене враты, да быхъ крѣпко въ слѣдъ его вопилъ; но мню, Господи, яко хромець есть кралъ....

Тогда повелѣ гн҃ъ блюсти слѣпца, дондеже призоветь хромча.

Тогда повелѣ господинъ блюсти слѣпца въ укромнѣ мѣстѣ, идѣже самъ вѣсть, дондеже пріидетъ самъ къ винограду, и призоветъ хромца, и тогда судитъ обѣма....

Призвану же хромцю, начаста сѧ сама облицати [2]). Хромѣць же гл҃ше слѣпцю: аще не бы ты носилъ мене, никакоже мо҃лъ быхъ доити [3]), понеже хромъ ѥсмь. Слѣпѣць гл҃ше: аще не бы ты мнѣ путь казалъ, како быхъ дошьлъ тамо азъ [4]). Тогда гн҃ъ, сѣдъ на судищи, начатъ има судити. Ре҃ же има:

Егда же придетъ господинъ взяти плодъ отъ винограда, и видѣвъ его окрадена, призва хромца и совокупи съ слѣпцемъ, и начаста сами ся обличати. Хромець глаголаше къ слѣпцю: аще не бы ты мене носилъ, никакоже азъ моглъ бы тамо доити, понеже хромъ есмь. Слѣпець же глаголаше: аще не бы

1) стража поставихъ винограду моѥму. 2) обличати. 3) моглъ быхъ тамо доити. 4) пути казалъ, не быхъ тамо дошелъ.

ꙗко ѥста крали, тако да сѧдьть хромьць на слѣпца. Вшедшю же хромцю на слѣпца, повелѣ бити ѭ немл҃тивъ[1]).

Разумѣите же сеꙗ притча силу. Ч҃лвкъ ѥсть добра рода — Х҃ъ, С҃нъ Б҃ии. А виноградъ — землю и миръ сѣи гл҃ть. Оплотъ же — законъ и заповѣди. Слугы же, сущаꙗ с нимъ — ан҃глы мѣнить. Хромча же тѣло мѣнить ч҃лвчс, а слѣпча — д҃шю ѥго[2]). А ꙗже посади оу вратъ — ч҃лвку оубо предасть въ область всѧ земнаꙗ[3]). Преступвшю[4]) же ѥму заповѣди Б҃иꙗ, и того ради см҃ртью осужену бывшю, приводитсѧ, д҃ша ѥго к Б҃у, и оправдаѥтсѧ, гл҃щи, ꙗко не ꙗзъ, Г҃и, преступихъ твоꙗ заповѣди, но тѣло. И того ради нѣ мученыꙗ д҃шамъ до втораго пришествиꙗ, но блюдомы суть, идеже Б҃ъ вѣсть.

ты мнѣ казалъ путь, не быхъ азъ тамо доити могъ. Тогда господинъ, сѣдъ на суднѣмъ столѣ, начатъ има судити, и рече: якоже еста крала, тако да всядетъ хромецъ на слѣпца. Вcѣдшю же хромцю, повелѣ предъ всѣми своими рабы немилостивно казнити, и въ кромѣшней мучити темници: ту будетъ плачь и скрежетъ зубомъ.

Разумѣйте же, братіе, сіа притча сказаніе. Человѣкъ есть домовитъ—Богъ-Отецъ, всяческихъ творецъ; его же Сынъ добра рода — Господь нашъ Іисусъ Христосъ. А виноградъ — землю и міръ сей нарицаетъ. Оплотъ же есть законъ Божій и заповѣди. Слуги же, сущая съ нимъ, — ангелы глаголетъ. Хромецъ есть тѣло человѣче, а слѣпца душу его именитъ. А иже ихъ посади у вратъ — человѣку бо предастъ въ область всю землю, давъ ему законъ и заповѣди. Преступившю же человѣку повелѣніе Божіе, и того ради смертію осуждену бывшу, первое душа душа его къ Богу приводится,

1) нем҃лтвно.
2) Хромець же — тѣло ч҃лвче, а слѣпець — д҃ша ѥго.
3) Ч҃лку бо предасть всю землю.
4) Преступившю.

ѥгда же приде[1]) обновити землю и вс҃крсть оумершаꙗ, по Павлу г҃лющю, — тогда вси, сущии въ гробѣхъ, оуслышать гла҃ Сн҃а Бж҃ꙗ, и оживуть, и изидуть сътворшеи бл҃гаꙗ въскрѣшеньѥ живота, а створшеи злаꙗ въскрѣшеньѥ суда *). Тогда бо пакы д҃ши въ тѣлеса внидуть, и приимуть възданiꙗ по дѣломъ своимъ, и ѿшлютсѧ грѣшници въ тму кромѣшнюю[2]): ту буде плача[3]) и скрежеть зубъмь, а праведници — въ жизнь вѣчную.

и спирается, глаголюще: не азъ, Господи, но тѣло есть согрѣшило. И того ради нѣсть мученія душамъ до вторага пришествія, но блюдомы суть, идѣже Богъ вѣсть. Егда же пріидетъ обновити землю, и воскресити вся умершая, якоже самъ Христосъ преже глагола: тогда вси, сущіи во гробѣхъ, услышатъ гласъ Сына Божія, и оживутъ, изыдутъ, сотворшеи благая въ воскресеніе живота, а сотворшеи злая—въ воскресеніе суда. Тогда бо душа наша въ тѣлеса внидутъ; и пріимутъ воздаянія — комуждо по своимъ дѣломъ: праведници—въ вѣчную жизнь, а грѣшници — въ безконечную и безсмертную муку; ими же бо кто согрѣшаетъ, тѣмъ и мученія будутъ. Сице же ми о сихъ сказавшу не отъ своихъ умышленій, но отъ святыхъ книгъ, да нѣсть се мое слово, но бесѣда: нѣсмь бо учитель, якоже оны церковніи му-

*) Іоан. V, 25, 28, 29: «мьртвии услышѧть гласъ Сн҃а Божиꙗ, и слышавъше, оживѫть.... вьси, сѫщеи въ гробѣхъ, услышѧть гласъ ѥго, и изидѫть створьшии благаꙗ въ въскрѣшениѥ живота, а сътворьшии зълаꙗ—въ въскрѣшениѥ сѫда» (Остром.).

1) придеть.

2) в муку.

3) ту будеть плачь.

жіе, о Христѣ Господѣ нашемъ, емуже слава со Отцемъ и Св. Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Притчу о домовитомъ человѣкѣ, въ томъ видѣ, какъ она находится въ Евангеліи, Ѳеофилактъ Болгарскій объясняетъ такъ: «человѣкъ домовладыка есть Господь, названный человѣкомъ по своему человѣколюбію. Виноградъ есть народъ іудейскій, насажденный Богомъ въ землѣ обѣтованной. Оплотъ означаетъ законъ, не позволявшій Іудеямъ смѣшиваться съ язычниками, или святыхъ ангеловъ, хранившихъ Израиля. Точило — жертвенникъ, столпъ — храмъ, дѣлатели — учители народа, фарисеи и книжники» [1]).—

Въ Исторіи царевича Іоасафа, или повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ, описывается жизнь индійскаго царя Іоасафа, обращеннаго въ христіанскую вѣру пустынникомъ Варлаамомъ. Изъ земли Сенаарской приходитъ въ Индію купецъ, является къ царевичу Іоасафу, и предлагаетъ ему драгоцѣнный камень; этотъ купецъ — пустынникъ Варлаамъ, а драгоцѣнный камень — слово Божіе. Бесѣды Варлаама оказываютъ сильное дѣйствіе на царевича: онъ принимаетъ христіанство, и рѣшается посвятить жизнь свою Богу. Достигнувъ цѣли своей, наставникъ удаляется, выражая надежду на скорое и неразлучное соединеніе съ ученикомъ. Послѣ неудачныхъ попытокъ воротить пустынника, начинаются напрасныя усилія отклонить Іоасафа отъ христіанства. Сила вѣры новообращеннаго сломила волю отца, и онъ, слѣдуя примѣру сына, принимаетъ христіанскую вѣру. По смерти отца Іоасафъ вступаетъ на престолъ, но скоро оставляетъ его, и удаляется въ пустыню, гдѣ снова встрѣчается съ Варлаамомъ и не разлучается съ нимъ въ теченіе всей его жизни.

Греческій текстъ «Варлаама и Іоасафа» помѣщенъ въ изданіи Боассонада: Anecdota graeca. 1832. T. V. стр. 1—365.

---

1) Православный Собесѣдникъ. 1856. кн. 3, стр. 370–371.

Литературная исторія «Варлаама и Іоасафа» изложена Донлопомъ въ литературной исторіи повѣстей, переведенной, съ важными дополненіями, Либрехтомъ [1]). — Славянскій переводъ и въ рукописяхъ и въ старопечатныхъ книгахъ, какъ напримѣръ «Исторія или повѣсть святаго и преподобнаго отца нашего Іоанна, иже отъ Дамаска, о преп. отцѣ Варлаамѣ пустынножители и о Іоасафѣ, царѣ индійстѣмъ», изд. въ Москвѣ, 1681 г. Нѣкоторыя изъ притчъ, заключающихся въ этой исторіи, помѣщены отдѣльными статьями въ нашихъ старинныхъ сборникахъ.

Наставленія свои Варлаамъ предлагаетъ преимущественно въ видѣ притчъ. Неразумное служеніе идоламъ Варлаамъ сравниваетъ съ легкомысліемъ человѣка, о которомъ слышалъ отъ мудраго мужа слѣдующую притчу. Одинъ птицеловъ поймалъ соловья, и хотѣлъ его заколоть и съѣсть. Соловей взмолился о пощадѣ: что пользы тебѣ въ смерти моей? говоритъ онъ, вѣдь ты не наѣшься мною; если же пощадишь меня, то дамъ тебѣ три зарока, которые принесутъ большую пользу. Первый совѣтъ: не гоняйся за тѣмъ, чего поймать не можешь; второй — не жалѣй о томъ, что уже миновало; третій — не вѣрь никогда неправдѣ. Удивленный птицеловъ выпустилъ соловья. Соловей, желая узнать, какъ подѣйствовали его совѣты, сказалъ: какое сокровище выпустилъ ты изъ рукъ: у меня внутри драгоцѣнный камень величиною въ строфокамилово яйцо. Запечалился птицеловъ о своей оплошности, и сталъ заманивать къ себѣ соловья, обѣщая отпустить съ честью. Соловей укоряетъ его, говоря: теперь-то я узналъ твое безуміе: не можешь догнать меня на лету, а пытаешься поймать; раскаиваешься, что выпустилъ меня, значитъ — жалѣешь о томъ, что уже миновало; думаешь, что во мнѣ камень величиною въ строфокамилово яйцо, хотя оно гораздо болѣе меня, а я тебѣ далъ зарокъ: не вѣрить неправдѣ, и т. п.

Къ притчамъ присоединяется и аллегорическое объясненіе.

---

1) John *Dunlop's* Geschichte der prosadichtungen oder geschichte der romane, novellen, u. s. w. 1851. s. 27—32.

У жителей одного города, говоритъ Варлаамъ, былъ такой обычай: они избирали царемъ своимъ пришельца никому неизвѣстнаго, и давали ему полную власть; но по прошествіи года изгоняли его. Одинъ изъ царей не поддался обольщенію роскоши, и, узнавъ объ ожидающемъ его изгнаніи, заблаговременно отправилъ все свое богатство на мѣсто будущаго заточенія. Подъ именемъ города разумѣй міръ, подъ именемъ гражданъ — начала и власти бѣсовскія, соблазняющія насъ, подъ именемъ богатства — вѣчное блаженство, и т. д.

На вопросъ Іоасафа, какъ можетъ обратиться къ истинной вѣрѣ отецъ его, Варлаамъ отвѣчалъ такою притчею. Былъ царь, добрый и кроткій, мудро правившій царствомъ; но не зналъ истинной вѣры, и поклонялся идоламъ. Лучшій изъ совѣтниковъ его ожидалъ удобнаго времени, чтобы раскрыть всю неправду идолослуженія. Случай представился: царь предложилъ ему пройтись съ нимъ ночью по городу; они отправились, и увидѣли на пути пещеру, и въ ней бѣдняка, покрытаго рубищами, а передъ нимъ — женщину, съ чашей въ рукѣ, поющую сладкую пѣсню. Царь позавидовалъ блаженству бѣдняка. Совѣтникъ объяснилъ ему, что блаженство суждено тѣмъ, которые возлюбили вѣчность болѣе временной жизни. Если бы и у отца твоего, прибавляетъ Варлаамъ, были подобные совѣтники, они могли бы навести его на путь истинный. Прежде, нежели найдетъ его отецъ, возразилъ Іоасафъ, я самъ готовъ отказаться отъ всѣхъ сокровищъ своихъ, чтобы получить вѣчную жизнь. Исполнивъ это, говоритъ ему Варлаамъ, ты будешь подобенъ юношѣ, который отказался отъ знатной невѣсты, и избралъ дочь старика, казавшагося нищимъ, но хранившаго, невидимо отъ людей, драгоцѣннѣйшее сокровище. Она была единственная дочь у отца своего, и обладала необыкновеннымъ умомъ. Юноша видѣлъ ее при входѣ къ мнимому нищему, говорилъ съ ней, и дивился ея чудному разуму, и т. д.

Этою притчею воспользовался Кириллъ Туровскій въ «повѣсти къ Василію игумену о бѣлоризцѣ», и пр. Начало повѣсти сходно съ притчею, которую приводимъ въ подлинникѣ и ста-

ринномъ переводѣ — по списку Увар. Q, № 732. Подробности нѣсколько измѣнены: царь ходитъ по городу съ дочерью, и видитъ въ пещерѣ оружіе, о которомъ не заботился во все время своего управленія. Аллегорическое толкованіе распространено сообразно съ цѣлью повѣсти: показать значеніе монашеской жизни.

Истор. Варлаама и Іоасафа.

Ἀκήκοα γὰρ βασιλέα τινὰ γεγονέναι πάνυ καλῶς τὴν ἑαυτοῦ οἰκονομοῦντα βασιλείαν, πράως τε καὶ ἠπίως τῷ ὑπ' αὐτὸν κεχρημένον λαῷ, ἐν τούτῳ δὲ μόνῳ σφαλλόμενον, τῷ μὴ πλουτεῖν τὸν τῆς θεογνωσίας φωτισμὸν, ἀλλὰ τῇ πλάνῃ τῶν εἰδώλων κατέχεσθαι. Εἶχε δέ τινα σύμβουλον ἀγαθὸν καὶ παντοίως κεκοσμημένον τῇ τε πρὸς τὸν Θεὸν εὐσεβείᾳ καὶ τῇ λοιπῇ πάσῃ ἐναρέτῳ σοφίᾳ· ὃς, ἀχθόμενος καὶ δυσχεραίνων ἐπὶ τῇ πλάνῃ τοῦ βασιλέως καὶ βουλόμενος αὐτὸν περὶ τούτου ἐλέγξαι, ἀνεχαιτίζετο τῆς ὁρμῆς, δεδοικὼς μὴ κα-

Слышахъ бо цр҃ѧ нѣкоего бывша (и) зѣло добрѣ свое строѩще цр҃тво, кротка же и тиха суща сущимъ подъ нимъ людемъ, въ семъ же единомъ съгрѣшающа, еже не разоумѣти бг҃оразоумѣа просвѣщенія, но идольскою лестію одеръжимъ сыи. Имѧше бо нѣкоего съвѣтника бл҃га и весма оукрашена, еже къ Бг҃оу, бл҃говѣріемъ и прочею всѧкою добродѣтелною прем҃ростію, иже скорбѧше о прелести цр҃вѣ и хотѧше его о семъ обличити, въспѧщаше же сѧ ѿ дерзновенія (и) боасѧ, да не зло-

Притч. Кир. Тур.

Въ нѣкоемь градѣ бѣаше цр҃ь зѣло бл҃гъ, кротокъ же и мл҃тивъ, добрѣ смотрѧ ѡ свои҃ делѣ҃; сиⷨже точию не бѣ разꙋменъ, понеⷤ не боѩше҃ бѣжества, ни ратнаго держаше ѡружиѧ: не мнѧше бо иномꙋ нань въстати. Имѣѩше же оу собе цр҃ь то многы д[1]) совѣтнїкы и единꙋ ⷮщедрь[2]) мꙋжоꙋмнꙋ. В тѣхъ же съвѣтнїцѣ единъ бѣ мр҃ъ и бл҃гѡразуменъ, иже пр҃но скорбѧше ѡ небоазньстве цр҃евѣ, по ѡбаче искаше подобна времене, како бы емꙋ гл҃ати цр҃ю, дабы сѧ готовилъ на раⷮ. Въ единъ же ча҃ нощи

1) Въ рпси только *д*, а другія буквы вырваны: должно быть, по смыслу, *други и*. 2) т. е. дщерь.

κῶν πρόξενος ἑαυτῷ τε καὶ τοῖς αὐτοῦ ἑταίροις γένοιτο καὶ τὴν γινομένην δι' αὐτοῦ πολλῶν ὠφέλειαν περικόψειεν. Ἐζήτει δὲ ὅμως καιρὸν εὔθετον τοῦ ἑλκῦσαι αὐτὸν πρὸς τὸ ἀγαθόν.

Φησὶν οὖν ἐν μιᾷ νυκτὶ πρὸς αὐτὸν ὁ βασιλεύς· «Δεῦρο δή, ἐξέλθωμεν καὶ ἐμπεριπατήσωμεν τὴν πόλιν, εἴ πού τι τῶν ὠφελούντων (ὀφειλομένων) ὀψόμεθα». Εμπεριπατούντων δὲ αὐτῶν τὴν πόλιν, εἶδον φωτὸς αὐγὴν ἀπό τινος τρυμαλιᾶς λάμπουσαν· καί, ταύτῃ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐπιβαλόντες, βλέπουσιν ὑπόγειόν τι ἀντρῶδες οἴκημα, ἐν ᾧ προυκαθέζετο ἀνὴρ ἐσχάτῃ συζῶν πενίᾳ καὶ εὐτελῆ τινα περικείμενος ῥάκια. Παρίστατο δὲ ἡ γυνὴ αὐτοῦ οἶνον κιρνῶσα. Τοῦ δὲ ἀνδρὸς τὴν κύλικα ἐπὶ χεῖρας λαβόντος, λιγυρὸν ᾄδουσα μέλος ἐκείνη, τέρψιν αὐτῷ ἐνεποίει ὀρχουμένη, καὶ

ходатаи себе же и дроугомъ будетъ своимъ, и бывающоую ѿ него многимъ ползоу присѣчетъ. Искаше же обаче времени подобна привлещи его на бл҃гое. Рече оубо к немоу въ единоу нощь цр҃ь: гради (и) изыдевѣ и походивѣ по градоу, егда нѣчто полезно узрѣвѣ. Ходащема же има сквозѣ градъ, видѣста свѣта зарю ѿ нѣкоего оконца сіающоу, и на сію зраще пріидоша и видѣста подъ землею нѣкое ꙗко пещероу жилище, в неи же сѣдаше моужь, въ послѣднеи нищете живыи и въ хоуды нѣкіа ризы оболъченъ. Предстоꙗше же жена его, вино черьплющи ему, моужеви же стекланицоу въ роуцѣ вземшю, сладкоую пѣснь въспѣвающи, сладость емоу творащи поющи и моужа похвалами оуслажа-

внезапꙋ по градꙋ молва бы҃ велика, и рече црь къ своиⷨ съвѣтнїкъⷨ: изыдеⷨ и похоⷣмъ по градꙋ, негли, ѡбрѣтше, имеⷨ творащаго в нашемъ градѣ матежь, зѣло бо н҃нѣ в велицѣ страсѣ есмь. Исшеⷣше же всюдꙋ похожьше, нїчто же ѡбрѣтше, но точию движенї граⷣу. Всѣмь же съвѣтнїкѡⷨ въ ꙋнынїи бывшиⷨ, ѡ семь недомыслащиⷨса, ѡнъ бл҃горазꙋмны съвѣтнїкъ, поемъ ц҃ра и съ дщерїю его, и приведе къ велицѣ горѣ, имоущї многа и различна ѡрꙋжїа, в неи же узрѣста зарю свѣтлꙋ, ѡконцеⷩ из пещеры исходащꙋ. И принїкнꙋвша къ коⷩцꙋ томꙋ, видѣста внꙋтръ вертепа жилище, в нем же сѣдаще мꙋжь, в последнїи жива нищетѣ, хꙋдыми ѡблеченъ вретищи, емꙋ же близъ приседаше

τὸν ἄνδρα ἐγκωμίοις καταθέλγουσα. Οἱ περὶ τὸν βασιλέα τοίνυν, ἐπὶ ὥραν ἱκανὴν ταῦτα κατανοοῦντες, ἐθαύμαζον ὅτι, τοιαύτῃ πιεζόμενοι πενίᾳ ὡς μήτε οἴκου εὐπορεῖν μήτ᾽ ἐσθῆτος, οὕτως εὐθύμως τὸν βίον διῆγον. Καί φησὶν ὁ βασιλεὺς τῷ πρωτοσυμβούλῳ αὐτου· «Ὦ τοῦ θαύματος, φίλε, ὅτι ἐμοί τε καὶ σοὶ οὐδὲ οὕτως ὁ καθ᾽ ἡμᾶς ποτὲ ἤρεσε βίος, τοσαύτῃ δόξῃ καὶ τρυφῇ περ διαλάμπων, ὡς ἡ εὐτελὴς αὕτη καὶ ταλαίπωρος ζωὴ τούτους δὴ τοὺς ἀνοήτους τέρπει, καὶ ἡδύνει λεῖος αὐτοῖς καὶ προσηνὴς ὁ τραχὺς οὗτος καὶ ἀπευκταῖος βίος καταφαινόμενος!» [1]).

ющи. Сущии же съ ц҃ремъ на мнози таковыхъ смотрѧюще дивлѧхоуся, ꙗко таковою стоужаема нищетою, ꙗже ни домоу имѣти, ни одежа, тако весело живѧста житіе. И рече ц҃рь первосъвѣтникоу своемоу: оле чюдо, о друже, ꙗко мнѣ же и тебѣ николиже наше житіе годѣ бы͡ толикою славою и пищею блистаѧ, ꙗкоже хоудаѧ сиѧ и странная жизнью сею неразумно украшаютъсѧ, и наслажаютъ гладко сима, и пристоупно жестокое се и горкое житие ꙗвлѧꙗсѧ.

своа жена, сла͡шꙋ брашна пѣ͡ поющи. Пре͡стоаша же емꙋ нѣкто красенъ, высокъ, на тверде каменї, питаꙗ и, и вино черпаꙗ; и приемшꙋ мꙋжу чашꙋ, тогда похвалами веньчевахꙋ и многою радостию мꙋжа. Сиа всѧ съглѧдавь ц҃рь прїзва своа дрꙋгы, и ре͡ к нїмь: ѡле чюдо, дрꙋзи мои, како хꙋдое се и потаеное житие чтнѣи нашеꙗ державы веселитсѧ, и свѣтлѣе вънѣшні͡ нꙋтренаꙗ сиаю͡т.

Измѣненье притчи Кирилломъ Туровскимъ могло произойти также подъ вліяніемъ какого-либо разсказа восточнаго происхожденія. По крайней мѣрѣ, въ индійской словесности извѣстны повѣствованія о царяхъ, не заботящихся объ оружіи и даже боящихся его. Такъ въ одномъ произведеньи помѣщенъ разсказъ слѣдующаго содержанія. На землю царя Парибгадра (Pari-

1) Anecdota graeca.... descrips. annotat. illustr. *I. Fr. Boissonade.* Parisiis. Vol. IV. 1832. стр. 135—136.

bhadra) напали непріятели. Совѣтники его предлагали ему стать во главѣ войска и прогнать непріятеля. Царь медлилъ, а опасность становилась все сильнѣе и ближе. Наконецъ раздался звукъ непріятельскихъ барабановъ. Тогда царь сказалъ: «лѣкаря утверждаютъ, что звукъ барабана производитъ боль въ животѣ, и потому я долженъ какъ можно скорѣе удалиться изъ города». Совѣтники возразили: «не отъ звука барабана, а отъ трусости — боль въ животѣ». Но трусъ все таки убѣжалъ, потерявъ и престолъ и царство[1]).

VIII.

Аллегорія, постоянная спутница притчи, является въ старинныхъ рукописяхъ нашихъ, между прочимъ, въ характеристической формѣ «вопросовъ и отвѣтовъ». Эти «вопросы и отвѣты», разсѣянные по разнымъ сборникамъ, заимствованы большею частію изъ письменныхъ источниковъ, какъ напримѣръ изъ апокрифовъ, и др.; но нѣкоторыми чертами они сближаются съ произведеніями народной словесности: между вопросами есть и *загадки*, и т. п. Укажемъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ, находящихся въ связи съ сочиненіями Кирилла Туровскаго.

Кириллъ Т. въ словѣ о разслабленномъ говоритъ: купальня, называемая виѳездою, имѣющая пять притворовъ (крытыхъ ходовъ), есть «образъ святаго крещенія, въ которомъ Святый Духъ, приходя, даетъ здоровье душѣ и тѣлу, и очищеніе отъ грѣховъ. Если кто слѣпъ разумомъ, или хромъ невѣріемъ, или изсушенъ отчаяніемъ, или разслабленъ еретическимъ ученіемъ, — всѣхъ дѣлаетъ здоровыми вода крещенія. Та купѣль многихъ принимала, но исцѣляла только одного, и то не всегда, а однажды въ годъ; а купѣль крещенія оживляетъ многихъ ежедневно, и если бы пришли къ ней люди со всей земли, не уменьшилась бы Божія благодать, дающая исцѣленіе отъ болѣзней грѣховныхъ».

---

1) См. Berichte über die verhandlungen der königlich-sächsischen gesellschaft der wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Classe. 1857. I. s. 32.

Ср. въ вопросахъ и отвѣтахъ: *Вопросъ:* что̀ есть овчая купѣль, пять притворовъ имущи? *Толкъ*: овчая купѣль образуется крещеніе. Та бо купѣль была жидовскимъ людемъ тѣлесемъ на исцѣленіе, и тоже было во едино время и единому человѣку. А нынѣ есть крещеніе не единаго ради человѣка, но и во всю вселенную; не токмо тѣлеса исцѣляетъ, но и душа освящаетъ, и грѣхи очищаетъ. А притворы суть пятеры — пять чувствъ въ человѣцѣ душевныхъ грѣховъ и пять помыслъ злыхъ: первое — зависть, второе — ненависть, третье — осужденіе, четвертое — хула, пятое — нарицаемая ересь. Разслабленъ бо человѣкъ — не вѣруя во Святую Троицу [1]).

Аллегорію «притчи о бѣлоризцѣ» Кириллъ Т. объясняетъ такъ: «градъ есть составленіе человѣческаго образа... царь же есть умъ, обладаяй всѣмъ тѣломъ... совѣтници же суть и друзи— житейскія мысли, не дающе намъ ни о смерти помыслити». Въ вопросахъ и отвѣтахъ: *Вопросъ*: а что̀: горе тебѣ, граде, въ немже царь юнъ, а бояре рано пьютъ и ѣдятъ? *Отвѣтъ*: Градъ есть душа человѣка, а царь юнъ — умъ несмысленъ, а бояре пьянчивые—помыслы лукавые. Или, *вопросъ*: А что есть градъ, и въ немъ царь юнъ, и взяли у него волю бояре? А градъ есть человѣкъ, а царь у него въ головѣ—умъ, а бояре—мысли [2]).

Подъ названіемъ: «отъ бесѣдъ св. отецъ» встрѣчаются подобныя толкованія: «Нѣкій царь славенъ зѣло имѣетъ градъ верху горы высоки зѣло, нѣсть бо къ нему ни приступу, ни приходу, развѣ богопарныхъ птицъ, а богопарныя птицы въ сѣтехъ ловящихъ. *Толкъ*: Царь есть Христосъ; а градъ — горній Іерусалимъ; а нѣсть бо къ нему ни прихода, ни приступа, развѣ избранныхъ душъ; а богопарныя птицы — сирѣчь, грѣшныхъ души — увязаютъ въ сѣтехъ ловящихъ, и оставляеми бываютъ въ руки врагомъ» [3]).

Въ притчѣ о человѣческой душѣ и о тѣлѣ Кириллъ Т. говоритъ: «что есть хромецъ и слѣпецъ? хромецъ есть тѣло человѣче,

1) Рпсь Увар. № 527, Q, л. 114 об.—115. 2) Рпсь Увар. № 536, Q, л. 147. об., 149 об.–150. 3) Рпсь Увар. № 481. Q, л. 42.

а слѣпецъ — душа;.... тѣло безъ души хромо есть, и не наречется человѣкъ, но трупъ». Ср. въ вопросахъ и отвѣтахъ: «а что: слѣпецъ узрѣлъ заяца, а хромый постигъ, а нагому за пазуху положилъ? Слѣпецъ — душа человѣча, а хромецъ — тѣло; а заяцъ въ полѣ—то есть питіе и ядѣніе; а нагому за пазуху положилъ, то во уста вложилъ»[1]). Или: «*вопросъ*: слѣпецъ узрѣ въ чистѣ полѣ бѣла зайца; хромецъ, устигше, ялъ зайца, да, принесши, нагому въ пазуху положи? *Толкъ*: слѣпецъ — душа, хромецъ — тѣло, заяцъ въ чистомъ полѣ — св. причастіе, нагому въ пазуху положи, то — нагому причастіе въ уста вложи»[2]).

Кириллъ Туровскій, въ «сказаніи о черноризчестѣмъ чину», довольно оригинально и наивно объясняетъ обычай прострИгать «гуменце» у монаховъ. Израильтяне, говоритъ онъ, выходя изъ Египта, взяли съ собою кости Іосифовы; сверхъ того, они «замѣшено тѣсто несяху, понеже не даша имъ испечи борзаго ради шествія; возложиша опресноки на главы своя, и тако отъ солнца испекошася, исползшемъ власомъ, и быша на всѣхъ плѣши: по сему образу черньцемъ гуменце». — Такое же объясненіе находимъ и въ вопросахъ и отвѣтахъ: «*вопросъ*: чего есть плѣшь попу гуменца? *Отвѣтъ*: егда Моисей проведе люди сквозѣ пустыню, и тогда начаша печи пресноки отъ солнца на главѣ, Господеви на службу»[3]). — Исхода Израильтянъ изъ Египта касается и вопросъ: «почто изведе Жидовъ изъ Египта въ сапозѣхъ, апостоли же боси посла во языки на проповѣданіе? *Толкъ*: того ради Жидове въ сапозѣхъ изведени быша, соблюдая ихъ Господь отъ тернія и отъ гада; апостолы же боси — того ради за нихъ рече: дамъ вамъ власть наступати на змію, и на скоропію, и на вся силы вражія»[4]).

Въ «Исходѣ» сказано только, что Евреи, побуждаемые къ скорѣйшему выходу изъ Египта, взяли «муку свою прежде вски-

---

1) Рпсь Увар. № 536, Q, л. 146.
2) Рпсь Публ. Библіотеки XVII, Q, 35, л. 226—236 об.
3) Рпсь Увар. № 536, Q, л. 149—150.
4) Рпсь Публ. Библіотеки XVII, Q, 35, л. 226—236 об.

сенія тѣста», ввязали въ платье и положили себѣ на плечи (XI, 34). Въ латинск. библіи: accepit ipse populus massam suam, nondum fermentatam, mactris suis super humerum suum, quisque circumligatis ad vestes suas.

Обычай простригать гуменцо издавна извѣстенъ въ Византіи. Въ посланіи патріарха антіохійскаго Петра къ патріарху константинопольскому Михаилу Керулларію († 1059) находимъ слѣдующее свидѣтельство: τί γὰρ πρὸς ἡμᾶς τὸ ξυρᾶσθαι τοὺς ἀρχιερεῖς τοὺς πώγωνας... καὶ ἡμεῖς γὰρ γαράραν ἐπὶ τῆς κεφαλῆς ποιοῦμεν εἰς τιμὴν πάντως τοῦ κορυφαίου τῶν ἀποστόλων Πέτρου, ἐφ' ὃν ἡ τοῦ θεοῦ μεγάλη ἐκκλησία ἐπῳκοδόμηται· ὃ γὰρ εἰς ὕβριν τοῦ ἁγίου, οἱ δυσσεβεῖς ἐφεύρησαν, τοῦτο ἡμεῖς εὐσεβοῦντες, εἰς δόξαν αὐτοῦ καὶ τιμὴν πεποιήμεθα. Ῥωμαῖοι μὲν ξυρῶντες τοὺς πώγωνας· ἡμεῖς δὲ ἐπὶ κορυφῆς τὴν παπαλήθραν ἐπιτηδεύοντες [1])... т. е. что̀ намъ до того, что епископы (латинскіе) брѣютъ бороды?... Мы же дѣлаемъ себѣ на головѣ гуменцо въ честь первоверховнаго апостола Петра, на коемъ основана великая церковь Божія. Что̀ нечестивые выдумали въ поруганіе Святому, то̀ мы благочестиво совершаемъ во славу и въ честь его: Римляне брѣютъ бороды, мы же на верхней части головы дѣлаемъ подобіе вѣнца, и т. д.

На подобный же обычай въ Россіи указываетъ слѣдующее мѣсто Кіевской лѣтописи, подъ 1148 годомъ: «ать же пойдемъ, всяка душа, аче и дьякъ, а гуменце ему прострижено, а не поставленъ будеть, и тьи пойдеть; а кто поставленъ, ать Бога молить» [2]).

Замѣчательно, что символическое воззрѣніе, раскрывающееся въ словахъ Кирилла Т., проникло и въ народную поэзію, и притомъ изъ того же самаго источника, т. е. изъ книжной, частью византійской литературы. Уже самый этотъ источникъ показы-

---

1) Ecclesiae graecae monumenta, stud. et oper. Johannis Baptistae *Cotelerii.* 1681. T. II. p. 149.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. 1843. т. II, стр 40.

ваетъ, въ какихъ произведеніяхъ народной словесности можно ожидать символизма: онъ является преимущественно въ духовныхъ стихахъ и въ пѣсняхъ, близкихъ къ нимъ, какъ напр. въ слѣдующей:

У насъ было, други, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, на царскомъ дому,
Стояла тамъ церковь соборная,
Соборная церковь богомольная...
Въ той во церкви пробилъ быстрый ключъ,
Растворились двери, рѣка протекла.
По той по рѣкѣ суденца плывутъ,
Суденца плывутъ, все судомъ судятъ:
Разсудили судъ, кораблемъ пошли.
Ходитъ, гуляетъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, сынъ царскій, гребецъ;
На главѣ его смарагдовой вѣнецъ;
Во рукѣ держитъ лазоревой цвѣтъ:
Съ руки на руку перекидываетъ,
Вѣрныхъ, праведныхъ поманиваетъ,
Дорогой товаръ показываетъ.
Этому товару цѣны, други, нѣтъ:
Денегъ не берутъ, даромъ не даютъ;
Раненько встаютъ, трудомъ достаютъ.
Сказать ли вамъ, братцы, про тотъ быстрый ключъ?
Этотъ быстрый ключъ—Благодать съ Неба,
Растворились двери—дана намъ Вѣра,
Рѣка протекла—рѣчи Божіи,
Рѣчи Божіи, суды грозные.

Судьба сочиненій Кирилла Туровскаго.—Изданія ихъ.—Изслѣдованія о Кириллѣ Туровскомъ.

IX.

Въ продолженіе всего древняго періода нашей словесности произведенія Кирилла Туровскаго читались, списывались и размѣщались въ разнаго рода сборники. Сочиненія его извѣстны въ спискахъ XIII, XIV, XV, XVI и XVII в. Существеннымъ измѣненіямъ текстъ не подвергся, не смотря на множество списковъ. Различіе между ними ограничивается большею частью пропускомъ или замѣною нѣкоторыхъ выраженій и словъ, перестановкою ихъ, и т. п. Иностранныя слова замѣнялись русскими и наоборотъ; вмѣсто *Месопотамія* писали *Междурѣчіе*, вмѣсто *породный — райскій*, вмѣсто *параклитъ — утѣшитель*, вмѣсто *ѳеологъ—богословъ*, и проч. Употребляли то одно, то два отрицанія. Вмѣсто «*исполумертву* при пути повержену» встрѣчается такое раздѣленье сложнаго слова: «*исполу* при пути повержену *мертву*», и т. п.

Въ нѣкоторыхъ поученіяхъ опущены начала, въ другихъ—заключенія; вь иныхъ—нѣсколько мѣстъ въ срединѣ.—Дополненія замѣтны только въ заимствованіяхъ изъ какого-либо источника, всего болѣе изъ Св. Писанія, частью же изъ сочиненій церковно-историческихъ. Иногда въ древнихъ спискахъ удержаны только необходимыя, по ходу рѣчи, части библейскаго текста, а въ послѣдующихъ приводится текстъ вполнѣ. Преніе Спиридона съ Аріемъ изложено въ позднѣйшихъ спискахъ полнѣе, нежели въ спискахъ XIII—XIV в.

Самое списыванье словъ Кирилла Т. показываетъ до нѣкоторой степени уваженіе къ нимъ. Еще опредѣлительнѣе выражается оно въ отзывахъ о немъ въ старинныхъ памятникахъ, и преимущественно въ подражаніяхъ Туровскому проповѣднику и заимствованіяхъ изъ его сочиненій.

Память о немъ не исчезла и въ XVII столѣтіи, не смотря

на совершавшееся измѣненіе началъ словесности нашей. Петръ Могила († 1646) говоритъ: «azaż y do tych czasow niektorych metropolitow Ruskich kazania na pismie nie mamy? jako osobliwie Cypriana y Hrehoryia Camiwłaka, y inszych także kapłanow y zakonnikow, jako Cyrilla Turowskiego, y innych wielu, ktorzy jesli pisać vmieli, pewnie y na pamięć powiadali y lud Boży vczyli»[1]).

Въ 1684 г. священникъ городка Орла, Пермской епархіи, составилъ собраніе сочиненныхъ имъ словъ, и далъ сборнику аллегорическое названіе: «Статиръ». При составленіи своего труда авторъ пользовался твореніями Златоуста, Григорія Богослова, Θеофилакта, Θеодора Студита, Іоанна Экзарха, Иннокентія, папы римскаго[2]), и друг., преимущественно же словами Симеона Полоцкаго и Кирилла Транквилліона-Ставровецкаго, «дидаскала» и проповѣдника южно-русскаго XVII в. Вмѣстѣ съ извлеченіями изъ названныхъ нами писателей находятся и заимствованія изъ сочиненій Кирилла Туровскаго. Въ словахъ: на недѣлю новую, о разслабленномъ, на вознесеніе, на соборъ отцовъ, и т. д. авторъ приводитъ мѣста изъ поученій Кирилла Т., обозначая его именемъ «Кирилла мниха» или «Кирилла, архіе-

---

1) Λίθος abo kamien z procy prawdy cerkwie swiętey prawosławney Ruskiey. 1644, стр. 352.

2) Именемъ Иннокентія означено между прочимъ въ Статирѣ слѣдующее мѣсто: «Всякій младенецъ явѣ отъ сего показуетъ свою бѣдность и нищету, ибо въ рожденіи своемъ ничтоже ино глаголетъ, точію: *а*, *а*, си есть мужескій полъ; женскій же паче: *е*, *е*; и тако вси человѣцы раждающеся глаголютъ или *а* или *е*. Сія словеса въ латынскомъ языцѣ велію печаль знаменуютъ. Въ совершенномъ же возрастѣ глаголются отъ печальныхъ человѣкъ: *охъ. увы.* Сія бо плакаше Адамъ лишенія своего прекраснаго рая» (л. 120).—Ср. Geschichte der komischen Literatur, von *Flögel*. 1784. Ч. I, стр. 29—30: «Innocentius III schreibt: Wenn die Kinder geboren werden, so ruft der Knabe *a*, und das Mägdlein schreit *e*; wodurch sie sich über ihre ersten Eltern Adam und Eva beklagen. Diesem betete der Dominikaner Vivaldus nach und verschönerte noch den Gedanken, wenn er sagt, indem ein Knäblein geboren wird, schreit es: *o, a!* und das Mägdlein: *o, e!* gleich als wenn sie sagten: o Adam, warum hast du gesündiget? O Eva! warum hast du gesündiget?».

пископа Турскаго». Заимствованія не буквальны, а съ нѣкоторыми измѣненіями.

У Кирилла Туровскаго разслабленный говоритъ: «мертва ли себе нареку? но чрево ми пища желаеть, и языкъ отъ жажа исыхаеть. Жива ли себе помышлю? но не токмо встати съ одра, но ни подвигнути себе не могу; нозѣ имѣю непоступьнѣ, руцѣ же не точію бездѣлнѣ, но ни осязати себе тѣма совладѣю. Непогребенъ мертвець разумѣюся, и одръ сь гробъ ми есть; мертвъ есмь въ живыхъ, и живъ есмь въ мертвыхъ, ибо яко живъ питаюся, и якоже мертвъ не дѣлаю. Мучимъ же есмь акы въ адѣ бестудіемъ поносящихъ ми; смѣхъ бо есмь унотамъ, укаряющимся мною, и старцемъ же лежю притча къ наказанію; мною вси глумяться. Азъ же сугубо стражю: утрьуду болѣзнь клѣщить мя, вънѣуду досадами укоризньнихъ стужаю си; отъ веѣхъ бо плеваніе слинъ покрываеть мя. Двое сѣтованіе обдержитъ мя: гладъ паче недуга преодалаеть ми; аще бо и брашно обрящю, но во уста рукою вложити его не могу: всѣмъ молюся, дабы мя кто накормилъ; и бываеть дѣлимъ мой бѣдный укрухъ съ питающими мя. Стоню со слезами, томимъ болѣзнью недуга моего, и никтоже придеть посѣтитъ мене; единъ злостражю; никымьже видимъ. Егда же останци трапезъ богобойныхъ людій принесени будуть сдѣ, скоро притекуть приставници овчая купѣли, и не тако пси Лазоревы облизаху струпы, якоже си моя помилованія пожирають». Въ Статирѣ: «Азъ же себе мертва нареку? но чрево мое о пищѣ алчетъ; языкъ же мой жаждею згараетъ. Жива ли себе нареку? но не могу со одра не токмо востати, но ни двигнутися. Руцѣ мои бездѣлны, нозѣ крѣпости не имутъ. Поистинѣ непогребенъ мертвецъ разумѣю себе: одръ ми сей гробъ есть; мертвъ есмь въ живыхъ, и живъ есмь въ мертвыхъ: ибо живъ, яко питаюся, а мертвъ, яко не дѣлаю. Юношамъ азъ на подсмѣяніе, старцамъ въ наказаніе. Азъ же сугубо стражду отъ недуга и глада; аще бо и брашно пріобрящу, и не могу руками внести во уста. Всѣмъ молюся, дабы мя кто накормилъ, и бѣдныя моя укрухи съ питающими дѣлю. И егда кто пріидетъ посѣ-

тити мя, и останцы трапезы боголюбивіи принесутъ ми, скоро притекутъ приставницы овчія купѣли, и яко пси Лазаревы струпы облизаютъ, тако сіи принесенную мнѣ пищу пожираютъ» (л. 47—48).

Кириллъ Туровскій приписываетъ Ѳомѣ слѣдующее обращеніе къ Спасителю: «вижю ребра, отъ нихже источи воду и кровь: воду, да очистиши осквернившююся землю, и кровь же, да освятиши человѣческое естество. Вижю руцѣ твои, имаже преже створи всю тварь, и рай насади, и человѣка созда; имаже благослови патріархы; имаже помаза царѣ; имаже освяти апостолы. Вижю нозѣ твои, еюже прикоснувшися блудница грѣховъ отпустъ пріятъ; на неюже припадши первое вдовица, отъ мертвыхъ своего сына съ душею жива пріятъ. Надъ сима ногама кровоточивая, подолцѣ ризы прикоснувшися, исцѣлѣ отъ недуга. И азъ, Господи, вѣрую, яко Ты еси Богъ». Въ Статирѣ: «вижду ребро твое пречистое, копіемъ прободеное, изъ негоже изыде кровь и вода: вода, да очистиши оскверненую землю, кровь, да освятиши человѣческое естество. Вижду и руцѣ твои пресвятѣйшія, имаже сотворенъ бысть первозданный и азъ; имаже благослови патріарховъ; имаже помаза царей земныхъ; имаже освяти апостолы. Вижду нозѣ, ихже омывши слезами жена блудница и оставленіе грѣховъ пріятъ. И азъ вѣрую, Господи, и поклоняютися» (л. 35 об.—36).

Символическія объясненія въ Статирѣ составлены также подъ вліяніемъ Кирилла Туровскаго. Авторъ Статира говоритъ: «весна убо красная—вѣра Христова, яже крещеніемъ пораждаетъ человѣческое естество въ сыновство Божіе; югъ же хладостный вѣющъ—покаяніемъ грѣхи оставляются и искореневаются; и добродѣтель плодоносится; дождеве проливаются—апостольская сердца духа святаго наполняются, и во всю вселенную слово ученія распростирается. Ратай вола ярму подпрягаетъ—языцы на вѣру Христову притекаютъ», и т. д. (л. 80 об.—81). Подъ вліяніемъ символическаго взгляда Кирилла Т. (см. стр. 21—22 нашего изданія), авторъ придаетъ символиче-

скій смыслъ приведеннымъ у него выше словамъ Златоуста: «нынѣ бо красная весна возсіяла есть, югу часто вѣющу, землю тонко охлаждающу... дождеве благопогодливы, рососходителны проливаются» и Григорія Богослова: «землидѣлатель рало водружаетъ, горѣ взирая плодоподателя призываетъ, подъ яремъ вола подпрягаетъ», и т. п.

Въ литературныхъ пріемахъ составителя Статира замѣтно также подражаніе Кириллу Туровскому, который любитъ употреблять подобныя оговорки: «мы же, груби суще разумомь и нищи словомь», «мутенъ имѣя умъ и языкъ грубъ, но прошу дара слова»; «молю вашю, братіе, любовь, не зазрите ми грубости, ничтоже бо отъ своего ума сдѣ вписаю, но прошю отъ Бога дара слову». Авторъ Статира, обращаясь къ слушателямъ, говоритъ: «вашу же любовь, братія, молю, не зазрите моей грубости: ничтоже бо отъ своего ума здѣ вписую, но отъ святыхъ писаній вѣщаю» (л. 53 об.).

Нѣкоторыя слова Кирилла Туровскаго, какъ дѣйствительно принадлежащія ему, такъ и мнимыя (spuria), встрѣчаются въ старопечатныхъ славянскихъ книгахъ. Такъ въ «Соборникѣ», изданномъ въ Москвѣ, въ 1647 году, помѣщены:

1) Въ среду 5-й недѣли поста, притча Кирилла мниха о души человѣчестѣй и тѣлеси, и о преступленіи Божія заповѣди, и о воскресеніи тѣлесъ, и о будущемъ судѣ и муцѣ, л. 436—447 об.

2) Въ недѣлю цвѣтоносную, Кирилла мниха слово отъ сказанія евангельскаго, л. 483—486.

3) Кирилла епископа слово въ недѣлю 3-ю по пасцѣ, о снятіи тѣла Христова со креста, и о мироносицахъ, отъ сказанія евангельскаго, и похвала Іосифу, л. 766 об.—774.

4) Кирилла мниха слово на вознесеніе Господне, отъ пророческихъ указаній, и о воскресеніи всеродпаго Адама изъ ада, л. 803—807.

5) Св. Кирилла мниха слово въ недѣлю 7-ю по пасцѣ, на

соборъ св. отецъ трехъ сотъ и осмидесяти, отъ св. книгъ указаніе о Христѣ, Сынѣ Божіи, и похвала отцемъ св. Никійскаго собора, л. 807 об.—813.

Въ старопечатныхъ книгахъ, называвшихся, подобно рукописнымъ, «Златоустами», находятся также поученія Кирилла Туровскаго. Въ одномъ изъ подобныхъ сборниковъ означено въ самомъ концѣ книги: «сія святая книга, нарицаемая *Златоустъ*, печатанная съ древлеписменнаго перевода въ типографіи Почаевской, препечатася въ типографіи Супрясльской въ лѣто 7305 (1797)». Въ этомъ сборникѣ находимъ:

1) Въ понедѣльникъ второй недѣли поста:... Св. Кирилла мниха о страсѣ Божіи, л. 42 об.—44.

2) Въ великій пятокъ страстныя недѣли, слово о снятіи Господни со креста, и о погребеніи, и о плачѣ пресвятыя Богородицы, л. 204 об.—210. Сходно съ спискомъ, напечатаннымъ въ нашемъ изданіи, отъ словъ: «нынѣ же Іосифа благообразнаго съ мироносицами похвалимъ» до словъ: «и привалиша камень великъ къ дверемъ гробу». Затѣмъ опять плачъ Богородицы, заключающійся словами: «Господь же втайнѣ рече ей: о мати моя, како утаися ти бездна щедротъ моихъ: тварь бо мою хотя спасти, стражду».

3) Въ недѣлю новую антипасхи, Кирилла мниха слово о поновленіи воскресенія Христова, и о артусѣ, и о испытаніи, и о увѣреніи Ѳоминѣ, л. 219 об.—226.

4) Въ недѣлю 4-ю по пасцѣ, поученіе блаженнаго Кирилла о разслабленномъ, и пр., л. 228—234 об.

5) Въ недѣлю 20-ю, поученіе св. Кирилла философа о мытарствахъ: «понеже убо тайна сія» и пр., л. 293—298 об.

6) Въ недѣлю 29-ю, сказаніе о небесныхъ силахъ, и чесо ради созданъ человѣкъ на земли, л. 326—330.

Въ подобныхъ изданіяхъ слова Кирилла Туровскаго назначались для церковнаго употребленія и домашняго назидательнаго чтенія, но—разумѣется—не для ученыхъ изслѣдованій, для которыхъ еще не наступила тогда пора. Потребность въ нихъ раз-

вилась впослѣдствіи, и первое ученое изданіе сочиненій Кирилла Туровскаго явилось почти черезъ два столѣтія послѣ «Соборника» московскаго.

X.

Сильвестръ Медвѣдевъ († 1691) въ своемъ замѣчательномъ «Оглавленіи книгъ кто ихъ сложилъ» отмѣтилъ нѣкоторыя изъ сочиненій Кирилла Туровскаго, а именно: 1) Кирилла, епископа туровскаго: о чинѣ черноризстѣмъ, 2) Кирилла епископа: о снятіи Христа съ креста, 3) Кирилла монаха: св. отецъ и похвала Никейскому собору, 4) его же: на вознесеніе Господне, 5) его же: о души и тѣлѣ, и преступленіи заповѣди, о воскресеніи тѣлесъ и о судѣ будущемъ и муцѣ, 6) его же: на цвѣтоносіе [1]).

Въ «Опытѣ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной грекороссійской вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ мужахъ», Москва, 1784, сказано: «Кириллъ, епископъ туровскій, родился отъ богатыхъ родителей, воспитанъ и постриженъ въ городѣ Туровѣ, что въ Бѣлой Россіи; по изволенію владѣющаго князя туровскаго и гражданъ, поставленъ епископомъ того града. Сей истинный пастырь словесныхъ овецъ Христова стада, украшая священный престолъ архіерейскій святою своею жизнію, былъ полезенъ святѣйшей церкви многимъ своимъ писаніемъ (писалъ многія посланія къ великому всероссійскому князю Андрею Боголюбскому), предсталъ непороченъ престолу Вседержителя апрѣля 28 дня, въ XII в. по Р. Х.».

Въ «Исторіи россійской іерархіи», 1807 г., отмѣчено, и притомъ не точно, только слѣдующее: «Епархія туровская и пинская: 5) Кириллъ, святый, хиротонисанъ 1114 г., марта 6, при великомъ князѣ Андреѣ Георгіевичѣ; преставился 1120, апрѣля 28 дня. Память его апрѣля 28 дня» (Ч. I, стр. 225—226). Тоже повторено и въ «хронологическомъ спискѣ св. мужей рос-

1) Чтенія Московск. Общ. Истор. и древност. 1846, № 3. IV, стр. 50.

сійской церкви», помѣщен. въ томъ же томѣ исторіи іерархіи (стр. 285).

Карамзинъ, въ Исторіи государства россійскаго, т. III, примѣч. 29, замѣчаетъ: «Св. Кириллъ, епископъ туровскій, мужъ знаменитый ученостію по тогдашнему времени, имѣлъ переписку съ Андреемъ Боголюбскимъ и сочинилъ нѣсколько разсужденій богословскихъ. Мнѣ извѣстно одно изъ его твореній: *Кюрила епископа туровъскаго сказаніе о черноризьчьстѣмъ чинѣ*, найденное мною въ харатейной кормчей книгѣ (Синодальн. библіот. № 82)», и приводитъ изъ сказанія небольшой отрывокъ «въ примѣръ слога и мыслей».

Краткими замѣтками ограничивались всѣ свѣдѣнія о Кириллѣ Туровскомъ, пока не явились «Памятники россійской словесности XII вѣка», изданные въ 1821 г. *Калайдовичемъ.* Почти двѣ трети изданія занимаютъ «творенія Кирилла, епископа туровскаго, россійскаго витіи XII вѣка». Калайдовичъ издалъ по нѣсколькимъ спискамъ пятнадцать сочиненій Кирилла Туровскаго; опредѣлилъ мѣсто (—Туровъ, тепер. Минской губерніи, Мозырскаго повѣта, надъ рѣкою Припетью) и время (—*вторая* половина XII вѣка; ум. около 1182 г.) его дѣятельности, и обратилъ вниманіе на литературное достоинство его произведеній. Заслуга Калайдовича неоспорима; недостатки изданія, указанныя послѣдующими учеными, выкупаются открытіемъ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ писателей древняго періода.

Изданіе Калайдовича вызвало любопытныя замѣчанія Каченовскаго, о которыхъ мы уже говорили (стр. 281).

Со времени изданія Калайдовича, имя Кирилла Туровскаго является въ числѣ русскихъ писателей XII вѣка.

Митрополитъ Евгеній, во второмъ изданіи, 1827 г., своего «Словаря историческаго о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина», помѣстилъ и Кирилла Туровскаго, не названнаго въ первомъ изданіи словаря, 1818 г.

Въ «Исторіи древней русской словесности», Максимовича, 1839 г., также упоминается о Кириллѣ Т. «Намъ осталось—

говоритъ авторъ—богатство изящныхъ произведеній знаменитаго русскаго витіи *Святаго Кирилла Туровскаго:* его поучительныя *слова*, духовныя *притчи*, *толкованіе о чинѣ монашескомъ*, *молитвы* и *канонъ о покаяніи*... Въ продолженіе своего епископства онъ былъ въ сношеніяхъ съ Андреемъ Боголюбскимъ, къ которому писалъ многія *посланія*, до насъ не дошедшія».

Въ «Прибавленіяхъ къ изданію твореній св. отцевъ въ русскомъ переводѣ», 1851 г., част. X, издано проф. Горскимъ посланіе Кирилла Туровскаго къ Василію, архимандриту печерскому.

Въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности 1854 г., т. III, напечатаны: «слово душеполезно о хромци и слѣпци» по списку XV в. и «слово о мудрости» по списку XVI в.

Въ Извѣстіяхъ же, 1855 г., т. IV, выпускъ 4, напечатано слово Св. Кирилла о мытарствахъ, названное въ рукописи: «Св. Кирилла философа слово отъ книгъ о исходѣ души». Издано по списку Румянцовскаго музеума XIV—XV в., № 357, сличенному со спискомъ Рум. муз. XIV в., № 186.

Въ Извѣстіяхъ 1856 г., т. V, выпускъ 6, помѣщены отрывки изъ «Исповѣданія», приписываемаго Кириллу Туровскому, и молитва его «на исходъ души»—изъ рукописнаго канонника XVI в.

Въ третьемъ томѣ Исторіи русской церкви, преосвящ. Макарія, 1857 г., въ текстѣ и примѣчаніяхъ, помѣщены девять молитвъ и канонъ Кирилла Туровскаго (стр. 130—141 и 310—319).

Въ «Православномъ Собесѣдникѣ», издаваемомъ при Казанской духовной академіи, въ книжкахъ 1-й и 2-й за 1857 г., напечатаны «молитвы на всю седмицу, св. Кирилла, епископа туровскаго».

Преосвящ. Филаретъ въ своей «Исторіи русской церкви» говоритъ о жизни и сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго (I, стр. 68—73 и др., изд. 1849), признавая въ картинахъ его «чистое во-

ображеніе и глубокое чувство», и отдавая канону Кирилла Т. преимущество передъ многими канонами византійскими. — Въ «Обзорѣ русской духовной литературы» (помѣщен. въ Ученыхъ Запискахъ 2 отд. Академіи Наукъ, т. III, 1857 г.) произведенія Кирилла Туровскаго распредѣляются слѣдующимъ образомъ (стр. 37—39): «сочиненія св. Кирилла состояли: а) изъ *словъ* на господскіе праздники, которыя посылалъ онъ и въ видѣ посланій къ сильному и набожному князю Боголюбскому, б) изъ душеполезныхъ *наставленій*, которыхъ было много, в) изъ *молитвъ* и покаяннаго *канона*». Несомнѣнными въ своей подлинности авторъ признаетъ девять словъ (№ II—IX и XIII нашего изданія); самымъ превосходнымъ по содержанію и по слогу—слово на 5-ю недѣлю (№ XIII нашего изд.). Слова: на пятидесятницу, о мытарствахъ, и притчу о премудрости, начинающ. такъ: «первое, брате, коея мудрости ищеши»,—не считаетъ принадлежащими Кириллу Туровскому.

Помѣщенное въ «Исторіи русской церкви» преосвящ. Макарія (стр. 99—149 и 307—326) изслѣдованіе о Кириллѣ Т. составляетъ подробную монографію, напечатанную и въ Извѣстіяхъ 2 отд. Акад., 1856 г., т. V, вып. 5, отдѣльною статьею подъ названіемъ: «Кириллъ Туровскій, какъ писатель». Преосвящ. Макарій признаетъ подлинными: 1) «девять словъ, произнесенныхъ имъ въ храмѣ предъ народомъ; 2) три статьи, изложенныя въ формѣ посланій или наставленій къ инокамъ; 3) болѣе двадцати молитвъ и канонъ молебный», и излагаетъ содержаніе этихъ произведеній. Къ числу потерянныхъ сочиненій авторъ относитъ, не соглашаясь отчасти съ «Обзоромъ»: 1) обличеніе на извѣстную ересь Ѳеодорца, епископа ростовскаго, отъ божественныхъ писаній; 2) многія посланія къ Андрею Боголюбскому отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній; 3) нѣкоторыя душеполезныя слова на праздники Господскіе: ибо св. Кириллъ написалъ такія слова «многа», а до насъ дошли изъ нихъ только девять; 4) похвалы или похвальныя слова «многимъ» святымъ, къ числу которыхъ (похвалъ) изъ сохранившихся словъ можно отнести только

два: въ недѣлю о мироносицахъ и на соборъ 318 св. отцевъ; 6) канонъ великій покаянный къ Господу по главамъ азбуки: ибо сохранившійся молебный канонъ св. Кирилла, хотя выражаетъ и чувствованія покаянныя, но вовсе не расположенъ по буквамъ азбуки, и обращенъ не къ одному Господу Іисусу, а часто и ко всѣмъ лицамъ св. Троицы; 6) вѣроятно и многія другія сочиненія, которыми занимался св. Кириллъ, еще подвизаясь въ столпѣ, и потомъ въ числѣ «множайшихъ» предалъ церкви. Думать, будто подъ именемъ посланій къ Андрею Боголюбскому разумѣются собственно извѣстныя слова и поученія святителя туровскаго, потому только, что посланія эти, по выраженію жизнеописателя, написаны отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній, совершенно неосновательно: ибо и посланія къ игумену печерскому Василію, какъ говоритъ самъ св. Кириллъ, написаны тоже отъ святыхъ книгъ, и почти въ каждомъ изъ своихъ сочиненій, иногда даже не разъ, онъ повторяетъ, что пишетъ не отъ себя, а отъ евангельскихъ и пророческихъ писаній. Жизнеописатель именно выражается, что св. Кириллъ «Андрею Боголюбскому князю многія посланія написалъ; а извѣстныя слова на праздники написаны св. Кирилломъ для произнесенія въ церкви предъ народомъ, и обращеній къ Андрею Боголюбскому никакихъ не содержатъ. Могъ, конечно, св. Кириллъ препровождать копіи съ своихъ словъ къ Андрею Боголюбскому, но уже это самое требовало сопутствовать ихъ посланіями къ князю или письмами». Сомнительными сочиненіями авторъ признаетъ слова: 1) въ недѣлю пятую, вопреки «Обзору» 2) на пятидесятницу, 3) о премудрости и 4) о мытарствахъ. Изъ разсмотрѣнія подлинныхъ сочиненій Кирилла Т. преосвящ. Макарій выводитъ слѣдующее заключеніе: «въ проповѣдяхъ св. Кирилла преобладаетъ воображеніе и духовная поэзія; въ статьяхъ, обращенныхъ къ инокамъ, виднѣе мысль, подъ сильнымъ однакожъ вліяніемъ воображенія и фантазіи; молитвы и канонъ проникнуты живымъ христіанскимъ чувствомъ. По самому изложенію, въ первыхъ болѣе витіеватости, искусственности, риторизма; во вторыхъ всѣ

эти недостатки замѣтно ослабѣваютъ; третьи почти вездѣ запечатлѣны естественностью и простотою.... Главныя отличительныя свойства Кирилла Туровскаго, какъ писателя: живое, плодовитое, неистощимое воображеніе; мягкое, доброе, воспріимчивое чувство; легкій, свободный, витіеватый языкъ».

Въ «Исторіи русской словесности, преимущественно древней», 1846 г., г. Шевыревъ говоритъ, въ девятой лекціи (стр. 223 и слѣд.), о сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго. Указывая ихъ общій характеръ, г. Шевыревъ замѣчаетъ, что «краснорѣчіе Кирилла во многихъ мѣстахъ переходитъ въ символическую поэзію;... въ стилѣ картинъ видно византійское вліяніе; ярки узоры восточной витіеватости въ проповѣдяхъ его, имѣющіе отношеніе къ подобнымъ узорамъ мозаиковой живописи и архитектуры византійской, всегда исполненнымъ таинственнаго, глубокомысленнаго значенія. По этимъ внѣшнимъ признакамъ, можно назвать Кирилла Византійцемъ въ словенорусскихъ формахъ».

Профессоръ Соловьевъ, при обозрѣніи внутренняго состоянія русскаго общества XI—XIII в. (Ист. Россіи, т. III, 96—100), посвящаетъ нѣсколько страницъ сочиненіямъ Кирилла Т., знакомящимъ со современнымъ нашему оратору состояніемъ русскаго общества. «Цѣль словъ Кирилла Туровскаго—говоритъ г. Соловьевъ—показать народу важность, величіе празднуемаго событія, пригласить народъ къ его празднованію, къ прославленію Христа или святыхъ его: отсюда сходство словъ Кирилловыхъ съ церковными пѣснями, отъ которыхъ онъ заимствуетъ иногда не только форму, но и цѣлыя выраженія; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, видимъ одинакое распространеніе, оживленіе событія разговоромъ дѣйствующихъ лицъ; въ сочиненіяхъ Кирилла замѣчаемъ также особенную любовь къ иносказаніямъ, притчамъ, стремленіе давать событіямъ прообразовательный характеръ, особенное искусство въ сравненіяхъ, сближеніяхъ событій, явленій, такъ что, изучая внимательно сочиненія древняго владыки туровскаго, не трудно открыть въ немъ предшественника и земляка позднѣйшимъ церковнымъ витіямъ изъ югозападной

Руси, которые такъ долго были у насъ почти единственными духовными ораторами и образцами. Какъ слогъ поученія Луки Жидяты обличаетъ Новгородца, такъ слогъ словъ Кирилла Туровскаго обличаетъ въ сочинителѣ южнаго Русина.... Вообще памятники южнорусской письменности отличаются отъ сѣверныхъ памятниковъ большею украшенностію, что, разумѣется, происходитъ отъ различія въ характерѣ народонаселенія» и т. д.

Въ сочиненіи г. Самарина: «Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники», 1844 г., предложено нѣсколько замѣчаній о Кириллѣ Туровскомъ (стр. 42—44), какъ напр.: «вліяніе св. отцевъ нашей церкви ясно отразилось въ твореніяхъ Кирилла. Но это было не рабское подражаніе, а свободное созданіе въ томъ же стилѣ.... Общій характеръ проповѣдей Кирилловыхъ составляетъ преобладаніе поэтическаго элемента надъ дидактизмомъ. Мы рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ обдуманное построеніе и строгость въ изложеніи. Словомъ Кирилла Туровскаго движетъ религіозный паѳосъ, восторгъ. Это не столько поученія, сколько свободныя изліянія благочестивыхъ помысловъ — гимны». Нѣкоторыя изъ проповѣдей Кирилла Т. близко подходятъ, по замѣчанію автора, къ религіозной лирикѣ.

Профессоръ Буслаевъ приводитъ много мѣстъ изъ Кирилла Туровскаго въ сочиненіи своемъ: «О преподаваніи отечественнаго языка», 1844 года (часть 2-я). Въ примѣръ византійской символики приводитъ отрывокъ изъ слова въ недѣлю новую, начинающійся такъ: «днесь ветхая конецъ пріяша, и се быша вся нова», и т. д., сличая его съ любопытными «Прикладами о возстаніи» (стр. 280—284 и др.).—Въ статьѣ: «О народности въ древнерусской литературѣ и искусствѣ» (Русск. Вѣстник. 1857, № 15, стр. 382—383) г. Буслаевъ говоритъ: «одни изъ нашихъ ученыхъ видятъ въ произведеніяхъ Кирилла Туровскаго образецъ самаго возвышеннаго духовнаго краснорѣчія; другіе замѣчаютъ въ нихъ нѣкоторую искусственную витіеватость. Намъ

кажется, что и тѣ и другіе отчасти правы. Нельзя не признать за нашимъ авторомъ XII вѣка высокаго литературнаго таланта; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что въ самомъ существѣ символическаго направленія, которое усвоилъ себѣ нашъ авторъ, заключаются уже зародыши нѣкоторой искусственной экзальтаціи».

О языкознаніи въ древней Россіи [1].

Высокое значеніе языка, какъ предмета изслѣдованія и наблюденій, единодушно признаваемое учеными, подтверждается и самою исторіею народной образованности. Языкъ остается неизмѣнно однимъ изъ предметовъ, привлекающихъ къ себѣ любознательность при различныхъ степеняхъ развитія науки у народа. Даже въ числѣ древнѣйшихъ памятниковъ ея у нѣкоторыхъ народовъ встрѣчаются и замѣчанія о языкѣ, болѣе или менѣе значительныя, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Исторія Русской образованности представляетъ съ своей стороны нѣсколько любопытныхъ въ этомъ отношеніи фактовъ.

По убѣжденію предковъ нашихъ, языкъ есть высокій даръ человѣку, неизмѣримо возвышающій его надъ «безсловесными», какъ издревле назывались у насъ животныя неразумныя, въ отличіе отъ человѣка, существа мыслящаго и говорящаго. Хотя и другія животныя владѣютъ способностью издавать звуки; но языкъ, по свидѣтельству нашихъ древнихъ памятниковъ, есть знакъ единственно человѣческой природы, указывающій въ человѣкѣ избранника Божія, любимое созданіе Творческой Силы: «Якоже и коневи рзание, и псоу брехание, и волови рютье, и лютомоу звери рикапье дано есть, да то ихъ знаменье есть: такоже и человѣку слово, да его то знаменье. Тоже его градъ,

---

1) Ученыя Записки Второго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, книга I, Спб. 1854.

тоже его сила, тоже оружье, тоже и стѣна. Сь животенъ боголюбенъ кромѣ всѣхъ животовъ симъ почтенъ есть»[1]). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ нашей древней словесности такъ обозначается отличіе человѣка отъ другихъ существъ небесныхъ и земныхъ: Члвка созда Бгъ междоу англъ и скота: кромѣ англъ гнѣвомъ и похотию, а кромѣ скота словомъ и смысломъ»[2]). То есть, физическія движенія удаляютъ человѣка отъ природы ангельской, а слово и мысль возвышаютъ его надъ міромъ животныхъ.

Чистота и правильность языка считалась залогомъ чистоты и правильности религіозныхъ вѣрованій; соблюденіе законовъ языка вмѣнялось въ необходимую потребность сочиненію, излагавшему истины Вѣры. Въ языкѣ видѣли выраженіе внутренней жизни, мысли и чувства человѣка; языкомъ — вѣрили твердо — говорила душа. Еще въ XI столѣтіи выраженіе псалма: «Пойте Богу нашему въ гусляхъ», понимали такъ: «въ гусляхъ т. е. съ душою. Гусли есть душа, а цѣвница языкъ: ибо безъ него не можетъ говорить душа»[3]). Языкъ почитаемъ былъ необходимымъ и совершеннѣйшимъ орудіемъ ума. Умъ приводитъ въ движеніе языкъ, какъ художникъ приводитъ въ движеніе музыкальное орудіе:—подобная мысль выражается въ другомъ объясненіи того же псалма, извѣстномъ также съ весьма давняго времени въ Славянскомъ переводѣ[4]). Слово и мысль признаваемы были нераздѣльными въ человѣкѣ. Сознаніе этой истины

1) Рукопись «Пчела», гл. 15 — о ученіи и о бесѣдѣ; списокъ XIV—XV в.

2) Описаніе рукописей Румянц. музеума, *Востокова*, стр. 230 и 238.

3) Рукописные отрывки изъ Псалтыри съ толкованіемъ, XI в., въ бывшемъ Погодинск. книгохранилищѣ. Пс. 97, 5: «Поите Боу нашемоу въ гѫслехъ: съ дшеѭ сирѣчь гѫсли бо дша ѥсть а цѣвьница ѩзыкъ, безъ него бо дша не можеть глати». Толкованіе приписывается св. Аѳанасію, архіепископу Александрійскому.

4) Псалтырь съ толкованіемъ Ѳеодорита, епископа Кирскаго, рпсь XV в. въ Румянц. музеумѣ, № 334 по описан. Востокова. «Творим же и мы словесны гѹсли—наша телеса; струнъ мѣсто — зубы; въ мѣди же мѣсто—оустнами; всѧкого бо ѩзычьца быстрѣе ѩзыкъ, движим състроенъ глас творить. Движеть ж ѩзыкомъ оумъ, ѩкоже гласникъ строител движеніе его творя» (л. 172 об.).

телей, начиная съ Платона и Аристотеля въ древности, номиналистовъ и реалистовъ въ средніе вѣка, и потомъ съ достопамятнаго Санкція (Franciscus Sanctius) въ XVI в. до Куръ-де-Жебелена и другихъ филологовъ XVIII столѣтія. Много занимались въ Европѣ вопросомъ о томъ, какимъ образомъ предметы получили названіе, по одной ли случайности, или по необходимой причинѣ, условливаемой самою сущностью предметовъ. Люди ученые и люди съ однимъ только здравымъ смысломъ и наклонностью къ размышленію высказывали свои мнѣнія объ этомъ вопросѣ. Какого же мнѣнія держались наши древніе книжники? За неимѣніемъ опредѣленныхъ указаній намъ остается искать по крайней мѣрѣ намековъ, и, если встрѣтятся подобные намеки, не оставлять ихъ совершенно безъ вниманія. Такъ можно примѣтить, что лѣтописцы иногда въ названіи лица извѣстнымъ именемъ видѣли какъ бы не одинъ слѣпой случай, а нѣчто болѣе: замѣчали соотвѣтствіе между именемъ и характеромъ носившаго это имя. Несторъ говоритъ въ Жизнеописаніи св. Ѳеодосія, что когда новорожденнаго принесли по обычаю къ священнику для нареченія имени, то «прозвутеръ же видѣвъ дѣтище, сердечными очами *прозря* еже о немъ, яко хощетъ измлада *Богу датися*, *Федосьемъ* того нарѣцаеть». Слѣдовательно Несторъ понималъ значеніе Греческаго слова Θεοδόσιος, составленнаго изъ двухъ словъ: Θεός (Богъ) и δίδωμι (даю). А чтобы понимать, онъ долженъ былъ или знать Греческій языкъ, или имѣть подъ рукою Славянское объясненіе иностранныхъ словъ; въ послѣднемъ случаѣ является новое доказательство, что словарные опыты возникаютъ у насъ или у нашихъ соплеменниковъ — ранѣе XI столѣтія. Описывая погребеніе Романа Ростиславича, сконч. 1180 г., лѣтописецъ влагаетъ въ уста плачущихъ надъ гробомъ слѣдующую похвалу достойному князю: «Царю мой благый, кроткый, смиреный, правдивый! — говоритъ княгиня — *воистину тебѣ нарчено имя Романъ*, всею добродѣтелію сый подобенъ ему, многія досады прія отъ Смолнянъ, и не видѣхъ тя, господине, николи же противу ихъ злу никотораго

зла въздающа, но на Бозѣ вся покладывая провожаше» [1]). Это же самое причитанье буквально повторяется, также устами княгини, при извѣстіи подъ 1288 г. о кончинѣ Владиміра Васильковича, имѣвшаго христіанское имя Ивана: «Царю мой благый, кроткый, смиреный, правдивый! *воистину наречено бысть тобѣ имя во крещеньи Иванъ*, всею добродѣтелью подобенъ есь ему: многыа досады пріимъ отъ своихъ сродникъ, не видѣхъ тя, господине мой, николи же противу ихъ злу ни которaго же зла воздающа, но на Бозѣ вся покладывая провожаше» [2]). За повѣствованіемъ объ убіеніи Святополкомъ князей Бориса и Глѣба слѣдуетъ въ паремейникѣ замѣчаніе, что Святополкъ несправедливо носитъ имя, коего недостоинъ убійца. «Сею бо кровь и до кончины вѣка не престаеть вопиющи къ Богу на безаконнаго и гордаго *Святополка*, паче же рѣку *Поганополка*, безъглавнаго звѣри» [3]). Такимъ же образомъ въ одной рукописи XVI в. разлагается имя *Богумилъ*: «Въ земли Блъгарстѣй бысть попъ, именемъ *Богумилъ*, а по истинѣ рещи *Богу-не-милъ*» [4]). Въ послѣдствіи отыскиваніе смысла именъ обратилось въ литературный обычай. Въ исторіи дьяка Грибоѣдова, компилировавшаго Степенныя Книги и Лѣтопись Палицына, указывается на царственное призваніе св. Владиміра, выразившееся и въ языческомъ его имени—Владиміръ (владыка міра) и въ христіанскомъ Василій (βασιλεύς — царь). О великомъ князѣ Ярославѣ Грибоѣдовъ говоритъ: «Ярославъ, во святомъ крещеніи *Георгій*; якоже убо толкуется сіе имя *Божіе дѣло*: *воистину убо Божіе дѣло* есть сій богоподражательный сынъ и наслѣдникъ равноапостольнаго князя Владиміра Святаго» [5]). Совершенно то же желаніе видѣть сокровенный смыслъ въ именахъ, какъ бы предназначеніе, замѣтно и въ писателяхъ, обогащавшихъ литературу

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 123.
2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 220.
3) Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, изслѣд. *Калайдовича*, стр. 100.
4) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. I. Приложенія, стр. 253.
5) Исторія Грибоѣдова. Рпсь Рум. Муз. № 83.

народовъ намъ соплеменныхъ. Жизнеописатель св. Станислава признаетъ въ трудѣ своемъ, относящемся къ XIII вѣку, что уже самое имя Станислава означаетъ, что онъ избранникъ Божій. Авторъ производитъ имя *Stanislaus* отъ *stans laus*, или *instans laudi*, или *statio laudis: stetit* enim vir Dei *Stanislaus* in *laude* Dei propensius et *laus* Dei in ore ejus, quia ex omni corde *laudavit* Deum, qui fecit eum»[1]).

Стремленіе осмыслить слова повело къ объясненію ихъ значенія, большею частью весьма наивному. Этимологическія наивности Тредьяковскаго и Сумарокова имѣютъ зародышъ свой уже въ XI вѣкѣ. Описывая единоборство Русскаго отрока съ Печенѣжиномъ при Владимірѣ, Несторъ такъ объясняетъ происхожденіе собственнаго имени города: «Размѣривше межи обѣма полкома, пустиша я къ собѣ, и ястася, почаста ся крѣпко держати, и удави Печенѣзина въ руку до смерти и удари имъ о землю; и кликнуша, и Печенѣзи побѣгоша, и Русь погнаша на нихъ сѣкуще, и прогнаша я. Володимеръ же радъ бывъ, заложи городъ на бродѣ томъ и нарече и *Переяславль*, зане *перея славу* отрокъ отъ»[2]). Въ другомъ мѣстѣ встрѣчается у Нестора такое разложеніе собственнаго имени народа: «*Срацини* отъ Измаила творятъся *Сарини*, и прозваша имена собѣ *Саракыне*, рекше: *Сарини есмы*»[3]). Густинская лѣтопись упоминаетъ о различныхъ производствахъ нашего народнаго имени: «Но откуду взятся сему славному народу сіе именованіе *Русь*, лѣтописци различнѣ повѣдаютъ. Едины глаголютъ, яко отъ *Росса* князя полунощного; иныи отъ рѣки глаголемыя *Рось*; иныи отъ *русыхъ* власовъ, понеже въ сей странѣ изъ сицевыми власы мнози обрѣтаются; *конечнѣе* же глаголютъ, яко отъ *розсѣянія Россія* именуется». Помирившись съ производствомъ имени *Россія* отъ *разсѣянія*, лѣтописецъ при исчисленіи именъ, подъ коими являлись Славяне

1) Vita S. Stanislai, ed. *Bandtkie*. Varsoviae, 1824. (При хроникѣ Мартина Галла).

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 53.

3) Тамъ же, I, 99.

въ исторіи, даетъ такой толкъ одному изъ нихъ — Роксоланы: *Роксоляны*, акибы *Русь* и *Аляны* [1]).

Всѣ приведенные факты не болѣе, какъ намеки, отрывочныя замѣтки; собственно же къ памятникамъ филологической дѣятельности въ древній періодъ нашей словесности принадлежатъ грамматики и такъ называемые азбуковники, словари. Первыя занимаются свойствами одного, общедоступнаго для Русскихъ языка. Рукописныхъ грамматикъ извѣстно значительное количество, и всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ два главные отдѣла, соотвѣтствующіе двумъ редакціямъ: до появленія печатныхъ грамматикъ Зизанія и Смотрицкаго, и послѣ ихъ появленія. Въ составъ азбуковниковъ вошло множество словъ и понятій иностранныхъ, и въ этомъ отношеніи они представляютъ весьма любопытное литературное явленіе. Кромѣ того, азбуковники любопытны и по разнообразію своего содержанія, представляя обильную пищу для современныхъ имъ читателей и служа однимъ изъ давнихъ образцовъ энциклопедическихъ сочиненій въ Европѣ. Нѣкоторые изъ списковъ носятъ такое заглавіе: «Алфавитъ книга премудрая имѣя въ себѣ *24 языка*». Въ число двадцати четырехъ входятъ большею частію слѣдующіе языки: Арабскій, Армянскій, Греческій, Еврейскій, Еллинскій, Еѳіопскій, Жидовскій, Иверскій, Индійскій, Латинскій, Литовскій, Македонскій, Мидскій, Пермскій, Персидскій, Римскій, Русскій, Сербскій, Сирскій, Скиѳскій, Словенскій, Татарскій, Ханаанскій, Чешскій и др. Смѣсь и невѣрность въ исчисленіи очевидны; но онѣ находятся не только въ Русскихъ, но и во всѣхъ другихъ филологическихъ сочиненіяхъ XVI вѣка. Довольно указать на трудъ Конрада Гесснера, бывшаго корифеемъ современной ему Европейской учености. Я имѣю въ виду Гесснеровъ — *Mithridates*, de differentiis linguarum, tum veterum, tum quae hodie apud diversas nationes in toto orbe terra-

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II: Густинская лѣтопись, стр. 236.

rum in usu sunt, observationes. Tiguri. 1555. Въ этомъ сборникѣ языки областей, государствъ и частей свѣта перемѣшаны между собою: подрѣчіе одного изъ нарѣчій Славянскихъ — *Кашубское* стоитъ рядомъ съ языкомъ цѣлаго племени въ Европѣ — *Кельтскимъ;* языки Московскій, Мозамбикскій, Каппадокійскій, Лаконскій, Халдейскій и т. д. слѣдуютъ одинъ за другимъ по одному азбучному порядку. Въ отдѣлѣ каждаго языка сообщаются извѣстія о народѣ вообще, употребляющемъ этотъ языкъ, въ родѣ слѣдующихъ о народѣ Русскомъ: Русскіе не занимаются медициной (rationalis medicina) и астрологіей (sideralis scientia); имѣютъ отечественныя лѣтописи; кромѣ лѣтописей удерживаютъ воспоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ, Римскихъ цезаряхъ, Антоніѣ и Клеопатрѣ, и т. п. Будучи сборниками энциклопедическими, и наши алфавиты знакомили читателей съ бытомъ народа, географіей, исторіей. При словѣ Вретанія сказано: «островъ великъ, въ длину 1000, а въ ширину 300 верстъ, а живутъ въ немъ человѣцы два рода, Каледоне и Меате, градовъ и жилищъ не имуть, но пребываютъ въ горахъ и поляхъ пустыхъ, нази и необувени, земли не дѣлаютъ, но питаются паствою воловъ и овощіемъ», и мн. др. При имени *Епикуръ.* «философъ еллинскій вельми честенъ, того ради вси учащіеся у него епикуры философы нарицахуся; *Аристофанъ*— пѣснотворецъ еллинскій», и т. п. Собственно филологическая сторона нашихъ азбуковниковъ состоитъ въ объясненіи, болѣе или менѣе удачномъ, многихъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ письменный Русскій языкъ. Такъ слово *архіепископъ* объясняется: «*начало посетителемъ:* по-Гречески *архъ*, а по-Русски *начало;* по-Гречески *епископъ*, а по-Русски *посетитель*». За этимъ слѣдуетъ историческое объясненіе: «Святіи бо Христовы апостоли поставляху епископовъ по градомъ, да укрѣпляютъ вѣрныхъ и да посѣщаютъ ихъ, рекше *назираютъ*, добре ли Христіане вѣру хранятъ.... *Вивлія* — слово Греческое; *стихаръ* — Греческое; *корвана* — Еврейское — *даръ; костелъ* — Латинское; *комканіе* — Латинское, по-Русски — *причастіе;*

кодексъ наричется книга, содержащая въ себѣ многія книги, подобно Библіи; *астъкеучи* (Чешское) бѣлъ или чистъ; *витязе* (Сербское)—бояре; *витаетъ* (Сербское)—путь мимоидя въ дому чьемъ почіетъ или колико дней пребудетъ, и то наречется *витаніе*; *астролози* — звѣздословцы, *астрономы* — звѣздозаконники, *астрономія* — звѣздозаконіе», и т. д. Не имѣя въ настоящемъ случаѣ въ виду изслѣдованія о двухъ первенцахъ нашей филологіи, ограничиваясь замѣчаніемъ, что какого бы рода и значенія ни были первыя начала филологическихъ трудовъ въ Россіи, во всякомъ случаѣ возможенъ вопросъ о связи, въ которой они находились съ современнымъ имъ состояніемъ языкознанія. Практика всегда въ связи съ теоріей; и матеріалъ, накопленный посредствомъ знакомства съ иностранными языками и изученія языка отечественнаго, могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на характеръ первыхъ филологическихъ опытовъ. Вотъ одна изъ причинъ, побудившая насъ представить обозрѣніе круга языкознанія въ древней Россіи. Другая же и главнѣйшая причина нашего выбора заключается въ томъ, что состояніе языкознанія у народа служитъ однимъ изъ выраженій его образованности, и поэтому входитъ, какъ черта, въ исторію внутренняго быта народа. Изслѣдованіе круга и характера языкознанія можетъ познакомить и съ политическимъ бытомъ народа и съ направленіемъ его образованности. Знаніе языковъ пріобрѣтается двумя путями: практическимъ, отъ навыка, посредствомъ сношеній съ иностранными народами, или теоретически, изученіемъ языка съ извѣстною цѣлью. Въ первомъ случаѣ факты языкознанія суть вмѣстѣ съ тѣмъ и факты сношеній съ иностранцами, матеріалъ для политической исторіи народа; во второмъ они опредѣляютъ нравственные интересы народа, особенности его умственной жизни. Языкъ принимаетъ въ себя живые слѣды народной образованности. Самый выборъ извѣстнаго языка, какъ орудія образованности, указываетъ уже на ея характеръ. Оставаясь же въ теченіе продолжительныхъ періодовъ орудіемъ литературы, языкъ проникается ея направленіемъ до такой сте-

пени, что образуетъ съ нею одно нераздѣльное цѣлое, которое и наблюдать необходимо въ его совокупности. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, приступаемъ къ разсмотрѣнію избраннаго предмета, не стараясь строить произвольную систему, не опирающуюся на фактахъ, а желая основывать свои выводы на положительныхъ свидѣтельствахъ отечественной старины. Въ порядкѣ изложенія постараемся также не измѣнить пути, указываемаго самимъ предметомъ. Въ древней Россіи языкознаніе имѣло и практическое и теоретическое направленіе. Знакомство съ нѣкоторыми языками было слѣдствіемъ необходимости и легкости узнавать говоръ народа, съ которымъ предки наши бывали въ соприкосновеніи. Иные же языки изучались какъ средство для цѣлей высшихъ: то какъ проводники религіозныхъ убѣжденій, то какъ условіе образованности. Сообразно съ характеромъ, который принимало знаніе языковъ, предлагаемъ обозрѣніе наше въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, связанныхъ между собою единствомъ главнаго предмета.

Знакомство съ иностранными языками въ древней Россіи пріобрѣталось прежде всего въ слѣдствіе сношеній съ иностранными народами. Поэтому хотя вкратцѣ упомянемъ объ историческихъ свидѣтельствахъ касательно сношеній нашихъ съ иностранцами въ теченіе древняго періода, и потомъ перейдемъ къ обозрѣнію историческихъ же свидѣтельствъ объ орудіи этихъ сношеній—языкѣ.

Русь съ древнѣйшихъ временъ была въ разнообразномъ соприкосновеніи и съ чужеплеменными сосѣдями и съ народами отдаленными, обитавшими въ трехъ частяхъ свѣта: Европѣ, Азіи и Африкѣ. Постоянныя путешествія Русскихъ въ чужіе края и пребываніе иностранцевъ въ Россіи образовали у предковъ нашихъ мысль о повсюдной извѣстности нашего отечества. Русскій писатель XI вѣка, М. Иларіонъ, говоритъ о древнихъ князьяхъ (Игорѣ, Святославѣ, Владимірѣ): «не въ худѣ бо и не

въ невѣдоми земли владычьствоваша, но въ *Русской, яже вѣдома и слышима есть всѣми конци земля*[1]). Изъ народовъ ближайшихъ къ Руси, частью и обитавшихъ въ ея предѣлахъ, древняя лѣтопись называетъ слѣдующіе: Печенѣгы, Касогы, Козары, Чудь, Ятвягы, Литва, Ямь, Торкы, Половци, Голяди, Торкъмени, Хвалиси, Кумани (рекше Половци), Югра, Печера, Самоядь. Еще Несторъ, говоря въ началѣ своего повѣствованія о племенахъ Славянскихъ, называетъ данниками Руси слѣдующіе народы: Чудь, Мерю, Весь, Мурому, Черемись, Мордву, Пермь, Печеру, Ямь, Литву, Зимиголу, Корсь, Норову, Либь, замѣчая, что «си суть свой языкъ имуще». Изъ народовъ болѣе отдаленныхъ отъ Руси и рѣже проникавшихъ въ ея предѣлы, древніе памятники письменности нашей сохранили имена Поляковъ, Чеховъ, Венгровъ, Литовцевъ, Болгаръ, Нѣмцевъ, Грековъ, Венеціанъ и другихъ. Несторъ упоминаетъ уже о сношеніяхъ съ Ляхами, Мазовшанами, Литвою, Чехами, Уграми, Нѣмцами; на югѣ съ Болгарами и Греками.

Именами народовъ называются въ лѣтописи и обитаемыя ими страны; Болгары, Ляхи, Греки значило Болгарія, Польша, Греція и пр.: въ 1024 г. былъ голодъ въ Суздальской странѣ и «идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары и привезоша жито и тако ожиша»; въ 1159 г.: «иде Изяславъ въ Вятичѣ»; встрѣчаются выраженія: «не води Ляховъ Кыеву», «зая Гръки и зая у нихъ имѣнье» и вмѣстѣ «приде Ярополкъ изъ Ляховъ», «приде Олегъ изъ Грекъ»[2]) и т. п. Чехи упоминаются не только въ поговорочномъ выраженіи о Святополкѣ: «прибѣжа въ пустыню межю Ляхы и Чехи»; но и въ смыслѣ несомнѣннаго историческаго факта; въ 1076 г. Володиміръ Всеволодовичъ и Олегъ Святославичъ ходили «Ляхомъ въ помочь на Чехы». «Нѣмцы» въ лѣтописи XI в. употреблялось въ смыслѣ Нѣмецкой имперіи, какъ можно судить по тому, что о посольствѣ Нѣмецкаго импе-

---

1) Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ, ч. II, 1844, стр. 239.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 64, 74, 88.

ратора Генриха IV въ 1075 г. въ Россію сказано: «придоша сли изъ Нѣмецъ», которымъ Святославъ показывалъ, величаясь, множество золота и серебра и паволокъ; но они сказали: «се ни въ что же есть, се бо лежить мертво: сего суть кметье луче, мужи бо ся доищуть и болше сего»[1]). Кромѣ названія отдѣльнаго народа, слово «Нѣмцы» имѣло преимущественно общій смыслъ, означая всѣхъ иностранцевъ безъ опредѣленія народности. Глубокою древностью отзываются слова лѣтописца: «Югра же людье есть языкъ *нѣмъ*»; значенье это удержалось и въ позднѣйшія времена; такъ въ нашихъ старинныхъ космографіяхъ и ландкартахъ говорится объ Америкѣ, что она «изыскана отъ Шпанскихъ и Французскихъ Нѣмецъ»[2]). Особенно часто древняя лѣтопись вспоминаетъ имя Грековъ, ибо древняя Русь была въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Греціею. Съ Греками Русскіе имѣли переговоры еще до водворенія въ Русской землѣ Христовой вѣры, какъ можно заключить и изъ договоровъ Олега и Игоря и по лѣтописнымъ извѣстіямъ въ родѣ слѣдующей бесѣды Русскаго посла съ Греками въ 971 году: Святославъ посла къ Грекомъ, глаголя: «хочю на вы ити, взяти градъ вашь, яко и сей (Переяславець)», и рѣша Грьци: «мы недужи противу вамъ стати, но возми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны колько васъ, да вдамы по числу на главы», и рече имъ Святославъ: «есть насъ 20 тысящь», и приречe 10 тысящь»[3]). Въ послѣдствіи связь Руси съ Греціею была преимущественно религіозная. Та же религіозная цѣль обнаруживается и въ древнѣйшихъ сношеніяхъ нашихъ съ другими частями свѣта: по свидѣтельству лѣтописей, св. Владиміръ посылалъ пословъ въ Іерусалимъ, Египетъ и другія страны, служившія нѣкогда мѣстопребываніемъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ. Въ Сте-

1) Тамъ же, I, 85. Ср. Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, т. II, стр. 85—86, изд. Смирдина 1851.

2) Ср. *Полеваго:* О географическихъ свѣдѣніяхъ древнихъ Россіянъ, въ «Очеркахъ Русской литературы», ч. 2, стр. 426, и т. п.

3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 29.

пенной Книгѣ говорится, что св. Владиміръ «посылаше гостей и пословъ своихъ, идѣже есть благочестивая вѣра христіанская, во Іерусалимъ же и во Египетъ, да и тамо увѣсть богоугодныхъ мужей пребываніе и церковное благолѣпіе; инѣхъ же въ Римъ посылаше, другихъ же и въ Вавилонъ, не яко Латинскихъ и Ассирійскихъ законъ испытуя, но обычаевъ коеяждо земли соглядая, да отъ всѣхъ разумно будемъ ему»[1]). Съ другой стороны путешественники изъ Египта, Сиріи и другихъ восточныхъ странъ часто посѣщали Русскую землю, вѣроятно, въ слѣдствіе преслѣдованія христіанъ магометанами, достигшаго крайней лютости въ концѣ X и началѣ XI столѣтія[2]). Кромѣ религіозныхъ, были у насъ сношенія и политическія и торговыя со многими иностранными народами. Извѣстны брачные союзы древнихъ князей нашихъ: еще Святославъ женилъ сына своего Ярополка на Гречанкѣ «красоты ради лица ея», замѣчаетъ лѣтописецъ, вспоминая о прекрасной «Грекинѣ» подъ 977 годомъ[3]); но она выдана замужъ ранѣе, ибо лѣтопись говоритъ ясно: «бѣ бо привелъ отець его *Святославъ* и *вда* ю за Ярополка», а Святославъ умеръ въ 972 г. Сыновья Ярослава, внуки Владиміра св., были женаты: Изяславъ на сестрѣ Казимира Польскаго, Всеволодъ на Греческой царевнѣ; дочери Ярослава были замужемъ: Анна за Французскимъ королемъ Генрихомъ I, Анастасія за Венгерскимъ королемъ Андреемъ I; Нѣмецкій императоръ Генрихъ IV былъ женатъ, какъ полагаетъ Карамзинъ, на Аннѣ или Янкѣ, одной

---

1) Книга Степенная, 1775, ч. I, стр. 170; то же извѣстіе въ «Русской лѣтописи» по Никонову списку, 1767, ч. I, стр. 111; то же у Татищева въ Исторіи подъ 1001 годомъ. Это свидѣтельство нашихъ позднѣйшихъ лѣтописей признаетъ достойнымъ вѣроятія авторъ ученаго изслѣдованія о церкви Русской при св. Владимірѣ, помѣщеннаго въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1853 годъ.

2) Христіанское Чтеніе. 1853. Іюнь. Церковь Русская во дни св. Владиміра и Ярослава (окончаніе), стр. 474—475. Въ подтвержденіе сказаннаго приведено въ этой статьѣ свидѣтельство древняго жизнеописанія препод. Ѳеодосія: «и се пріидоша странници въ градъ той... и въпроси ихъ (Ѳеодосій), откуду суть и камо грядутъ; онѣмъ же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмы, и аще Богу волящу воспять хощемъ ити».

3) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 32.

изъ дочерей Всеволода: лѣтописецъ западный, не называя ея имени, говоритъ только: «imperator duxit filiam regis Russorum», и передаетъ при этомъ любопытный разсказъ о цѣломудріи Русской княжны[1]). Но если извѣстія о бракахъ владѣтельныхъ особъ и кажутся нѣкоторымъ не вполнѣ убѣдительными касательно вліянія ихъ на сношенія ихъ между подданными[2]); то мы имѣемъ положительныя, восходящія къ XII вѣку, свидѣтельства о томъ, что сношенія съ иностранцами не ограничивались княжескими семействами, а производились между самими народами. Когда Святославъ, отецъ Игоря Сѣверскаго, разгромилъ землю Половецкую, и самъ Кобякъ явился во дворцѣ Святослава, тогда, по выраженію Слова о полку Игоревѣ, «ту Нѣмци

---

1) О брачныхъ союзахъ княжескихъ въ древней Руси см. *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, т. II, стр. 34—38, изд. Смирдина, 1851, и примѣчанія ко 2-му тому: 40—48 и 157. Также *Погодина:* Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, т. III, 1846, стр. 95—99.

2) Г. Погодинъ (Изслѣдованія и пр., т. III, стр. 98) замѣчаетъ, что «нѣкоторыя изъ сихъ извѣстій (о княжескихъ бракахъ) должны быть еще подвергнуты критикѣ, и имѣютъ нужду или въ подкрѣпленіяхъ, или въ поясненіяхъ.... свидѣтельства важны, а возраженія натянуты». Сисмонди, признавая достовѣрность извѣстія о бракѣ Русской княжны Анны съ Французскимъ королемъ Генрихомъ I, видитъ въ немъ доказательство именно того, что Русь не имѣла рѣшительно никакихъ сношеній съ западною Европою. Въ своей «Histoire des Français» Сисмонди говоритъ: «Il paraît qu'il (т. е. Ярославъ) fit offrir sa fille à l'empereur Henri I (1043). Cette négociation révéla cependant à la France l'existence, non seulement de la princesse Anne, mais même des Russes, dont il est probable que la cour de Henri I n'avait encore jamais entendu parler. Ce roi découragé par la perte des deux premières princesses, qui ne lui avaient point donné des fils, sentant qu'il avançoit en âge, et attribuant leur mort prématurée à un jugement du ciel, parce que, sans s'en douter, il s'etait peut-être apparenté avec elles dans quelqu'un des degrés prohibés par les lois canoniques, résolut de chercher une femme si loin de lui, qu'il fût bien sûr de n'avoir avec elle aucune sorte de parenté». Histoire des Français par Simon de Sismondi. 1823. т. IV, стр. 265—267. Карамзинъ также объясняетъ выборъ Генриха I боязнью подпасть осужденію папы за кровосмѣшеніе съ родственницей, хотя бы самою далекою: будучи свойственникомъ государей сосѣдственныхъ, Генрихъ искалъ себѣ невѣсты въ странѣ отдаленной. Карамзинъ въ этомъ слѣдовалъ мнѣнію Левека въ его «Mémoire sur les anciennes rélations de la France avec la Russie». См. *Карамзина* Исторія Государства Россійскаго, изд. 1851, т. II, стр. 36 и примѣчаніе 42.

и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю»: изъ этихъ народовъ Русскіе узнали Венеціанъ впервые во время крестовыхъ походовъ[1]). Въ высшей степени замѣчательно свидѣтельство древнѣйшаго лѣтописца Польскаго Мартина Галла; оно показываетъ, что Русскій народъ издревле находился въ сношеніяхъ съ другими Европейскими народами и эти сношенія служили даже поводомъ для знакомства Европейцевъ съ нашими западными соплеменниками: Мартинъ Галлъ счелъ нужнымъ въ началѣ своей хроники сдѣлать краткій статистическій очеркъ Польши, потому что, говоря его собственными словами, «regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota, et nisi *transeuntibus in Russiam* pro mercimonio paucis nota»[2]). Эти путники въ Россію, очевидно, были западные Европейцы, а цѣль ихъ путешествія, торговля, указываетъ ихъ непосредственное сношеніе съ массою народа. Только иго Монгольское разъединило на время Россію съ остальною Европою; но съ ослабленіемъ его снова возникаютъ разнообразныя сношенія иноземныя: по свидѣтельству лѣтописи, въ 1489 году, въ теченіе одного мѣсяца, были отправлены посольства во многія страны на западъ и югъ Европы. Въ мартѣ 1499 года пришелъ «посолъ къ великому князю на Москву отъ Шамахѣйскаго государя, отъ Махмуда султана, и посольство правилъ о любви. Того же мѣсяца марта послалъ князь великый посолствомъ Дмитрея Иванова сына Ралева Грека да Митрофана Ѳедорова сына Карачарова за море до Италійскыхъ странъ о своихъ потребахъ; да съ ними же вмѣстѣ послалъ Михайла Погожего посольствомъ на Краковъ къ Албрехту королю Полскому, а изъ Кракова послы поидоша къ Угорьскому королю Владиславу, а оттолѣ въ Венецѣю. Того же мѣсяца марта послалъ князь великый въ Царьгородъ къ Баазитъ салтану съ грамоты Олешу Голохвастова. Того же лѣта, іюня 1,

---

1) Карамзина, Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 352. Русскія достопамятности, часть III, стр. 110.

2) Martini Galli Chronicon, ed. *Bandtkie*. Varsov. 1824, стр. 13—14.

послалъ князь великый посольствомъ на подводахъ въ Литву Третьяка Василья Долматова»[1]).

Всѣ эти разнообразныя сношенія заставляютъ необходимо допустить существованіе способовъ взаимнаго сообщенія. Эти способы опредѣлялись характеромъ и продолжительностью сношеній, а также и степенью образованности иностраннаго народа: съ народами незначительными, столкновенія съ коими были рѣдки и только случайны, довольствовались нѣмымъ объясненіемъ посредствомъ жестовъ; съ иными народами совѣщались при помощи переводчиковъ, толмачей; съ нѣкоторыми объяснялись на ихъ языкѣ. Такъ на сѣверѣ жилъ народъ Югра, и одинъ Новгородецъ сказывалъ препод. Нестору, что отрокъ его ходилъ «въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рекоша отроку: суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота ако до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть *не разумѣти языку ихъ*, но кажуть на желѣзо и *помавають рукою*, *просяще* желѣза; и аще кто дасть имъ ножь ли, ли сѣкиру, дають скорою противу»[2]). Весьма естественно, что къ подобному разговору тѣлодвиженіями прибѣгали иногда въ древней Руси, какъ должны были прибѣгать къ нему всѣ Европейскіе путешественники при первой встрѣчѣ съ народами дикими; но само собою разумѣется, что такой способъ объясненія слишкомъ недостаточенъ и возможенъ только на первыхъ порахъ знакомства съ чужеземнымъ народомъ, скоро уступая мѣсто сообщенью посредствомъ языка. Число знающихъ языки иностранныхъ народовъ зависѣло отъ круга сношеній съ этими народами; оно было значительно, если иностранцы сносились со всею массою народа, и было невелико, если связи касались только высшаго сословія; въ этомъ случаѣ число знатоковъ ограничивалось переводчиками

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. VI, 1853. Софійская первая лѣтопись, стр. 43.
2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 107.

съ разныхъ иностранныхъ языковъ. Между переводчиками были и природные Русскіе, и нѣкоторые изъ нихъ обладали знаніемъ чужихъ языковъ въ совершенствѣ, какъ можно заключить по ихъ назначенію къ дѣламъ дипломатическимъ. Если молчаніе лѣтописи о переводчикахъ считать доказательствомъ, что ихъ дѣйствительно не было, то значитъ, наши послы въ XV вѣкѣ владѣли языками тѣхъ народовъ, къ которымъ были отправлены; а эти послы, Погожей, Голохвастовъ, Третьякъ и др., были безъ сомнѣнія Русскіе. Также Русскіе были «толмачи Власій и Митя», о которыхъ упоминаетъ Максимъ Грекъ, и которымъ онъ переводилъ съ Греческаго на Латинскій, а они съ Латинскаго на Славянскій[1]). Въ началѣ XVI в. Русскій *Дмитрій Щербатовъ* былъ употребляемъ для переговоровъ, ибо зналъ Нѣмецкій языкъ по свидѣтельству самого посланника Нѣмецкаго. Въ статейномъ спискѣ читаемъ, что въ 1505 году іюня 16 намѣстники прислали изъ Новгорода къ Іоанну III Васильевичу грамоты Нѣмецкаго посла, полученныя изъ Иваньгорода отъ князя Константина Ушатаго, сообщившаго о нихъ слѣдующее: «Здѣсе прислалъ ко мнѣ Юштъ Римскаго короля цесаря да Испанского посолъ, чтобы азъ выслалъ къ нему сына боярского, да съ нимъ *Дмитріа Щербатово* на рѣку; а *Дмитрій языку нашему умѣетъ* и меня знаетъ, а язъ туто же буду на рѣкѣ, да и грамоты дамъ ко государемъ Русскимъ царемъ»[2]) и пр.

Фабри, извѣстный богословъ своего времени, по порученію короля Фердинанда, имѣлъ въ Тюбингенѣ переговоры съ Русскими послами, возвращавшимися изъ Испаніи въ 1525 году. Онъ расправшивалъ ихъ о нравахъ и обычаяхъ Русскихъ и въ особенности о религіи; разговоръ происходилъ при помощи переводчика, родомъ Русскаго, знавшаго по-Нѣмецки и по-Латыни[3]).

---

1) Карамзина Исторія Госуд. Росс., т. VII, примѣч. 340. — Москвитянинъ 1842, № II, статья «Максимъ Грекъ», стр. 47.

2) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, т. I, 1851, стр. 125—126.

3) См. Rerum Moscoviticarum auctores varii. Francofurti. 1600. Moscovitarum uxta mare glaciale religio, a D. Joanne Fabri aedita. Стр. 130—131. Въ началѣ

При посольствѣ, отправленномъ въ Венецію въ 1656 году, переводчикомъ былъ природный Русскій, Тимоѳей Топоровскій, знавшій Италіянскій языкъ [1]). Природные же Русскіе были переводчиками при сношеніяхъ съ Нѣмецкою имперіею; таковы: толмачъ Ивашко Давыдовъ, толмачъ Истома Малый, и др. [2]).

При посольскомъ приказѣ состояло у насъ значительное число переводчиковъ для перевода съ Греческаго, Латинскаго, Нѣмецкаго, Шведскаго, Польскаго, Татарскаго и другихъ языковъ. Вотъ любопытное свидѣтельство Кошихина о дѣятельности нашихъ переводчиковъ: «Для переводу и толмачевства переводчиковъ Латинского, Свѣйского, Нѣмецкого, Греческого, Полского, Татарского, и иныхъ языковъ, съ 50 человѣкъ, толмачевъ 70 человѣкъ. А бываетъ тѣмъ переводчикомъ на Москвѣ работа по вся дни, когда прилучатся изъ окрестныхъ государствъ всякіе дѣла, также *старые письма и книги для испытанія велятъ имъ переводити*, кто каковъ къ переводу добръ, и по тому и жалованье имъ дается; а переводятъ сидячи въ приказѣ, и на дворы имъ самимъ переводити не даютъ, потому что опасаются всякіе порухы отъ пожарного времени и иные причины» [3]).

Но и безъ толмачей могли обходиться предки наши, и не только въ XVII столѣтіи, но даже и въ древнія времена. Несомнѣннымъ доказательствомъ этому служитъ драгоцѣнное извѣстіе о Русскомъ князѣ XI столѣтія, владѣвшемъ пятью иностранными языками. еще древнѣе преданіе о бесѣдѣ съ иностранцами князя, имя котораго завѣтно и для нашей исторіи, начиная съ лѣтописи Нестора, и для нашей народной поэзіи. Я говорю о св. Владимірѣ и его разговорахъ съ проповѣдниками

своего сочиненія Фабри говоритъ, что свѣдѣнія о Россіи онъ почерпнулъ изъ разговоровъ съ Русскими, и это было ему довольно легко, потому что, говоря его собственными словами, «interprete utebantur ipsi, qui cum et natus Moscovita esset, praeter suam vernaculam linguam et Germanice et Latine mediocriter callebat».

1) Русскій историческій сборникъ, т. III, книжка 4, стр. 325.

2) Памятники дипломатическихъ сношеній, III, 126 и др.

3) О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, *Кошихина*, 1840, стр. 68.

четырехъ религій. Это преданіе подвергалось суду нашихъ историковъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, что показываетъ немаловажность его историческаго значенія; собственно же для нашей цѣли онъ имѣетъ особый интересъ, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ бесѣды Русскихъ съ иностранцами. Поэтому мы коснемся замѣчательнаго преданія старины, упомянувъ предварительно о мнѣніяхъ о немъ нашихъ ученыхъ. Карамзинъ считалъ прибытіе миссіонеровъ случаемъ вѣроятнымъ, а разговоръ съ ними какъ бы изобрѣтеніемъ самого лѣтописца, хотя и близкимъ къ истинѣ, какъ можно судить по слѣдующему отзыву; «лѣтописецъ нашъ *угадывалъ*, какимъ образомъ проповѣдники вѣръ *долженствовали* говорить съ Владиміромъ»[1]). Полевой, всегда рѣшительный въ своихъ приговорахъ, называетъ все повѣствованіе о вѣропроповѣдникахъ не болѣе, какъ «поэмою въ родѣ духовныхъ мистерій»[2]). Г. Погодинъ, не раздѣляя вполнѣ мнѣнія Полеваго, находитъ однако же подлежащими еще критикѣ «нѣкоторыя извѣстія въ Несторовомъ описаніи принятія Христіанской вѣры Владиміромъ, которое очень естественно должно было сдѣлаться предметомъ самыхъ частыхъ и любимыхъ разсказовъ народныхъ, какъ въ послѣдствіи предметомъ *эпопеи*.... Какъ всѣ они (миссіонеры) понимали другъ друга, неужели всѣ послы приходили съ переводчиками?»[3]). Эти недоумѣнія ученый авторъ Исторіи Христіанства въ Россіи разрѣшаетъ слѣдующимъ образомъ: «Съ береговъ Волги могли придти послами природные Славяне, какъ извѣстно, находившіеся въ составѣ Болгарскаго народа, или и коренные Болгаре, но довольно знакомые съ языкомъ Славянскимъ отъ непрестанныхъ сношеній съ своими сообитателями — Славянами; Евреи Хазарскіе, производившіе цѣлые вѣки торговлю въ Кіевѣ, могли и сами нѣсколько изучить

1) Исторія Государства Россійскаго, т. I, стр. 211 и 212. Слово «угадывалъ» напечатано курсивомъ въ самомъ подлинникѣ.

2) *Полеваго*, Исторія Русскаго народа, I, 214.

3) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, *М. Погодина*, т. I, стр. 189—191.

языкъ нашъ, могли имѣть и переводчиковъ; Римскій миссіонеръ, еще до того проповѣдывавшій въ Россіи, навѣрно, понималъ сколько-нибудь языкъ народа, которому проповѣдывалъ, или, уже безъ сомнѣнія, запасся переводчикомъ; наконецъ философъ Греческій всего скорѣе могъ быть изъ Болгаръ или другихъ племенъ Славянскихъ, обитавшихъ въ Греціи: найти такого проповѣдника Грекамъ было очень легко, а послать — требовало благоразуміе и желаніе себѣ успѣха. И этотъ успѣхъ, дѣйствительно увѣнчавшій проповѣдь философа, не зависѣлъ ли частію и отъ того, что благовѣстникъ, владѣя въ совершенствѣ Славянскимъ языкомъ, весьма ясно напечатлѣлъ въ умѣ и сердцѣ нашего великаго князя истины Христіанства»[1]). Такъ объяснялось извѣстіе, просто и вѣрно записанное Несторомъ подъ 986 годомъ: «придоша Болъгары вѣры Бохъмичѣ... потомъ же придоша Нѣмьци... се слышавше Жидове Козарьстіи придоша... посемъ же прислаша Грьци къ Володимеру философа»[2]) и т. д. Все повѣствованіе лѣтописи о прибытіи и совѣщаніяхъ пословъ отличается простотою и правдивостью. Несторъ видимо желалъ передать событіе въ возможной точности; для этой цѣли онъ приводитъ подробно ученіе вѣры, предложенное Греческимъ философомъ: весьма естественно въ умномъ князѣ желаніе подробнѣе познакомиться съ догматами вѣры, къ коей зарождалось въ немъ сочувствіе; еще необходимѣе было для миссіонера объяснить эти догматы. Несторъ зналъ подробности совѣщаній и съ другими миссіонерами, но записалъ только черты наиболѣе характеристическія, признавая противнымъ религіозному чувству и даже приличію долго останавливаться на ученіяхъ ложныхъ и соблазнительныхъ: особенности религіи Папистовъ и Евреевъ указаны въ нѣсколькихъ словахъ, а также немного говорится о вѣрѣ Болгарской, съ замѣчаніемъ, что проповѣдникомъ ея предложена была «и ина многа лесть, ея же не лзѣ псати срама

---

1) Исторія Христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра. Соч. архимандрита Макарія. Спб., 1846, стр. 348.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 36 и слѣд.

ради». Въ преданіи, записанномъ Несторомъ, видна близость его по формѣ съ легендою, жившею въ его время въ памяти и устахъ народа; въ лѣтописномъ извѣстіи удержанъ колоритъ живаго разсказа: такъ, когда сказали Владиміру о поклонникахъ Бохмита, что они «омываютъ оходы своя и по брадѣ мажются, такоже и жены ихъ творятъ ту же скверну и ино пуще: си слышавъ Володимеръ, *плюну на землю, рекъ: нечисто есть дѣло*»[1]).

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Несторъ не могъ позволить себѣ произволъ и умышленное уклоненіе отъ дѣйствительнаго факта въ извѣстіи о такомъ событіи, въ которомъ самъ онъ видѣлъ залогъ спасенія Русской земли; извѣстіе, что въ Кіевъ приходили вѣропроповѣдники и *бесѣдовали* со Владиміромъ, должно признать достовѣрнымъ, переданнымъ лѣтописью съ точностью. Но въ чемъ состояла эта точность: въ буквальной ли передачѣ совѣщаній, или только въ вѣрномъ удержаніи мысли, выраженной авторомъ по-своему? Вопросъ этотъ въ рѣшеніи своемъ съ точки зрѣнія лингвистической сливается съ вопросомъ о значеніи разговорной формы, весьма обычной въ нашихъ лѣтописяхъ. Обыкновенно объясняли ее желаніемъ Нестора придать разсказу своему драматическую форму по образцу библейскому[2]); но такое желаніе предполагаетъ нѣкоторую искусственность, несогласную съ общимъ характеромъ простоты, отличающимъ лѣтописное повѣствованіе, и не справедливѣе ли видѣть въ этой формѣ не иное что, какъ синтактическую особенность Русскаго языка въ древній періодъ его исторіи?

---

1) Ср. въ былинѣ: «Ставръ бояринъ» о Владимірѣ:

А *плюнулъ* князь, да и прочь пошелъ:
«Глупая княгиня, неразумная!
У тя волосы долги, умъ коротокъ;
Называешь ты богатыря женщиною»...

(Древнія Россійскія стихотворенія. М., 1819, стр. 129).

2) Несторъ, Русскія лѣтописи на древне-Славянскомъ языкѣ, сличенныя, переведенныя и объясненныя *Шлецеромъ*, перев. *Языкова*, I, КП: «Слогъ повѣствованія Нестора не похожъ на Византійскій, но на библейскій: онъ заставляетъ дѣйствующія лица говорить самихъ, точно какъ въ историческихъ книгахъ древняго завѣта».

Всякій разговоръ естественно происходитъ такимъ образомъ, что слова одного разговаривающаго лица смѣняются словами другаго. Поэтому самый простой способъ передачи разговора будетъ состоять въ томъ, чтобы приводить попеременно слова собесѣдниковъ. Такая форма разговора весьма обычна въ народныхъ преданіяхъ; она же удержана и Несторомъ при сообщеніи народныхъ преданій. Но писатель, подчиняющійся синтаксису болѣе утонченному, изъ отдѣльныхъ фразъ разговора образуетъ стройный періодъ съ предложеніями главными и придаточными, и всю мысль выражаетъ отъ своего лица: если же приводитъ чужія слова, то старается передать ихъ въ характеристическомъ видѣ. При этихъ условіяхъ возникаетъ драматическая форма. Она есть форма искусственная и состоитъ скорѣе въ приведеніи не короткихъ фразъ, а цѣлыхъ рѣчей, влагаемыхъ въ уста изображаемыхъ лицъ. Что Несторъ далекъ былъ отъ искусственности, очевидно изъ самаго способа передачи имъ разговора:

«*Рече* Володимеръ (Жидамъ): что есть законъ вашь? *Они же рѣша*: обрѣзатися, свинины не ясти, ни заячины, суботу хранити. *Онъ же рече*: то гдѣ есть земля ваша? *Они же рѣша*: въ Ерусалимѣ. *Онъ же рече*: то тамо ли есть? *Они же рѣша*: разгнѣвался Богъ на отцы наши и расточи ны по странамъ» и т. д. Это мѣсто Карамзинъ, сообразно современному синтаксису Русскаго языка, передалъ посредствомъ предложеній главныхъ и придаточныхъ такимъ образомъ: «Выслушавъ Іудеевъ, Владиміръ спросилъ, гдѣ ихъ отечество? Въ Іерусалимѣ, отвѣтствовали проповѣдники, но Богъ во гнѣвѣ Своемъ расточилъ насъ по землямъ чуждымъ»[1]). И тотъ и другой способъ передачи принадлежитъ лично авторамъ, завися отъ современныхъ имъ синтаксическихъ условій языка, отъ степени усвоенія имъ періодическаго теченія рѣчи.

Нельзя допустить, чтобы Несторъ вѣрилъ, что именно такими словами говорили послы съ Владиміромъ, какъ могъ вѣ-

1) Исторія Государства Россійскаго, I, стр. 211—212.

рить этому народъ, разсказывая преданіе. Это возможно было бы тогда только, если бы Несторъ записалъ преданіе, нисколько не подумавши о томъ, что память народная не могла сохранить его въ буквальной точности. Но такую необдуманность едва ли допуститъ въ Несторѣ тотъ, кто наблюдалъ характеръ его, какъ писателя. Тѣмъ не менѣе разговоръ происходилъ дѣйствительно, и невольно возникаетъ вопросъ, на какомъ языкѣ происходилъ онъ и были ли при этомъ переводчики? Судя по разсказу лѣтописному, можно съ одинаковымъ правомъ полагать, что или всѣ послы говорили по-Русски, или Владиміръ съ нѣкоторыми изъ нихъ, если не со всѣми, говорилъ на ихъ языкѣ. Одно изъ двухъ необходимо, и притомъ, какъ трудно допустить, чтобы Владиміръ изучалъ предварительно языки именно тѣхъ народовъ, которые неожиданно прислали къ нему миссіонеровъ, такъ невозможно и то, чтобы послы четырехъ иностранныхъ народовъ выучились Русскому языку вдругъ въ одинъ и тотъ же короткій срокъ. Одно заключеніе кажется самымъ естественнымъ: оно состоитъ въ томъ, что послы, а можетъ быть, отчасти и Владиміръ, знали задолго до 986 года тотъ иностранный языкъ, которымъ каждый говорилъ въ совѣщаніяхъ, и познакомились съ этимъ языкомъ не по случаю предстоявшей миссіи, а въ слѣдствіе другихъ причинъ, а всего естественнѣе, въ слѣдствіе взаимныхъ сношеній Русскихъ съ четырьмя другими народами. Поэтому не будетъ нисколько произвольнымъ заключеніе, что Русскіе въ X столѣтіи имѣли сношенія съ Болгарами, Нѣмцами, Евреями, Греками, и какъ сношенія съ иностранцами требуютъ знанія иностранныхъ языковъ, то слѣдовательно въ X вѣкѣ между Болгарами, Нѣмцами, Евреями и Греками были знавшіе Русскій языкъ; съ другой стороны и между Русскими были знавшіе Болгарскій, Нѣмецкій, Еврейскій и Греческій языки. Такой выводъ опредѣляетъ, какъ полагаемъ, значеніе Несторова извѣстія для исторіи языкознанія въ Россіи. Что касается до переводчиковъ, то, основываясь на прямомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, слѣдуетъ принять, что или Владиміръ говорилъ безъ переводчиковъ, или

всѣ другіе разговоры Русскихъ съ иностранцами, приводимые въ лѣтописи, происходили черезъ переводчиковъ; но противъ послѣдняго положенія говорятъ многіе примѣры непосредственнаго объясненія, подобно разговорамъ съ князьями Касожскимъ и Печенѣжскимъ; первое же тѣмъ вѣроятнѣе, что назначеніе въ переводчики предполагаетъ въ назначаемомъ нѣкоторую образованность и познанія, которыя легко могли доставить ему и самое званіе миссіонера.

Мы остановились съ подробностью на достопамятномъ преданіи по той причинѣ, что при разсмотрѣніи почти каждаго вопроса въ народныхъ древностяхъ нельзя упускать изъ виду повѣрій и преданій, которыя всегда удерживаютъ вѣрныя черты прошедшаго, чуждаясь всякой неправды, по убѣжденію современныхъ изслѣдователей народной словесности[1]).

Тѣмъ менѣе могли мы оставить его безъ вниманія, что данныхъ для исторіи языкознанія въ древней Руси весьма немного. Иныя скрываются въ преданіи глубокой древности, записанномъ людьми книжными; другія разсѣяны по сочиненіямъ о Россіи иностранныхъ путешественниковъ, изъ коихъ очень немногіе обращали должное вниманіе на бытъ Русскій и тѣмъ пріобрѣли право на довѣріе; еще менѣе положительныхъ указаній отечественныхъ лѣтописей.

Древнѣйшее изъ историческихъ извѣстій принадлежитъ Владиміру Мономаху и относится къ отцу его Всеволоду Ярославичу (1078—1093). Въ своемъ «Поученьи» Владиміръ Мономахъ говоритъ: «его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите; яко бо отецъ мой, дома сѣдя, *изумѣяше 5 языкъ*: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль»[2]). Еще въ XVIII столѣтіи высказано мнѣніе о языкахъ, которыми вла-

---

1) Ср. Deutsche Sagen. Herausgegeben von den Brüdern Grimm. Berlin, 1816, стр. X: Die Lüge ist falsch und bös; was aus ihr herkommt, muss es auch seyn. In den *Sagen* und Liedern des Volks haben wir noch keine gefunden: *es lässt ihren Inhalt, wie er ist* und wie es ihn weiss».

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 102.

дѣлъ Всеволодъ. Издатель Поученія Мономахова графъ Мусинъ-Пушкинъ полагалъ, что эти языки были: 1) *Греческій*, по причинѣ торговыхъ и религіозныхъ сношеній съ Греками, изъ коихъ многіе жили въ Кіевѣ домами; 2) *Латинскій*, «по причинѣ *всеобщаго* его въ то время употребленія, почему многіе князи Русскіе ему обучались»; 3) *Нѣмецкій*, потому что много Нѣмцевъ было въ Русской службѣ; 4) *Венгерскій*, по сосѣдству и частому сношенію, и 5) *Половецкій*, по ближайшему сосѣдству и непрерывному сношенію; если же не эти языки, то или *Болгарскій*, (Болгаръ Волжскихъ), *Козарскій* и *Торческій*, *Язскій*, *Касожскій* и *Обезской*, или же *Польскій*, *Литовскій*, *Карельскій*, *Финскій* и т. д. [1]). Карамзинъ склоняется къ первой догадкѣ Мусина-Пушкина, ограничивая число иностранныхъ языковъ четырьмя: «вѣроятно *Греческій*, *Скандинавскій*, *Половецкій* и *Венгерскій*, кромѣ Русскаго» [2]). За отсутствіемъ положительныхъ указаній, возможны только предположенія, болѣе или менѣе близкія къ истинѣ. Такъ можно допустить, что въ числѣ пяти языковъ былъ непремѣнно Греческій, знакомый Русскимъ съ древнѣйшихъ временъ; остальные четыре языка были скорѣе западные, нежели восточные и сѣверные, т. е. народовъ сопредѣльныхъ Руси на сѣверѣ и востокѣ, потому что знаніе Нѣмецкаго или Венгерскаго болѣе могло доставить «чести отъ инѣхъ земль», нежели знаніе какого-нибудь Печерскаго или Самоѣдскаго. Притомъ Греческому и отчасти западнымъ языкамъ, имѣвшимъ нѣкоторые письменные памятники, удобнѣе было выучиться «дома сѣдя», нежели языкамъ нашихъ сосѣдей, вовсе чуждымъ письменности и извѣстнымъ намъ въ слѣдствіе одного близкаго сосѣдства и торговыхъ сдѣлокъ, т. е. по живому только употребленію. Какъ бы то ни было, знаніе пяти языковъ представляетъ явленіе необыкновенное въ Европѣ XI вѣка, да и въ позднѣйшихъ вѣкахъ оно возбуждало общее удивленіе, высказавшееся въ преданіи о

1) Духовная Великаго Князя Владиміра. Спб., 1792, стр. 27—28.
2) Исторія Государства Россійскаго, II, примѣч. 233.

Нѣмецкомъ Императорѣ Карлѣ IV, владѣвшемъ, подобно Всеволоду, пятью языками; знаніе пяти языковъ ставили въ особенную заслугу Европейскіе ученые даже XVI и XVII столѣтія [1]). Мономахъ совѣтуетъ подражать примѣру даровитаго Всеволода, и благой совѣтъ могъ подѣйствовать не только на сыновей автора, но и на другихъ читателей его Поученія, коихъ онъ надѣялся имѣть, какъ видно изъ словъ его: «да дѣти мои или *инъ кто*, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся» [2]). Само собою разумѣется, что счастливый даръ къ изученію языковъ, какимъ обладалъ Всеволодъ, могъ встрѣчаться только изрѣдка; несравненно же чаще бывали примѣры знакомства съ однимъ какимъ-либо иностраннымъ языкомъ. Это знакомство условливалось прежде всего мѣстопребываніемъ и образомъ жизни лица. Изученье языковъ, зависѣвшее отъ внѣшнихъ причинъ—географическаго положенія или торговли, ограничивалось по большей части разговорнымъ употребленіемъ, бывши распространено между массами народа; при сношеніяхъ болѣе рѣдкихъ знаніе иностранныхъ языковъ оставалось на долю классу наиболѣе образованному.

Въ большей или меньшей степени извѣстны были въ древней Руси въ слѣдствіе разнородныхъ сношеній языки племенъ, обитавшихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи и названныхъ нами выше, и тѣхъ народовъ западной Европы, съ коими существовали у насъ политическія и торговыя связи, какъ-то: Скандинавовъ, Нѣмцевъ, Венгровъ, Поляковъ и т. п. Лѣтопись сообщаетъ извѣстія о сношеніяхъ съ этими народами, и притомъ такого рода, что необходимо допустить полное взаимное пониманіе обѣихъ сторонъ, а оно возможно только при объясненіи посредствомъ слова, устномъ или письменномъ.

---

1) Thresor de l'histoire des langues de cest univers, par *Claude Duret*. Seconde édition. 1619, p 963: «entre les Cretiens Origène Alexandrin a esté *un des plus excellent* en la cognoissance des langues pour en sçavoir *cinq* parfaictement: l'Hebraïque, Syriaque, Egyptienne, Grecque et Latine».

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 100.

Всѣ разговоры Русскихъ съ иностранцами, записанные древнею лѣтописью, носятъ характеръ живой, устной бесѣды: довольно вспомнить объясненіе Прѣтича съ княземъ Печенѣжскимъ или Мстислава съ княземъ Касожскимъ. На вопросъ: «а ты князь ли еси»? Прѣтичъ отвѣчалъ: «азъ есмь мужъ его, и пришелъ есмь въ сторожѣхъ, по мнѣ идеть полкъ со княземъ безъ числа множьство». Рече князь Печенѣжьскій къ Прѣтичю: «буди ми другъ»; онъ же рече: «тако створю». И подаста руки межю собою» и помѣнялись дарами. Князь Касожскій Редедя обратился къ Мстиславу съ слѣдующими словами: «что ради губивѣ дружину межи собою? но съидевѣ ся сама боротъ; да аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моѣ, и землю мою; аще ли азъ одолѣю, то възму твое все», и рече Мьстиславъ: «тако буди». И рече Реденя ко Мьстиславу: «не оружьемъ ся бьевѣ, но борьбою», и ястася бороти крѣпко[1]).

Если подобныя извѣстія историческая критика считаетъ не болѣе, какъ народными сагами, то тѣмъ не менѣе въ основаніи ихъ лежитъ дѣйствительное событіе. Во всемъ разсказѣ о сношеніи Прѣтича съ Печенѣжиномъ историки находятъ вѣрнымъ только то, что Печенѣги осаждали Кіевъ, однакожъ безъ успѣха[2]). Съ такою же справедливостью можно сказать, что во всемъ разговорѣ Русскаго вождя съ Печенѣжскимъ вѣрно только то, что Русскіе и Печенѣги могли и должны были говорить другъ съ другомъ, часто приходя въ столкновеніе. То же должно допустить и о другихъ инородцахъ, память о которыхъ сохранилась въ лѣтописи въ видѣ народнаго преданія, саги. На какомъ же языкѣ объяснялись собесѣдники? Русскіе ли говорили языкомъ своихъ сосѣдей, или наоборотъ, всѣ инородцы говорили по-Русски, и такимъ образомъ отдѣльные ручьи сливались въ Русскомъ морѣ, по выраженію поэта? Хотя очевидный перевѣсъ Руси и во внѣшнемъ и въ нравственномъ отношеніи надъ своими сосѣ-

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 28 и 63.

2) Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской исторіи, Погодина, т. I, стр. 181—184.

дями даетъ второму предположенію болѣе вѣроятности, однако исторія представляетъ не одно доказательство тому, что при столкновеніи народовъ, побѣдителя и побѣжденнаго, сильнаго и слабаго, происходитъ до извѣстной степени обоюдная уступка, мѣна понятій, обычаевъ, вѣрованій и ихъ существеннаго выраженія—языка. Еще отъ десятаго столѣтія мы имѣемъ извѣстіе о Русскомъ, знавшемъ Печенѣжскій языкъ: когда Печенѣги въ 968 г. осадили Кіевъ, одинъ отрокъ прошелъ съ уздою сквозь непріятельскій станъ, «бѣ бо умѣя Печенѣжски и мняхуть и своего»[1]). Если были знатоки языка народа враждебнаго, то тѣмъ скорѣе и въ большемъ числѣ могли быть знатоки языка мирныхъ сосѣдей, — и дѣйствительно были: такъ, напримѣръ, еще въ XIII и XIV вѣкахъ въ Великомъ Устюгѣ былъ въ общемъ употребленіи по торговымъ дѣламъ языкъ Зырянскій[2]), и т. п.

Продолжительнѣе, нежели съ Половцами и Печенѣгами, были, къ сожалѣнію, связи наши съ Монголами. Во все время нашего угнетенія бывали между Русскими знатоки языка угнетателей. Уже въ началѣ ига посолъ папскій Плано-Карпини нашелъ у Батыя одного Суздальца (Russien de Susdal), бывшаго толмачемъ при сынѣ князя Ярослава (duc Jeroslaus)[3]). Кромѣ свидѣтельствъ о частныхъ лицахъ, знавшихъ Монгольскій языкъ, мы имѣемъ любопытный памятникъ письменный—ярлыки Монгольскихъ хановъ. Они издаваемы были нѣсколько разъ и иногда встрѣчаются въ рукописяхъ[4]). Извѣстные доселѣ ярлыки въ

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 28.

2) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, 1827, т. II, стр. 231.

3) Собраніе путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ, изд. *Д. Языковымъ*, 1825, стр. 214—215.

4) Они изданы въ Древней Россійской Вивліоѳикѣ, ч. VI, 2-е изд., 1788; въ Суздальской лѣтописи, изд. Львовымъ, 1799; въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, 2 том.—Въ рукописи я видѣлъ въ Сборникѣ XV в. Троицко-Сергіевской Лавры № 43, л. 174—190; здѣсь есть приписка, помѣщенная у Новикова съ незначительными отличіями. У Новикова: «иныхъ не возмогохомъ превести, занеже неудобь познаваемою рѣчію писана быша, ниже

спискахъ XV—XVI в. по всей вѣроятности списаны съ переводовъ древнѣйшихъ. Независимо отъ важности для историческихъ изслѣдованій, ярлыки любопытны и въ филологическомъ отношеніи, какъ одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ образцевъ перевода съ языка приставочнаго (agglutinirende) на языкъ флексивный (flexivische). Благодаря отчетливому труду нашего оріенталиста г. Григорьева, можно судить о характерѣ перевода. Языкъ ярлыковъ проникнутъ вліяніемъ Монгольскаго синтаксиса, которое рѣзко выражается двумя особенностями. Во-первыхъ, вмѣсто союзовъ *что* и *чтобы*, которыхъ нѣтъ въ Монгольскомъ, употребляется дикая, въ подобномъ значеніи, для Русскаго языка форма дѣепричастія отъ глагола *говорить*, *молвить*, въ настоящемъ времени или въ прошедшемъ. Во-вторыхъ, второстепенныя части предложенія, которыя по свойству нашего языка ставятся послѣ главныхъ, въ ярлыкахъ поставлены наоборотъ. Вмѣсто такой фразы: «и мы повелѣли, *чтобы* было по прежнему», въ ярлыкѣ Узбека митрополиту Петру: «какъ то было прежъ насъ, такъ *молвя*, и наше слово уставило». Вмѣсто: «*Царь пожаловалъ митрополита Ѳеогноста*, *далъ ему ярлыкъ съ алою тамгою*, на томъ основаніи, *что* поповскій чинъ и тѣ, которые зовутся богомольцами, съ давнихъ добрыхъ временъ и доселѣ не должны платить никакихъ пошлинъ, ибо они молятся за насъ самому Богу и воздаютъ молитвы за племя наше въ родъ и родъ»—въ ярлыкѣ Тайдулы: «Отъ давныхъ добрыхъ временъ и доселѣ, что зовутся богомольцы и весь поповскій чинъ, тѣмъ не надобѣ ни которые пошлины: занеже самому Богу

паки ихъ именовахомъ, здѣ довольно бысть, и се разумнымъ къ наказанію, еже отъ Сарацунъ требованіе милости отъ Бога, и къ церкви Божіей милостыня и молитвы, неже правда Христіанская не разумѣющихъ по истинѣ Бога; но ослѣпленныхъ суетою міра сего, еже преобидѣти святыя церкви и домы ихъ». Въ спискѣ Лаврскомъ то же самое мѣсто нѣсколько сокращено: «иныхъ не възмогохомъ прѣвѣсти зане неудобь познаваемою рѣчью писани быша, ниже пакъ именовахом здѣ, доволно бо есть нам наказание отъ Саракинъ и еже правда Хртиꙗньскаꙗ не разумѣющих по истинѣ Бога, но ослѣпленых суетою, еже преѡбидити стыꙗ цркви и домы ихъ».

молятся за насъ и за наше племя въ родъ и родъ, и молитву воздаютъ, такъ *молвя, Θеогноста митрополита царь пожаловалъ, со алою тамгою ярлыкъ далъ»*. Какъ въ синтаксисѣ много монголизмовъ, такъ въ слогѣ ярлыковъ много руссизмовъ, выражающихъ понятія христіанскія. Слова ярлыка: «да будетъ тому худо», переводчикъ замѣнилъ словами: «во грѣсѣхъ да будетъ»; къ началу ярлыка: «Вышняго Бога силою» прибавилъ: «и вышняя Троицы волею», и пр.[1]). Подобные руссизмы весьма естественны въ опытѣ, относящемся къ періоду литературы, въ которомъ не считалось необходимостью наблюдать такое отличіе въ способѣ выраженія описываемыхъ лицъ. Въ памятникахъ XIV или XV вѣка какой-нибудь Мамай, говоря о предметахъ христіанскаго міра, употребляетъ выраженія христіанскія, и тотъ же самый Мамай о своихъ собратахъ отзывается такими укоризненными словами, какими могли говорить о нихъ только враги ихъ—христіане. Въ сказаніи о побоищѣ на Дону приводится слѣдующее воззваніе Мамая: «поидемъ на Русскую землю, *церкви Божія* попалимъ огнемъ, законъ ихъ погубимъ, а *кровь христіаньскую проліемъ»*. Въ томъ же сказаніи говорится, что Мамай, услышавъ о приходѣ князя Димитрія, «рече княземъ своимъ *темнымъ*: двигнемся всею силою моею *темною* и станемъ у Дону», и мн. др.[2]).

Собственно для способа объясненія предковъ нашихъ съ народами западной Европы также нѣтъ положительныхъ указаній въ лѣтописяхъ. Лѣтописцы болѣе старались сообщить то, о чемъ бывали совѣщанія у насъ съ иностранцами, нежели то, на какомъ языкѣ происходили они. Изъ западныхъ народовъ, кромѣ соплеменныхъ намъ Чеховъ и Поляковъ, древніе памятники чаще другихъ упоминаютъ Венгерцевъ, Шведовъ, Нѣмцевъ. Многіе Венгерцы избирали Русь мѣстомъ жительства. У князя Бориса слугою и любимцемъ былъ Венгерецъ по имени

1) О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ, *В. Григорьева*, Москва, 1842, стр. 98—105.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, VI, стр. 90 и 93.

Георгій. Въ стѣнахъ древней Русской обители подвизался Венгерецъ, извѣстный подъ именемъ Моисея Угрина. Сношенія Венгровъ съ Русью имѣли такія причины и характеръ, что обойтись безъ словеснаго сообщенія было невозможно. Короли Венгерскіе дѣятельно слѣдили за событіями Руси, часто вступали въ переговоры съ нашими князьями, искали приверженцевъ себѣ между Русскими. Такъ король Венгерскій Бела старался вступить въ союзъ съ княземъ Галицкимъ Даніиломъ, и для этой цѣли искалъ содѣйствія митрополита Кирилла II, убѣдивъ его отправиться въ Грецію черезъ Венгрію, и т. п. Сношенія со Шведами всѣ такого рода, что для нихъ необходимо было знаніе языка, на коемъ обѣ стороны предъявляли свои желанія. Лѣтописи говорятъ о *совѣщаніяхъ* Русскихъ со Шведами на съѣздахъ, назначаемыхъ съ различными цѣлями. Между другими находится извѣстіе, показывающее, что въ половинѣ XIV вѣка Шведы желали даже имѣть богословскій диспутъ съ Русскими, подобно тому, какъ спустя почти четыре вѣка желали этого богословы Сорбоннскіе. Новгородская лѣтопись говоритъ, что Магнусъ, король Свѣйской земли, прислалъ къ Новгородцамъ съ такимъ предложеніемъ: пошлите на съѣздъ своихъ философовъ (sic), а я пошлю своихъ, чтобы *переговорили* о вѣрѣ. Я хочу слышать, какая вѣра будетъ лучше; если ваша, то я пойду въ вашу; если наша, то вы идите въ нашу; и «будемъ вси за единъ человѣкъ». Тогда владыка Новгородскій, посадникъ, тысяцкой и всѣ Новгородцы по совѣщаніи отвѣчали Магнусу: если хочешь узнать, какая вѣра лучше, пошли въ Цареградъ къ патріарху, ибо мы отъ Грековъ приняли вѣру, и не желаемъ спорить о ней съ тобою, «а коя будеть обида межю нами», о томъ шлемъ къ тебѣ на *съѣздъ*, и послали Новгородцы Аврама тысяцкаго, Кузму Твердиславля и иныхъ бояръ[1]). Если предлагали преніе о вѣрѣ, значитъ были увѣрены, что есть знатоки языка, избираемаго для преній, а отправленіе Новгородцевъ на

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, III: Новгородск. 1-я лѣтопись, стр. 83.

съѣздъ показываетъ, что переговоры между Русскими и Шведами были обычны.

Подобно Шведамъ, лѣтописи упоминаютъ о ихъ соплеменникахъ, Нѣмцахъ, часто имѣвшихъ переговоры съ Русскими; но о языкѣ ихъ также нѣтъ опредѣлительныхъ свидѣтельствъ. Еще въ первой половинѣ XIII вѣка Русскіе заключали договоры съ Нѣмцами. Смоленскій князь отправилъ пословъ своихъ въ Ригу и Готландію, и цѣлью посольства было: «утверживати миръ, а разлюбье на сторону отверечи, которое было межи Нѣмци и Смолняны», чтобы добросердье стояло до вѣка, а князю любо было бы, и Смольнянамъ, и Рижанамъ, и *всѣмъ Нѣмцамъ, ходящимъ по Восточному морю* (Ost-See—Балтійскому морю). Въ договорѣ Русину вмѣнено въ обязанность имѣть свидѣтелей при рѣшеніи спорнаго дѣла, и дозволено идти на *общій судъ* — въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ[1]). Съ XIII вѣка сношенія съ Нѣмцами не прекращались. Эти сношенія вовсе не были случайными, а напротивъ того могли содѣйствовать даже знакомству иностранцевъ со внутреннимъ бытомъ Россіи. Такъ, между прочимъ, Нѣмцы хорошо знали народную любовь Русскихъ къ гаданьямъ, и рѣшились избрать ее политическою мѣрою. Когда царь Иванъ Васильевичъ возвратился съ похода, говоритъ лѣтопись, тогда пришли Нѣмцы, собравшись изъ заморья, и Литва изъ Польши; къ царю прислали Нѣмца, лютаго волхва Елисея, и «бысть ему любимъ, въ приближеніи.... на Рускихъ людей царю возложи свѣрѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи». Безбожные узнали своими гаданіями, что имъ быть бы разоренными до конца, и прислали злаго еретика, ибо «Рускіе люди прелестни и падки на волхвованіе»[2]). Это извѣстіе относится уже къ XVI вѣку, и въ этомъ только столѣтіи является точное свидѣтельство о томъ, что переговоры съ Нѣмцами происходили иногда и безъ переводчиковъ. Отсюда можно сдѣлать заключеніе и о времени предше-

---

1) Русскія достопамятности, часть II, стр. 245—273.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, IV: Псковская 1-я лѣтопись, стр. 218.

ствовавшемъ, о промежуткѣ съ XIII по XVI столѣтіе. Любопытное указаніе принадлежитъ иностранному путешественнику. Въ описаніи путешествія Ганса Кобенцля (Hans Kobenzl von Prosseg) и Принтца (Daniel Printz von Buchau), пословъ императора Нѣмецкаго Максимиліана II, говорится о данной имъ аудіенціи: послы получили отвѣтъ (25 января 1576 г.) касательно цѣли своего посольства отъ великокняжескихъ совѣтниковъ (дьяковъ), съ которыми они объяснялись частью при помощи переводчиковъ, частью *непосредственно*[1]). На другой день также происходило совѣщаніе пословъ съ боярами. Какой языкъ употребляли *отчасти* при совѣщаніяхъ, Принтцъ не говоритъ; но есть вѣроятность полагать, что Нѣмецкій, а не Русккій. Хотя Принтцъ, какъ житель Богеміи, и могъ достаточно понимать Русскій языкъ, а Кобенцль и писалъ даже на одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій, какъ видно изъ описанія путешествія, составленнаго имъ для друга своего Николая Дранковича на Иллирскомъ или Кроатцкомъ языкѣ (lingua Illyrica seu Croatica); однако постоянное присутствіе толмачей при этихъ послахъ показываетъ, что имъ трудно было объясняться непосредственно на *Русскомъ* языкѣ. Намѣреніе же Іоанна IV ввести преподаваніе Нѣмецкаго языка въ Русскихъ училищахъ, о которомъ скажемъ ниже, и дѣятельныя сношенія съ Германіею указываютъ на возможность переговоровъ съ Русскими на Нѣмецкомъ языкѣ[2]).

Исчислять всѣ историческія свидѣтельства о сношеніяхъ нашихъ съ иностранцами было бы несообразно съ нашею цѣлью; но сличеніе этихъ свидѣтельствъ, въ самомъ значительномъ объемѣ, ведетъ къ тому результату, что древняя Русь представ-

---

1) Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland, von *Adelung*, I, 406. Аделунгъ приводитъ мѣста изъ путешествія по рукописямъ, хранящимся въ Вѣнѣ. Въ нихъ сказано, что послы говорили съ нашими дьяками «thaills durch die dollmätschen, die gleichwoll sehr vngeschikht vnd vntauglich Leüth seyn, vnd thaills selbst mündlich».

2) Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland bis 1700, von *Adelung*, I, 293—294.

ляла довольно обширное поле для знакомства съ иностранными языками.

При этомъ нельзя не замѣтить различія, представляемаго двумя половинами Европы: между тѣмъ какъ одна изъ нихъ, именно Россія, совмѣщала въ себѣ разноплеменныхъ обитателей, постоянныхъ или только временныхъ, другая населена была народами преимущественно одного Кельто-Нѣмецкаго племени; какъ исключеніе явилось между ними племя Чудское, не родственное имъ ни по крови, ни по языку; но эти же самые Угры или Мадьяры черезъ Русь проходили на западъ и соплеменники ихъ остались нашими вѣчными сосѣдями на сѣверо-западѣ; слѣдовательно у Русскихъ было и больше причинъ и больше случаевъ къ знакомству съ языками различныхъ народовъ, съ коими необходимо было объясняться. Въ остальной же Европѣ ни одинъ народъ, кажется, не имѣлъ такихъ разнородныхъ сношеній, и потому, естественно, не располагалъ такими средствами къ узнанію иностранныхъ языковъ. Не смотря на то, что Русь отвсюду открыта была чуждому вліянію, которое могло бы отразиться и въ языкѣ, это вліяніе не проникло въ глубину народнаго быта; оно не заставило забыть и языкъ Русскій, который оставался постоянно господствующимъ для всѣхъ классовъ Русскаго народа во всѣ періоды нашей древней исторіи. Совершенно противоположное явленіе видимъ въ западной Европѣ: немного иностранныхъ языковъ извѣстно было каждому изъ ея народовъ, и изъ этихъ немногихъ одинъ оказываетъ вліяніе до того рѣшительное, что въ нѣкоторыхъ странахъ вовсе вытѣсняетъ даже родной языкъ изъ общаго употребленія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ классахъ. Этотъ чужой языкъ, господствовавшій въ средніе вѣка и позднѣе на противоположныхъ концахъ западной половины Европы, былъ языкъ Французскій. Онъ проникалъ не только въ соплеменную Франціи Португалію, но и въ Польшу и даже въ Венгрію вмѣстѣ съ восшествіемъ на престолъ этихъ земель принцевъ Французскаго происхожденія; онъ былъ распространенъ и

въ Швейцаріи, и въ Бельгіи, и въ Королевствѣ Обѣихъ Сицилій, и въ Греціи[1]). Особенно любопытно преобладаніе Французскаго языка у народовъ, рѣзко отличающихся отъ Французовъ по условіямъ своего быта и характеру, именно у Англичанъ и Нѣмцевъ. Въ Англіи Французское вліяніе, начавшись съ XI вѣка, съ эпохи Вильгельма Завоевателя, дѣйствовало на языкъ до того сильно, что, по замѣчанію извѣстнаго лингвиста Фукса, оно проникло весь составъ языка, обнаруживаясь и въ произношеніи, и въ словообразованіи, и въ самомъ расположеніи словъ. Хотя съ 1362 года Англійскій языкъ признанъ административнымъ, однако и до сихъ поръ въ языкѣ Англійской администраціи сохраняются слѣды Французскаго вліянія; такъ королевское утвержденіе выражается словами: La Reyne le voet (veut) и т. п. Въ Германіи еще въ XIII столѣтіи Французскій языкъ сдѣлался языкомъ образованности и воспитанія: въ высшихъ кругахъ общества преподаваніе дѣтямъ учебныхъ предметовъ происходило на Французскомъ языкѣ и само воспитаніе ввѣряемо было преимущественно Французамъ[2]). И такъ Германія XIII вѣка представляла въ отношеніи условій образованности то же самое явленіе, какое обнаруживается въ Россіи въ XVIII столѣтіи и противъ котораго постоянно дѣйствовала у насъ литература въ лицѣ своихъ достойнѣйшихъ представителей, весьма несходныхъ между собою по духу и значенію своей литературной дѣятельности, но сходившихся въ одной идеѣ—въ признаніи существен-

---

1) Origine et formation de la langue française, par *A. de Chevallet*. I partie. Paris. 1853. Prolégomènes. p. 39—40.

2) Adenès le Roi (род. 1240) въ своемъ стихотвореніи Berte aux grands pieds говоритъ:

Tout droit à celui temps que je ci vous devis
Avoit une coustume ens le Tyois païs
Que tout li grant seignor, li conte e li marchis
Avoient, entour aus, gent françoise tous-dis
Pour aprendre françois leur filles et leur fils, etc.

См. Die Romanischen Sprachen in ihrem Verhältnisse zum Lateinischen von August Fuchs. Halle. 1849, стр. 107—109.

ныхъ правъ народности въ дѣлѣ общественнаго образованія, словесности и языка.

Знакомясь дома съ языками иностранцевъ, издавна посѣщавшихъ гостепріимную Россію, предки наши и сами предпринимали отдаленныя путешествія, слѣдствіемъ коихъ было, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, и знакомство съ языкомъ посѣщаемой страны. Многіе изъ нашихъ путешественниковъ описывали свой путь, и любопытныя записки путешествій хранятся въ значительномъ количествѣ списковъ; пятнадцать изъ нихъ изданы г. Сахаровымъ во второмъ томѣ «Сказаній Русскаго народа», подъ названіемъ: «Путешествія Русскихъ людей»; къ нимъ присоединена и легенда о путешествіи Полоцкой княжны Евфросиніи въ XII вѣкѣ. Изъ этого числа восемь путешествій совершенно въ Іерусалимъ, три въ Константинополь, два въ Китай, одно въ Индію и одно въ Италію. Цѣль первыхъ чисто религіозная, и потому особенное вниманіе обращено въ нихъ на описаніе мѣстностей, ознаменованныхъ священными для христіанства воспоминаніями, и тѣхъ явленій, которыя наиболѣе поражали набожное чувство паломниковъ, какъ-то: чудесное снисшествіе «святаго свѣта» и т. п. Другое значеніе для путешественниковъ имѣли такія страны, какъ Индія или Китай; не давая пищи религіозному настроенію, онѣ возбуждали интересъ новостью и оригинальностью быта своихъ жителей, устройствомъ городовъ и селъ, самою внѣшнею природою. Все это въ равной степени привлекало вниманіе нашихъ путешественниковъ, какъ видно по ихъ путевымъ замѣткамъ, въ коихъ упоминается одно за другимъ, и о мѣстоположеніи города, и объ одеждѣ жителей, и о съѣстныхъ припасахъ, и о рѣдкихъ животныхъ, и т. п. Въ этой пестрой смѣси впечатлѣній попадаются замѣтки и о языкѣ видѣнныхъ народовъ; но большею частью онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ словъ, въ родѣ слѣдующихъ, въ путешествіи Байкова въ XVII столѣтіи: «а у Мунгальскихъ людей *языкъ съ Калмыками*

одинъ, а Тайши у нихъ многіе... отъ Иртыша до Мунгальскихъ людей степью межъ горъ ходу два дня; степь голая; ни воды, ни корму нѣтъ; а прошедъ то мѣсто живутъ Мунгальцы, людишки добрѣ худы; а житье ихъ самое нужное»; или «а въ томъ Китайскомъ городѣ Какокотанѣ живутъ Тюбейцы: *языкъ у нихъ Мунгальской*» и проч.[1]). Всѣхъ богаче извѣстіями о языкѣ отдаленнаго народа путешествіе Тверитянина Аѳанасія Никитина[2]), прибывшаго въ Индію въ 1468 году, за тридцать лѣтъ до Васко де Гама, и сообщившаго Русскимъ читателямъ свѣдѣнія о далекомъ краѣ гораздо ранѣе, нежели познакомились съ нимъ западные Европейцы. Этимъ знакомствомъ обязаны они Португальцамъ, распространившимъ въ Европѣ свѣдѣнія объ Индіи уже въ XVI вѣкѣ. Извѣстія, сообщенныя Никитинымъ, заключаются въ отдѣльныхъ словахъ и въ цѣлыхъ фразахъ языка Индійскаго, какимъ онъ былъ въ XV столѣтіи, когда, сохраняя кое-какіе слѣды своего первообраза, Санскрита, онъ былъ подавленъ вліяніемъ Арабскимъ, Персидскимъ и въ особенности Татарскимъ. Слова и фразы иностранныя стоятъ у Никитина рядомъ съ Русскими, а не составляютъ отдѣльнаго сборника, коего первый и незначительный образецъ явился въ Европѣ гораздо позднѣе: его составилъ спутникъ Магеллана, Пигафетта. Замѣчательно, что, приводя иностранныя выраженія, Никитинъ удерживаетъ Рус-

1) Сказанія Русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ, т. II, 1849, книга 8, стр. 127—128.

2) Путешествіе Никитина отыскано Карамзинымъ, который и помѣстилъ въ примѣчаніи 629 къ VI тому своей исторіи начало путешествія по рукописи «для примѣра въ слогѣ» и краткое извлеченіе «другими словами», т. е. современнымъ Русскимъ языкомъ. Оно напечатано вполнѣ въ «Софійскомъ Временникѣ», изданномъ Строевымъ, т. II, стр. 145—164; въ «Сказаніяхъ Русскаго народа», Сахарова, т. II, кн. 8, стр. 171—179; наконецъ въ VI томѣ «Полнаго собранія Русскихъ лѣтописей», 1853, стр. 330—354. Иностранныя слова въ путешествіи объясняемы были также нѣсколько разъ: въ изданіи Сахарова помѣщены объясненія академика Френа; въ Библіотекѣ Главнаго Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ есть экземпляръ Софійскаго Временника съ объясненіями Ярцова; объясненія, находящіяся въ VI томѣ лѣтописей, принадлежатъ профессору С.-Петербургскаго университета Казембеку. Этими послѣдними пользуемся мы въ своихъ указаніяхъ.

скія мѣстоименія и частицы. Многія Индійскія реченія записаны имъ, по мнѣнію знатоковъ, «довольно вѣрно»; встрѣчающіяся же невѣрности рѣшительно неизбѣжны при всѣхъ опытахъ подобнаго рода. Вмѣсто *киларсенъ* у Никитина записано *кыларесенъ*, вмѣсто *Мохеммедъ дини — Маметьдени*, вмѣсто *селяхъ микюнедъ—суляхъ микунътъ*, и проч.; но множество примѣровъ доказываютъ, какъ трудно уловить въ точности звуки чужого языка при произношеніи, и лучшимъ оправданіемъ нашему путешественнику служатъ попытки всѣхъ другихъ Европейскихъ путешественниковъ: одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ между ними, Кукъ, утверждаетъ, что рѣдко удавалось двумъ его спутникамъ записать однѣми и тѣми же буквами, не только гласными, но даже и согласными, одно и то же слово, произносимое обитателями Полинезіи. Никитинъ говоритъ между прочимъ о брошенныхъ дѣтяхъ жителей Индостана, порода которыхъ, какъ кажется, доставила имъ прозваніе обезьянъ [1]): «ины Гондустанци

1) Нашъ путешественникъ называетъ ихъ положительно обезьянами; но по его же описанію видно, что дѣло идетъ о людяхъ, а вовсе не о животныхъ «А обезьяны-то тѣ—говоритъ онъ—живутъ по лѣсу, да у нихъ есть *князь* обезьяньскый, да *ходитъ ратію* своею, да кто ихъ заимаеть и они ся *жалуютъ* князю своему, и онъ посылаеть на того свою рать, и они пришедъ на градъ и дворы разволяють и людей побьють; а рати ихъ сказываютъ вельми много, и *языкы ихъ есть свои*, а дѣтей родять много; да которой родится не въ отца, не въ матерь, они тѣхъ мечють по дорогамъ» (стр. 335). Повѣрье о народѣ-обезьянахъ могло сохраняться въ Индіи въ XV вѣкѣ, восходя къ глубокой древности. Въ Рамаянѣ разсказывается о дружбѣ Рамы съ Гануманомъ, «княземъ обезьянъ, лѣснымъ человѣкомъ», и о союзѣ, заключенномъ на священной горѣ между Рамою и Сугривою, другимъ «княземъ обезьянъ, великодушнымъ лѣснымъ человѣкомъ». Одинъ Французскій писатель, сообщая любопытныя свѣдѣнія о бытѣ и литературѣ Негровъ, говоритъ: «Les livres sacrés du brahmanisme racontent que Rama, après avoir vaincu en bataille rangée *le peuple singe*, l'expulsa du continent et lui abandonna par un solennel traité une partie de l'ile de Ceylan. *Il ne serait pas impossible que ces singes guerriers et diplomates soient tout simplement les nègres* (Les moeurs et la littérature nègres, par *Gustave d'Alaux.* Revue des deux mondes. 1852. Tome XIV. 4 livraison). Источникомъ преданія о загадочномъ народѣ могъ послужить самый внѣшній видъ черныхъ людей извѣстнаго племени, который тѣмъ живѣе могъ дѣйствовать на воображеніе народа, и породить цѣлый рой чудесныхъ разсказовъ. Вирей предполагалъ сродство Готтентотовъ съ павіанами, породою обезьянъ; въ XVIII вѣкѣ разсуждали серьезно о возможности перехода изъ обезьяны въ человѣка и обратно, а у Де-

тѣхъ имають да учать ихъ всякому рукодѣлью, а иныхъ продають ночи, чтобы възадъ не знали побѣжати, а иныхъ учать базы миканетъ», и здѣсь цѣлую Персидскую фразу: *бази микюнедъ,* что значитъ *играетъ, танцуетъ* и т. п., нашъ путешественникъ принялъ за одно существительное имя *бази*, т. е. *игра*. Принятіе цѣлаго предложенія за одно слово весьма легко могло бы случиться при усиленной даже заботливости автора о вѣрной передачѣ иностранныхъ словъ, чему доказательствомъ служатъ также примѣры другихъ, позднѣйшихъ Европейскихъ путешественниковъ, которые весьма часто впадали въ ту же невольную ошибку: если они, желая узнать отъ дикаря, какъ на его языкѣ слово *ходить*, указывали на ходившаго, то получали въ отвѣтъ: *онъ ходитъ*; если же для этого сами начинали ходить, то дикарь говорилъ: *ты ходишь* и т. д.[1]). Словомъ, нельзя, кажется, не согласиться, что нашъ путешественникъ XV вѣка познакомился съ языкомъ Индостана по крайней мѣрѣ на столько, на сколько можно было познакомиться любознательному человѣку, прибывшему въ неизвѣстную страну совершенно съ другими цѣлями и притомъ не на долгое время.

Если не многимъ обстоятельства дозволяли, по торговымъ видамъ и еще менѣе по одному любопытству, предпринимать далекія путешествія, и, живя на чужбинѣ, узнавать чужіе языки, то внутри Россіи было много замѣчательныхъ людей, обрекавшихъ себя на подвиги миссіонеровъ, и съ этою цѣлью изучавшихъ языкъ народа, какъ единственный и вѣрный проводникъ убѣжденій. Исторія не богата извѣстіями о трудахъ этихъ достопамятныхъ подвижниковъ; но и сохранившіяся извѣстія по-

---

ламетри встрѣчается наивная догадка, что продолговатая форма носа у человѣка зависитъ отъ того, что люди произошли отъ породы обезьянъ, подверженной насморку.

1) *Balbi*, Atlas étnographique du globe. Introduction. Discours préliminaire. p. CIII—CIV etc.

казываютъ, что мысль о водвореніи истинной Вѣры одушевляла постоянно многіе умы въ древней Руси, и средства, употреблявшіяся нашими миссіонерами, были вполнѣ достойны и людей истинно образованныхъ, и самой святости дѣла: на это мы имѣемъ доказательства неоспоримыя. Начиная съ X столѣтія, съ крещенія Руси при св. Владимірѣ, отъ каждаго вѣка осталось нѣсколько именъ или подвиговъ этого рода, записанныхъ современниками. Между распространителями Вѣры были и люди облеченные свѣтскою властію, какъ было это и въ западной Европѣ; но по большей части лица духовныя трудились на этомъ поприщѣ. Въ XII вѣкѣ преп. Герасимъ изъ Кіева переселился на далекій сѣверъ, основалъ обитель близъ торговаго мѣстечка Вологды и тридцать лѣтъ проповѣдывалъ христіанскую Вѣру[1]). Въ XIII вѣкѣ миссіонеры наши подчинили своему вліянію даже нѣкоторыхъ изъ Монголовъ, и, какъ видно, довольно скоро послѣ грознаго нашествія; ибо въ 1261 году образовалась въ ордѣ епархія и нашъ митрополитъ Кириллъ II поставилъ епископа въ ханской столицѣ, Сараѣ[2]). Въ XIV вѣкѣ знаменитый Пермскій епископъ св. Стефанъ просвѣтилъ жителей Пермской области, изобрѣлъ имъ письмена и перевелъ на ихъ языкъ чтенія изъ Евангелія и Апостола, Псалтырь, Пареміи. Въ XVI вѣкѣ архимандритъ Ѳеодоритъ, тотъ самый, который привезъ изъ Константинополя благословеніе Іоанну IV на принятіе титула царя, обратилъ въ христіанство Лапландцевъ (до рѣки Туломы), также изобрѣлъ письмена и перевелъ на Лапландскій языкъ Евангеліе[3]). И много другихъ дѣятелей можно присоединить къ этому числу. Изъ нихъ нѣкоторые обращали народы соплеменные, слѣдовательно обходились безъ изученія иностраннаго языка: такъ на своемъ родномъ языкѣ св. Кукша могъ пропо-

1) Исторія Русской церкви. Періодъ первый. Харьковъ, 1849, стр. 37—38.

2) Прибавленія къ твореніямъ Святыхъ Отцевъ. Часть I. Москва, 1843, стр. 419.

3) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина; т. II, 1827, стр. 281.

вѣдывать у нашихъ соплеменниковъ Вятичей, которые происходили «отъ Ляховъ», по замѣчанію Нестора; но многимъ необходимо было изучать языкъ просвѣщаемаго народа для успѣшнаго достиженія своей цѣли. Миссіонеры наши не только поставляли себѣ въ обязанность это изученіе, но и вообще приготовлялись къ своему дѣлу съ такимъ усердіемъ, такими просвѣщенными трудами, которые удовлетворяютъ самымъ взыскательнымъ требованіямъ образованности гораздо позднѣйшей. Доказательствомъ служитъ исторія св. Стефана, сохранившаяся, по счастію, съ нѣкоторыми подробностями, въ извѣстіи, современномъ описываемому лицу. Готовясь къ своему подвигу, св. Стефанъ прежде всего глубоко изучалъ Священное Писаніе; потомъ, не довольствуясь Славянскимъ переводомъ, принялся за изученіе Греческаго языка; вмѣстѣ съ тѣмъ съ особеннымъ вниманіемъ вникалъ въ свойства знакомаго ему на родинѣ языка Зырянъ, чтобы надлежащимъ образомъ передать на немъ истины святой Вѣры. Вооружившись такимъ запасомъ знаній, онъ перевелъ на Зырянскій языкъ все, что нужно было для успѣшнаго начала проповѣди, и при переводѣ руководствовался постоянно и Славянскимъ и Греческимъ текстами. По окончаніи всѣхъ этихъ предварительныхъ работъ, св. Стефанъ отправился, какъ миссіонеръ, къ мѣсту избраннаго служенія. Лучшаго приготовленія нельзя требовать отъ миссіонера какого бы то ни было вѣка, какъ нельзя требовать и лучшихъ мѣръ во все время проповѣди. У св. Стефана она отличалась въ полномъ смыслѣ слова духомъ вѣры и любви, и ознаменована учрежденіями, дѣлающими честь его уму и образованности: онъ заводилъ для дѣтей Зырянъ училища, взрослымъ раздавалъ, по строгому выбору, духовныя должности, такъ что въ основанной имъ обители при немъ и нѣсколько столѣтій послѣ его смерти совершалось богослуженіе на туземномъ языкѣ[1]). Невольно вспоминаешь при этомъ другихъ миссіонеровъ и другія мѣры, принимаемыя ими, въ особенности лишеніе обра-

1) Исторія Русской церкви. Періодъ второй. Москва, 1850, стр. 45—49.

щаемыхъ народовъ права приносить Богу лучшую жертву— слагать хвалу Ему на родномъ языкѣ.... Для сотрудниковъ своихъ св. Стефанъ основалъ цѣлую обитель[1]), разсадникъ Русскихъ миссіонеровъ, которому, быть можетъ, только географическое положеніе помѣшало пріобрѣсти извѣстность и почетъ въ исторіи обще-Европейской пропаганды, составляющей одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей въ исторіи Европейской образованности. Не имѣя, къ сожалѣнію, столь же подробныхъ извѣстій о другихъ нашихъ вѣропроповѣдникахъ, мы ограничиваемся замѣчаніемъ, что просвѣщенная ревность всегда отличала ихъ подвиги, которые они предпринимали съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ, съ однимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ святости подвига и его правотѣ передъ Небомъ: въ этомъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство одного изъ самыхъ основательныхъ между иностранцами знатоковъ древне-Русскаго быта, писателя въ высшей степени безпристрастнаго[2]).

Кромѣ языковъ, знакомыхъ предкамъ нашимъ по международнымъ сношеніямъ или изучаемыхъ дѣятельными миссіонерами, были языки, знаніе которыхъ служило признакомъ образованности, не будучи въ зависимости отъ какихъ либо внѣшнихъ условій, способствовавшихъ узнавать чужой языкъ,

1) Словарь историческій о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви. Спб., 1836, стр. 255.

2) Герберштейнъ въ сочиненіи своемъ «Rerum Moscoviticarum commentarii» (Basileae, 1571, стр. 43) говоритъ: Religiosorum praecipua cura existit, ut quoslibet homines ad fidem suam perducant. Monachi heremitae bonam jam olim idololatrarum partem, diu multumque apud illos verbum Dei seminantes, ad fidem Christi pertraxerunt. Proficiscuntur etiamnum ad varias regiones Septentrionem versus et Orientem sitas, quo nonnisi maximis laboribus, famae ac vitae periculo perveniunt neque inde aliquid commodi sperant, nec petunt: quin huc unicum spectant, ut rem gratam Deo facere, et animas multorum devio errore abductas (morte aliquando doctrinam Christi confirmantes) in viam rectam revocare, ac eos Christo lucrificare queant.

такъ сказать, нечувствительно. Такое значеніе имѣли въ древне-Русской образованности языки Греческій, Латинскій и отечественный—Русскій.

Самое раннее извѣстіе, приписывающее нѣкоторымъ изъ Русскихъ князей знаніе Греческаго и Латинскаго языковъ, относится къ XII вѣку. Это знаніе встрѣчалось преимущественно въ родѣ Владиміра Мономаха. Такъ о внукѣ его великомъ князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ имѣемъ извѣстіе, что «онъ вельми изученъ былъ писанію, съ Греки и Латыны говорилъ ихъ языкомъ, яко Русскимъ» [1]). Правнукъ Владиміра Мономаха князь Романъ Ростиславичъ былъ «вельми ученъ всякихъ наукъ, и ко ученію многихъ людей понуждалъ, устроя на то училища, и учителей, Грековъ и Латинистовъ, своею казною содержалъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ, и такъ на оное мнѣніе свое истощилъ, что на погребеніе его принуждены были Смольяне сребро и куны давать по изволенію каждаго, и какъ народъ всѣ его любили, то собрали такое множество, что болѣе было, нежели въ годъ князю приходило» [2]). Изъ такого свидѣтельства можно заключить, что любовь къ просвѣщенію находила въ XII вѣкѣ общее сочувствіе, а заключеніе должно основываться на достовѣрности свидѣтельства. Эти и подобныя извѣстія находятся въ *свѣтской лѣтописи*, по названію самого автора, составленной Татищевымъ, который приводитъ кромѣ того и нѣсколько данныхъ для исторіи Русской образованности, упоминая объ училищахъ и библіотекахъ въ древней Руси. Хотя свидѣтельство Татищева никоимъ образомъ не можетъ равняться по историческому значенію со свидѣтельствомъ Нестора, однако самый способъ составленія сводной лѣтописи Татищевымъ возбуждаетъ довѣріе къ новымъ указаніямъ, встрѣчающимся на ея страницахъ. При составленіи своего труда авторъ принялъ за правило «писать тѣмъ поряд-

---

1) Татищева Исторія Россійская, часть III, стр. 220.
2) Тамъ же, III, 238 — 239.

комъ и нарѣчіемъ, каковыи въ *древнихъ* (рукописяхъ) находятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, *не перемѣняя, ни убавляя изъ нихъ ничего*, кромѣ ненадлежащаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія Святыхъ, чудеса, явленія, и проч., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыя на концѣ приложилъ; такожъ *ничего не прибавливалъ, развѣ необходимо нужное для выразумѣнія слово положить, и то отличилъ вмѣстительною*»[1]). Въ XVII вѣкѣ, когда, по выраженію Шлецера, сборникъ Татищева былъ оракуломъ всѣхъ читателей лѣтописей, и въ началѣ настоящаго столѣтія, до самаго Карамзина, не сомнѣвались въ истинѣ лѣтописныхъ извѣстій, сообщенныхъ Татищевымъ. Это видно, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, и изъ мнѣнія Мусина-Пушкина о всеобщемъ употребленіи въ древней Руси Латинскаго языка, и изъ указаній въ другихъ сочиненіяхъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе «Краткая Россійская Исторія, изданная въ пользу народныхъ училищъ Россійской Имперіи, 1799 года». Этотъ учебникъ замѣчателенъ по весьма выгодному о немъ мнѣнію Шлецера, который заимствовалъ изъ него и сдѣлалъ доступными западно-Европейскимъ ученымъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ чертахъ древне-Русской образованности. Передавая вкратцѣ содержаніе учебника въ Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ, Шлецеръ замѣчаетъ, что авторъ дѣлаетъ извѣстнымъ многое, что доселѣ хранится еще въ рукописныхъ лѣтописяхъ; что его историческая метода вполнѣ современна; что каждый изъ пяти періодовъ разсматриваетъ онъ въ двухъ отдѣленіяхъ, изъ которыхъ одно посвящается обозрѣнію *внутренняго* состоянія государства. При очеркѣ содержанія втораго періода, отъ Рюрика до нашествія Татаръ, Шлецеръ говоритъ, что въ этомъ періодѣ образованность на Руси была на высшей степени, нежели можно

---

1) Татищева, Исторія Россійская, I, 1768, Предъизвѣщеніе стр. XXIV—XXV.

было бы ожидать: были князья, знавшіе Греческій и другіе языки; было училище въ Смоленскѣ, въ которомъ преподавались Греческій и Латинскій языки; была библіотека, состоявшая болѣе нежели изъ тысячи греческихъ книгъ [1]), и пр. Такимъ образомъ даже въ началѣ XIX вѣка критика, въ лицѣ Шлецера, не отвергала свидѣтельства позднѣйшихъ лѣтописей. Но Карамзинъ рѣшительно не признаетъ ихъ достовѣрными, и все то, чего нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи, называетъ просто выдумкою Татищева. Въ повѣствованіи о названномъ нами князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Карамзинъ считаетъ прибавленіемъ Татищева, что этотъ «великій князь былъ малъ, сухъ, имѣлъ длинную бороду. кудрявые волосы, кривой носъ, говорилъ языкомъ *Латинскимъ* и *Греческимъ* и никогда не хотѣлъ спорить о вѣрѣ» [2]). Какому же изъ свидѣтельствъ двухъ историковъ принадлежитъ право истины, и какъ разрѣшить ихъ противорѣчіе? Путь къ этому рѣшенію и тою и другою стороною указанъ одинъ и тотъ же: и Татищевъ основываетъ справедливость своихъ показаній на «древнихъ манускриптахъ», и на древнія же лѣтописи опирается возраженіе Карамзина: слѣдовательно къ нимъ и необходимо обратиться. Въ древнѣйшихъ спискахъ лѣто-

---

1) Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen, 1801, на стр. 344—350, помѣщенъ очеркъ содержанія «Краткой Россійской Исторіи», въ которомъ говорится: Der ungenannte Verfasser erzählt aus diesen Zeiten (852—1462) vieles, was nur noch in ungedruckten Annalen liegt. Seine historische Manier ist ganz modern.... Grösser war in diesem, sonst wildem, Zeitraume die Cultur, als man erwartet. Fürsten, die Griechisch und andere Sprachen verstehen, die am 1180 in Smolensk eine Schule anlegen, in welcher griechisch und latein gelehrt wird, die dieser Schule ihre, aus mehr als 1000, lauter griechischen Bücher bestehende, Bibliothek vermachten и пр. Этотъ неизвѣстный составитель былъ, по указанію Сопикова, *Тимоѳей Киріакъ* (см. *Сопикова* Опытъ Россійской библіографіи, часть III, стр. 229). Странно, что Шлецеръ автору Учебника приписываетъ всѣ открытія, очевидно заимствованныя у Татищева, отзываясь о послѣднемъ только въ подобныхъ выраженіяхъ: «нельзя сказать, чтобы его трудъ былъ вовсе безполезенъ (выключая I части о Скиѳахъ и Сарматахъ и пр.), хотя онъ и совершенно былъ неученъ, не зналъ ни слова по-Латыни и даже не разумѣлъ ни одного изъ новѣйшихъ языковъ, выключая Нѣмецкаго». Несторъ, перев. Языкова, I, рмг.

2) Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 44 вь концѣ.

писей нашихъ находимъ слѣдующія извѣстія, соотвѣтствующія двумъ, приведеннымъ нами выше: въ Ипатіевской подъ 1180 годомъ: «преставижеся князь Романъ, сынъ Ростиславль, внукъ великаго князя Мстислава.... сій же благовѣрный князь Романъ бѣ возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ и всею добродѣтелью украшенъ, смѣренъ, кротокъ, незлобивъ, правдивъ, любовь имѣяше ко всимъ и къ братьи своей истѣньную, нелицемѣрную, страха Божія наполненъ, нищая милуя, манастырѣ набдя; и созда церковь камену святаго Іоана, и украсивъ ю всякимъ строеньемъ церковнымъ и иконы, златомъ и финиптомъ украшены, память сдѣвая роду своему, паче же и души своей оставленіе грѣховъ прося; и приложися къ дѣдомъ своимъ и отцемъ своимъ, и отдавъ общій свой долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому роженому» [1]). Въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1177 годомъ сказано только: «преставися благовѣрный и христолюбивый князь Михалко, сынъ Гюргевъ, внукъ Мономаха Володимера, въ суботу, заходящю солнцю, іюня мѣсяца въ 20 день, на память святаго отца Меѳодья; и положиша и у святое Богородици Золотоверхое въ Володимери, юже бѣ создалъ братъ его Андрѣй» [2]). Сравнивая эти извѣстія съ тѣми. которыя приведены у Татищева, легко замѣчаешь ихъ несходство и также легко склоняешься къ мысли, не есть ли все то, чего недостаетъ въ древней лѣтописи, произвольное дополненіе позднѣйшаго составителя? Но здѣсь рождается вопросъ: въ какой мѣрѣ можно руководствоваться авторитетомъ древней лѣтописи? Все сообщаемое ею принадлежитъ, безспорно, къ числу достовѣрнѣйшихъ сказаній, уцѣлѣвшихъ отъ древности; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что молчаніе ея о какомъ-либо событіи даетъ намъ право заключать, что этого событія не было на самомъ дѣлѣ. Иначе, основываясь на томъ, что въ древней лѣтописи годы 998 и 999 оставлены безъ означенія событій,

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, т. II, стр. 123.

2) Тамъ же, I, 161.

а подъ 1001 годомъ записано только: «преставися Изяславъ, сынъ Володимерь», намъ пришлось бы заключить, что въ 1001 г. только и случилось, что умеръ Изяславъ Владиміровичъ, а въ 998 и 999 вовсе ничего не было въ Русской землѣ. Такой выводъ слишкомъ наивенъ; вѣрный же выводъ состоитъ въ томъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ, кромѣ смерти князя Изяслава, не произошло ничего такого, что лѣтописецъ, по своему взгляду на вещи, считалъ бы особенно замѣчательнымъ и необходимымъ для помѣщенія въ лѣтопись сообразно съ ея общимъ характеромъ. Отсюда прямой переходъ и къ заключенію о разсматриваемомъ нами вопросѣ. Съ такимъ же правомъ мы можемъ заключить, что древній лѣтописецъ потому не упомянулъ о знаніи нашими князьями древнихъ языковъ, что не считалъ этого обстоятельства особенно замѣчательнымъ, а извѣстія о немъ вполнѣ сообразнымъ съ цѣлью своего труда. Не вдаваясь въ предположенія, почему подобное явленіе могло казаться незамѣчательнымъ, скажемъ только, что лѣтописецъ XII вѣка могъ руководствоваться совершенно тѣмъ же основаніемъ, какъ и преп. Несторъ, неупомянувшій о знаніи пяти языковъ Всеволодомъ при исчисленіи разнообразныхъ достоинствъ этого князя. Вотъ что говоритъ преп. Несторъ при извѣстіи о кончинѣ Всеволода Ярославича, подъ 1193 годомъ: «сій бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци, подаяше требованье имъ; бѣ же и самъ въздержася отъ пьяньства и отъ похоти» [1]). Отзывъ Нестора о Всеволодѣ напоминаетъ отзывъ позднѣйшаго лѣтописца о Романѣ Ростиславичѣ. Не смотря на то, что Несторъ пропустилъ весьма важное, съ современной намъ точки зрѣнія, извѣстіе объ образованности Русскаго князя въ XI столѣтіи, свидѣтельство о ней поученія Мономахова нисколько не теряетъ своей достовѣрности.

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 92.

Такимъ образомъ авторитетъ древней лѣтописи имѣетъ въ настоящемъ случаѣ только отрицательное значеніе: не доказывая дѣйствительности, лѣтопись не отвергаетъ возможности знанія извѣстными князьями древнихъ языковъ. Но та же самая лѣтопись, не называя именъ, сообщаетъ извѣстія, доказывающія, что были въ древней Руси знатоки Греческаго языка. Изученіе его вызываемо было и требованіями религіозными, и характеромъ образованности, проникнутой религіознымъ началомъ, и безпрестанными сношеніями съ Греціею по причинамъ весьма разнообразнымъ. Знаніе же Латинскаго языка было слѣдствіемъ сношеній съ западною Европою, въ которой онъ былъ языкомъ Вѣры и становился мало по малу языкомъ образованности. Чѣмъ болѣе образованность Русская сближалась съ западно-Европейскою, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе становилось расположеніе къ языку Латинскому: поэтому цвѣтущая пора для него настала у насъ въ XVI и особенно въ XVII столѣтіи. Въ вѣкахъ же предшествовавшихъ число знатоковъ Греческаго языка, по всей вѣроятности, значительно превышало число знатоковъ Латинскаго. Еще въ первой половинѣ XI столѣтія совокупно трудились многіе изъ Русскихъ надъ переводомъ книгъ съ Греческаго языка. Князь Ярославъ, свидѣтельствуетъ лѣтопись, «собра письцѣ многы, и прекладаша отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы» [1]). Въ XII вѣкѣ еще сильнѣе обнаруживается вліяніе Византійское на нашу письменную словесность, и это вліяніе естественно условливалось знаніемъ языка произведеній, переводимыхъ на Руси людьми любознательными. Мы имѣемъ цѣлый рядъ поученій Кирилла Туровскаго, доказывающихъ въ авторѣ знакомство съ Греческой литературой, именно съ твореніями Греческихъ христіанскихъ ораторовъ. Вообще сочувствіе наше въ древнюю эпоху къ литературѣ христіанской Греціи имѣетъ за себя много доказательствъ и признано наукою еще со времени Шлецера.

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 65.

Въ XIII вѣкѣ отношенія наши къ Греціи оставались тѣ же самыя. Представители духовенства, митрополиты Русскіе, были или родомъ Греки, какъ напр. Кириллъ I-й и Максимъ, перенесшій митрополію изъ Кіева во Владиміръ, или получали въ Греціи утвержденіе въ своемъ званіи, какъ Кириллъ II, утвержденный въ Никеѣ. Не только высшіе іерархи, но и другіе образованные люди того времени, искали пищи для своей любознательности преимущественно въ произведеніяхъ Греческой духовной литературы. Люди же образованные и любознательные были тогда въ Русской землѣ, и лѣтопись сохранила память о нѣкоторыхъ изъ нихъ, принадлежавшихъ какъ къ духовному, такъ и къ свѣтскому сословію. О князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ говорится, что онъ усердно заботился о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей, много ихъ создалъ по своей области, исполняя ихъ книгами и всякими украшеніями. Ясно, что потребно было значительное количество книгъ, чтобы надѣлить ими многія церкви. Татищевъ и Шлецеръ допускали, что ихъ было болѣе 1000: другіе же число книгъ считали преувеличеннымъ даже въ показаніяхъ лѣтописныхъ. Такъ Полевой говоритъ: «лѣтописцы явно преувеличиваютъ число книгъ, переведенныхъ на Славянскій языкъ при Ярославѣ и его преемникахъ. Читая, что *книгами были клѣти исполнены*, вспомнимъ слѣдующее: кто изъ простолюдиновъ нынѣ не удивляется, видя на полкѣ десятка три, четыре книгъ? Такъ думали и на Западѣ въ X и XI вѣкахъ. Библіотека Кройландскаго аббатства въ Англіи славилась за чудо, а въ ней было всего 300 томовъ» [1]). Въ приговорѣ Полеваго всего счастливѣе мысль о сближеніи явленій древне-Русской жизни съ подобными явленіями въ жизни другихъ Европейскихъ народовъ; но сравненіе лѣтописцевъ съ простолюдинами отзывается поверхностнымъ взглядомъ на значеніе лѣтописца, какъ извѣстнаго рода дѣятеля во внутренней жизни народа въ древнѣйшій періодъ ея развитія.

---

1) Полеваго, Исторія Русскаго народа, т. II, стр. 219, примѣч. 228.

Лѣтописецъ, во многомъ сочувствуя народу, старину котораго спасалъ отъ забвенія, умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывать смыслъ въ событіяхъ, производившихъ на массы безотчетное впечатлѣніе. Довѣряя вмѣстѣ со всѣми таинственному преданью, онъ объяснялъ его сличеніемъ съ повѣствованіями историческими. Возвышаясь образованностью надъ простолюдинами и трудясь надъ книжнымъ дѣломъ часто совокупными силами, лѣтописцы легко могли привыкнуть къ виду большой массы книгъ, чтобы не удивляться, замѣтивъ ихъ три или четыре десятка. Что въ настоящемъ случаѣ было ихъ несравненно болѣе, очевидно изъ прямаго свидѣтельства лѣтописи, сомнѣваться въ которомъ было бы и неосновательно и несовременно. «Великій князь Костянтинъ, правнукъ Володимера Мономаха — говоритъ лѣтопись — многы церкви созда по своей власти, въображая чюдными въображеніи святыхъ иконъ, исполняя книгами и всякыми украшеніи» [1]). Если ограничить число книгъ необходимыми для богослуженія, то для нѣсколькихъ церквей окажется ихъ довольно много; но будетъ еще болѣе, если присоединить къ нимъ переводы св. отцевъ, основываясь на томъ, что они сохранились въ большомъ количествѣ списковъ. Масса книгъ всего скорѣе могла увеличиваться новыми переводами съ Греческаго [2]). Самое же назначеніе ихъ — въ храмы, указываетъ на ихъ содержаніе и языкъ: по содержанію онѣ должны были

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 187.

2) Въ сводной лѣтописи Татищева именно этому обстоятельству приписывается умноженіе книгъ при Константинѣ Всеволодовичѣ, который «великій былъ охотникъ къ читанію книгъ, и наученъ былъ многимъ наукамъ; того ради имѣлъ при себѣ и людей ученыхъ, многіе древніе книги Греческіе цѣною высокою купилъ, и велѣлъ переводить на Русскій языкъ, многія дѣла древнихъ князей собралъ и самъ писалъ, такожъ и другіе съ нимъ трудилися. Онъ имѣлъ однихъ Греческихъ книгъ болѣе 1000, которыя частію покупалъ, частію патріархи, вѣдая его любомудріе, въ даръ присылали» (Исторія Татищева, III, 461). Карамзинъ все это считалъ вымысломъ Татищева (Исторія Государства Россійскаго, т. III, примѣч. 179). Но у Карамзина въ выпискѣ изъ лѣтописи не приведено указанное нами мѣсто о снабженіи церквей книгами, а это снабженіе—фактъ, засвидѣтельствованный *древнею* лѣтописью, и самый списокъ ея не позже XIV вѣка.

быть произведенія религіозныя, а по языку—Славянскія, чтобы могли употребляться для богослуженія, общественной молитвы и назиданія.

Въ томъ же вѣкѣ славился просвѣщенною ревностью къ храмамъ Божіимъ князь Владиміръ Васильковичъ. Онъ и сооружалъ новыя церкви, и обогащалъ прежнія драгоцѣнными вкладами, состоявшими преимущественно изъ книгъ. Въ епископію Перемышльскую онъ далъ Евангеліе, имъ самимъ списанное; въ монастырь свой онъ далъ Апостолъ, списанный также собственноручно, и кромѣ того положилъ туда молитвенникъ и сборникъ великій отца своего. Въ Бѣльскѣ онъ «устрои церковь иконами и книгами», а новосозданному храму въ Любомлѣ принесъ въ даръ: Евангеліе, Апостолъ, прологи, житія святыхъ отцевъ и дѣянія вѣнчавшихся кровію мучениковъ, 12 миней, тріоди, октоихъ, ирмологіонъ, служебникъ св. Георгію, молитвы вечернія и утреннія и т. д. И все это вновь списано по его распоряженію, а не взято изъ древнихъ книгохранилищъ [1]). Сборникъ, отданный монастырю, также какъ и другой сборникъ, положенный въ церковь новаго города Каменца, заключали въ себѣ, какъ полагаетъ современный намъ историкъ Русской Церкви, отеческія сочиненія, которыя продолжали *переводить* и при Монголахъ [2]).

Въ первой половинѣ XIII столѣтія была также богатая библіотека въ Ростовѣ, у тамошняго епископа. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что въ 1229 году епископъ Ростовскій Кириллъ оставилъ свою епископію, будучи изнуренъ внутреннею болѣзнью; къ этому присоединилось несчастное для него оконча-

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, II, 222—223: «въ монастырь свой Апостолъ да еуангеліе опракосъ и апостолъ *самъ списавъ*... и молитвенникъ да. Въ епископью Перемышльскую да еуангеліе опракосъ, окованно сребромъ съ женчюгомъ, *самъ же съписалъ бяше*.... Созда же и церкви многы, въ Любомли же постави церковъ каменну... еуангеліе *списа* опракосъ, прологы *списа* 12 мѣсяца, мѣнеи 12 *списа*, *списа* же и служебникъ Святому Георгію, и молитвы вечерніи и утрьніи *списа*».

2) Исторія Русской Церкви. Періодъ II. 1850, стр. 62.

ніе одного тяжебнаго дѣла: его приговорили по суду къ лишенію всего состоянія. А онъ былъ «богатъ зѣло, кунами и селы, и всѣмъ товаромъ, и *книгами*, и просто рещи такъ бѣ богатъ всѣмъ, какъ ни единъ епископъ бывъ въ Суждальстѣй области» [1]). Слѣдовательно изобиліе книгъ, библіотеки, были одною изъ принадлежностей быта Русскихъ богачей въ XIII столѣтіи. Кромѣ книгъ Русскихъ, въ составъ библіотекъ, какъ открылось въ XVI вѣкѣ, входили и книги Греческія, а чтобы пользоваться ими, необходимо было знаніе Греческаго языка. Если же большинство читателей довольствовалось переводами, то знаніе греческаго языка остается прямою потребностью для переводчиковъ, и хотя при этомъ условіи уменьшается количество знавшихъ по-Гречески, за то возвышается качество самого знанія; ибо для перевода съ иностраннаго языка потребно гораздо болѣе предварительнаго изученія, нежели просто для чтенія на этомъ языкѣ.

Хотя не въ такой степени, какъ Греческій, однакоже былъ извѣстенъ въ XIII-мъ столѣтіи и Латинскій языкъ. Если папскіе легаты вели переговоры съ Русскими князьями, бесѣдовали съ Русскими епископами, не зная ни слова по-Русски, то разговоръ всего скорѣе могъ идти по-Латыни, ибо Латинскій языкъ скорѣе могъ быть понимаемъ на Руси, нежели родной легатамъ — Итальянскій. А такіе переговоры бывали въ XIII вѣкѣ. Плано-Карпини разсказываетъ, что во время пребыванія ихъ посольства у Василька, князя Владимірскаго-Волынскаго, этотъ князь собралъ, по ихъ просьбѣ, своихъ епископовъ, которымъ прочли они папскую грамату, увѣщевавшую ихъ соединиться съ Римскою церковью. «Мы съ своей стороны также — прибавляетъ Плано-Карпини — убѣждали къ тому какъ князя (Ducem), такъ епископовъ и прочихъ. Но такъ какъ тутъ не было Даніила, брата Василькова, который поѣхалъ къ Батыю, то они и не могли дать намъ рѣшительнаго отвѣта». Этотъ же

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 192.

путешественникъ сознается въ незнаніи Русскаго языка людьми, подвластными папѣ. На вопросъ хана: «есть ли у папы люди, кои разумѣли бы Русскую грамоту?», послы отвѣчали положительно: «у насъ такихъ людей нѣтъ» [1]).

XIV вѣкъ по своему историческому значенію не представляетъ рѣзкаго отличія отъ вѣковъ предшествовавшихъ. Всѣ условія быта остались тѣже самыя, и потому тѣже черты сохранила и народная образованность. Только продолжительное иго замѣтно стѣснило ее и препятствовало приносить тѣ плоды, коихъ должно было ожидать по прекрасной зарѣ ея въ XI и XII вѣкахъ, какъ признаютъ даже иностранные ученые [2]). Литература наша по прежнему обогащалась переводами съ Греческаго, и Русскіе изучали Греческій языкъ и въ самой Россіи, и внѣ предѣловъ отечества. Въ Греціи образовалось какъ бы небольшое общество для перевода книгъ на Русскій языкъ. Русскій путешественникъ XIV вѣка передаетъ свою радость при встрѣчѣ «своихъ Новгородцевъ», которые пропали-было безъ вѣсти и съ которыми не думалъ никогда уже встрѣтиться; они сказали ему, что «живутъ туто, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ священнаго писанія» [3]). Степенная книга свидѣтельствуетъ, что митрополитъ Кипріанъ время пребыванія въ своемъ подмосковномъ селѣ посвящалъ занятіямъ литературою. Плодомъ этихъ занятій были и собственныя его сочиненія и многіе переводы съ Греческаго [4]). Другой писатель нашъ, митрополитъ

---

1) Путешествія къ Татарамъ, изд. *Языковымъ*, стр. 8 и 54.

2) Замѣчателенъ, между прочимъ, отзывъ Фридриха Шлегела. См. его Исторію древней и новой литературы. II, 47: «Между Славянскими націями Россія въ средніе вѣка имѣла рано уже своихъ національныхъ бытописателей на отечественномъ языкѣ — преимущество неоцѣненное и *доказательство неопровержимое начинанія умственной національной образованности*, которая до опустошеній, причиненныхъ Монголами, долженствовала быть болѣе общею и распространенною въ Россіи. Процвѣтаніе торговли, старинныя связи съ Константинополемъ *и другія историческія обстоятельства* дѣлаютъ это весьма вѣроятнымъ».

3) *Сахарова*, Сказанія Русскаго Народа. Т. II, книга 8, стр. 54.

4) Степенная Книга I, 558: «Пребывая въ своемъ селѣ на Голенищевѣ,

Алексѣй въ бытность свою въ Константинополѣ *перевелъ съ Греческаго* снова все Евангеліе, и переводъ его чрезвычайно близокъ къ подлиннику [1]).

Начало XV столѣтія въ отношеніи къ литературной дѣятельности было продолженіемъ XIV-го. Многіе писатели стоятъ на рубежѣ этихъ двухъ столѣтій, связывая ихъ рядомъ произведеній, въ которыхъ постоянно обнаруживается вліяніе Византіи. Творенія духовныя, труды Отцевъ Церкви составляютъ наибольшую долю тогдашней переводной словесности. Кромѣ того переводились и произведенія другаго рода. Въ началѣ XV, а можетъ быть и въ XIV в., переведена прозою съ Греческаго поэма Георгія Писиды: О міротвореніи. Вѣроятно, стихотворный размѣръ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, былъ причиною, что эта поэма такъ не скоро нашла себѣ переводчика въ Россіи: она написана въ VII вѣкѣ. Обыкновенно же переводы наши не отдѣлялись отъ своихъ подлинниковъ такимъ продолжительнымъ временемъ. Поэма произвела при появленіи своемъ въ Русскомъ переводѣ весьма пріятное впечатлѣніе на читателей, какъ можно судить по тому, что о ней упомянуто даже въ лѣтописи. Любопытенъ способъ упоминанія, показывающій, какое значеніе лѣтописцы придавали литературнымъ трудамъ въ кругу другихъ явленій народной жизни. «Тоя же зимы (1385) — сказано въ сводной лѣтописи Татищева — посадники Новогородскіе учиниша вече по старому обычаю.... Тоя же зимы князь Михайло Александровичъ Тверскій женилъ сына своего князя Василья.... Того же лѣта переведено бысть слово святаго и премудраго Георгія Писида, еже есть похвала къ Богу о сотвореніи всея твари» [2]). Подобнымъ же образомъ, въ ряду самыхъ

между двою рѣкъ, Сѣтуни и Раменки, идѣже... и книги своею рукою писаше, и многія святыя книги съ Греческаго языка на Русскій языкъ преложи» и т. д.

1) Онъ хранится въ Чудовѣ монастырѣ. См. Исторія русской церкви, II, 56.—Возглашеніе къ читателямъ при Новомъ Завѣтѣ на Славянск. и Русскомъ яз. М. 1822. стр. IV.

2) *Татищева*, Россійская Исторія. IV, 313.

разнохарактерныхъ происшествій, отмѣчали и западные лѣтописцы появленіе литературныхъ произведеній. Въ лѣтописяхъ Фульдскихъ читаемъ: Hludowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege eorum, Gotzomiuzli, terramque illorum et populum sibi divinctus subjugatum per duces ordinavit. Rhabanus quoque, sophista et sui temporis poetarum nulli secundus, librum, quem de laude sanctae crucis Christi, figurarum varietate distinctum, difficile et mirando poemate composuit», и т. п.[1]).

Въ XV столѣтіи возникаетъ новая и живая связь съ Византіею; къ намъ переселяются многіе изъ ея жителей и приносятъ нѣкоторые Греческіе обычаи: уже не одни только религіозные интересы сближаютъ Россію съ Греціею. Пока существовало только духовное единство, писатели наши съ полнымъ сочувствіемъ вписывали въ свои лѣтописи событія византійскія; но какъ скоро чужое вліяніе коснулось другихъ сторонъ жизни, лѣтописцы замѣтили, что «земля наша замѣшалася и старые обычаи переставились»[2]). Сближеніе наше съ Византіею, усилившееся по взятіи Константинополя Турками, переселеніе къ намъ Грековъ, повлекло за собою, вѣроятно, и распространеніе въ извѣстной мѣрѣ Греческаго языка. Онъ не сдѣлался у насъ господствующимъ ни въ какомъ классѣ общества; но познакомиться съ нимъ представлялось весьма много средствъ, коими, безъ сомнѣнія, и пользовались въ большей или меньшей степени.

Что же касается до Латинскаго языка, то знатоковъ его было, повидимому, немного; особенную нужду чувствовали въ нихъ для сношеній съ иностранными державами, ибо Латинскій языкъ былъ тогда дипломатическимъ, и въ дѣлахъ дипломатическихъ употреблялись довольно часто новоприбывшіе Греки. Лѣтописи упоминаютъ неоднократно о назначеніи Грековъ въ посольство къ иностраннымъ дворамъ, а исторіографъ при-

---

1) Monumenta Germaniae historica, edidit *Pertz*. Annalium Fuldensium pars II, ann. 844.

2) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды, Снегирева. I, 35 — 36.

знаетъ, что прибытіе Грековъ съ царевною Софіею было особенно полезно для Россіи по ихъ знаніямъ въ Латинскомъ языкѣ, необходимомъ для внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ [1]). Но въ самомъ началѣ слѣдующаго столѣтія упоминаются уже, какъ увидимъ, природные Русскіе, говорящіе по-Латыни съ иностранными монархами.

Въ XVI вѣкѣ повторяется отчасти тоже самое явленіе, которымъ такъ памятенъ XI вѣкъ въ исторіи Русской образованности. Литературное движеніе, начавшееся въ XI столѣтіи въ Кіевѣ, обнаруживается теперь въ Москвѣ; предпринимаются новые переводы съ Греческаго, а прежніе подвергнуты строгому пересмотру и исправленію. Душою литературной дѣятельности былъ Максимъ Грекъ, извѣстный какъ своими знаніями и трудами, такъ и своими несчастіями. Онъ приступилъ къ своему дѣлу съ превосходнымъ по тому времени филологическимъ приготовленіемъ; не только переводъ, самый текстъ былъ во многихъ мѣстахъ исправляемъ основательнымъ знатокомъ Греческаго языка. Сочувствіе къ важному труду нашелъ Максимъ Грекъ въ людяхъ образованныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Между послѣдними нельзя забыть князя Курбскаго, Русскаго писателя, знавшаго Греческій языкъ, что доказывается его переводами съ Греческаго, изъ твореній Іоанна Златоуста и историка Евсевія [2]). Курбскій, по собственному его свидѣтельству, участвовалъ въ переводѣ книгъ отеческихъ, предпринятомъ Максимомъ Грекомъ. Явленіемъ этого перевода придается новая черта древнерусской образованности, опредѣляющая взглядъ предковъ нашихъ на изложеніе истинъ Вѣры языкомъ общепонятнымъ. Давно уже, говоритъ Курбскій, паписты желали имѣть Греческія книги и просили ихъ «на препись»; даже предлагали за нихъ большую сумму: иные говорятъ, что за каждый листъ назначали они по «червоному златому», другіе, по «ко-

---

1) Исторія Государства Россійскаго. Изд. шестое. 1852. Т. VI, стр. 71.
2) Сказанія князя Курбскаго. Н. Устрялова. 1852. стр. XXXIII.

рунѣ, яжъ по три златыхъ червоныхъ важитъ». Теперь же, продолжаетъ Курбскій, «безъ всякіе цѣны даромъ преведенна не малая часть отъ нихъ, на нашъ языкъ Словенскій, ово Максимомъ Философомъ и Селиваномъ, ученикомъ его, ово *мною многогрѣшнымъ* съ помощники моими, учеными мужами, искусными толковники въ Римской бесѣдѣ»[1]). Готовясь къ переводамъ съ Греческаго языка, говоритъ Курбскій, «склоняхъ спадки (казузы) и роды и образцы и часы, и иные граматическіе чины неотмѣнне и истинне; такъ и разума нигдѣжъ разтлѣхъ, бо престерехся того со великимъ трудомъ и прилежаніемъ. Также и знаки книжнымъ обычаемъ поставляхъ»[2]).

О знакомствѣ съ Латинскимъ языкомъ сохранилось нѣсколько указаній въ статейныхъ спискахъ. Изъ нихъ извѣстно, что въ 1518 году отправлены къ императору Максимиліану посолъ Владиміръ Племянниковъ и толмачъ Истома Малый, и императоръ лично объяснялся съ ними по-Латыни. Въ статейномъ спискѣ говорится: «Максимиліанъ, избранный Цесарь, въсталъ и съ мѣста сступилъ и призвалъ къ себѣ Володимера и Истому, говорилъ самъ *полатынски*, снявъ шапку». Здѣсь же приводятся слова собесѣдниковъ[3]). Должно полагать, что число знавшихъ по-Латыни увеличилось въ XVI столѣтіи въ сравненіи съ вѣками предъидущими по причинѣ постоянно усиливавшихся сношеній нашихъ съ западными государствами Европы. Самая потребность изученія Латинскаго языка чувствовалась довольно сильно, какъ можно заключить, между прочимъ, изъ того, что Іоаннъ IV признавалъ необходимымъ учредить въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ училища, въ коихъ преподавался бы Латинскій языкъ. Намѣреніе свое высказалъ Іоаннъ IV въ замѣчательной рѣчи, обращенной къ двумъ плѣннымъ Ливонцамъ, взысканнымъ его милостями и довѣріемъ. «Императоръ Римскій Ферди-

---

1) Жизнь князя А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Акты, изд. Кіевскою Коммиссіею. Т. II, стр. 308—309.

2) Тамъ же, II, 312.

3) Памятники дипломатич. сношеній древней Россіи. Т. I, 346—347.

нандъ,—говорилъ Іоаннъ,—предлагая мнѣ свою любовь и братское расположеніе, требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы я возвратилъ Ливонію рыцарямъ Тевтонскаго ордена. Я съ своей стороны не отказываюсь рѣшительно отъ переговоровъ по этому дѣлу; ибо происходя изъ славнаго рода Баварскихъ герцоговъ, легко могу склониться на убѣжденія уступить Ливонію, на извѣстныхъ условіяхъ, одному изъ моихъ родственниковъ. Когда же это случится, то всячески буду настаивать на томъ, чтобы въ городахъ моихъ, Псковѣ и Новгородѣ, открыты были училища и въ нихъ учили бы Русское юношество Латинскому и Нѣмецкому языкамъ»[1]). Въ XVI-мъ же столѣтіи одинъ изъ извѣстнѣйшихъ полководцевъ нашихъ, князь Курбскій, отличался кромѣ воинскихъ дарованій и способностью и охотою къ изученію иностранныхъ языковъ. Курбскій владѣлъ, какъ извѣстно, четырьмя языками: Русскимъ, Польскимъ, Греческимъ и Латинскимъ. Это изученіе было однимъ изъ любимыхъ занятій, которому онъ предавался съ особеннымъ усердіемъ, какъ видно изъ его собственнаго свидѣтельства о занятіяхъ языкомъ Латинскимъ. «Я не мало лѣтъ—пишетъ Курбскій—взнурихъ по силѣ моей уже въ сѣдинахъ, со многими труды пріучахся языку Римскому»[2]).

XVII столѣтіе соединяетъ древнюю Россію съ новою. Сближаясь во многомъ съ вѣками предшествовавшими, XVII вѣкъ нѣкоторыми чертами обнаруживаетъ иной характеръ, начало

---

1) Scriptores rerum Livonicarum. II, 1848. Moscoviae ortus et progressus, authore *Daniele Printz a Bucchau*, стр. 702: «Cum vero sacratissimus Romanorum Imperator Ferdinandus per literas amicitiam et fraternam benevolentiam suam mihi obtulerit, et praeterea postularit, ut Livoniam Germanicae militiae equitibus restituerem, non equidem abnuo, ut hisce de rebus inter nos transigatur. Cum enim originem meam ex inclyta Bavarorum ducum familia habeam, facile mihi persuaderi patiar, ut uni cognatorum meorum Livoniam certis conditionibus concedam. Quod si factum fuerit, *in eam rem incumbam, ut in urbibus meis Plescovia et Novogardia ludi literarii aperiantur, in quibus juventus Ruthenica in lingua latina et germanica instituatur.*

2) Сказанія князя Курбскаго. 1842. стр. XXIV.

того умственнаго движенія, которое развилось въ послѣдующемъ столѣтіи. Постепенный переходъ изъ древняго быта въ новый ясно выразился въ постепенно измѣнявшемся направленіи образованности. Въ разсматриваемый нами періодъ южное вліяніе иноземное соединяется съ западнымъ, дѣйствующимъ все сильнѣе и сильнѣе. Связь съ югомъ Европы, съ Греціею, ограничивается цѣлями религіозными, какъ было до исхода почти XV вѣка. Литература наша обогащается переводами, принадлежащими къ одной категоріи съ прежними по духу и выбору предметовъ: одинъ Епифаній Славинецкій (ум. 1676) оставилъ много переводовъ съ Греческаго, изъ коихъ особенно замѣчателенъ переводъ Св. Писанія, и т. п. Греческій языкъ считался въ XVII столѣтіи условіемъ образованности и необходимымъ предметомъ преподаванія въ Русскихъ училищахъ, открываемыхъ въ значительномъ количествѣ и по благословенію православныхъ Греческихъ патріарховъ. Вмѣстѣ съ Греческимъ быстро распространяется языкъ Латинскій; онъ становится даже языкомъ образованности, хотя не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ было то на западѣ. Въ Славяно-Греко-Латинской Академіи, учрежденной въ Москвѣ, преподаваніе происходило на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ: грамматика и піитика преподавались по-Гречески, а логика, риторика и физика и по-Гречески и по-Латыни. Курсъ древнихъ языковъ былъ преимущественно практическій, воспитанниковъ постоянно упражняли въ разговорѣ на этихъ языкахъ, и черезъ три года по открытіи заведенія ученики могли уже *говорить* по-Гречески и по-Латыни и перевели нѣсколько книгъ съ Греческаго и съ Латинскаго[1]).

Такъ было въ Москвѣ во второй половинѣ XVII-го столѣтія; но въ началѣ его, изученіе древнихъ языковъ далеко не въ одинаковой степени распространялось въ сѣверной и южной

---

1) Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1852. Часть XI. стр. 73. Начало Славяно-Греко-Латинской Академіи.

половинѣ Россіи. Извѣстный путешественникъ, Олеарій, придворный математикъ и библіотекарь герцога Голштейнъ-Готторпскаго, посѣщавшій сѣверную Россію въ 1633 и 1636 годахъ, упоминаетъ въ своемъ путешествіи о совершенномъ незнаніи Русскими Греческаго и Латинскаго языковъ. «Уже по тому одному, говоритъ онъ, что Русскіе въ своихъ школахъ учатся только Русскому языку, да много что Славянскому, никто изъ нихъ, будь онъ духовнаго или свѣтскаго званія, высшаго или низшаго сословія, не понимаетъ ни слова ни по-Гречески, ни по Латыни»[2]). Хотя слова Олеарія нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, однако самая возможность такого рѣшительнаго, но не вѣрнаго, приговора у писателя, подобнаго Олеарію, показываетъ, что знаніе древнихъ языковъ вовсе не процвѣтало въ той части Россіи, которую удалось видѣть Нѣмецкому путешественнику. Какъ писатель, Олеарій отличается вообще безпристрастіемъ. Безпристрастіе его выражается въ той откровенности, съ какою онъ говоритъ какъ о дурныхъ, такъ и о хорошихъ свойствахъ Русскаго народа. Отрицая знаніе древнихъ языковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ у Русскихъ даръ къ изученію иностранныхъ языковъ и вообще способность и расположеніе ко всякаго рода умственной дѣятельности. «Изъ Русскихъ, продолжаетъ онъ, многіе способны заниматься науками; между ними есть люди съ острыми дарованіями, соединяющіе свѣтлый умъ съ счастливою памятью. Теперешній думный дьякъ посольскаго приказа, Алмазъ Ивановичъ[2]), еще въ молодыхъ лѣ-

---

1) Vermehrte Moscowitische und Persianische Reisebeschreibung zum andern mahl herausgegeben durch *Adam Olearius*. Schleszwig. Im Jahr 1666, стр. 280: «Sonst weil die Russen in ihren Schulen nicht mehr als ihre und auffs höchste Sclavonische Sprache schreiben und lesen lernen, verstehet auch kein Russe, er sey Geistlich oder Weltlich, hohes oder niedriges Standes Personen, nicht ein Wort weder griechisch noch lateinisch».

2) Алмазъ Ивановичь—думный дьякъ посольскаго приказа при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Службу свою началъ 1640 г., умеръ 1669 г. Настоящее его имя было Ерофей; прозвище Алмазъ, эмблема твердости, получилъ, какъ полагаютъ, по своимъ превосходнымъ качествамъ.

тахъ былъ однажды въ Персіи и въ Турціи, и въ короткое время до того усвоилъ языки Персидскій и Турецкій, что можетъ объясняться на нихъ безъ помощи переводчика»[1]). Свидѣтельства Олеарія имѣютъ преимущество достовѣрности въ сравненіи съ извѣстіями многихъ другихъ путешественниковъ. Онъ былъ человѣкъ съ большими свѣдѣніями, матеріалы для труда своего собиралъ съ неутомимымъ усердіемъ и величайшею осторожностью въ выборѣ источниковъ, а потому трудъ его признается учеными весьма цѣннымъ пособіемъ для изученія Русской старины[2]). При счастливой способности къ изученію языковъ Русскимъ легко было избѣжать замѣченнаго Олеаріемъ недостатка въ образованіи. Дѣйствительно, въ томъ же вѣкѣ занятіе древними языками стало распространяться болѣе и болѣе. Другой иностранецъ, бывшій въ Россіи во второй половинѣ XVII столѣтія, Генрихъ Лудольфъ, встрѣчалъ уже между Русскими людей, знавшихъ по-Латыни. Лудольфъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ Русскихъ занимаются Латинскимъ и Нѣмецкимъ языками, и при томъ въ Москвѣ открыто училище, въ которомъ преподаются языки Греческій и Латинскій[3]). Написавши Русскую Грамматику, Лудольфъ посвятилъ ее князю Борису Алексѣевичу Голицыну, которому, по словамъ автора, знаніе Латинскаго языка открыло путь къ объясненію съ иностранцами. Извѣстно, что кн. Б. А. Голицынъ, (1641—1713), бывшій дядькою Петра Великаго,

---

1) *Olearius:* Reisebeschreibung, стр. 281: «Es fehlet ihnen (den Russen) nicht an guten Köpffen zu lernen. Man findet unter ihnen feine Ingenia, welche mit gutem Verstand und Gedächtniss begabet. Der jetzige Reichs-Canceler in der Gesandten Canzelei Almas Iwanowitz, ist in seiner Jugend einsten in Persien und Türckeyen gewesen hat ihre Sprachen im kurtzer Zeit also begriffen, dass er jetzt mit selbiger Nationen ohne Dolmetsch reden kan».

2) *Adelung*: Kritisch-literärische Uebersicht der Reisenden in Russland. 1846, Band II, 299—300.

3) См. Grammatica Russica. Oxonii. 1696. Praefatio. «Russos etiam nonnullos linguae latinae et germanicae studiosos inveni. Imo patriarchali auctoritate schola erecta est Moscoviae, ubi graeci ludi magistri linguam latinam et graecam docent, ita ut fundamentali Russiae legi disciplinae et studia non adversentur, sicuti a nonnullis traditum est.

говорилъ и по-Латыни и по-Гречески [1]). Дѣти царя Алексѣя Михайловича учились по-Латыни у Симеона Полоцкаго [2]).

Между тѣмъ какъ въ сѣверной половинѣ Россіи незнаніе древнихъ языковъ обратило на себя вниманіе иностранца, въ южной изумляло не иностранцевъ, а природныхъ Русскихъ употребленіе ихъ соотечественниками чужаго, непонятнаго языка. Я говорю о Латинскомъ языкѣ и его общемъ употребленіи въ училищахъ южнаго края Россіи. Тамъ онъ сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова языкомъ воспитанія, и это обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что убѣдительно доказываетъ близкую связь нашу съ Европейскимъ западомъ еще въ теченіе XVII вѣка. Преобладаніе Латинскаго языка, обнаружившееся въ Русскихъ училищахъ, есть общая черта Европейской образованности того времени. Люди, стоявшіе во главѣ образованнаго общества, представители современнаго имъ просвѣщенія, воспитывались сами и утверждали необходимость воспитанія при сильномъ вліяніи Латинскаго языка, на коемъ передавались всѣ познанія, различныхъ родовъ и съ различными цѣлями, отъ элементарныхъ до самыхъ высокихъ и отвлеченныхъ. Изъ множества свидѣтельствъ о взглядѣ на воспитаніе и ученость, господствовавшемъ нѣкогда во всей Европѣ, укажу на два, принадлежащихъ лицамъ, весьма замѣчательнымъ въ исторіи Европейскаго просвѣщенія. Сравненіе этихъ свидѣтельствъ съ современнымъ имъ образомъ воспитанія у насъ покажетъ, что многія черты его въ Россіи и въ другихъ странахъ Европы представляютъ между собою разительное сходство. Монтень, извѣстный Французскій писатель XVI вѣка, самъ разсказываетъ о своемъ воспитаніи въ своихъ «Essais», которые до сихъ поръ считаются учеными Франціи классическимъ произведеніемъ ихъ литературы въ родѣ нравственно-философскомъ. Монтень говоритъ, что отецъ его употреблялъ всѣ усилія, чтобы

---

1) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, составл. *Д. Бантышъ-Каменскимъ*. Часть 2, стр. 51.

2) Ср. статью *Соловьева* о Миллерѣ. Современникъ. 1854. № X., стр. 143, прим. 48.

дать ему самое лучшее, по понятіямъ того времени, воспитаніе. Съ этою цѣлью онъ обращался къ совѣту людей просвѣщенныхъ и глубокомысленныхъ, и общее мнѣніе было то, что если Европейцы XVI вѣка не могутъ достигнуть величія духа и глубины познаній древнихъ Грековъ и Римлянъ, то единственная причина заключается въ медленности и усиліяхъ при изученіи языковъ, знаніе которыхъ не стоило древнимъ ни малѣйшаго труда. Не желая отстать отъ вѣка, отецъ Монтеня послѣдовалъ общему мнѣнію: отдалъ сына еще груднымъ ребенкомъ на руки гувернеру, Нѣмцу, не знавшему ни слова по-Французски, но отлично говорившему по-Латыни; при гувернерѣ было еще два помощника, которымъ вмѣнено въ обязанность говорить съ молодымъ Монтенемъ не иначе, какъ по-Латыни. Первыя слова, слышимыя имъ въ колыбели, были Латинскія; первыя слова, произнесенныя имъ самимъ, были также Латинскія. На седьмомъ году возраста онъ также точно ничего не слыхивалъ о своемъ родномъ языкѣ, какъ и о какомъ-нибудь Арабскомъ. Не только воспитатели, но все семейство Монтеня, отецъ, мать, даже слуги говорили по-Латыни. Отецъ и мать, благодаря воспитанію сына, сами пріобрѣли нѣкоторыя свѣдѣнія въ Латинскомъ языкѣ, а лакеямъ и горничнымъ отданъ былъ строгій приказъ произносить въ присутствіи воспитанника только тѣ слова и фразы, которыя заставляли ихъ заучивать по-Латыни каждый разъ передъ бесѣдою съ ихъ будущимъ владѣльцемъ[1]).

Ученый XVII столѣтія, Даніилъ Моргофъ, въ сочиненіи своемъ «Polyhistor», любопытномъ памятникѣ тогдашнихъ понятій объ исторіи литературы, какъ наукѣ[2]), посвящаетъ особую главу разсмотрѣнію методы преподаванія древнихъ языковъ—

---

1) Les Essais de Michel seigneur de Montaigne. Paris, 1725, t. I, p. 169—170.

2) Энциклопедическій характеръ, отличающій всѣ произведенія учености, не достигшей еще полнаго, отчетливаго опредѣленія сферы каждой науки, выражается въ самомъ названіи труда Моргофа: Polyhistor, sive de notitia auctorum et rerum commentarii, quibus praeterea varia ad *omnes disciplinas* consilia et subsidia proponuntur.

De methodo in linguis, latina praecipue et graeca, discendis tenenda. Въ ней онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ удивительныхъ успѣховъ въ разговорномъ употребленіи языка Латинскаго. Между прочимъ разсказываетъ, что въ Парижѣ привозили четырехлѣтнее дитя, превосходно говорившее по-Латыни и до того возбудившее общее вниманіе, что его, какъ диковинку, представляли даже королю. Это дитя не только быстро объяснялось по-Латыни, но и при самомъ бѣгломъ разговорѣ соблюдало всѣ грамматическія правила до малѣйшихъ тонкостей, никогда не дѣлая ошибки ни въ склоненіяхъ, ни въ спряженіяхъ, ни въ синтаксисѣ. Если говорили при дитяти: *ubi ibis a prandio?* или *conscendere in equo,* оно сейчасъ же поправляло: *quo ibis, conscendere in equum*, и т. п. Основываясь на подобныхъ примѣрахъ, показывающихъ, какъ полагали, что разговорная метода и легче и полнѣе знакомитъ съ чужимъ языкомъ, Моргофъ, какъ и его современники, признавалъ ее наиболѣе полезною и существенно необходимою. Онъ говоритъ положительно, что многіе раздѣляютъ убѣжденіе, что Латинскій языкъ несравненно лучше изучать изъ живаго разговора, нежели изъ книгъ и грамматическихъ учебниковъ. Въ сочиненіи Моргофа упоминается о любопытномъ предложеніи одного писателя Французскому королю учредить цѣлое общество Латинское (civitas latina), въ коемъ бы всѣ безъ исключенія говорили по-Латыни. Моргофъ съ своей стороны находитъ существованіе подобнаго общества весьма возможнымъ, и полагаетъ, что не болѣе 20 лѣтъ нужно для того, чтобы всѣ члены его, даже ремесленники, объяснялись между собою совершенно свободно по-Латыни[1]).

Тѣже вопросы о воспитаніи, которые занимали собою лучшие

---

1) Danielis Georgi Morhofi Polyhistor. Lubecae. 1695. Editio secunda. «In eam cogitationem multi venerunt, ut linguam Latinam e conversatione cum latine loquentibus potius, quam e grammaticis praeceptis et lectione, addiscendam suaserint» (стр. 416). «Non inepte autor ille Regi Galliae suadet, ut talem aliquam Civitatem Latinam instituat, qua sola conversatione Latinam linguam doceantur pueri. Ego sane ipsi plane adstipulor et credo intra 20 annos extrui talem societatem posse, qua omnes etiam opifices latine loquantur» (стр. 420—421).

умы въ Европѣ XVI и XVII в., были предметомъ разсужденія и въ Россіи. При открытіи училищъ опредѣляли, какую науку преподавать на какомъ языкѣ, и, подобно тому, какъ въ западной Европѣ, общее мнѣніе людей образованныхъ отдало преимущество языку Латинскому, въ изученіи коего принято также исключительно практическое направленіе. Въ подтвержденіе этого довольно вспомнить объ учебномъ заведеніи, имѣющемъ такое важное значеніе въ исторіи Русской образованности XVII вѣка, объ Академіи Кіевской. Въ ней, особенно въ періодъ съ 1631 по 1701 годъ, знаніе Латинскаго языка было въ высшей степени распространено. Онъ былъ и языкомъ науки и языкомъ разговорнымъ. На немъ преподавались всѣ учебные предметы, кромѣ катихизиса и Славянской грамматики. По-Латыни же обязаны были говорить воспитанники въ классахъ и внѣ классовъ, дома и на улицѣ, всюду, гдѣ только приходилось имъ встрѣчаться. За ошибку въ Латинскомъ языкѣ или за одно слово, сказанное по-Русски, виновный подвергался самому строгому взысканію. «Можно представить себѣ, говоритъ историкъ Кіевской Академіи, чѣмъ могло казаться сословіе учащихся, коихъ число нерѣдко простиралось отъ 800 до 1000 и болѣе, съ своимъ незнакомымъ языкомъ, для простыхъ гражданъ Кіевскихъ. Въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ это былъ, можно сказать, какой-то особенный народъ посреди народа Русскаго, Русскій по духу и по всему, но не Русскій по слову»[1]). Многіе духовные наши писатели, образовавшіеся въ XVII столѣтіи, писали свои сочиненія на Латинскомъ языкѣ. Его вліяніе простиралось всюду, на всѣ роды и виды литературы; оно проникало и въ обыкновенную переписку, не назначаемую для печати, по дѣламъ общественнымъ и даже домашнимъ. Люди образованные любили красить слогъ своихъ писемъ словами и выраженіями Латинскими, которыя, отъ смѣси ихъ съ Русско-Польскими словами и

---

1) Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха Макарія Булгакова. 1843. стр. 75—76 и 13.

оборотами, придавали слогу самую нехудожественную пестроту. Она, и по своему источнику и по способу проявленія, весьма близка къ позднѣйшему искаженію Русской рѣчи, произшедшему, по выраженію извѣстнаго писателя, отъ смѣси «Французскаго съ Нижегородскимъ». Одинъ изъ ученыхъ XVII вѣка въ подобныхъ выраженіяхъ переписывался съ гетманомъ Мазепою: «Не маетъ быти той соборъ pro legitima Synodo.... Стараемся тыи письма переслати вельможности вашей, але не могли смо на скоромъ часѣ достати. De forma vero consecrationis sacrosanctae evcharistiae не было въ тамъ-томъ (Польск. *tamten*) листѣ жадной взмѣнки и по сей часъ не машъ. Заслышали смо почасти, же коло того мудрствуютъ оныи Греческіи, чили Греко-Латинскіи учителѣ на Москвѣ; алѣ до насъ sevia haec questio non pervenit, а мы, якоже научихомся отъ отецъ нашихъ, тако исповѣдуемъ» [1]). Такая страсть къ Латинскому языку всего вѣрнѣе объясняется сочувствіемъ предковъ нашихъ къ западноевропейской образованности [2]). Метода преподаванія въ Кіевской Академіи и характеръ учебниковъ не остались безъ слѣда въ исторіи нашей теоретической литературы. Литературныя понятія, высказываемыя отъ времени до времени извѣстными писателями XVIII вѣка, напоминаютъ во многомъ теорію, принимаемую учеными Кіевской

---

1) Письмо Кіевопечерскаго архимандрита Варлаама Ясинскаго къ Мазепѣ отъ 26 іюля 1688 г. Оно напечатано въ сочиненіи: «Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій. М. 1849», изд. Московск. Духовн. Акад.—Латинизмы Ясинскаго также дики для Русскаго языка, какъ и галицизмы литераторовъ XVIII вѣка, пытавшихся писать подобнымъ слогомъ: «аманта моя сдѣлала мнѣ инфедилите, а я а ку сюръ противъ риваля своего буду реванжироваться», и т. д. Ср. Сумарокова. Сочиненія. Ч. IX, стр. 244 и слѣд.

2) Исторія Кіевской Академіи, іеромонаха Макарія Булгакова. 1843. стр. 76. Патріархъ Паисій въ граматѣ своей говоритъ, что Латинскій языкъ нуженъ Русскимъ потому, что они живутъ между Латинами. Сильвестръ Коссовъ доказываетъ необходимость его Русскимъ для совѣщанія на сеймахъ, куда обязаны были являться жившіе подъ Польскимъ владѣніемъ. Но авторъ Исторіи Академіи весьма справедливо признаетъ главною причиною возвышенія Латинскаго языка въ Кіевской Коллегіи то, что уваженіе къ Латинскому языку было тогда общее во всѣхъ Европейскихъ училищахъ, и отличное знаніе его почиталось необходимою потребностью образованнаго человѣка.

Академіи. Самая форма—языкъ преподаванія упорно держался въ нѣкоторыхъ училищахъ, стремившихся подражать своему первообразу. Вѣроятно, это же процвѣтаніе Латинскаго языка въ *духовномъ* училищѣ Кіева послужило источникомъ одному изъ общественныхъ предразсудковъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, состоявшему въ томъ, что учиться Латинскому языку считали необходимымъ только для того, кто назначалъ себя въ духовное званіе [1]). Предразсудокъ этотъ самъ по себѣ можетъ казаться страннымъ для народа, который никогда не принималъ католичества, и у котораго духовенство вовсе не нуждалось въ Латинскомъ языкѣ для богослуженія.

Отъ языковъ древняго міра обращаемся къ языку отечественному, знаніе коего составляло, какъ мы сказали, прямую потребность древне-Русской образованности. Здѣсь прежде всего привлекаетъ вниманіе непрерывная послѣдовательность въ употребленіи, устномъ и письменномъ, предками нашими своего роднаго языка. Всѣ оригинальныя произведенія писались исключительно по-Русски до XVI и XVII в., когда Русскіе авторы писали и по-Русски, и по-Латыни, и по-Польски. Въ древній же періодъ литературнымъ языкомъ постоянно оставался Русскій; даже иностранцы, жившіе и писавшіе въ Россіи, выбирали Русскій языкъ орудіемъ своей литературной дѣятельности, начиная отъ митрополита Никифора въ XII вѣкѣ и до Максима Грека.

1) Предубѣжденіе касательно Латинскаго языка замѣчено и литературою принимающею въ себя многія живыя черты современности. Въ комедіи Фонъ-Визина «Выборъ гувернера» происходитъ между дѣйствующими лицами слѣдующій разговоръ:

Князь: Чему жъ вы сына моего учить хотѣли? Какимъ чужестраннымъ языкамъ?

Нельстецовъ: Начну съ Латинскаго.

Княгиня: Да развѣ ему попомъ быть?

Нельстецовъ: А развѣ Латинскій языкъ для поповъ только годенъ?

Князь: Я не знаю, для чего сыну княжескому учиться по-Латыни.

(Дѣйствіе 3, явленіе 3).

Самые переводы, столь многочисленные въ древней нашей литературѣ, подтверждая знакомство съ языкомъ подлинника, доказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ общее стремленіе читать на своемъ языкѣ произведенія, наиболѣе удовлетворявшія вкусу того времени. Переводы ходили во множествѣ списковъ, а это одно говоритъ уже о большомъ числѣ читателей, и всѣ идеи, получаемыя ими при чтеніи, являлись въ формѣ знакомой имъ рѣчи, были выражены языкомь понятнымъ. Тоже самое извѣстіе лѣтописи, которое мы привели выше (П. с. р. лпсей I, 65), о переводѣ книгъ съ Греческаго языка, показываетъ, что большинство читателей пользовалось ими въ Русскомъ переводѣ: «и списаша книгы многы, и списка имиже *поучащеся* вѣрніи людье, *наслажаются* ученья божественнаго». Слѣдовательно и урокъ и наслажденіе находили въ чтеніи преимущественно на родномъ языкѣ; на немъ же подавали благой совѣтъ и утѣшеніе, возбуждали надежду, сообщали познанія. Любовь къ родному слову поддерживалась расположеніемъ къ умственному труду, къ «ученью книжному», по выраженію лѣтописи. Тѣмъ сильнѣе была взаимная связь мысли и слова, что пріобрѣтенныя кѣмъ-либо свѣдѣнія не оставались въ немъ безплодными, а составляли, такъ сказать, общее достояніе его современниковъ, прибѣгавшихъ къ совѣту людей извѣстныхъ по начитанности и готовыхъ дѣлиться своими знаніями и опытностью. Въ концѣ X столѣтія сдѣлана у насъ первая и рѣшительная попытка водворить ученіе книжное, и не смотря на то, что ее встрѣтили со слезами люди стараго поколѣнія, въ поколѣніи новомъ она нашла живое и дѣятельное сочувствіе. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство Русскаго писателя XI вѣка, митрополита Иларіона, воспитанника, по всей вѣроятности, того училища, которое открыто въ Кіевѣ при Св. Владимірѣ. Въ высшей степени замѣчательно слѣдующее обращеніе Иларіона къ своимъ слушателямъ или читателямъ: «излагать въ семъ писаніи проповѣдь Пророковъ о Христѣ и ученіе Апостоловъ о будущемъ вѣкѣ было бы излишне и клонилось бы къ тщеславію. Ибо, что *писано въ другихъ кни-*

гахъ и вамъ уже извѣстно, о томъ предлагать здѣсь было бы признакомъ дерзости и славолюбія. *Мы пишемъ не для незнающихъ, а для насытившихся съ избыткомъ книжною сладостію*»[1]). Если уже въ XI вѣкѣ были между Русскими люди, до того начитанные, что для бесѣды съ ними требовалось строгаго выбора предметовъ, которые могли бы дѣйствовать на нихъ и новостью и убѣдительностью, то еще большихъ успѣховъ можно было ожидать отъ вѣковъ послѣдующихъ, когда ученіе книжное входило все болѣе и болѣе въ потребность народнаго быта. Прочитавъ Иларіона, невольно вѣришь задушевности словъ другаго древняго писателя Русскаго, Кирилла Туровскаго: «сладко медвенъ сотъ и добро есть сахаръ, обоегоже добрѣе книжный разумъ»[2]). Какъ Иларіонъ и Кириллъ передавали соотечественникамъ свои убѣжденія на родномъ языкѣ, такъ поступали и всѣ послѣдующіе писатели и вообще люди образованные. Но какъ понимать эту образованность, орудіемъ которой былъ нашъ языкъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и которая неизбѣжно должна была положить печать свою на его историческую судьбу? Къ чему она стремилась и въ чемъ сосредоточивались ея интересы? Источникомъ ея служило Св. Писаніе, изъ него заимствовала и имъ подкрѣпляла она свои убѣжденія; представители ея смотрѣли на жизнь и людей преимущественно съ религіозной точки зрѣнія. Какое же значеніе имѣетъ подобная образованность?... Не считая себя въ правѣ произнести рѣшительный приговоръ въ столь важномъ вопросѣ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что характеръ древнерусской образованности соотвѣтствуетъ характеру общеевропейской образованности въ средніе вѣка. Значеніе послѣдней въ нравственномъ развитіи народовъ

---

1) Прибавл. къ твореніямъ Св. Отцевъ. Часть 2. 1844. «А еже поминати въ писаніи семъ и пророческаа проповѣданіа о Христѣ, и апостольскаа ученіа о будущемъ вѣцѣ, то излиха есть и на тщеславіе скланяяся. Иже бо въ инѣхъ книгахъ писано и вамъ вѣдомо, тіи здѣ положити, то дръзости образъ есть и славохотію. Не къ невѣдущимъ бо пишетъ, но преизлиха насыщшемся сладости книжныя». Стр. 225 и 257—258.

2) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. стр. 133.

опредѣлительно указано Гизо въ его исторіи Европейской цивилизаціи. «Умственное и нравственное развитіе Европы, говоритъ этотъ писатель, есть въ сущности богословское (théologique). Пробѣгите исторію съ V и до XVI вѣка: богословіе (théologie) правитъ мыслію человѣческою, всѣ мнѣнія носятъ печать богословія; вопросы философскіе, политическіе, историческіе разсматриваются постоянно съ точки зрѣнія богословской. Богословскій духъ былъ, такъ сказать, кровію, которая текла въ жилахъ Европейскаго міра. И это вліяніе было благодѣтельно. Оно не только поддержало и оплодотворило умственное движеніе въ Европѣ; но система ученія и началъ, во имя коихъ оно дѣйствовало, неизмѣримо превышало все то, что когда-либо извѣстно было древнему міру. Въ немъ, въ этомъ вліяніи, былъ залогъ движенія и успѣховъ»[1]). То, что сознано и объяснено современною наукою, таилось, какъ безотчетное предчувствіе истины, въ убѣжденіи средневѣковыхъ Европейцовъ. Еще въ XII в. говорили въ Европѣ: «на сколько люди вообще превосходятъ безсловесныхъ, на столько люди книжные свѣтскихъ»[2]). Слѣдовательно понятія: люди книжные (les lettrés) и люди духовнаго званія были тожественны. Въ этомъ всего яснѣе выражается и духъ средневѣковой литературы и понятіе о призваніи исключительно духовнаго сословія къ занятіямъ литературнымъ. Различеніе, хотя не столь рѣзкое, духовныхъ отъ мірянъ по степени образованности замѣчается и у насъ, какъ можно судить по названію *вѣжа*, усвоиваемому духовнымъ въ отличіе отъ людей некнижныхъ, называемыхъ *невѣжами*. Въ одномъ изъ поученій, помѣщенныхъ въ «Златой Цѣпи», говорится о страшной отвѣтственности приступающихъ къ св. причащенію держа гнѣвъ на кого-либо: «Аще ли есть *вѣжа* али невѣжа, рекше дьꙗкъ или чтець, или чернець или ерѣи, ѡ горе и горе таковꙑмъ и прагорѣе всѣ грѣшнꙑх» (л. 76 об.—77 об.). Въ другомъ спискѣ по-

1) *Guizot*, Histoire de la civilisation en Europe. 6 leçon. 1851, стр. 151—152.

2) Эти слова принадлежатъ Николаю Клервоскому (Nicolas de Clairvaux), ученику и секретарю Св. Бернарда, умершему въ 1180 году.

ученія это мѣсто читается такъ: «аще ли невѣжа есть, или попъ, или епкпъ, или чернецъ, или діакъ—ѡ горѣ таковымъ» [1]). Здѣсь понятіе *невѣжа* противополагается понятіямъ: попъ, епископъ, чернецъ, дьякъ; въ первомъ случаѣ *рекше* очевидно относится къ *вѣжа*, а слово невѣжа оставлено безъ поясненія, имѣя одинаковый смыслъ съ словомъ *простецъ*, *простая чадь*, и т. п. Въ той же рукописи, въ словѣ Христолюбца, указывается положительно, кому принадлежитъ названіе *вѣжа:* «не токмо же то творѧть невѣжи, но и *вѣжи: попове* и *книжници*».—Что касается до призванія духовныхъ лицъ къ дѣлу книжному, къ просвѣщенію, то мысль объ этомъ была у насъ въ древности господствовавшею. Книга была необходимою принадлежность быта духовнаго лица. Даже строгія аскетическія правила, предписывавшія совершенную нищету, не только дозволяли, но даже ставили въ обязанность инокамъ имѣть книги. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ требованіе нищеты простиралось до такой степени, что никто изъ монаховъ не имѣлъ права держать въ келіи ничего, ни даже хлѣба и воды; но книги были и должны были быть у всѣхъ и каждаго. Въ жизнеописаніи Св. Кирилла Бѣлозерскаго сказано, что онъ «в келіи ничтоже не веляше имѣти, ниже своимъ звати.... хлѣб же или вода или ино что каково в келіи никакоже обрѣташа, кромѣ еже руки умыти. *Аще ли кто к тому пріити случишеся, ничтоже бяше въ келіи видѣти, развѣ иконы и книги»* [2]). Если обратить вниманіе на подобные факты и принять въ соображеніе общую судьбу Европейской образованности, то въ надлежащемъ свѣтѣ явится вопросъ о направленіи древнерусской письменной словесности и о томъ, что представители ея были преимущественно лица духовныя.

Впрочемъ мы коснулись вопроса объ образованности только по связи его съ выраженіемъ усвоенныхъ ею идей на извѣстномъ, *общедоступномъ* языкѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно,

---

1) Сборникъ XVI в. въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, № 39, л. 43—44.

2) Сборникъ Троицко-Сергіевской Лавры, № 31, л. 297 об.

что при извѣстіи о человѣкѣ *образованномъ*, въ лѣтописи обыкновенно упоминается о его поучительныхъ *бесѣдахъ* въ кругу людей, дорожившихъ разумнымъ словомъ. О митрополитѣ Іоаннѣ говорится: «бысть мужъ *хытръ книгамъ и ученью*, *ласковъ* же ко всякому богату и убогу, книгами святыми *утѣшая печальныя*». О Ростовскомъ епископѣ Пахоміи: «бѣ избранникъ Божій, *ласковъ* ко всякому убогому, *исполненъ книжнаго ученья*, всѣми дѣлы *утѣшая* печальныя»[1]), и т. д., и т. д. Подобныя извѣстія указываютъ на образъ пониманія предками нашими достоинства и назначенія знаній. Едва ли мы подвергнемъ себя упреку въ произвольномъ примѣненіи, если скажемъ, что во взглядѣ на нравственно-религіозное образованіе, господствовавшемъ въ древней Руси, представляется сходство съ воззрѣніемъ одного изъ великихъ христіанскихъ мыслителей, на творенія коего не ссылается рѣдкій изъ древнихъ писателей нашихъ. «Когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, говоритъ онъ, то хотя духъ мой и молится, но умъ остается безъ плода. Лучше хочу сказать пять словъ, чтобъ и *другихъ наставить*, нежели тьму словъ на *незнакомомъ* языкѣ»[2]).—Характеръ знаній въ древній періодъ нашего быта былъ одинъ и тотъ же и для духовнаго сословія и

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 89 и 185—187.

2) 1-е посл. къ Коринѳянамъ. XIV, 14 и 19.—О сочувствіи предковъ нашихъ къ произведеніямъ апостола Павла свидѣтельствуетъ одинъ изъ духовныхъ писателей нашихъ XV вѣка. «Егда въ святѣй церкви, говоритъ митрополитъ Ѳеодосій, начнется о Павлѣ бесѣда, како отвсюду, яко же пчелы на събраніе цвѣтовъ отвсюду, стичются иже надъ властьми, иже подъ властьми, богатіи и нищіи, мудріи и немудріи, многоученіи и малоученіи, съ просители готовословци, иже въ видѣніи и дѣяніи, иже высокаго священникъ сана, иже иночьскаго чина мужіе и жены, всякъ възрастъ, вси чюдятся мужа премудрости». Примѣнимость ученія великаго апостола къ духовнымъ нуждамъ всѣхъ и каждаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ его непостижимая глубина изображаются весьма нагляднымъ сравненіемъ. «Яко же глубока нѣкая вода—продолжаетъ нашъ писатель—всѣмъ на всяку потребу предлежить, еще пити, еже варити, еже изъмыватися, еже сады напаати, еже плавати, еже рыбы ловити, глубина же тоя никому же вѣдома есть. Тако и Павловы словеса всякому виду добродѣтели слышащихъ учитъ, высотою же и разумомъ всѣхъ превъсходя». (Рпсь XV в., принадл. г. Ундольскому. См. Извѣстія 2-го Отдѣлен. Академіи Наукъ. Т. 2. 1853, стр. 327).

для свѣтскаго, и для высшаго и нисшаго классовъ, и для обоихъ половъ. И всюду равно употреблялся одинъ и тотъ же языкъ, бывшій единственнымъ выразителемъ мысли для всѣхъ и каждаго. О просвѣщеніи и дарованіяхъ свѣтскихъ людей лѣтописцы отзываются почти въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и о лицахъ духовныхъ. Всѣ отзывы ихъ въ родѣ слѣдующаго о князѣ Василькѣ: «бѣ же *сердцемъ легокъ*, до бояръ *ласковъ;* мужьство и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; бѣ бо *всему хытръ и гораздо умья*» и пр.[1]). Люди высшаго класса, сильные міра сего «прилежно требуютъ книжнаго почитанія», говоритъ Кириллъ Туровскій, и онъ же запятіе книжнымъ дѣломъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ сословіямъ безъ исключенія: «молю вы, потщитеся прилежно почитати святыя книгы»[2]). Какъ ни скудны извѣстія объ участіи женщинъ въ общественномъ развитіи древней Руси, но и по нѣкоторымъ замѣткамъ, сообщеннымъ вскользь, видно, что условія образованности были одинаковыя для женщинъ, какъ и для мужчинъ. О княжнѣ Евфросиніи Полоцкой сохранилось преданіе, что она нѣсколько времени жила при церкви и занималась списываніемъ книгъ, какъ занимались имъ и многіе епископы и князья. Княгиня Верхуслава, дочь Всеволода III, принимала самое живое участіе въ судьбѣ двухъ современныхъ ей писателей, Симона и Поликарпа[3]), а это показываетъ сочувствіе княгини къ ихъ литературной дѣятельности. Женщина воспитывала князя Михаила Ярославича Тверскаго, и въ данномъ ему образованіи естественно выразился вкусъ воспитательницы. Михаилъ Ярославичъ былъ сынъ великой княгини Ксеніи, и премудрая мать, говоритъ лѣтописецъ, воспитала его въ страхѣ Господнемъ, «и научи святымъ книгамъ и всякой

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 199.

2) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. 132—133.

3) Въ посланіи къ Поликарпу, по рукописи Синодальн. библ. № 163, Симонъ говоритъ: «пишеть же ми книги (письмо) княгиня Ростиславля, Верхуслава: *аще ми и тысяща сребра расточити тебе ради и Поликарпа ради*». Ср. Истор. Государства Россійскаго. III, примѣч. 171.

премудрости»[1]). Святыя книги являются у насъ на общепонятномъ языкѣ еще со временъ Св. Владиміра, а потому на этомъ языкѣ преподавалась и «всякая книжная премудрость». Не только исторія, даже поэзія народная сохранила воспоминаніе о томъ, что когда-то всѣ Русскіе дѣлились мыслію и чувствомъ только на родномъ языкѣ. Въ одной изъ былинъ про времена Владиміра разсказывается о его желаніи найти себѣ невѣсту. Владиміръ былъ идеаломъ народной поэзіи, и выборъ его долженъ былъ отвѣчать его высокимъ достоинствамъ, по понятію о нихъ народа. Требованія свои Владиміръ выражаетъ въ былинѣ такъ[2]):

вы ишшите мнѣ невѣстушку хорошую,
вы хорошую и пригожую,
што бъ лицомъ красна и умомъ сверстна,
што бъ *умѣла Рускую грамоту*
и четью-пѣтью церковному,
што бы было ково назвать вамъ матушкой,
величать бы государыней.

И князю нашли невѣсту, «что и Русскую умѣетъ больно грамоту, и четью-пѣтью горазда церковному». Въ этихъ словахъ, удержанныхъ памятью народа, мы въ правѣ видѣть черту минувшаго быта, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой, напримѣръ, можемъ судить о требованіяхъ свѣтской образованности въ началѣ XIX вѣка по отзыву Пушкина о своемъ героѣ: «онъ *по-Французски* совершенно могъ изъясняться и писалъ», и т. п.

Всѣ приведенные мною факты указываютъ на употребленіе людьми образованными общепонятнаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается нѣкоторая связь его, какъ орудія знаній, съ чтеніемъ святыхъ книгъ, а какъ Св. Писаніе переведено на Церковно-Славянскій языкъ, то возникаетъ вопросъ объ отношеніи

---

1) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. V, 207.

2) Памятники и и образцы народнаго языка и словесности, издаваемые при Извѣстіяхъ 2-го Отдѣл. Академіи Наукъ. Томъ I, стр. 82.

этого языка къ Русскому. Рѣшеніемъ его объяснится и то, какое участіе имѣлъ собственно Русскій языкъ въ судьбахъ нашей древней образованности. Мнѣнія о Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкахъ, существующія и существовавшія въ нашей литературѣ, довольно разнообразны. Нѣкоторые считали Славянскій языкъ единственнымъ языкомъ нашей древней литературы, употреблявшимся на счетъ Русскаго не только книжнаго, но даже и разговорнаго. Другое, не столь рѣшительное, мнѣніе ставило эти языки въ отношеніе не подчиненности, а взаимнаго дѣйствія, оставляя за церковнымъ преимущество языка письменнаго, и полагая, что Русскій хранился только въ разговорѣ и пѣснѣ. Наконецъ Русскому языку возвращены его права, хотя и не отвергнуто его близкое отношеніе съ Церковно-Славянскимъ. Было нѣкогда въ ходу такого рода мнѣніе: Греки, переводя священныя книги на Русскій языкъ, образовали его по грамматикѣ и синтаксису своего древняго классическаго языка, и составили книжный или церковный языкъ. Духовенство и высшій классъ народа употребляли книжно-Славянскій языкъ не только въ письмѣ, но и въ разговорахъ, по крайней мѣрѣ до вѣры относящихся; простолюдины подражали симъ двумъ высшимъ государственнымъ сословіямъ[1]). Въ другомъ свѣтѣ долженъ былъ явиться вопросъ, когда древній языкъ нашъ подвергли основательному изученію, въ особенности когда утвердилось историческое направленіе, такъ превосходно начатое Востоковымъ, и изученіе Славянскихъ нарѣчій положило твердую основу Русской филологіи. Самостоятельность двухъ родственныхъ языковъ перестала возбуждать сомнѣніе. Впрочемъ нѣкоторые изъ филологовъ остаются при мысли, что памятники Русскаго языка являются никакъ не ранѣе XIII столѣтія; всѣ же предшествовавшія произведенія Русской литературы писаны по Церковно-Славянски[2]). Почти въ одно время съ этимъ мнѣніемъ

---

1) О подлинности Слова о Полку Игоревѣ. *С. Руссова.* 1834, стр. 6—7.

2) Ломоносовъ въ исторіи Русской литературы и Русскаго языка. *К. Аксакова,* стр. 161 и др. Положеніе VI.

высказано другое, совершенно-противоположное, по которому не только наши лѣтописи, или Русская Правда, или Слово о Полку Игоревѣ, но и творенія Кирилла Туровскаго входятъ не только въ исторію Русской словесности, но и въ исторію Русскаго языка[1]). Въ филологическомъ изслѣдованіи, излагающемъ историческій ходъ Русскаго языка въ связи съ нарѣчіями соплеменными, признается несомнѣннымъ, что до XIII вѣка языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же, и уже въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ[2]). Одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей современной филологіи, посвятившій свою дѣятельность преимущественно изслѣдованію Церковно-Славянскаго языка, высказалъ слѣдующее убѣжденіе: «Несправедливо было бы утверждать, что каждая старая форма есть форма Церковно-Словянская, потому именно, что она не находится въ Русскомъ языкѣ. Понятіе, слѣдственно, о вліяніи Церковно-Словянскаго языка на Русскій смѣшиваетъ два начала—Древне-Словянскій и Древній Русскій и едва ли не будетъ справедливѣе признать въ развитіи языка нашего, вмѣсто вліянія Церковно-Словянскаго языка, постепенное изчезаніе старыхъ и возниканіе новыхъ формъ». Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчаніе о связи Церковно-Славянскаго языка съ судьбами нашей образованности. «Въ исторіи нашего просвѣщенія—говоритъ онъ—не столько важенъ вопросъ о вліяніи Церковно-Словянскаго языка на Русскій, сколько обратно—вліяніе Русскаго на Церковно-Словянскій. Внесенный вмѣстѣ съ св. книгами, онъ примѣнялся къ народному выговору, упрощивалъ свой составъ, но не принимая въ себя ничего, что рознитъ Русскія нарѣчія, усвоилъ то, что ихъ соединяетъ. Дѣйствительно, въ немъ есть много Русскаго, но ничего Мало-Россійскаго, ничего

1) Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка. *М. Каткова*, стр. 216—217.

2) Мысли объ исторіи Русскаго языка. *И. Срезневскаго*, стр. 95—96.

Велико-Русскаго, ничего Бѣло-Русскаго. Онъ былъ связью племенъ, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи»[1]).

Не входя въ неумѣстное въ настоящемъ случаѣ разсмотрѣніе съ точки зрѣнія современной филологіи вопроса о взаимномъ вліяніи Церковно-Славянскаго и Русскаго языковъ, мы желали бы указать, какъ сами древніе писатели наши понимали свойства литературнаго языка. По всѣмъ соображеніямъ *Русскій* языкъ и *Славянскій* не представлялись въ сознаніи предковъ нашихъ двумя различными языками. Еще Несторъ говоритъ, что «*Славянскій* народъ и *Русскій* одинъ и тотъ же, и прозванъ *Русскимъ* отъ Варяговъ: Поляне получили особое названіе, потому что жили въ поляхъ, рѣчь же, *языкъ* ихъ былъ *тотъ же Славянскій*»[2]). Слѣдовательно, онъ признаетъ, что слова *Славянскій* и *Русскій* значатъ тоже самое, только первое слово—наше туземное, послѣднее—пришлое, варяжское. Есть извѣстіе, что Св. Константинъ, первоучитель Славянскій, нашелъ въ городѣ Корсуни Евангеліе и Псалтирь «*росьскы писмены* писано» и человѣка говорившаго по-Русски[3]). Несторъ же говоритъ, что при Ярославѣ переводили «отъ Грекъ на *словѣньское письмо*»: по всей вѣроятности языкъ обоихъ переводовъ принадлежалъ одному и томо же Славянскому племени. Со временъ Нестора и въ послѣдующіе вѣка слова *Русскій* и *Славянскій* употреблялись одно вмѣсто другаго. Максимъ Грекъ, дѣлая замѣчанія о правильнѣйшемъ переводѣ Св. Писанія и обвиняя позднѣйшихъ книжниковъ, отдаетъ справедливость древнѣйшимъ «приснопамятнымъ преводникомъ святыхъ писаній отъ Греческаго языка на *Рускый*»[4]). Въ старинныхъ «азбуковникахъ» читаемъ: «въ нашихъ *Словенскаго языка* книгахъ многи рѣчи *намъ Славяномъ* неудобь разумни обретаются, ихъ же не удоволишася или не потщашася

---

1) Статьи, касающіяся Древняго Словянскаго языка. *В. Григоровича.* Казань. 1852, стр. 14—15.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. I, 12.

3) Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона, соч. *С. Палаузова*, стр. 64.

4) Въ словѣ «о исправленіи книжномъ».

на *Руски языкъ* преложити». Редакція этихъ словарей относится къ XVI и XVII в., и въ употребленіи словъ: *Русскій* и *Славянскій* нѣтъ разницы отъ памятниковъ XI вѣка. Тожество языковъ Славянскаго и Русскаго признавалось не только Русскими, но и другими Славянами. Въ Сербіи было въ XV столѣтіи мнѣніе, что Св. Писаніе первоначально переведено на «Русскій тончайшій» языкъ [1]). Но если не было разницы въ названіи, то, быть можетъ, въ самомъ употребленіи люди книжные *съ намѣреніемъ* избирали языкъ церковный, писали по-Церковно-Славянски, между тѣмъ какъ массы говорили по-Русски. Такое мнѣніе, какъ извѣстно, не новость въ нашей литературѣ. Что между Русскими авторами были писавшіе по-Церковно-Славянски, это не подлежитъ сомнѣнію. Исторія Церковнаго языка тѣсно связана съ исторіею Русской письменности; различные періоды Церковно-Славянскаго языка имѣли въ Россіи представителей. Но мы имѣемъ здѣсь въ виду большинство писателей и ихъ личный взглядъ на языкъ, которымъ они писали. Насколько можно уловить этотъ взглядъ въ древнихъ памятникахъ, онъ показываетъ намъ, что исключительное употребленіе церковнаго языка на счетъ Русскаго вовсе не входило въ намѣреніе нашихъ древнихъ писателей. Занимаясь трудомъ литературнымъ, они далеки были отъ мысли придать языку изысканную форму, непохожую на ту, которая являлась невольно, по самому духу языка, въ живомъ говорѣ народа. Самое направленіе литературы преимущественно *поучительное* и связанная съ нимъ необходимость быть общепонятнымъ предохраняли писателей отъ исключительности. Желаніе объяснить какую-либо истину или событіе составляло одно изъ условій, а весьма часто и главную цѣль литературнаго труда. При этой цѣли нельзя было не стараться передать мысль въ формѣ наиболѣе общедоступной, и стремленіе къ общедоступности выраженія замѣчаемъ дѣйстви-

---

1) Статьи, касающіяся Древняго Словянскаго языка. *В. Григоровича*, стр. 11.

тельно у многихъ изъ нашихъ писателей. Если слово, употребленное въ поученіи, считали не для всѣхъ понятнымъ, то вслѣдъ за нимъ предлагали и объясненіе. Въ словѣ о страхѣ Божіемъ за увѣщаніемъ: «потщимся вѣчныхъ избыти мукъ *нелицемтърною* любовію» слѣдуетъ объясненіе: «Сіе же *лицемтърство* нарицается, иже богатых дѣля стыдятся, аще неправду дѣют, а сироты озлобляти»[1]). Въ поученіи, помѣщенномъ въ Златой Цѣпи (л. 43 об.—45), такъ объясняется слово *враги*: «Миръ держите не только съ любовникы, но и со *враги* своими: вѣдомо же свои *врази* намъ то сут, аще ли кто кому сна (= сына) или брат зарѣзалъ» и т. п. Тѣмъ не менѣе, такъ называемые, книжный и разговорный языки представляли между собою явственное различіе. Оно зависѣло отъ характера современной образованности и ея выразительницы—литературы. Сосредоточиваясь на предметахъ религіозныхъ, мысль писателя оставалась въ высшей сферѣ умственной дѣятельности, была иначе настроена, нежели мысль человѣка, думавшаго о житейскомъ благосостояніи, или о борьбѣ и добычѣ, о пирахъ, и т. п. Различіе въ настроеніи мысли не могло не обнаружиться въ различіи слова, и дѣйствительно выразилось, но только не употребленіемъ двухъ различныхъ, хотя и соплеменныхъ языковъ, а въ образованіи двоякаго слога одного и того же языка. Что такое явленіе было рѣшительно неизбѣжно въ исторіи нашего языка, всего лучше доказывается многими новѣйшими попытками сдѣлать народныя нарѣчія литературными. Чѣмъ болѣе авторы переходили въ область предметовъ отвлеченныхъ, тѣмъ болѣе ихъ книжный слогъ отходилъ отъ разговорнаго. Что же касается до древнихъ нашихъ писателей, то они имѣли свои понятія о красотѣ и приличіи слога, и, руководствуясь ими, заботились о достоинствѣ образовъ и выраженій, не допуская ничего плоскаго и тривіальнаго. Выборъ ихъ, часто довольно строгій, имѣлъ одну цѣль—сохранить

---

1) Златоустъ. Рукопись Московской Духовной Академіи, XVI в., полуставъ, л. 54.

въ выраженіи достоинство выражаемой идеи. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ доказательства, представляемыя произведеніями древнихъ нашихъ писателей. Изъ нихъ одинъ принадлежитъ почти къ началу нашей древней словесности, другой завершаетъ ее своими твореніями. Съ намѣреніемъ выбираемъ два крайніе предѣла, чтобъ очевиднѣе было сходство во взглядѣ на разсматриваемый предметъ до самаго исхода древняго періода. Достопамятный витія нашъ XII вѣка, Кириллъ Туровскій, бесѣдуя о взаимномъ отношеніи души и тѣла, видимо стремился такой высокій предметъ объяснить самымъ доступнымъ образомъ. Но здѣсь встрѣтилось ему затрудненіе. Высокость идеи требовала избѣгать напоминанія о предметахъ ежедневнаго быта, между коими есть и тривіальные. Существенная же цѣль бесѣды, сообщеніе идеи слушателямъ, заставляла прибѣгать именно къ этимъ предметамъ. Нашъ авторъ уступилъ послѣднему требованію, провелъ по всему слову образъ, взятый изъ ежедневной жизни, и только просилъ простить ему этотъ образъ, чѣмъ и выразилось его уваженіе къ идеѣ. Его литературные пріемы весьма любопытны, какъ черта вѣка. Онъ сравниваетъ душу и тѣло, различнымъ образомъ подвигающіе человѣка на грѣхъ, съ хромымъ и слѣпымъ, приставленными къ саду для сбереженія плодовъ, и склоняющими другъ друга къ нарушенію данной имъ обязанности. «Однажды, говоритъ онъ, слѣпой спросилъ у хромаго: что за пріятный запахъ долетаетъ ко мнѣ? Хромой отвѣчалъ: много прекрасныхъ плодовъ у господина нашего; сладость вкуса ихъ нельзя и разсказать словами. Но онъ себѣ на умѣ: приставилъ тебя слѣпаго, а меня хромаго, чтобы мы не могли пойти и насытиться «благынь» его. Слѣпой ему въ отвѣтъ: зачѣмъ же ты прежде не сказалъ мнѣ объ этомъ, и мы похитили бы данное въ наше распоряженіе. Хоть я и слѣпъ; но имѣю ноги и силу, могу понести тебя и другую ношу.... Если меня спроситъ господинъ о покражѣ, я скажу: ты же знаешь, что я слѣпъ; если тебя, скажи: я хромой и не могу туда дойти. И такъ перехитримъ своего господина и получимъ свою плату. Хромой сѣлъ

на слѣпаго, пришли и обокрали все, что было внутри». Сказавши это, авторъ счелъ нужнымъ обратиться къ слушателямъ съ слѣдующимъ извиненіемъ: «не обвиняйте меня, братія, въ грубомъ способѣ, какимъ объясняю я Св. Писаніе. Какъ птица, когда ноги ея завязли, не можетъ взлетѣть на высоту воздушную, такъ и мнѣ, увязшему въ тѣлесныхъ похотяхъ, невозможно бесѣдовать о духовномъ: не слагаются слова грѣшника, не имѣя влаги Св. Духа»[1]). Эта оговорка доказываетъ, что ораторъ былъ самъ нѣсколько озадаченъ употребленнымъ имъ сравненіемъ. Его смутила, видимо, не тривіальность словъ, а тривіальность самой картины: воображенію представился видъ калѣки, сѣвшаго верхомъ на слѣпца. Слѣдовательно не слово, а предметъ казался неприличнымъ, и предметами-то собственно, а не словами оскорблялся вкусъ и позднѣйшихъ писателей. Но такъ какъ предметъ и его названіе тѣсно связаны между собою, то мало по малу замѣненіе словъ общенародныхъ Церковно-Славянскими входило въ обычай, усилившійся къ концу древняго періода. Что этотъ обычай не скоро вытѣснилъ древнее употребленіе, доказываетъ примѣръ писателя, заключающаго, какъ мы сказали, рядъ древ-

---

1) Памятники Россійской Словесности XII в. «Сѣдящема же има етеро время, рече слѣпець къ хромцю: что се убо благоуханіе извнутрьюду вратъ полетаетъ на мя? Отвѣща хромьць: многа благая господина наю внутрь суть, ихъ же вкушенія неизреченна сладость; но понеже премудръ есть наю господинъ, и посади тебе слѣпа, мене же хромаго, и не можевѣ никакоже тѣхъ доити, и насытитися благынь. Отвѣща слѣпецъ: да почто сего нѣси ми повѣдалъ прежде, да быховѣ не жадала, нъ къ симь данымъ намь въ область, да она быхомъ собѣ въсхитили? Аще бо азъ слѣпъ есмь, но имамъ нозѣ и силенъ есмь, могій носити тебе и бремя... И тако упремудривѣ господина наю... Вьсѣдъ же хромець на слѣпъца, и дошедша окрадоста вся внутренняя благаа господина своего. Но не своюйта, братіе, на мою грубость, нелѣпо (т. е. некрасиво, неискусно, неизящно) образъ писанія поставляющю ми, якоже и по ногу вязаща птица нѣсть мощно възлетѣти на аерьскую высоту, сице и мнѣ, въ тѣлесныхъ вязящему похотехъ, невъзможно о духовныхъ бесѣдовати, не слагаетьбося грѣшница словеса, не имуще влагы Святаго Духа», стр. 139—141. Въ самомъ языкѣ, даже судя по этому краткому отрывку, много руссизмовъ; не говоря о формахъ, общихъ древне-Русскому языку съ Церковно-Славянскимъ, какъ неопредѣленное наклоненіе на *и*, двойственное число и т. п.: *доити, можевѣ* и проч., много чистыхъ руссизмовъ: *собѣ*, *хромцю*, *жадати* и проч.

нихъ писателей нашихъ. Я говорю о Св. Димитріи (1651—1709). Въ розыскѣ о Брынскомъ расколѣ, онъ высказываетъ въ предисловіи свои понятія о различіи слога по разности предметовъ. Авторъ проситъ читателей не удивляться въ его книгѣ *просторѣчію* и *некрасному сочиненію*, оправдывая себя тѣмъ, что писалъ для *самыхъ препростыхъ* людей. При этомъ указываетъ на примѣръ Златоуста и самого Спасителя. Одинъ разъ, говоритъ онъ, когда Златоустъ училъ въ церкви, женщина воззвала къ нему: учитель духовный! глубокъ колодезь твоего ученья, а верви ума моего слишкомъ коротки, чтобы почерпнуть изъ такого глубокаго колодезя. Съ тѣхъ поръ ораторъ отложилъ *риторствованіе* и держался *просторѣчія*. Самъ Христосъ, бесѣдуя съ людьми книжными, простиралъ къ нимъ слова, исполненныя божественной *премудрости, приводя свидѣтельство отъ книгъ пророческихъ*; простому же народу говорилъ простыми притчами: царство небесное уподоблялъ человѣку, сѣявшему на селѣ, и купцу, и зерну горчичному, и квасу, который женщина скрыла въ трехъ мѣрахъ муки, и т. п. (Матѳ. XIII, 3—50)[1]. Слѣдовательно, по мнѣнію Св. Димитрія, достоинство слога состоитъ въ заимствованіи образовъ изъ Св. Писанія; въ простомъ же слогѣ образы берутся изъ ежедневнаго быта, отъ предметовъ самыхъ обыкновенныхъ и незначительныхъ. И такъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ почти одинаково понимались условія литературнаго языка. Разница только та, что Кириллъ Туровскій употребляемый имъ образъ выраженія признавалъ обычнымъ, лично ему принадлежащимъ, а Св. Димитрій допускаетъ его только для людей непросвѣщенныхъ. Св. Димитрій составляетъ во многомъ исключеніе изъ круга современныхъ ему авторовъ, сближаясь въ своихъ произведеніяхъ съ духомъ древней Русской словесности. Другіе же писатели XVII вѣка слѣдовали иному направленію. Литература становилась все болѣе искусственною, а вмѣстѣ измѣнялся и слогъ. То, что было прежде простою потребностью

---

1) Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ. 1709. стр. 2 и слѣд.

приличія слога, какъ бы ни понимали его авторы, перешло въ XVII в. въ вычурность и претензію на щегольство. Могло случиться, что иные книжники, и въ письмѣ и отчасти даже въ живомъ разговорѣ, стали гнушаться не тривіальнымъ образомъ, а самимъ словомъ, если оно ходило въ общемъ употребленіи народа. Тогда-то оттѣнки слога одного и того же языка переродились въ сознаніи употреблявшихъ его какъ бы въ два особенные языка. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію ведетъ свидѣтельство филолога Лудольфа, автора Русской грамматики. Онъ утверждаетъ положительно, что Русскіе отличаютъ собственно Русскій языкъ (lingua Russica) отъ языка Славянскаго (lingua Slavonica). Лудольфъ говоритъ, что у Русскихъ Славянскій языкъ есть языкъ богослуженія и церковныхъ книгъ; кромѣ того безъ помощи его нельзя ни писать, ни разсуждать о предметахъ учености и познаній, и чѣмъ ученѣе кто хочетъ прослыть, тѣмъ больше славянизмовъ употребляетъ и въ рѣчи и въ письмѣ. Въ обыкновенномъ же разговорѣ никто не употребляетъ Славянскаго языка, да и названій многихъ вещей, необходимыхъ въ ежедневномъ быту, нѣтъ въ Славянскихъ книгахъ. Даже подсмѣиваются надъ тѣмъ, кто черезчуръ любитъ красить обыкновенную рѣчь славянизмами, такъ что у Русскихъ есть поговорка: «говорить должно по-Русски, а писать по-Славянски»—loquendum est Russice et scribendum est Slavonice[1]).

1) Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii. 1696. «Ideo autem Russis cognitio linguae Slavonicae necessaria est, cum apud ipsos non tantum S. Biblia et reliqui libri impressi, quibus sacra peraguntur, Slavonico idiomate solummodo extent, verum etiam de materiis eruditionem vel scientias spectantibus neque scribere neque disserere liceat, nisi lingua Slavonica in usum advocetur. Quamobrem quo quis doctior caeteris reputari vult, eo plus Slavonici sermonibus et scripturae immiscet, licet nonnulli ridere illos soleant, qui in communi sermone Slavonica nimium affectant.... Sed sicuti nemo erudite scribere vel disserere potest inter Russos sine ope Slavonicae linguae, ita e contrario nemo domestica et familiaria negotia sola lingua Slavonica expediet, nomina enim plurimarum rerum communium, quarum in vita quotidiana usus est, non extant in libris, e quibus lingua Slavonica haurienda est.» Praefatio. Лудольфъ замѣчаетъ, что только одна книга напечатана на народномъ языкѣ (vulgari dialecto), именно Уложеніе; но и тамъ нѣкоторые обо-

Свидѣтельство Лудольфа относится къ концу XVII вѣка, и подтверждается свидѣтельствомъ Русскаго писателя, образовавшагося въ самомъ началѣ XVIII в., именно Тредьяковскаго (род. 1703). Въ «Ѣздѣ на островъ Любви», переведенной имъ, когда онъ былъ еще студентомъ, Тредьяковскій говоритъ, обращаясь къ читателю: «На меня, прошу васъ покорно, не изволите погнѣваться, *(буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны)* что я оную не Славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Русскимъ словомъ, то есть каковымъ мы межъ собои говоримъ». Самая важная причина этому состояла въ томъ, что «языкъ Словенской, продолжаетъ авторъ, нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хоть прежде сего *не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми:* но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ Славенскимъ особымъ *рѣчеточцемъ* хотѣлъ себя показывать»[1]). Слова Тредьяковскаго показываютъ, что и самъ онъ говорилъ по-Славянски, а также, судя по выраженію: «если вы еще держитесь славенщизны», что въ его время были еще люди, для которыхъ имѣла значеніе приведенная Лудольфомъ поговорка о языкахъ Славянскомъ и Русскомъ. Такое разъединеніе двухъ элементовъ Русскаго языка является уже въ позднѣйшую, переходную эпоху, но оно было чуждо древнему періоду.

Даже въ XVII столѣтіи произведенія писателей просвѣщенныхъ отличались отъ произведеній авторовъ, неполучившихъ образованія, не столько особенностями языка, сколько высотою и направленіемъ мысли, не вполнѣ доступными для людей необразованныхъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытнымъ памятникомъ служитъ опытъ нашего литератора самоучки писать простымъ и общедоступнымъ языкомъ въ противоположность цвѣтистому краснорѣчію извѣстнѣйшаго стилиста того времени—

роты составлены по Славянской грамматикѣ. Изъ писателей всѣхъ болѣе, по его мнѣнію, воздерживается отъ славянизмовъ Симеонъ Полоцкій, но не смотря на то въ сущности у него все Славянское—omnia sunt Slavonica.

1) Сочиненія Тредьяковскаго, изд. Смирдина. 1849. Т. III, стр. 649—650.

Симеона Полоцкаго. Взявъ за образецъ «Обѣдъ душевный» и «Вечерю душевную» этого оратора, одинъ священникъ «на Орлѣ городкѣ», Пермской губерніи, составилъ (около 1684 г.) рядъ поученій подъ названіемъ *Статиръ*. Кромѣ идеи и плана сочиненія, авторъ заимствовалъ у С. Полоцкаго много отдѣльныхъ мѣстъ въ «словахъ», и способъ передачи этихъ мѣстъ тѣмъ любопытнѣе, что, по свидѣтельству автора, *слогъ* С. Полоцкаго былъ невразумителенъ простымъ людямъ: «Обѣдъ же и Вечерю отца Симеона П. слогъ, тая простѣйшимъ людемъ за высоту словесъ тяжка бысть слышати». Поэтому въ Статирѣ можно бы ожидать совершенно другихъ словъ и оборотовъ при выраженіи мысли, заимствованной изъ сочиненій Полоцкаго. Но на дѣлѣ выходитъ иное; представимъ фактическія доказательства. Въ Словѣ въ недѣлю 3-ю по Пасхѣ читаемъ въ Статирѣ: «Нѣсть живаго с мртвыми (= мертвыми), нѣсть во гробѣ истощившаго гробы, нѣсть во тли нетлѣннаго, воста животъ отъ гроба; но престаните отъ слезъ и пріимите радость, и возвратитеся вспять, и рцыте оученикомъ и Петрови, да идутъ въ Галилею и тамо Его оузрятъ, якоже преже рече имъ»[1]). У Симеона Полоцкаго въ «Обѣдѣ душевномъ» тоже самое выражено слѣдующимъ образомъ: «Нѣсть живый съ мертвыми. Нѣсть во гробѣ испразднивый гробы. Нѣсть во тли нетлѣнный, воста животъ отъ гроба.... Радуйтеся, идите возвѣстите братіи моей, да идутъ въ Галилею, и тамо мя видятъ»[2]). Приведенныя слова начинаютъ и оканчиваютъ повѣствованіе, занимающее три страницы. Выраженія въ проповѣди С. Полоцкаго, опущенныя нашимъ Пермскимъ авторомъ, составляютъ распространеніе той же самой мысли, т. е. что Спаситель воскресъ. Распространенія имѣютъ видъ риторическихъ фигуръ: единоначатія, обращенія и т. п.: «*Воста* первенецъ изъ мертвыхъ, яко женихъ отъ чертога. *Воста* яко спя Господь и

1) Статиръ, рукопись Румянцевскаго музеума, № 411, по описанію Востокова; л. 39 об.—40.

2) Книга Обѣдъ душевный, Симеона Полоцкаго, напечат. въ Москвѣ 1681 г., л. 28 об.—30.

воскресе, спасая родъ человѣческій. *Воста*, да и мы востанемъ отъ грѣха во спасеніе, и во животъ отъ смерти» и т. д., или: «плачютъ и миро приносятъ; плачютъ не цѣны мира тщеты» и пр.—Въ словѣ въ недѣлю 4-ю по Пасхѣ въ Статирѣ: «Можаше и сей помыслити в себѣ сице: кто есть сей, вопрошаяй мя: хощеши ли целъ быти, вѣсть, яко болный ничтоже желаетъ паче здравія, ничтоже любитъ паче целости тѣлесныя, видитъ мя бѣдна, разслабленна, неимуща никогоже помогающа, и толико лѣтъ просѣжу здѣ не иныя ради вины, точію здравіе получу отъ воды, обаче вопрошаетъ мя: хощеши ли цѣлъ быти? Не оутѣшити мою бѣдность сей пріиде, но токмо поругатимися окаянному. Но ничтоже сего помысли, ниже что мало показа въ сѣбѣ нетерпѣнія»[1]). Въ словѣ въ туже недѣлю у Симеона Полоцкаго: «Можаше бо в себѣ помыслити сице: кто сей есть, вопрошаяй мя: хощещи ли цѣлъ быти; вѣсть, яко больнымъ ничтоже есть желательнѣе здравія, ничтоже любительнѣе цѣлости: видитъ мя бѣдна, разслабленна, неимуща доброты и движенія, прилежаща купѣли не иныя вины ради, точію да цѣлость получу воды возмущеніемъ, обаче вопрошаетъ мя: хощеши ли цѣлъ быти; не оутѣшити мя бѣднаго сей пріиде, но поругатися окаянному. Сице же мысля, можаше поне вozроптати на вопросивша: обаче ничтоже онъ сицево помысли, и ни мала знаменія показа по себѣ нетерпѣнія»[2]). Въ свою очередь, авторъ позволялъ себѣ иногда прибавить два-три выраженія къ оригиналу. Такъ въ 1-мъ словѣ въ день Вознесенія Симеонъ Полоцкій говоритъ отъ лица «оставленныхъ»: «Отче, оучителю и Господи, вскую ны тако сиры оставляеши, яко овцы посредѣ волкъ безъ пастыря, и яко корабль посредѣ моря безъ кормчія»[3]). Соотвѣтствующее мѣсто въ Статирѣ: «О оучителю нашъ и Господи, вскую ны сиры оставляеши, яко овцы посредѣ волковъ бес па-

---

1) Рукопись «Статиръ», л. 47.
2) Обѣдъ душевный, л. 44—44 об.
3) Тамъ же, л. 72.

стыря; яко голуби посредѣ растерзательныхъ ястребовъ, и яко корабль посредѣ свирѣпаго моря на разбитіе волнамъ горoподобнымъ без кормчія, и яко виноградъ зеленый бес стража на потоптаніе онагромъ и осломъ дивіимъ»[1]). Такого же рода, какъ приведенныя нами, и всѣ другія заимствованія автора Статира изъ твореній Симеона Полоцкаго. Изъ сличенія мѣстъ заимствованныхъ съ другими мѣстами оригинала оказывается, что позднѣйшій составитель поученій выбиралъ изъ своего образца только то, что считалъ понятнымъ всѣмъ и каждому, оставляя нетронутыми мысли отвлеченныя и положенія замысловатыя. Видно, что не слова и даже не сочетаніе словъ у С. Полоцкаго были чужды его подражателю, а предметы, выраженные этими словами. Различіе въ предметахъ, доступныхъ сознанію и сочувствію обоихъ писателей, опредѣлялось различіемъ ихъ въ степени образованія. Житель малоизвѣстнаго уголка Россіи, человѣкъ, который, по собственному признанію, и не слышалъ, какъ учатся грамматикѣ, а философіи и въ глаза не видѣлъ[2]), не могъ соперничать съ ораторомъ столицы, питомцемъ академій и воспитателемъ Наслѣдника Престола, ученымъ, обладавшимъ обширными свѣдѣніями и любившимъ приводить своимъ слушателямъ не только слова Св. Писанія и Отцевъ Церкви, но и мнѣнія Демосѳена, Гераклита и другихъ представителей образованности древняго міра.

Примѣръ замѣчательнаго Пермскаго литератора показываетъ, что и въ концѣ древняго періода нашей словесности, какъ и въ его началѣ, литературныя произведенія различались между собою, въ понятіи ихъ современниковъ, болѣе предметами и цѣлью, нежели языкомъ въ собственномъ смыслѣ. Языкъ же, по своему

---

1) Статиръ, л. 77—77 об.

2) «Окромѣ буквы, часослова и псалтыри ничтоже учих, и то несовершенно, граматикіи же ниже слышах, како ея навыкаютъ, а зря ея, ако иноязычна ми зрится, риторики же ни мало покусихся, а философію ниже очима видахъ, мудрыхъ же мужей ниже гдѣ на пути в лице ѕрѣтохъ». Статиръ. Предисловіе къ читателю, л. 6 об.

составу, по словамъ и ихъ соединенію въ ходѣ рѣчи, оставался всегда общедоступнымъ, не препятствуя разумѣнію мысли, если мысль была такого рода, то для усвоенія ея требовалось одного только знанія языка.

Все сказанное приводитъ къ заключенію, что литературный языкъ въ древней Руси находился въ прямомъ соотвѣтствіи съ характеромъ самой литературы и съ образованностію народа, и служилъ залогомъ его народности. Ни одинъ классъ народа, ни одинъ кругъ класса не измѣнялъ родному слову. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что, говоря вообще, Русскіе были довольно знакомы съ языками иностранными. Знаніе языковъ условливалось четырьмя обстоятельствами: международными сношеніями, путешествіями, распространеніемъ Вѣры и требованіемъ образованности. Сносясь со многими народами, близкими и отдаленными, Русскіе, по всей вѣроятности, были знакомы съ иностранными языками болѣе, нежели другіе Европейцы. Это знакомство принадлежало всѣмъ классамъ безъ исключенія, и пріобрѣталось навыкомъ, безъ опредѣленной наукою методы. Хотя простое знакомство съ иностранными языками никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ основательнымъ, систематическимъ изученіемъ языковъ, однако и оно не почитается современными филологами за фактъ совершенно ничтожный въ умственной жизни народа [1]). Значительно менѣе было число узнававшихъ чужіе языки въ

---

1) Ср. Ueber die Stellung der vergleichenden Sprachwissenschaft in mersprachigen Ländern, von *Schleicher*. Prag, 1851, str. 13: «Die vertrautheit mit uns im täglichen verkere lebendig entgegentretenden sprachen ist ein ungleich grössere, als die, welche wir uns in der schule erwerben bei sprachen, die im späteren leben nur verhältnissmässig seltener in rede und schrift zur anwendung kommen; schreiben wir mit recht der erlernung mererer sprachen einen geistesbildenden einfluss zu, so wird da jene eigenthümliche geistesgewantheit, die bei dem gebrauche fremder sprachen erforderlich ist, in ungleich höheren masse erworben, wo in zwei sprachen gelebt wird, als da, wo sprachen in der schule erlernt werden».

путешествіяхъ. Этотъ недостатокъ замѣнялся изученіемъ языковъ нашими миссіонерами, которымъ нельзя не отдать полной справедливости: свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя ими, были положительныя, извѣстія о чужихъ языкахъ точныя. Озаряя свѣтомъ народы невѣрные, Русскіе въ свою очередь принимали просвѣщеніе, развившееся на югѣ Европы гораздо ранѣе, нежели на востокѣ и западѣ ея. Сочувствуя южно-Европейской образованности, они изучали языкъ Греческій; свойства его были предметомъ особеннаго вниманія, какимъ пользовались и произведенія, писанныя на этомъ языкѣ. Зная Греческій языкъ, предки наши не были равнодушны и къ его обычному спутнику въ исторіи просвѣщенія Европейскихъ народовъ—языку Латинскому. Но всѣхъ выше цѣнимъ и постоянно употребляемъ былъ родной языкъ. На немъ раздавалась пѣсня и повторялось преданіе старины: отъ колыбели и до могилы родные звуки окружали Русскаго человѣка. Понятный же, общедоступный языкъ оставался неизмѣннымъ орудіемъ и выраженіемъ образованности.

Въ предложенномъ очеркѣ мы старались представить въ совокупности данныя, которыми можетъ быть объяснено нѣсколько чертъ нашего минувшаго быта. Сообразно съ условіями «очерка», мы должны были приводить факты наиболѣе характеристическіе, будучи убѣждены, что пополненію фактами какихъ бы то ни было свѣдѣній нельзя назначить предѣлы. Намъ остается желать, чтобы неназванные нами факты служили не опроверженіемъ высказанныхъ въ очеркѣ мыслей, а подкрѣпили бы ихъ новыми доказательствами.

Самымъ вѣрнымъ путемъ къ избранной цѣли считали мы изученіе фактовъ, сохранившихся отъ той эпохи, когда бытъ, привлекающій къ себѣ въ наше время вниманіе науки, возбуждалъ не желаніе изслѣдовать его и объяснять, а живое сочувствіе

людей, для которыхъ онъ былъ дѣйствительностью. Тѣмъ безпристрастнѣе свидѣтельства ихъ о томъ, изъ чего не желали извлекать какой-либо идеи или теоріи, а что высказывалось невольно, по врожденному стремленію человѣка высказать то, что лежитъ у него на душѣ, надъ чѣмъ приходилось ему позадуматься, или что передать другимъ требовала его совѣсть. Поэтому мы признавали необходимымъ обращаться всегда къ несомнѣнному свидѣтельству фактовъ, и по возможности брать изъ нихъ только то, что они дѣйствительно даютъ. Мы рѣшительно далеки были отъ желанія дать просторъ заранѣе мелькнувшей идеѣ, и еще далѣе—чувству. Съ одною мыслью не могли мы разстаться въ теченіе всего труда, съ мыслью—ближе узнать то, что «было и былью поросло», по прекрасному выраженію народной поэзіи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ, что то, «что будетъ, будетъ не по старому, а по новому [1]).

1) Русскія народныя сказки, изд. *Сахаровымъ*, 1841, стр. 95.

О псевдонимахъ [1]) въ древней русской словесности [2]).

Чтеніе составляло одну изъ потребностей людей любознательныхъ въ древней Россіи. Масса сочиненій и переводовъ увеличивалась у насъ не только съ каждымъ вѣкомъ, но съ каждымъ почти десятилѣтіемъ, какъ можно судить по количеству рукописей, принадлежащихъ началу, срединѣ и концу одного и того же столѣтія. Само собою разумѣется, что въ Россіи, какъ и всюду, не всѣ вѣка были одинаково счастливы въ отношеніи къ литературной дѣятельности. Переписчики, а можетъ быть и сами авторы, имѣли обычай помѣщать новыя произведенія въ книги, въ которыя вписаны были уже другія сочиненія, труды писателей предшествовавшихъ. Всякое новое произведеніе, если оно было не безъ достоинствъ, расходилось во многихъ спискахъ. При списываніи обыкновенно не довольствовались одною литературною новостью, а заимствовали изъ оригинала и нѣсколько другихъ статей, наиболѣе возбуждавшихъ уваженіе или любопытство писавшаго. Изъ нѣсколькихъ подобныхъ извлеченій составлялась рукопись, служившая въ свою очередь оригиналомъ для списковъ позднѣйшихъ. Иногда помѣщеніе извѣстной статьи въ какой-либо рукописи происходило случайно или зависѣло отъ

1) Авторъ принимаетъ здѣсь слово *псевдонимъ* въ особенномъ смыслѣ, болѣе обширномъ.

2) Извѣстія Втораго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. IV (1855 г.).

однихъ внѣшнихъ причинъ: оставалось нѣсколько свободныхъ листовъ, и на нихъ помѣщали отрывокъ соразмѣрнаго объема. Этимъ можно объяснить, отчего въ одной рукописи съ Пятикнижіемъ находятся какія-нибудь правила домашней жизни, напоминающія «домострой», и отчего вообще во многихъ рукописяхъ господствуетъ чрезвычайное разнообразіе. Особенною пестротою содержанія отличаются сборники, которыми такъ обильна наша древняя литература. Причина этому заключается въ самомъ назначеніи ихъ удовлетворять различнымъ потребностямъ составителей и читателей. Между прочимъ сборники служили нѣкогда карманной библіотекой (bibliotèque portative), какъ отчасти можно полагать по самому ихъ формату—въ 16-ю долю и менѣе. Несравненноправильнѣйшимъ расположеніемъ отличаются собранія сочиненій характера нравственно-религіознаго исключительно. Въ числѣ поученій, переведенныхъ съ Греческаго, встрѣчаются и сочиненія Русскія, носящія живые слѣды народности. Сходство ихъ по главной цѣли съ произведеніями переводными послужило поводомъ къ ихъ совокупному помѣщенію: въ этомъ видна обдуманность, сознательный выборъ составителя рукописи, противоположный указанной выше случайности. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ подобнаго рода статьи ясно отдѣляются одна отъ другой, и каждая сохранена въ достаточной полнотѣ и исправности, такъ что о содержаніи ихъ могутъ быть дѣлаемы вѣрные и подробные выводы. Но что составляетъ камень преткновенія въ изслѣдованіи рукописныхъ произведеній нашей древней словесности, это точное опредѣленіе ихъ авторовъ. Большею частію имена писателей исчезли вмѣстѣ съ ними, а иногда не были извѣстны и при жизни ихъ. Этого обстоятельства нельзя назвать простою случайностью: въ немъ открывается черта древне-Русской образованности. Въ постоянномъ удерживаньи своего имени въ неизвѣстности видно убѣжденіе, своего рода начало, ставившее мысль, раскрытую въ произведеніи, несравненно выше личности автора. По крайней мѣрѣ такое пожертвованіе авторскимъ самолюбіемъ было бы неслы-

ханнымъ явленіемъ въ обществѣ, руководимомъ другими началами. Свидѣтельство Цицерона служитъ намъ порукою въ этомъ касательно древняго міра[1]).

Не только авторы, но и самые переписчики не считали нужнымъ называть себя по имени. Рѣдко случалось, чтобы писавшій рѣшался открыть имя свое читателямъ, и въ такомъ случаѣ различными эпитетами и описательными выраженіями онъ какъ бы желалъ загладить нарушеніе авторской скромности. Имя открывалось обыкновенно въ послѣсловіи. Какъ образецъ употреблявшагося при этомъ литературнаго пріема можно привести послѣсловіе къ Сборнику Сергіевой Лавры, № 49: «Источнику сущу на мѣстѣ, кто жаждею истаеть, явѣ есть, яко неприходяй къ нему; аще и сіа книга исъточнику есть подобна, аще кто съ усердіемъ разгнувъ прочтеть, напоить душу свою живоносныя воды. Писана быша сія книга Съборникъ въ лѣто 6953 (1445), индикта 8, рукою многогрѣшнаго, малѣйшаго въ единообразныхъ, и въ грѣшницѣх прьваго, и непотребнаго въ братьствѣ, и неключимаго не в каковойждо добродѣтели, смиренаго многыми грѣхы, *священноинока Макарьища*. А писалъ есть сей Сборникъ Паисію, старцю Сергіева монастыря. Словеса убо писанная прідоша в конець, уму же да не будеть когда пріяти конець въ любителех душепитательных словесъ, кое убо когда будеть благых насыщеніе. Аминь». Отсутствіе авторскихъ именъ въ древне-Русскихъ произведеніяхъ повело къ тому, что позднѣйшіе ихъ собиратели принуждены были догадываться объ авторахъ и иногда опредѣлять ихъ на удачу. При опредѣленіи часто руководствовались преданіемъ, идущимъ съ давнихъ временъ и упрочившимъ за извѣстными лицами преимущественное право на ав-

---

1) Cp. Oratio pro A. Licinio Archio, poeta. XI. Neque enim est hoc dissimulandum, quod obscurari non potest, sed prae nobis ferendum: trahimur omnes laudis studio, et optimus quisque maxime gloria ducitur. *Ipsi illi philosophi, etiam illis libellis, quos de contemnenda gloria scribunt, nomen suum inscribunt:* in eo ipso, in quo praedicationem nobilitatemque despiciunt, praedicari de se, ac nominari volunt.

торство. Неизвѣстность подлинныхъ именъ авторовъ и желаніе опредѣлить эти имена болѣе или менѣе удачными соображеніями, вотъ двѣ причины, объясняющія появленіе псевдонимовъ въ нашей древней словесности.

Первое мѣсто въ числѣ авторовъ по преимуществу занималъ, по понятіямъ предковъ нашихъ, св. Іоаннъ Златоустъ. Ему приписывали наибольшее количество произведеній, очевидно ему не принадлежащихъ; его же именемъ означенъ и одинъ изъ любопытныхъ памятниковъ, которые мы представляемъ здѣсь вниманію читателей. Поэтому позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ чертахъ, опредѣляющихъ судьбу твореній и литературной извѣстности писателя, образовавшаго у насъ цѣлый рядъ произведеній, который можно бы назвать литературой мнимо-Златоустовой.

Творенія Іоанна Златоуста пріобрѣли громкую извѣстность во всемъ христіанскомъ мірѣ, начиная съ IV—V столѣтія. Произведенія его хранились въ царскихъ чертогахъ, какъ драгоцѣнность, и писались, въ подлинномъ смыслѣ слова, золотыми буквами[1]). Но та же самая слава, которая была естественной спутницей знаменитаго оратора, послужила поводомъ къ тому, что именемъ его обозначались въ послѣдствіи произведенія другихъ писателей, жившихъ въ разныя времена. Иногда Златоустъ предлагалъ поученія, не приготовивъ ихъ заранѣе. Неожиданное обстоятельство вызывало его убѣдительное слово, и рождающіяся мысли изливались во вдохновенной рѣчи[2]). При всемъ благоговѣніи къ витіи, слушатели, естественно, не могли удержать въ памяти все въ томъ видѣ, въ какомъ оно было произнесено. Вотъ гдѣ первый зародышъ того, что Златоусту стали приписывать

---

1) Въ библіотекѣ Коаленевой есть драгоцѣнный кодексъ, XI вѣка, съ золотыми заглавіями и начальными буквами. № 79.

2) S. Ioannis Chrysostomi Opera, ed. *Montfaucon*. 1838. T. XII, pars altera. p. 586: «Saepe vidimus orantem Chrysostomum, grata concionis admurmuratione exceptum et frequenti plausu, cum maxime aliquid improvisum et inopinatum ad mores instituendos proferat»...

мысли, имъ неодобренныя или по крайней мѣрѣ невыраженныя имъ вполнѣ. Отъ отдѣльныхъ мыслей легко было перейти съ теченіемъ времени къ цѣлымъ сочиненіямъ, и этотъ переходъ не замедлилъ совершиться. Имя Златоуста встрѣчалось все чаще и чаще на сочиненіяхъ подложныхъ (spuria), которыми ни одинъ изъ Отцевъ Церкви такъ не богатъ, какъ Златоустъ, именно въ слѣдствіе своей огромной извѣстности. Съ одной стороны могли впадать въ невольныя ошибки и добросовѣстные чтители памяти проповѣдника, съ другой — не остались безъ дѣйствія и своекорыстные разсчеты. Авторское самолюбіе, перебирая различные пути къ извѣстности, останавливалось на имени Златоуста, какъ на самомъ надежномъ ручательствѣ въ успѣхѣ произведенія. Поэтому въ разное время многіе изъ пишущихъ Грековъ выставляли имя своего достопамятнаго соотечественника на собственныхъ сочиненіяхъ, далеко несовершенныхъ. Кромѣ того спекулянты продавцы рукописей, чтобы заманить покупателей, надписывали имя Златоуста на различныхъ книгахъ, обязанныхъ не ему своимъ происхожденіемъ [1]).

Такова была судьба твореній и замогильной славы св. Іоанна въ Греціи. Она отразилась и въ родственной Греціи по духу — древней Россіи; но отразилась не вполнѣ. Предки наши чтили, подобно Грекамъ, имя св. Іоанна, но нѣтъ фактовъ, которые доказывали бы, что они употребляли священное имя орудіемъ для своихъ личныхъ выгодъ. Да и вообще примѣры умышленныхъ псевдонимовъ встрѣчаются уже во времена раскола, когда отпадшіе отъ православія старались защитить свое мнѣніе какимъ-либо авторитетомъ. Такимъ образомъ явилось, какъ можно думать, имя Максима Грека на сочиненіяхъ вовсе несогласныхъ съ духомъ этого писателя.

Слава имени Златоустова распространилась въ Славянскомъ мірѣ весьма скоро по принятіи Славянами христіанства. Еще

---

1) Opera Chrysostomi, ed. *Montfaucon*. T. VIII, часть 2, стр. 605 и T. I, стр. VII.

просвѣщенный Болгарскій царь Симеонъ († 927 г.) составилъ собраніе словъ Златоуста подъ названіемъ «Златоструй». Древнѣйшій списокъ этого собранія принадлежитъ XII вѣку, и находится въ Императорской Публичной библіотекѣ. Подобные сборники, хотя и менѣе строгіе въ выборѣ, встрѣчаются въ большомъ количествѣ въ нашей литературѣ вѣковъ послѣдующихъ. Они носятъ родовое названіе *Златоустъ*. Причина такого перехода собственнаго имени лица къ нарицательному сборника, въ коемъ помѣщены произведенія не одного автора, заключается вѣроятно въ самомъ словѣ: *златоустъ*, выражающемъ довольно наглядно свойство краснорѣчиваго оратора. Здѣсь перенесеніе такъ же естественно, какъ въ названіи сборника *Пчелою* отъ имени его составителя Антонія, прозвищемъ *Пчелы* (Мелисса). Иногда въ сборникахъ, носящихъ имя Златоуста, такъ много вещей не принадлежащихъ этому писателю, что самое названіе представляется вполнѣ метафорическимъ, въ родѣ названія: *Митридатъ*, которое придается филологическимъ сочиненіямъ, обнимающимъ многіе языки, отъ имени Понтійскаго царя Митрита, знавшаго, какъ говоритъ преданіе, двадцать два языка.

Высоко цѣня имя Златоуста, наши книжники не приписывали ему умышленно сочиненій, которыя, по ихъ крайнему разумѣнію, рѣшительно не могли ему принадлежать. Правда, въ рукописяхъ часто стоитъ имя св. Іоанна надъ твореніями другихъ писателей; но искренность переписчиковъ въ этомъ отношеніи видна уже изъ того, что не одному І. Златоусту, а и другимъ изъ соплеменныхъ ему писателей приписываются чисто-Русскія сочиненія, и притомъ такихъ лицъ, имена которыхъ никакъ не могли уменьшить цѣнности сочиненія. Такъ во многихъ спискахъ «Златоуста» названы поученіями св. Іоанна Златоуста слова Кирилла Туровскаго: въ 5-ю недѣлю по Пасхѣ, на Вознесеніе Господне, и другія. Въ спискѣ XVI вѣка, принадлежащемъ Московской Духовной Академіи, Іоанну Златоусту приписано слово нашего Серапіона, начинающееся такъ: «Многу печаль в сердцы своем вижю васъ дѣлѧ, чада моя, понеже вижю вы не преме-

нишас ѿ дѣлъ своих неподобных. Не тако бо скорбить мати видаща чада своа болаща, яко азъ грѣшныи ѿць вашь [1])»... Но въ древнѣйшемъ спискѣ, XIII вѣка, въ одномъ изъ приведенныхъ словъ Кирилла Туровскаго вовсе не означено имени автора: слѣдовательно не было мысли о подлогѣ. Иногда замѣненіе менѣе извѣстнаго имени болѣе извѣстнымъ могло бы казаться выгоднымъ для владѣльца рукописи, желавшаго ее сбыть. Имена *Θеодосія Кіевскаго*, *Серапіона Владимірскаго*, *Іосифа Волоколамскаго*, безъ сомнѣнія, болѣе знакомы были любому изъ Русскихъ читателей, и живѣе говорили его набожному чувству, нежели имена *Тита Востръскаго* (Τίτου ἐπισκόπου Βόστρων) и подобныя. Не смотря на то, имена иностранныя, стоявшія въ оригиналѣ, большею частью удержаны переписчиками въ точности, съ неизбѣжными только фонетическими измѣненіями.

Но если не умысломъ, то чѣмъ же можно объяснить ошибку нашихъ переписчиковъ, отмѣчавшихъ именемъ Іоанна Златоуста сочиненія своихъ соотечественниковъ? Это объясняется прежде всего обычнымъ отсутствіемъ имени Русскаго автора на его автографѣ или на первомъ спискѣ его труда. Оно было причиною, что имя автора должно было ставиться по соображенію. Изъ круга писателей, доступныхъ соображенію составителей сборника, вниманіе послѣднихъ всего скорѣе могло остановиться на имени Златоуста, издавна пріобрѣвшемъ извѣстность и почетъ въ русскомъ читающемъ мірѣ. Особенное уваженіе предковъ нашихъ къ Златоусту обнаруживается въ признаніи его главнѣйшимъ источникомъ духовнаго просвѣщенія, высказанномъ еще въ XIII вѣкѣ представителемъ русской образованности. Обращаясь къ слушателямъ, Серапіонъ говоритъ: «Не послушахомъ Еуангелья. Не послуша-

---

1) Ср. въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцевъ. М. 1843. Ч. I. стр. 103. Слово епископа Серапіона напечат. изъ «Златой Чепи». Варіанты академической рукописи въ родѣ слѣдующихъ: *сердцы*, *дѣля*, *вижю вы не пременишася* вмѣсто: *сердци*, *ради*, *никакоже вы премѣнившася*, и т. п.–въ Златой Чепи.

хомъ Апостола. Не послушахомъ Пророкъ. Не послушахомъ свѣтилъ великихъ, рку: Василья, и Григорья Богословца, Іоанна Златоуста»[1])... Слова Іоанна Златоуста, вмѣстѣ съ ученіемъ Апостоловъ, служили основаніемъ нравственныхъ убѣжденій. При описаніи убіенія князя Андрея Суздальскаго (1175), лѣтописецъ приводитъ, какъ нарушенную заповѣдь, слова Апостола Павла и Іоанна Златоуста: «Пишеть Апостолъ Павелъ: всяка душа властемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинены суть. Рече *великій Златоустець:* иже кто противится власти, противится закону Божію, князь бо не туне носить мечь, Божій бо слуга есть»[2]). Хотя уваженіе къ Златоусту было на Руси всеобщимъ, но отчетливое сознаніе его заслугъ и особенностей его краснорѣчія доступно было далеко не всѣмъ и каждому. Были въ древней Россіи люди, понимавшіе значеніе Греческихъ христіанскихъ писателей, и пользовавшіеся ихъ произведеніями именно въ той мѣрѣ, въ какой дозволяли условія Русскаго быта. Къ числу такихъ людей принадлежалъ, напримѣръ, Кириллъ Туровскій. Но было бы несправедливо образованность одного изъ первостепенныхъ дѣятелей нашей древней словесности отнести ко всѣмъ его современникамъ и потомкамъ. Вѣрнѣе допустить, что степень литературнаго образованія была у предковъ нашихъ весьма неодинакова. Люди, особенно преданные книжному ученію, читали и перечитывали Златоуста со всевозможнымъ вниманіемъ. Люди, имѣвшіе менѣе способовъ или охоты заниматься чтеніемъ, довольствовались общимъ понятіемъ о твореніяхъ Отцевъ Церкви, не входя въ характеристическія подробности. Въ этомъ отношеніи съ понятіями о духѣ писателя могло произойти тоже, что съ извѣстіями о его жизни. Эти извѣстія повторялись въ древней Россіи, и наши лѣтописцы пользовались ими при случаѣ, повѣствуя о событіяхъ домашнихъ. Такъ при описаніи изгнанія Нов-

---

1) Прибавленія къ твореніямъ Св. Отцевъ. М. 1843. Ч. I. стр. 98.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. II. Ипатіевская лѣтопись. стр. 115.

городскаго епископа въ 1211 году употреблено сравненіе съ Златоустомъ, подвергавшимся также изгнанію. «Злодѣй испьрва не хотя добра, — говорится въ лѣтописи — зависть въложи людьмъ на архіепископа Митрофана съ княземъ Мьстиславомъ; и не даша ему правитися, и ведоша и въ Торопьць; онъ же то прія съ радостію, яко Іоаннъ Златоустьць и Григоріи Акрагань-скыи, тую же исъпрія печаль славя Бога»[1]. Но если жизнь Златоуста и сохранялась въ памяти его читателей, то безъ сомнѣнія не у всѣхъ съ одинаковою вѣрностію и полнотою. Частности извѣстны были людямъ образованнѣйшимъ, свѣдѣнія другихъ ограничивались общими чертами. Изъ этихъ чертъ долѣе могли сохраниться въ памяти тѣ, въ которыхъ выражается его характеръ, какъ христіанина вообще, нежели тѣ, коими обнаруживается великій ораторъ и государственный человѣкъ Византіи IV вѣка. Болѣе общедоступными были такія черты, какъ бесѣда Златоуста съ матерью, ссылка его и т. п. Первая черта тѣмъ сильнѣе могла остаться въ памяти, что напоминала подобное положеніе въ жизни Русскаго подвижника, Пр. Θеодосія. И Θеодосія, какъ Златоуста, мать удерживала отъ поступленія въ монашество, и по этому поводу происходили у обоихъ трогательныя свиданія съ матерями. Мать Златоуста, говорится въ его житіи, «поимъши его за руку, введе и в ложніцꙋ свою, и сѣдши въскраи одра, на немъ же бѣ родила и, рѣками слезы лиющі и словеса жалостнаꙗ предлагающи, глаше къ нему: ...егда же мꙗ земли придаси и с костьми отца своего совокупиши, тогда твори, якоже хощеши»[2]. Жизнеописатель Θеодосія, Несторъ, такимъ образомъ передаетъ бесѣду Θеодосія съ матерью: «Она же видевше сына своего, охопивши же ся имъ надолзѣ плакася горко. И одва мало утѣшившися, сѣде и нача увѣщевати Христова слугу глаголюще: поиди, чадо, в домъ свои, и еже ти на

1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей. Т. III. Новгородск. 1-я лѣтопись. стр. 31.

2) Житіе Златоуста, списанное Георгіемъ, патріархомъ Александрійскимъ. Рукопись XVI в. № 280 въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

потребу и на спасенье души, да дѣлаеши в дому си по волѣ своеи; токмо же не отлучаися отъ мене, и егда умру, ты же погребеши тѣло мое, ти тогда възвратишися в пещеру сию, якоже хощеши»[1]).

Какъ о жизни Златоуста у людей не вполнѣ образованныхъ могли удержаться только общія свѣдѣнія, такъ о характерѣ его сочиненій могла остаться только общая, болѣе или менѣе вѣрная, идея. Замѣчая даже при бѣгломъ чтеніи Златоуста необыкновенную живость и ясность въ изложеніи и красоту плавной рѣчи, они до того сблизили въ своемъ понятіи эти качества съ личностію Златоуста, что всякое сочиненіе, въ которомъ находили ихъ, готовы были считать его произведеніемъ. Понятно послѣ этого, что такой цвѣтистый ораторъ, какъ Кириллъ Туровскій, могъ произвести въ своихъ читателяхъ впечатлѣніе, напомнившее имъ прекрасныя бесѣды Златоуста. И едва ли должно считать рѣшительными невѣжами людей, сближавшихъ въ своемъ воззрѣніи Кирилла Туровскаго съ Іоанномъ Златоустомъ. Невѣжа приписалъ бы сочиненіе вмѣсто Кирилла какому-нибудь «Кропу» или «крину», какъ вмѣсто *Несторъ* писалъ *не стерпѣвъ*, вмѣсто *Іоніи — отъ нихъ*, вмѣсто: *се роду* и рожаницѣ крають — *середу*; приписать же Златоусту могъ только человѣкъ съ извѣстною идеею объ этомъ писателѣ. Правда, онъ руководствовался въ этомъ случаѣ инстинктомъ, но самый инстинктъ, чтобы получить возможность дѣйствовать, требуетъ уже нѣкоторой начитанности. И потому не скорѣе ли можно согласиться съ тѣмъ, что въ числѣ нашихъ переписчиковъ были и такіе, которые, любя чтеніе, довольствовались первымъ впечатлѣніемъ при чтеніи и безъ дальнихъ справокъ переводъ принимали за оригинальное сочиненіе и на оборотъ. Несправедливо было бы считать переписчиковъ людьми вполнѣ образованными, но также несправедливо всѣхъ ихъ безъ исключенія называть грубѣйшими невѣжами. Признаніе

---

1) Русскій Историческій Сборникъ. Т. VI. Книжка 4. *Несторъ*, соч. *Кубарева*, стр. 452.

произведеній Кирилла Туровскаго за сочиненія Златоуста, о которомъ мы упомянули, находитъ свое оправданіе во взглядѣ даже современныхъ намъ ученыхъ. Они признаютъ, что Кириллъ Туровскій былъ достойный подражатель знаменитаго Константинопольскаго патріарха[1]); что слова его проникнуты духомъ и витійствомъ Златоуста[2]). Не только на твореніяхъ Кирилла Туровскаго или Серапіона, но и на сочиненіяхъ, несравненно слабѣйшихъ по литературному достоинству, имя Златоуста не обличаетъ въ переписчикѣ отсутствія всякаго соображенія и начитанности. Не одно изъ подобныхъ сочиненій имѣетъ признаки, показывающія, что и составленіе и переписка его не была дѣломъ людей совершенно чуждыхъ образованности — по тогдашнимъ скромнымъ ея требованіямъ. Къ числу такого рода произведеній принадлежатъ и такъ называемыя «слова о женахъ», находящіяся въ значительномъ количествѣ въ нашихъ рукописяхъ. Встрѣчая на какомъ-либо изъ этихъ словъ, очевидно принадлежащихъ Русскимъ авторамъ, имя Златоуста, удивляешься наивности стариннаго нашего грамотѣя. Но если, не останавливаясь на первомъ впечатлѣніи, принять во вниманіе тѣ данныя, которыя сохранились о нашей образованности XV и XVI вѣка, то сама собою явится мысль, что ошибка переписчика XV или XVI вѣка не можетъ быть признана до такой степени грубою для своего времени, до какой слѣдовало бы признать ее въ наше время. Рукописныя «слова о женахъ» обязаны своимъ происхожденіемъ частью знакомству авторовъ съ твореніями Соломона, Сираха, Златоуста, частью собственной наблюдательности Русскихъ авторовъ. Нѣкоторыя изъ твореній Златоуста, а также притчи Соломона и Сираха, заключаютъ въ себѣ обличеніе женщинъ, забывающихъ свое назначеніе, и въ этихъ укоризнахъ «злымъ женамъ» таится источникъ взгляда на женщинъ, выраженнаго въ «словахъ о женахъ» и въ самомъ Словѣ Данила Заточника. Въ

1) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. IX.
2) Исторія Русской Церкви, 1849. Періодъ 1-й, стр. 69.

«словахъ о женахъ» заимствованная мысль получала обстановку сообразную съ личнымъ взглядомъ и понятіями Русскаго книжника. Переписчики же, не задавая себѣ труда сличать нѣсколько произведеній, имѣющихъ общія черты, приписывали сочиненія на одну и ту же тему одному и тому же автору. Къ такому заключенію склоняетъ приводимое ниже мнимое слово Іоанна Златоуста, если сравнимъ оное съ произведеніемъ, которое, по всей вѣроятности, было причиною псевдонима.

Εἰς τὴν ἀποτομὴν τοῦ Προδρόμου καὶ Βαπτιστοῦ Ἰωάννου, καὶ εἰς τὴν Ἡρωδιάδα.

Πάλιν Ἡροδιὰς μαίνεται, πάλιν ταράττεται, πάλιν ὀρχεῖται, πάλιν ἐπιζητεῖ τὴν κεφαλὴν Ἰωάννου τοῦ Βαπτιστοῦ ἀνόμως ὑπὸ Ἡρώδου ἀποτμηθῆναι. Πάλιν Ἰεζάβελ περιέρχεται ζητοῦσα τοῦ Ναβουθαὶ τὸν ἀμπελῶνα ἁρπάσαι, καὶ τὸν ἅγιον Ἠλίαν καταδιῶξαι ἐπὶ τὰ ὄρη. Οἶμαι δὲ μὴ μόνον ἐμὲ εἰς ἔκστασιν τυγχάνειν, ἀλλὰ καὶ πάντας ὑμᾶς τοὺς ἀκούοντας τῆς τοῦ εὐαγγελίου φωνῆς, καὶ θαυμάζειν συν ἐμοὶ τὴν μὲν Ἰωάννου παῤῥησίαν, τὴν δὲ Ἡρώδου κουφότητα, καὶ τὴν τῶν ἀθέων γυναικῶν θηριώδη μανίαν. Τί γὰρ ἠκούομεν; Ὁ γὰρ Ἡρώδης κρατήσας τὸν Ἰωάννην, ἔθετο ἐν φυλακῇ. Διὰ τί; Διὰ Ἡρωδιάδα γυναῖκα Φιλίππου τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ. Καὶ ψέξειεν ἄν τις τὴν Ἡρώδου κουφότητα ὑπὸ δυστήνων γυναικῶν παραχθεῖσαν. Τί δ' ἄν τις εἴποι, ἢ πῶς τις ἐκφράσειε τὴν τῶν γυναικῶν ἐκείνων ἀκόλαστον πονηρίαν; Ἐμοὶ μὲν δοκεῖ μηδὲν εἶναι ἐν κόσμῳ θηρίον ἐφάμιλλον γυναικὸς πονηρᾶς. Ἀλλὰ νῦν ἐμοὶ περὶ πονηρᾶς ὁ λόγος, οὐ περὶ ἀγαθῆς καὶ σώφρονος. Οἶδα γὰρ πολλὰς εὐσχήμονας καὶ ἀγαθὰς, ὧν με δεῖ μνημονεῦσαι τὸν βίον πρὸς οἰκοδομὴν καὶ ἔρωτα τῶν καλῶν. Οὐδὲν τοίνυν θηρίον ἐν κόσμῳ ἐφάμιλλον γυναικὸς πονηρᾶς. Τί λέοντος δεινότερον ἐν τετραπόδοις; Ἀλλ' οὐδέν. Τί δε ὠμότερον δράκοντος ἐν ἑρπετοῖς; Ἀλλ' οὐδέν. Πλὴν καὶ λέων καὶ δράκων ἐν τῷ κακῷ ἐλάττω τυγχάνουσι. Καὶ μάρτυρεῖ μου τῷ λόγῳ ὁ σοφώτατος Σολομὼν, λέγων· Συνοικῆσαι λέοντι καὶ δράκοντι

Слово, приписываемое I. Златоусту носитъ заглавіе въ Греческомъ текстѣ — «На усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи», а въ Славянской рукописи — «о женахъ злыхъ и самовольныхъ». Греческій подлинникъ изданъ Монфокономъ въ числѣ подложныхъ (spuria). Славянскій переводъ находится въ «Златоструѣ» XVI в., въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Предлагаемъ въ сокращеніи и подлинникъ и переводъ.

Иже во стых ѿца ншго Іонна Златаоустаго о женах злых и самовластныхъ и ꙗзычных и бгобоиных. Блгви ѿче.

Пакы Иродиꙗ бѣситсꙗ, пакы моутитсꙗ и пакы мѧтетсѧ; пакы мещет', пакы просит' главы Іоанна кртлѧ безаконно ѿ Ирода оусѣкнꙋти. Пакы Иезавель приходитъ просѧще Наоуѳѣева винограда разграбити и стго Ілью на горы прогнати. Горе мнѣ! Да не единомоу мнѣ во оужасѣ быті, но всѣмъ вам' слышащимь ѣѵльскыи глас, и со мною чюдитисѧ Іоаннову приходу, а Иродовоу безумию, и безоумных жен' бестоудномоу бесованію. Что бо нынѣ слышахомъ? Ꙗко Ирод рече: емъ Іѡнна, всади в' темницу. Почто? Іродіѧ дѣлѧ жены брата своего Филиппа: ибо хоулѧше все Іродово безуміе ѿ жены обладаемо. Что оубо кто речетъ или како изглет женъ ѡнѣх' неукротимое бѣсовьство! Мнѣ сѧ мнитъ, ꙗко никыи же звѣрь в мирѣ равен' есть женѣ льстиве. Ннѣ же мнѣ о женѣ злѣи льстивѣи слово, а не ѡ добрѣи цѣломдрънеи, ихже бы пакы скажю жизнь на пльзоу и любовь блгмъ. Никыиже оубо звѣрь точенъ женѣ лоукавѣ. Что бо лва злѣе во четвероногых? Нѣсть ничтоже. Что ли страшнѣе зміа в плъжющих? Нѣсть ничтоже. Токмо жена зла и льстива. Лев' бо и зміи вльми хоуждьше соуть жены прокоудивы: свѣдитель бо ми моудрыи Соломон' глаи: лоуче жити съ лвом и с медвѣдем в поу-

εὐδόκησα, ἢ μετὰ γυναικὸς πονηρᾶς καὶ γλωσσώδους. Καὶ ἵνα μὴ νομίσῃς τὸν προφήτην εἰρωνείᾳ εἰρηκέναι, ἐξ αὐτῶν τῶν πραγμάτων κατάμαθε ἀκριβῶς. Τὸν Δανιὴλ ἐν τῷ λάκκῳ οἱ λέοντες ᾐδέσθησαν, τὸν δὲ δίκαιον Ναβουθαὶ Ἰεζάβελ ἐφόνευσε· τὸ κῆτος τὸν Ἰωνᾶν ἐν τῇ κοιλίᾳ ἐφύλαξε; Δαλιδὰ δὲ τὸν Σαμψὼν εὑρήσασα καὶ δήσασα, τοῖς ἀλλοφύλοις παρέδωκε· δράκοντες καὶ ἀσπίδες καὶ κεράσται τὸν Ἰωάννην ἐν τῇ ἐρήμῳ ἐτρόμασαν, Ἡρωδιὰς δὲ αὐτὸν ἐν ἀρίστῳ ἀπέτεμεν· οἱ κόρακες τὸν Ἡλίαν ἐν τῷ ὄρει διέθρεψαν, Ἰεζάβελ δὲ αὐτὸν μετὰ τὴν εὐεργεσίαν τοῦ ὑετοῦ πρὸς φόνον ἐδίωκε. Τί γὰρ ἔλεγεν; Εἰ σὺ Ἠλιού, καὶ ἐγὼ Ἰεζάβελ. τάδε ποιήσαισάν μοι οἱ θεοί, καὶ τάδε προσθείησαν, εἰ μὴ αὔριον ταύτῃ τῇ ὥρᾳ θήσομαι τὴν ψυχήν σου, ὡς ἑνὸς τῶν τεθνηκότων· Καὶ ἐφοβήθη Ἠλίας, καὶ ἐπορεύθη κατὰ τὴν ψυχὴν αὐτοῦ, καὶ ἀπῆλθεν εἰς τὴν ἔρημον ὁδὸν ἡμερῶν τεσσαράκοντα. Καὶ ἦλθεν ὑπὸ Ῥαθμὲν, καὶ ᾐτήσατο τὴν ψυχὴν αὐτοῦ ἀποθανεῖν, καὶ εἶπε· Κύριε ὁ θεὸς, ἱκανούσθω μοι νῦν, λάβε τὴν ψυχήν μου ἀπ' ἐμοῦ, ὅτι οὐ κρείσσων ἐγὼ ὑπὲρ τοὺς πατέρας μου. Ὁ οἴμοι· ὁ προφήτης Ἠλίας ἐφοβήθη γυναῖκα; ὁ τὸν ὑετὸν τῆς οἰκουμένης ἐν τῇ γλώττῃ βαστάζων, ὁ πῦρ οὐρανόθεν κατενέγκας, καὶ δι' εὐχῆς νεκροὺς ἐνείρας,, ἐφοβήθη γυναῖκα; Ναὶ, ἐφοβήθη. Οὐδεμία γὰρ κακία συγκρίνεται γυναικὶ πονηρᾷ. Μαρτυρεῖ δέ μου τῷ λόγῳ ἡ Σοφία λέγουσα, ὅτι Οὐκ ἔστι κεφαλὴ ὑπὲρ κεφαλὴν ὄφεως, καὶ οὐκ ἔστι κακία ὑπὲρ κακίαν γυναικός. Ὁ τὸ κακὸν τοῦ διαβόλου καὶ ὀξύτατον ὅπλον· διὰ γυναικὸς ἐξ ἀρχῆς τὸν Ἀδάμ ἐν παραδείσῳ κατέρωσε· διὰ γυναικὸς τὸν πραότατον Δαυὶδ πρὸς τὴν τοῦ Οὐρίου δολοφονίαν ἐξέμηνε· διὰ γυναικὸς τὸν σοφώτατον Σολομῶντα πρὸς παράβασιν κατέστρωσε· διὰ γυναικὸς τὸν ἀνδρειότατον Σαμψῶνα ξυρήσας ἐτύφλωσε· διὰ γυναικὸς τοὺς υἱούς Ἠλεὶ τοῦ ἱερέως ἠδάφησε· διά γυναικὸς τον εὐγενέστατον Ἰωσὴφ ἐν φυλακῇ δεσμεύσας κατέκλεισε· διὰ γυναικὸς τὸν παντὸς κόσμου λύχνον Ἰωάννην ἀπέτεμε. Τί δὲ λέγω περὶ ἀνθρώπων; Διὰ γυναικὸς τοὺς ἀγγέλους οὐρανόθεν κατέβαλε· διὰ γυναικὸς πάντας κατασφάζει, πάντας φονεύει, πάντας ἀτιμάζει, πάντας ὑβρίζει. Γυνὴ γὰρ ἀναιδὴς οὐδενὸς φείδεται· οὐ λευίτην τιμᾷ, οὐχ ἱερέα ἐντρέπεται, οὐ προφήτην αἰδεῖται. Ὁ κακὸν κακοῦ κάκιστον γυνὴ πονηρά. Κἂν μὲν πενιχρὰ ᾖ, τῇ κακίᾳ πλουτεῖ·

стыни, пежели сь женою льстивою и ꙗзычною[1]). И да не мнiши игру реченiꙗ та, но ѡпытаи бывшаꙗ ѿ них злобы, і познаеши истинну: Данила льви в ровѣ оустыдишасѧ, а праведнаго Наоуфеа Іезавель оуби; китъ Іоноу въ оутробѣ сохрани, Далида же Самьпсона остригши иноплеменникомъ предасть; змиеви і аспиди и керастари в пѹстыни Іѡанна снабдѣша, Иродiꙗ же на обѣдѣ главоу его ѿсече; врани Ілию в горѣ прекръмиша, Іезавель по бл҃годати дождевнѣи оубити его искааше. Что бо гл҃аше, аще ты Илiꙗ, аз же Іезавель. Тако да сотворѧт ми бз҃и и се да приложат ми, аще оутро в сiи часъ не положоу дш҃е твое, ꙗко единого ѿ оумрътых сих, і оубоꙗвсѧ Ілиꙗ, иде на дш҃ѹ свою и прiиде в гороу, и проси дш҃и своеи смр҃ти, и рече: Гд҃и Бж҃е мои! довлѣет ми н҃нѣ, возми оубо дш҃ѹ мою ѿ мене, ꙗко пѣсмь азъ болiи оц҃ь своих. Оувы мнѣ! Пр҃ркь Илиꙗ оубоꙗсѧ жены, иже дождь на ꙗзыцѣ носѧ всеи вселеннѣи, иже огнь словомь с нбсе сведе и мл҃твою мр҃твеца воставивъ, оубоꙗ ли сѧ жены, еи оубоꙗсѧ. Ни едина бо злоба сравнаетсѧ злобѣ женьстѣи: послѹшествѹеть бо ми словесе мдр҃ть глющи: нѣсть главы иноа, паче главы змiевы, и нѣсть злобы паче злобы женьскы. ѡле злое дiаволе острое ороужiе! Женою Адама ис породы изверже; женою кроткаго Двда на оубiенiе Оурiино сотвори; женою премудраго Соломана на престоупленiе соврати; женою доблѧго Самьѱона остриг' ослѣпи; женою цѣломоудренаго Іосифа свѧзавъ в темници затвори; женою всего мiра свѣтилника Іѡанна оусѣкнѹ. Что же гл҃ю о чл҃вцѣх: женою бо и агг҃лы с горы долоу сверже. Жены ради всꙗ оубиваеть', всꙗ закалаетъ, всѧ которает' и безчествуетъ. Жена бо бестудна никогож не ѡбинуетсѧ, ни црк҃вника чтет', ни чистителѧ срамлѧетсѧ, ни пророка стыдитсꙗ. Ѡле зло всего зла

1) Въ «Сборникѣ Паисiевскомъ» Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря находится такое же мѣсто въ Словѣ *о Іродiадѣ и о злыхъ женахъ:* «Никии же звѣрь

ἐὰν δὲ πλοῦτον ἔχῃ τῇ πονηρίᾳ συνεργοῦντα, διssὸν τὸ κακὸν, ἀφόρητον τὸ ζῶον, ἀθεράπευτος νόσος, ἀνήμερον θηρίον. Ἐγὼ οἶδα καὶ ἀσπίδας κολακευομένας ἡμεροῦσθαι, καὶ λέοντας καὶ τίγρεις καὶ παρδάλεις τιθασσευομένας πραΰνεσθαι· γυνὴ δὲ πονηρὰ καὶ ὑβριζομένη μαίνεται, καὶ κολακευομένη ἐπαίρεται. Κἂν ἔχῃ ἄνδρα ἄρχοντα, νύκτωρ καὶ μεθ' ἡμέραν τοῖς λόγοις αὐτὸν ἐκμοχλεύουσα πρὸς δολοφονίαν ὀξύνει, ὡς Ἡρωδιὰς τὸν Ἡρώδην· κἂν πένητα ἔχῃ ἄνδρα, πρὸς ὀργὰς καὶ μάχας αὐτὸν διεγείρει· κἂν χήρα τυγχάνῃ, αὐτὴ δι' ἑαυτῆς τοὺς πάντας ἀτιμάζει. Φόβῳ γὰρ Κυρίου οὐ χαλινοῦται τὴν γλῶτταν, οὐκ εἰς τὸ μέλλον κριτήριον ἀποβλέπει, οὐκ εἰς Θεὸν ἀναβλέπει, οὐ φιλίας οἶδε θεσμοὺς φυλάττειν. Οὐδέν ἐστι γυναικὶ πονηρᾷ τὸν ἴδιον ἄνδρα παραδοῦναι εἰς θάνατον....... Ἀλλὰ περὶ πονηρᾶς γυναικὸς ὁ λόγος ἄχρι τούτου ἐχέτω ὅρον. Δεῖ δὲ ἡμᾶς μνημονεῦσαι καὶ τὰς ἀγαθὰς, μάλιστα διὰ τὰς παρούσας. Αἱ γὰρ ἀγαθαὶ τὰς τῶν ἀγαθῶν ἀρετὰς ὡς ἰδίας ὁρῶσι, καὶ τοὺς ἐκείνων πόνους ὡς ἰδίους στεφάνους εἶναι λογίζονται. Γυνὴ ἀγαθὴ καὶ φιλόξενος ἦν ἡ μακαρία Σουμανῖτις, ἥτις τὸν ἄνδρα παρακαλέσασα, δωμάτιον ᾠκοδόμησε τῷ Ἐλισσαίῳ, ἵνα διερχόμενος ἀκωλύτως ἔχῃ τὴν ἀνάπαυσιν..... Ἠκούσατε, γυναῖκες, τὰς τῶν πονηρῶν γυναικῶν πράξεις, καὶ τὰς τῶν ἀγαθῶν ἀρετάς. Τὰς μὲν οὖν ἀγαπήσατε, τὰς δὲ μὴ ποθήσατε· καὶ τὰς μὲν μιμήσασθε, τὰς δὲ μισήσατε, ἵνα τὸν αὐτῶν δρόμον, τῶν καλῶν λέγω, ἰχνηλατήσαντες, εἰς τὸν αὐτὸν τῶν ἁγίων χορὸν ἀριθμηθῆτε ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ τῷ Κυρίῳ ἡμῶν, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. Ἀμήν.

(S. Ioannis Chrysostomi Opera omnia ....op. et stud. Bernardi de *Montfaucon*. Parisiis. 1637. Tomus octavus, pars altera. p. 609—614.

злѣе — жена злаязычна: аще бо нища есть, то спону имать оубжіа ради, аще ли бгатство имать, и то злобѣ еи помагает. Трегубо зло, тажек живот. Аз видѣх аспиды кротимы и кротишаса; жена же лоукава и сварлива всегда бѣситса и кротима выситса. Аще ли имать моужа болярина, нощь и день възострает срдце емоу на прелестное оубіиство оустащи, якоже Иродіа Ирода. Аще ли нища имать моужа, на дръзновение и на которы вставлаетъ. Аще ли вдова есть, сама собою вса безчествует. Страхом Божіимь не восхластит си языка, ни на боудоущее соудище взирает, ни любовного вѣсть хранити закона, но и присного моужа предаваеть на смрть.... Но еже ѡ злых женахъ слово до здѣ имамъ оуставити. Лѣпо же намь поманѹти і о блгых, паче же ѡ здѣ сущых. Блгыа бо во блгыхъ добрѣ видяще и сами са онѣхь нравы красаще, и онѣхь троуды своя сѹща вѣнца глють. Жена добра и моужа спсет: помысли блжнноую Сѹмаитаныню, яже мужа оумоливьши възгради храмину Іелисѣеви, да прихода бес сумнѣніа имать покоище.... Слышасте оубо злых женъ дѣла и блгыхъ жен доброты. Да сіа любите и дѣлъ их желаите и нравъ их подражаите а дроугыя злыя жены возненавидите, да таковых злыхъ искусъ не пріиметъ, но блгых житіе свое скончавше, и в тои стыи ликъ внидѣте о Хрістѣ о Господе нашемъ, Ему же слава, честь и дръжава коупно съ ѿцемъ и съ Сватымъ и благымъ и животворащим Духомъ всегда и нынѣ и присно і во вѣкы вѣком. Амінь. (л. 366—370).

убо подобенъ есть женѣ злѣи язычнѣи. Что лютѣе льва в четвероножных, что ли горшее в ползущих ядовитыя змѣи; яко левъ и змия хуже ес злыя жены язычныя, свидѣтельствуеть бо ми мудрый гля: луче есть со львомъ в пустыни жити, нежели съ женою злою». См. *Шевырева* Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. 1850. Часть 2, стр. 39.

На ту же тему написано одно Русское произведеніе, помѣщенное въ Сборникѣ XVI в., Троицко-Сергіевой Лавры, № 31, подъ заглавіемъ: «На праздникъ Іоанна Предтечи слово Іоанна Златоустаго о женахъ». Но прежде, нежели приведемъ его, не можемъ не указать на отношеніе предложеннаго уже произведенія къ одному изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древней Русской словесности — къ слову Данила Заточника. Сходство ихъ въ общемъ тонѣ отзывовъ о женщинахъ очевидно. Оно простирается и на нѣкоторыя отдѣльныя выраженія; считаемъ нужнымъ указать ихъ.

Слово І. Златоуста.	*Слово Данила Заточника.* (Памятн. Россійск. Слов. XII в.).
Что бо лва злѣе во четвероногых? Нѣсть ничтоже. Что ли страшнѣе зміа в плъжющих? Нѣсть ничтоже. Токмо жена зла и льстива.	Что лва злѣе въ четвероногыхъ? и что змѣи лютѣйши въ ползущихъ по земли? всего того злая жена злѣе. (238).
Нѣсть злобы паче злобы женьскы.	Нѣсть на земли болши женьскія злобы. (стр. 238).
Женою Адама ис породы изверже.... женою цѣломудренаго Іосифа свѧзавъ в темници затвори.	Женою бо сперва прадѣдь нашъ Адамъ изгнанъ бысть изъ рая; жены ради Іосифъ прекрасны въ темницѣ затворенъ бысть. (238—239).
Жена же лоукава и сварлива всегда бѣситсѧ и кротима выситсѧ.	Злая жена бьема бѣсится, а кротима высится. (стр. 237).

То же въ Пчелѣ (гл. 68): «О злое зло зла жена лоукава и нѣ никоего зла паче зла злы жены и льстивы: бьема бѣситьсѧ, кротима выситьсѧ».

Приведенныя мѣста представляются заимствованіями, посредственными или непосредственными, изъ слова Златоуста; три

первыя стоятъ даже рядомъ у Даніила Заточника. Отчасти же замѣтно вольное подражаніе, какъ въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Жены ради вси оубивает, вси закалаетъ, вси которает и безчествуетъ. Жена бо бестудна никогож не ѡбинуетсѧ, ни цр҃квника чтет, ни чистителѧ (ст҃телѧ) срамлѧетсѧ, ни пророка стыдитси.

Злая бо жена ни ученія слушаетъ, ни Бога ся боитъ, ни людей стыдится, но вся укаряетъ и вся осужаетъ (стр. 238).

Аще ли имать моужа боярина, нощь и день възострѧет ср҃дце емоу на прелестное оубіиство оустѧщи, якоже Иродіа Ирода. Аще ли нища имать моужа, на дръзновение и на которы вставлѧетъ.

Злая жена въ богатествѣ гордится, а во убожествѣ иныхъ осужаетъ (стр. 236).

Это мѣсто могло быть составлено по выпискамъ изъ Слова Златоуста въ Пчелѣ. Въ ней оно читается такъ: «ни Бога боитьсѧ жена безъстоудна, ни закона послоушаеть, ни ст҃лѧ (святителя) послушает, ни старьца стыдитьсѧ, но всѣмъ досажаеть, и всѣхъ потѧзоуеть, и всѣхъ оукарѧеть и всѣхъ хоулить». Глава 68 «о женахъ».

Отъ указанія отношенія слова въ Златоструѣ къ Слову Данила Заточника переходимъ къ произведенію, состоящему въ нѣкоторой связи съ обоими памятниками. Передадимъ его по Лаврскому списку.

Слово о женахъ.

Егда загорится храмина, чѣмъ ее гасити? водою. Что болѣ воды? вѣтръ. Что болѣ вѣтра? гора. Что силнее горы? человѣкъ. Что болѣ можеть человѣка? хмель: отъимаеть руки и ноги. Что лютѣе хмелю? сонъ. Что лютѣе сна? жена зла. Аще ли будетъ жена зла (ошибкою вмѣсто *добра*), да боится Бога и послушаетъ

мужа своего во всемъ. *Аще ли будетъ жена зла, то не боится Бога, да ни мужа своего, ни стл҃я чтитъ, и не срамляется никогоже*, ни очію на небо къ Богу не возводитъ, ни закона Божія не знаетъ, но всякого осужаетъ и всякого коритъ, и *нѣсть злобы паче женьскыя злобы. О злое оружіе діаволе*, стрела сатанина с чемерью. Зло есть змія скоропія и зміа ехидна, того всего злѣе злаа жена на мужа своего. Змія бо идетъ къ чл҃ку и боится его и бежитъ ѿ него, а жена злая возле мужа лежитъ, а дышитъ на него змиевымъ дх҃омъ. Червь древо сушитъ, а жена зла мужа погубитъ. Како во оутлѣ лоди ѣздити, такъ з безумною женою жити. *Лутше со лвѡм в пустыни жити, нежели со злою женою*[1]). Первое Адама жена погубила, Илью пророка в пустыню загнала. *Іоанна кр҃тителя звѣри в пустыни боялися, а злая жена главу ему усѣкнула. Іоаннъ в пустынях укротилъ звѣри: лвове и ногове и медвѣди, а жена злая неукротимыи звѣрь.* Царя Соломона нѣсть премудрее на земли, и того жена прельстила: идоломъ поклонилъсѧ. Менандръ рече: ащели хощеши бес печали быти, не женися. Едино ти удержати плоть свою отъ похоти женскія; аще кто можетъ унятися, да не женится: претерпѣвъ до конца спасется, а подавъ себѣ волю погубится. Аще ти поимется жена добра, то умъ твой цѣлъ есть и не разстроится ни в чемъ. Куды идеши или плаваеши, о дому ся о своемъ не печалуй ни в чемъ, а коли домо бѫдеши, о добрѣ женѣ обрадуешися, и ѡ детех своих, и на чюжѫю радость не ходи: радость у тебя по вся дни дома есть. Аще кому жена зла за грѣхи дасться, что ти ити надъ чюжимъ мр҃твецем плакатися: плачь у тебя дома по вся дни. Аще ти и слезы не текутъ, ино ср҃дце плачетъ. И в люди идеши, а унываеши; люди веселятся, а ты скорбиши. И уповай на Бога всѣмъ срдцемъ и спасешися. Ему же слава и в вѣкы вѣком. Аминь.

При разсмотрѣніи состава приведеннаго слова замѣтно, что

---

1) См. Сирах. XXV. 18: Лучше жити со львомъ и зміемъ, неже жити с женою лукавою.

однимъ изъ источниковъ его было слово въ Златоструѣ. Мѣста, напечатанныя курсивомъ, суть видимыя заимствованія изъ Златоструя. Напечатанныя же капителью заимствованы изъ слова Данила Заточника и также съ нѣкоторою передѣлкою. Вмѣсто: «червь бо древо тлитъ, а злая жена домъ мужа своего теряетъ», какъ у Заточника, читаемъ: «червь древо сушитъ, а жена зла мужа погубитъ». Въ Притчахъ Соломона находится такое же сравненіе (XII, 4): «Якоже в древѣ червь, тако мужа погубляетъ жена злотворная». Вмѣсто: «лутчи есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати»—«Како во оутлѣ лоди ѣздити, такъ з безумною женою жити». Вообще при заимствованіяхъ въ авторѣ примѣтна своего рода самостоятельность: онъ пользовался чужою мыслію, придавая собственное выраженіе. Заключеніе слова съ изреченіемъ Менандра взято изъ Пчелы, а начало носитъ слѣды вліянія народной поэзіи. Первый мотивъ могъ быть заимствованъ и изъ вопросовъ въ Златоструѣ: «Что злѣе льва въ четвероногихъ? Что страшнѣе змѣи въ пресмыкающихся»? Распространенная же форма находится въ связи съ обычною формою загадокъ, древность которой открывается въ удержаніи ея въ народной словесности многихъ нашихъ соплеменниковъ, не говоря уже о другихъ Европейскихъ народахъ. Въ старину загадка вовсе не была такою наивною вещью, какъ въ наше время. Люди весьма почтенные повторяли ее съ достоинствомъ, какъ повторяли и такія изреченія: «ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна» и тому подобныя, которыя у писателей XVIII вѣка начали уже отзываться общими мѣстами. Въ духовныхъ стихахъ, стоявшихъ, по понятію предковъ нашихъ, такъ высоко въ сравненіи съ обыкновенными свѣтскими, встрѣчаются обороты въ родѣ употребленныхъ въ нашемъ словѣ. Въ «Евангелистой Пѣснѣ» двѣнадцать разъ произносится вопросъ о таинственномъ смыслѣ чиселъ: «повѣдайте, что есть единъ», «повѣдайте, что есть два», и т. д., — на что и слѣдуютъ отвѣты. Въ стихѣ «о Голубиной книгѣ» разрѣшаются вопросы: «коя рѣка всѣмъ рѣкамъ мати», «коя гора всѣмъ горамъ мати», «кое древо

всѣмъ древамъ мати» и т. п.[1]). Что же касается до естественной въ этомъ случаѣ формы вопроса, то она могла особенно нравиться автору, какъ нравилась всѣмъ его современникамъ, и не потеряла своей привлекательности даже въ XVIII вѣкѣ[2]). Упоминаніе такихъ вещей, какъ сонъ, хмель и т. п., могло казаться автору нисколько ненарушающимъ приличія и важности рѣчи, если ему знакомы были подобныя сравненія у Заточника: «не скотъ

---

1) Русскіе народн. стихи, собр. *Кирѣевскимъ*. Чтенія Московскаго Общества Исторіи и древностей. 1848. № 9, стр. 187—193. Г. Буслаевъ (въ статьѣ своей, помѣщенной въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Калачовымъ. Книжка 1-я. 1850. Отдѣленіе 4, стр. 21—22) указалъ отношеніе стиха о Голубиной книгѣ къ его письменному источнику. Г. Буслаевъ приводитъ мѣста для сличенія рукописнаго Сборника XVI в. Въ стихѣ представляются разговаривающими пророкъ Давыдъ и князь Владиміръ; въ Сборникѣ Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Такой же разговоръ вписанъ и въ Сборникѣ XVI в. Троицко-Сергіевой Лавры подъ заглавіемъ:

«Слово Св. Григорія Богослова и Василія Кесарійскаго, І. Златоуста вспрос и Ѿвѣт.». На вопросъ *Г.:* отъ колика частей създанъ бысть Адамъ? *І.* отвѣчаетъ: Отъ 8 частеи: сердце отъ камени; отъ земля тело, и персти, и кости, и волосы; отъ облака мысли; отъ вѣтра дыханіе; отъ чермнаго моря кровь; отъ огня тепло; отъ солнца очи; самъ Господь дхнулъ въ члка душа.—Весьма любопытны слѣдующіе вопросы и отвѣты въ Сергіевомъ Сборникѣ: *І*: отъ чего громъ сотворенъ есть? *В:* два ангела громная еста, и *елеоньскыи старець Пероунь* есть, а *Хоръ* (sic) есть жидовинъ.—*І:* Како сѧ нарече Адамъ? *В:* Посла Богъ ангеломъ взѧть на въстоцѣ *а*, на западѣ *д*, на оузѣ *м*, на сѣверѣ ъ:—то ти есть *Адамъ*.—*Г*: Кому сосла Бгъ грамоту? *В:* Сиѳоу, Адамову сноу, и т. д.— Эти вопросы и отвѣты принадлежать къ числу такъ называемыхъ «ложныхъ книгъ». Въ уставѣ церковномъ, писанномъ въ 1608 г., при исчисленіи ихъ подъ заглавіемъ: *Бгоотметныѧ книги и невидимыѧ*, упоминается и «что глаѓно ѡ Василіи Кесаріистемъ и ѡ Григоріи Богословѣ і ѡ Иѡаннѣ Зл҃устемъ что вопроси и Ѿвѣти во всемъ по рѧдоу». (Рпсь Румянц. Муз. № 449, л. 107). Въ книгѣ Кирилловой, напечат. въ Москвѣ въ 1644 г., читаемъ: «сіѧ *книги Ѿреченныѧ*. Ино лгано о Василіи Кесарійстѣм. ѡ Григоріи Богословѣ, и Іѡаннѣ Златоустѣ. Вопросы и Ѿвѣты, что отъ колика частей сотворенъ бысть Адамъ, и что Провъ царь другомъ Христа назвалъ, и то попъ Іеремія Болгарскій солгалъ». Переводъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ съ дополненіями былъ извѣстенъ у насъ уже при митрополитѣ Кипріанѣ (1376—1406). См. *Востокова*, Опис. рпсей Румянц. Муз. стр. 717.

2) Ср. *Карамзина* Мелкія стихотворенія. «Что есть жизнь наша? сказка. А что любовь? ея завязка.—Что есть любить? тужить. А равнодушнымъ быть? не жить.—Когда любовь безъ ногъ? Какъ надобно итти». Сочиненія Карамзина. 1848. Т. I.

въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, а не мужь въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ».

Указавъ отношеніе «слова о женахъ» къ слову Златоуста о томъ же предметѣ, укажемъ для полной характеристики занимающаго насъ памятника и на его, такъ сказать, домашнія отношенія, на связь его съ однородными произведеніями Русской письменной словесности. Чтобы эта связь представилась ясно, приведемъ одно изъ «словъ о женахъ» вполнѣ. Выбираемъ помѣщенное въ Сборникѣ XVI вѣка, Румянцевскаго Музеума, № 359, л. 267—270 об.

Слово о злых женах.

Ничтоже ѐ подобно злои женѣ, развее огонь да море да женскаа злоба: огнь бо грады пожигает, а море корабли потоплѧет, а злаа жена дом мужа своего пустъ стварѧет, и самого мужа своего погубит. Что лва звѣрѧ лютѣе в четвероногих? что змеи лютѣе в ползущихъ по земли? Но всего того злѣе лютаа злаа жена на чл҃ка. Перваго прадѣд нашего Адама из раа изгна Бг҃ъ жены ради; Иосиѳ прекрасныи в темнице затворен бы жены ради; Дв҃дъ царь еврѣискии повелѣ Оуріѧ оубити, а сам со женою его въ грѣх впаде. Злаа жена Далида мужу своему Самсону главу остриж, иноплеменником преда его. Пр҃мдрыи ц҃рь Соломон женою ада наслѣдив. Александръ Макидонскіи ц҃рь оуморенъ бысть злою женою. Злаа жена Елеоуѳерію мужу своему главу оусѣче. Злыа ради жены Данила пророка в ров ввергоша, лвы и звѣри нозѣ ему лизаху, а злаѧ жена хотѧше его на см҃рть предати. Іоана пр҃дтчю вси звѣри в пустынѧхъ боѧлисѧ, беззаконная Иродиѧ испроси оусѣкнути главу его. Илію пророка в пустынѧх вранове питаху, а злаѧ жена хотѧше его на см҃рть предати. Онъ бѣжаше в пустыню ѿ злыа жена; оувы! оувы! злаа жена! испроси дождь на ѩзыцѣ и огнь с н҃бсе сведе. А (ошибк. вм. *о*) зло оружие острое диѧволе! какъ стрѣла летѧще с чемерицею оударитъ чл҃ка въ ср҃це — и нѣсть ему живота, також злаа жена лукаваѧ, гордъливаа, величаваѧ. Подобна есть перечесу: здѣ

свербит, а индѣ болит. Что есть злаѧ жена? Пагуба д҃ши, а тѣлу соухота, а оуму мѧтеж, а очем дымъ, а ıазыку горесть, а рукам мозол. Лутче есть ч҃лку трѧсцею лежати, нежели со злою женою жити: трѧсца потрѧсши пустит, а злаѧ жена до см҃рти сушит. Подобна есть вьѧлицѣ зимѣ на морозѣ. Лоутче есть во оутлѣ корабли плавати, нежели злои женѣ правда повѣдати: корабль оутел товар потоплѧет, а злаа жена дом моужа своего пустъ створѧет и самого мужа своего погоубит. Немочно ч҃лку пѣшу в полѣ заица постичи, а со злою женою сп҃нія не добыти. Злаа жена ѿгнание аг҃глом, оугоженіе діаволе. Как ржа ıасть желѣзо, тако злаа жена мужа своего соушит. Что есть злаѧ жена? Лишеніе ц҃рства н҃бснаго, а ѿлученіе праведником, заключеніе жизни вѣчныа, введет в моуку вѣчную. Оувы, оувы, злаа жена! Видѣв оу нѣкоего мужа злаа жена оумерла, онъ же по смерти еѧ нача плакатис, и азъ рекох ему: чему, брате, плачешис по своеи злои женѣ? Онъ же рече: того ради аз плачюс по злои своеи женѣ, боудет злодѣи прикинулас — незаправду оумерла, а боудет заправдоу оумерла, дабы ми с (= ся) инаа такова не поняла. И аз рекох: неоудобь, брате, лихіа жены избыти, аще ѿ тебѧ еа Бг҃ъ не избавит. И шед домов начат дѣти своѧ продавати. И азъ рекох ему: чему, брате, дѣти своа продаешь? Он же рече: того дѣлѧ дѣти своа продаю, аще будут велики, родилисѧ в матерь, и они възрастутъ велики да менѧ продадоут. Бг҃у н҃шму слава». —

Приведенное слово, любопытное само по себѣ, важно для объясненія другихъ памятниковъ древней Русской словесности и прежде всего Слова Данила Заточника. Особенно замѣчательно заключеніе отъ словъ: «видѣвъ у нѣкоего мужа злаа жена оумерла» и т. д.: содержащійся въ немъ разсказъ о мужѣ, у котораго умерла злая жена, подробнѣе передаетъ то, о чемъ только упоминается въ Словѣ Заточника. Въ послѣднемъ памятникѣ находится одна слѣдующая часть разсказа: «нѣкоему же умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начатъ дѣти продавати; людіе же рѣша ему: чему продаешь дѣти? онъ же рече имъ:

аще ли будутъ родилися въ матерь, и они возрастьши мене продадутъ»[1]).

Возвращаясь къ «слову о женахъ», приписанному Златоусту, замѣтимъ, что до нѣкоторой степени возможно представить себѣ и источники, которыми пользовался Русскій авторъ, и самый взглядъ его на собственное произведеніе. Быть можетъ, чтеніе Златоструя и Пчелы навело автора на мысль выразить свое понятіе о женщинахъ, и самые источники ручались уже за достоинство избраннаго предмета. Уклоняясь отъ своихъ образцевъ, пишущій не дозволялъ себѣ ничего такого, что было бы противно требованіямъ современнаго ему вкуса. При этомъ надобно имѣть въ виду, что въ древній періодъ устная и письменная словесность вовсе не были у насъ въ такомъ разладѣ между собою, въ какой поставило ихъ XVIII столѣтіе. Составивши слово, авторъ, по вкоренившемуся обычаю, не выставилъ своего имени. Одинъ изъ читателей, которому пришлось по душѣ замысловатое изображеніе женщинъ, вписалъ его въ свой сборникъ и попытался опредѣлить автора. Кому же было приписать прекрасное, по его понятію, произведеніе, какъ не тому, изъ устъ котораго лились золотыя слова. Переписывавшій былъ знакомъ съ именемъ и сочиненіями Златоуста, чему доказательствомъ служитъ то, что онъ поставилъ имя его въ заглавіи, и притомъ не безсознательно, а на извѣстномъ основаніи. Надпись: «на праздникъ Іоанна Предтечи слово Іоанна Златоустаго о женахъ» показываетъ, что переписчику извѣстно было сочиненіе Златоуста о томъ же предметѣ и на тотъ же праздникъ. Память говорила ему, что есть слово Златоуста именно объ этомъ предметѣ, а давность чтенія или другое какое-либо обстоятельство оставило въ немъ только смутное воспоминаніе о читанномъ. Руководствуясь этимъ воспоминаніемъ, при общемъ настроеніи вѣка видѣть въ каждомъ замѣчательномъ произведеніи трудъ Златоуста, переписчикъ рѣшился означить его именемъ безъ-

---

1) Памятники Россійской словесности XII вѣка, стр. 239.

именное слово. По крайней мѣрѣ такимъ путемъ, кажется, довольно естественно объяснять появленіе любимаго псевдонима на нѣкоторыхъ произведеніяхъ нашей древней словесности.

Другіе псевдонимы являлись иногда въ слѣдствіе того, что произведеніе безъименное, помѣщенное рядомъ съ произведеніемъ извѣстнаго автора, приписывалось тому же автору. Случалось, что неумышленная ошибка писца была причиною псевдонима: писецъ смѣшивалъ порядокъ именъ, стоявшихъ на отдѣльныхъ статьяхъ оригинала, какъ смѣшивалъ иногда и самыя заглавія. Такъ напримѣръ, во второмъ словѣ Ѳеодосія, носящемъ заглавіе: «о тръпѣніи и о любви и о постѣ», говорится о помощи бѣднымъ и не упоминается ни о терпѣніи, ни о любви, ни о постѣ, между тѣмъ, какъ въ первомъ словѣ дѣйствительно говорится о любви, а въ третьемъ о терпѣніи. Иногда вмѣсто точнаго имени автора въ рукописи поставлено имя описательное или собирательное, находящееся въ связи съ содержаніемъ произведенія. Такъ обличеніе христіанъ, живущихъ *двовѣрно* — вѣрующихъ въ Перуна и Хорса, названо «Словомъ нѣкоего Христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ». Слово о пьянствѣ, носящее въ иныхъ рукописяхъ имя Ѳеодосія и составляющее часть его слова о казняхъ Божіихъ, въ другихъ имѣетъ заглавіе: «Слово стых Ѡць о пьѧньствѣ», на томъ основаніи, что въ словѣ развивается та идея, что праздники учреждены *Святыми Отцами* для цѣлей нравственныхъ, а не для пировъ и чувственныхъ удовольствій. Вообще въ древней словесности Русской наиболѣе употребительными были три рода псевдонимовъ. Оригинальныя Русскія сочиненія или получали собирательное названіе поученій Св. Отцевъ, «отъ святыхъ книгъ» и т. п.; или, что всего чаще, они приписывались Златоусту; или же на нихъ выставлялось имя другаго Отца Церкви: Василія Великаго, Григорія Богослова, Кирилла Философа и т. д. Какъ образцы троякаго рода псевдонимическихъ сочиненій избраны нами три произведенія, изъ которыхъ одно уже приведено, два другія сообщатся ниже. Причина выбора нашего заключается отчасти въ неизвѣстности этихъ произ-

веденій, отчасти въ томъ, что они могутъ быть названы въ нѣкоторомъ отношеніи типическими.

Въ какомъ бы видѣ ни являлись псевдонимы и имена авторовъ сомнительныя, во всякомъ случаѣ изслѣдованіе о нихъ принадлежитъ къ числу чрезвычайно любопытныхъ предметовъ въ исторіи древней нашей словесности. Сознавая интересъ подобныхъ изслѣдованій, предлагаемъ, какъ матеріалъ для нихъ, два произведенія Русскихъ авторовъ. Одно изъ нихъ замѣчательно какъ по составу своему, такъ и по имени мнимаго автора, которое встрѣчается на многихъ древне-Русскихъ произведеніяхъ и иногда возбуждаетъ сомнѣніе или противорѣчіе. Другое представляетъ много общихъ чертъ съ первымъ, такъ что они другъ друга дополняютъ. На первомъ произведеніи выставлено имя Кирилла съ постояннымъ прозвищемъ Философа: Кириллу Философу приписывается «поученіе», которое приводимъ изъ Сборника XVI в. въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ.

Пооучение Кирила Философа.

Брате Варѳоломѣю, пріиди ко мнѣ, акы пчела къ цвѣтоу, приклони оуши свои къ г҃ланію оуст моихъ, да насладиши гортани свои паче медꙋ и сахара словесы моими. Брате мои, боуди оунъ телом, нъ оумом старъ боуди, и въстрꙋби въ трꙋбоу смысла своего, да слѣтѧтьтисѧ акы пчела птици—помысли добры, и полѣтаи мыслию своею, акы орелъ по воздоухꙋ. Брате мои, мирьскаа гонѧ, востоупаи на д҃хвнаѧ, работаѧ грѣхоу, повини҇ Бгоу; затворисѧ во-тмѣ и приходи же къ свѣтоу. Брате мои, чернецъ ли еси, то не часто в миръ ходи, да не пачноутъ играти тобою бѣси, ꙗко птичемь обешены. Брате мои, слепымь око, хромым нога, глꙋхимъ оухо, алчоущим пища, нагимъ одежа, больных посѣщаи. Брате мои, аще еси м҃дръ (мудръ), не сѣи м҃дрости блоудным: оселъ бо лѣнивъ подъ телѣгою подпрѧженъ нѣ имѣтъ ско итти (скончити?), ни блоудныи м҃дрости глаголати. Брате мои, не сѣи жита на браздахъ, ни мудрости на сердци с безумным.

Брате мои, не боуди въ власти гордасѧ и егда отпад боудеши пуще нищаго: око бо егда нечисто боудеть, то бръвна не навидитъ, всех знаеть, а при власти всѣх плени отрицается. Брате мои, не оскорби члка, ни вложи печали въ сердци члкꙋ.

Имѣите терпѣние в велицѣ мдрости Иосифле, разоум Данилов, любовь Га нашего Іса Ха, покаание Двдво, нищелюбие Аврамле. Яко мртвець не можеть на кони оудръжати, тако не можетъ оудръжати зла слова клеветникъ. Иже человеци ничим же лоучше звѣри: аще бы намь тако волно ходить безъ цареи и без властелеи, то изъадали сѧ быхом зоубы дроугъ дроуга. Все есть на земли огневи покорено: землѧ, железо, древо, толико вода; тако и члкꙋ все есть покорено развие смрти. Не то есть истинныи оурод, иже родисѧ оуродно: то есть оурод, иже ѿ свершена оума оуродоуеть Бога ради, да члком оуродивъ, а Бгоу всѣхъ мдрие. Не тои правдень есть, иже не обидить, а обиды не терпить, но тои правденъ есть, иже обидѣти можетъ, а не обидитъ. Дроуга ищи не милѧ сѧ тебѣ деюща, по тебѣ молвѧще; но ищи крѣпкаго дꙋмою и ползы тебѣ деюща, противлѧющисѧ непостыжнымъ твоим словесемъ, глемым покриву: ꙗкоже пчелы жала ненавидимъ, но плода ради любимъ. Свара дѣлѧ дрꙋжніи таины не проѧви, но на дроужбоу надѣисѧ опѧть емоу възратитисѧ. Ласкание подобно есть щитоу нетвердꙋ. Что ради боуѧеши, члче, землѧ сы и пепелъ? Не вѣси ли, ꙗко нази родихомсѧ на житие, опѧт ны нагымъ же отъити свѣта сего, а богатество останетсѧ; аще и многыми землѧми владѣеши при животѣ, а оумрши двѣма портищема будеши владѣя. Злаго моужа блюдисѧ молчаниа, ꙗко потаи хытающаго пса. Оуне есть полагати къ своемоу житию съ оутѣшениемъ, нежели вборзе възвыситисѧ чюжимь житием, а после обнажитисѧ всѣго. Отъ печали въсходитъ болѣзнь, а отъ болести смрть; но приклони скорбь срдчноу на крѣпо. Аще бы Бгъ пеклъсѧ ленивыми, то бы велѣлъ былию жито ражати, а лѣсу всѧкои овощь. Ꙗкоже ластовица частѧще пѣсни отгонить сладость пѣснѣную, такоже и многорѣчивыи часто

бѣсѣдоующе. Аще ли комоу смѣють или хоулать, ты хвали и люби: то ѿ Бога прiимеши мздоу, а ѿ того честь.

Брате мои, чертог аще боудетъ златомъ оукрашенъ, а невѣста злообразна, то нѣсть любы жениxoy; тако и Богови неоугодно есть, иже кто тѣломъ красенъ, а душу имѣа оскверненꙋ злыми дѣлы. Брате мои, аще люди оучиши законоу, то преже самъ послꙋшаи гласа оусть своихъ: аще боудеши акы кладазь многы люди напала, а самъ въ днѣ имеа скровище нечистоты».

По всей вѣроятности это сочиненiе есть трудъ Русскаго, взявшаго за образецъ притчи Соломона, Сираха и афоризмы Пчелы. Есть сходныя мѣста и съ Словомъ Данила Заточника. Начало поученiя составлено изъ разныхъ мѣстъ Слова Заточника.

Памятники Россiйской Словесности XII вѣка.	*Поученiе Кирилла Философа.*
стр. 239. Быхъ яко пчела падая по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ.	Брате Варѳоломѣю, прiиди ко мнѣ, акы пчела къ цвѣтоу... да насладиши гортани свои паче медꙋ и сахара словесы моими.
стр. 235. Юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслiю яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меда словеса устъ моихъ.	Буди унъ тѣломъ, но умомъ старъ буди, и воструби въ трубу смысла своего... полетаи мыслiю своею, акы орелъ по воздуху.
стр. 229. Вострубимъ, братiе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего.	
стр. 236. Не сѣи бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ.	Не сѣй жита на браздахъ, ни мудрости на сердци безумнымъ.

стр. 240. Якоже бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидима бываетъ.	Якоже ластовица, частяще пѣсни, отгонитъ сладость пѣсненую.
стр. 240. Дайже князю нашему... Іосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кротость Давыдову.	Имѣите терпѣніе Іосифле, разумъ Даниловъ, покаяніе Давыдово, нищелюбіе Авраамле.

Выраженія: «молодъ тѣломъ, а умомъ старъ», «летать мыслію, какъ орелъ» — принадлежатъ къ числу самыхъ употребительныхъ въ древне-Русскомъ языкѣ. Ими обозначается и умственное и нравственное достоинство человѣка. О князѣ Борисѣ говоритъ Несторъ: «бяше дѣтескъ тѣломъ, а умъ старъ». О Макаріѣ Римскомъ находится такой отзывъ въ «Словѣ о житьи» его: «бѣ бо унъ тѣлом, а оумом старъ и высокъ мыслью, лѣтаи мыслью под нбсемъ, ѩко орелъ»[1]).

Какимъ же образомъ имя Кирилла Философа явилось на произведеніи? Думаемъ, что это могло произойти также не отъ прямого невѣжества переписчика, впервые поставившаго имя, а по увлеченію преданіемъ, идущимъ отъ незапамятныхъ временъ. Имя Кирилла принадлежало къ числу громкихъ литературныхъ именъ какъ въ Греческомъ христіанскомъ мірѣ, такъ и въ Русскомъ. Прозвище *философъ* въ древнихъ рукописяхъ придается обыкновенно, хотя и не исключительно, св. Кириллу, просвѣтителю Славянъ (827—869). Между Греческими писателями этого имени знаменитѣйшіе были: Кириллъ, епископъ Іерусалимскій († 386) и Кириллъ, архіепископъ Александрійскій († 444). Между Русскими: Кириллъ, епископъ Туровскій (о которомъ одно изъ позднѣйшихъ упоминаній относится къ 1182 году); Кириллъ I-й, прозванный Философъ († 1233); Кириллъ II-й, митрополитъ Кіевскій († 1280); современный ему Кириллъ, епископъ Ростовскій; — не упоминаемъ уже писателей послѣдующихъ. До какой же сте-

1) Сборникъ конца XV и начала XVI в. въ Румянц. Муз. № 358, л. 304 и т. д.

пени труды всѣхъ этихъ писателей были извѣстны на Руси и давали возможность Русскому читателю приписать «поученіе» одному изъ нихъ? Что касается до Славянскаго Апостола, то кромѣ перевода священныхъ книгъ, памятникомъ его литературной дѣятельности осталось только «Исповѣданіе Вѣры». Кириллу Философу приписываются также, начиная съ XII вѣка, нѣсколько изреченій. Еще Кириллъ Туровскій приводитъ одно изъ нихъ: «Кириллъ Философъ рече: не того ради сътворени быхомъ, да ямы и піемъ и въ одежи различныя облечемся; но да угодимь Богови и будущая и благая получимь» [1]). Въ Златоустѣ по списку XVI вѣка, въ одномъ изъ Русскихъ поученій: «Кирилъ Философъ рече: человѣка Богъ созда междоу двоу животны: междоу ангелъ и скота: кромѣ Ангелъ гнѣвомъ и похотію, а кромѣ скота словомъ и смысломъ» [2]). Въ рукописномъ собраніи статей касательно монашества, называемомъ «Старчество», читаемъ: «Рече с҃тыи Кирилъ Ѳилосоѳ: разумѣи, человѣче, апостольскую тайну и с҃тхъ писаній откровеніе: дано есть на воле суета мира сего—врата ти на востокъ, врата на запад, пути есть два: пут един жизни, а вторый погибели, рай отворенъ и бездна открыта» [3]).

Если обратить вниманіе на то, что два первыя выраженія встрѣчаются въ сочиненіяхъ, ходившихъ у насъ во множествѣ списковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что житіе Кирилла извѣстно было съ весьма давняго времени, то можно согласиться, что Русскому читателю легко было составить себѣ и удержать въ памяти нѣкоторое понятіе о личности Св. Кирилла. Имя его сдѣлалось даже, подобно имени Златоуста, нарицательнымъ: подъ заглавіемъ *Кириллъ Словенскій* въ большомъ ходу у раскольниковъ книги, заключающія въ себѣ отчасти Св. Писаніе, отчасти другія сочиненія. Самый составъ нашего «поученія» изъ отдѣль-

1) Памятники Россійской Словесности XII вѣка, стр. 92.
2) Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума, стр. 230.
3) Тамъ же, стр. 627.

ныхъ изреченій могъ напомнить форму, въ которой читатели знакомились съ мыслями Кирилла Философа. Сверхъ того, въ «поученіи» нѣтъ ни одного афоризма, ни одного выраженія, которое могло бы оскорбить нравственное чувство читателя или его здравый смыслъ, и тѣмъ показаться недостойнымъ философа, то есть человѣка умнаго, что именно и значило это слово на древнемъ языкѣ. Слѣдовательно тотъ, кто первый поставилъ имя Кирилла на приведенномъ «поученіи» основывался въ своемъ опредѣленіи на извѣстныхъ данныхъ; приписалъ рядъ мудрыхъ изреченій философу, о которомъ имѣлъ высокое, хотя и неясное, понятіе.

Замѣтимъ при этомъ, что мысль о мудрости Кирилла была принимаема и другими Европейскими народами. Она выразилась въ признаніи его первымъ христіанскимъ моралистомъ, излагавшимъ нравственныя истины въ глубокомысленной формѣ апологовъ. Ему приписывали такъ называемое «Speculum Sapientiae», будто бы сочиненное имъ на Греческомъ и имъ же самимъ переведенное на Славянскій языкъ. Speculum Sapientiae есть собраніе апологовъ, изъ которыхъ очень немногіе обнаруживаютъ вліяніе басней Эзопа, большая же часть, напоминая нѣсколько восточныя сказки, носитъ слѣды животнаго эпоса, котораго прекрасный образецъ представляетъ «Reinecke Fuchs». Добровскій полагаетъ, что настоящимъ авторомъ Зеркала Мудрости былъ не Кириллъ Славянскій, а Кириллъ Гвидонскій, poeta laureatus, жившій въ XIII столѣтіи[1]). Не смотря на то, нѣкоторые ученые остаются при мысли, что честь авторства принадлежитъ нашему первоучителю[2]). Въ нашей же старинной литературѣ подъ именемъ «Зер-

---

1) Geschichte der Böhmischen Sprache, von *Joseph Dobrowsky*. Prag. 1818, стр. 295—296.—*Его же* Кириллъ и Меѳодій, стр. 45—47.

2) Св. Кирилла признаетъ положительно авторомъ «Зеркала Мудрости» іезуитъ Бальбинъ въ сочиненіи своемъ: Epitome historica rerum Bohemicarum. Pragae. 1677. Въ XIX в. оправдываетъ мнѣніе Бальбина Шель, историкъ Греческой литературы. См. Geschichte der griechischen Litteratur von *Schöll*, übers. von *Pinder*. 1830. часть III, стр. 142. Шель слѣдуетъ въ этомъ случаѣ автору статьи: Dissertation sur les Fables latines, qui ont été publiées sous le nom de

цала» извѣстенъ сборникъ не сказокъ, а повѣстей, составленный съ цѣлію соединить полезное чтеніе съ пріятнымъ.

Обращаемся къ нашему книжнику. Допуская, что преданіе о славѣ мудраго Кирилла могло образовать въ Русскомъ книжникѣ понятіе объ авторѣ безъименнаго поученія, укажемъ, какое участіе могли въ этомъ дѣлѣ имѣть другіе изъ названныхъ нами писа-

---

Saint-Cyrille, помѣщенной въ Magasin encyclopédique. T. II. 1806. Въ этой статьѣ особенно любопытны извлеченія изъ «Зеркала Мудрости», ибо она сдѣлалась теперь большою библіографическою рѣдкостью. Иныхъ басень передано только заглавіе, другихъ содержаніе и одна изъ нихъ приведена вполнѣ, а именно: *Contra appetitum superbae libertatis. De Ove et Cervo.* Ovis avida propriae libertatis, sociali relicto grege, dominium sui pastoris effugit. Cumque per solitudinem errabundam cervus vagam et profugam invenisset, coepit pius quaerere sui solitudinis et erroris occasionem. Cui mox illa respondit: Durum certe servile jugum durissimum et multa passa, nunc frui volo sicut et vos libertate, tam cunctis gratissimâ, et patronum duriorem effugere, qui nonsolum quotidie me usque ad sanguinem emulgebat, verum etiam omni anno ab opportuno vellere spoliabat. Tunc cervus nimis compatiens inquit: «Satis certe, carissima, doleo de errabundo itinere tuo, sed multo magis de erroneo consilio. Nimirum libertas dulcis est, thesaurusque incomparabilis, sed non communiter universis. Plura enim sunt, quibus pax, vita securitasque salutis tantum ex debita subjectione contingit, et propter hoc non est libertas eis, quam salutaris perditio libertatis. Namque libertas populi quem regna non coercent, libertas perit. Subjectum quidem corpus animae, vivit; et mox cum ab ea liberatur, extinguitur. Navis subjecta nautis, servatur a fluctibus; a quibus si libera fuerit, statim naufraga dissolvetur. Sic formica alis librata de foveâ cum sursum erigitur, tunc finali miseriâ captivatur. Iis ergo libertas, certa est perditionis captivitas. Ita quidam esse et tibi crede, carissima; nam attende quomodo et qualiter nunc incedis. Quoniam sine duce, pascualis itineris nescia, sine tutore, nullâ propriâ validitate armata, inter inimicos; solivaga atque in miseriis es circumvallantibus destituta. Nimirum via tibi error est, praecipitium ductor, esuries pascua, pernicies sotia, et tui tandem crudelis interitus sunt extrema. Ego certe cornu, pede, magnitudine et agilitate munitus, vix a feris hujus solitudinis sum securus. Sed ex quo naturaliter te delectat libertas, dic, quaeso, si ad bene vel male faciendum? Quippe si nitendis benefacere, hoc tantum est quod exigit pastor tuus; ut quid refugis eum? sine ratione agere cupis? ipsa tibi erit libertas initialis servitutis captivitas. Nam malae voluntati peccandi libertas est, quâ quidem consummatur ejus iniquitas, et mox captivitas sequitur. Sic mala voluntas, quanto liberior, tanto servilior; quanto potentior, tanto infirmior at quanto sublimior, tanto minor. Audi igitur consilium meum, et quantocius revertaris ad dominum tuum, ne libere pereas, et te ipsam lupis devorandam impendas. Nam etsi dominus tuus te mulgit et tundit, ab eo sumis haec ipsa quae tribuis, quia te custodit et pascit. Eligibilius quippe est lac dare ac vellera, quam cum omnibus perdere vitam». Quibus auditis, ovis gaudenter ad pastorem rediit.

телей. Упомянемъ сперва о Греческихъ, а потомъ объ отечественныхъ.

Переводы твореній Кирилла Іерусалимскаго и Кирилла Александрійскаго находятся во многихъ спискахъ, а это доказываетъ распространенность ихъ въ Русскомъ читающемъ мірѣ. Переводъ огласительныхъ поученій Кирилла Іерусалимскаго принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ Славянской письменности. Изреченія обоихъ авторовъ приводятся въ нашихъ Пчелахъ, и какъ они означены здѣсь только именемъ Кирилла, безъ прибавленія прилагательнаго, то читатели получали понятіе о Кириллѣ вообще, какъ авторѣ и мыслителѣ, не привязывая его къ извѣстной мѣстности или времени. Всѣ изреченія въ Пчелахъ носятъ болѣе или менѣе общій характеръ, а потому личности авторовъ и не отличались рѣзко въ сознаніи читателей. Между тѣмъ дѣйствіе искусно выбранныхъ изреченій не оставалось безъ слѣда: оно вселяло невольное и долговѣчное уваженіе и къ нимъ самимъ и къ высказавшимъ ихъ лицамъ. Въ этомъ отношеніи выдержки изъ писателей въ Пчелахъ получаютъ для изслѣдователя особенный интересъ. Приведемъ изъ этихъ сборниковъ мѣста, отмѣченныя занимающимъ насъ именемъ. Къ древнему переводу присоединяемъ подлинникъ.

S. Maximi Confessoris Opera, studio Francisci Combefis. Parisiis. 1675. Tomus II.

Стр. 538. Καπνοῦ δίκην, ἢ καὶ ὥσπερ τινὲς ἀτμοὶ τῶν ἐμφύτων ἡδονῶν ἀνίσχοισιν ἐν ἡμῖν αἱ ὀρεξεῖς· αλλ᾽ ὁ μὲν σώφρων καὶ νεανικὸς, ἐπιτιμᾷ τοῖς κινήμασι, καὶ παραιτέρω προελθεῖν οὐκ ἐᾷ...... Ὁ γάρ προαλοὺς καὶ προηττημένος, οὐ τῶν

«Пчела»—рукопись XIV—XV вѣка въ Императорской Публичной Библіотекѣ. (л. 10 об.).

Ꙗкоже дымъ, ꙗкоже пара, такоже и въскꙋрѧютьсѧ в нас похоти сластныꙗ саможеныꙗ; но цѣломоудръ и оудобьныи запрѣщаѥть подвижениѥ и напредъ поити не дасть. А иже плѣнитьсѧ и одолѣнъ боудеть, не своѥи тъ воли тъ гнъ (го-

ἰδίων ἐστιν θελημάτων κύριος: ὑποκεῖται δὲ μᾶλλον καθὰ πὲρ τινι βαρβάρῳ, τῷ νικήσαντι πάθει.	сподинъ) кєсть, но покоренъ кєсть страсти, одолѣвши емоу, ꙗко нѣкоторомоу иноплеменьникоу.
Стр. 544. Πᾶς ὁ ἀδικούμενος, καταφλέγεται μὲν ὑπὸ λύπης ἀμύνασθαι δὲ οὐκ ἔχων ἢ διὰ τῶν ἴσων ἐλθεῖν, ἔσθαι ὅτε διὰ τὸ ἡττᾶσθαι τῆς τοῦ ἀδικοῦντος χειρὸς, τῆς ἄνωθεν μισοπονηρίας τὸ κέντρον καλεῖ προς ἐπικουρίαν.	Л. 16 об. Всѧкыи осоуженыи бес правды или насильствꙋемъ ражьжетьс печалью, а мога (не мога) помощи собѣ или противa въздати насилье дѣющимъ, имъже роука его хоужьши кєсть, то зовет на помощь вышьнѧго лоукаваго ненавидьца жала.
Стр. 600. Ἐν θορυβουμένῳ καὶ ἀγωνίαν ἔχοντι νῷ, οὔτε ἔννοιά τις τῶν καλῶν οὔτε Θεοῦ χάρις ἐγγίνεται.	Л. 67. Възмѧтенѣ ꙋмѣ ни помыслъ добръ ражакєтьс, ни Бж҃ии страхъ, ни благодать бываеть въ немъ.
Стр. 531. Χρὴ τὴν ἀρετὴν μη χωλεύειν καθ' ἑκάτερον, ἀλλ' ἔργῳ καὶ λόγῳ ὀρθὴν και ἀπερτισμένην κατ' ἀμφότερα εἶναι.	Л. 2 об. Подобаеть добродѣтелю не храмати ничимже, но быти свершеноу дѣлом и моудростью и по обоємоу свершитьс.
Стр. 603. Χριστιανῶν ἐνάρετος εὐσέβεια πρώτη, τὸ τιμᾶν τοὺς γενήσαντας, τὸ τοῖς πόνοις ἀμείψασθαι τῶν φύντων, καὶ πάσῃ δυνάμει τὰ πρὸς ἀνάπαυσιν αὐτοῖς ἐνεγκεῖν, κἂν γὰρ τὰ πλεῖστα τούτοις ἀποδῶμεν, ἀλλ' ἀντιγενῆσαι τούτοις οὔπω δυνησόμεθα.	Л. 71. Христіаном подобно бл҃гочстьє кєсть иже чстити родивьших и въздаꙗти против троуда родителемъ и всею силою приносити ꙗже на покои имъ; аще бо и многа въздадимъ имъ, но обаче родити ихъ не можем.

Изреченіе Кирилла, л. 109 об.: «Всѧкыи благыи ползовати

оумѣкть, а пакостити не оумѣеть» не имѣетъ себѣ соотвѣтствующаго въ Греческомъ текстѣ.

Большая часть мѣстъ, вошедшихъ въ составъ Пчелы, принадлежитъ Кириллу Александрійскому. Послѣднее же изъ приведенныхъ съ Греческимъ подлинникомъ—Кириллу Іерусалимскому, какъ видно изъ того, что въ седьмомъ огласительномъ словѣ этого писателя читается: «Хр҇тіанское бл҇гочестіе добродѣлание пръвое есть, што чтити родителей и труды воздавше имъ, и всею силою потребнаꙗ им приносити, и если бы и много им отдамо, но породити их не можем»[1]).

Хотя въ «Поученіи Кирилла Философа» нѣтъ буквальныхъ заимствованій изъ Кирилловыхъ изреченій, однако знакомство съ Пчелою никакъ не препятствовало бы приписанію безъименнаго сочиненія Кириллу. Чтеніе Пчелы могло только поддержать и утвердить въ читателѣ понятіе о *Кириллѣ*, какъ достойномъ нравоучителѣ, предлагавшемъ свои поученія въ формѣ Соломоновыхъ притчъ.

Отъ писателей Греческихъ переходимъ къ ихъ Русскимъ соименникамъ. Изъ числа названныхъ нами четырехъ на память объ одномъ остались почтительный отзывъ лѣтописца и прозвище *философъ*. Въ Лаврентьевской лѣтописи сохранилось слѣдующее воспоминаніе о Кириллѣ І-мъ. «Въ лѣто 1224 поставленъ бысть митрополитомъ въ святой Софьѣ, Кыевѣ, блаженыи Кирилъ Грьчинъ, учителенъ зѣло и хытръ ученью божественныхъ книгъ»[2]). Литературные труды Кирилла І-го, его слова, находятся въ большомъ числѣ въ библіотекѣ Волоколамскаго Іосифова монастыря, по свидѣтельству митрополита Евгенія[3]). Не знаемъ, чѣмъ руководствовался нашъ достопамятный археологъ въ приписаніи этихъ словъ Кириллу І-му. Другой писатель, Кириллъ Туровскій

1) Оглашенія Кирилла Іерусалимскаго. Рукопись № 977, въ Императорской Публичной Библіотекѣ, изъ Древлехранилища Погодина.

2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, I, 190.

3) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. 1827. I, 333.

принадлежитъ къ числу плодовитѣйшихъ въ древней нашей словесности вообще, не только между своими соименниками. Но «Поученіе Кирила Философа» не представляетъ сходства съ прекрасными произведеніями нашего писателя XII вѣка. Они могли имѣть только то вліяніе въ разсматриваемомъ нами отношеніи, что придали новый блескъ имени *Кирилла* въ Русской словесности. Тоже надобно сказать и о сочиненіяхъ двухъ остальныхъ писателей этого имени. Но, не состоя въ непосредственной связи со словомъ Кирилла Философа, произведенія трехъ представителей умственной дѣятельности предковъ нашихъ наводятъ отчасти на мысль о причинѣ появленія замѣчательнаго псевдонима. Эта мысль возникаетъ между прочимъ при сличеніи одного изъ словъ Кирилла Туровскаго съ его позднѣйшимъ распространеніемъ. Слово Кирилла Туровскаго о мытарствахъ, 12-е въ изданіи Калайдовича (стр. 92—102), названо «Словомъ Св. Кирилла Философа» еще въ рукописи конца XIV или XV-го вѣка. Такое названіе произошло, по мнѣнію Востокова, отъ того, что въ первыхъ строкахъ слова сказано: «якоже Кирилъ Философъ рече» и пр. [1]). Уже самымъ предметомъ своимъ слово возбуждало чрезвычайный интересъ, по естественному стремленію человѣка узнать тайны замогильной жизни. Нашлись не только многочисленные читатели, но и передѣлыватели. Въ такомъ измѣненномъ распространеніями видѣ оно находится въ одномъ Сборникѣ XVII—XVIII вѣка и издано г. Розовымъ въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и древностей, подъ заглавіемъ «Кирилла Философа слово на соборъ Архистратига Михаила». Это сочиненіе есть распространенное слово о мытарствахъ: добавленія состоятъ или въ небольшихъ вставкахъ или во внесеніи цѣлыхъ поученій. Вставки въ подобномъ родѣ. Вмѣсто нѣсколькихъ словъ у Кирилла Туровскаго: «и за симъ явится смерть, и тако и нужею страшною душа отъ тѣлеси изидетъ» [2]), въ памятникѣ XVII в.

---

1) Описаніе рукописей Румянцевскаго Музеума, стр. 507.
2) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. 1821, стр. 94.

встрѣчаемъ слѣдующее описаніе смерти съ ея аттрибутами: «И за симъ явится смерть, носяще съ собою всякое оружіе, мѣчи и пилы и сѣчива и рожны, и пріидеть, раземлеть вся уды человѣческая по составомъ, и главу отсечеть, и потомъ наліеть чашу горести лютыя и дасть ей пити, и тако с нуждею страстною исходитъ изъ тѣлесе душа та»[1]). Въ составъ слова вошло и цѣлое поученіе «къ попомъ», приписываемое и Кириллу II митрополиту Кіевскому, и Кириллу епископу Ростовскому. Ученый издатель этого поученія рѣшаетъ дѣло въ пользу писателя-епископа[2]).

Такимъ образомъ видно, что имя Кирилла поставлено въ позднѣйшемъ спискѣ не случайно, а на основаніи списка древнѣйшаго, и слѣдовательно распространявшій считалъ должнымъ сохранить древнее имя. Причина псевдонима, указанная Востоковымъ, не можетъ имѣть мѣсто въ отношеніи слова на соборъ Архистратига Михаила, ибо въ текстѣ его нѣтъ имени Кирилла Философа. Скорѣе бы можно допустить, что имя Кирилла Философа явилось потому, что слово помѣщено въ Сборникѣ непосредственно за правилами митрополита *Кирилла II*; но это сопоставленіе могло произойти гораздо позднѣе надписанія имени автора. Притомъ какъ слово, напечатанное въ Чтеніяхъ, есть очевидное распространеніе «Слова Кирилла Философа о мытарствахъ», то достовѣрнѣйшимъ представляется мнѣніе, что позднѣйшій составитель удержалъ имя, находившееся на древней рукописи. Это обстоятельство замѣчательно и по отношенію автора къ его собрату, назвавшему безъименное произведеніе также словомъ Кирилла Философа. Люди, посвящавшіе себя книжному дѣлу въ древней Россіи, руководствовались болѣе или менѣе одинаковыми началами въ своихъ литературныхъ трудахъ.

---

1) Чтенія. 1847, № VIII. Смѣсь, стр. а—θі.

2) Оно напечатано въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ въ Русскомъ переводѣ. 1843. Часть I. «Кириллъ II, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи», стр. 414—432.

Съ «Поученіемъ Кирилла Философа» находится въ связи, по мысли и по формѣ, собраніе правилъ жизни, изложенныхъ въ видѣ наставленій отца своему сыну. Оно носитъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ заглавіе: «Поученіе отъ Святыхъ книгъ». Подъ этимъ названіемъ дошло до насъ любопытное произведеніе Русскаго автора, взявшаго за образецъ притчи Соломона и Сираха, но удержавшаго немногія черты своего образца: все другое принадлежитъ собственной изобрѣтательности и соображеніямъ автора. Притчи Соломона и Сираха издавна составляли любимое чтеніе нашихъ предковъ, какъ можно заключить и по извлеченіямъ, встрѣчающимся въ сборникахъ[1]), и по опытамъ Русскихъ авторовъ писать въ приточномъ родѣ. Этимъ объясняется названіе: «Словца избраны отъ Мудрости Исуса сына Сирахова и отъ Премудрости Царя Соломона», даваемое въ рукописяхъ Русскимъ оригинальнымъ произведеніемъ[2]). Что касается до «Поученія отъ Св. книгъ», то въ немъ почти нѣтъ буквальныхъ заимствованій изъ «Притчей», но есть нѣсколько мыслей, указывающихъ на знакомство автора съ твореніями библейскихъ мудрецовъ. Изреченіе: «сыну, луче есть другъ близокъ, нежели братъ далечъ» взято изъ Притчей Соломона XXVI, 10: «лучше другъ близъ, неже братъ далече живый». Изреченіе: «безумна аще стягомь бьеши и не вложити ему ума» имѣетъ одинаковый смыслъ съ словами Соломона: «Аще біеши безумнаго посредѣ сонмища срамляя его, не отимеши безумія его» (Притч. XXVII, 22). Предписаніе убѣгать замужнихъ женщинъ напоминаетъ подобныя предписанія Соломона (VI, 24) и Сираха (IX, 10: «съ мужатицею отнюдъ не сѣди», и пр.). Иногда нашъ авторъ развивалъ по своему мысль, извѣстную ему изъ Притчей. «Аще стяжеши друга — говоритъ Сирахъ (VI, 7) — во искушеніи

1) Какъ напр. «Словца избранны отъ Премудрости Ісусовы Сирахова» въ Румянцевскомъ Музеумѣ, въ рпси № 359, л. 339 об.—348.

2) Ср. Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. Книги 2-й половина 2-я, М. 1854. Отдѣленіе IV. Статья проф. Буслаева о пословицахъ, стр. 70.

стяжи его, и не скоро увѣрися ему». Нашъ авторъ совѣтуетъ для испытанія вѣрности друга сказать ему ложную тайну, и черезъ нѣсколько дней поссориться съ нимъ: если онъ выдастъ тайну, то онъ — невѣрный другъ. Правила практической мудрости, требующія не ходить часто къ друзьямъ, не являться на пиръ по первому зву, на пиру не пресыщаться и т. п., находятся и въ Притчахъ Соломона и Сираха. «Не учащай вносити ногу твою къ другу твоему, — говоритъ Соломонъ — да не когда насыщся тебе, возненавидитъ тя» (XXV, 17). Въ такомъ же духѣ наставленіе Сираха: «Егда тя сильный призоветъ, отступай, и толико паче призоветъ тя» (XIII, 12). Сирахъ предлагаетъ также слѣдующее правило: «Яждь яко человѣкъ предлежащее ти, и не пресыщайся. Престани первый, ради наказанія, и не пресыщайся, да не преткнешися. И аще сядеши посреди многихъ, первѣе ихъ не простри руки твоея». (XXXI, 18—20). Какъ соотвѣтствующія приведеннымъ можно указать слѣдующія правила въ нашемъ памятникѣ: Не ходи часто къ другу своему, чтобы не войти въ безчестье; въ пиру не сиди долго, чтобы до ухода твоего не выгнали тебя; — когда позовутъ тебя на обѣдъ, не иди по первому зову: когда повторятъ приглашеніе, иди — и будешь въ честь на пиру; — если не хочешь ѣсть, то и не ѣшь, чтобы не прослыть обжорой. Чѣмъ самостоятельнѣе совѣты автора, тѣмъ они наивнѣе, но и тѣмъ любопытнѣе, какъ намекъ на минувшій бытъ. Вообще эти правила представляютъ смѣсь высокаго съ самымъ обыкновеннымъ, которое невольно вызываетъ улыбку. Вмѣстѣ съ увѣщаніями не роптать на Бога въ несчастіи собственномъ, и утѣшать ближнихъ, если ихъ постигнетъ несчастіе; не проливать напрасно крови: ибо правосудный мститель — Богъ; вмѣстѣ съ этимъ совѣтуется не ходить въ судьинъ дворъ; не ѣздить на чужомъ конѣ; войдя въ домъ не глазѣть по угламъ; если случится выпить лишнее, то не говорить много, чтобы не потерять репутаціи умнаго человѣка, и т. п. Хотя и странною кажется такая пестрая смѣсь, эта самая пест-

рота содержанія прекрасно рисуетъ вѣкъ и придаетъ оригинальность произведенію.

Кромѣ притчей Соломоновыхъ и Сираховыхъ, разсматриваемое «Поученіе» имѣетъ нѣкоторое сходство съ Словомъ Даніила Заточника: оно ограничивается двумя-тремя выраженіями. Сличимъ и эти немногія.

Въ Поученіи:	*У Заточника:*
Чадо, умна пославъ на посольство немного наказываи, а безумна пославъ, самъ по немь иди.	Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ итти. (235—236).
Сыну, аще послушаешь умна человѣка, то яко въ день зноя студены воды напьешися.	Аще кто человѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ въ знойный день. (232).

Здѣсь одинаковымъ сравненіемъ выражается дѣйствіе и *разумной* бесѣды и душевнаго *добраго* участія, подобно тому какъ другое мѣсто у Даніила Заточника: «не сѣй бо на браздахъ жита, ни *мудрости* на сердце безумныхъ» (236) соотвѣтствуетъ въ «Словцахъ Сираховыхъ» изреченію: «не сѣй жита на браздах і на дш҃у *неправды*: не имаши бо пожати бл҃га ничтож, но зло седмицею» [1]).

Иже родом скудъ, подобенъ есть древу при пути, яко вси мимоходящіи сѣкуть его.	Азъ бо есми яко древо при пути: мнози посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ. (232).
Чадо, луче есть огнемь болѣти или трясавицею, нежели съ злою женою съвѣтъ дръжати.	Аще который мужь иметь смотрити на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣлъ ея не испытаетъ, то дай Богъ ему трясцею болѣти (237—238).

1) Рпсь Румянц. Музеума, № 359, л. 345.

Еще ближе къ приведенному мѣсту слѣдующее въ словѣ Заточника, въ его позднѣйшемъ, реставрированномъ видѣ: «Лучше трясцею болѣти, неже съ нелюбовною женою жити: трясовица потрясши покинетъ, а зла жена до вѣка сушитъ. Она бо въ день трясетъ, а въ ночь упокой дастъ, а со злою женою жити и не съ любовною, ни въ день отрады, ни въ ночь упокоя» [1]).

Мы указали отношеніе любопытнаго памятника нашей старинной словесности къ тѣмъ произведеніямъ, которые доступны были автору и читателямъ. Чтобы познакомить съ памятникомъ во всемъ его объемѣ, предлагаемъ его по списку XV в., находящемуся въ Румянцевскомъ Музеумѣ подъ № 27, л. 409—411 об. Изъ другого списка (Рум. Муз. № 358, л. 309 об.—312), сокращеннаго въ сравненіи съ первымъ, заимствуемъ варіанты, ставя ихъ въ скобкахъ; крестикъ при изреченіи показываетъ, что такого изреченія въ сокращенномъ спискѣ не находится.

Поꙋчение ѿ с҃тых (книг о чадех). ѡ мꙋжи христолюбци, внимаите г҃лы (= глаголы) всѧкомꙋ наказанію ѡца своего еже рече к с҃нꙋ своему:

Снꙋ лꙋче есть с ꙋмным камень подимааті, неже з безумным вино піті. — С҃нꙋ, с ꙋмным безумьѧ не створі, а к неразꙋмномꙋ не ꙗви ꙋма своего. — С҃нꙋ, свое участье даи, а чꙋжаго не възмі. — С҃нꙋ, иже с тобою съвѣта не пріимет моуж, то с тым на пут не ході. — Чадо, аще вышеи тебѣ ѿпадеть (сана), то не радоуисѧ, ні въздаи же г҃съ (= гласъ) пред дрꙋгы, да не ѧватсѧ г҃лі (= глаголы) (твоа): егда въставъ въздасть тобѣ. — Снꙋ, егда вънесетсѧ дрꙋг, не завіди емꙋ, илі злоба прідеть нань, то не радꙋисѧ. — Чадо, с҃на своего ѿ дѣтьства ꙋкроті, да на старость почтеть тѧ: аще не ꙋкротіши, то преж днии своих смирит тѧ. —

1) См. Слово Даніила Заточника, напеч. по списку XVII в. въ Отечественныхъ Запискахъ. 1842, № 6. Смѣсь, стр. 57.

Сн҃ѹ, не купи раба величава, ні робѣ тативѣ, да не расточатъ тіи имѣніа (твоего).—Чадо, аще кто навадит на друга твоего к тебѣ, не слѹшаи его, и твою таинѹ понесет к иномѹ.—Сн҃ѹ, лжівъ ч҃лкъ сперва възлюблен, а на конець въ смѣсехъ, въ коризні бѹдет.—Чадо, ѡца своего почти, да стѧжанье свое тебѣ ѡставіт.—Снѹ, отнѣ и матернѣ клѧтвѣ не пріимі, да ѿ чад своихъ радость пріимеші.—Сн҃ѹ, в нощь безъ ѡрѹжіꙗ не ході: кто вѣсть, кто тѧ сращеть.—Чадо, якоже левъ въ твердости своеи страшен е҃ (=есть), такоже ч҃лкъ въ блізоцѣх и въ дрѹзѣх ч҃тнъ е҃ (=честенъ есть); а иже родом скѹдъ, подобен есть древу прі пѹті, ꙗко всі мимоходѧщіи сѣкѹть его.—Сн҃ѹ, аще тѧ пошлют на посольство, то не ѹмедлі, да инъ не поидет вслѣд тебѣ.—Чадо, въ с҃тыхъ днь цркві не ѿлѹчаисѧ.—Сн҃ѹ, конѧ не имѣѧ, на чюжом не ѣзді: аще сращет, то ині посмѣюттісѧ.—Чадо, не хотѧсѧ ꙗсті, то не ꙗжь, да не ѡбьадьчівъ нарчешісѧ.—Снѹ, съ сілным брани не сътворі: тобѣ невѣдѹщѹ, а онъ въздвигнеть на тѧ нечто.—Чадо, въ лжю именем Б҃жьимъ не клепісѧ, да не ѹмалітсѧ число дніи твоих.—Сн҃ѹ, аще что ѡбѣщаешісѧ Бг҃ѹ, то не забываи, ꙗко небрегь, но помінаи въ срдці: бл҃гвнъ бѹдеші.—Чадо, старѣиша сн҃а възлюбі, а мѣншаго не ѿріні.—Сн҃ѹ, к печалномѹ пріході а ѹтѣшнаа словеса гл҃и (=глаголи).—Чадо, без вины крові не проліи, ꙗко мстітель Бг҃ъ.—Сн҃ѹ, оудержі ꙗзык свои ѿ зла, а рѹці ѿ татбы.—Чадо, ѹдалѧисѧ ѿ блѹда, паче же и ѿ мѹжатіць, да не пріидет на тѧ гнѣвъ Божіи.—Сн҃ѹ, аще послѹшаешь ѹмна члка, то ꙗко въ дн҃ь жаданіемъ (зноꙗ) студены воды напьешисѧ.—Чадо, аще наидет на тѧ печаль, Бг҃а не ѹкараи.—Сн҃ѹ, аще сѹдиꙗ бѹдеші, то сѹді право, да на старость честен бѹдеші.—Чадо, невъжадаи попіраті дрѹга, егда ті бѹдеть попранѹ быты (егда ти не попраноу быти самомѹ).—Сн҃ѹ, аще ѹмнѹ слово речеші, поболит въ срдци, а безѹмна аще стѧгомь бьеші и не вложіті смѹ ѹма.—Чадо, ѹмна пославъ на посольство немного наказываи, а безѹмна пославъ, самъ по немь иді.—Сн҃ѹ, аще тѧ взовѹть на ѡбѣдъ, по первому не ходи, но аще тѧ възовѹт второе, тогда віжь ꙗко честенъ есі и в честь прідеші.—

Чадо, жолчі и горесті вкꙋшахъ и не бы мі паче ꙋбожства. (Сн҃ꙋ, аще и горести и жолци горко вкꙋшати и лꙋчши ꙋбожства).— Чадо, въ знаемыхъ сѣдѧ не ѧві мꙋдрості. — Чадо, сына своего на въздержаніе ꙋчі: емꙋже наꙋчишь, в томъ пребꙋдет. — Сн҃ꙋ, лꙋче есть ꙋмна члка пьѧна послꙋшат, нежелі безꙋмна трезва.— Чадо, лꙋче есть спѣпъ (= слѣпъ) ѡчіма, нежелі срдцьмь (†).— Чадо, лꙋче есть огнемь болѣті или трѧсавіцею, нежелі съ злою жоною съвѣт дръжати. (†). — Сн҃ꙋ, лꙋче есть дрꙋгъ блізокъ, нежелі брат далеч. (†).—Чадо, лꙋче есть смерть, нежели золъ живѡт. — Сынꙋ, егда прізовеші дрꙋга на честь, стои пред ним веселым ліцем, да ѡнъ ѿидетъ веселым срдцемь.—Сн҃ꙋ, аще слово изрещі хощеші, то не напрасно гл҃и, занеже лꙋче есть ногою подкнꙋтісѧ, нежелі словом. — Чадо, егда бꙋдеші в людех (аще видиши меж люди бои), тамо не ході, а пришед не смѣисѧ: въ смѣсѣ бо безꙋмье исходит, а въ безꙋмьи сваръ, а въ сварѣ тѧжа, а въ тѧжѣ бои, а в бою смерть, а въ смерті грѣхъ ражаетсѧ и свершаетсѧ. — Сн҃ꙋ, аще мꙋдръ есі, егда пьꙗнъ бꙋдеші, то не гл҃и много: ꙋменъ сѧ нарчеши. — Сынꙋ, аще хощеші ꙋмнаго послушаті, то безꙋмнои рѣці не приложі. (†). — Сынꙋ, прьваго дрꙋга не лишаисѧ, да и новыи ѿ тебѣ не ѿбѣжит. (†). — Чадо, въ сꙋдьинъ дворъ не ході. (†).— Сн҃ꙋ, лжіво слово тѧжко есть, ꙗко олово ражжено. (†).—Сн҃ꙋ аще хощеші любітісѧ съ дрꙋгомь, преже искꙋсі его: ꙗві емꙋ таинꙋ свою и мінувши днемь разваріся с нім, — аще ꙗвіть таінꙋ, юже есі повѣдалъ, то не дрꙋгъ. (Чадо, аще хощеши со другом познатис, и ты емꙋ скажи лживую таиноую свою, преж искꙋшаꙗ его, и по неколкых днех сварис с ним: аще ꙗвит тайну твою на ꙋкоръ тобѣ, то неси емꙋ боуд дроуг.). — Чадо, аще званъ бꙋдеші, влѣзъ въ храмінꙋ, не зрі по угломь (вшод не много зри по люд҃мъ, аки не знаѧ ничегоже).— Сн҃ꙋ, въ пірꙋ не сѣді долго, егда преже изхода твоего изженеть тя (то долгое сѣденіе и бещестье доспеѡт). — Чадо, къ дрꙋгꙋ своемꙋ часто не ході, егда в бесьчестіе внідеши. — Сн҃ꙋ, лꙋчс есть ѿ мꙋдра бьенꙋ быті, нежелі ѿ безꙋмна маслом мазꙋнꙋ (= мазану). Сн҃ꙋ и чадо мое, ꙋже наꙋчіх тѧ ѡ Хѣ Ӏ҃сѣ (= Христѣ

Іисусѣ) (иже наоучих та и прими и разсоуди и еже ти боудть на ползоу).

Нельзя не замѣтить сходства, по литературному характеру, между этимъ произведеніемъ и тѣми, которые приведены нами выше: та же афористическая форма и тѣже авторскіе пріемы во всѣхъ приведенныхъ памятникахъ. Авторъ послѣдняго изъ нихъ также неизвѣстенъ; названіе же «Поученія отъ Святыхъ книгъ», не можетъ быть въ строгомъ смыслѣ допущено для сочиненія, въ которомъ при заимствованіяхъ изъ Св. Писанія находятся правила житейской мудрости, принадлежащія лично автору. Но въ древности подобныя правила вовсе не казались чѣмъ-либо совершенно отдѣльнымъ отъ предписаній религіи: все, что истинно, благородно или только благоразумно считалось какъ бы священнымъ и къ соблюденію его побуждало религіозное чувство. Такъ какъ религіознымъ настроеніемъ объясняется присутствіе священныхъ для христіанскаго міра именъ на сочиненіяхъ Русскихъ авторовъ, то позволимъ себѣ нѣсколько словъ въ подтвержденіе того, что въ древній періодъ нашей жизни и словесности религіозное начало преобладало во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ домашнемъ бытѣ. Въ преобладаніи этого начала и заключается причина, по которой понятія справедливаго, добраго, прекраснаго и даже приличнаго были нераздѣльны съ понятіемъ религіознаго. Особенно ярки и любопытны слѣды религіознаго воззрѣнія въ сферѣ самой обыкновенной, ежедневной жизни и ея простыхъ потребностей. То, что впослѣдствіи является условіемъ общественнаго приличія, не болѣе, встарину имѣло высокое значеніе, вытекавшее изъ религіознаго взгляда на вещи. Такъ, напримѣръ, еще въ XI столѣтіи правилами Русскаго общежитія требовалось: при входѣ въ чужой домъ поклониться въ землю хозяину и стать передъ нимъ съ сложенными руками, опустить же руки считалось невѣжливымъ и даже дерзкимъ. И это требованіе не было простымъ условіемъ приличія, а основывалось, по свидѣтельству Русскаго писателя XI вѣка, на примѣрѣ Христа,

смиренно стоявшаго передъ Пилатомъ. Пр. Θеодосій въ одномъ изъ своихъ поученій къ братіи предлагаетъ наставленія о томъ, какъ вести себя въ церкви, сближая предлагаемыя правила съ требованіями общественнаго приличія внѣ храма. «Егда бо и къ дрꙋгомъ приходимъ, — говоритъ онъ — то достоитъ намъ поклоненіе створше до землѧ и свѧзавше рꙋцѣ, аки рабоу Бж҃ію стати прѣд нимъ, и Христа о сѣмъ подражающе, видимъ бо Его предстоѧща прѣд Пилатом и порꙋгаема и не гл҃юща (глаголюща) ничсоже̑. И *повелѣно* ны е̑ (есть) другомъ толикы чьсти даꙗти смиренія ради, имже добродѣтельныя вѣнца оукрашаемъ. Еже бо не поклонитися дрꙋгоу своему и *руцѣ долоу повѣсити*, то неродивых моужь и ленивых и *въ оумѣ ѧрꙑщихся*»[1]). Впослѣдствіи хотя долго держался обычай, но смыслъ его былъ уже потерянъ: въ XVII вѣкѣ кланялись еще въ землю люди вѣжливые[2]), но вѣроятно безъ мысли о религіозномъ источникѣ обычая. Въ XVIII же вѣкѣ и самый обычай забытъ въ кругу образованномъ. Въ драматическихъ произведеніяхъ XVIII в. замѣчаніями: «кланяется низко, съ низкимъ поклономъ» и т. д., авторы хотѣли указать зрителямъ съ перваго взгляда на принадлежность выведеннаго лица извѣстному и весьма невысокому сословію. Низкіе поклоны какого-нибудь Некопѣйкова также рисовали его сословіе и отличали отъ другихъ лицъ, какъ внѣшніе пріемы отличали Мавру, выходившую на сцену «имѣя руки въ карманахъ», отъ Софьи, которая часто «присѣдаетъ на право и на лѣво, прижимая

---

1) Въ пятокъ 3-й недѣли поста св. Θеодосія поученіе о трьпѣніи и о смирѣніи, л. 112 об, въ Соборникѣ, рукописи Румянцевскаго Музеума, № 406.

2) Ср. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича, Кошихина. 1840. стр. 118—119: «Обычай же таковый есть: гости женамъ ихъ (хозяевъ) кланяются всѣ *въ землю*, и потомъ господинъ дому бьетъ челомъ гостемъ и кланяется *въ землю* жъ, чтобъ гости жену его изволили цѣловать; гости единъ по единому кланяются женамъ ихъ (хозяевъ) *въ землю* жъ, и пришедъ цѣлуютъ, и отшедъ кланяются *въ землю*, а та, кого цѣлуютъ, кланяется гостемъ *малымъ обычаемъ*; и тотъ господинъ кланяется *въ землю* жъ, сколько тѣхъ гостей ни будетъ, всякому по поклону, чтобъ они изволили у жены его пити вино, гости предъ питьемъ вина и выпивъ отдавъ чарку назадъ, кланяются *въ землю* жъ» и т. д.

руки къ себѣ и глаза въ землю опуская»[1]). Замѣчательно, что даже во внѣшнихъ обычаяхъ высказалось различіе, замѣчаемое между древнею Россіею и новою. Какъ въ древній періодъ религіозное воззрѣніе давало смыслъ обычаю, такъ въ началѣ XVIII в. на внѣшнихъ даже формахъ общежитія обнаруживается вліяніе иностранное, отличающее бытъ нашъ и литературу нашу въ XVIII столѣтіи. По крайней мѣрѣ встрѣчающіяся въ литературныхъ памятникахъ указанія довольно ясно говорятъ о подражаніи тону Французскаго общества. Черты въ родѣ слѣдующихъ въ сочиненіи Императрицы Екатерины II: «она (Христина) не новосвѣтская госпожа: говоря по Русски брата называетъ братцемъ, а не mon frère, сестру сестрицею, а не ma soeur; не знаетъ и другихъ вытверженныхъ, подобно попугаю, словъ, ни кривлянья. Не къ стати не хохочетъ, кушанья за столомъ не называетъ блюдомъ славнымъ» и т. п.[2]), — подобныя черты невольно приводятъ на мысль отзывъ нашего наблюдательнаго путешественника о современныхъ ему Французскихъ «петиметрахъ». Тонъ ихъ обхожденія, говоритъ онъ, «состоитъ въ томъ, чтобъ говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, не смотря ни на кого; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче. Таковы всѣ нынѣшніе Французскіе петиметры»[3]).

Только въ XVIII столѣтіи, когда бытъ народа подвергся существеннымъ измѣненіямъ, ярко обозначились и различныя его сферы, такъ что смѣшеніе ихъ служитъ уже признакомъ недостатка въ образованіи. Странно было бы въ этомъ столѣтіи обыкновеннымъ правиламъ общежитія придавать священное значеніе и въ упражненіи доморощенныхъ моралистовъ видѣть трудъ великихъ учителей церкви. Но это не казалось страннымъ въ тотъ періодъ народнаго развитія, въ который духовные инте-

---

1) Сочиненія Императрицы Екатерины II, 1849. Томъ II, стр. 179.—Россійскій Өеатръ. Часть XIII. 1787, стр. 177, 105, 109 и др.

2) Сочиненія Императрицы Екатерины II. 1849. Томъ II, стр. 30.

3) Сочиненія Фонъ-Визина. 1852, стр. 311.

ресы не были такъ сложны, какъ впослѣдствіи, и одному изъ нихъ предоставлено было повсюдное господство. Подобно быту народному, и вѣрный выразитель его — языкъ удержалъ слѣды преобладанія одного начала. Эти слѣды встрѣчаются не только тамъ, гдѣ самое содержаніе какъ бы вызывало ихъ; но и въ выраженіяхъ поговорочныхъ, при передачѣ мысли вовсе не религіознаго характера. Выраженія въ родѣ слѣдующихъ: *я грѣшный*, *мое тѣло грѣшное* и т. п. имѣютъ свое основаніе въ религіозномъ взглядѣ на предметы. И подобныя выраженія весьма древни въ нашемъ языкѣ. Въ грамотахъ, завѣщаніяхъ и пр. рано сдѣлались они необходимыми, техническими. Въ грамотѣ Смоленскаго Князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила (1150 г.) читаемъ: «Се *язъ грѣшный* сынъ Мстиславль, надѣяся на Матерь Божью на Святую Богородицу, уставляю сію епископью», «се *язъ худый и грѣшный* и недостойный епископъ Мануилъ, съ благороднымъ и христолюбивымъ княземъ моимъ Михаиломъ, утвержаевѣ еже написана, утвержена и сотворена, о благодати и благословеніемъ Святаго Духа», и т. д.[1]). Также сообразно съ тономъ рѣчи выраженіе: *азъ худый* — у преп. Нестора, у Іакова; оно же умѣстно употреблено и Владиміромъ Мономахомъ въ его поученіи. Но иногда эпитетъ: *грѣшный* является вовсе неожиданно въ рѣчи о предметахъ житейскихъ. Аѳанасій Никитинъ пишетъ въ своемъ путешествіи: «Ханъ же ѣздитъ на людехъ, а слоновъ у него и коній много добрыхъ, а людей у него много Хорозанцевъ; а привозять ихъ изъ Хоросаньскыя земли, а иныя изъ Тукрмескыя земли, а иныя изъ Чеготаньскыя земли, а привозятъ все моремъ въ тавахъ, Индѣйскыя земли корабли. И *язъ грѣшный* привезлъ жеребьца въ Индѣйскую землю, дошелъ есми до Чюнеря, Богъ далъ поздорову все, а сталъ ми сто рублевъ»[2]). То, что было архаизмомъ уже въ XV в., удержалось въ языкѣ даже XVIII столѣтія. Въ за-

1) Дополненія къ Актамъ Историческимъ. 1846. Томъ I, стр. 7.
2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Томъ VI. 1853, стр. 333.

пискахъ этого времени можно читать такія извѣстія: «въ мартѣ мѣсяцѣ (1712) высланы мы всѣ малолѣтные дворяне на смотръ изъ Москвы въ Петербургъ, съ прочими всѣми и *я грѣшникъ.* И поѣхали мы вмѣстѣ съ дядьями моими» 1). — Употребленіе въ подобныхъ случаяхъ названія, взятаго изъ области религіи, объясняется вліяніемъ религіознаго воззрѣнія на языкъ, не легко стирающій съ себя печать старины.

Если — возвращаюсь къ предъидущему — общій характеръ вѣка отразился въ языкѣ даже въ такихъ случаяхъ, когда мысль вовсе не была проникнута этимъ характеромъ; если внѣшняя форма учтивости, въ понятіи соблюдавшихъ ее, сливалась съ благочестивымъ обычаемъ, — то, понятно, что въ отличеніи твореній вполнѣ религіозныхъ отъ другихъ, имѣющихъ съ первыми нѣчто общее, не могло быть строгой разборчивости. Понятно, почему практическія наставленія Русскихъ умныхъ людей, правила житейской мудрости получали въ рукописяхъ громкія названія твореній І. Златоуста, Василія Великаго, Кирилла Философа, или — собирательно — Св. Отцевъ.

На основаніи всего высказаннаго нами по поводу приведенныхъ образцовъ, и принимая въ соображеніе другіе подобные факты въ нашей древней словесности, мы склоняемся къ выводу, что переписчики и составители сборниковъ и другихъ книгъ имѣли не одно только отрицательное вліяніе на нашу письменность. Правда, между ними попадались и невѣжи, искажавшіе памятникъ; но были и такіе люди, которые умѣли цѣнить произведеніе, надъ которымъ трудились. Притомъ въ древній періодъ списываніе и авторство часто совмѣщались одно съ другимъ: объ одномъ и томъ же лицѣ иногда упоминается и какъ объ

1) Родословная Головиныхъ, собр. П. Казанскимъ. М. 1847. Записки В. В. Головина, стр. 44.

авторѣ, и какъ объ усердномъ списывателѣ книгъ, достойныхъ вниманія и уваженія. Примѣры этому разсѣяны въ лѣтописяхъ. Пиша произведеніе подъ сильнымъ вліяніемъ извѣстнаго образца, иногда только распространяя его, авторъ вносилъ въ древній памятникъ черты новыя, находящіяся въ связи съ современною автору дѣйствительностію. Измѣняя внѣшній видъ памятника, авторы часто удерживали его первобытную основу. Въ этомъ отношеніи судьбы письменной словесности представляютъ черты сходства съ судьбами словесности устной.

Соотношеніе между ними обнаруживается, кромѣ общаго духа, и въ способѣ, какимъ обѣ отрасли пользуются своими неизмѣнными источниками, и въ самомъ признаніи избранныхъ лицъ — какъ главными героями сказаній, такъ и достойнѣйшими творцами произведеній, наиболѣе чтимыхъ современниками. Что касается устной словесности, то любимымъ героемъ ея былъ у насъ Св. Владиміръ; ему приписывались и всѣ событія позднѣйшія, относящіяся ко Владиміру Мономаху, ко Владиміру Галицкому, и къ князьямъ другаго имени, различныхъ періодовъ исторіи. Матеріалы для сказаній были болѣе или менѣе одни и тѣже. Смутное воспоминаніе о прошломъ, о томъ, что было «во ту ли стару старину, во ту ли стародавнюю», и сочувствіе событіямъ современнымъ давали содержаніе поэтическому разсказу, переходившему изъ поколѣнія въ поколѣніе. Чѣмъ болѣе сходны были условія быта различныхъ эпохъ, тѣмъ болѣе народные поэты увлекались желаніемъ сберечь «стару рѣчь завѣтную», тѣмъ болѣе сходства замѣчается между ихъ произведеніями.

Подобно устной и письменная словесность имѣла источники, общіе для писателей различныхъ поколѣній, и это было для нея тѣмъ возможнѣе, что образцы ея не ввѣрялись одному только ненадежному храненію памяти. Во многихъ случаяхъ Русскій писатель XII вѣка и Русскій писатель XVI вѣка обращались къ однимъ и тѣмъ же источникамъ, только послѣдній имѣлъ передъ собою труды своихъ соотечественниковъ, предварившихъ его на литературномъ поприщѣ, и могъ пользоваться ими. Множество

фактовъ свидѣтельствуютъ, въ какой степени писатели послѣдующіе пользовались трудами своихъ предшественниковъ. Такія заимствованія были обычны преимущественно въ отношеніи къ авторамъ, наиболѣе цѣнимымъ, и однажды составленное понятіе о значеніи автора переходило изъ вѣка въ вѣкъ. Съ первыхъ временъ христіанства водворилось въ нашемъ письменномъ мірѣ высокое уваженіе, напримѣръ, къ Іоанну Златоусту или Св. Кириллу, и оно прошло чрезъ всѣ вѣка. Благоговѣйное воспоминаніе о первомъ поддерживалось его многочисленными произведеніями и подражаніями имъ Русскихъ авторовъ. Слава другаго возобновлялась дѣятельностію соименныхъ ему Русскихъ писателей, и т. п.

Чѣмъ для устной словесности были народные пѣвцы, тѣмъ книжники — для словесности письменной. И тѣ и другіе не только передавали произведенія временъ древнѣйшихъ, но и вносили собственныя дополненія, болѣе или менѣе связанныя съ древнею основою. Участь двигателей обѣихъ отраслей словесности въ извѣстный періодъ народной образованности представляетъ много общаго даже въ сужденіяхъ о нихъ людей просвѣщенныхъ. Извѣстно, какъ мало значенія придавали нѣкогда народнымъ пѣснямъ и ихъ пѣвцамъ. Вальтеръ Скоттъ утверждалъ, что эти послѣдніе съ намѣреніемъ искажаютъ поэтическія произведенія, стирая и особенности слога и самый духъ, и потому сравнивалъ ихъ съ алхимиками, замѣняющими золото свинцомъ[1]). Но нельзя было не сознать, что пѣвцы суть единственные живые источники для знакомства съ стариною и народностью, и въ наше время сборники пѣсней и преданій, записанныхъ съ устъ пѣвцовъ, принадлежатъ къ капитальнымъ пріобрѣтеніямъ многихъ Европейскихъ литературъ. Не благосклоннѣе и даже строже еще слыша-

1) Совершенно противоположны взгляду Вальтеръ Скотта мнѣнія первостепенныхъ знатоковъ и собирателей народной поэзіи, каковы братья Гриммы, Вильмарке и др. См. *Barzaz-Breiz*. 1846. Томъ I, глава IX и все введеніе Вильмарке къ Бретонскимъ пѣснямъ, изданнымъ имъ подъ названіемъ *Barzaz-Breiz*, т. е. поэтическая исторія (Barzaz) Бретани (Breiz).

лись отзывы о книжникахъ. Довольно вспомнить приговоры Шлецера Русскимъ переписчикамъ въ противоположность съ Нѣмецкими средневѣковыми, въ число которыхъ, по его словамъ, не легко входили люди необразованные, болѣе годные для занятій полевою или садовою работою[1]). Основательное, чуждое пристрастія и односторонности, изслѣдованіе привело къ другимъ результатамъ, и опредѣлило значеніе лицъ, способствовавшихъ движенію нашей письменности. Лѣтопись и жизнеописанія людей достопамятныхъ принадлежатъ къ древнѣйшимъ произведеніямъ нашей словесности, и на нихъ всего виднѣе обозначилось бы вліяніе невѣжественныхъ переписчиковъ; но оно вовсе не было такъ невыгодно, какъ предполагали нѣкоторые ученые. Современная историческая критика признаетъ, что и всѣ основныя извѣстія древней лѣтописи сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ они возникли подъ перомъ Нестора[2]), — и древнѣйшій сборникъ жизнеописаній, Патерикъ, передаваемъ былъ переписчиками очень добросовѣстно изъ одного столѣтія въ другое[3]).

Отрицать общепринятое мнѣніе, что во многихъ памятникахъ нашей древней словесности встрѣчаются мѣста искаженныя — невозможно. Безъ всякаго сомнѣнія нѣкоторые изъ переписчиковъ принадлежали къ числу людей «нѣсколько беззаботныхъ на счетъ литературы», по выраженію современнаго намъ писателя; но нѣкоторые и даже многіе не значитъ еще всѣ. Если невѣжи писцы и искажали рукописи, то люди болѣе образованные видѣли ошибки и исправляли ихъ по своему крайнему разумѣнію. Поправки не были случайными, а вошли въ обычай до того, что даже признано нужнымъ ограничить произволъ въ исправленіи. Весьма замѣчательны слѣдующія слова въ наказѣ Іосифа Волоцкаго иноку (1479—1515): «а изъ церкви и изъ трапезы книги не имати безъ благословенія пономарева, а увидитъ что въ книзѣ

1) Несторъ. I, Введеніе § 19, стр. па.
2) Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. I, стр. XIX.
3) Чтенія М. Общества исторіи и древностей. 1847, № 9. О патерикѣ Печерскомъ, *Кубарева*, стр. 16.

погрѣшеніе, ино не переписати, ни вырѣзати, сказати настоятелю, *съ иныя книги исправити, а не по своему домышленію»* [1]). Въ иныхъ случаяхъ переписчики являются надежными руководителями для отысканія истины, вѣрно передавшими всѣ особенности оригинала. Въ другихъ самыя ошибки, неумѣстныя повидимому вставки знакомятъ съ любопытными чертами вѣка, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на преданія временъ отдаленнѣйшихъ, и ученымъ не разъ приходилось убѣждаться, что позднѣйшіе и неисправные списки иногда сохраняютъ въ себѣ слѣды первобытнаго источника гораздо полнѣе, нежели списки болѣе древніе.

---

1) Дополн. къ актамъ историч. Томъ I. 1847, № 211, стр. 359.

Замѣчанія о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „пчелъ“ [1]).

«Возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ бо поженетъ тысящу, а два двигнета тмы. По Пророческому словеси: не суть бо бози ихъ, яже уповаша на ня, яко близь день погибели ихъ, и паки:.... близь Господь всѣмъ призывающимъ и́ и всѣмъ призывающимъ и́ воистинну, и не въ силѣ констей въсхощетъ, ни въ лыстѣхъ мужескыхъ благоволитъ; благоволитъ Господь на боащихся его и на уповающая на милость его. И слыши, что глаголетъ Димокритъ Философъ: первыи князю подобаетъ имѣти умъ ко всѣмъ премѣннымъ, а на супостаты крѣпость, и мужество, и храбрость; а къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ. Въспоминай же реченая неложными усты Господа и Бога нашего Іисуса Христа: аще и весь міръ приобрящетъ, а душу свою отщетитъ, и что дасть измѣну на души своей? и паки: блаженъ человѣкъ, иже положитъ душу свою за други своя». Читая это мѣсто въ Посланіи архіепископа Вассіана, невольно останавливаешься на имени Димокрита въ Русскомъ произведеніи XV столѣтія. Кто былъ этотъ Димокритъ,— имя ли это извѣстнаго философа древности, или, можетъ быть, только описка, искаженіе какого-нибудь другаго имени неискус-

---

1) Извѣстія Втораго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. II (1853—1854 г.).

нымъ переписчикомъ? Если же это не описка, то какимъ путемъ имя и мнѣнія древняго философа сдѣлались извѣстными на Руси? Наконецъ, какое значеніе имѣли эти мнѣнія въ понятіи Русскаго писателя XV вѣка, т. е. почему изрѣченіе языческаго мудреца стоитъ между изреченіями св. Писанія, и должно ли оправдать или обвинить автора за такое сопоставленіе? Постараемся дать посильные отвѣты на всѣ эти вопросы.

Димокритъ, вспоминаемый у Вассіана, есть, какъ открывается изъ словъ его, приведенныхъ въ посланіи, дѣйствительно извѣстный философъ древности, который пріобрѣлъ себѣ громкую славу своими огромными познаніями и проницательнымъ умомъ, развитымъ продолжительными и отдаленными путешествіями и неутомимой наблюдательностью, и обнаружившимся въ многочисленныхъ сочиненіяхъ по части физики, математики, астрономіи, музыки, медицины, нравственной философіи и пр. Имя Димокрита пользовалось уваженіемъ необыкновеннымъ, которое высказывается и множествомъ древнихъ преданій о его жизни и дѣлахъ и высокимъ мнѣніемъ о немъ писателей классическихъ. Сохранилось преданіе, что Димокритъ добровольно выкололъ себѣ глаза, чтобы тѣмъ острѣе стало его духовное зрѣніе, и чтобъ видъ предметовъ внѣшнихъ не развлекалъ его глубокомысленныхъ соображеній. Преданіе говоритъ также, что онъ изумилъ знаменитаго Иппократа своею необыкновенною проницательностью, что будто онъ могъ даже, возвышаясь надъ законами природы, ускорить и отдалить часъ своей кончины: по просьбѣ женщинъ, которыхъ смерть его лишила бы возможности участвовать въ празднествѣ Цереры, Димокритъ на нѣсколько дней отсрочилъ свою кончину, поддерживая себя запахомъ свѣжаго меда или горячаго хлѣба, какъ говоритъ другое преданіе. Что касается до мнѣнія писателей, то всѣ они съ величайшею похвалою отзываются о сочиненіяхъ Димокрита, древніе такъ же какъ и позднѣйшіе, отъ Цицерона, видѣвшаго въ изрѣченіяхъ Демокрита, хотя написанныхъ прозою, поэтическое величіе и силу, и Плутарха, признававшаго, что Димокритъ выра-

антологіи весьма часто встрѣчается и имя Димокрита. — Послѣ Іоанна Стовейскаго занимался составленіемъ антологіи *св. Максимъ*, бывшій сперва главнымъ секретаремъ при императорѣ Ираклiѣ, а потомъ монахомъ и настоятелемъ Хризополитанскаго монастыря близъ Константинополя. Онъ получилъ названіе *богослова* и *исповѣдника* и причисленъ Греческою церковью къ лику святыхъ за ревностное сопротивленіе и обличеніе ереси монотелитовъ, отъ которыхъ онъ подвергался постояннымъ преслѣдованіямъ и наконецъ изгнанъ въ Колхиду, называвшуюся тогда Лазикой, гдѣ и скончался въ темницѣ въ 662 году[1]). Между произведеніями его особенно замѣчательна антологія, которая названа имъ Κεφάλαια θεολογικά, ἤτοι ἐκλογαὶ ἐκ διαφόρων βιβλίων τῶν τε καθ'ἡμᾶς καὶ τῶν θύραθεν, и которая отличается отъ Стовеевой тѣмъ, что составляющія ее такъ называемыя «loci communes» извлечены не только изъ писателей языческихъ, но и изъ св. Писанія и Отцевъ Церкви. Въ началѣ краткое предисловіе изъ св. Ефрема о томъ, какъ должно читать или слушать читаемое — πῶς χρὴ ἀναγινώσκειν ἢ ἀναγινώσκοντι προσέχειν, въ которомъ совѣтуется читать божественныя книги не разсѣянно, а съ глубокимъ вниманіемъ, и не одинъ разъ, а дважды и трижды; тому, кто приступаетъ къ чтенію или слушанію, вмѣняется въ обязанность обратиться къ Богу съ подобною молитвою: открой глаза и уши сердца моего, да услышу святыя Твои слова и сотворю волю Твою. Въ антологіи св. Максима приводятся мѣста изъ св. Писанія, Отцевъ Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ языческихъ писателей, въ числѣ которыхъ весьма часто изъ Димокрита и между прочимъ то самое мѣсто, которое находится у Вассіана. — Въ VIII столѣтіи извѣстенъ составленіемъ антологіи св. *Іоаннъ Дамаскинъ*, давшій труду своему названіе Ἱερὰ παράλληλα, а послѣ него Греческій монахъ *Антоній*, прозванный за усердіе къ собиранію матеріаловъ для своей антологіи *Пчелою* (μέλισσα). Антоній въ своемъ сборникѣ

1) *Fabricii* Bibliotheca Graeca. IX, стр. 637.

помѣстилъ также изреченіе Димокрита, приводимое Вассіаномъ. — Кромѣ названныхъ нами есть еще нѣсколько рукописныхъ антологій; но для насъ всего важнѣе сборники св. Максима и Антонія, ибо въ нихъ находятся слова Димокрита и они служили оригиналомъ для сборниковъ, которые, судя по количеству списковъ, были нѣкогда въ большомъ ходу между образованными Русскими. Изъ подобнаго сборника, по нашему мнѣнію, заимствовалъ и Вассіанъ изреченіе Димокрита. Разумѣется, встрѣчая у Вассіана слова писателя, сохранившіяся только въ двухъ извѣстныхъ сочиненіяхъ, всего ближе было бы заключить, что авторъ нашъ пользовался непосредственно этими сочиненіями; но мы не рѣшаемся сдѣлать такое заключеніе, ибо не имѣемъ положительныхъ доказательствъ того, чтобы антологіи Антонія и Максима были у насъ распространены въ подлинникѣ и чтобы Вассіанъ зналъ по-Гречески; примѣръ же знаменитаго изъ современныхъ ему писателей — Іосифа Санина, приводившаго весьма много мѣстъ изъ Греческихъ отцевъ, но не знавшаго по-Гречески[1]), этотъ примѣръ отнимаетъ у насъ право приписать Вассіану знаніе Греческаго языка, основываясь на одномъ предположеніи. Гораздо справедливѣе, по нашему убѣжденію, искать источника Вассіанова знакомства съ древнимъ философомъ въ Русскихъ антологіяхъ, переведенныхъ съ Греческаго, и въ доказательство мнѣнія нашего мы разсмотримъ сперва эти антологіи въ отношеніи къ ихъ Греческимъ образцамъ, а потомъ приведемъ Вассіановы слова о Димокритѣ и сравнимъ ихъ съ Греческимъ подлинникомъ и съ переводомъ въ Русскихъ антологіяхъ.

---

1) *Евгенія*: Словарь историч. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина. I, 312. Этого не отвергаетъ и профессоръ Горскій въ своемъ сочиненіи о жизни и писаніяхъ Іосифа Волоколамскаго, какъ можно заключить изъ слѣдующаго отзыва: «Во всѣхъ писаніяхъ Іосифа видно знаніе св. Писанія и обширная начитанность въ писаніяхъ Отцевъ и учителей Церкви, извѣстныхъ тогда *въ переводѣ* на Славянскомъ языкѣ». См. Прибавленія къ изданію твореній святыхъ Отцевъ. Годъ 5-й. 1847. Писанія преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, стр. 276.

Древне-Русскія антологіи извѣстны подъ названіемъ *Пчелъ* и сохраняются въ спискахъ разныхъ столѣтій. Въ Петербургскихъ Библіотекахъ, Публичной и вновь пріобрѣтенномъ Погодинскомъ книгохранилищѣ, и въ Румянцевскомъ музеумѣ, находится также нѣсколько списковъ «Пчелъ»; всѣ списки весьма сходны между собою и потому въ нашихъ указаніяхъ мы будемъ пользоваться преимущественно двумя замѣчательнѣйшими: одинъ особенно замѣчателенъ по древности, другой по полнотѣ. Первый имѣетъ заглавіе: «Книгы бьчела. Рѣчи и моудрости отъ Евангельꙗ и отъ Апостола и отъ святыхъ моужь и разоумъ внѣшнихъ ѳилосоѳъ». Писанъ полууставомъ XIV в., подходящимъ XIV в., подходящимъ къ уставу. Въ сборникѣ, кромѣ главъ Пчелы, помѣщено еще нѣсколько статей, состоящихъ изъ краткихъ изреченій, а именно: Словьца избрана отъ премудрости Іисусовы сына Сирахова; Словца отъ премудрости Соломона; Мудрость Менандра мудраго; Словьца избрана Исухія презвутера Іерусалимьскаго; Разуми сложенія Варнавы неподобнаго, числомъ 124[1]). Въ окончаньи именъ вмѣсто *іи* обыкновенно *ьи*: *оупованьи*, *терпѣньи*, *долгодушьи* и пр.; сравнительно съ другими списками много руссизмовъ, въ родѣ *одва* вм. *едва* и т. п. Другой списокъ (Пчела Строева, въ Публич. Библ. 197), скорописью, подходящею къ полууставу конца XVII или начала XVIII в., называется просто: «Книга глаголемая мпчела». — Пчелы наши находятся въ самой близкой связи съ антологіями Антонія и Максима[2]): связь съ первою видна изъ того, что многія мѣста

1) Въ послѣдней статьѣ весьма замѣчательно слѣдующее мѣсто: «Лоуче ѥсть въ оутлѣи лодьи ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: она бо точію тѣло потопить, а сиꙗ всю жизнь погоубить», весьма сходное со словами Даніила Заточника: «Лутчи есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ». Памятники Рос. Словесности XII вѣка. стр. 238.

2) Мы пользовались слѣдующими изданіями этихъ антологій: *св. Максима*: S. Maximi Confessoris opera, opera et studio R. P. Francisci *Combefis*. 1675. Parisiis (въ 2 томахъ). *Антонія Мелиссы*: Sententiarum sive capitum tomi tres, per Antonium et Maximum monachos olim collecti.... Christophorus *Froschoverus* excudebat. Tigurii. 1546. Сборникъ Мелиссы раздѣленъ на 2 части: первая съ пе-

буквально переведены и самое прозвище автора сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для сборника; отношеніе къ послѣдней открывается во множествѣ мѣстъ, переведенныхъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ у св. Максима, и въ самомъ числѣ главъ, которыхъ и въ Антологіи св. Максима и въ большей части Пчелъ — 71 [1]). Можно допустить, что раздѣленіе на 71 главу

реводомъ Конрада Гесснера, 2-я Іоанна Рибитта. (Оба изданія сдѣлались теперь библіографической рѣдкостью, и мы могли найти ихъ только въ Публичной Библіотекѣ).

1) Чтобы яснѣе обозначилось соотвѣтствіе между Греческимъ и Русскимъ сборникомъ, а отчасти и характеръ ихъ, приведу названіе главъ, порядокъ которыхъ почти во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ Пчелахъ одинаковъ, при большемъ или меньшемъ уклоненіи отъ порядка главъ въ подлинникѣ:

Главы Пчелы:	*Главы Антологіи св. Максима:*
1) О житейстей добродѣтели и о злобѣ слово.	1) περὶ βίου ἀρετῆς καὶ κακίας.
2) О мудрости (слово).	2) περὶ φρονήσεως καὶ βουλῆς.
3) О чистотѣ и цѣломудріи.	3) περὶ ἁγνείας καὶ σωφροσύνης.
4) О мужествѣ и о крѣпости.	4) περὶ ἀνδρείας καὶ ἰσχύος.
5) О правдѣ.	5) περὶ δικαιοσύνης.
6) О дружьбѣ и о братолюбіи.	6) περὶ φίλων καὶ φιλαδελφίας.
7) О милостыни.	7) περὶ ἐλεημοσύνης.
8) О благодати.	8) περὶ εὐεργεσίας καὶ χάριτος.
9) О власти и о княженіи.	9) περὶ ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας.
10) О лъжи и о клеветѣ.	10) περὶ ψόγου καὶ διαβολῆς.
11) О ласканіи.	11) περὶ κολακείας.
12) О богатествѣ і оубожествѣ и о сребролюбіи.	12) περὶ πλούτου καὶ πενίας καὶ φιλαργυρίας.
13) О оудобіи.	13) περὶ αὐταρκείας (= de virtute animi, sorte sua contenti).
14) О молитвѣ.	14) περὶ προσευχῆς.
15) О оученіи и о бесѣдѣ.	15) περὶ διδαχῆς καὶ λογων.
16) О наказаніи.	16) περὶ νουθεσίας.
17) О любомудріи і о оученіи дѣтемъ.	17) περὶ παιδείας καὶ φιλοσοφίας.
18) О богатествѣ і о оубожествѣ.	18) περὶ εὐτυχίας καὶ δυστυχίας.
19) О ꙗрости и о гнѣвѣ.	19) περὶ ὀργῆς καὶ θυμοῦ.
20) О молчаніи и о тайнѣ.	20) περὶ σιωπῆς καὶ ἀποῤῥήτου.
21) О многопитаніи і о молчаніи.	21) περὶ πολυπραγμοσύνης καὶ ἡσυχίας.

22) о многоиманіи и о обидѣ, 23) о чести родительсцѣ і о чадолюбіи; 24) о страсѣ; 25) о скоровозъвращающимсѧ и о покаꙗніи; 26) о грѣсѣ і о исповѣданіи; 27) о чрезъ сытость чреву оугождающихъ; 28) о печали и безъпечальи; 29) о соньихъ; 30) о пьꙗньствѣ; 31) о деръзновеніи и обличеніи; 32) о страдолюбіи (περὶ φιλοπονίας); 33) о клѧтвѣ; 34) о тщеславіи; 35) о истинѣ и о лжи. Доселѣ поря-

Древне-Русскія антологіи извѣстны подъ названіемъ *Пчелъ* и сохраняются въ спискахъ разныхъ столѣтій. Въ Петербургскихъ Библіотекахъ, Публичной и вновь пріобрѣтенномъ Погодинскомъ книгохранилищѣ, и въ Румянцевскомъ музеумѣ, находится также нѣсколько списковъ «Пчелъ»; всѣ списки весьма сходны между собою и потому въ нашихъ указаніяхъ мы будемъ пользоваться преимущественно двумя замѣчательнѣйшими: одинъ особенно замѣчателенъ по древности, другой по полнотѣ. Первый имѣетъ заглавіе: «Книгы бьчела. Рѣчи и моудрости отъ Евангельꙗ и отъ Апостола и отъ святыхъ моужь и разоумъ внѣшнихъ ѳилосоѳъ». Писанъ полууставомъ XIV в., подходящимъ XIV в., подходящимъ къ уставу. Въ сборникѣ, кромѣ главъ Пчелы, помѣщено еще нѣсколько статей, состоящихъ изъ краткихъ изреченій, а именно: Словьца избрана отъ премудрости Ісусовы сына Сирахова; Словца отъ премудрости Соломона; Мудрость Менандра мудраго; Словьца избрана Исухія презвутера Іерусалимьскаго; Разуми сложенія Варнавы неподобнаго, числомъ 124[1]). Въ окончаньи именъ вмѣсто *іи* обыкновенно *ьи*: *оупованьи*, *терпѣньи*, *домодушьи* и пр.; сравнительно съ другими списками много руссизмовъ, въ родѣ *одва* вм. *едва* и т. п. Другой списокъ (Пчела Строева, въ Публич. Библ. 197), скорописью, подходящею къ полууставу конца XVII или начала XVIII в., называется просто: «Книга глаголемая мпчела». — Пчелы наши находятся въ самой близкой связи съ антологіями Антонія и Максима[2]): связь съ первою видна изъ того, что многія мѣста

---

1) Въ послѣдней статьѣ весьма замѣчательно слѣдующее мѣсто: «Лоуче ѥсть въ оутлѣи лодьи ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: она бо точію тѣло потопить, а сиꙗ всю жизнь погоубить», весьма сходное со словами Даніила Заточника: «Лутчи есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ». Памятники Рос. Словесности XII вѣка. стр. 238.

2) Мы пользовались слѣдующими изданіями этихъ антологій: *св. Максима*: S. Maximi Confessoris opera, opera et studio R. P. Francisci *Combefis*. 1675. Parisiis (въ 2 томахъ). *Антонія Мелиссы*: Sententiarum sive capitum tomi tres, per Antonium et Maximum monachos olim collecti.... Christophorus *Froschoverus* excudebat. Tigurii, 1546. Сборникъ Мелиссы раздѣленъ на 2 части: первая съ пе-

буквально переведены и самое прозвище автора сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для сборника; отношеніе къ послѣдней открывается во множествѣ мѣстъ, переведенныхъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ у св. Максима, и въ самомъ числѣ главъ, которыхъ и въ Антологіи св. Максима и въ большей части Пчелъ — 71 [1]). Можно допустить, что раздѣленіе на 71 главу

переводомъ Конрада Гесснера, 2-я Іоанна Рибитта. (Оба изданія сдѣлались теперь библіографической рѣдкостью, и мы могли найти ихъ только въ Публичной Библіотекѣ).

1) Чтобы яснѣе обозначилось соотвѣтствіе между Греческимъ и Русскимъ сборникомъ, а отчасти и характеръ ихъ, приведу названіе главъ, порядокъ которыхъ почти во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ Пчелахъ одинаковъ, при большемъ или меньшемъ уклоненіи отъ порядка главъ въ подлинникѣ:

Главы Пчелы:	*Главы Антологіи св. Максима:*
1) О житейстей добродѣтели и о злобѣ слово.	1) περὶ βίου ἀρετῆς καὶ κακίας.
2) О мудрости (слово).	2) περὶ φρονήσεως καὶ βουλῆς.
3) О чистотѣ и цѣломудріи.	3) περὶ ἁγνείας καὶ σωφροσύνης.
4) О мужествѣ и о крѣпости.	4) περὶ ἀνδρείας καὶ ἰσχύος.
5) О правдѣ.	5) περὶ δικαιοσύνης.
6) О дружьбѣ и о братолюбіи.	6) περὶ φίλων καὶ φιλαδελφίας.
7) О милостыни.	7) περὶ ἐλεημοσύνης.
8) О благодати.	8) περὶ εὐεργεσίας καὶ χάριτος.
9) О власти и о княженіи.	9) περὶ ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας.
10) О лъжи и о клеветѣ.	10) περὶ ψόγου καὶ διαβολῆς.
11) О ласканіи.	11) περὶ κολακείας.
12) О богатествѣ і оубожествѣ и о сребролюбіи.	12) περὶ πλούτου καὶ πενίας καὶ φιλαργυρίας.
13) О оудобіи.	13) περὶ αὐταρκείας (= de virtute animi, sorte sua contenti).
14) О молитвѣ.	14) περὶ προσευχῆς.
15) О оученіи и о бесѣдѣ.	15) περὶ διδαχῆς καὶ λογων.
16) О наказаніи.	16) περὶ νουθεσίας.
17) О любомудріи і о оученіи дѣтемъ.	17) περὶ παιδείας καὶ φιλοσοφίας.
18) О богатествѣ і о оубожествѣ.	18) περὶ εὐτυχίας καὶ δυστυχίας.
19) О ꙗрости и о гнѣвѣ.	19) περὶ ὀργῆς καὶ θυμοῦ.
20) О молчаніи и о тайнѣ.	20) περὶ σιωπῆς καὶ ἀποῤῥήτου.
21) О многопитаніи і о молчаніи.	21) περὶ πολυπραγμοσύνης καὶ ἡσυχίας.

22) о многоиманіи и о обидѣ, 23) о чести родительсцѣ і о чадолюбіи; 24) о страсѣ; 25) о скоровозъвращающимсѧ и о покаꙗніи; 26) о грѣсѣ і о исповѣданіи; 27) о чрезъ сытость чреву оугождающихъ; 28) о печали и безъпечальи; 29) о соньихъ; 30) о пꙑньствѣ; 31) о деръзновеніи и обличеніи; 32) о страдолюбіи (περὶ φιλοπονίας); 33) о клѧтвѣ; 34) о тщеславіи; 35) о истинѣ и о лжи. Доселѣ поря-

нашихъ Пчелъ довольно древнее; по крайней мѣрѣ въ спискѣ XIV вѣка замѣтно уже, что онъ сдѣланъ по рукописи, разд. на 71 главу, и замѣтно вотъ почему: писецъ пропустилъ одну главу, именно 34, о Тщеславіи, и въ рукописи за 33 слѣдуетъ 35, такъ что послѣднею все таки оставалась 71; въ самой рукописи, гдѣ начала главъ далеко отстоятъ одно отъ другаго, легко было не замѣтить пропуска; но онъ бросался въ глаза въ оглавленіи, гдѣ одна глава подписывается подъ другою, и переписчикъ отмѣтилъ № 34 главу, помѣщенную въ текстѣ подъ № 35 (о Истинѣ и о Лжи), а какъ поэтому у него не доставало 71-й главы, то онъ раздѣлилъ послѣднее слово на двѣ части и передъ второю поставилъ киноварью *о*, которое находится въ началѣ всѣхъ главъ, такъ что 70-я гл. озаглавлена имъ: «О Терпѣньи и о Долго», а 71 — «О Душьи». Сходство между сборникомъ св. Максима и нашими «Пчелами» обнаруживается не только въ порядкѣ главъ, но и въ самомъ размѣщеніи выписокъ въ главахъ: для примѣра приведемъ одну на выдержку. Въ главѣ XV περὶ

докъ главъ въ обоихъ сборникахъ одинаковъ; далѣе же Пчелы главы: 36) о хваленіи; 37) о красотѣ; 38) о *хотящемъ быти* судѣ ((περὶ μελλούσης κρίσεως); 39) о славѣ; 40) о многомолъвленіи; 41) о промыслѣ; 42) о смиреніи; 43) о врачѣхъ; 44) о вѣре; 45) о памѧти; 46) о души; 47) о зависти; 48) о волнемъ и неволнемъ; 49) о разумѣ себѣ (περὶ τοῦ γνῶθι σεαυτόν); 50) о благости; 51) о законѣ; 52) о словеснемъ и о сердечнемъ; 53) о безуміи; 54) о растающихъ имѣніѧ своѧ на нетлѣннаѧ; 55) о обычаи и о нравѣ; 56) о благородіи и злородіи; 57) о сьмѣсѣ; 58) о сънѣ; 59) о беззлобіи и о невоспоминаніи; 60) о непостоѧніи житіѧ; 61) ѩко достойно чтити благодать, злобу отгнати — соотвѣтствуютъ у Максима главамъ 43—68 (включительно) въ послѣдовательности. Пчелы гл. 62) яко проста злоба есть и одва годитьсѧ человѣкомъ благодѣяніе = Макс. 70) περὶ τοῦ ὅτι εὔκολος ἡ κακία καὶ δυσπόριστος ἡ ἀρετή; Пч. 63) о самолюбіи = Макс. 69; Пч. 64) о правдѣ и о обидѣ = Макс. 71; Пч. 65) о смерти; 66) о миру и о рати; 67) о оупованіи; 68) о женахъ; 69) о противословіи и о шептаніи; 70) о старости и о юности; 71) о терпѣніи и веледушіи (или долгодушіи) = Макс. 36—42 (включит.). — Эти главы находятся и въ Сборникѣ Мелиссы, имѣющемъ 175 главъ, только не въ такомъ порядкѣ. Изъ *Пчелъ*, находящихся въ Петербургскихъ библіотекахъ, болѣе всѣхъ уклоняется отъ обыкновеннаго порядка главъ Пчела Румянц. Музеума, въ которой главы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: 1) отъ притчей Соломовыхъ наказаніе къ сыну; 2) о зависти; 3) о самолюбіи; 4) о пиянствѣ; 5) о многоглаголаніи; 6) о смиреніи; 7) о друзѣхъ; 8) о мудрости; 9) о чистотѣ и цѣломудріи; 10) о мужествѣ и храбрости, и т. д.

διδαχῆς καὶ λόγων слѣдуютъ у св. Максима выписки въ такомъ порядкѣ: изъ Евангелиста Матѳея, Апостола Іакова, Соломона, Сираха, св. Василія, Богослова, Златоуста, Нила, Дидима, Мосха, Димонакта, Солона, Діогена, Этеокла, Сократа, Антагора, Іерона, Энопида, Ромула; въ соотвѣтствующей главѣ Пчелы 15, о оученіи и о бесѣдѣ, приводятся послѣдовательно изреченія: *св. Матѳея*, *ап. Іакова*, *Соломона*, *Сираха*, *св. Василія*, *Богослова*, *Златоуста*, Гр. Нисскаго, Фотія, *Дидима*, Исидора, Плутарха, Филона, Исократа, Харикла, Димокрита, Клитарха, *Мосха*, Соломона, *Діогена*, *Этеокла*, Менандра, Эпихарма, Иродота, Эврипида, Пиѳагора, *Антагора*, *Іерона*, *Энопида*. Напечатанныя курсивомъ взяты изъ сборника Максимова, а капителью — изъ сборника Антонія Мелиссы; остальныя, вѣроятно, изъ Греческихъ рукописныхъ антологій; но какого бы рода ни были эти антологіи, безъ всякаго сомнѣнія, они составлены по образцу, данному св. Максимомъ и Антоніемъ [1]).

1) Чтобы еще доказательнѣе было мнѣніе наше, приведемъ одно или два изъ тысячи мѣстъ, буквально переведенныхъ съ Греческаго подлинника. Какъ предки наши переводили св. Писаніе, достаточно уже извѣстно, а потому избираемъ писателей древнихъ.

Въ Антол. Максима: *Мосхъ:*	Пчела XIV вѣка: *Мосхъ:*
τὸν προσομιλοῦντα τριχῇ διασκόπου, ὡς ἀμείνονα, ἢ ὡς ἥττονα, ἢ ὡς ἴσον, καὶ εἰ μὲν ἀμείνονα, ἀκούειν χρὴ καὶ πείθεσθαι αὐτῷ; εἰ δὲ ἥττω, ἀπειθεῖν, εἰ δὲ ἴσον, συμφωνεῖν.	Внегда бесѣдуеши съ нѣкими, то прежде смотри, аще лучьшіи тебе есть съповѣстникъ той, или хуждьшіи, или ровникъ; і аще оуразумѣешися и лучьша себе, то покорися ему; аще ли же хуждьши, то покори, аще ли ровенъ тебѣ, то съединооумися с нимъ.
Антагоръ: Ἀνταγόρας ἐπεὶ ἀνεγίνωσκε παρὰ Βοιωτοῖς τὸ τῆς Θηβαΐδος σύγγραμμα, καὶ οὐδεὶς ὑπεσημήνετο, κλείσας τὸ βιβλίον, Δικαίως, εἶπε, καλεῖσθε Βοιωτοί, βοῶν γὰρ ὦτα ἔχετε.	*Антагоръ:* Сей нѣкто да прочьте Фивейскую грамоту предъ Виоты на посольство пришедъ и никому же отъ нихъ отвѣщающу, онъ же рече: во истину есте прозвани Виоте, понеже ѩко волуи оуши имѣете и слышаще же не отвѣщающе.

Я съ цѣлью избралъ такое мѣсто, въ которомъ видно и достоинство и недостатки перевода. Способъ перевода вообще не подлежитъ осужденію; главнѣйшая трудность предстояла въ передачѣ тѣхъ понятій, кои имѣютъ, такъ сказать, мѣстный смыслъ, будучи тѣсно связаны съ звуками словъ, выражаю-

Такого рода сборники были, какъ должно полагать, значительно распространены на Руси: еще въ Словѣ Даніила Заточника есть указанія на знакомство автора ея съ «Пчелою»[1]); есть списокъ, и вѣроятно не одинъ, XIV в., нѣсколько списковъ XV вѣка, нѣсколько XVI, изъ которыхъ замѣчателенъ списокъ начала вѣка, скорописью, начинающійся 20 главой съ середины, находящійся въ Публичной Библіотекѣ (изъ Погодинск. книгохранилища); нѣсколько XVII столѣтія; одинъ изъ нихъ, скорописью, въ Публичн. Библіотекѣ № 1068, имѣетъ такое заглавіе: «Сія книга глаголемая Пчела имѣетъ рѣчи отъ Евангелія и отъ различныхъ святыхъ словъ»; но не смотря на то, въ ней, кромѣ выраженій Евангельскихъ и «святыхъ словъ», находится множество мѣстъ изъ писателей языческихъ, какъ и въ другихъ Пчелахъ, и въ этомъ отношеніи она представляетъ сходство съ Сборникомъ св. Максима, который также, хотя и заключаетъ въ себѣ множество выписокъ изъ языческихъ писателей, называется од-

---

щихъ на извѣстномъ языкѣ эти понятія. Въ приведенномъ примѣрѣ названіе Віотійцовъ волоухими основывается на созвучіи Греческихъ словъ Βοιωτοὶ и βοῶν ὦτα, созвучіи не существующемъ въ языкѣ Русскомъ, и переводчикъ долженъ былъ прибавить *яко* (какъ-бы) и нѣсколько пояснительныхъ словъ. Такимъ же образомъ выраженіе Іоанна Богослова: θάρσος καὶ θράσος κἂν τοῖς ὀνόμασι πλησιάζει, πλεῖστον ἀλλήλων τῇ δυνάμει κεχώρισται.... переводчикъ Пчелы передалъ такъ: Храборъство и суровъство аще и сусѣдьство между себе имѣютъ, на разнствуета вельми.... Очевидно что θάρσος и θράσος гораздо болѣе имѣютъ звуковаго «сосѣдства», нежели храборъство и суровъство; но поостережемся обвинять нашихъ древнихъ переводчиковъ, припомнивъ, какъ и въ наше время переводится съ иностранныхъ языковъ такъ называемая *игра словъ*, встрѣчающаяся у многихъ писателей отъ Плавта до Шекспира. Всѣ почти иностранныя имена переданы вѣрно за исключеніемъ нѣкоторыхъ, измѣнившихся по требованіямъ Русской фонетики: вмѣсто *Эпихармъ*, *Ликургъ*, *Энопидъ* встрѣчается *Эпихарамъ*, *Кулоургъ*, *Оуновиди* и т. д.

1) Ср. *Сахарова:* О Словѣ Даніила Заточника. Москвитянинъ. 1843 № 9. стр. 149—155. Онъ раздѣляетъ списки Пчелы на 3 разряда и между прочимъ говоритъ: «Когда появилась книга Пчела — неизвѣстно. Мы имѣемъ два разные перевода: первый, неизвѣстнаго времени, встрѣчается въ спискахъ мнѣ извѣстныхъ конца XV в.; другой былъ сдѣланъ въ 1599 г. монахами Антоніемъ и Максимомъ». Не знаемъ, откуда заимствовалъ г. Сахаровъ это послѣднее извѣстіе; но по всей вѣроятности подъ именами Ант. и Макс. надобно понимать здѣсь не переводчиковъ XVI в., а самихъ авторовъ — св. Максима и Антонія Мелиссу.

нако Κεφάλαια θεολογικά. Списки «Пчелы» идутъ даже до XVIII столѣтія, въ которомъ не только чтеніе ея вышло изъ обычая, но и сама она, нѣкогда служившая источникомъ образованности, стала подвергаться легкомысленнымъ отзывамъ[1]). Но не то было въ вѣкахъ предшествующихъ: образованные люди украшали ею свою библіотеку и только извѣстною степенью ея распространенности можетъ быть объяснено то обстоятельство, что и Вассіанъ, поставленный въ необходимость вдругъ написать увѣщаніе, могъ легко припомнить выраженіе изъ Пчелы и передать его съ такою вѣрностью. Какимъ бы образомъ онъ ни привелъ это выраженіе, т. е. по одной только памяти или съ помощью списка, бывшаго подъ рукой, хотя самая спѣшность работы дѣлаетъ первое предположеніе вѣроятнѣйшимъ; во всякомъ случаѣ переводъ Вассіана совершенно сходенъ съ переводомъ Пчелы, что очевидно изъ сравненія обоихъ переводовъ съ Греческимъ подлинникомъ. Въ 9-й главѣ антологіи св. Максима при имени Димокрита находится слѣдующая выписка изъ этого философа (изд. Комбефиза, т. II, стр. 560), 2-я въ числѣ нѣсколькихъ изъ Димокрита — у Св. Максима, какъ и въ Пчелахъ.

У св. Максима:

τὸν ἄρχοντα δεῖ ἔχειν πρὸς μὲν τοὺς καιροὺς λογισμόν, πρὸς μὲν τοὺς ἐναντίους τόλμαν πρὸς δὲ τοὺς ὑποτεταγμένους εὔνοιαν. То же у Антонія Мелиссы, II кн. гл. I.

1) О книгѣ, бывшей прежде въ такомъ почетѣ, стали уже отзываться подобнымъ образомъ: «Хороша для васъ книга о Бовѣ Королевичѣ, въ которой повѣствуются древнія оныя о исполинѣ преславномъ Полканѣ и Милитрисѣ исторіи; еще же *книга Пчела*, не знаю по истинѣ, которымъ авторомъ изданная, безъ всякаго погрѣшенія, яко благочестія твоего наставница, апробаціи достойна, изъ которой ты многіе доводы въ публичныхъ диспутаціяхъ на свадьбахъ у мужиковъ деревенскихъ и у братины по праздникамъ со учеными оными дьячками и.... клиромъ привести можешь». Обращеніе къ Зоилу изъ рпси прошлаго столѣтія *Анѳропоскопія*, переводъ съ Латинск. Ив. Сѣчихина. Москвитянинъ. 1853. № 7. Г. Погодинъ полагаетъ, что Сѣчихинъ есть псевдонимъ Тредьяковскаго, издѣвающагося надъ Ломоносовымъ.

Въ Пчелахъ:

Князю подобаеть имѣти умъ ко всѣмъ времяннымъ (*или* ко временомъ оумъ, — ко времени умъ, — къ временъпымъ оума), а на супостаты крѣпость и мужество же и храбрость (*въ иныхъ только:* на соупостаты крѣпость), а къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ (*въ иныхъ просто:* а къ дроужинѣ любовь).

Въ посланіи Вассіана:

Пръвѣе[1]) (*или* первыи) князю подобаетъ имѣти умъ ко всѣмъ премѣннымъ (*или* временнымъ), а на супостаты крѣпость и мужество и храбрость, а къ своей дружинѣ любовь и привѣтъ сладокъ (*или* и сладость).

Признавая несомнѣннымъ заимствованіе Вассіаномъ изъ «Пчелы» словъ Димокрита, мы тѣмъ самымъ указываемъ на причину, почему они приводятся вмѣстѣ со словами Св. Писанія. Всѣ главы въ антологіяхъ начинаются обыкновенно выписками изъ Евангелія, Апостола, твореній св. Отцевъ, а въ слѣдъ за ними и изъ писателей языческихъ: такъ составлены сборники и св. Максима и св. Іоанна Дамаскина, по нѣкоторымъ его спискамъ[2]). То же самое видимъ и въ нашихъ Пчелахъ: въ главѣ 17-й напримѣръ (о любомудріи и о ученіи дѣтемъ) свидѣтельства приводятся въ слѣдующемъ порядкѣ: *Евангеліе:* Вшедше Іисусъ въ церковь, и оучаше народы, чюждахуться Іюдее глаголюще: како сей вѣсть книги не оучився. *Апостолъ:* Аще кто мнится мудръ быти в васъ въ вѣце семъ, да будетъ юродъ и (да) будетъ мудръ: мудрость бо міра сего юродьство есть предъ Богомъ. За этимъ слѣдуютъ непосредственно одно за другимъ изреченія: *Соломона*, *Богослова*, *Исократа*, *Димокрита:* «Сей рече, яко наказаніе кореніе имѣетъ горко, а плодъ его сладокъ;

1) Въ рукописномъ посланіи *пръвѣе*, въ Соф. Врем. *первыи* и отдѣлено отъ *философъ* двоеточіемъ; но можно *первыи* относить и къ предъидущему, т. е. *Димокритъ философъ первыи.*

2) *Fabricii* Bibliotheca Graeca. T. IX. стр. 720—732.

наказаніе славнымъ есть красота, а убогимъ прибѣжище; градовы подобаетъ украшати образовънымъ украшеніемъ и церьковьнымъ, а души ученіемъ». У Антонія Мелиссы непосредственно за словами Димокрита, приводимыми Вассіаномъ, слѣдуютъ выписки изъ Притчей Соломона. Кромѣ авторитета «Пчелъ», Вассіана оправдываетъ въ способѣ приведенія свидѣтельства Димокрита и то, что, судя по мнѣніямъ его, разсѣяннымъ въ разныхъ мѣстахъ сборника, Димокритъ долженъ былъ казаться читателямъ Пчелы мудрецомъ, имѣвшимъ самый возвышенный образъ мыслей: мнѣнія въ родѣ слѣдующихъ, отмѣченныхъ именемъ Димокрита: «Лоучше есть своа съгрѣшеніа обличати, нежели чюждая» или «Человѣкомъ достойно есть о души паче попеченіе имѣти, нежели о тѣлеси; тлѣнная жилища стяжавати безумныхъ есть, а не мудрыхъ, и ни на кую же души пользу есть, но на вредъ и погыбель», — подобныя мнѣнія не могли не возбуждать уваженія къ высказавшему ихъ. Самое прозвище «философъ», во всѣхъ спискахъ находящееся при имени Димокрита, показываетъ уваженіе къ нему нашихъ предковъ: ибо въ древности слова *философъ* и *философствовать* имѣли почетное значеніе[1]).

Если сочиненія Димокрита въ такомъ количествѣ могли быть извѣстны Вассіану, то весьма естественно полагать, что ему могли быть извѣстны и самыя обстоятельства жизни древняго философа: такому знакомству могла содѣйствовать и «Пчела», ибо въ ней при изрѣченіи какого либо писателя, часто сообщается и извѣстіе изъ его жизни, объясняющее это изреченіе. Такъ между прочимъ о Димокритѣ есть подобныя отрывочныя

---

1) Такъ въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1288 годомъ сказано: «Князь Володимиръ глаголаше ясно отъ книгъ, зане *философъ* великъ, и ловецъ хитръ, хороборъ, кротокъ», а въ Кіевской лѣтописи подъ 1198 годомъ: «По духу Рюрику прозябаніе бысть.... воздержаніе яко нѣкое основаніе полагаше, по Іосифу же цѣломудріе и Моисееву добродѣтель, Давыдову кротость и Костянтине правовѣріе, и прочія добродѣтели прикладая въ соблюденіе заповѣди Владычни, и тако *философствоваше*, молясь по вся дни тако сохранену быти, имѣя же къ нимъ милость отъ великихъ даже и до малыхъ» и т. п.

извѣстія: «сему нѣкогда посланоу отъ Афинѣи къ Филипоу царю и съ дръзновеніемъ веліемъ бесѣдующу, царь же Филипъ рече ему: не боиши ли ся зане повелю оусѣкноути главу твою; онъ же рече: аще убо повелиши да усѣчена будеть глава моа, то мое отечьство безсмертіемъ почтеть ю». При имени Леонида въ Пчелѣ вспоминается подвигъ героя Спартанскаго: «Леонидъ Лакедемоньскіи мало имѣя вои, иде на Перси, и нѣкоему рѣкшу ему: како съ малымъ идеши на толику землю, онъ же отвѣща: съ малыми иду, но съ хотящими и довлѣющими», и т. п. Притомъ, чѣмъ распространеннѣе были какія-либо произведенія, тѣмъ скорѣе должно было возникнуть желаніе имѣть извѣстія о жизни ихъ авторовъ; такъ въ древнихъ спискахъ Пророчествъ послѣ книги каждаго пророка помѣщалось обыкновенно краткое его жизнеописаніе. То же самое встрѣчаемъ и въ нашихъ старопечатныхъ книгахъ: въ «Анѳологіонѣ» напримѣръ, напечатанномъ во Львовѣ въ 1638 г. и расположенномъ по днямъ года, за именемъ празднуемаго святаго слѣдуетъ часто краткій біографическій его очеркъ или объясненіе причины празднества. Судя же по однимъ только спискамъ «Пчелы», мы можемъ заключить, что предкамъ нашимъ извѣстны были произведенія многихъ писателей иностранныхъ, какъ христіанскихъ, такъ и языческихъ[1]), съ нѣкоторыми чертами изъ жизни авторовъ. Новыя открытія, какъ можемъ надѣяться, обогатятъ науку новыми данными для сужденія о томъ, къ чему обращалась любознательность нашихъ предковъ; теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что и въ древнѣйшую эпоху образованности народа любознательность его направляется къ судьбѣ писателя въ одинаковой степени, какъ и къ его твореніямъ, доказательствомъ чему служатъ отчасти: у насъ — біографическія замѣтки о писателяхъ и выписки изъ ихъ

1) Въ Пчелахъ приводятся имена и мнѣнія: Аристотеля, Аристида, Антифана, Віаса, Димокрита, Діогена, Дидима, Димосѳена, Діодора, Діона Римскаго, Епиктета, Еврипида, Клеострата, Ксенофонта, Климента, Лакона, Леонида Спартанскаго, Левкиппа, Менандра, Платона, Плутарха, Пиѳагора, Прокопія Ритора, Сократа, Софокла, Фаворина, Филона, Ѳеодорита, Ѳеопомпа и др.

творенiй, находящiяся въ «Пчелахъ», на западѣ — явившiйся въ среднiе вѣка трудъ Вальтера Бурлэя (Gualterus Burläus, живш. въ концѣ XIII и началѣ XIV в.): *Vita, mores* et elegantissima philosophorum et poetarum veterum *dicta simul et gesta* — первый опытъ исторiи литературы въ Европѣ.

Вассіанъ, современникъ Іоанна III-го.

Произведенія древней нашей словесности, при единствѣ главныхъ началъ, представляютъ довольно замѣчательное разнообразіе по содержанію, характеру и соотношенію съ условіями современнаго имъ народнаго быта. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о значеніи нѣкоторыхъ отраслей древней словесности нашей рѣшаемъ былъ различно. Вникая въ причину этого различія, мы должны прійти къ убѣжденію, что она состоитъ преимущественно въ отсутствіи специальной разработки многихъ памятниковъ. Наука тогда только можетъ произнести приговоръ цѣлому, когда достигнетъ яснаго и полнаго сознанія составляющихъ его частей, когда всѣ памятники словесности будутъ изслѣдованы съ возможной тщательностью и безпристрастіемъ. Пока не будетъ совершена эта трудная работа, до тѣхъ поръ всякая попытка къ общей характеристикѣ будетъ сопряжена съ опасностью — прибѣгать къ произвольнымъ предположеніямъ и тѣмъ уклоняться отъ искомаго свѣта истины. Принимая посильное участіе въ трудахъ ученыхъ, руководимыхъ этимъ убѣжденіемъ, я позволяю себѣ на этотъ разъ обратить вниманіе на личность замѣчательную и въ литературномъ и въ историческомъ отношеніи, на писателя XV вѣка *Вассіана*, котораго энергическое посланіе къ Іоанну III упрочило за нимъ имя доблестнаго патріота и даровитаго писателя.

---

1) Извѣстія Втораго Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. II (1853—1854 г.).

I.

Самое раннее извѣстіе о Вассіанѣ сообщено имъ самимъ въ написанномъ имъ Житіи преподобнаго Пафнутія Боровскаго. Изъ этого Житія мы узнаемъ, что Вассіанъ былъ постриженъ пр. Пафнутіемъ и былъ однимъ изъ ближайшихъ его учениковъ[1]). Этимъ и ограничиваются свѣдѣнія о первоначальной жизни Вассіана; указанія же на его дальнѣйшую судьбу разсѣяны по лѣтописямъ. Въ 1456 году Вассіанъ былъ сдѣланъ игуменомъ Свято-троицкой Сергіевой Лавры, 8-мъ, считая отъ преподобнаго Сергія; черезъ 10 лѣтъ (1466) произведенъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря[2]), а въ 1468 или 1469 г. рукоположенъ въ архіепископа Ростовскаго. Съ этого времени расширяется кругъ его дѣятельности, и лѣтописцы съ большею подробностью останавливаются на событіяхъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Одни лѣтописи упоминаютъ о рукоположеніи Вассіана подъ 1468 г., другія подъ 1469 г.; но сходятся въ показаніи дня посвященія — 13 декабря; притомъ нѣкоторыя называютъ только имя: «Въ лѣто 6977 (=1469) дек. въ 13 поставленъ былъ епископъ граду Ростову, именемъ Вассіанъ, архимандритъ Спасской[3]); другія же имя и *прозвище:* «Тое же осени поставили архимандрита Спасского Васьяна *Рыла* въ архіепископы на Ростовъ, декабря 13»[4]). Прозвища какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ были весьма обычны въ XV вѣкѣ и удерживались даже послѣ постриженія въ монашество: такъ преемникомъ Вассіана былъ «архіепископъ Іосафъ, бывалъ князь

---

1) Вассіанъ говоритъ въ «Житіи»: Азъ окаанный отъ святыхъ его (пр. Пафнутія) рукъ сподобихся воспріати иночѣскыи образъ на преславный праздникъ Срѣтеніе Господа нашего І. Христа по оутреніи, и много время с нимъ съжительствовахъ, и на единомъ клиросѣ въ лицѣ поющихъ с нимъ стояхъ, и многыхъ благодѣаній душевныхъ и тѣлесныхъ отъ него насладихся». Здѣсь же говоритъ о себѣ: «Жребій пріяхъ отъ ученикъ и *съдѣльникъ* его» (въ другомъ спискѣ: *содѣльникъ*).

2) Исторія Россійской іерархіи. Часть II, стр. 176, и часть VI, стр. 284.

3) Софійскій Временникъ, изд. Строевымъ. II, стр. 96 (1821. М.).

4) Полное Собраніе Рус. Лѣтописей, Т. V, стр. 274.

Оболенскій», а далѣе о немъ же сказано въ лѣтописи: «единъ владыка Ростовскій князь Асафъ» безъ прибавленія: *бывалъ*; въ лѣтописяхъ встрѣчается также подъ 1495 г.: «старцы Троицкые Сергіева монастыря: Веньяминъ Плещеевъ, келарь Васьянъ Ковезинъ, Филиппъ Износокъ» и пр.[1]). Ни санъ, ни прозвище Вассіана не объясняютъ его происхожденія: примѣръ кн. Оболенскаго доказываетъ, что въ духовное сословіе вступали и аристократы, а прозвище *Рыло* могло быть и непростонароднымъ, ибо между современными воеводами были и князь Андрей Никитичь *Ноготь*, и князь *Лыко*, и другіе съ прозвищами такого же рода. Притомъ же въ древности не было строгой разборчивости въ раздачѣ прозвищъ: людямъ придавали названія частей тѣла, звѣрей, негодныхъ травъ и т. п.[2]). Но какого бы происхожденія ни былъ Вассіанъ, во всякомъ случаѣ не родъ, а личныя достоинства возвели его на высокую степень іерарха и государственнаго человѣка. 1479 годъ особенно богатъ извѣстіями лѣтописными объ участіи Вассіана въ дѣлахъ государственныхъ, объ его частыхъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ, который призывалъ его и на семейную радость, и для водворенія мира между враждующими князьями. Въ Новгородской 4-й лѣтописи читаемъ: Въ лѣто 6987 (=1479) марта 25, въ 8 часъ нощи, родися великому князю сынъ Ивану Васильевичю отъ царевны Софьи, нареченъ бысть Василей Парискый; а крестили его въ Сергіевѣ монастырѣ архіепископъ *Васьянъ* Ростовскый да игуменъ Троецкой Паисей, априля въ 4, въ недѣлю Свѣтоносную»[3]). При освященіи соборной Успенской церкви, построенной въ 1479 году Аристотелемъ Фіоравенти, митрополитъ шелъ съ крестнымъ ходомъ не посолонь, т. е. не по теченію солнца; великій князь призналъ это нарушеніемъ церковныхъ обычаевъ,

1) *Карамзина:* Исторія Государства Россійскаго, Т. VI, прим. 326.

2) Даже, подобно Нѣмецкому Mannteufel и просто Teufel, у насъ была фамилія *Чортъ*: въ «лѣто 1495 поставиша Макаріа порекломъ *Чорта*»—сказано въ Кіевской лѣтописи. *Карамзина* И. Г. Р. Т. VI, прим. 403.

3) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей, Т. IV, стр. 152.

и въ числѣ немногихъ, принявшихъ сторону в. князя, былъ и нашъ Вассіанъ. То же извѣстіе и въ тѣхъ же выраженіяхъ сообщаютъ нѣкоторыя лѣтописи подъ 1482, только вмѣсто Вассіана стоитъ имя его преемника: «вси священники, и *книжники*, и иноки и миряне по митрополитѣ глаголаху, а по в. князѣ мало ихъ, единъ владыка Ростовскій князь Асафъ да архимандритъ Чудовской Генадей»[1]). Пользуясь усердіемъ и образованностію Вассіана въ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ, в. князь былъ постоянно въ близкихъ отношеніяхъ къ Вассіану и оказывалъ ему покровительство: такъ, когда въ 1477 году митрополитъ Геронтій желалъ подчинить себѣ монастырь Кирилло-Бѣлозерскій, бывшій прежде подъ вѣдомствомъ Ростовскихъ епископовъ, Вассіанъ обратился съ жалобою къ в. князю, и в. князь велѣлъ созвать соборъ, слѣдствіемъ чего было то, что монастырь остался подъ властію Вассіана[2]). Однимъ изъ послѣднихъ подвиговъ Вассіана было его содѣйствіе къ примиренію князей съ в. княземъ во время несогласій, возникшихъ между ними по слѣдующему обстоятельству. Въ 1479 году великій князь, по жалобамъ и клеветамъ Лучанъ, свелъ намѣстника съ Лукъ Великихъ и съ Новогородскаго Литовскаго рубежа. Обиженный намѣстникъ, князь Иванъ Володиміровичъ Оболенскій Лыко, уѣхалъ къ брату великаго князя, князю Борису, на Волокъ Ламскій. В. князь посылалъ за Лыкомъ; но Борисъ не выдалъ его; тогда, по тайному повелѣнію в. князя, Лыка схватили въ его селѣ и скованнаго привезли въ Москву. Узнавъ объ этомъ, Борисъ послалъ къ старшему своему брату князю Андрею Васильевичу Углицкому съ жалобой на в. князя, который чинилъ насиліе уѣзжающимъ къ нимъ, хотя, когда умеръ князь Юрій, ихъ старѣйшій братъ, в. князю «вся отчина его досталася, а имъ подѣла не далъ изъ той отчины; Новгородъ великій взялъ съ ними, ему ся все подостало, а имъ жеребіа не далъ изъ него». Князья, «сдумавше

---

1) Софійскій Временникъ, изд. Строев. Т. II, стр. 224.

2) Митр. *Платона*: Церковная Россійская Исторія. Т. I, стр. 331—332.

межи себя», собрались со всѣми людьми и пошли къ Литовскому рубежу. Великій Князь посылалъ къ нимъ боярина съ предложеніемъ воротиться, но они не послушали его и шли къ Новгородскимъ волостямъ. Тогда в. князь послалъ къ нимъ Вассіана; Вассіанъ настигнулъ ихъ въ Молвятицахъ, откуда они *«со архіепискуплихъ рѣчей»* послали къ в. князю двухъ бояръ, а сами пошли къ Литовскому рубежу; потомъ в. князь опять посылалъ Вассіана съ боярами; но безуспѣшно. Наконецъ «въ лѣто 1481 бяху послы братьи его (в. князя) о миру, и князь в. Иванъ Васильевичъ пожаловалъ братью свою, по печалованію отца своего митрополита Геронтея, матере своея вел. княгини иноки Маrѳы и архіепископа Ростовскаго *Васьяна* и др., пословъ ихъ отпустилъ, а самимъ имъ велѣлъ къ себѣ пойти вборзѣ». Въ слѣдъ за этимъ событіемъ лѣтописи сообщаютъ извѣстіе о кончинѣ Вассіана: «Тое же зимы (1481) мѣсяца марта въ 23 день, въ субботу третьюю поста, въ 3 часъ нощи, преставися преосвященный архіепископъ Васьянъ Ростовскій и Ярославскій»[1]).

Вотъ все, что передаютъ намъ лѣтописи о жизни и дѣлахъ Вассіана[2]). Основываясь на этихъ данныхъ, мы можемъ судить о связи, которая необходимо должна существовать, между образомъ и обстоятельствами его жизни и характеромъ его литературныхъ трудовъ. Живя въ томъ вѣкѣ, когда религіозное направленіе преобладало въ словесности, когда и люди свѣтскіе желали употребленіемъ выраженій Св. Писанія придавать трудамъ своимъ достоинство произведеній духовныхъ, могъ ли Вассіанъ, будучи духовнымъ лицомъ, заниматься свѣтскою словесностью, не подчиниться господствующему вкусу вѣка? Но оставаясь одними же и тѣми по духу, произведенія Вассіана различны по двумъ періодамъ его жизни: проведя большую часть жизни

1) Софійскій Временникъ II, стр. 347 и стр. 222—223.

2) Очень немногое можно прибавить изъ грамотъ, напр. то, что Вассіанъ былъ у духов. завѣщанія к. Андрея Вас. около 1480—81 (Собр. Г. Грам. I, 272). Смотр. еще грамоты № 55 и 61 въ I т. Акт. Арх. Экспедиція. Для соображенія нѣкоторыхъ обстоятельствъ срав. Ист. Рус. церкви. III. стр. 32 и 175—176.

въ монастырѣ, подъ началомъ строгаго отца, изумлявшаго современниковъ своими аскетическими подвигами, Вассіанъ возводится потомъ на одну изъ высшихъ степеней іерархіи и принимаетъ самое дѣятельное участіе въ дѣламъ политическихъ. Притомъ писатель, призываемый правительствомъ къ дѣламъ государственнымъ, гражданскимъ и духовнымъ, въ которыхъ необходимо и умѣнье дѣйствовать на людей, и сила убѣжденія, и отчетливое знаніе предметовъ, на основаніи коихъ произносится судъ, такой писатель необходимо долженъ принадлежать къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени.

II.

Изъ произведеній Вассіана особенною извѣстностью пользуется Посланіе его къ Іоанну III, возбуждавшее къ войнѣ съ Ахматомъ, и потомъ пространное Жизнеописаніе св. Пафнутія, основателя Боровскаго монастыря; долгое время эти два произведенія были единственно извѣстными, и о нихъ только упоминаетъ митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ Русскихъ духовныхъ писателей[1]). Въ 1834 г. сообщено извѣстіе еще о трехъ сочиненіяхъ Вассіана, отысканныхъ г. Строевымъ во время его археографическаго путешествія. Въ «Указаніи матеріаловъ отечественной исторіи и словесности» г. Строевъ посвящаетъ нѣсколько строкъ и Вассіану: «Вассіанъ *Рыло* архіепископъ Ростовскій (скончю 1481 г.), сочинилъ *Житіе св. Пафнутія Боровскаго.* Его жъ *Посланіе на Угру* (Вел. Кн. Іоанну Васильевичу) и *три поученія*»[2]). Въ своемъ весьма краткомъ указаніи г. Строевъ не означилъ, гдѣ помѣщены эти поученія: вѣроятно, они хранятся въ Москвѣ или въ какомъ-либо другомъ

1) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Грекороссійской церкви. 1827. Т. I, стр. 73—74.

2) Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія до начала XVIII столѣтія, сост. *П. Строевымъ.* Въ Журналѣ Минист. Народн. Просвѣщ. 1834. Февраль. II, стр. 162, § 70.

городѣ, въ монастырской библіотекѣ; поиски же наши въ Петербургскихъ хранилищахъ рукописей оказались тщетными. Этими 5 трудами и ограничивается извѣстный намъ кругъ литературной дѣятельности Вассіана: весьма не великъ онъ, если судить о немъ по теперешнимъ понятіямъ, и весьма достаточенъ, если принять въ соображеніе не количество, а качество произведеній и самый объемъ: рукописное Посланіе составляетъ брошюру, а Житіе цѣлую книгу.

Изъ пяти сочиненій Вассіана мы ограничимся покамѣстъ двумя, намъ извѣстными. Посланіе къ Іоанну находится и въ рукописяхъ и нѣсколько разъ являлось въ печати [1]).

Жизнеописаніе св. Пафнутія находится въ нѣсколькихъ рукописяхъ; въ указаніяхъ нашихъ мы преимущественно будемъ пользоваться спискомъ, находящимся въ Императорской Пуб-

---

1) Оно напечатано и въ *Степенной Книгѣ*, изданной въ 1775 г. Миллеромъ, во II-й части, отъ стр. 140 до стр. 149, и въ *Лѣтописцѣ Русскомъ*, изданномъ въ 1792 г. Н. Львовымъ, въ III-й части, отъ 146 до 166 стр., и въ *Софійскомъ Временникѣ*, изд. въ 1821 году Строевымъ, во II-й части, отъ стр. 208 до 218. Отличія, представляемыя этими изданіями, незначительны: такъ въ Степ. Кн. читаемъ: «Аще ли же еже пришися любо и глаголеши, яко подъ клятвою есть мы отъ прародителей, еже не поднимати руки противъ царя, и како азъ могу клятву разорити спротивъ стати. Послушай убо, боголюбивый царю!» и пр. Въ Лѣт. Русскомъ: «Аще ли же еще любо приши и глаголеши яко подъ клятвою есмы отъ прародителей еже не поднимати руки противъ царя стати, послушай убо, боголюбивый царю!» Въ Соф. Временникѣ: «Аще ли же еще любо пришися и глаголеши, яко подъ клятвою есмы отъ прародителей еже неподнимати руки противъ царя стати: послушай убо, боголюбивый царю» и т. д. Безъ сомнѣнія преимущество должно быть отдано изданію Строева въ сравненіи съ Степ. Книгою и съ изданіемъ Львова, который не отличался исправностью своихъ изданій: доказательствомъ этому, кромѣ *Лѣтописца Русскаго*, служитъ изданная имъ *Лѣтопись подробная* отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. 4 ч. СПб. 1798—1799 г. Незначительны и отличія между текстомъ посланія въ изданіи Строева и текстами рукописными. Для примѣра указываю нѣсколько разнословій Софійскаго Временника и рукописнаго Сборника посланій скорописью XVI в., хранящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ, отд XVII, № 50: Соф. Врем.: *Архіепискупъ Васіянъ Ростовскій благословляю;* рпсь: *владыка Васьянъ*. Врем.: *Вся сіа на сердци положьшу, яко истинный добрый пастырь;* рпсь: *истинскыи пастырь добрый*. Врем.: *И здравъ ни чимъ же врежень побѣдоносець явишися;* рпсь: *И пострадавъ*. Врем.: *мирно да будеть и многолѣтно ваше государьство*, рпсь: *господство*, и т. д.

личной Библіотекѣ, отд. I, № 67, и заключающимъ въ себѣ службу св. Пафнутію, Похвалу ему и Житіе его. Этотъ списокъ одинъ изъ полнѣйшихъ, не смотря на нѣкоторыя неисправности, и служилъ оригиналомъ для списковъ позднѣйшихъ, какъ можно судить по списку Житія, находящемуся въ Румянцевскомъ Музеумѣ[1]).

Появленіе Посланія объясняется въ лѣтописяхъ слѣдующимъ образомъ. Въ 1480 году пришла великому князю вѣсть, что дополна идетъ Ахматъ со всею ордою своею, и «знахари» ведутъ

---

1) Въ заключеніе нашихъ библіографическихъ замѣчаній упомянемъ объ одномъ извѣстіи, какъ бы приписывающемъ Вассіану еще два сочиненія. Нѣкоторые думаютъ, что Вассіану же принадлежатъ *два слова* — одно на рожденіе Іоанна IV, другое похвальное великому князю Василію, помѣщенныя въ Степенной Книгѣ. «Благодареніе и похвала о благорадостномъ рожденіи по неплодствѣ сына, молитвою отъ Бога дарованна самодержавному царю великому князю Василію, боговѣнчаннаго царя и великаго князя Ивана», составляетъ 22-ю главу II-й части Степенной Кн., стр. 205—210, а «Похвала самодержцу Василію» помѣщена въ 24-й главѣ, стр. 211—218. Слогъ этихъ словъ отличается общими свойствами краснорѣчія Степенныхъ Книгъ. Такъ о Василіѣ Іоанновичѣ говорится: «всѣхъ бо любляше, и всѣмъ любимъ бяше, и вси къ нему припадающе, не токмо ближніи, но и далніи, еже бы рещи отъ Синая и и Палестины, Италія же и Антіохія, и отъ всея подсолнечныя хотяще его токмо видѣти, и слово его слышати. Прочая же его благодѣянія кто возможетъ подробну списати? Якоже пишетъ Богословъ о саламандрѣ нѣкоемъ животнѣ, иже своимъ естествомъ огнь погашаетъ, онъ же невредимо пребываетъ: такоже и сій государь самодержавный Василій огнь безбожія погашаетъ. И яко же Каѳосъ рѣка сладкая, аще и сквозь пучину морскую идетъ, и своея сладости никакоже не погубляя: тако и сій боголюбивый самодержецъ отъ моря мирскаго ничимъ же не вредися, Богу его хранящу, премудрости ради его умныя, наипачеже всего всегда о души своей попеченіе имѣя...» и т. д. Уже самый слогъ заставляетъ сомнѣваться, что эти похвальныя слова и Посланіе на Угру принадлежатъ одному и тому же автору; но окончательно дѣлаетъ невозможнымъ это предположеніе самое время появленіе словъ. Въ первыхъ строкахъ похвальнаго слова Василію Іоанновичу говорится о его царствованіи, о покореніи имъ народовъ и мудромъ управленіи державою и пр.; но Вассіанъ, по свидѣтельству лѣтописей, былъ воспріемникомъ при крещеніи Василія Іоанновича, родившагося 25 марта 1479, и умеръ ровно черезъ два года послѣ рожденія великаго князя. Іоаннъ IV родился 25 Августа 1530 года*), слѣдовательно черезъ 49 лѣтъ послѣ смерти Вассіана.

*) Исторія Г. Россійскаго. Т. VII, стр. 159 изд. Смирдина, т. IV по изд. 1852.

его къ Угрѣ рѣкѣ на броды. Великій князь уѣхалъ съ Коломны на Москву, на совѣтъ и думу къ своему отцу митрополиту Геронтію и къ своей матери великой княгинѣ Марѳѣ и къ своему дядѣ князю Михаилу Андреевичу и къ *духовному своему отцу архіепископу Ростовскому Вассіану* и ко всѣмъ своимъ боярамъ, и всѣ единодушно молили его великимъ моленьемъ стоять крѣпко за родную землю, и великій князь послушалъ ихъ и пошелъ на Угру. Но на берегахъ Угры мужество его поколебалось; его смутили опасенія и совѣты боярина Ощеры да Григорія Мамона, мать котораго сожжена была за волшебство, — «злыхъ человѣкъ сребролюбецъ, богатыхъ и брюхатыхъ предателей христьянскыхъ, а норовниковъ[1]) бесерменьскыхъ». Ужасъ нашелъ на великаго князя, и восхотѣлъ онъ бѣжать отъ берега, а свою великую княгиню Римлянку и казну съ нею послалъ на Бѣлоозеро, «мысля, будетъ Божіе разгнѣваніе, царь перелѣзетъ на сю страну Оки и Москву възметъ, и имъ бѣжати къ Окіяну морю». Тогда-то Вассіанъ написалъ свою убѣдительную «грамоту» къ великому князю на Угру.

Посланіе начинается словами: Благовѣрному, и христолюбивому, благородному и Богомъ вѣнчанному, и Богомъ утверженному, и во благочестіи всея вселенныя конци возсіавше, наипаче же во царехъ пресвѣтлѣйшему, преславному Государю Великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи богомолецъ твой, Господине, Архіепискупъ Васіянъ Ростовскій, благословляю и челомъ бью». Такое вступленіе не имѣетъ уже той краткости и простоты, которая замѣтна въ XII вѣкѣ, напримѣръ, въ посланіи митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху, начинающемся такъ: «Благословенъ Богъ и благословено святое имя славы его, благословене и прославлене мой княже!»; но подобнаго рода обращеніе сдѣлалось въ XV-мъ вѣкѣ обыкновенною, общепринятою формулою. Посланія къ великимъ князьямъ начинались

---

1) *Норовникъ* отъ *норовить* — потворствовать, потакать, поблажать (Арханг. губ.).

выраженіями въ подобномъ родѣ: «Превысокому, благородному, славному, великому и проч.», а посланія къ іерархамъ: «Господину и осподарю преосвященному владыцѣ», и т. п. За обращеніемъ слѣдуетъ просьба простить автора, что онъ дерзнулъ сперва изустно, а теперь и письменно убѣждать великаго князя; потомъ начинаются самыя убѣжденія, исполненныя живости и силы. Мужайся и крѣпись — пишетъ Вассіанъ — какъ пастырь добрый, а пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы, и только наемникъ бѣжитъ при видѣ волка, идущаго на его стадо. Вся земля Русская будетъ молиться о спасеніи тебя въ подвигѣ противъ невѣрныхъ. Пришло въ слухи наши, что ложные совѣтники уговариваютъ тебя отступить, но вспомни заповѣдь Божію: «если око твое соблазняетъ тебя, исткни его; если рука или нога — отсѣки ее», а подъ этимъ надобно разумѣть не видимую руку, ногу или око, а ближнихъ твоихъ, которые совѣтуютъ тебѣ не на благое, и ты отвергни ихъ и далече отгони, т. е. отсѣки и не послушай совѣта ихъ. Помысли, сколько разрушено и осквернено храмовъ Божіихъ, какое множество народа погибло отъ невѣрныхъ.... Не слушай, Государь, злаго совѣта; но отложи весь страхъ и возмогай о Господѣ въ державѣ и крѣпости: единъ бо поженетъ тысящу, и два двигнета тмы. Внимай мудрому изреченію Димокрита: «властителю надобно имѣть на враговъ крѣпость и мужество и храбрость». Вспомни славу предковъ своихъ, которые не только отражали вражескія нападенія, но и покоряли подъ власть свою многія страны: вспомни Игоря, Святослава, Владиміра, имѣвшихъ дань на Греческихъ царяхъ, вспомни Владиміра Мономаха и доблестный подвигъ Димитрія Донскаго. Напрасно смущаетъ тебя страхъ мнимаго клятвопреступленія.... Когда согрѣшали Израильтяне, Богъ порабощалъ ихъ иноплеменникамъ, когда же каялись, тогда возставлялъ имъ мужей — избавителей отъ чужеземнаго ига; таковы: Моисей, Іисусъ Навинъ, Іуда, побѣдившій и предавшій смерти непріятельскаго царя Адонивезека. Если и мы покаемся, то и намъ возстановитъ Господь освободителя — тебя, Государя нашего.

Ты же напряги и спѣй и царствуй истины ради и кротости и правды, и жезлъ силы пошлетъ тебѣ Господь и одолѣешь враговъ. Такъ говоритъ Господь: «Я воздвигну тебя, царя правды, и укрѣплю тебя, да послушаютъ тебя народы, и отворю тебѣ врата, и грады не затворятся; Я пойду передъ тобою и сравняю горы и затворы желѣзные сломлю». Въ концѣ посланія Вассіанъ снова проситъ Іоанна III не вознегодовать за его искреннее слово, которое заключаетъ желаніемъ: «и мирно да будетъ и многолѣтно ваше государство побѣдно со всѣми послушающими васъ христолюбивыми людми, да пребудете во вся дени живота вашего и во вѣки вѣкомъ. Аминь».—

Во всемъ посланіи видна горячая любовь къ родинѣ, и эта любовь — искреннее движеніе души Вассіана: она не затемняется никакимъ пристрастіемъ. Ея искренность обнаруживается въ той смѣлости, съ которою Вассіанъ жертвуетъ счастью родины собственнымъ благополучіемъ и милостью къ себѣ великаго князя.

Талантъ Вассіана, какъ писателя, выражается въ соразмѣрномъ, стройномъ расположеніи посланія, въ послѣдовательности при переходѣ отъ одного предмета къ другому, въ основательности доказательствъ и умѣньи касаться предмета именно на столько, сколько требовала цѣль сочиненія; въ живомъ движеніи и убѣдительной силѣ, одушевляющихъ посланіе, и въ приведеніи въ одно цѣлое матеріаловъ, которыми пользовался авторъ, между тѣмъ какъ самые матеріалы знакомятъ насъ съ нѣкоторыми чертами образованности автора и его вѣка. Стройность расположенія открывается во всѣхъ частяхъ слова, отъ начала, гдѣ авторъ проситъ снисхожденія къ дерзости — убѣждать государя, до заключенія, въ которомъ говоротъ: «молю же и о семъ царское твое остроуміе и Богомъ данную ти премудрость, да непозазриши моему худоумію: писано бо есть: дай премудру вину премудрѣе будетъ». Естественность переходовъ отъ предмета къ предмету очевидна изъ самаго содержанія, изложеннаго нами вкратцѣ. Касательно силы и основательности убѣжденій довольно

вспомнить доказательства, приводимыя противъ обязательнаго дѣйствія клятвы, вынужденной у нашихъ князей. Нельзя не признать также искусства, съ которымъ Вассіанъ далъ видъ стройнаго цѣлаго всѣмъ матеріаламъ, коими онъ могъ пользоваться по своей цѣли и степени образованности, а этихъ матеріаловъ было не мало: мысли свои выражаетъ или подтверждаетъ Вассіанъ словами Евангелія и Посланій Апостольскихъ, Псалмовъ, Притчей, Пятикнижія, пророчествъ Исаіи и Іереміи; кромѣ св. Писанія, Вассіанъ старается подѣйствовать и примѣрами изъ отечественной исторіи; наконецъ приводитъ мнѣніе Димокрита.

Упоминаніе о Димокритѣ чрезвычайно замѣчательно по многимъ отношеніямъ, и потому мы считаемъ нужнымъ дать о немъ подробный отчетъ отдѣльно. Здѣсь замѣтимъ только, что Вассіанъ зналъ Димокрита изъ «Пчелы», съ которою вообще былъ знакомъ очень близко.

Обращаемся къ другому произведенію Вассіана — Жизнеописанію св. Пафнутія Боровскаго. Время сочиненія этого жизнеописанія открывается изъ подробнаго разсказа въ Житіи о преставленіи св. Пафнутія и изъ слѣдующаго воспоминанія объ Іосифѣ Волоколамскомъ: «Таковымъ прослутіемъ наставляеми мнози пріидоша къ нему (т. е. св. Пафнутію) еже съжительствовати съ нимъ, и с ними же пріидѣ благородный юноша именемъ Іванъ, иже руками святаго постригаемъ бываетъ и отлагаетъ власы, съ ними же и вся соущая в мирѣ, и нареченъ бысть Іосифъ, и весь того воли бываеть, и *по отшествіи блаженнаго* свой съ Богомъ *составляетъ монастырь на Волоцѣ на Ламьскомъ*, по совѣтоу святаго и благословенію». Св. Пафнутій скончался, какъ сказано въ Житіи, въ 6985, т. е. 1477 г. 1-го мая; по указанію же Исторіи Россійской іерархіи (т. III, стр. 433) и Словаря историческаго о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви, стр. 226 — 1-го мая 1479 г., а Іосифъ Волоколамскій основалъ свой монастырь въ 1479 г., 6-го іюня[1]);

1) М. *Евгенія*: Словарь духовн. писателей. I, стр. 307; и Словарь Историческій о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви. стр. 401.

слѣдовательно Житіе св. Пафнутія написано Вассіаномъ (умершимъ 23 марта 1481 г.) не задолго до его смерти. Это обстоятельство показываетъ намъ, во-первыхъ, что Вассіанъ былъ вызываемъ къ литературной дѣятельности самыми событіями, писалъ, такъ сказать, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія: такъ *Посланіе* написано въ рѣшительную годину, и по самому свойству своему не могло быть приготовлено заранѣе; Житіе также вызвано воспоминаніемъ о недавноумершемъ подвижникѣ, хотя по нѣкоторымъ мѣстамъ можно заключить, что авторъ посвятилъ Житію гораздо болѣе времени, нежели Посланію, и писалъ его съ несравненно большимъ хладнокровіемъ; въ иныхъ же случаяхъ живость впечатлѣнія, произведеннаго смертью св. Пафнутія на автора, обнаруживается ясно. Во-вторыхъ, мы видимъ, что оба произведенія написаны Вассіаномъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, подобно многимъ произведеніямъ древней Русской словесности, вышедшимъ изъ-подъ пера авторовъ уже въ ихъ преклонныхъ лѣтахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ возрастѣ зрѣломъ, а отнюдь не юношескомъ, какъ часто бываетъ у литераторовъ новаго періода: это явленіе было весьма естественнымъ въ такое время, когда занятіе литературою, или «списаніе», авторство, почиталось занятіемъ высокимъ, часто даже — священнымъ. Литературное значеніе Жизнеописанія, сочиненнаго Вассіаномъ, опредѣляется самою его цѣлью, выраженною отчетливо во вступленіи, которое замѣчательно для насъ еще и потому, что въ немъ видны авторскіе пріемы Вассіана и особенности его слога. «Свѣтелъ и сладокъ есть зѣло — говоритъ Вассіанъ — иже добродѣтели прилѣжай въ очію зрящихъ и съпребывающихъ томоу, и сихъ къ оуподобленію можетъ воздвигнути и предводити и по восхищеніи его. Еже отъ здѣ сущихъ, ничто же ино радостно творить и сладко зѣло, яко же иже о немъ писаніемъ изложити потщався, не вмалѣ, но во вся времена можетъ възставляти къ уподобленію того и добродѣтели жало вложити: сего ради и мы изволихомъ не по чести, но вкратцѣ, убѣгающе безмѣріа, изложити житіе добродѣтелно и жизнь богоугодну мужа въ добро-

дѣтелехъ съвершена; тако убо желателе вѣчнымъ благымъ, несытною любовію святымъ, и еже о сихъ упованіе имѣющихъ яко безмѣрное насыщеніе здѣ бываетъ божественное желаніе, ибо воспоминаніе же трудомъ възданіе, и еже красна тамо натрижненіа[1]) еже сущимъ здѣ очищеннымъ: не точію навыклъ есть привременнаа и суетнаꙗ презирати, но и свои животъ оставити, вышнихъ взыская и возлюбленную, яко подобно, погубити душу Христа ради, яко же въ святѣмъ Евангеліи речено есть, и паче всѣхъ сладкыхъ. Оного ради любити смерть. Аще и не обрѣтаемъ сію въскорѣ, зане гонителемъ не сущимъ сіе дѣꙗти, но убо и желаемо инако пріити помышляютъ, долгую ноужную пріемлющи смерть, яже тысоущами болѣзньми на всякъ день трпяще, пощеніемъ же и многоразличными подвигы, борющеся с невидимыми врагы и естество присно понуждающе безплотнымъ противитися въ плоти сущіи. Сицеваго убо добрыхъ божественнаго мужа повѣдати хощу рожденіе и възрастъ и никтоже да безвѣрьствуеть, еже о преестественныхъ слышахъ преславная, да не мнить о мнѣ, яко честы ради и любве сицевому любезному отцу кое приложити стропотно и неизвѣстно, яко слово сему даровати паче еже видѣхъ своима очима и ушима слышахъ: яко жребій прѣяхъ отъ ученикъ и съдѣлникъ его. Далече убо есть онъ превыше всяческія чести человѣческіа: не оного бо ради похвалы сіе творя, иже нижьняꙗ не требуетъ похвалы; но отъ ангелъ въ вышнихъ хвалимъ есть; но слышащихъ ради ползы и възревновати хотящимъ того добродѣтелемъ. Начинаю сего достохвальная и полезная повѣдати. Да глаголють же первіе, кромѣ всякыя лукавыя лжа, кто и откуду бѣ о немъ же слово произвѣсти дръзноухъ, силою того молитвъ окормляемъ». (Это вступленіе пропущено въ печатномъ изданіи Миней). Указавши главную цѣль сочиненія — представить читателямъ высокій образецъ для подражанія, авторъ остается при этой цѣли во всемъ

---

1) *Натрижненіе* отъ *тризна,* какъ производилъ еще Памва Берында: *Натрижненіе*, нагорода зародницкая, або герциреви, любъ ширмѣреви, або борцеви; побѣдная почесть, *ляда*, даръ.

произведеніи, съ начала и до конца; сообщивши краткое извѣстіе о родителяхъ преподобнаго и его первоначальной судьбѣ, Вассіанъ подробно описываетъ иноческую жизнь и подвиги своего наставника, держась хронологическаго порядка. Всякое происшествіе, имѣвшее какое-либо отношеніе къ описываемому лицу, все, въ чемъ проявилась или высокая добродѣтель или чудодѣйствующая сила святаго мужа, тщательно передано авторомъ: описаны имъ и суровые подвиги св. Пафнутія, изнурявшаго себя самымъ строгимъ постомъ, и исцѣлявшаго другихъ силою своей молитвы; описана и дивная прозорливость святаго, кроткимъ словомъ обличившаго падшаго брата, и таинственныя видѣнія, посѣщавшія старца и объяснявшія ему непостижимыя для другихъ событія; словомъ, все то, чѣмъ ознаменована жизнь Пафнутія, и что возвышало его надъ обыкновенными людьми. Образъ жизни и дѣйствій его охарактеризованъ авторомъ слѣдующимъ образомъ. Въ отношеніи къ себѣ святой мужъ поставилъ существеннымъ долгомъ — воздержаніе и трудъ: съ самаго вступленія въ монашество по понедѣльникамъ и по пятницамъ не принималъ никакой пищи, въ среду дозволялъ себѣ только сухояденіе; самъ рубилъ дрова и носилъ ихъ на плечахъ своихъ и т. п. Въ отношеніи къ другимъ «бѣ блаженный благоразсуденъ и искусенъ во всякомъ дѣлѣ божественнѣмъ же и человѣческомъ, ниже силныхъ лица сумляся, ниже нищихъ презирая; и елицы гордостію взимахуся, симъ не зѣло приступенъ, нищимъ же благоувѣтливъ и милостивъ. Иже нѣкогда гладу бывшу, всѣхъ окрестныхъ препита, яко до тысячи и множае на всякъ день собиратися, и ничто остави въ обители, дондеже въ грядущее лѣто оумноженіе плодомъ Господь дарова». Подъ вліяніемъ такого благороднаго образа дѣйствій совершалось нравственное воспитаніе Вассіана, доказавшаго словомъ и дѣломъ, какъ благотворенъ былъ прекрасный примѣръ, который такъ долго имѣлъ онъ передъ глазами. Авторъ, избравъ задачею изложить назидательную исторію жизни святаго человѣка, до такой степени вѣренъ своему намѣренію, что, не смотря на обширность объема сочи-

нения, въ него входитъ только то, что имѣетъ прямое отношеніе къ главному предмету; но такъ какъ жизнь всякаго человѣка, даже отшельника, удалившагося отъ людей, не можетъ совершенно отрѣшиться отъ всѣхъ условій современнаго быта, то и въ Житіи св. Пафнутія, кромѣ подробнаго изображенія характера древней Русской аскетической жизни, встрѣчаются то жившее еще въ народѣ повѣрье, то извѣстіе о событіи историческомъ. Въ Житіи разсказывается, что св. Пафнутій «совершивъ добрѣ и все прочее обители оустроеніе; понеже и мѣсто потребно зѣло на то, и частостію лѣса остѣнено, въ немъ же много населено жилище себе водружаху гаврани черноперіи и многоязычныи. Блаженыи же, ꙗко нѣчто веліе имыи, о зрѣніи тѣхъ зѣло веселяшеся; полагашеся отъ него заповѣдь, еже никто же тѣхъ птиць или птенца ихъ роуками емлютъ или инѣмъ орудіемъ да погоубить. По случаю же нѣкоему сынъ воеводы града проѣздъ творя напрягъ же лукъ и оуби единого отъ гавранъ, и радъ бывъ зѣло, ꙗко благополучнѣ верже стрѣлоу; въсхотѣ же главоу свою отъ нанамереніа обратити на прямозрѣніе пакы еже быти по естествоу непревратноу, еже прямо зрѣти, и забывъ веселія скорбію съдрогноуся зѣло, и разоумѣвъ напасти вину, скоро приходить къ преподобному Пафнутію, и испросивъ прощеніе молить святого, еже помолитися о немъ; отець же осклабився сказавъ о вещи: отмьсти Богъ кровъ гаврановоу. Инъ же нѣкій ястреба пустивъ и тѣмъ оуби гаврана и месть подимъ лишается сего утѣшенія: самомоу ястребу вмѣстѣ съ гавраномъ умершу». Этотъ разсказъ намекаетъ, какъ намъ кажется, между прочимъ на повѣрья о воронахъ, живущія въ нашей народной поэзіи. Изъ историческихъ событій въ Житіи упоминается о нашествіи «царя Мамотяка со множествомъ безбожныхъ Агарянъ» и о плѣнѣ великаго князя Василья Васильевича съ другими князьями Русской земли. «Мамотякомъ» названъ здѣсь царь Казанскій Улу-Махметъ. Здѣсь же находится еще извѣстіе о смерти Шемяки, объ его убійцѣ, о которомъ не упоминаютъ лѣтописи. Въ лѣтописяхъ говорится только: «1453 лѣта іюля въ 18 день

(или 17) преставися князь (или князь великій) Дмитрій Юрьевичь Шемяка въ Новѣгородѣ въ Великомъ»[1]), или «даша ему лютаго зелія»[2]), или «князь Дмитрей Юрьевичъ Шемяка умре со отравы въ Великомъ Новѣгородѣ»[3]). Карамзинъ говоритъ, что Шемякѣ дали яду, отъ котораго онъ скоропостижно умеръ, и подьячій, именемъ Бѣда, прискакалъ въ Москву съ вѣстію о кончинѣ, виновникъ коей остался неизвѣстнымъ[4]); а Полевой полагалъ, что убійцею былъ самъ Бѣда: «Подьячій *Василій* Бѣда — вѣроятно, самый убійца — опрометью прискакалъ изъ Новгорода въ Москву и извѣстилъ, что Шемяка умеръ»[5]). Изъ сочиненія Вассіана узнаемъ, что «инъ нѣкыи человѣкъ именемъ *Иванъ*, съ бяше по наученію нѣкыихъ в Великомъ Новѣградѣ слоужа у нѣкоего князя благочѣстива; тъ господина своего отравою умори, послѣди же зарѣвъ себѣ облечеся въ иноческыи образъ, и пріиде въ обитель святаго; онъ же видѣвъ его грядуща, рече къ ученикомъ: зрите ли человѣка сего, яко ни иночьскаго ради образа очистися отъ кровѣ тоя; они же о семъ зѣло подивишася, но тогда въпрашати не смѣюще; послѣди же повѣда блаженыи единому ученику: съ человѣкъ князя Дмитрея Шемяку отравою уби: того ради и черньчьствомъ не очистися отъ крови тоя».

Вообще жизнеописаніе св. Пафнутія, написанное Вассіаномъ, по духу и значенію, составляетъ одно цѣлое съ тѣми духовно-историческими произведеніями, которыя извѣстны подъ именемъ «Житій святыхъ» и которыми такъ богата наша древняя словесность.

---

1) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей. Т. V, стр. 31 и IV, 126 и 215.
2) *Карамзина:* Исторія Госуд. Россійск. Т. V, прим. 357.
3) Полное Собраніе Р. Лѣтописей. Т. V, стр. 271.
4) Исторія Карамзина. Т. V, стр. 341—342 изд. 6.
5) *Полеваго:* Исторія Русскаго народа. Т. V, стр. 401—402.

III.

Обозрѣніе литературныхъ памятниковъ по духу и содержанію находится въ самой живой связи съ обозрѣніемъ ихъ по *языку* и *слогу*[1]).

1) Замѣтимъ нѣсколько подробностей. Въ отношеніи къ *звукамъ*: Посланіе. во вся *дени* живота вашего. — *боıатество*. — мнōгія *сУмежныа* странамъ нашимъ.— *утверЖенному*. — *бОрОнити*.— *обОрОняху*.— *преЖебывшимъ*.— *постраЖутъ*.— *напреЖе тебе*. — *надеЖу*. — *вреЖенъ*. — *разДрушеніе*.

утверЖДеніе. — *ЕДИНако*. — *хоЩеши*. — *преЖДебывшимъ*. — *нуЖДи*. — *тойЖДе*.—*ноЩь*.—*омРАчаеми*.—*хРАбрость*.—*здРАвъ*.

Житіе. — *принуЖаемъ*. — *разсоуЖенія*. — *утверЖаше*.— *надѣЖею*.— *страЖющи*.—*чюЖей*.—*разДрѣшеніе*.—*меЖю*, *труЖающися*.

зиЖДуЩа.—*стражюЩи*.—*ѡдва*.—*ЕДиномъ*.

Въ отношеніи къ *формамъ*: Посланіе. *Княземъ и блаıочестивымъ бояромъ*.— *съ всѣми соборы*. — *яко истинніи приснаа церковнаа чада восприимутъ вѣнца нетлѣнныи*.—сопротивлящеся *сыроядцемъ*.

оставляеши насъ яко *овца не имуща* пастыря.—и покоритъ *враıи твоа*.— лучше тебѣ *солıавшу* животъ получити. нежели *истиньствовавшу* погибнути.— на тебѣ и на твоемъ *сыну*.

посреди земля.—*отъ Божіа молоніа омрачаеми*.

о духовный сыну!—о пастырю!—царю!

гдѣ хощеши воцаритися, *поıубь* врученное ти отъ Бога стадо. — *избавлей* Израиля и преславнаа *содѣявый*.

работаша имъ иноплеменници; а въ другомъ мѣстѣ: *работаху* иноплеменници.

Житіе. — Паѳнотіе больма простираася *к подвиıомъ*. — имыи *садовіе блаıолѣпотна древеса*. — *обои* въ благочестіи *сіающе бяхоу и соблюдающе* заповеди благыя.— *бяху* же тогда воды *разливашеся*.

межю двѣма рѣками.

начатъ рѣытися и бродити.

отъ душа.—до землѧ.—ис келіа.

Въ *синтаксическомъ* отношеніи: Посланіе. Дательный самостоятельный: *Боıу тако изволившу*. — *Господу ти помоıающу*.— Мѣстоименіе *иже* съ причастіемъ: открыется гнѣвъ Божій человѣкомъ, *иже* истинну въ неправду *держащимъ*.—и *подвизающіися* ему *иже* до смерти.

Противу съ дательнымъ: *противу безбожному бесерменству*. — *противу волку*.—

Союзъ *равно яко*: вѣнци мученическими почтени быша, *равно яко* и первіи мученици.

Одно отрицаніе: *нимало спротивлешеся*.—*ни чимъ же врежень*.—не убоояся *татарьскаıо множества* (=множества Татаръ). — не пощадѣ живота своего *избавленіа ради христьянскаıо* (=ради избавленія христіанъ).

Соображая данныя, встрѣчаемыя въ сочиненіяхъ Вассіана, мы приходимъ къ заключенію, что въ языкѣ ихъ господствуютъ

Дополненіе передъ дополняемымъ: но и *раю наслѣдника* сотвори его.—отъ Бога *согрѣшеніемъ оставленіа* приаша. — Отсюда переходъ къ сложнымъ словамъ: *Богомъ вѣнчанному.*—*Богомъ данную.*—со всѣмъ *Богомъ любивымъ* соборомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и: *достойный хваламъ* великій князь Дмитрей.

Другія сложныя слова: *о благочестивой* державѣ; со *христолюбивыми* людьми; *каменосердеченъ; остроуміе; худоуміе; велеречіе; благородіе.* спротивлешеся окааннымъ симъ *сыроядцемъ* (такъ Вассіанъ называетъ Татаръ). аще покаемся *вседушьно* престати отъ грѣха.

Житіе. О неполѣзныхъ же и о поустошныхъ *ни мало брегыи.*—*блаженному въсклонившуся*, зрить нѣкоего черна виденіемъ. — сокрушати желѣза, въ нихъ же *связанноу емоу соущоу дрьжимоу.*—

искони же ненавидяи добра врагъ *душамъ губитель.*—

Въ повѣствованіи часто употребляется настоящее время вмѣсто прошедшаго: Лишенія ради свѣта очію *оставляетъ* паству и *бываетъ* присельникъ въ обитель... въсхотѣже и ученика послѣдовати емоу, настоиже обители не поволи быти томоу... блаженныи же *молитъ* старца оставити его тоу... *отходитъ* тамо идѣже прежде пасыи Христово стадо словесныхъ овецъ.—

Богъ *да* Пречистаи Богородица.

Въ Посланіи замѣчательны слѣдующія выраженія: *усты ко устомъ* глаголати (ср *рука объ руку* и пр. и пр.).—вся сія *на сердци своемъ положьшу.*—*пріиде* же оубо въ *слухи наши.*—но безъ сомнѣніа *вскочи въ подвигъ* и напередъ выѣха и *въ лице ставъ* противу Мамаю.—

иныа страны *пріимаху подъ себе.*—

казнью повелѣ *казнити.*—

и се убо *который* пророкъ пророчествова или апостолъ *который* или святитель научи.—

молю же и о семъ царское твое *остроуміе* и Богомъ данную ти премудрость, да не позазрвши моему *худоумію.*—

Употребленіе множественнаго числа вмѣсто единственнаго, какъ авторскій пріемъ, выразившійся въ языкѣ: нынѣ же *слышахомъ.*—и се убо якоже *слышахомъ*, безбожный Агарянскыи языкъ приближися къ странамъ нашимъ.—паче *насъ* ты вѣси.—

Особенное вниманіе обращаютъ на себя слова, употребляемыя въ разныхъ значеніяхъ, и частое употребленіе словъ, выражающихъ понятія отвлеченныя: Слово *держава* употребляется въ значеніяхъ различныхъ: возмогай о Господѣ въ *державѣ* и крѣпости.—потребною и лѣпною памятью о благочестивѣй вашей *державѣ.*—молюся твоей *державѣ*, не послушай совѣта ихъ.—духовъ же льстивыхъ, шепчущихъ въ ухо твоей *державѣ.*

благословеніе на тебѣ и на твоемъ сыну и на всемъ твоемъ *государствѣ* (или господствѣ).—и мирно да будетъ и многолѣтно ваше *государьство* побѣдно.

молю убо *величество* твое да не прогнѣваешися на мое *смиреніе.*

дерзнухъ написати къ твоему *благородству.* вкупѣ же и намъ богомолцемъ вашего *благородіа.*

одинаково оба элемента: и Церковно-славянскій и Русскій. Первый, будучи существенно необходимымъ по самому характеру произведеній, не является исключительно господствующимъ ни

Въ Житіи: (Батый) поущенъ бысть на Россійскій *островъ*, якоже серпъ егоже пророкъ видѣ.

разсуди же остротою *промысла* (т. е. силою ума).

ослѣпи бо діаволъ очеса ихъ остротою безоумнаго хоудаго и всепагоубнаго смысла.

възградити — соорудить: възградити церковь, възградиша храмъ.

(Одинъ князь послалъ зажечь обитель; но посланные, увидѣвъ св. Пафнутія въ трудахъ съ братіею, не могли рѣшиться на зло и) възвращахуся *бездѣлни*, къ пославшему ихъ.

на *обѣдъ* и *вечерю*.

таковымъ *прослутіемъ наставляеми* (=руководимые такою славою).

дѣлу касатися — браться за дѣло. *отравою уби. отравою умори.*

промысломъ Божіимъ *снабдѣвахуся* отъ напрасныя смерти.

и всякъ *оудобныи* страхъ отриноувше.

санъ — священническая одежда.

и начатъ *рѣятися* и бродити сѣмо и овамо.

оужастивши того.

(старецъ) всегда слезы теплы *без щоука* испоущаше.

зряше *очивѣсть* дѣмоны многы.

псалмы давидовы *гранесословяше*.

изыде ис келіа въ *проустѣ* сирѣчь в *сѣни*.

ископаша *гробъ* по завѣщанію святаго.

Причастіе *настоящи* въ именит. и въ родит.: по съвѣту *настоящего*, употребляется въ значеніи существительнаго (*настоятель*), подобно *princeps*, *heiland* и пр.

Замѣчательно отличеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ прозвища *простаго* и *мѣстнаго*: живяхоуже (родители св. Пафнутія) в селцѣ, по *просты рѣчи* Коудиново нарицаемо. — множество рыбъ, ихъ же *мѣстная* (т. е. Боровская) *рѣчь сижкы* обычеи нарицати. — нѣкогда ученику блаженаго нападе болѣзнь оку, еже *обычною рѣчію переломъ* нарицается. — Другая болѣзнь называется безъ оговорки: на самагоже недугъ лютъ *нападе*: *свороба*.

Что медицинскія средства были въ употребленіи у насъ въ XV вѣкѣ, на это въ Житіи указывается слѣдующимъ: «сего *врачьскыми хитростьми* цѣлитися всячьскы отречена быша».

Особенность въ измѣреніи времени: «Съверши же блаженныи Паѳнотіе седморичное *обхожденіе временъ*». — «съвершивъ же въ обители тои пасыи и окормляя Христово стадо словесныхъ овець *лѣтъ ико тридесят обхожденіи временъ*».

Замѣчательны слѣдующія выраженія: отхожахоу *въсвояси*.

въ всѣмъ царскыи *поуть гонаше*. — и оттолѣ вся мечтанія *без вѣсти* быша.

покровенже сыи *мрачнымъ облакомъ* срама.

(или 17) преставися князь (или князь великій) Дмитрій Юрьевичь Шемяка въ Новѣгородѣ въ Великомъ»[1]), или «даша ему лютаго зелія»[2]), или «князь Дмитрей Юрьевичъ Шемяка умре со отравы въ Великомъ Новѣгородѣ»[3]). Карамзинъ говоритъ, что Шемякѣ дали яду, отъ котораго онъ скоропостижно умеръ, и подьячій, именемъ Бѣда, прискакалъ въ Москву съ вѣстію о кончинѣ, виновникъ коей остался неизвѣстнымъ[4]); а Полевой полагалъ, что убійцею былъ самъ Бѣда: «Подьячій *Василій* Бѣда — вѣроятно, самый убійца — опрометью прискакалъ изъ Новгорода въ Москву и извѣстилъ, что Шемяка умеръ»[5]). Изъ сочиненія Вассіана узнаемъ, что «инъ нѣкыи человѣкъ именемъ *Иванъ*, съ бяше по наученію нѣкыихъ в Великомъ Новѣградѣ слоужа у нѣкоего князя благочѣстива; тъ господина своего отравою умори, послѣди же зазрѣвъ себѣ облечеся въ иноческыи образъ, и пріиде въ обитель святаго; онъ же видѣвъ его грядуща, рече къ ученикомъ: зрите ли человѣка сего, яко ни иночьскаго ради образа очистися отъ кровѣ тоя; они же о семъ зѣло подивишася, но тогда въпрашати не смѣюще; послѣди же повѣда блаженыи единому ученику: съ человѣкъ князя Дмитрея Шемяку отравою уби: того ради и черньчьствомъ не очистися отъ крови тоя».

Вообще жизнеописаніе св. Пафнутія, написанное Вассіаномъ, по духу и значенію, составляетъ одно цѣлое съ тѣми духовно-историческими произведеніями, которыя извѣстны подъ именемъ «Житій святыхъ» и которыми такъ богата наша древняя словесность.

---

1) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей. Т. V, стр. 31 и IV, 126 и 215.
2) *Карамзина:* Исторія Госуд. Россійск. Т. V, прим. 357.
3) Полное Собраніе Р. Лѣтописей. Т. V, стр. 271.
4) Исторія Карамзина. Т. V, стр. 341—342 изд. 6.
5) *Полевого:* Исторія Русскаго народа. Т. V, стр. 401—402.

мои, пойте, и *пріятностію* гармоніи услаждайте житейскія горести»,—«Хлѣбъ, мясо, дрова, платье, обувь и прочія *необходимости»*. —Такое сопоставленіе не можетъ, какъ мы думаемъ, показаться страннымъ тому, кто раздѣляетъ убѣжденіе современной науки, что въ языкѣ господствуетъ «смѣсь стараго съ новымъ» и потому въ языкѣ древнемъ можно найти черты, принадлежащія позднѣйшей эпохѣ, и наоборотъ въ современномъ языкѣ слышатся еще слѣды глубокой древности.—Въ отношеніи къ слогу произведенія Вассіана представляютъ соединеніе простоты и силы съ нѣкотораго рода искусственностью, которое придаетъ имъ особенный характеръ, занимающій средину между слогомъ XII и XIII и слогомъ XVII столѣтія. Выраженія, подобныя такимъ: *покровенъ мрачнымъ облакомъ срама* и т. п. могутъ быть поставлены близко къ тѣмъ прекраснымъ образамъ, которые сохранились въ нашихъ древнихъ памятникахъ, какъ напр. у Кирилла Туровскаго: «кацѣми же плащаницами обію тя, повивающаго мглою землю и небо облакы покрывающаго», или у Серапіона: «всѣмъ казнивъ ны, Богъ не отьведеть злаго обычая: нынѣ землею трясеть и колеблеть: безаконья, *грѣхи* многия *земля отрясти хощеть, яко лѣствіе отъ древа»*. Съ другой стороны слогъ XV вѣка приближается въ нѣкоторыхъ особенностяхъ къ слогу XVII вѣка, и Вассіановъ *псалтырь покаанія* напоминаетъ *аптеку совѣсти* Стефана Яворскаго, любившаго способъ выраженія, подобный слѣдующему: «Пріидите нынѣ вси огневицею грѣховною палиміи, обладаеміи отъ демоновъ беззаконницы, образъ только человѣческій носящіи, а вещію свиніи сущіи, приступите и пріимите рецептъ, сіе извѣстнѣйшее и нелестное предписаніе; пріемше же принесите въ *аптеку совѣсти* своея, составите по реченному» [1]).

---

1) Говоря о слогѣ Вассіана, мы должны упомянуть объ эпитетахъ, которые имѣютъ въ первобытную эпоху языка такое обширное значеніе, выражая со всею свѣжестью и вѣрностію воззрѣніе народа. Уже то, что Вассіанъ былъ писатель, а не народный поэтъ, изустно передававшій свои думы, и притомъ жилъ въ вѣкѣ довольно позднемъ для эпическаго вдохновенія; уже эти

Изъ разсмотрѣнія литературной дѣятельности Вассіана въ трехъ необходимыхъ отношеніяхъ, опредѣляемыхъ самою сущ-

два обстоятельства могутъ служить ручательствомъ, что такихъ многозначительныхъ эпитетовъ встрѣчается у него немного. Но мы считаемъ нужнымъ упомянуть и объ этихъ немногихъ.

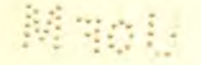
Посланіе. Исходиши противу окаянному оному *мысленному волку*, хотя исхитити изо устъ его *словесное* стадо Христовыхъ овецъ.... Ставъ противу окаянному *разумному волку* Мамаю.

Житіе. Отходитъ тамо, идѣже прежде пасыи Христово стадо *словесныхъ овецъ*. Хотя эпитеты *словесный* и *мысленный* или *разумный* могутъ быть сочтены за переводъ съ Греческаго, подобный, напримѣръ, выраженію Никифора: «имже бо соугоубо есть житіе наше: словесно и безсловесно, и бесплотно и тѣлесно» *) и многимъ другимъ, объясняющимся двоякимъ значеніемъ *слова* и *мысли*, которое имѣетъ въ Греческомъ λόγος съ производными отъ него; однако укоренившееся употребленіе этихъ эпитетовъ едва ли можно приписать одному неумѣнью переводчиковъ, смѣшавшихъ два разныя значенія. Во всякомъ случаѣ нельзя не принять въ соображеніе, что *слово* и *мысль* выражаются словами одного корня не въ одномъ Греческомъ языкѣ, но и въ другихъ, и въ томъ числѣ въ Славянскихъ, въ которыхъ подобное выраженіе принадлежитъ не книжникамъ, находящимся всегда болѣе или менѣе подъ вліяніемъ чужеземнымъ, а живому говору народа. Какъ въ Греческомъ λόγος, такъ въ духовной Латыни *verbum* имѣло такой же двоякій смыслъ; древне-Нѣмецк. *redia* и Готеское *rathjo* — *говорить* имѣетъ при себѣ Латинск. *ratio; raison, arraisonner* значили въ средніе вѣка *рѣчь*, *говорить*. Слово, которое въ однихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ значитъ *говорить*, въ другихъ *думать*: Болгарское *думам* значитъ *говорю*; *гадать* по Чешски (hadati) и по Польски (gadać) значитъ *говорить*, а по Русски *думать*, *мыслить*, что видно изъ эпическихъ выраженій Южно-Русской поэзіи: «*думае-гадае*» или «*думае-гадае, словами промовляе*» **), которыя встрѣчаются и въ Сѣверно-Русской, напримѣръ, въ сказкѣ объ Ильѣ Муромцѣ: «приходитъ отецъ съ матерью въ избу. А *ни думано ни гадано* стало ихъ дѣтище на ноги крѣпко, пробовалъ силу великую» ***). — *Волкъ* называется *разумнымъ* и *овцы словесными*, ибо употребляется въ значеніи *людей*, а *человѣкъ*, по воззрѣнію, сохранившемуся въ языкахъ Славянскихъ и вообще Индо-Европейскихъ, тѣмъ существенно отличается отъ животныхъ, что онъ *говоритъ и мыслитъ*: гомерическій эпитетъ людей μέροπες ἄνθρωποι или οἱ μέροπες происходитъ отъ μείρομαι или μερίζω—дѣлю, раздѣляю и ὄψ, ὀπός — голосъ: животныя не *думаютъ*, а потому и не *говорятъ* и называются *mutum* et turpe pecus; древн.-Нѣм. *unmaelandi*; ἀλόγως — brutorum more; у Нестора: «Ама-

*) Посланіе митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху. Русскія Достопамятности. Ч. I. стр. 61.

**) Сборникъ Украинскихъ пѣсень, издаваемый М. Максимовичемъ. Кіевъ. 1849. Ч. I, стр. 58 и многія другія.

***) Русскія народныя сказки, изд. Сахаровымъ. 1841. Ч. I, стр. 67.

ностью литературной характеристики, получаются, по нашему убѣжденію, слѣдующіе выводы. Во первыхъ, Вассіанъ безспорно

зоняне же мужа не имуть; но и аки *скотъ безсловесный* единою лѣтомъ къ вешнымъ днемъ оземьствени будутъ, и сочьтаются съ окрестными мужи»; и пр. *).

Въ Житіи при повѣствованіи о заповѣдныхъ *гавранахъ* говорится: *гаврани черноперіи* и *многоязычніи*. Эпитетъ *черноперіи* состоитъ въ связи съ эпитетомъ *чрѣный воронъ* въ Словѣ о полку Игоревѣ; но особенно замѣчателенъ, по нашему мнѣнію, эпитетъ *многоязычніи:* онъ есть живой слѣдъ, сохранившійся въ языкѣ отъ его древняго, эпическаго періода, когда фантазія народа, полная сочувствія съ окружающей его природой, придавала *рѣчь* и *говоръ*, существенное свойство человѣческой природы, другимъ существамъ и предметамъ. Въ подтвержденіе нашей мысли приведемъ нѣсколько данныхъ. Фантазія народа заставляетъ говорить и деревья, и звѣрей, и птицъ. Предкамъ нашимъ извѣстно было повѣрье о говорящихъ деревьяхъ, что видно изъ «книги о Сівvлляхъ колики быша и кіими имяны и ѡ предреченіи ихъ» (писанная полуустав. крупнымъ въ 1673 г. хранится въ Румянцовск. Музеумѣ), въ которой говорится: «таже во діавольское предреченіе относятся и *дубъ предречительный*, и конобъ, в Додону Зеvсѡва, и бобковиное древо, иже древесе *предглаголаша*: и голубь въ дубъ глаголющъ: и древеса во Индію ко Александру Великому *Гречески* глаголаша». Эти деревья, говорящія по Гречески, напоминаютъ *Латинскій* или *Волошскій* языкъ, на которомъ, по средневѣковому повѣрью, говорили животныя. Если даръ слова приданъ безмолвнымъ деревьямъ, то еще естественнѣе было придать его предметамъ звучащимъ, что и встрѣчаемъ въ Славянской поэзіи. Въ одной Русской святочной пѣснѣ: «Какъ за горницей, за повалушею не въ гусли играютъ, ни *въ свирѣли говорятъ*» **), или въ другой пѣснѣ, въ изд. Сахарова: «У Спаса къ обѣдни звонятъ, у прихода *часы говорятъ*». Но въ особенности царству животныхъ придаетъ *говоръ* народная фантазія; даже рыбы, не смотря на ихъ эпитетъ *безгласныя* въ нашемъ присловьи: *какъ рыбы безгласныя*, соотвѣтствующемъ Греческому: ὡς ἄφωνοι ἰχθύες ***), представляются въ народной поэзіи говорящими, какъ напр. въ сказкѣ «О Ершѣ Ершовѣ сынѣ Щетинниковѣ», напечатанной въ изданіи Сахарова Русскихъ народн. сказокъ. Изъ животныхъ чаще всѣхъ обладаетъ даромъ слова *конь*. Еще Несторъ записалъ преданіе, хотя и чужое: «Въ Суріи же бысть трусъ великъ, земли разсѣдшися трій поприщь, изиде дивно изъ земли мъска, человѣчьскымъ гласомъ глаголющи и проповѣдающи наитье языка, еже и бысть» ****). Въ былинѣ изъ вѣка Владиміра *Иванъ гостиной сынъ*: «*провѣщится* ему добрый *конь человѣчьимъ, Русскимъ* голосомъ»; тоже въ сказкѣ о Добрынѣ Никитичѣ и во многихъ другихъ. Изъ птицъ своею пѣвучестью или говоромъ извѣстны въ народной поэзіи: и *соловей*, и *пѣтухъ*, и *дятелъ*, и *голубь*,

*) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей. Т. I, стр. 7.

**) *Снегирева*: Русскіе простонародные праздники. II, 99.

***) *Снегирева*: Русскіе въ своихъ пословицахъ. I. стр. 88.

****) Полное Собраніе Русск. Лѣтописей. I. стр. 71.

обладалъ талантомъ: въ преклонныхъ лѣтахъ, на краю гроба написать стройное и въ высшей степени убѣдительное посланіе

и *орлы*, и въ особенности *галки* и однородные съ ними *вороны*. *Соловей* отъ *славити, слыти, слути*; *пѣтухъ* (церковно-слав. *пѣтелъ*) отъ *пѣти*, подобно Нѣмецк. *Hahn*, происходящему, какъ полагаетъ Я. Гриммъ, отъ потеряннаго глагола *hanan*, соотвѣтствующему Латинск. *canere*, Санскр. *kan*; *дятелъ*, быть можетъ, отъ глагола *дѣяти* или *дѣти* въ смыслѣ *говорить* (ср. у *Нестора*: «ащели кто *дѣетъ*: высѣчець исѣче, то не сь то створи, но сынъ его» I, 86, или частица *де=молъ* (отъ *молвить*)=ба (баять) и въ такомъ случаѣ не состоитъ ли названіе *дятелъ* съ Нѣмецкимъ названіемъ этой птицы: *der Specht*, которое Гриммъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: «der *Specht* (wörtlich der *spähende, weissagende* vogel) hiess darum μέροψ, gleich dem Menschen, und in altrömischer wie in altdeutscher sage verweben sich Picus und Bienenwolf mit heldengeschlechtern» *). О *голубѣ* въ одной Сѣверно-Русской пѣснѣ: «Ужъ, какъ зачалъ голубь ворковати, а голубушка щекотати всякими разными голосами, *человѣчьими словесами*» **). *Орелъ*, присутствовавшій при смерти человѣка, чтобы принять его послѣднюю волю, *говорилъ* съ умирающимъ и объ умершемъ; такъ въ Южно-Русской думѣ: «*Заплаче* зозуля, степомъ летючи; *закуркуютъ* кречеты сизы; *загадаються* орлики хижи; да все, усе по своихъ *братахъ*, по буйныхъ товаришахъ козакахъ ***). Сама дума объясняетъ, почему, когда *зозуля плачетъ, кречеты куркуютъ, орелъ гадаетъ*, такъ же какъ *думае-гадае* человѣкъ, объясняетъ, называя *орловъ братьями козаковъ*, и въ Южно-Русской поэзіи есть много прекрасныхъ преданій о *побратимствѣ* умирающихъ козаковъ съ орлами. Особенность *галокъ* и *вороновъ* отъ другихъ птицъ въ отношеніи способности *говорить* видна изъ того, что въ Словѣ о полку Игоровѣ звукамъ другихъ птицъ даются различныя названья: орлы *клекчутъ*, соловьи *щекочутъ*, сороки *стрекочутъ*, дивъ *кличетъ*, лебеди *кричатъ*, лисицы *брешутъ*, и т. д., а галки представляются говорящими: «мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, *говоръ галичь* убуди» ****), или «галици *свою рѣчь говоряхуть*, хотять полетѣти на уедіе» *****). Съ выраженіемъ Слова о полку Игоревѣ стоитъ въ прямой связи эпитетъ *многоязычніи гаврани*; онъ оправдывается и повѣствованіемъ о карѣ за ихъ умерщвленіе, находящемся въ Житіи, и всего болѣе многочисленными преданьями, живущими въ народной поэзіи, въ которой *воронъ* является постоянно птицею *вѣщею*, обыкновенно *вѣстникомъ* смерти или несчастія. Въ заключеніе замѣтимъ, что народная фантазія, придавая человѣческій даръ слова *воронамъ, галкамъ* и другимъ животнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ удержала въ языкѣ намеки о *единствѣ языка человѣческаго*, не смотря на разнообразіе говорящихъ имъ народовъ. Нашъ народъ даже вмѣсто того, чтобы сказать о комъ либо: *онъ говоритъ на разныхъ языкахъ*, употребляетъ выраженіе: *онъ говоритъ на*

*) Ueber den Ursprung der Sprache, von Jacob *Grimm*. 1852. стр. 19.

**) *Сахарова:* Сказанія Русскаго народа. Т. I, кн. 3, стр. 165.

***) *Максимовича*: Сборникъ Украинскихъ пѣсень. стр. 59.

****) Русскія достопамятности. Ч. III, стр. 46.

*****) Ibid. стр. 82.

могъ только человѣкъ, одаренный истиннымъ талантомъ. Во вторыхъ, Вассіанъ былъ писатель образованный: это доказывается начитанностью его въ Св. Писаніи и короткимъ знакомствомъ съ классическимъ произведеніемъ извѣстной эпохи, сборникомъ «Пчелою». Придавая такое значеніе послѣднему обстоятельству, не думаемъ, чтобы мы преувеличивали дѣло; ибо нельзя не считать признакомъ образованности знакомства съ памятникомъ, который служитъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ выраженій современной ему образованности, и потому долженъ занять видное мѣсто въ исторіи словесности, которое указалъ ему еще знаменитый Фабрицій, высказавшій свой взглядъ во вступленіи къ сообщаемымъ имъ свѣдѣніямъ о Стовеевой Антологіи. Въ третьихъ наконецъ, отдавая должную справедливость Вассіану, какъ писателю, мы должны признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ не былъ единственнымъ исключеніемъ въ кругу современниковъ, а трудился на одномъ поприщѣ съ другими писателями. Самые виды произведеній Вассіана доказываютъ справедливость сказаннаго нами: Вассіанъ писалъ поученія, житіе, посланіе; а извѣстно, что поученія и житія составляютъ два вида древней Русской

разные языки, т. е. какъ бы на разные тоны языка, что невольно приводитъ на мысль одно преданіе о раздѣленіи языковъ, существующее на Европейской почвѣ. Эстонское преданіе говоритъ, что когда прежнее жилище оказалось слишкомъ тѣснымъ для людей, древній Богъ опредѣлилъ распространиться людямъ по всему земному шару и каждому народу имѣть свой особый языкъ: для этого поставилъ онъ котелъ съ водою на огонь, и заставилъ народы поочередно подходить къ котлу и брать себѣ въ языкъ тоны, издаваемые кипящею водою *). Въ печатномъ изданіи Житія эпитетъ *многоязычніи* пропущенъ, да и въ самомъ Вассіанѣ, употребившемъ этотъ эпитетъ, образованномъ писателѣ XV вѣка, странно и предполагать *полное* сочувствіе съ народнопоэтическимъ образомъ представленія; но таково свойство творческой силы, оживляющей языкъ, что она, создавши изъ него стройное цѣлое, въ которомъ каждое слово было полножизненнымъ выраженіемъ народной мысли, народнаго чувства и народной фантазіи, въ послѣдствіи хотя и ослабѣла, но все таки сохраняетъ въ языкѣ черты отдаленной древности, и дѣло науки — открывать, по мѣрѣ возможности, эти черты, не пренебрегая ни однимъ фактомъ, представляемымъ исторіею языка.

*) *Grimm*: Ueber den Ursprung der Sprache. стр. 29.

словесности, особенно богатые памятниками; посланій также сохранилось довольно много. Даже объ одномъ и томъ же предметѣ и по одному и тому же поводу съ Вассіаномъ писали къ великому князю и митрополитъ Геронтій, и Паисій, игуменъ Троицкій. Такая связь произведеній Вассіана съ господствовавшимъ въ его время направленіемъ словесности, нисколько не уменьшая ихъ литературнаго значенія, представляетъ, съ одной стороны, въ выгодномъ свѣтѣ самый вѣкъ Вассіана, съ другой дѣлаетъ изученіе ихъ тѣмъ болѣе необходимымъ для познанія современной имъ внутренней жизни народа, для опредѣленія характера народной образованности. Отсюда сама собою вытекаетъ мысль, что Вассіанъ, какъ одинъ изъ образованныхъ людей и талантливыхъ писателей Русскихъ XV вѣка, имѣетъ неоспоримое право на вниманіе исторіи при разсмотрѣніи внутренней жизни Русскаго народа въ XV столѣтіи.

Исторія [1]) о славномъ и храбромъ Александрѣ, ковалерѣ россійскомъ [2]).

Опыты повѣстей, въ той или другой формѣ, встрѣчаются въ нашей литературѣ въ разные вѣка. Эти опыты — преимущественно переводные или же составлены подъ сильнымъ вліяніемъ иностранныхъ образцовъ. Въ періодъ древній преобладало вліяніе византійское. Оно придало и повѣствовательной литературѣ характеръ частью наставительный, частью мистическій. Лучшимъ доказательствомъ служитъ богатѣйшій отдѣлъ старинной словесности нашей—жизнеописанія и тѣ повѣсти, которыя состоятъ съ ними въ ближайшей связи. Замѣчательно, что и изъ сочиненій свѣтскихъ были въ ходу особенно тѣ, которыя не лишены назидательности. Такова, напримѣръ, сказка, переведенная изъ Тысячи и одной ночи, о Синагрипѣ (Сенхарибѣ) и Акирѣ (Гейкарѣ). Акиръ усыновилъ племянника своего, Надана. Неблагодарный Наданъ оказался клеветникомъ и измѣнникомъ, и Акиръ долженъ былъ претерпѣть много горя. Но правда восторжествовала: Акиръ взысканъ милостями, а Наданъ преданъ мучительному наказанью, и т. п.

---

1) Библіотека для Чтенія, 1858 г., № 11.

2) Мы пользовались двумя списками этой повѣсти, принадлежащими графу Уварову: № 601, Q (Царск. 453), сборникъ, въ которомъ повѣсть названа такъ: «Исторія о славномъ, храбромъ Александрѣ, ковалерѣ россійскомъ»,—и № 880, Q, заключающ. въ себѣ только «Исторію о россійскомъ дворянинѣ, храбромъ ковалерѣ Александрѣ».

Съ теченьемъ времени на нашу литературу стали оказывать вліяніе, хотя и посредственное, литературы западныя. Опыты беллетристики, повѣсти, рыцарскіе романы, шуточные разсказы и т. д. переводились съ польскаго языка на русскій. Два предѣла новаго рода словесности, извѣстнаго предкамъ нашимъ, составляютъ: Зерцало — сборникъ нравственно-занимательныхъ повѣстей, и Жарты — шутки, забавные анекдоты.

Число переводныхъ повѣстей довольно значительно; число оригинальныхъ весьма невелико. Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ стоитъ почти особнякомъ; два-три другіе опыта отличаются отъ нея во многихъ отношеніяхъ. Ближе другихъ къ «Исторіи о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ» — «Исторія о россійскомъ дворянинѣ Александрѣ»[1]).

Исторія объ Александрѣ еще неизвѣстна въ печати, и потому мы рѣшились представить очеркъ ея содержанія. Въ ней описываются приключенія двухъ русскихъ, молодыхъ людей, путешествующихъ за границею и наблюдающихъ заморскіе нравы, но только съ одной стороны, именно — женскаго населенія различныхъ странъ Европы. Наблюденія и отчасти успѣхи дорого обошлись нашимъ туристамъ: имъ доставалось и отъ оскорбленныхъ мужей, и отъ милаго лукавства женъ. Но иногда имъ улыбалось и счастье: иностранка увлекалась русскимъ путешественникомъ, огорчая тѣмъ своего мужа, капитана, и еще болѣе студента, жившаго въ томъ же городѣ. Главный интересъ повѣсти заключается въ взаимной любви героевъ и героинь; средствами для объясненія служатъ обыкновенно письма, аріи и конфиденты. Довольно забавно выраженіе заморскихъ любезностей стариннымъ русскимъ языкомъ съ примѣсью славянизмовъ. Чтобы познакомить и съ пріемами, и съ языкомъ, мы приводимъ нѣкоторыя мѣста въ подлинникѣ.

---

1) Она уступаетъ повѣсти о Скобѣевѣ въ оригинальности: заимствованія въ ней очевидны; но въ цѣломъ она представляетъ опытъ свѣтской повѣсти, знакомящій со вкусомъ старинныхъ читателей нашихъ.

Повѣсть начинается такъ:

«Въ великой Россіи бысть нѣкій человѣкъ Іоаннъ, жену имѣлъ Настасію, зѣло лѣпообразну, и между ими въ супружествѣ сожитіе доброе происходило, но точію въ дѣторожденіи безсчастны были. И по нѣколикихъ прешедшихъ лѣтѣхъ отъ Создателя счастіе получили въ рожденіи единаго сына, которому наречено имя Александръ, вельми прекрасенъ[1]). И по возрастѣ его седмилѣтнемъ отдали его въ школу по обученію политики. Тогда Александръ въ наукѣ великое снисканіе имѣлъ, и наукою своею превзошелъ прочихъ. Однакожъ тѣмъ доволенъ быть не могъ, и по случаю взялъ вымыслъ, свое разсужденіе о европейскихъ государствахъ и славныхъ академіяхъ науками цвѣтущихъ, возъимѣлъ намѣреніе до нихъ ѣхать, и всегда совѣстію къ тому побужденъ былъ искать приличнаго случая, како бы могъ и родителей своихъ объ отпускѣ позволеніе получить. И въ нѣкоторый день пріиде въ палату предъ родителей своихъ, началъ говорить о намѣреніи своемъ: «премилостивѣйшіе и дражайшіе государи родители! уже извѣстно вашему благородію, что, по волѣ вашей, желаемаго отъ здѣшнихъ школъ я не лишился, и къ тому о присовокупленіи охоту воспріялъ, дабы видѣть въ европейскихъ государствахъ славно процвѣтающія въ наукахъ академіи, и въ томъ дерзость возъимѣлъ, еже бы у васъ милость упросити. И, конечно, безсовѣстная моя была дерзость, ежелибы не многіе образцы къ тому свидѣтельствовались, понеже во всемъ свѣтѣ до единаго обычай имѣютъ родители чадъ своихъ обучать, и потомъ въ другія государства для пріобрѣтенія лучшей чести и славы отпускать..... прошу учинить

---

1) Таково начало повѣсти въ рукописи № 601; въ рукописи же № 880 оно передается нѣсколько иначе: «Бысть въ славномъ и стольномъ градѣ Москвѣ нѣкій человѣкъ знатный дворянинъ, именемъ Димитрій, смѣльствомъ, храбростью и учтивствомъ зѣло украшенъ, и ко всякому добронравству весьма былъ рачителенъ, и бѣдныхъ призиралъ, за что ему Богъ даровалъ сына, лѣпообразна юношу, которому равное красотѣ его имя дадеся — Александръ», и т. д.

мя равно съ подобными мнѣ, понеже чрезъ удержаніе свое можете мнѣ вѣчное поношеніе учинить, и како могу назватися и чѣмъ похвалюся, не токмо похвалитися, но и дворяниномъ называтися не буду»...

Родители благословили Александра на путь, и, въ знакъ своего благословенія, дали два золотыхъ кольца, запретивъ отдавать ихъ кому бы то ни было. Получивъ согласіе родителей, Александръ беретъ съ собой раба, по имени Евѣла, и отправляется съ нимъ въ путь. Черезъ нѣсколько дней они пріѣзжаютъ въ Парижъ, и потомъ въ Лилль, о которомъ слышали много чудеснаго. Лилль превзошелъ ожиданія Александра; онъ былъ очарованъ дивнымъ городомъ, и рѣшился остаться въ немъ на долго. Жители Лилля дивились красотѣ лица и остротѣ ума Александра, и отдавали ему преимущество предъ всѣми кавалерами. Но, не смотря на всѣ пріятности новаго мѣстопребыванія, Александра стала мучить тоска. Однажды къ вечеру нашло на него тяжелое уныніе; онъ сталъ играть на флейтѣ, чтобы разсѣять тоску свою. Звуки флейты разбудили его сосѣдку, дочь пастора, Елеонору. Она послала дѣвку свою, Ассирію, узнать, кто играетъ, а сама сѣла у окна, и слушала съ великимъ умиленьемъ. Александръ разузналъ о цѣли посольства, вышелъ посмотрѣть на Елеонору, сидѣвшую у окна, и возвратился влюбленнымъ. Подаривъ Ассиріи двадцать червонныхъ, онъ пріобрѣлъ въ ней усердную конфидентку, которая и присовѣтовала ему написать письмо къ Елеонорѣ. Вотъ оно:

«Дражайшая Елеонора, моя государыня! Коль велію печаль и неспокойство вчерашній вашъ вопросъ во мнѣ умножилъ, и дивлюся, какъ возмогла такое великое пламя горячности съ высоты во утробу мою вложити, которое меня столько палитъ, что уже терпѣти не возмогу. Того ради покорно прошу, буди врачъ болѣзни моея, ибо никоимъ дохтуромъ отъята быть не можетъ; аще же съ помощью не ускоришь, страшуся, да не будеши убійца. Паки молю, не облѣнися съ помощію здѣ предстати; и ежели учинишь, припишу корысть на сердцѣ своемъ, и вѣрность

моя до гроба не оскудѣетъ, въ которой и днесь пребываю, склоннѣйшій слуга Александръ».

Елеонора возвратила письмо съ надписью: «надежду вручаю, просьбы ожидаю; желаніе получишь, а здравіе погубишь». Александръ въ отчаяніи отправился за городъ, легъ на полянѣ лицомъ къ городу, и, смотря на него, «прослезился, и тако въ размышленіи о несклонной любви Елеонориной долго пребывалъ ту, и запѣлъ арію сице:

Дивну красоту твою, граде Лилле, я нынѣ зрю.
Врата имашъ позлащенны,
Внутрь те копіи изоцренны,
Что чинишь со мною прю?
Стѣнами крѣпчайшими отвсюду окруженъ,
Тобою азъ уязвленъ.
Коей похвалѣ тя днесь имамъ предати?
Храбрость мою уничтожилъ,
Печали во мнѣ умножилъ,
Покинь стрѣлы метати», и т. д.

Горе изнурило силы Александра, и онъ занемогъ горячкою. По выздоровленьи, онъ вспомнимъ о долгѣ, обвинялъ себя въ томъ, что напрасно потерялъ столько времени и до сихъ поръ не видалъ ратнаго поля. Но желаніе продолжать «амуръ» превозмогло. Онъ уговорилъ знакомаго купца сдѣлать ассамблею и пригласить Елеонору. На этой ассамблеѣ Александръ и Елеонора сидѣли за особеннымъ столомъ, «забавлялись въ карты» и тихо напѣвали аріи, увѣряя другъ друга въ любви. Александръ выразилъ удивленье, что арія Елеоноры мгновенно сдѣлала то, чего не могли сдѣлать никакіе медикаменты—совершенно излѣчила его. Елеонора замѣтила на это, что если онъ хочетъ дѣйствительно выздоровѣть, то, чтобы въ третьемъ часу ночи пришелъ къ ней, черезъ заднее крыльцо, за рецептомъ, по которому навѣрно освободится отъ болѣзни и будетъ здоровѣе прежняго. Въ залогъ вѣрности Александръ прислалъ Елеонорѣ завѣтное кольцо,

данное ему родителями. Ласки, теплыя рѣчи, поцѣлуи встрѣтили ночнаго гостя, и послужили ему спасительнымъ рецептомъ. Александръ вполнѣ отдался Елеонорѣ, и она въ теченье трехъ лѣтъ держала его въ неволѣ, не позволяя ему никакихъ отлучекъ кромѣ посѣщеній ея въ урочное время. Любовный плѣнъ становится ему несноснымъ, но его выручило новое знакомство. Дочь пастора встрѣтила неожиданную соперницу въ дочери генерала. Бой былъ труденъ: генеральская дочь повела аттаку самымъ рѣшительнымъ образомъ. Она прислала Александру такое письмо:

«Любезнѣйшій Александръ! За невозможностью скрыть, сими малѣйшими строками вамъ сердечную мою любовь объявляю, которая меня съ единаго взора на красоту вашу въ постель положила. И знаю, что Елеонору вѣрнымъ сердцемъ любишь, однакожъ всѣми добротами единой владѣть, мню, черезъ мѣру много, ибо Елеонора того недостойна. Того ради слезно прошу, учини меня столько счастливою, чтобы я хотя малый знакъ любви вашей имѣла, и аще мя въ болѣзни посѣтити облѣнишися, вскорѣ узриши мя предъ двери твоея квартеры мертву. Остаюсь ваша вѣрнѣйшая до смерти, Гедвигъ Доротея».

Не довольствуясь перепискою, Доротея рѣшилась преслѣдовать Александра; является передъ нимъ съ мечемъ и объявляетъ, что умертвитъ себя, если Александръ останется непреклоннымъ. Онъ уступилъ настойчивому желанью, но скоро раскаялся въ своей слабости, и на всѣ страстныя воззванія отвѣчалъ невозмутимымъ спокойствіемъ и холодностью. Отношенія Доротеи къ Александру глубоко огорчали Елеонору и наконецъ свели ее въ могилу. Умирая, она призвала соперницу, и великодушно простила ее. Ни смерть Елеоноры, ни ея великодушіе не подѣйствовали на Доротею; она продолжала свои преслѣдованія. Но Александръ остался вѣренъ замогильной любви: мертвую Елеонору любилъ болѣе, нежели живую Доротею.

Послѣ смерти Елеоноры Александръ переѣхалъ въ Парижъ. Въ Парижѣ встрѣтился онъ съ землякомъ своимъ, Владиміромъ,

и «сдѣлалась внезапно между ними такая обязательная дружба», что обѣщались умереть другъ за друга. Выслушавъ разсказъ о похожденiяхъ своего новаго друга, Александръ спросилъ у него, не знаетъ ли онъ какой дѣвицы, чтобы «была умна и лѣпообразна, съ которою бы спознаться». Владимiръ назвалъ Тиру, дочь королевскаго гофмаршала. Александръ влюбился въ нее также скоропостижно, какъ и въ Елеонору; познакомившись съ ея пажомъ, немедленно переслалъ ей письмо, и получилъ грозный отвѣтъ. Впрочемъ, отказъ не опечалилъ нашего героя; онъ разсуждалъ такъ: «если бы она вправду была разгнѣвана, то ужъ навѣрно отомстила бы мнѣ сейчасъ же: не попытать ли еще счастья», и послалъ другое письмо, въ которомъ умолялъ не откладывать казни. Тира явилась въ его жилище, и нанесла своему поклоннику три легкiя раны. Удостовѣрившись такимъ образомъ въ преданности Александра, она закончила съ нимъ союзъ вѣчной дружбы на такихъ условiяхъ: «ежели ты меня любить хощешь для одного лакомства, и въ томъ вамъ запрещаю, и прошу, извольте безъ труда отстать; а ежели вѣнецъ дѣвства моего будешь осторожно хранить и братски со мною жить, дай ты въ томъ вѣрную присягу». Александръ видался съ дочерью гофмаршала въ саду, переодѣваясь въ женское платье. Но ихъ частыя свиданья не могли укрыться отъ ревнивыхъ взглядовъ ея компатрiотовъ. Французскiе львы рѣзко выражали свое негодованiе за предпочтенiе имъ русскаго прiѣзжаго! Чтобы избавить и себя, и Тиру отъ преслѣдованiй и мести, Александръ рѣшился удалиться изъ Парижа. Тира изъявила непоколебимое желанiе всюду ему сопутствовать; она одѣлась въ рыцарское платье и отправилась въ далекiй путь съ Александромъ и Владимiромъ. Путешествiе было для всѣхъ трехъ рядомъ несчастiй. Нападенiе разбойниковъ раздѣлило друзей, и Александръ, потерявъ свою Тиру, рѣшился продолжать одинокiй путь съ тѣмъ, чтобы во что бы то ни стало, отыскать ее. Плачъ Александра привлекъ ѣхавшаго близко рыцаря Тигранора; укоры его повели къ жаркому бою, кончившемуся заключенiемъ союза: противники

назвались братьями и поклялись дѣйствовать за-одно. Нѣсколько подобныхъ встрѣчъ предстояло нашему герою; всѣ онѣ одинаковаго рода, и описаніе ихъ можно найти въ любомъ рыцарскомъ романѣ. Александръ является всюду таинственнымъ рыцаремъ, съ разными девизами: кавалеръ гнѣва, кавалеръ побѣды, кавалеръ сѣтованія, и т. п. Мѣста дѣйствія — Франція, Египетъ, Англія, Амстердамъ, Флорида, Китай, Индія, и т. д. — измѣняются быстро: воображаніе автора, управлявшаго рыцарскими подвигами «россійскаго ковалера», не стѣснялось ни географическими условіями, ни отсутствіемъ путей сообшенія. Послѣ долгихъ странствованій, Александръ находитъ Тиру, и они отправляются въ Россію, Но мѣра несчастій ихъ еще не исполнилась. Буря занесла корабль, на которомъ плыли они, въ невѣдомую страну; Тиру продали въ Китай, а Александра во Флориду. Александръ успѣлъ однакожъ похитить Тиру, и въ сопровожденіи Владиміра, они снова втроемъ направили путь свой въ Россію. Доѣхавъ до рѣки, два друга рѣшились переплыть ее, оставивъ Тиру при лошадяхъ; Владиміръ едва доплылъ до берега, а Александръ утонулъ. Тира нашла Владиміра въ совершенномъ изнеможеніи, и узнала о гибели Александра. Трупъ его только на третій день выброшенъ былъ на берегъ. Тира въ отчаяніи поразила себя мечемъ, и кровь ея и слезы оросили трупъ ея вѣрнаго друга. Владиміръ похоронилъ ихъ вмѣстѣ у моря, на горѣ. Оплакавъ своихъ спутниковъ, Владиміръ выѣхалъ на дорогу, и встрѣтилъ тамъ уже извѣстную читателямъ Доротею. Хотя она была уже замужемъ, но прежняя любовь вспыхнула въ ея сердцѣ. Поспѣшивъ на свѣжую могилу, Доротея предалась изліянію своего горя о погибели Александра и своей ненависти къ недостойной его избранницѣ: «зачѣмъ, — говорила она, обращаясь къ трупу Александра, — ты положилъ подлѣ себя французскую славную . . . . . , вѣрная твоя Доротея легла бы съ тобою». Злая женщина не простила своей соперницы и за гробомъ; вытащила ее изъ могилы за волосы, хотѣла сбросить съ горы, но, въ порывѣ ярости, упала сама, изломала себѣ руки, ноги, го-

лову, словомъ ушиблась до смерти. Владиміръ снова поплакалъ надъ Александромъ и Тирою, посмѣялся надъ Доротеею, собралъ три трупа. Александра положилъ посрединѣ, Тиру по правую, а Доротею по лѣвую сторону. Пріѣхавъ въ Россію, Владиміръ сказалъ старикамъ о несчастіи, о гибели ихъ дѣтища, возвращеніе котораго было для нихъ единственною надеждою. Не пережили своей потери подавленные горемъ старики и скоро «переселились въ вѣчныя селенія».

Таково содержаніе «Исторіи объ Александрѣ». Она прерывается двумя весьма длинными эпизодами — разсказомъ о похожденіяхъ Владиміра и разговоромъ трехъ рыцарей.

Похожденія Владиміра, и въ Россіи и за границею, имѣютъ одну цѣль — успѣхъ въ любовныхъ интригахъ. Гдѣ бы ни былъ онъ, въ Россіи, въ Германіи, во Франціи и Англіи и т. д., всюду прежде всего старается пріобрѣсти себѣ знакомства въ женскомъ кругу. Свои успѣхи и неудачи онъ самъ описываетъ такимъ образомъ [1]):

«Поѣхалъ я въ Нижнюю Германію, и, пріѣхавъ въ графство Чешское, пришелъ въ оперу и тамо видѣлъ трехъ дамъ средняго характера, за которыми прилежно примѣчалъ, и, чрезъ нѣкоторыя мины, каждой о себѣ давалъ я имъ желаніе мое знати, но ни отъ одной привѣта не получилъ: того ради и прочь отъ нихъ пошелъ. А какъ изъ оперы пошли вонъ, тогда я, пришедъ къ нимъ, политически позволенія просилъ; тогда они каждая свой терминъ назначили, когда мнѣ къ нимъ приходить. Однакожъ того вечера про то не пропустилъ: съ одною сѣлъ въ карету и проводилъ ее до дому, а она меня къ себѣ ночевать просила... И абіе великій на дворѣ шумъ стался, который мнѣ великій страхъ далъ, для чего я ее и просилъ, кто пріѣхалъ и камо сохранитися могу? Онажъ мнѣ велѣла подъ кровать лѣзти, подъ которою нарочно или умышленно положены были тернія. И между тѣми нашими разговоры мужъ ея въ палату вшелъ

1) По рукописи № 601.

безъ огня. А я бѣдный принужденъ былъ лѣзти подъ кровать; а егда свѣчу съ огнемъ принесли, тогда онъ страху рѣзво подъ кроватію къ стѣнѣ подбился, а тернія сквозь тонкую сорочку тѣло мое такъ немилостиво уязвлять начали, что едва до утра вытерпѣть могъ... Дождавшись вечера, пошелъ я къ другой, и она повела меня въ особливую храмину, говоря: тамо обрящешь одръ, на которомъ дожидайся меня. Азъ же съ великою радостію всѣмъ корпусомъ чрезъ порогъ сунулся, абіе въ погребѣ очутился, а послѣ единъ отъ рабовъ меня выпустилъ. А понеже отъ природы зѣло любопытенъ, сего ради возревновахъ зрѣти, что и третья со мною сдѣлаетъ, и третью рекомендацію учинить. Того ради ввечеру къ ней пришелъ, долгое время сидѣли и пили съ нею, и между тѣмъ, знатно, въ питіе она вложила сонное лѣкарство, отъ котораго, сидя, заснулъ такъ крѣпко, что платье съ меня сняли, и положили на доску, вынесли на улицу, и подставили подъ дождевой жолобъ. Въ ту ночь былъ великій громъ и дождь, изъ жолоба великая вода такъ крѣпко меня била, что принужденъ былъ отъ сна возстати; и въ великое недоумѣніе пришелъ, отчего такая срамота съ мною учинилась, и егда дознался, разгнѣвался», и т. д.

Разговоръ трехъ рыцарей, или «кавалеровъ», касается того же предмета, на которомъ сосредоточивается интересъ повѣсти, то есть женщинъ. Темою разговора служитъ вопросъ: много ли на свѣтѣ добрыхъ женъ сыщется? Двое изъ разговаривающихъ—прусскій (по друг. списк. турскій) баронъ, и баронъ датскій — говорятъ, съ большею или меньшею рѣзкостью, противъ женщинъ; третій же собесѣдникъ — французскій (по друг. списк. саксонскій) дворянинъ смотритъ на нихъ гораздо благопріятнѣе. Противники нападаютъ на женскую обходительность, граціозность, милое остроуміе, кокетство, ревность, а также на излишнюю услужливость и увлеченье со стороны мужчинъ. Одинъ изъ бароновъ такъ отзывается о женщинахъ: «ихъ танцованія и прельстивая политика, особливожъ скорые на все отвѣты, не токмо амуры содѣваютъ, но и намъ даютъ рѣзвую бодрость и

смѣльство милости просити». Защитникъ ихъ возражаетъ: «лѣпообразнымъ женамъ непристойно безъ политики; всякій острый отвѣтъ изъ ума дастся. Сами вы виноваты, почто чрезъ письма и презенты домогаетесь, но не всегда получаете» и т. д. На это отвѣчаетъ ему противникъ: «правду ты говоришь, да вѣрить нечему. Которыя съ политикою всегда обходятся, и въ веселыя компаніи часто ходятъ, уже въ ребрахъ ихъ любимцы домъ построили... Многіе наша братья отдаются подъ протекцію мерзкимъ женамъ, и послушны имъ бываютъ, и ставятъ ихъ однихъ лучше всего свѣта». Обвиненіе мужчинъ въ пристрастіи къ женщинамъ вызываетъ такое опроверженье со стороны неутомимаго защитника прекраснаго пола: «мнѣ мнится, того ради любимой своей всякъ себя въ волю отдаетъ, что натурѣ противиться не можетъ; а что (любимую) лучше всего свѣта ставитъ, на то старая пословица не мимо дѣется: не то мило, что хорошо — то хорошо, что мило», и т. д.

О литературѣ переходнаго времени — конца XVII и начала XVIII вѣка [1]).

Состоянiе Россiи во время перехода ея отъ одного быта къ другому подъ влiянiемъ реформы Петра Великаго возбуждаетъ особенное вниманiе въ современной нашей литературѣ. Личность преобразователя Россiи подверглась многостороннему изученiю; явилось нѣсколько монографiй, съ цѣлью показать другую сторону медали, а не ту, которою восхищались панегиристы Петра. Дѣятельность преобразователя, обращенная къ существеннымъ условiямъ русской жизни, тѣсно связана съ жизнью, и разъяснить реформу Петра значитъ узнать современное ему состоянiе русскаго общества и народа. Возрожденье обнаружилось всюду, но не одинаковымъ образомъ. Въ иномъ ярче выступила новизна, измѣненная внѣшность бросалась въ глаза; въ другомъ перемѣна не поражала съ перваго взгляда, но за то при внимательномъ разсмотрѣнiи открываются не только новыя формы, но и новый принципъ.

Литература того времени даетъ живыя краски для объясненiя многаго изъ того, о чемъ изъ другихъ источниковъ можно только догадываться. По счастью между современниками Петра были люди, способные оцѣнить то̀, что̀ совершалось тогда въ Россiи, вникавшiе въ смыслъ событiй и передавшiе свои наблюденiя потомству. Два направленiя, раздѣлявшiя въ то время

---

1) Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1862 г., № 4, стр. 34.

мыслящихъ людей въ Россіи отразились и въ литературѣ. Нѣкоторые изъ писателей высказывали полное сочувствіе реформѣ, другіе доказывали ея вредъ или оплакивали погибающую старину, на сколько это возможно было при тогдашнемъ порядкѣ вещей.

Большая часть писателей того времени были лица духовныя: это объясняется состояніемъ образованности въ концѣ семнадцатаго вѣка, когда двѣ духовныя академіи, Кіевская и Московская, были разсадниками просвѣщенія для всѣхъ краевъ Россіи. Связь между проповѣдями петровскаго времени и дѣйствіями правительства очевидна. Многія проповѣди служили объясненіемъ реформы, предпринятой свѣтскою властію, являясь въ одно время съ правительственными указами и доказывая справедливость требованій, выраженныхъ въ указахъ. Составлены были руководства для проповѣдниковъ съ точнымъ опредѣленьемъ предметовъ, о которыхъ можно и должно говорить народу съ церковной каѳедры, и выборъ предметовъ показываетъ, что эти руководства издавались подъ вліяніемъ правительства и составляютъ pendant къ его распоряженіямъ. Для полнаго и вѣрнаго исполненья разнообразныхъ плановъ Петру необходимы были люди образованные, а образованнѣйшіе люди въ русскомъ обществѣ были лица духовнаго званія. Петръ не сочувствовалъ имъ во многомъ, но считалъ весьма выгоднымъ для себя пользоваться ихъ содѣйствіемъ. Видимое согласіе между реформаторомъ и писателями поддерживалось отчасти настойчивостью съ одной стороны и малодушіемъ съ другой, отчасти ловкою изворотливостью и отсутствіемъ убѣжденій, необходимыхъ для гражданина, въ усердныхъ прислужникахъ власти.

Произведенія духовныхъ писателей, современныхъ Петру, рѣзко отличаются, по характеру своему, отъ произведеній вѣковъ предшествовавшихъ. Вліяніе библіи и Византіи соединяется съ западно-европейскою схоластикою и отчасти уничтожается ею; вмѣсто прежней наивности является вычурная группировка частей со всѣми прикрасами риторики, со всею искусственною

симметріею доказательствъ и подробнаго развитія темы по правиламъ схоластики. Съ этимъ новымъ, школьнымъ элементомъ заносится къ намъ другая особенность западнаго ораторства — шутливость, страсть забавлять слушателей. На западѣ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, эти два элемента, школьный и юмористическій, не только уживались другъ съ другомъ, но и сдѣлались неизбѣжною принадлежностью для всякаго произведенія, разсчитывавшаго на успѣхъ. Третью замѣчательную особенность духовной литературы того времени составляетъ элементъ политическій; слово проповѣдника становится истолкователемъ дѣйствій верховной власти. Три элемента, о которыхъ идетъ рѣчь, являются въ нашей словесности подъ вліяніемъ западно-европейскихъ литературъ и преимущественно той ихъ отрасли, къ которой принадлежитъ у насъ наибольшее число произведеній. Поэтому необходимо обращаться къ литературамъ западной Европы, и въ нихъ искать объясненія тѣхъ чертъ, которыми въ нашей словесности высказался переходъ отъ стараго къ новому. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо имѣть въ виду тогдашнее общественное состояніе Россіи, положившее печать свою на литературу.

I.

Схоластика, господствуя на западѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, образовалась въ строгую систему, составлявшую въ умственномъ отношеніи твердый оплотъ католицизма. Сущность этой системы заключалась собственно въ усиліи доказать тó, чтó заранѣе считалось аксіомою и потому вовсе не требовало доказательствъ. Главнѣйшими темами схоластическихъ процессовъ были догматы религіи и положенія, признанныя непогрѣшительными католическою церковью. Слѣдовательно, приступая къ доказательствамъ, уже заранѣе знали результаты, къ которымъ должны были прійти и не смѣли не прійти подъ страхомъ церковнаго проклятія и клерикальной мести. Такимъ образомъ

въ схоластикѣ не существовало основнаго условія философской системы — стремленья къ искомой истинѣ. Истины не искали: она уже была дана, то есть принята на вѣру, и вся забота состояла въ томъ, чтобы позамысловатѣе обставить ее доказательствами, которыя въ свою очередь не подлежали изслѣдованію, если заимствовались изъ того же источника, откуда и самая тема; все усиліе устремлено было на подборъ частей, а не на *изслѣдованіе* цѣлаго. Средства для философскаго процесса заимствовались также и изъ другаго источника, равнымъ образомъ считавшагося непогрѣшительнымъ — по преданью, идущему отъ среднихъ вѣковъ, именно изъ Аристотеля. Средніе вѣка были временемъ подчиненія авторитету; въ религіозныхъ вопросахъ, въ самомъ обширномъ смыслѣ, священнымъ авторитетомъ была библія и писанія отцовъ церкви; въ правѣ — кодексъ Юстиніана; въ философіи — сочиненія Аристотеля. Всевѣдѣніе Аристотеля объясняли божественнымъ откровеніемъ; Аристотеля называли предтечею Христа въ знаніи тайнъ природы, подобно тому какъ Іоаннъ Креститель былъ предтечею Христа въ таинствѣ благодати. Неуваженье къ знаменитому философу считалось гражданскимъ преступленіемъ и строго наказывалось закономъ; продавцы сочиненій, противныхъ ученію Аристотеля, подвергались тѣлесному наказанію; авторамъ угрожали различныя наказанія, отъ денежнаго штрафа до смертной казни. Благоговѣніе предъ Аристотелемъ перешло и въ русскія училища, какъ можно судить по учебникамъ, употреблявшимся въ Московской и Кіевской академіяхъ и по свидѣтельству ихъ питомцевъ. Самое названіе «ученіе Аристотеля» или «ученіе стагиритское» было совершенно тожественно названію «философія» вообще. Курсы аристотелевой философіи издавались подъ вычурными именами въ родѣ слѣдующаго: «Грань знаній, поставленная благородному россійскому юношеству для ученаго ристанія въ стагиритскомъ училищѣ на Олимпѣ Кіевомогилянскомъ».

Схоластика съ ея поклоненіемъ Аристотелю проникла къ намъ со времени учрежденія училищъ подъ вліяніемъ, иногда косвен-

нымъ, западно-европейскихъ образцовъ. До того времени въ нашей книжной словесности была своего рода схоластика, принесенная византійскими учителями. Она обнаруживалась въ одностороннемъ подражаніи византійскимъ образцамъ. Догматическія поученія излагались обыкновенно не въ строгой системѣ, а отрывочно, и состояли изъ вереницы текстовъ, связанныхъ между собою болѣе или менѣе искусственно. Не было заранѣе готовой рамки, въ которую вставлялось бы произведеніе по частямъ въ условной и мудреной послѣдовательности. Въ поученіяхъ не объясняющихъ догматъ, а обращенныхъ къ лицамъ и событіямъ тогдашней русской жизни, гораздо болѣе наивности, нежели схоластики. Не говоря о временахъ болѣе древнихъ и болѣе наивныхъ, можно указать даже на произведенія шестнадцатаго вѣка — напримѣръ на привѣтствіе митрополита Макарія царю Ивану Васильевичу и царицѣ Анастасіи Романовнѣ при совершеніи ихъ брака [1]). Макарій наставляетъ новобрачныхъ въ подобныхъ выраженіяхъ: «по заповѣди Божіей живите, любите судъ и правду и милость ко всѣмъ. Бояръ и боярынь и всѣхъ вельможъ жалуйте и брегите по ихъ отечеству. Ко всѣмъ приступны и милостивы. Ты, царю Иване, люби супружницу свою, царицу Анастасію, живи съ ней благочестно, жалуй ее и почитай ее. А ты слушай, почитай, бойся его и покоряйся ему. Праздники почитайте; въ среду, въ пятницу и въ великій постъ въ чистотѣ тѣлесной пребывайте. Свѣтлую недѣлю празднуйте духовно, а не тѣлесно. Милостыню бѣднымъ подавайте...» и т. п. Приведенныя нами слова обставлены множествомъ текстовъ; самыя обыкновенныя вещи, извѣстная всѣмъ и каждому мораль подтверждается текстами и примѣрами изъ библіи. Но большая часть наставленій чрезвычайно наивны и по мысли и по выраженію, а совѣтъ жаловать бояръ и боярынь по отчеству напоминаетъ любимое обращеніе въ народныхъ былинахъ: «ты скажись, какимъ именемъ зовутъ, а по имени тебѣ можно мѣсто дать, по

1) Дополненія къ актамъ историческимъ. I, № 40.

изотчеству пожаловати». Совершенно другой языкъ и иныя мысли въ высокопарныхъ панегирикахъ Стефана Яворскаго и Гавріила Бужинскаго.

У писателей времени Бужинскаго и Яворскаго и постановка вопроса, и пріемы при его рѣшеніи, и способъ выраженія, словомъ все обличаетъ схоластику и составляетъ неизбѣжную принадлежность школы. Подобно тому, какъ западные ораторы приводили опредѣленное число доказательствъ, придавая имъ условный, мистическій смыслъ, наши проповѣдники, наполняли свои поученія дѣленіями и подраздѣленіями съ опредѣленнымъ числомъ доводовъ и примѣровъ. Защитникъ герцога Бургундскаго приводитъ двѣнадцать доказательствъ въ честь двѣнадцати апостоловъ: изъ доказательствъ три заимствовано изъ богословія; три — изъ нравственныхъ философовъ, въ томъ числѣ изъ Боккачіо; три — изъ гражданскихъ законовъ; три выводятся изъ трехъ примѣровъ, взятыхъ изъ Св. Писанія [1]). Проповѣди Симеона Полоцкаго суть ничто иное, какъ схоластическія разсужденія на заданную тему; одна и таже мысль повторяется нѣсколько разъ, придумываются части и располагаются систематически. Примѣры и доказательства приводятся счетомъ; причинъ, почему язвы остались па тѣлѣ Спасителя, пять; слово Божіе названо сѣменемъ по шести причинамъ; окрестностей вознесенія шесть: окрестностью называются обстоятельства, сопровождавшія; первая окрестность та, что возносится внѣ города, какъ внѣ города родился: это показываетъ, что и намъ надо выходить изъ міра, чтобы взойти на небо, и т. д. Проповѣди Стефана Яворскаго расположены также по плану, который указывается иногда самимъ авторомъ. Въ заключенье слова о мироносицахъ авторъ говоритъ: я уже показалъ вамъ, какъ воины ищутъ Іисуса съ троякаго рода миромъ: любви къ ближнему, упованія на Бога и мужества; послѣднее утверждается на трехъ столпахъ, первый

1) Ср. Histoire des ducs de Bourgogne par *M. de Barante*. Изд. 4-е. 1826. T. III. Jean Sans-peur, a. 1405—1408.

столпъ — крѣпкая дѣла творить, второй — жестокая терпѣть, третій — не бояться смерти. Изъ заключительныхъ словъ становится понятно схоластическое построеніе цѣлой рѣчи. Авторъ дѣлитъ всѣхъ людей на три разряда: на праведныхъ, грѣшныхъ и военныхъ, на томъ основаніи, что грѣшные боятся смерти, военные не боятся ея, а праведные не только не боятся смерти, но и желаютъ умереть.

Наклонность къ схоластикѣ въ современникахъ Ѳеофана Прокоповича обрисована имъ такими чертами: «пьяные солдаты, негодяи приказные, купцы, плотники, даже женщины — богословы. Что сказать о попахъ и монахахъ, что о нашихъ латынистахъ? Нѣтъ ничего, чего бы не знали они; готовы на все отвѣчать, и отвѣчаютъ съ такою увѣренностью, съ такою смѣлостью, что не хотятъ подумать о томъ, что́ говорятъ... Лѣтъ за пятнадцать были въ силѣ такъ называвшіеся ораторскіе пріемы; церковныя каѳедры оглашались удивительными вещами: почему Христосъ погружался въ Іорданѣ стоя, а не лежа и не сидя? Почему въ потопѣ не погибли рыбы, хотя и не было ихъ въ ковчегѣ?» [1]). Западные схоластики любили задавать курьезные вопросы въ родѣ слѣдующихъ: можетъ ли Богъ знать больше, нежели Онъ знаетъ? Можетъ ли Богъ дѣлать лучше, нежели Онъ дѣлаетъ? Гдѣ былъ Богъ до сотворенія міра? Въ какомъ возрастѣ сотворенъ человѣкъ? Почему женщина создана изъ ребра спящаго мужчины? и т. п.

Каковы вопросы, таковы и отвѣты. Неопредѣленность и эксцентричность вопросовъ давала просторъ тощей фантазіи схоластиковъ, прибѣгавшихъ ко всѣмъ возможнымъ тонкостямъ, натяжкамъ и произвольнымъ сближеніямъ для доказательства данной темы. Почему, спрашиваетъ ораторъ, Симеонъ названъ человѣкомъ, а Іовъ мужемъ? Потому что Симеонъ хоть и дѣлалъ добро, но ничего не претерпѣлъ; Іовъ много вытерпѣлъ, и

---

1) Обзоръ русской духовной литературы 1720—1758 гг., архіепископа *Филарета*. Книга 2-я. 1861 г., стр. 11.

потому сталъ не только человѣкомъ, но и мужемъ. Въ ветхомъ завѣтѣ, говоритъ тотъ же ораторъ, приносили разныя жертвы: голубей, горлицъ, ягнятъ, воловъ и козловъ. Отчего же не свиней? Не оттого ли, что отъ нихъ воняетъ? Но отъ козловъ еще больше воняетъ. Не приносили потому, что свинья омывшись опять лѣзетъ въ грязь, чего не дѣлаютъ другія животныя. Такъ же какъ свинья, дѣлаетъ и грѣшникъ. Люди похожи на рыбъ тѣмъ, что бѣгаютъ взадъ и впередъ въ суетѣ суетъ подобно тому, какъ рыбы плаваютъ въ водѣ туда и сюда будто бы за дѣломъ, а въ сущности безъ всякаго дѣла; рыба съѣдаетъ рыбу и хоть бы другаго рода: щука линя, карася, окуня, а то щука щуку и т. п.: люди также готовы съѣсть другъ друга и одинъ хочетъ поглотить другаго. Въ надгробномъ словѣ ораторъ говоритъ: «откуда произошла смерть? Какой она породы и какой фамиліи? Гдѣ она родилась и кто ея родители? Родители ея — Адамъ и Евва. Какимъ же образомъ они родили ее? Родили ее преступленьемъ заповѣди, просто сказать: родили ее грѣхомъ не плотскимъ, а душевнымъ... О несчастная фамилія смерти, о окаянный родъ! каковъ отецъ — грѣхъ, такова и дочь — смерть». Превознося похвалами умершаго вельможу, панегиристъ видитъ доказательство мудрости покойнаго въ томъ, что его хоронятъ въ могилѣ: «когда змѣя хочетъ стащить съ себя старую кожу, то ищетъ узкаго мѣста между острыми камнями и разсѣлинами, пролазитъ между ними и такимъ образомъ стаскиваетъ кожу. Въ умершемъ вижу мудрость змѣи: желая совлечься ветхаго человѣка, онъ сходитъ въ тѣсноты земныя, въ гробовыя разсѣлины, чтобы, совлекшись ветхаго, облечься въ новаго» [1]). Симеонъ Полоцкій, непосредственный предшественникъ и отчасти современникъ писателей петровской эпохи, предлагаетъ читателямъ поученія свои подъ именемъ обѣда душевнаго, и увѣряетъ, что предлагаемый имъ обѣдъ здоровъ и крѣпокъ и въ немъ нѣтъ

1) Ср. рукопись Петербургской Духовной Академіи подъ № 111 (?): Собраніе словъ, поученій и историческихъ извѣстій, также печатное изданіе сочиненій Стефана Яворскаго, Гавріила Бужинскаго и друг.

«иностранныхъ зелій — витійскихъ хитростей, ибо удобнѣе понимается простое слово, нежели покрытое художественными красотами: удобнѣе ядро съѣдается излущенное, нежели въ кожѣ содержимое. Ѣшь мой простой обѣдъ *руками ума* твоего, пережевывай *зубами разсужденія* и поглощай *въ стомахъ памяти твоей*». По схоластическому ученью, Богъ есть существо, а человѣкъ — ничто. Какимъ же образомъ это ничто можетъ соединяться съ существомъ? Веревкою, гвоздями и клеемъ, отвѣчаетъ западный схоластикъ: веревкою — когда при волненіи страстей помнятъ обѣтованіе Божіе, гвоздями — когда боятся не людей, а мученій адскихъ, клеемъ — когда любовью къ ближнему пребываютъ въ единомысліи съ существомъ.

Успѣхи схоластики вели къ знакомству съ міромъ древнимъ, къ которому проповѣдники обращались все чаще и чаще. Подъ вліяніемъ школы въ церковныхъ поученіяхъ приводились мнѣнія писателей языческихъ и разсказывались многіе эпизоды изъ ихъ жизни. Ораторы весьма часто прибѣгали къ миѳологіи, и передавали слушателямъ различнаго рода приключенія, происходившія на миѳическомъ Олимпѣ. Одинъ изъ нашихъ проповѣдниковъ, приведя слова апостола, осуждающія плотскій грѣхъ, прибавляетъ: «вспомнимъ здѣсь еллинскую басню, приличную нашей бесѣдѣ: всѣ боги собрались въ сонмъ, желая явить силу свою: Зевесъ съ молніею; Аполлонъ съ лукомъ и стрѣлами, которыя носилъ «во знаменіе благополучія своего, яко идѣже намѣритъ, тамо и устрѣлитъ»; Ираклій съ копьемъ въ знакъ крѣпости своей. Послѣ всѣхъ пришолъ юноша, называемый Купидонъ, божокъ похоти плотской, съ завязанными глазами. Ставши посреди боговъ, Купидонъ внезапно устремился на всѣхъ, и отнялъ всѣ знаки силы ихъ». Писатели самые взыскательные, своего рода пуристы, не считали неумѣстнымъ обращаться къ міру языческому, потому что въ сочиненіяхъ язычниковъ находили подтвержденіе христіанскимъ истинамъ. «Ахиллесъ ранилъ сына Геркулеса, разсказываетъ духовный учитель, и оракулъ объявилъ, что рану можно исцѣлить только ржавчи-

ною, отдѣленною отъ покрытаго ею желѣза. Ахиллесъ прислалъ ржавчины, ее приложили къ ранѣ, и больной выздоровѣлъ. Намъ отсюда такой урокъ: если получимъ язву, т. е. согрѣшимъ отъ пристрастій мірскихъ, то должны имѣть передъ глазами ржавчину этихъ пристрастій, т. е. размышлять о суетѣ маловременной и скоротечной жизни». Другой проповѣдникъ приводитъ свидѣтельство «историка Дидима, что когда Александръ Македонскій взглянулъ на мѣдную статую Орфея, статуя пролила слезы какъ дождь; волхвы объясняли это такъ, что стихотворцы должны до пота, хотя и тщетно, прославлять Александра. Такое объясненье ложно, я же скажу вѣрнѣе: кто захочетъ показать величіе дѣлъ, совершенныхъ Александромъ, не Македонскимъ, а Невскимъ, тотъ пусть сколько хочетъ потѣетъ, а не найдетъ средствъ достойно восхвалить его».

Смѣсь христіанскаго съ языческимъ въ западной Европѣ поражаетъ не только въ литературныхъ памятникахъ, но и въ произведеніяхъ архитектуры и скульптуры. Типы языческіе усвоены были для выраженія христіанскихъ идей въ искусствѣ. Благоговѣйно почитаемы были статуи девяти героевъ: Гектора, Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, Іисуса Навина, Давыда, Іуды Маккавея, Хлодовика, Карла Великаго и Готфрида Бульонскаго. Кардиналъ Бембо въ гимнѣ въ честь Стефана говоритъ, что первомученикъ видѣлъ небо отверстое и отца боговъ на Олимпѣ.

Въ литературныхъ произведеніяхъ свидѣтельства поэтовъ и философовъ древности приводились вмѣстѣ съ выписками изъ Св. Писанія. Однимъ изъ крупныхъ фактовъ подобнаго рода можетъ служить то, что при открытіи Тридентскаго собора епископъ говорилъ рѣчь, въ которой необходимость соборовъ доказывается какъ тѣмъ, что при сотвореніи міра, Богъ изображается въ библіи совѣщающимся, такъ и тѣмъ, что Юпитеръ собираетъ боговъ въ Энеидѣ.

Знакомство съ древнимъ міромъ распространялось все болѣе и болѣе въ немногочисленномъ кругу образованныхъ людей того

времени. Греческіе и римскіе писатели начали интересовать не только ученыхъ, получившихъ школьное образованіе, но и тѣхъ, которые любили чтеніе вообще, не считая его безполезною тратою времени. Самъ Петръ понималъ, по своему, достоинство древнихъ писателей, и часто ссылался на нихъ въ разговорѣ. По складу его ума и взгляду на вещи, Петру особенно нравились нѣкоторыя мѣста изъ древнихъ баснописцевъ, сатириковъ и моралистовъ. Не говоря уже о басняхъ Эзопа и другихъ произведеніяхъ аллегорическаго содержанія, Петръ знакомъ былъ съ Ювеналомъ, сатиры котораго поручилъ перевести на русскій языкъ [1]).

II.

Въ словахъ и рѣчахъ писателей петровской эпохи обнаруживается новизна, совершенно противоположная серьезному тону древней нашей словесности. Эта новизна состоитъ въ юмористическомъ направленіи, въ желаньи смѣшить. Съ перваго взгляда подобное желанье кажется чрезвычайно страннымъ, но оно объясняется понятіями о задачѣ проповѣдника, господствовавшими на западѣ, а также и тогдашнимъ состояніемъ русскаго общества. На западѣ, развитіе проповѣди, какъ орудія дѣйствія на массы, совершалось въ такой же постепенности, какъ и

---

1) *Das veränderte Russland.* Hannover. 1739. II часть, стр. 23. Любимыми стихами Петра были слѣдующіе:

Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano,
Fortem posce animum, mortis terrore carentem,
Qui spacium vitae extremum inter munere ponat
Naturae, qui ferre queat quoscunque labores,
Nesciat irasci, cupiat nihil, et potiores
Herculis aerumnas credat, saevosque labores,
Et Venere et coenis et plumâ Sardanapali;
Monstro, quod ipse tibi possis dare: semita certe
Tranquillae per virtutem patet unica vitae.
Nullum numen habes, si sis prudentia: nos te,
Nos facimus, Fortuna, Deam coeloque locamus.

Конецъ десятой сатиры Ювенала.

паденіе вѣры. По мѣрѣ того, какъ ослабѣвала вѣра, проповѣдь теряла свою искренность, брала фальшивую ноту, чтобы хоть диссонансомъ пробудить вниманіе слушателей, равнодушныхъ къ однообразнымъ, стародавнимъ мотивамъ. Увѣщанья не шли отъ чистаго сердца, и потому не вызывали сочувствія въ сердцахъ. Образъ жизни и дѣйствій проповѣдниковъ говорилъ убѣдительнѣе ихъ словъ, и окончательно разрушалъ вѣру въ душѣ тѣхъ, которыхъ начинало тревожить сомнѣніе. Въ высшей степени замѣчателенъ разсказъ Боккачіо о евреѣ, принявшемъ христіанство по возвращеніи изъ Рима: еврей сознаіъ все величіе и внутреннюю силу христіанства именно потому, что его не могли истребить нравственное ничтожество, развратъ и преступленія католическаго духовенства. Къ подобнымъ пастырямъ паства остается глуха и нѣма. Чтобы поддержать вниманіе слушателей, проповѣдники старались разнообразить свои поученія всѣми возможными способами, и всего чаще прибѣгали къ шуткѣ, какъ къ средству самому дѣйствительному. Забавные анекдоты замѣняли недостатокъ искренности и таланта. Данте говоритъ: «проповѣдники въ наше время забавляютъ слушателей потѣшными разсказами и шутовствомъ, и чѣмъ болѣе хохочутъ слушатели, тѣмъ полнѣе становится капишонъ ораторовъ, которые больше ни о чемъ и не думаютъ. Но въ глубинѣ капишона кроется птица, которую если бы увидѣла толпа, сильно усумнилась бы въ дѣйствительности индульгенцій». Входя въ мелочи жизни, вмѣшиваясь въ интриги и дрязги, проповѣдь и по содержанію и по выраженію становилась вульгарною. Проповѣдники не были чужды житейскихъ треволненій, принимали иногда самое дѣятельное, непосредственное участіе въ событіяхъ, старались склонить враждующихъ къ миру или раздуть сильнѣе вражду, примыкали къ той или другой партіи. Дѣйствуя въ духѣ партіи, они употребляли всѣ усилія, чтобы побѣдить противную сторону и для достиженія своей цѣли не пренебрегали никакими средствами, отъ тайныхъ интригъ до проповѣди подъ открытымъ небомъ, усѣянной колкостями, насмѣшками, остротами, каламбу-

рами. Желая представить противника въ смѣшномъ видѣ, ораторы истощали свою изобрѣтательность и остроуміе, и наполняли рѣчи забавными сценами, рѣзкими выходками и скандальными анекдотами. Смѣсь серьезнаго со смѣшнымъ до того вошла въ нравы, что сама теорія поставляла необходимымъ требованіемъ, чтобы въ проповѣди полезное соединялось съ забавнымъ. Обычай помѣщать въ церковныхъ рѣчахъ свѣтскіе, поучительные и забавные разсказы распространился въ Европѣ со времени крестовыхъ походовъ, познакомившихъ европейцевъ съ произведеніями восточной фантазіи. Впослѣдствіи обычай этотъ до того усилился, что составлялись особенные сборники повѣстей и анекдотовъ, которые могутъ быть заимствуемы для церковныхъ поученій. Неудачный и необдуманный выборъ анекдотовъ и господство схоластики привели къ тому, что всякую вздорную сказку пытались объяснять аллегорически, тропологически, аналогически, и низвели проповѣдь до празднаго балагурства и болѣе или менѣе безвреднаго шутовства [1]). Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ западныхъ проповѣдниковъ. Одинъ изъ нихъ, нападая на усиливающійся порокъ пьянства, говоритъ: «нельзя не пожалѣть, что вино, этотъ драгоцѣннѣйшій даръ Божій, употребляется во зло, вмѣсто того, чтобы подкрѣплять тѣло и веселить сердце человѣка. По точному исчисленію, на земномъ шарѣ ежегодно вина добывается столько, что каждый изъ людей могъ бы каждый день выпивать полкварту, а между тѣмъ пьяницы выпиваютъ такъ много, что милліоны людей должны оставаться вовсе безъ вина. О если бы я зналъ, гдѣ тотъ негодяй, что выпиваетъ мою полкварту!» Другой проповѣдникъ, прочитавши текстъ о Самарянкѣ, сказалъ: «не удивляйтесь, благочестивые слушатели, длинѣ этого текста; онъ вышелъ такъ длиненъ потому, что въ немъ говоритъ женщина». Одинъ изъ знаменитыхъ проповѣдниковъ семнадцатаго вѣка, замѣтивъ, что слушатели его начинаютъ

---

1) Das älteste Märchen und Legendenbuch des christlichen Mittelalters oder die Gesta Romanorum, von *Grässe*, 1850. Theil II, s. 286—290, etc.

дремать, прервалъ свою проповѣдь въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, вынулъ изъ кармана платокъ, свернулъ его въ трубку и сталъ играть имъ на каѳедрѣ; слушатели, глядя на эту игру, оживились, а ораторъ началъ упрекать ихъ, говоря: «я такъ и думалъ, что если бы я былъ шарлатаномъ и показывалъ вамъ фокусы, никто бы изъ васъ въ церкви не заснулъ». Другой проповѣдникъ, чтобы разбудить спящихъ слушателей, крикнулъ имъ, не хотятъ ли они шнапсу. «Сейчасъ» отвѣчали проснувшіеся. Подобныя выходки напоминаютъ слова древняго нашего проповѣдника, что если бы вмѣсто духовной пищи онъ раздавалъ вино, то множество народа сходилось бы въ церковь. Стефанъ Яворскій, сказавши: «пріимите духъ святой въ образѣ воды», прибавляетъ: «вы, вѣроятно, скажете: о! намъ даютъ духъ святой въ образѣ воды, а сами хотятъ принимать его въ образѣ вина». «Почему надо поминать жену Лотову?» спрашиваетъ тотъ же ораторъ: «развѣ потому, что она обратилась въ столбъ соли; но сколько есть на свѣтѣ женъ, которыя мужьямъ своимъ сперва казались сахаромъ, а потомъ сдѣлались солью». Указавши на притчу о трехъ званыхъ, отказавшихся отъ пира, первый— потому что купилъ село, второй — потому что купилъ воловъ, а третій — потому что женился, ораторъ продолжаетъ полушутя и совершенно бранясь: «первый и другій отрицается, но политичнѣ, и если бы ихъ прилежнѣе звали, они можетъ и пошли бы. А третій безъ всякой политики, грубо: жену пояхъ и сего ради не могу пріити. О неучтивая грубость! да, грубый мужикъ, варваръ, могдавъ неоскробанный! Жену пояхъ, не могу пріити! И съ женою ступай! Или ногъ не имѣешь? Только тотъ не можетъ, у кого подагра».

Всякаго рода шутки и рѣзкости не казались несообразными съ достоинствомъ церковной проповѣди. Такой взглядъ перешелъ къ русскимъ писателямъ отъ ихъ западныхъ образцовъ. Но не одно иностранное вліяніе располагало нашихъ писателей прибѣгать къ шуткѣ даже и тогда, когда рѣчь идетъ о предметахъ самыхъ серьезныхъ. На это были и домашнія причины. Эпоха

Петра, поставивъ въ рѣзкое противорѣчіе и борьбу старое съ новымъ, открыла обширное поприще для сатирическаго начала. Писатели, сочувствующіе Петру, возстали на старину и начали обличать ее неотразимою силою насмѣшки. Обличеніе стараго, ведущагося искони, служило темою и для древнѣйшихъ проповѣдниковъ задолго до эпохи Петра. Но настроеніе обличителей измѣнилось значительно, иногда даже неузнаваемо. Древніе обличители возставали на обычаи и повѣрья, перешедшіе къ современному имъ поколѣнію отъ отцовъ и дѣдовъ; осуждали, напримѣръ, слѣды язычества, державшіеся въ глубинѣ народныхъ массъ, и осужденія исполнены были горечи: соблюденіе языческихъ обрядовъ казалось ревнителямъ христіанства страшнымъ преступленіемъ, вопіющимъ зломъ. При такомъ взглядѣ имъ было не до шутокъ. Съ иными понятіями выступили на литературное поприще писатели начала восьмнадцатаго вѣка. Въ ряду ихъ многіе на дѣло религіи смотрѣли довольно равнодушно, находя суевѣріе невѣждъ вреднымъ болѣе въ гражданскомъ, нежели въ нравственномъ отношеніи, болѣе опаснымъ для statu quo государства, нежели для спасенія души. Поэтому и орудіемъ противъ суевѣрія и легковѣрія, вмѣсто горькой укоризны, выбирали насмѣшку. Тѣмъ смѣлѣе рѣшались осмѣивать смѣшное въ защитникахъ другихъ сторонъ отживающаго быта. Рѣшимость писателей поддерживалась примѣромъ самого Петра, любившаго посмѣяться надъ невѣжествомъ, лицемѣріемъ, хвастовствомъ и т. п. Въ его письмахъ и замѣткахъ много юмора, и встрѣчаются черты, находящіяся въ словахъ Прокоповича и сатирахъ Кантемира. Петръ приглашаетъ на забавный пиръ и того, кто «фамиліею своею гораздо старше чорта, и того, кто кромѣ души весь въ заплатахъ, и того, кто ничему не учился и ничего не вѣдаетъ, и надъ всѣми бочками оберъ-коменданта» и т. п. Обыкновенный тонъ писемъ Петра шутливый: «Мудеръ! Лещинскій бороду отпустилъ, для того, что корона его умерла.... Довольно у матки быть и одной теткѣ, а другую зачѣмъ чортъ принесъ? А что пишете, что некому чесать гладко, — пріѣзжайте скорѣе,

старый гребнишко сыщемъ.... Отдай мой поклонъ князь-папѣ и князь-игуменіѣ, маленькихъ поцалуй, а наипаче всѣхъ и наибольше всѣхъ и паивяще всѣхъ поклонись велеумной тетушкѣ и четверной лапушкѣ.... Пишешь ты, Катеринушка, чтобъ я не скоро къ тебѣ пріѣзжалъ: знатно, сыскала кого-нибудь вытнѣе (красивѣе) меня? пожалуй отпиши: изъ нашихъ, или изъ тарунчанъ? я больше чаю изъ тарунчанъ, что хочешь отомстить, что я предъ двѣма лѣты занялъ. Такъ-то вы, еввины дочки, дѣлаете надъ стариками!» [1]).

Въ бумагахъ Петра Великаго попадается множество сатирическихъ замѣтокъ, отрывковъ, статеекъ, пародій и т. д. Они касаются и событій внутри государства и иностранныхъ державъ; между статьями есть и оригинальныя и переводныя. Тогдашнее политическое состояніе Европы представляется то въ видѣ карточной игры, то въ юмористическомъ каталогѣ книгъ. Людовикъ XIV и Людовикъ XV вступили на престолъ несовершеннолѣтними; Петръ разбилъ Шведовъ подъ Полтавою; въ 1713 году заключенъ Утрехтскій миръ, по которому Англія пріобрѣла, между прочимъ, Гибралтаръ и островъ Минорку съ главнымъ городомъ Магономъ — однимъ изъ главнѣйшихъ портовъ на Средиземномъ морѣ; въ 1724 году открытъ конгрессъ въ Камбре и т. д. Всѣ эти обстоятельства послужили поводомъ къ составленію слѣдующей юмористической статьи:

«Книги политическія, которыя продаются въ Гагѣ:

1) Жалостное воздыханіе Франціи, сѣтующей о приближеніи совершеннаго возраста короля своего, и горячее желаніе оной о счастіи и долгоденствіи герцога регента.

2) Книга о справедливыхъ правахъ дука д'Орлеанъ въ продолженіи управительства своего, основанныхъ на основательномъ правилѣ королевства, что короли Французскіе всегда въ малолѣтствіи быть почитаются, сочиненная на имя короля Филиппа.

1) Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства, изданныя Коммиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, Москва. 1861.

3) Честь римской пурпуры, возвышенная христіанскими добродѣтельми, святостію и чистотою нравовъ кардинала Дебуе, сочиненная отъ кардинала Юлія Альберонія и поднесена папѣ Инноценцію XIII. Которая книга въ зѣло изрядномъ переплетѣ, только письма въ ней ни строки нѣтъ.

4) Пѣтухъ общипанный и леопардъ усмиренный — басни ироическія и совѣтъ къ защитителямъ власти политической чрезъ ревнительнаго республикана.

5) Гибралтаръ и портъ Магонъ, на торгъ вынесенные для продажи, кто больше дастъ.

6) Секретныя конференціи полномочныхъ министровъ на камбрейскомъ конгрессѣ о рѣшеніи важнаго дѣла — о преимуществѣ винъ: бургонскаго, рейнвейну, шампанскаго, итальянскаго.

7) О обученіи царя россійскаго — книга Карла XII, короля шведскаго, послѣ его смерти издана и сочинена на имя Англіи и Голландіи, кормилицъ его».

Шансы европейскихъ правительствъ, подъ именемъ игры королей въ карты, представлены такимъ образомъ:

Французъ. Я буду играть, какъ бы выиграть.

Папа. Господи Боже! помогай изъ той игры, ибо моя коза меня обманула.

Король Испанскій. Имѣю добрыя карты, буду играти, ибо мнѣ не коштуетъ, когда есть чужой мѣшокъ.

Гетманъ. Я зѣло боюсь, чтобъ и остатки не проиграть.

Англійская королева. Я буду играть и имѣю наилучшую карту и панфила.

Голландцы. Мы также имѣемъ добрыя карты и помогаемъ.

Датскій король. Молвитъ: я пасъ.

Шведъ. Я играю и выигрываю, а не знаю, гдѣ мой выигрышъ дѣвается.

Августъ. Ежели короля убью, то выиграю, ибо я туза имѣю.

Прусскій. Я себѣ особливо буду играть.

Баварскій. Я уже не хочу играть; когда все проигралъ, больше не имѣю что ставить.

Савойскій. Перестану я отъ своей игры, въ дамы буду играть.

Польша. Чортъ знаетъ, что за карты: не можемъ ихъ вкупу собрать.

Венеція. Моя игра плюгавая и весьма скаредная.

Лещинскій. Надѣюся на короля, да туза боюся.

Москва. Брате Августе! играй смѣло, и я за тебя поставлю, ибо имѣю панцероля.

Турокъ. Не буду я въ ту игру мѣшаться, понеже мнѣ исперва досталось, и т. д.».

Весьма остроумно выставлены: французская хвастливость, итальянское коварство и русская лѣнь въ слѣдующемъ рецептѣ: «цесарскаго мнѣнія, французской истины, итальянскаго простосердечія и чистоты, русскаго прилежнаго трудолюбія, голландскаго правосудія, англійскаго самодержавія, шведскаго правдиваго пароля, марокской бѣлости, индійскаго осмотрѣнія, самоѣдскаго благовонія, татарской храбрости, американскаго домостроительства и одежды: сіе все, размѣшавъ въ брагѣ польской шалости, влить въ ступу новгородской глупости и толочь пестомъ испанской упорности».

Юмористическій элементъ получаетъ серьезное значеніе, когда обнаруживается не въ рутинной шуткѣ, а въ живой сатирѣ, мѣтко направленной на тогдашніе нравы. Это случалось тогда, когда рѣчь обращалась къ современности, къ интересамъ общества и представителямъ его различныхъ слоевъ. Общественный, политическій элементъ составляетъ такую характерную особенность литературы петровской эпохи, что на немъ нельзя не остановиться съ нѣкоторою подробностію.

III.

Политическаго элемента, въ томъ видѣ, какъ является онъ у западныхъ писателей, мы не находимъ въ произведеніяхъ русской литературы до Петра. Книжные люди въ Россіи строго сохраняли то, говоря современнымъ языкомъ, начало невмѣшательства, которое составляетъ отличіе византійской морали отъ западно-европейской. Девизомъ византійскихъ, а за ними и многихъ нашихъ духовныхъ писателей было: «Божіе Богу, а кесарево кесарю». Много было различныхъ толкованій этихъ словъ въ примѣненіи ихъ къ жизни. Поэтическій смыслъ ихъ превосходно выраженъ въ знаменитой картинѣ Тиціана Zinsgroschen, въ дрезденской галлереѣ. Иной смыслъ дала этимъ словамъ проза жизни. Позднѣйшіе византійскіе писатели понимали слова о воздаяніи Богу и кесарю, повидимому, такимъ образомъ, что служеніе Богу должно быть совершенно разобщено съ дѣятельностію гражданина, и служитель алтаря обязанъ оставаться на высотѣ, недоступной волнамъ житейскаго моря. Такое изолированное положеніе, слишкомъ идеальное для большинства, вело къ совершенному безучастію къ общественнымъ вопросамъ. Въ древней словесности нашей есть факты, показывающіе, что духовные писатели не оставались равнодушными къ дѣйствіямъ верховной власти и къ нуждамъ народа. Нѣкоторые изъ нихъ подавали голосъ въ защиту притѣсняемыхъ властію, для облегченія участи рабовъ, и говорили сильнымъ міра объ ихъ обязанностяхъ, а не объ ихъ правахъ, какъ дѣлалось это впослѣдствіи. Отрицать хорошую сторону подобныхъ фактовъ не позволяетъ здравый смыслъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать и того, что подобныя явленія были проблесками отдѣльныхъ, благородныхъ личностей, а не выраженіе цѣлаго общества, готоваго свои убѣжденія настойчиво провести въ жизнь, какъ видимъ это въ западной Европѣ. На западѣ, низшее духовенство, хотѣвшее играть туже роль, что tiers-état въ отношеніи noblesse féodale,

образовало энергическую оппозицію свѣтской власти, и съ самымъ живымъ интересомъ слѣдило за всѣми измѣненіями въ общественной жизни. Демократическое начало нашло сильную опору въ проповѣдникахъ. Участвуя въ народныхъ собраніяхъ, руководя ими, проповѣдники достигли рѣшительнаго вліянія на массы. Каждый городъ имѣлъ своего духовнаго адвоката, которому давались отъ общества деньги и все содержаніе; эти кочующіе ораторы проповѣдывали на площадяхъ, на кладбищахъ, ночью при свѣтѣ факеловъ и всегда окруженные густою толпою. Ихъ восторженныя воззванія къ народу нерѣдко прерываемы были вооруженною силою; болѣе мягкою мѣрою были безчисленныя запрещенія вмѣшиваться въ политику подъ страхомъ земнаго и небеснаго наказанія. Генриха III ораторъ порицаетъ въ такихъ выраженіяхъ: «этотъ паршивецъ—турокъ головою, ибо ходитъ въ чалмѣ; нѣмецъ тѣломъ, полякъ ногами, и истый дьяволъ душой»; въ словахъ: «полякъ ногами» — намекъ на бѣгство Генриха Валуа изъ Польши. Въ 1415 году французскій августинецъ въ проповѣдяхъ своихъ обращался къ королю и королевѣ съ такимъ упрекомъ: «богиня Венера царствуетъ при вашемъ дворѣ. Пиры и попойки превращаютъ у васъ ночь въ день, соединяясь съ сладострастными танцами. Придворныя дамы портятъ нравы, истощаютъ силы многихъ, и удерживаютъ рыцарей отъ военныхъ походовъ, боясь, что они воротятся изувѣчивъ какой-нибудь изъ членовъ.... Высшій аристократизмъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы посѣщать бани, жить развратно, носить богатыя платья съ великолѣпною бахромою, искусно зашнурованныя и съ широкими рукавами» [1]).

У насъ не было подобной оппозиціи въ духовенствѣ, какъ не было ея и въ другихъ слояхъ русскаго общества до первой четверти девятнадцатаго вѣка. Тѣмъ не менѣе въ проповѣдни-

---

1) De la démocratie chez les prédicateurs de la ligue, par *Labitte*. Paris. 1841, une dissertation pour le doctorat, présentée à la faculté des lettres de Paris. — *Barante:* Histoire des ducs de Bourgogne, и др.

кахъ петровской эпохи замѣтно участіе къ судьбѣ общества, къ пути, избранному верховною властію. Политическій или точнѣе общественный элементъ въ проповѣдяхъ вызванъ былъ духомъ времени, нововведеніями Петра и недовольствомъ ими въ обществѣ и народѣ. Правительству надо было имѣть орудіе для примиренія съ народомъ и обществомъ, и выборъ палъ на писателей и проповѣдниковъ.

Ставши лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію, писатели должны были высказать свой взглядъ на реформу и на общественное состояніе Россіи; они должны были коснуться и дѣйствій правительства, и положенія общества, и судьбы народа. Однимъ изъ самыхъ усердныхъ и во многихъ случаяхъ искреннихъ поборниковъ реформы былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ; въ сужденіяхъ его о религіозныхъ предметахъ, о суевѣрныхъ обычаяхъ, противъ которыхъ онъ возставалъ, замѣтна искренность; въ сужденіяхъ же о вещахъ, относящихся къ верховной власти, не видно души, а одно только усердіе. Ѳеофанъ былъ по преимуществу писателемъ реформы: сочувствіе ей даетъ жизнь его произведеніямъ и опредѣляетъ ихъ характеръ. Сочиненія Ѳеофана показываютъ, до какой степени онъ былъ ревностнымъ сподвижникомъ Петра по многимъ отраслямъ его разнообразной дѣятельности. Трудъ Петра и разрушалъ и созидалъ: разрушительная сила дѣйствовала въ нравственной сферѣ, творческая въ физической. Заводя фабрики, мануфактуры, устраивая гавани, Петръ заводилъ все это не вмѣсто ветхаго, отжившаго, а вновь открывалъ то, чего прежде не было въ Россіи: въ подобныхъ предпріятіяхъ ему приходилось бороться болѣе съ природою, нежели съ людьми, т. е. съ ихъ духовною стороною. Но въ нравственномъ отношеніи была сила, которая во многихъ случаяхъ служила препятствіемъ для его цѣлей. Эта сила — религіозная сфера въ обширномъ смыслѣ слова, заключающая въ себѣ и вѣрованія, и убѣжденія, и преданія, и повѣрья, и обычаи народа. Всякая реформа въ этой сферѣ слишкомъ близка была народу и легко могла дѣйствовать на настроеніе массъ. Чѣмъ

болѣе силы было въ вѣковомъ наслѣдіи отъ предковъ, тѣмъ энергичнѣе долженъ былъ возстать противъ него реформаторъ. Въ этой борьбѣ самымъ надежнымъ и необходимымъ союзникомъ Петра могъ быть именно Ѳеофанъ. Взглядъ ихъ на религію во многомъ совершенно сходится, при тѣхъ неизбѣжныхъ оттѣнкахъ, которые получаютъ понятія въ умѣ необыкновенно умнаго человѣка, обладающаго блестящимъ образованіемъ и воспитаннаго на схоластическихъ тонкостяхъ, и въ умѣ геніальнаго человѣка, воспитаннаго моремъ, голландскою мастерскою, войнами и стрѣлецкими бунтами. Нельзя не согласиться, что «взглядъ Петра на религію былъ одностороненъ: онъ понималъ ее только въ ея необходимости для государства, въ той очевидной пользѣ, которой онъ ожидалъ отъ нея, а не въ ея самобытности, какъ полный, живой организмъ» [1]). Проблескъ религіознаго чувства является у Петра въ минуту побѣды надъ страшнымъ врагомъ. Божество представлялось воображенію его раздавателемъ побѣдъ, и въ этомъ образѣ говорило его душѣ. Отзываясь о религіи вообще довольно хладнокровно, Петръ одушевлялся при словѣ о побѣдѣ, и его благодарность Божеству звучитъ искренно, совершенно иначе, нежели въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ. Петръ шутя увѣдомлялъ о свадьбѣ сына: «объявляю вамъ, что сегодня свадьба сына моего совершилась; при семъ прошу объявить всешутѣйшему князь-папѣ и прочимъ, чтобъ пожаловалъ благословеніе молодымъ»; но о побѣдахъ извѣщалъ въ такомъ тонѣ: «радуйтесь и паки реку радуйтесь, радость наша исполнилась: вчерашняго дня азовцы сдалися, измѣнника Якушку отдали живымъ въ руки наши» и т. п. Преслѣдуя темную сторону народныхъ вѣрованій, Петръ особенно вооружался противъ ханжества, вѣры въ ложныя чудеса и излишней наклонности къ монашеству. Нерасположеніе свое къ византійскому вліянію, господствовавшему въ древней Россіи, Петръ выражалъ при

1) Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники, соч. *Самарина*. Москва. 1844 г., стр. 121.

многихъ случаяхъ: «надѣясь на миръ — говоритъ онъ — не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіею греческою; надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очи кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ» [1]). Но византійскіе императоры, по мнѣнію Петра, не заботились о нуждахъ народа и общемъ благѣ, а «покинувъ свое званіе, ханжить начали». Въ бумагахъ Петра сохранились писанныя имъ самимъ заповѣди съ толкованіемъ ихъ, показывающимъ образъ мыслей писавшаго:

«Азъ есмь Богъ твой; не сотвори себѣ кумира, и пр. Какіе грѣхи противны тому? Идолопоклонники и атеисты.

Не пріимеши имени Бога твоего всуе: кто страха Божія не имѣетъ, и все почитаетъ легко, другіе отъ незнанія ученія.

Не послушествуй на друга своего свидѣтельства ложна: — бездушники.

Не пожелай дому ближняго твоего: ябедники» и т. п.

«Удивительно, отчего нѣтъ лицемѣрія или ханжества въ числѣ грѣховъ. Сей грѣхъ всѣ вышеописанные въ себѣ содержитъ. Противъ первой грѣхъ есть атеиство, который въ ханжахъ есть фундаментомъ, ибо первое ихъ дѣло сказывать видѣнія, повелѣнія отъ Бога и чудеса все вымышленныя, которыхъ не бывало. И когда сами оное вымыслили, то вѣдаютъ уже, что не Богъ то дѣлалъ, но они; какая жъ вѣра во оныхъ, а когда оной нѣтъ, то суть истинные атеисты. Противъ заповѣди: чти отца и пр., можетъ быть, что натуральныхъ отцовъ нѣкоторые и почитаютъ (но сіе на удачу), но пастырей, иже суть вторые, по натуральныхъ, отцы, отъ Бога опредѣлены, како почитаютъ, когда первое ихъ мастерство въ томъ, чтобъ по послѣдней мѣрѣ ихъ обмануть. А вяще тщатся бѣдство имъ приключить — подчиненныхъ пастырей оболганіемъ у вышнихъ, а вышнихъ —

---

1) Дневникъ Берхгольца. Москва. 1859 г., Часть I, стр. 195. — У *Голикова*, Дѣянія Петра В., т. VIII, стр. 10.

всѣяніемъ въ народъ хульныхъ про оныхъ словъ, подвизая ихъ къ бунту, какъ многихъ головы на кольяхъ свидѣтельствуютъ. Противъ заповѣди: не прелюбодѣйствуй, — какъ бы могъ мужъ незнаемаго человѣка къ женѣ допустить, а особливо бодраго и хорошаго, а ханжу еще и подъ руку принявъ отведетъ для благословенія и пророчества, и, провожая назадъ, руки выцалуетъ и накланяется, считая за великую себѣ добродѣтель, что такого адскаго сына во свояки себѣ принялъ. Не укради: — не токмо одною рукою, но и обѣими и духомъ все крадутъ. Не пожелай чего ни есть ближняго твоего: — сіе все безъ разбора, понеже, чѣмъ бы имъ питаться какъ слѣдуетъ, скажутъ, что явилась икона гдѣ въ лѣсу или на иномъ мѣстѣ, и явленіе было, чтобъ на томъ мѣстѣ монастырь сдѣлать или пустыню. А монастырю безъ деревень быть нельзя. Какъ недавно такое дѣло было въ Преображенскомъ, что два крестьянина пришли и сказали такое явленье, чтобъ построить монастырь и господина ихъ деревню тутъ отдать. Коли бъ разбойникъ сталъ ханжить, кто бъ его въ артель принялъ! Когда бъ изъ шумницъ кто пришелъ на кабакъ святымъ образомъ, и не сталъ бы пить и шалить съ ними, всѣ бъ отъ него побѣжали. Когда бъ охотникъ молодой до Венуса пришолъ бы въ компанію дѣвицъ въ ханженскомъ образѣ, ни одной бы дружбы не сыскалъ. И тако, не всякій грѣхъ можетъ ханжество употреблять, а ханжа — все».

Разглашать ложное чудо считалось величайшимъ преступленіемъ, и за выдумку чудесъ грозило такое же наказанье, какъ и за составленіе заговора: до такой степени подобныя выдумки были враждебны духу реформы. «Корень всему злу — сказано въ оффиціальномъ актѣ — праздность: оттого отъ праздныхъ монаховъ столько расколовъ и возмутителей произошло». Противъ монаховъ направлено нѣсколько сочиненій тогдашняго времени и предписаній правительства. Въ указахъ и объявленіяхъ отъ сѵнода, исправленныхъ въ подлинникѣ рукою Петра и Ѳеофана, объяснено происхожденіе монашества и его постепенное нравственное паденіе. Въ началѣ христіанства монахи были въ

настоящемъ смыслѣ слова монахами, то есть жили уединенно, особнякомъ. Монастыри образовались тогда, когда возникли ереси: чтобы успѣшнѣе вести борьбу съ ересями, монахи рѣшились дѣйствовать совокупными силами, и, покинувъ уединенье, жить въ общинѣ. Тогда они не только не жили на счетъ другихъ, но трудами своими содержали и себя и неимущихъ. Когда же императоры стали ханжить, монастыри изъ пустынь перемѣстились въ города, начали требовать денежныхъ пособій, и содѣйствовали гибели страны. На одномъ каналѣ отъ Чернаго моря до Константинополя, на разстояніи не болѣе тридцати верстъ, было около трехсотъ монастырей, а между тѣмъ, когда непріятели осадили городъ, то не нашлось и шести тысячъ воиновъ.

Въ такомъ же духѣ и сочиненія Ѳеофана: онъ возстаетъ противъ боготворенія иконъ, чрезмѣрныхъ постовъ, ханжества, монашества и т. п. Самый тонъ полемики, полусерьезный и полушутливый, напоминаетъ рѣчь Петра. Въ наставленьѣ о «вещахъ и дѣлахъ, о которыхъ духовный учитель долженъ проповѣдывать народу», Ѳеофанъ исчисляетъ предметы, противъ которыхъ слѣдуетъ вооружаться, а именно: «боготворить иконы; св. угодниковъ выше Бога почитать; различіе дѣлать дней; туды же надлежатъ призыванія бѣсовъ, бабьи шептанія, заговорнымъ письмамъ вѣроятія; произносить чудеса ложная, видѣнія, явленія, сны вымышляти». Снамъ придавали въ то время значенье, какъ можно видѣть изъ того, что сны Петра и Екатерины І-й записывались весьма подробно. Ораторъ обязанъ былъ порицать ненависть къ иностранцамъ, основанную на одномъ томъ, что они иностранцы; въ праздники не дѣлать увѣщаній къ народу, призывая его жертвовать на мѣсто, гдѣ праздникъ; въ случаѣ же прямой нужды, «по окончаніи проповѣди, особливымъ, умѣреннымъ голосомъ предложить о нуждѣ».

Возражая усердному защитнику монашества, доказывавшему трудолюбіе монаховъ тѣмъ, что иные муку сѣютъ или хлѣбъ пекутъ, другіе варятъ, и пр., Ѳеофанъ говоритъ: удивляюсь, что не придалъ, что и ножомъ рѣжутъ и ложками ѣдятъ и ковши-

ками испиваютъ. Вотчины даны монастырямъ будто бы для того, чтобы монахи помогали нуждающимся: да такъ ли полно дѣлается? Такъ можно говорить не русскимъ людямъ, а развѣ индійцамъ и американцамъ, которые отъ монастырей нашихъ весьма далеки. Противника своего Ѳеофанъ называлъ «головка весьма неученая, тупая, пустая да еще шаленая».

Тѣмъ не менѣе Ѳеофану пришлось имѣть дѣло съ противниками довольно опасными. По ихъ показаніямъ Ѳеофана допрашивали и въ сѵнодѣ и въ верховномъ тайномъ совѣтѣ; обвиненія напоминаютъ многіе изъ разсказовъ о Петрѣ, собранныхъ Голиковымъ, какъ напримѣръ объ узнанной Петромъ поддѣлкѣ мироточивыхъ иконъ, и т. п. Показанія враговъ Ѳеофана открываютъ его настоящій образъ мыслей, заслоняемый схоластическими тонкостями въ его сочиненіяхъ, хотя и въ нихъ онъ не можетъ остаться незамѣченнымъ для внимательнаго читателя. Справедливость показаній подтверждается тѣмъ, что самъ Ѳеофанъ не отрицаетъ приводимыхъ въ нихъ словъ и мнѣній, но старается дать имъ другой смыслъ. Для этого прибѣгаетъ онъ къ различнымъ уверткамъ, отъ черезчуръ мудреныхъ до слишкомъ забавныхъ, которыя однакоже не защищаютъ его, а еще болѣе убѣждаютъ въ истинѣ обвиненій.

Высказываясь прогрессистомъ въ вопросахъ объ умственномъ образованіи народа, Ѳеофанъ является вовсе не передовымъ человѣкомъ въ вопросахъ политическихъ, въ отношеніи къ требованіямъ власти. По этому, существенному свойству своей дѣятельности, онъ можетъ быть названъ представителемъ начала петербургскаго періода, когда заводилась академія наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалось самоуправство на всѣхъ степеняхъ служебной іерархіи. Ѳеофанъ старался оправдать себя тѣмъ, что представлялъ противника своего человѣкомъ опаснымъ для правительства, бунтовщикомъ, и предлагалъ судить его не за то, что имъ сдѣлано, а за то, что, по всей вѣроятности, онъ желалъ бы, чтобы другіе сдѣлали, — на томъ основаніи, что въ монархическомъ правленіи надо считать бунтовщикомъ и

того, кто не слушаетъ указа, и того, кто дурно говоритъ о царѣ, хотя бы онъ и не произвелъ бунта: уже то одно, что онъ самъ дурно думаетъ и говоритъ о правительствѣ, показываетъ, что онъ желаетъ, чтобы и другіе поступали подобно ему. И все это Ѳеофанъ пишетъ по поводу указа, сочиненнаго, какъ хорошо знали современники, имъ самимъ и только подписаннаго Петромъ. Угождая Петру, Ѳеофанъ составилъ обширное доказательство «правды воли монаршей» въ назначеніи преемника. Это произведеніе въ своемъ родѣ образцовое. Пристрастный адвокатъ защищаетъ дѣло удаленія царевича Алексѣя Петровича отъ престола со всѣми хитростями схоластики и угодничества властямъ. Всякій отецъ — говоритъ онъ — имѣетъ право дать сыну наслѣдство или отнять его, смотря потому, хорошія или дурныя свойства будетъ обнаруживать сынъ. Тѣмъ болѣе имѣетъ право царь. Царь долженъ заботиться о благѣ подданныхъ, слѣдовательно и о томъ, чтобы преемникъ его былъ дѣйствительно полезенъ для народа. При этомъ отнюдь нельзя обращать вниманія на первородство: оно только тогда можетъ имѣть мѣсто, когда всѣ дѣти царя одинаковаго достоинства; если же старшій плоховатъ или золъ, то отецъ долженъ передать власть другому; если же такое несчастіе, что между дѣтьми нѣтъ ни одного способнаго, то долженъ назначить преемникомъ кого-либо другаго изъ лицъ, вполнѣ достойныхъ престола. Распоряженіе царя должно быть свято исполняемо, потому что въ немъ выражается воля народа. Такимъ образомъ въ началѣ избирательной монархіи волю народную можно изобразить такъ: мы всѣ желаемъ, чтобъ ты владѣлъ нами къ общей нашей пользѣ, и мы совлекаемся воли своей, пока ты живъ, и повинуемся тебѣ; по смерти же твоей, опять при насъ будетъ. При учрежденіи же наслѣдственной монархіи, народъ однажды на всегда отрекся отъ своей воли и передалъ ее монарху и его наслѣдникамъ. Когда же это было? Впрочемъ, разумѣется было, если безпрестанно повторяется клятва безпрекословно повиноваться царю и его наслѣдникамъ. Признавая эту схоластическую изворотливость дѣйствительнымъ фактомъ, адво-

катъ выводитъ заключеніе, что въ наслѣдственной монархіи народъ не долженъ судить дѣла государя, ибо это значило бы, что народъ снова пользуется своею волею, отъ которой вполнѣ отрекся. Отрицаніе воли въ народѣ и полное предоставленіе ея властителю было принципомъ государственной дѣятельности Петра. Самовластіе его не было одною рутиною, наслѣдіемъ самодержавныхъ предковъ: оно вытекало изъ убѣжденія Петра и невѣрнаго взгляда его на свойства и потребности русскаго народа. Современники реформы и представители ближайшихъ къ ней поколѣній пытались объяснить самовластіе Петра сознаніемъ необходимости крутыхъ мѣръ, а не личною наклонностію и семейными преданіями автократа. Петръ самъ такъ оправдывалъ свое самовластіе: «говорятъ, что я повелѣваю рабами, какъ невольниками; надлежитъ знать народъ, какъ онымъ управлять; англійская вольность здѣсь не у мѣста, какъ къ стѣнѣ горохъ; не сугублю рабства, когда желаю добра, и дубовыя сердца хочу видѣть мягкими»[1]). Въ приливѣ усердія и искусственнаго мистицизма, Ѳеофанъ видитъ особенное попеченіе промысла о Россіи въ томъ, что противники ея государей были большею частію дураки: «есть чѣмъ поздравить государей нашихъ: которые доселѣ ни являлись высочайшей ихъ власти и чести ругатели, вси были до дна глупы: во истину тако дѣлается не безъ особливаго Божія смотрѣнія». Льстя оффиціально, Ѳеофанъ подсмѣи-

---

1) Одинъ изъ писателей екатерининской эпохи всю отвѣтственность за деспотическія мѣры взваливаетъ на современное общество, давая слишкомъ мало значенія личному характеру Петра. По мнѣнію Щербатова, общество враждебно относилось къ дѣйствіямъ Петра частію по невѣжеству, частію по недобросовѣстности: враги реформы находили свои выгоды въ общей неурядицѣ, господствовавшей въ управленіи; но Петръ обнаруживалъ желаніе подвергать свои намѣренія суду другихъ: онъ совѣщался съ сенатомъ, побуждалъ говорить истинную правду, выслушивая самыя рѣзкія возраженія. Щербатовъ говоритъ: «нужда заставляла Петра быть деспотомъ; но въ сердцѣ онъ имѣлъ расположеніе и, можно сказать, вліянное познаніе взаимственныхъ обязательствъ государя съ подданными». *Щербатова:* Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго. Библіографическія Записки. 1859 г. Т. II, стр. 353—371.

вался изподтишка надъ распоряженіями Екатерины, надъ ея любовью къ смотрамъ и разводамъ, говоря, что муштровать солдатъ — дѣло генераловъ, а не женщинъ.

Но какъ бы ни были неискренни многія мнѣнія Ѳеофана, никто изъ передовыхъ людей тогдашней Россіи не понималъ лучше его государственной дѣятельности Петра. Смотря на Россію исключительно какъ на государство, Ѳеофанъ говорилъ, что Петръ взялъ Россію деревянною, а оставилъ золотою. Чѣмъ болѣе казалось ему золотомъ все, что блестѣло въ преобразованной Россіи, тѣмъ сильнѣе возставалъ онъ противъ того, что носило слѣды деревянной Россіи. Понимая важность нововведеній и преобразованій, Ѳеофанъ доказывалъ ихъ прямую пользу и вопіющую необходимость. Вводитъ ли Петръ новое лѣтосчисленіе, отправляется ли путешествовать или заводитъ флотъ, Ѳеофанъ излагаетъ на все это разумныя причины. Счетъ годовъ отъ Рождества Христова, вмѣсто прежняго отъ сотворенія міра, и начало новаго года съ января, а не съ сентября — какъ въ церковныхъ службахъ, возбудили большой ропотъ въ людяхъ, видѣвшихъ въ этой перемѣнѣ «великую ересь и погубленіе лѣтъ Божіихъ». Ѳеофанъ старается успокоить волненіе, показывая, что въ первые вѣка христіанства года не считались ни отъ сотворенія міра, ни отъ Рождества Христова, а обозначались именами римскихъ консуловъ; отъ Рождества Христова начали считать года въ римской церкви съ шестаго вѣка, а въ греческой многими вѣками позднѣе; счетъ отъ сотворенія міра встрѣчается въ одиннадцатомъ вѣкѣ; христіанамъ всего приличнѣе вести счетъ лѣтъ отъ пришествія Христа, и т. д. Путешествія Петра заграницею были предметомъ различныхъ неблагопріятныхъ толковъ. Признавая, подобно самому Петру, безусловную пользу его путешествій для образованія ума, для изученія промышленности, военнаго и морскаго дѣла и международныхъ отношеній, Ѳеофанъ, также подобно Петру, невѣрно указываетъ страну для образца Россіи въ административномъ устройствѣ. Петръ считалъ полезнымъ ввести къ намъ нѣмецкую бюрократію, надѣлав-

шую столько бѣдъ впослѣдствіи. Ѳеофанъ называетъ Германію матерью всѣхъ странъ, утверждая, что въ Германіи путешественникъ познаетъ «чинное общенароднаго правительства устроеніе, обычаевъ доброту, разума и бесѣды сладость, храбрость, науку и остроуміе». Учрежденіе флота принято было весьма многими какъ совершенно безполезная новизна. Ѳеофанъ былъ изъ числа весьма немногихъ, вполнѣ согласныхъ съ Петромъ въ убѣжденіи о необходимости флота, и чрезвычайно послѣдовательно и основательно доказывалъ свою и Петрову мысль о необходимости флота для Россіи свидѣтельствомъ исторіи европейскихъ народовъ и географическимъ положеніемъ Россіи, какъ приморской державы. Въ словѣ Ѳеофана о флотѣ есть мѣста, невольно напоминающія нѣкоторые эпизоды изъ послѣдней нашей войны. Если бы, говоритъ онъ, ѣхали къ намъ моремъ и добрые гости, не предувѣдомивъ о себѣ, то нельзя бы приготовить для нихъ пріема: какимъ же образомъ устроить оборону для непріятеля, нечаянно нападающаго? одна конфузія, одинъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А если бы и извѣстилъ кто о походѣ, то какъ знать, на который берегъ непріятель высадится, на который городъ нападетъ? Если непріятель и не удовлетворитъ вполнѣ своему желанію, то все-таки, настращавъ и поругавшись, отступитъ безъ урона, не оставляя своего намѣренія, но откладывая его на другое время. «Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, говоритъ Ѳеофанъ, которая надъ рѣкою или озеромъ положена, и не имѣла бы лодокъ, а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей, не имѣти бы кораблей, хотя бы ни единой къ тому не было нужды, однако же было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ, какъ гости къ намъ приходятъ и отходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому, и наше море — не наше. Да смотримъ, какъ то и поморіе наше: развѣ было бы наше по милости заморскихъ сосѣдъ, до ихъ соизволенія. Что бо, когда благословилъ Богъ Россіи сія своя поморскія страны воз-

вратити себѣ, и другія вновь завладѣти, что было бы, аще бы не было готоваго флота? какъ бы мѣста сія удержати? какъ жити, и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися? Если бы къ намъ добріи гости, не предвозвѣстя о себѣ, моремъ ѣхали, узрѣвше ихъ, не мощно бы уготовити трактаментъ для нихъ: какъ же на такъ нечаянно и скоро нападающаго непріятеля можно устроити подобающую оборону? едина конфузія, единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ. А хотя бы кто и предвозвѣстилъ о походѣ его, то какъ же еще знать, на который онъ берегъ выдетъ, на который городъ нападетъ? Какъ многіи поморскіи городы, не весьма флота неимѣвшіи, но неимѣвшіи флота довольнаго, погибли разоренни не отъ сильнаго супостата, но отъ пиратовъ, то есть морскихъ разбойниковъ, — полни суть исторіи. А если же иногда морскій непріятель и не получитъ своего желанія, однакожъ настращавъ и поругався, отступаетъ безъ урону своего, не отлагая злобы, но храня яко неотмщенную на иное время. Приходящаго его не начаешься, отходящаго нельзя догоняти. Кратко рещи, поморію, флотомъ невооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку дратися съ свободнымъ или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходитися съ крокодилами» [1]).

Современные Ѳеофану писатели, бывшіе приверженцами реформы, не разбирали, подобно ему, дѣйствій Петра, а превозносили ихъ до небесъ, не заботясь о справедливости своихъ высокопарныхъ прославленій. Гавріилъ Бужинскій, восхищаясь всѣмъ, что было въ духѣ правительства, и рѣзко осуждая всякое разногласіе съ нимъ, простеръ свое усердіе до того, что называлъ Петербургъ самымъ выгоднымъ, красивымъ по мѣстоположенію и пріятнѣйшимъ мѣстомъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, подобно тому, какъ Тредьяковскій восхищался даже петербургскимъ климатомъ:

---

1) Слова и рѣчи *Ѳеофана Прокоповича*. 1761 г. Часть II. Слово о флотѣ Россійскомъ, стр. 45—61.

Но вамъ узрѣть, потомки въ градѣ семъ
Изъ всѣхъ тѣхъ странъ слетающихся густо,
Смотрящихъ все, дивящихся о всемъ,
Гласящихъ: се рай сталъ, гдѣ было пусто....
Не мало зрю въ округѣ я добротъ,
Рѣки твоей струи легки и чисты,
Студенъ воздухъ, но здравъ его есть родъ,
Осушены почти ужъ блата мшисты.

Панегиристы Петра называли его русскимъ Давыдомъ, разбившимъ Левенгаупта, россійскимъ Фивомъ, т. е. Фебомъ, обошедшимъ европейское полукружіе, Соломономъ, получившимъ всю царственную мудрость, вторымъ Іисусомъ Навиномъ, и отдавали Петру преимущество передъ Александромъ Македонскимъ.

Несравненно интереснѣе пустозвонной лести хвалителей голосъ противниковъ Петра, нескрывавшихъ своего образа мыслей. Писатели, неодобрявшіе цѣлей Петра и средствъ, избираемыхъ имъ, должны были или умолкнуть или ограничиться болѣе или менѣе смѣлыми, болѣе или менѣе ясными намеками. Жестокость царя, сопровождавшаго пиры казнями, за каждымъ стаканомъ вина отсѣкавшаго головы стрѣльцамъ, не могла не вызвать противодѣйствія въ проповѣдникахъ любви къ ближнему и кротости. Димитрій Ростовскій, въ словѣ на обрѣзаніе, говоритъ: да напишется имя Іисусъ въ сердечной книгѣ Петра золотомъ: золото обыкновенно считается символомъ милосердія, человѣколюбія. При Веспасіанѣ произошелъ въ сенатѣ споръ: какой богъ лучше? Иные говорили: богатый, другіе — мудрый, третьи — сильный. На это возразили, что въ первомъ случаѣ останутся безъ бога бѣдные, во второмъ — простые и необразованные, въ третьемъ — слабые. Споръ былъ прекращенъ человѣкомъ, носившимъ на груди такое изображеніе истиннаго Бога: въ правой рукѣ слово «обѣщаю», въ лѣвой «ожидаю», въ открытомъ боку: «прощаю», т. е. Богъ обѣщаетъ награду добрымъ,

ожидаетъ покаянія злыхъ, и прощаетъ кающихся грѣшниковъ. Всѣ единогласно рѣшили, что лучшій и истинный богъ есть богъ человѣколюбія и милосердія, т. е. именно тѣхъ свойствъ, которыхъ не доставало Петру. Въ этой аллегоріи заключался урокъ жестокому царю; Петръ любилъ аллегорію, и она была лучшимъ способомъ сказать горькую правду. Въ высшей степени замѣчательно слово Стефана Яворскаго во вторую недѣлю поста противъ фискаловъ. Это былъ своего рода протестъ противъ учрежденія тайной полиціи. Производство дѣлъ предоставлено было приказамъ, а фискалы обязаны были наблюдать за ходомъ дѣлъ и за поведеніемъ, образомъ жизни и поступками гражданъ вообще, доносить обо всемъ, что считали вреднымъ для государства, и на доносы ихъ не было апелляціи. Въ такомъ смыслѣ понялъ должность фискаловъ Стефанъ Яворскій, а слѣдовательно и всѣ мыслящіе его современники, и учредителя ихъ открыто обличалъ въ нарушеніи священныхъ правъ закона. «Законъ Господень — говоритъ онъ — непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны. Какой ми то законъ, напримѣръ, поставити назирателя надъ судами, и дати ему волю — кого хочетъ обличити, да обличитъ, кого хочетъ обезчестити, да обезчеститъ. Поклепъ сложити на ближняго судію — вольно то ему. А хотя того не доведетъ, о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то ему за вину не ставить, о томъ ему и слова не говорить, вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти. Искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня вложилъ, а не довелъ: пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ; пусть самъ ввязнетъ въ оную; ровъ мнѣ ископалъ: пусть самъ впадетъ въ онь... А то никакого слова ему не говорити запинаетъ за безчестіе. А какой же законъ онъ — порочен или непороченъ? разсуждайте вы... Море свирѣпое — человѣкъ, преступающій законъ; берегъ есть — любити Бога и ближняго, берегъ — не творить обиды, берегъ — хранить посты, почитать иконы.... Ты же, свирѣпое море — человѣче своевольный, береги тыя преступаеши, ломиши, сокрушаеши... Но будетъ время, будетъ, грядетъ часъ на тебе,

своевольное море, егда волны твоя о песокъ гробный смертный розбіются: въ то время отихнутъ всѣ твои шумы, исчезнутъ всѣ твои взыгранія, и которыя нынѣ волны твоя восходятъ до небесъ, въ то время до безднъ преисподнихъ снидутъ». Сенаторы, слышавшіе проповѣдь, обвинили Стефана въ зломъ умыслѣ, въ посягательствѣ на царскую честь и въ возбужденіи народа къ бунту. Петръ также счелъ себя оскорбленнымъ, судя по тому, что прекратилъ переписку съ Яворскимъ, запуганнымъ сенаторами до того, что собирался постричься въ схиму и какъ милости просилъ хоть одной буквы, написанной рукою Петра, называя себя его рабомъ и подноніемъ, смиреннымъ пастушкомъ рязанскимъ.

Для писателей, враждебныхъ Петру, былъ еще исходъ — похвалы отвергнутому отцемъ царевичу Алексѣю Петровичу. А царевичъ находилъ себѣ многихъ искреннихъ защитниковъ. Въ объявленіи отъ синода сказано, что когда царевичъ открылъ духовнику своему на исповѣди, что желаетъ смерти своему отцу, духовникъ простилъ его именемъ Божіимъ, и сказалъ, что и самъ желаетъ смерти Петру. Стефанъ Яворскій слово свое противъ фискаловъ заключаетъ такимъ обращеніемъ къ св. Алексѣю, патрону царевича: «О угодниче Божій! не забуди и тезоименника твоего (т. е. царевича Алексѣя Петровича), особиннаго заповѣдей Божіихъ хранителя и твоего преисправнаго послѣдователя. Ты оставилъ домъ свой: онъ такожде по чужимъ домамъ скитается. Ты удалился отъ родителей: онъ такожде. Ты лишенъ отъ рабовъ, слугъ и подданныхъ, друговъ, сродниковъ, знаемыхъ: онъ такожде. Ты человѣкъ Божій: онъ такожде истинный рабъ Христовъ. Молимъ убо, святче Божій, покрый своего тезоименника, нашу едину надежду. Дай намъ видѣти его воскорѣ всякимъ благополучіемъ изобилующа, и его же нынѣ тѣшимся воспоминовеніемъ, дай возрадоватися счастливымъ и превождѣленнымъ присутствіемъ». Въ сочувственномъ отзывѣ о царевичѣ и названіи его единственною надеждою видно нерасположеніе къ Петру, подобно тому, въ словахъ: «свирѣпое море — своеволь-

ный человѣкъ, выступаетъ изъ береговъ, ломитъ, сокрушаетъ» нельзя не узнать нагляднаго изображенія дѣйствій Петра: насильственная реформа именно въ такомъ образѣ представлялась ея противникамъ.

Смѣлѣе, нежели о самомъ Петрѣ, писатели могли говорить объ окружающихъ его и о другихъ общественныхъ дѣятеляхъ. Придворные, сенаторы, военные изображаются въ тогдашнихъ проповѣдяхъ юмористическими чертами. Извѣстны слова Ѳеофана Прокоповича: «когда слухъ пройдетъ, что государь кому особливую свою являетъ любовь, вси къ тому на дворъ, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, и умирати за него будто бы готовы; и тотъ службы его исчисляетъ, которыхъ не бывало; тотъ красоту тѣла описуетъ, хотя прямая харя; тотъ выводитъ рода древность изъ за тысящи лѣтъ, хотя бы былъ харчевникъ или пирожникъ.... Найдетъ какъ бы похвалити и кашель господскій.... Услышитъ о болѣзни господину, тотчасъ свои ломы и шумы повѣствуетъ, каковъ во исторіяхъ хитрецъ Клеонъ, который, увѣдавъ, что Дарій ногу себѣ повредилъ, тотчасъ хромати началъ съ великимъ стенаніемъ». Въ словѣ на обрѣзаніе Димитрій Ростовскій обличаетъ лихоимство сенаторовъ и буйство военныхъ, придавая укорамъ своимъ видъ аллегоріи и шутки. Совѣты и рѣшенія сенаторовъ — говоритъ онъ — должны быть чисты, какъ серебро и притомъ седьмерицею очищенное, т. е. сенаторы не должны мнѣній своихъ говорить на вѣтеръ, а по долгомъ и внимательномъ обсужденіи дѣла. Но только что я это сказалъ, какъ вдругъ представился мнѣ образъ пророка, плачущаго о томъ, что измѣнилось доброе серебро. Отчего же измѣнилось оно? Не примѣшалось ли мѣди? Нѣтъ ни мѣди, а золота и серебра, которое даютъ просители судьямъ, и приговоръ судей портится отъ примѣси взятокъ: погубивъ прежнюю чистоту, они творятъ судъ не по правдѣ. Не думаю, прибавляетъ авторъ, чтобы такое серебро, т. е. взятки, водилось въ нашемъ сенатѣ и магистратѣ, и этимъ прибавленіемъ объяснилъ смыслъ аллегоріи даже и тѣмъ изъ недогадливыхъ слушателей, которые не

замѣтили прямаго отношенія ея къ правамъ петербургской бюрократіи. Поведеніе военныхъ ораторъ представляетъ такимъ образомъ: Моисей, въ приливѣ негодованія на своихъ соотечественниковъ, разбилъ скрижали, на которыхъ были заповѣди; скрижали разбились пополамъ, и на одной половинѣ остались одни отрицанія: не, а на другой: убій, укради, прелюбодѣйствуй и т. д. Этой-то послѣдней скрижали до сихъ поръ придерживаются люди военные: убиваютъ, похищаютъ, прелюбодѣйствуютъ и обижаютъ ближнихъ.

Обличая сильныхъ міра и осмѣивая общественные пороки и слабости, писатели не забывали и народа. Они высказывали участіе къ его суровой долѣ и гнету, налагаемому на него другими сословіями. Четыре сословія Стефанъ Яворскій изображаетъ аллегорически въ видѣ четырехъ одушевленныхъ колесъ таинственной колесницы въ видѣніи пророка: первое колесо — бояре, вельможи и совѣтники царскіе; второе — военные, генералы, кавалеры, капитаны и прочіе офицеры; третье—духовные; четвертое — люди простые, граждане, ремесленники и крестьяне земледѣльцы; четвертое колесо скрыпливое, всегда скрыпитъ и ропщетъ, что дань даетъ: правда и то, что бремя иногда такое кладутъ на колесо, что бѣдное не только скрипитъ, но и ломится. Димитрій Ростовскій отдаетъ преимущество передъ другими классами общества сословію рабочему, въ потѣ лица добывающему хлѣбъ. Проповѣдникъ представляетъ царство небесное ищущимъ себѣ пріюта. Входитъ оно въ палаты князей и бояръ, видитъ тамъ богатство неправедное, собранное отъ грабежа, обидъ и слезъ людскихъ: не полюбилось ему, и оно отошло прочь. Пошло въ ряды, гдѣ товары торговыхъ людей, и думаетъ: здѣсь всякій живетъ отъ своего труда; но смотритъ, какъ дѣлается купля и продажа, и замѣчаетъ великій обманъ: другъ другу лжетъ, худое продаетъ вмѣсто хорошаго и беретъ барыши. Оттуда пошло въ приказы, въ ратуши, но видя, что судьи берутъ взятки, удаляется. Входитъ въ храмъ Божій: иные дремлютъ, другіе говорятъ о постороннемъ, клирики читаютъ и

поютъ безъ вниманія, сквернословятъ, а иногда дерутся. Идетъ въ село и видитъ тамъ страшныя бѣдствія мучимыхъ голодомъ и правежомъ, такъ что едва душа въ тѣлѣ держится: здѣсь останусь я, сказало оно. Въ селѣ, среди вѣчныхъ тружениковъ, царство истины нашло себѣ достойный пріютъ, котораго искало такъ долго и такъ напрасно.

Подобными намеками ограничивается участіе къ народнымъ нуждамъ, заявленное корифеями тогдашней литературы. Время полнаго введенія общественныхъ и народныхъ интересовъ въ литературную сферу еще не наступило. Нужно было обществу пережить многое, дѣятелямъ его нужна была тяжелая школа, чтобы убѣдиться въ правахъ тружениковъ, весь вѣкъ трудившихся для того, чтобы другимъ веселѣе было жить на бѣломъ свѣтѣ. Правда, голосъ противъ крѣпостнаго гнета раздавался въ весьма раннюю эпоху общественной жизни Россіи; уже императрицѣ Елисаветѣ представляли проэкты освобожденія крестьянъ, но окружавшіе ее не давали ходу подобнымъ вещамъ. Въ литературѣ собственно взглядъ на народъ съ этой точки зрѣнія высказался гораздо позже. Долгое время словесность наша была литературою государства россійскаго, а не литературою русскаго народа.

Независимо отъ примиренія общества съ мѣрами неутомимой реформы, литература петровскаго періода занята была отчасти внѣшностями, введеніемъ новыхъ формъ, подобно тому какъ занимались этимъ и общество и администрація. Ѳеофанъ называетъ стихотворство болѣзнію своего вѣка. Новизною тогдашней литературы, сверхъ риѳмованныхъ стиховъ, была драматическая форма. Появилось много драмъ духовнаго содержанія, встрѣчаются и драмы свѣтскія, переводныя, преимущественно комедіи Мольера, преданія о которомъ еще такъ живы были тогда на французской сценѣ. Впрочемъ старинные переводы

комедій и интермедій относятся уже ко временамъ Анны Іоанновны; болѣе древніе извѣстны только по упоминаніямъ о нихъ, доказывающимъ ихъ существованіе. Тѣмъ интереснѣе переводъ, находящійся между бумагами Петра Великаго, едва ли не самый древній изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ переводовъ Мольера на русскій языкъ. Комедія Les précieuses ridicules переведена подъ именемъ «Драгія смѣяныя»; видно, что переводчикъ больше заботился о передачѣ словъ, нежели мысли, иного не понималъ самъ, другое перевелъ такъ, что нельзя понять безъ французскаго подлинника. Вотъ нѣсколько отрывковъ:

Marotte. Que désirez vous, monsieur?	Маротъ. Что вопрошаешь, господине?
Gorgibus. Où sont vos maitresses?	Горжибусъ. Гдѣ суть твои госпожи?
Marotte. Dans leur cabinet.	Маротъ. Увъ избѣ.
Gorgibus. Que font-elles?	Горжибусъ. Что дѣлаютъ?
Marotte. De la pommade pour les lèvres.	Маротъ. Помаду для губъ.
Gorgibus. C'est trop pommadé: dites-leur qu'elles descendent. Ces pendardes-là, avec leur pommade, ont, je pense, envie de me ruiner. Je ne vois partout que blancs d'oeufs, lait virginal, et mille autres brimborions, que je ne connais point. Elles ont usé, depuis que nous sommes ici, le lard d'une douzaine de cochons, pour le moins, et quatre valets vivraient tous les jours des pieds de moutons qu'elles emploient. Il est bien nécessaire vraiment de faire tant de dépense pour vous	Горжибусъ. Помаду, помаду, всегда помаду: позови ихъ, дабы пришли. Оныя дьяволицы зъ такъ великими помадами хотятъ мене къ убожеству привести. Ничто не вижду, развѣ яйца, молоко свѣжее, разсолъ съ огурцами, земляницы, сало и телячій жиръ. Дванадесять окороковъ ни во что вмѣниша, и четыре слуги жили бы всегда повседневно ногами баранячими, которыхъ употребляютъ. Есть нужно дати такъ великія деньги за ваши лица изрядныя! Скажите мнѣ нѣчто

graisser le museau! Dites-moi un peu ce que vous avez fait à ces messieurs, que je les vois sortir avec tant de froideur? Vous avais-je pas commandé de les recevoir comme des personnes que je voulais vous donner pour maris?

мало, что содѣласте симъ господамъ, которыхъ азъ вамъ показовахъ, и которыхъ вижду выходящихъ зъ моего двора съ такъ великимъ встыдомъ. Не повелѣвалъ ли вамъ ихъ пріяти аки людей разсудныхъ и которыхъ вамъ хотѣлъ дати въ мужей?

Madelon. Et quelle estime, mon père, voulez-vous que nous fassions du procédé irrégulier de ces gens-là?.... la belle galanterie que la leur! quoi! débuter d'abord par le mariage?

Магдалина. И какую цѣну, мой отче, можетъ имѣти для нихъ, что возможемъ сдѣлати съ тыми глупыми людьми, которые имѣютъ манеры сице деревенскія?... Какая изрядная галантерія ихъ, что заразъ глаголютъ о брацѣ того ради, что есмы богаты?

Gorgibus. Et par où veux-tu donc qu'ils débutent? par le concubinage?

Горжибусъ. Какого разговору хощете, да имутъ купно съ вами? требуете ли, да глаголютъ о похоти?

Madelon. Le mariage ne doit jamais arriver qu'après les autres aventures. Il faut qu'un amant, pour être agréable, sache débiter les beaux sentiments, pousser le doux, le tendre et le passionné, et que sa recherche soit dans les formes. Premièrement, il doit voir au temple, ou à la promenade, ou dans quelque cérémonie publique, la personne dont il devient amoureux; ou bien être

Магдалина. Бракъ никогда же долженствуетъ быти по мученіяхъ и трудахъ. Надобно, дабы былъ единъ подобающій женихъ, знающій художество воздыханія, выдающеся младъ, сладкоглаголивъ и терпѣливъ; надобно, дабы была его перквизія во образѣ. Первѣе требѣ, дабы видѣлъ въ храмѣ или на какомъ прохожденіи или на какой церемоніи публичной тое

conduit fatalement chez elle par un parent ou un ami, et sortir de là tout rêveur et mélancolique. Il cache un temps sa passion à l'objet aimé, et cependant lui rend plusieurs visites où l'on ne manque jamais de mettre sur le tapis une question galante qui exerce les esprits de l'assemblée... Après cela viennent les aventures, les rivaux qui se jettent à la traverse d'une inclination établie, les persécutions des pères, les jalousies conçues sur de fausses apparences, les plaintes, les désespoirs, les enlèvements, et ce qui s'ensuit. Voilà comme les choses se traitent dans les belles manières, et ce sont des règles dont, en bonne galanterie, on ne saurait se dispenser...

Gorgibus. Quel diable de jargon entends-je ici? Voici bien du haut style.

Cathos. En effet, mon oncle, ma cousine donne dans le vrai de la chose. Le moyen de bien recevoir des gens qui sont tout-à-fait incongrus en galanterie! Je m'en vais gager qu'ils n'ont jamais vu la carte de Tendre, et que Billets-doux, Petits-soins, Billets-galants et Jolis-vers sont

лицо, за которое загорается пламенемъ любве; или дабы былъ введенъ насильно отъ отца или друга своего, и выходити съ своего двора съ великою тугою и меланхоліею. Надобно, дабы воздерживался временемъ отъ своего страданія любве; такожде да посѣщаетъ многажды свою возлюбленную на всякомъ мѣстѣ и въ ея дворѣ, гдѣ долженствуетъ быти изрядная нѣкая квестія ко веселію сердечному.... Напослѣдокъ приходятъ несчастія, и иные любящіе видятся наклоненіемъ постояннымъ быти, наслѣдія отческія, ненависти обманныя и злопостоянныя... какимъ подобіемъ себе возвышаютъ вещи, дабы были изрядныя, и сицевыя суть правила, о которыхъ никто можетъ себе возвысити.

Горжибусъ. Какій дьявольскій выговорный зѣло есть и возвышенный есть сей стиль.

Катосъ. Истинно, мой дѣдушка, моя другиня глаголетъ, какимъ подобіемъ къ симъ людемъ прилѣпитися, которые суть ненавистны въ галантеріи и въ красотѣ! Проиграю я съ тобою что̀ схощешь: никогда же читаша хартію младаго сердца.... что то такое есть грамотка воз-

des terres inconnues pour eux. Ne voyez-vous pas que toute leur personne marque cela, et qu'ils n'ont point cet air qui donne d'abord bonne opinion des gens? Venir en visite amoureuse avec une jambe toute unie, un chapeau désarmé de plumes, une tête irrégulière en cheveux, et un habit qui souffre une indigense de rubans; mon Dieu! quels amants sont-celà. Quelle frugalité d'ajustement, et quelle sécheresse de conversation! On n'y dure point, on n'y tient pas. J'ai remarqué encore que leurs rabats ne sont pas de la bonne faiseuse, et qu'il s'en faut plus d'un grand demi-pied que leurs hauts-dechausses ne soient assez larges.

(Scènes III—V).

Mascarille. Oh! Oh! je n'y prenais pas garde:
Tandis que, sans songer à mal, je vous regarde,
Votre oeil en tapinois me dérobe mon coeur;
Au voleur! au voleur! au voleur! au voleur!

Madelon. Je vous assure que nous sympathisons, vous et moi.

любленная, грамотка сладкая, миротвореніе изрядное, малыя вины, остатняя вся, которыя подобаются зѣло въ любви,— суть земли несвѣдомыя для нихъ. Не видѣши ли, цѣлое ихъ лице знаменуетъ тое и суть пріуготовлены къ тому благородному стану, который даетъ воскорѣ доброе мнѣніе народомъ? Приходятъ ко посѣщенію возлюбленному зъ единою голенію простою и безъ дыяментовъ, зъ единою шляпою неукрашенною мѣдію, глава неустроена власами, едина одежда, которая страждетъ безъ употребленія лентъ, швы или галонки. О мой Боже! какія суть облюбенцы оные! какая нужда, какая жажда разговору! никто же можетъ стерпѣти тое. Повторе я ихъ назнаменовала, что ихъ галштухи не очень долги, а недобре содѣланные, и штаны не очень широкія.

Маскарилъ. Ахъ, ахъ, я не боялся вѣрилъ.
Быти во правости съ ней не измѣрилъ:
На твои очи нынѣ взирающе,
Обнажиша мнѣ сердце, тя взывающе,
Аки лютый разбойникъ въ пустынѣ,
Въ дебри широкой и темной густынѣ.

Магдалина. Мы имѣемъ съ тобою равный обычай. Азъ есмь

J'ai une délicatesse furieuse pour tout ce que je porte; et jusqu'à mes chaussettes, je ne puis rien souffrir, qui ne soit de la bonne ouvrière.	такожде страшно нѣжная; аще мои чулки не суть добраго дѣла, азъ не ношу.
Mascarille. (S'écriant brusquement). Ahi! ahi! ahi! doucement. Dieu me damne! mesdames, c'est fort mal en user; j'ai à me plaindre de votre procédé; cela n'est pas honnête.... Quoi! toutes deux contre mon coeur, en même temps! M'attaquer à droite et à gauche! Ah! c'est contre le droit des gens: la partie n'est pas égale; et je m'en vais crier au meurtre.	Маскарилъ. (Кричитъ аки немощной). Гай, гай, гай! потихо, госпоже, растакая мать, сіе не есть добрѣ, азъ за то браню.... Что! вы оба противны моему сердцу, въ единомъ часу! Отъ правой стороны и отъ лѣвой угрызаете мя! Сіе есть противно правдѣ: часть есть неровная, и азъ буду кричать вельми.
Madelon. Il a un tour admirable dans l'esprit...	Магдалина. Предивную имѣетъ разума силу....
(Scène X).	

Комедія, отрывки изъ которой мы привели, представлена была въ Новгородѣ, въ присутствіи «самоѣдскаго короля». Этотъ самоѣдскій король писалъ письма къ Петру Великому, просилъ его участія къ своему положенію, увѣрялъ въ покорности, жаловался на воеводъ, сообщалъ и политическія извѣстія и забавныя вѣсти. Обращаясь къ государю, называлъ его сиромъ; письма свои писалъ изъ Москвы и Новгорода, въ 1708 году; на одномъ конвертѣ отмѣчено: «дурака самоѣдскаго». При дворѣ Петра часто являлись инородцы подъ названіемъ королей, принцевъ, князей; они выписывались въ столицу какъ диковинки, забавляли царя и окружающихъ его оригинальностью одежды и пріемовъ; иногда же состояли въ свитѣ въ качествѣ придворныхъ шутовъ. Одинъ лапландецъ подъ именемъ лапландскаго

короля обращался къ европейскимъ дворамъ съ просьбою ходатайствовать о немъ у русскаго императора. Лапландскій король, подобно самоѣдскому, жаловался на свое плачевное состояніе и на воеводъ, задержавшихъ его въ Астрахани [1]. Между русскими вельможами появлялся при дворѣ и калмыцкій принцъ, то въ своемъ калмыцкомъ нарядѣ, то одѣтымъ по-французски, въ парчевомъ камзолѣ и съ длиннымъ парикомъ на головѣ [2]. О самоѣдскомъ королѣ ходили слухи, что онъ не самоѣдъ, а полякъ, принявшій королевскій титулъ и роль придворнаго шута на выгодныхъ условіяхъ [3]. Въ одномъ изъ писемъ самоѣдскій король увѣдомляетъ Петра, что Французское правительство обѣщаетъ дружбу Петру, и разрываетъ связи съ поляками и шведами, и есть надежда, что Августъ возвратится въ свое королевство. Въ другихъ письмахъ жалуется, что его притѣсняютъ на пути изъ за подорожной, выданной ему отъ министровъ, и онъ имѣлъ два боя съ вышневолоцкими и хотиловскими жителями: «я пришолъ, говоритъ онъ, воевать не съ вашими подданными, а со шведами». Въ посланіяхъ его есть и юморъ и даже силлабическіе стихи. Онъ извѣщаетъ Петра, что «великій генералъ Лефортъ по указамъ, ему даннымъ о смерти, поѣхалъ въ дальнюю страну на пространный лугъ цесаря кесаря навѣстити,

Идѣже сей богатырь гуляетъ,
Всего отставши, ни о чемъ не думаетъ,

---

1) *Das veränderte Russland.* T. II, стр. 165.

2) Дневникъ Берхгольца. 1860. Часть IV, стр. 62, 113.

3) *Das veränderte Russland.* 1744. T. I, на стр. 18—21, 29, 396—405, говорится о самоѣдахъ, ихъ нравахъ, образѣ жизни и пр. § 106—107: Sie hätten keine Obrigheit, als einen Bojaren, der aber weit von ihnen wohnete, und denjenigen König, welchen der Czar ihnen vor einigen Jahren gegeben. Der Commandeur berichtete uns hiebey, gedachter samojedischer König wäre ein Polacke, hätte monathlich zehn Rubel nebst Essen und Trincken, und wohnete beständig in Petersburg, weil er zu gleicher Zeit einen lustigen Rath mitabgäbe.

и хотя Лаѳортовы богатства и маетности, данныя ему чрезъ ваше величество,

день и ночь о мнѣ вздыхаютъ,
и дабы быти мужемъ его прекрасной жены зѣло желаютъ.

Однако же говорю, что если царское величество не позволитъ, я ничего не учиню, и реченное желаніе не возлюблю». Изъ Москвы онъ пишетъ: «Государь! король самоѣдскій по полю ходитъ гордъ, какъ Амадисъ, но изъ казны вашего величества не много видитъ копѣекъ. Послѣдствуя повелѣнію вашего царскаго величества, ѣдетъ онъ съ аптекаремъ, и недѣли въ двѣ мы будемъ въ Петербургѣ поздравлять васъ съ великими рюмками».

Довольно оригиналенъ выборъ пьесы для представленія передъ этимъ странствующимъ рыцаремъ и новгородскою публикою. Комедія Précieuses ridicules, имѣвшая блестящій успѣхъ на парижской сценѣ, направлена противъ излишней чопорности и утонченнаго педантизма, противъ такъ называемаго «альковнаго вкуса», и усѣяна намеками на тогдашніе нравы, каламбурами и щеголеватыми фразами, составленными въ насмѣшку надъ чопорными пуристками. И эта комедія дается въ Новгородѣ, среди общества, у котораго литературный вкусъ не только не перешолъ границъ изящества, но и не достигъ еще необходимой нормы, не удовлетворяя самымъ умѣреннымъ требованіямъ приличія, какъ можно судить по тривіальностямъ, попадающимся у лучшихъ писателей того времени. Передать всѣ тонкости оригинала было крайне затруднительно для переводчиковъ, и къ нимъ можно отнести слова одной изъ précieuses объ искателяхъ ея руки: «billets-doux, petits-soins, billets-galants et jolis-vers sont des terres inconnues pour eux». Но тогдашніе зрители, привыкшіе къ «пещнымъ дѣйствіямъ» и притчамъ о блудномъ сынѣ, не были такъ взыскательны, и пьеса Мольера въ плохомъ переводѣ могла произвести пріятное

впечатлѣніе на новгородскихъ театраловъ начала восьмнадцатаго столѣтія. Не только провинціальной, но и столичной публикѣ того времени особенно нравились представленія, въ которыхъ фокусникъ «воздвигаетъ ногу позадь себе выше главы, и стоитъ въ равной линеи съ другою ногою, еже всему свѣту удивительно».

Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время.

И. Чистовича. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1868 г. [1]).

Въ четвертомъ томѣ *Сборника статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ*, помѣщенъ трудъ г. Чистовича подъ названіемъ: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время». Дѣятельность такого писателя, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, по всей справедливости можетъ и должна быть обозрѣваема въ связи съ его временемъ. Существенная особенность произведеній Ѳеофана Прокоповича заключается въ томъ, что они вытекаютъ изъ обстоятельствъ и духа своего времени, что въ нихъ выражается яркими чертами умственная и общественная жизнь Россіи въ началѣ XVIII вѣка.

Ѳеофанъ Прокоповичъ составляетъ средоточіе писателей эпохи Петра Великаго. Нѣкоторые изъ нихъ вполнѣ сочувствовали воззрѣніямъ и стремленіямъ Ѳеофана Прокоповича; другіе рѣзко отдѣлялись отъ него преимущественно въ вопросахъ, касающихся общественной жизни. Во главѣ дѣятелей и писателей, сочувствовавшихъ Ѳеофану Прокоповичу, стоитъ Петръ Великій. Въ исторіи рѣдко встрѣчается такое глубокое и искрен-

1) Журн. Минист. Нар. Просвѣщ. 1869 года, № 3, стр. 257 сл.

нее согласіе общественныхъ дѣятелей во взглядѣ на всѣ явленія умственной и государственной жизни, какое замѣчается между Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и Петромъ Великимъ. Со стороны Ѳеофана подобное согласіе не было ни своекорыстнымъ расчетомъ, ни невольною уступкой могучей волѣ преобразователя. По складу своего ума, по отношеніямъ къ современному ему обществу, по своему внутреннему влеченію Ѳеофанъ всецѣло отдался идеѣ преобразованія, оживлявшей всѣ дѣйствія Петра Великаго. Еще въ началѣ своего литературнаго поприща, будучи вдали отъ общественной среды, въ которой онъ игралъ такую важную роль въ послѣдствіи, Ѳеофанъ съ замѣчательною энергіей возставалъ противъ невѣжества, косности, лицемѣрія, застоя и безпощадными сатирическими выходками преслѣдовалъ упорныхъ приверженцевъ старины, порицавшихъ разумныя нововведенія.

Чѣмъ искреннѣе Ѳеофанъ сочувствовалъ реформѣ, чѣмъ съ большею энергіей дѣйствовалъ въ ея духѣ, тѣмъ сильнѣе разгоралась вражда, возбужденная имъ въ кругу людей противоположнаго образа мыслей. Ѳеофану пришлось быть свидѣтелемъ многихъ печальныхъ событій, вызванныхъ враждебными отношеніями его къ противникамъ реформы. Но его несомнѣнныя достоинства, его просвѣщенный умъ и вѣрность знамени, которое онъ съ такою честью держалъ въ рукахъ своихъ во времена Петра Великаго, упрочили за нимъ уваженіе всѣхъ послѣдующихъ поколѣній. Въ ряду образованнѣйшихъ современниковъ Ѳеофана горячимъ приверженцемъ и ревностнымъ почитателемъ его былъ Кантемиръ. Литературное родство этихъ двухъ писателей не подлежитъ сомнѣнію. Многія черты въ сатирахъ Кантемира, самый взглядъ его на различные предметы и лица служатъ отраженіемъ Ѳеофановыхъ понятій и убѣжденій. Весьма часто Кантемиръ смотрѣлъ на вещи глазами Ѳеофана и повторялъ въ силлабическихъ стихахъ то же самое, что̀ мѣтко выражено въ одушевленной прозѣ Ѳеофана Прокоповича, напоминающей своими оборотами полновѣсную и своеобразную рѣчь Ломоносова. Кантемиръ восхваляетъ всеобъемлющій умъ и зна-

нія Ѳеофана и въ его словахъ и писаніяхъ видитъ откровеніе высшей истины, добра и мудрости. Обращаясь къ Ѳеофану, Кантемиръ говоритъ:

Дивный первосвященникъ, которому *сила*
Вышшей мудрости свои тайны всѣ открыла,
И всѣ твари, что̀ міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ!
Ѳеофанъ, которому *все то далось знати*,
Здрава человѣка умъ что̀ можетъ поняти!....
Пастырь прилежный своемъ о стадѣ радѣетъ
Недремно; спасенія сѣмя часто сѣетъ
И раститъ примѣромъ онъ, такъ какъ словомъ, тщится.
Главный и церкви всея правитель садится
Не напрасно подъ царемъ. Церковныя славы
Пристойно защитникъ онъ, изнуренны нравы
Исправляетъ пастырей и хвальный чинъ вводитъ.
Воля намъ Всевышняго ясна ужъ *исходитъ*
Изъ его устъ и ведетъ въ истинну дорогу.
Неусыпно черпаетъ въ источникахъ многу
Чистыхъ мудрость; потекутъ оттуду приличны
Намъ струи. Труды его безъ конца различны [1]).

Хвалебный голосъ Кантемира не былъ одинокимъ. Ломоносовъ, Татищевъ, Сумароковъ, члены Петербургской Академіи Наукъ и иностранные ученые заявляли свое высокое уваженіе къ заслугамъ знаменитаго сподвижника Петра Великаго.

Но самая дѣйствительная дань уваженія Ѳеофану принесена издателемъ единственнаго до сихъ поръ, хотя далеко не полнаго, собранія его сочиненій, первая часть котораго вышла въ 1760 г.

---

1) Сатира III, о различіи страстей человѣческихъ, стих. 1—6, 361—372 и соотвѣтствующія примѣчанія. Сочиненія, письма и избранные переводы князя Антіоха Дмитріевича *Кантемира* (ред. изд. *П. А. Ефремова*). Спб. 1867.

Матеріалы для этого изданія собираемы были въ теченіе долгаго времени, съ большимъ вниманіемъ и замѣчательною для того времени требовательностью; приняты въ соображеніе и печатныя изданія отдѣльныхъ произведеній, и рукописи, причемъ каждое произведеніе, печатаемое вновь, приготовлено къ изданію по многимъ и лучшимъ спискамъ. Сочиненія изданы не въ произвольномъ, какъ водилось тогда, а въ *хронологическомъ* порядкѣ съ указаніемъ года, числа и мѣста появленія. Въ концѣ первой части помѣщенъ перечень всѣхъ сочиненій Ѳеофана на русскомъ языкѣ. Этотъ перечень цѣликомъ внесенъ въ словарѣ Новикова, но заглавіе каждаго труда сокращено. Свѣдѣнія о Ѳеофанѣ, которыя позднѣйшіе библіографы приводятъ изъ словаря Новикова, говоря, что тамъ они встрѣчаются впервые, взяты Новиковымъ у перваго издателя сочиненій Ѳеофана Прокоповича. Такъ, извѣстіе о замѣчательной драматической піесѣ Ѳеофана: «Владиміръ» сообщено составителемъ перечня и на основаніи его внесено въ словарь Новикова. Первымъ указаніемъ на эту піесу библіографы считаютъ упоминаніе Новиковымъ стихотворнаго сочиненія: «Владиміръ, трагедокомедія». Въ перечнѣ, приложенномъ къ первому изданію Ѳеофана, она обозначена гораздо опредѣленнѣе: «Владиміръ, всѣхъ славенороссійскихъ странъ князь и повелитель — трагедокомедія, представленная въ Кіевѣ іюля 3-го дня 1705 года». Въ перечнѣ точно означены, какія произведенія изданы въ свѣтъ, какія остаются въ рукописи; у Новикова не наблюдается этого различія. Сужденіе перваго издателя о Ѳеофанѣ отличается дѣльностью, выходя изъ ряда общихъ мѣстъ, расточавшихся изобильно въ послѣдствіи. Онъ признаетъ Ѳеофана замѣчательнымъ полигисторомъ, считая существенною особенностью и достоинствомъ его то, что онъ былъ «поборникомъ и провозвѣстникомъ великихъ трудовъ и преславныхъ дѣлъ обновителя и просвѣтителя Россіи Петра Великаго». Цѣнность изданія сочиненій Ѳеофана обнаруживается особенно ярко при сравненіи съ позднѣйшими изданіями другихъ писателей. Въ собраніи сочиненій дру-

гой литературной знаменитости Петровской эпохи, Стефана Яворскаго, нѣтъ ни полноты, ни строгаго выбора, ни хронологическихъ указаній; въ числѣ подлинныхъ произведеній автора, умершаго въ 1722 году, напечатаны передѣлки, явившіяся въ позднѣйшихъ журналахъ. За словомъ въ день апостола Андрея Первозваннаго и предисловіемъ на книгу бесѣдъ Златоуста помѣщено переложеніе элегіи Стефана Яворскаго, изданное въ еженедѣльномъ журналѣ *Трудолюбивый Муравей* 1771 года [1]).

Въ сужденіяхъ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, какъ о писателѣ, выражается литературное направленіе, господствовавшее, съ различными видоизмѣненіями, въ восемнадцатомъ и отчасти въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Пріемы литературной критики восемнадцатаго столѣтія всего ярче выражаются въ статьѣ Сумарокова, слывшаго оракуломъ въ кругу писателей своего времени. Слѣдуя господствующему обычаю, Сумароковъ всю критику сводитъ на разборъ языка и слога и достоинство русскихъ писателей измѣряетъ предполагаемымъ сходствомъ съ корифеями французской словесности. Пяти свѣтиламъ въ области духовнаго краснорѣчія: Боссюэту, Бурдалу, Флешье, Масильйону и Сорену, соотвѣтствуютъ, по распредѣленію Сумарокова, пять русскихъ ораторовъ: Ѳеофанъ Прокоповичъ, Гедеонъ, епископъ Псковскій, Гавріилъ, архіепископъ Петербургскій, Платонъ, архіепископъ Тверскій, и Амвросій, префектъ Иконоспасскаго училища. Гедеона онъ называетъ русскимъ Флешье, Платона—русскимъ Бур-

---

1) Слова Стефана Яворскаго, обращенныя къ библіотекѣ: «грядите, моима рукама часто пестованныя книжицы; грядите, свѣте мой, лѣпота моя и красота моя; шествуйте благополучно, и иныхъ разумы пасите, и сладость вашу другимъ уже изливайте», переложены такъ:

Идите отъ моихъ, любезны книги, рукъ,
Изъ коихъ почерпалъ я сладости наукъ,
Идите и другихъ умы уже питайте,
И въ нихъ сладчайшій свой вы нектаръ изливайте!
Богатство, слава, честь и счастье дней моихъ
Зависѣло отъ васъ, возлюбленныхъ мнѣ книгъ.

далу, а для болѣе точнаго сравненія Өеофана переходитъ отъ вѣка Людовика XIV ко временамъ классической древности.

«Сей великій риторъ», говоритъ Сумароковъ о Өеофанѣ, «есть россійскій Цицеронъ. Малороссійскія рѣченія и требуемыя, не вѣдаю ради чего, чужестранныя слова, сочиненія его нѣсколько безобразятъ; но они довольно заплачены другою чистотою. Въ семъ риторѣ вижу я величество, согласіе, важность, восхищеніе, цвѣтность, разсужденіе, быстроту, перевороты, страсть и сердцедвиженіе, огромность, ясность и все то, что̀ особливо Цицерону свойственно было, и видно, что онъ все свое краснорѣчіе на семъ отцѣ латинскаго краснорѣчія основалъ.... Вспомня нѣкоторыя уподобленія Софокла, Еврипида и Есхила съ водными потоками, скажу: Өеофанъ подобенъ гордой и быстротекущей рѣкѣ, разливающейся по лугамъ и орошающей горы и дубравы, отрывающей камни съ крутыхъ береговъ, шумящей въ своихъ предѣлахъ и журчащей иногда подъ тѣнію сплетенныхъ древесъ, наводняя гладкія во время разлиянія долины» [1]).

Современникъ Сумарокова, Дмитревскій, признавалъ въ Өеофанѣ великій умъ, разлитый во всѣхъ его произведеніяхъ, и утверждалъ, что все, что̀ вышло изъ подъ пера Өеофана, возвышенно, благородно и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно чуждо напыщенности [2]).

Критика девятнадцатаго столѣтія большею частью повторяла о Өеофанѣ то, что̀ находится въ превосходномъ трудѣ митрополита Евгенія и въ статьѣ Каченовскаго. Въ Словарѣ русскихъ писателей митрополитъ Евгеній съ свойственною ему добросовѣстностію подробно исчисляетъ сочиненія Өеофана Прокоповича и сообщаетъ о немъ біографическія свѣдѣнія. Въ высшей степени осторожный въ приговорахъ о писателяхъ, митрополитъ Евгеній не вдается въ пространную характеристику Өеофана, ограничиваясь лишь нѣсколькими чертами и скрѣпляя ихъ стихами Кантемира, подобно тому какъ и Новиковъ въ словарѣ

---

1) Полное собраніе всѣхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ *А. П. Сумарокова*. 1787. Часть VI. О россійскомъ духовномъ краснорѣчіи. Стр. 280—283.

2) Feofan Prokopowitsch, Erzbischoff von Nowgorod — ein Mann von groszem Geiste, den er in seinen Predigten und Lobreden überall verräth. Alles, was er in dieser Art geschrieben hat, ist erhaben und edel, ohne dasz er jemals ins Schwullstige fällt (Neue Bibliothek der schönen Wissenschaften und der freien Künste. Leipzig. 1768. VII. Band. Ср. Матеріалы для исторіи русской литературы, изд. *П. А. Ефремова*. Спб. 1867, стр. 145).

своемъ приводитъ, какъ лучшую оцѣнку Ѳеофана, стихи изъ третьей сатиры Кантемира.

Статья Каченовскаго подъ названіемъ: «Взглядъ на успѣхи россійскаго витійства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія», помѣщена въ октябрской книжкѣ *Вѣстника Европы* за 1811 г. Такъ какъ въ этой статьѣ выражается тонъ и характеръ критики, господствовавшій у насъ въ теченіе нѣскольких десятилѣтій, и такъ какъ она послужила источникомъ для послѣдующихъ отзывовъ, то мы приведемъ вполнѣ характеристику Ѳеофана, предложенную однимъ изъ лучшихъ критиковъ своего времени — Каченовскимъ.

«Одни только названія всѣхъ произведеній сего знаменитаго писателя», говоритъ Каченовскій, «могутъ каждаго привести въ изумленіе. Онъ упражнялся въ витійствѣ и въ стихотворствѣ, въ философіи и въ богословіи, въ исторіи и въ политикѣ, въ наукѣ о древностяхъ и въ дипломатикѣ. Только Ѳеофановъ умъ и дарованія достаточны были къ тому, чтобы такъ убѣдительно доказывать пользу новыхъ перемѣнъ и учрежденій, такъ краснорѣчиво прославлять чудесные подвиги безсмертнаго преобразователя, такъ искусно обличать упорное невѣжество. Ѳеофанъ имѣлъ отличную способность пріятно произносить слова свои передъ слушателями. Современники могли услаждаться голосомъ его, тѣлодвиженіями, выраженіемъ лица; но для насъ не существуетъ сія прелесть, которою иногда славятся и посредственные ораторы. Мы смотримъ на вѣковыя достоинства Ѳеофановы, на зрѣлыя мысли его, на силу доказательствъ, на ораторскую хитрость въ употребленіи способовъ удостовѣрить и убѣдить слушателей, а особливо на искусное расположеніе частей слова, ибо наиболѣе по расположенію частей безошибочно судить можно объ успѣхахъ витійства. Каждый одаренный здравымъ разумомъ человѣкъ способенъ правильно мыслить и сильно доказывать свое мнѣніе; но расположить искусственное слово такимъ образомъ, чтобъ оно удобно напечатлѣвалось въ памяти слушателя и производило бы въ немъ желаемое дѣйствіе, можетъ только ученый и опытный ораторъ. Таковъ точно порядокъ въ похвальныхъ и поучительныхъ словахъ Ѳеофановыхъ. Въ каждомъ изъ нихъ видимъ взаимную зависимость мыслей, раздѣленіе частей и направленіе ихъ къ главной цѣли. Вотъ расположеніе похвальнаго слова о баталіи Полтавской: витія разсматриваетъ: 1) коликая супостатская лютость и сила уготована была на насъ, 2) како она оружіемъ россійскимъ сломлена на Полтавской баталіи, 3) кои плоды той преславной викторіи родилися намъ. Прославляя въ другомъ словѣ достопамятный миръ между Россіей и Швеціей, Ѳеофанъ описываетъ Россію, каковою она была прежде войны и каковою стала послѣ оной. Въ словѣ на похвалу Петра Великаго, по кончинѣ его проповѣданномъ, ораторъ исчисляетъ подвиги безсмертнаго монарха, во-первыхъ, просто какъ царя, а потомъ какъ царя христіанскаго. Каждая часть опять имѣетъ свои подраздѣленія, и они, равно какъ

весь внутренній составъ каждаго слова, закрыты цвѣтами краснорѣчія. И какими движеніями одушевлены вѣщанія Θеофановы, а особливо гдѣ онъ, очевидный свидѣтель великихъ перемѣнъ, говоритъ о пользѣ новыхъ заведеній, о порядкѣ военномъ и гражданскомъ, о знаменитыхъ побѣдахъ, и гдѣ сравниваетъ вводимое просвѣщеніе съ прежнимъ невѣжествомъ! Θеофановъ слогъ вообще нечистъ и негладокъ; принявъ за основаніе книжный славенскій языкъ, Θеофанъ пестрилъ его простонародными, русскими, малороссійскими и чужестранными словами. Но можно ли обвинять въ томъ славнаго витію, и надобно ли останавливаться надъ негладкостію слога, когда извѣстно, что почти всѣ ученые современники Θеофановы, писавшіе не объ однихъ только духовныхъ дѣлахъ, употребляли нечистый языкъ по необходимости, и что Ломоносовъ первый постигъ и открылъ для насъ тайну выбора словъ и приличнаго сочетанія книжнаго языка съ общенароднымъ? Нельзя было избѣжать словъ чужестранныхъ, говоря о флотѣ, объ инженерствѣ, о дисциплинѣ и вообще о наукахъ и искусствахъ; нельзя было замѣчать разительной неприличности простонародныхъ русскихъ словъ между славенскими и остерегаться отъ малороссійскихъ и польскихъ оборотовъ такимъ людямъ, кои молодость свою провели посреди Малороссіянъ и Поляковъ, въ зрѣлыхъ же лѣтахъ не могли русскому языку научиться по правиламъ, которыя тогда не были еще и составлены. Можетъ быть, Θеофанъ думалъ, что, уклоняясь отъ книжнаго языка, приближается къ употребительному въ общежитіи, ибо невмѣстно было бы предполагать, будто ученый мужъ сей не видѣлъ, что языкъ его не вездѣ сходенъ съ богослужебнымъ» [1]).

Статья Каченовскаго послужила образцомъ и источникомъ для цѣлаго ряда послѣдующихъ отзывовъ о Θеофанѣ Прокоповичѣ. Изъ массы этихъ отзывовъ, большею частью безцвѣтныхъ, выдѣляется характеристика Θеофана, находящаяся въ сочиненіи г. Самарина: «Стефанъ Яворскій и Θеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники». Г. Самаринъ смотритъ на Θеофана, какъ на даровитѣйшаго и искренняго сподвижника Петра Великаго въ дѣлѣ реформы, вполнѣ согласной съ образомъ мыслей и убѣжденіями Θеофана. Литературный талантъ и направленіе Θеофана оцѣниваются авторомъ въ связи съ другимъ писателемъ Петровской эпохи, Стефаномъ Яворскимъ. По понятію г. Самарина, Стефанъ Яворскій былъ въ нашей словесности представителемъ отживающей вѣкъ свой католической схоластики; въ Θеофанѣ же замѣчается присутствіе новой жизни, слышится жизненное начало, сближающее его съ первыми вождями реформы, отважно

---

1) *Вѣстникъ Европы*, № 19, октябрь, 1811, стр. 195—200.

боровшимися за свои убѣжденія съ полнымъ сознаніемъ ожидающей ихъ побѣды. Разбирая подробно литературные пріемы Ѳеофана Прокоповича, авторъ изслѣдованія взглянулъ на дѣло глубже; онъ ищетъ объясненія внутренняго смысла произведеній Ѳеофана и ихъ отношенія къ современной имъ русской дѣйствительности. Въ писаніяхъ Ѳеофана и въ ихъ связи съ идеями Петра Великаго, авторъ видитъ живое доказательство замѣчательнаго факта — уваженія Петра Великаго къ общественному мнѣнію.

«Петру Великому», говоритъ онъ, «нуженъ былъ такой человѣкъ, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Подвизаясь одиноко на пути своемъ, Петръ Великій зналъ, что очень немногіе сознавали необходимость его начинаній, оскорблявшихъ убѣжденія и предразсудки большинства. Ему повиновались, но внутренно почти всѣ его осуждали. Не такого повиновенія требовалъ Петръ. Онъ хотѣлъ, чтобы вся Россія по убѣжденію пріобщилась къ его стремленіямъ; чтобы народъ перестал смотрѣть на его дѣла, какъ на личныя прихоти, и чтобы поняли всѣ, что не для одного себя, а для общей пользы онъ трудился, отмѣнялъ старое и заводилъ новое. Это уваженіе къ общему мнѣнію въ Петрѣ Великомъ и при его желѣзной волѣ очень замѣчательно. Онъ искалъ человѣка, способнаго понять его, искренно и сознательно ему преданнаго, глубоко убѣжденнаго въ разумной необходимости его стремленій, который взялъ бы на себя отъ имени его говорить съ народомъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ отозвался на это призваніе. Онъ посвятилъ свое слово Петру Великому и сталъ посредникомъ между нимъ и народомъ. Посвященный во всѣ виды Петра, его совѣтникъ и помощникъ, онъ шелъ передъ нимъ, прочищая ему дорогу; задолго до каждаго новаго дѣла онъ готовилъ и склонялъ къ нему общее мнѣніе, и когда дѣло совершалось, онъ его оправдывалъ, отвѣчалъ на всѣ доходившія до него возраженія. Оправданіе преобразованія — вотъ тема торжественныхъ и похвальныхъ словъ Ѳеофана Прокоповича, его задача, какъ оратора. Главное, положительное достоинство проповѣдей Ѳеофановыхъ, то, которое обличаетъ въ нихъ новое направленіе, есть ихъ современность, ихъ живое отношеніе къ дѣйствительности. Ѳеофанъ Прокоповичъ хорошо зналъ состояніе умовъ, предразсудки и убѣжденія русскаго народа. Онъ внимательно слѣдилъ за его развитіемъ, не спускалъ съ него глазъ, вслушивался въ его толки и ничѣмъ не пренебрегалъ. Это давало ему возможность дѣйствовать на общественное мнѣніе и обращаться къ слушателямъ именно съ тѣмъ, чего требовали обстоятельства. Почти всѣ проповѣди Ѳеофана Прокоповича направлены противъ господствовавшихъ въ его время предразсудковъ и суевѣрій. Его дѣятельность, во всѣхъ родахъ по преимуществу отрицательная, преобразовательная, выразилась въ проповѣдяхъ преобладаніемъ обличенія въ различныхъ видахъ: упрека, ироніи и самой язвительной сатиры. Школьный формализмъ и отвлеченная наука не могли сковать его дарованія. Здоровая природа вынесла его изъ этой колеи. Въ уклоненіяхъ и недостаткахъ Ѳеофана Прокоповича всетаки

чувствуется присутствіе жизни, виденъ живой человѣкъ, способный забыться, придти въ гнѣвъ или разсмѣяться и сказать лишнее слово, тогда какъ у другихъ проповѣдниковъ, при тѣхъ же темныхъ сторонахъ, нѣтъ этой жизни» и т. д. [1]).

Въ литературной оцѣнкѣ, въ сужденіяхъ и приговорахъ въ книгѣ г. Самарина обнаруживается талантъ и свѣтлый умъ автора, и если не всѣ отзывы его сохраняютъ безусловную справедливость до настоящаго времени, то единственно потому, что выводы автора основываются на сравнительно маломъ количествѣ данныхъ. То, что̀ сказано имъ о Стефанѣ Яворскомъ, вытекаетъ изъ фактовъ, изученныхъ имъ по неполному и неудовлетворительному изданію сочиненій Яворскаго. Одно слово Стефана Яворскаго, по поводу учрежденія фискаловъ, значительно измѣнило бы приговоръ объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей. Оставаясь вѣрнымъ духу своего времени и тогдашней литературной критики, авторъ заботится преимущественно о выводахъ, не подвергая предварительно критическому разбору основнаго матеріала: о томъ, въ какомъ видѣ изданы сочиненія разбираемыхъ писателей, въ диссертаціи нѣтъ и помину. Слѣдуя также духу времени, даровитый авторъ руководствуется Гегелемъ, и не только въ эстетическихъ вопросахъ, но отчасти даже и во взглядѣ на явленія русской исторической жизни. Сущность краснорѣчія полагаетъ онъ не въ свободномъ творчествѣ, а въ законѣ сообразности съ цѣлью *(Zweckmässigkeit)*; свобода творчества замѣняется служеніемъ практической цѣли и т. д. [2]). Подобно тому, какъ у Гегеля положеніе выте-

---

1) Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Разсужденіе, писанное на степень магистра философскаго факультета перваго отдѣленія кандидатомъ Московскаго университета *Юріемъ Самаринымъ*. Москва. 1844, стр. 156, 146, 155, 145 и др.

2) In Rücksicht auf das poetische Kunstwerk im allgemeinen brauchen wir nur die Forderung zu wiederholen, dass es, wie jedes andere Product der freien Phantasie, zu einer organischen Totalität müsse ausgestaltet und abgeschlossen werden.... Die Redekunst gehört der Prosa des praktischen Endzwecks wegen an, der in ihrer Absicht liegt, und zu dessen praktischen Durchführung sie die Pflicht hat, der Zweckmässigkeit durchgängig Folge zu leisten, etc. (*Hegel*'s Vorle-

каетъ изъ двойнаго отрицанія, и — говоря языкомъ подражателей Гегеля — національная субстанція возвышается до міровой общечеловѣчности, г. Самаринъ считаетъ отрицательными явленіями обѣ враждебныя партіи Петровской эпохи, изъ которыхъ вытекло положительное начало, усвоенное современнымъ міросозерцаніемъ. Авторъ называетъ односторонними обѣ партіи русскаго общества временъ Петра Великаго: старую, противъ которой была и сама жизнь, принявшая въ себя много чуждыхъ элементовъ, и новую, отрекавшуюся не только отъ случайнаго, но и отъ неизмѣннаго, вѣчно истиннаго. Великая задача, сознанная въ наше время, заключается въ возведеніи національныхъ элементовъ на степень общечеловѣческихъ, и т. д.

Характеристика западно-европейской проповѣди, имѣвшей вліяніе на нашихъ писателей разсматриваемой эпохи, составлена авторомъ по книгѣ Лабитта: *De la démocratie chez les prédicateurs de la ligue*, и надо отдать справедливость г. Самарину въ томъ отношеніи, что трудно было въ то время избрать лучшаго руководителя. Сочиненіе Лабитта о лигѣ пользуется заслуженною извѣстностью по своей основательности и по новости и вѣрности господствующей идеи. Многіе писатели посвящали труды свои замѣчательному историческому явленію, извѣстному подъ именемъ лиги, но большею частью вниманіе ихъ было обращаемо на дипломатическую, военную и т. п. стороны событія, — словомъ, болѣе на его внѣшній видъ и ходъ. Лабиттъ избралъ своею задачей разсмотрѣть внутреннюю сторону дѣла, и его изслѣдованіе выдвинуло на первый планъ дѣятелей, оставляемыхъ обыкновенно въ тѣни, хотя они были, собственно говоря, душою совершавшагося движенія. Во время лиги особенно важное значеніе имѣли проповѣдники, произведенія которыхъ отличались вовсе не религіознымъ, а чисто политическимъ характеромъ. Церкви обратились тогда въ клубы, а церковныя каѳедры въ политиче-

---

sungen über die Aesthetik, herausgegeben von Hotho, 1838, III, 246—247, 267 и др., и вообще вся, указанная г. Самаринымъ, глава о поэзіи и прозѣ: das poetische und prosaische Kunstwerk).

скія трибуны. Проповѣдники заправляли дѣлами, сносились съ враждебными партіями и первые сообщали народу о замышляемыхъ планахъ, цѣляхъ и надеждахъ агитаторовъ. Авторъ опредѣляетъ роль проповѣдниковъ, указываетъ ея историческій смыслъ и отношеніе къ предшествующему ходу событій, а равно и связь демократическихъ идей, провозглашаемыхъ проповѣдниками лиги, съ проявленіемъ этихъ идей у писателей временъ реформаціи. Во многихъ мѣстахъ сочиненія, говоря о проповѣдникахъ и приводя изъ нихъ весьма удачно выбранныя извлеченія, Лабиттъ посвящаетъ особую главу (стр. 17—41 втораго изданія) историческому обзору проповѣди во Франціи. Изъ этой-то главы сдѣланы заимствованія и нашимъ авторомъ [1]).

---

1) При совершенной точности и вмѣстѣ съ тѣмъ характерности данныхъ, приводимыхъ Лабиттомъ, можетъ отчасти повести къ недоразумѣнію слѣдующее мѣсто, заимствованное г. Самаринымъ у Лабитта и относящееся къ Лопиталю (1505—1573), бывшему при Екатеринѣ Медичи канцлеромъ Франціи и славившемуся своею многостороннею образованностью. Г. Самаринъ говоритъ: «Въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія въ развитіи духовнаго краснорѣчія совершилась перемѣна, которой нельзя даже назвать новымъ родомъ, а скорѣе искаженіемъ, порчей. Проповѣди наполнились пошлыми остротами, шутовскими выходками и личностями. Вездѣ господствуетъ комизмъ, и высказывается желаніе разсмѣшить. Мальярдъ, Клере, Мено отличаются въ этомъ новомъ родѣ, genre grotesque, и находятъ толпу послѣдователей. Лопиталь полагаетъ, какъ правило, чтобы проповѣдь,

«Sit mixtum gravitate, vocet risuque jocisque» (стр. 35).

Соотвѣтствующія мѣста у Лабитта: En politique, en religion, en littérature, le XIV siècle, ainsi que le XV, est un temps d'initiation et d'enfantement, un temps de travail sans relâche et pourtant de travail stérile.... La chaire reproduisit ces aspirations confuses vers un avenir inconnu: on s'avoisinait des siècles positifs et railleurs; elle se préoccupa des affaires du monde, elle ne s'interdit plus les plaisanteries.... Les images vulgaires, les traits familiers, les expressions grotesques, les sorties véhémentes, avaient remplacé presque partout l'éloquence entraînante de Bernard.... L'école grotesque des Maillard, des Clérée, des Menot, triompha universellement dans la chaire.... La raillerie burlesque est le langage de ceux qui attaquent; ce n'aurait pas dû être celui des hommes qui defendaient une cause noble et sainte. La chaire chez les catholiques n'était plus guère sérieuse, et l'habitude semblait y avoir consacré le ton des Maillard et des Menot; le grave l'Hopital lui même se laissait aller à dire à propos des qualités que doit avoir un sermon:

Sit mixtum gravitate, vocet risuque jocisque (стр. 22, 21, 28, 34 нов. изд.). По

Книга Лабитта издана въ 1841 году и немедленно пріобрѣла общее довѣріе и уваженіе въ ученомъ мірѣ, по крайней мѣрѣ во Франціи. На нее ссылаются всѣ послѣдующіе писатели, когда рѣчь идетъ о лигѣ. Достоинство труда Лабитта видно и изъ того, что онъ не потерялъ своего значенія доселѣ, и спустя двадцать пять лѣтъ послѣ перваго изданія и двадцать по смерти самого автора, явилась потребность въ новомъ изданіи, которое и вышло въ Парижѣ въ 1866 году [1]).

Говоря о католическихъ проповѣдникахъ г. Самаринъ ссылается, кромѣ книги Лабитта, на сборникъ *Predicatoriana*. Подъ этимъ названіемъ издано въ Дижонѣ собраніе куріозныхъ отрывковъ изъ произведеній проповѣдниковъ, преимущественно французскихъ, пятнадцатаго, шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. Извлеченія добавлены различными анекдотами, также о проповѣдникахъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ началѣ книги помѣщена тощая статейка подъ именемъ взгляда на исторію духовнаго краснорѣчія, а въ концѣ—указатель и нѣсколько любопытныхъ приложеній: легенда о Богоматери, легенда объ Іудѣ Искаріотѣ и т. д. [2]).

у Лопиталя въ Sermo de libertate scribendi (Собраніе сочиненій, изд. 1825 года, т. III, стр. 416), это мѣсто читается съ измѣняющимъ смыслъ варіантомъ:

Nobis Atellana vetus comoedia nobis
Displicet. Omne velim sit castum et lene poëma,
Sit mixtum gravitate, *vacet* risuque jocisque:
Qualis sermo fere est media testudine templi
Ad populum magno quem personat ore sacerdos.

Слово: *vacet* вмѣсто *vocet*, эпитетъ *castum* и порицаніе ателланъ даютъ поводъ къ пониманію стиховъ Лопиталя въ смыслѣ противоположномъ тому, который придаетъ имъ Лабиттъ, а за нимъ и г. Самаринъ.

1) De la démocratie chez les prédicateurs de la ligue, par *Charles Labitte.* Seconde édition, corrigée d'après les manuscrits de l'auteur. Paris. 1866.

2) Prédicatoriana, ou revélations singulières et amusantes sur les prédicateurs, entremêlées d'extraits piquants des sermons bizarres, burlesques et facétieux, prêchés tant en France qu'à l'étranger, notamment dans les XV, XVI et XVII siècles, suivies de quelques mélanges curieux, avec notes et tables, par *G. P. Philomneste*, auteur des amusements philologiques. Dijon. 1841. — Авторъ говоритъ: Il est surprenant que dans le grand nombre d'ouvrages publiés, depuis près

Въ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, литература наша обогатилась нѣсколькими сочиненіями и собраніями матеріаловъ, относящимися къ эпохѣ Петра Великаго. Главнымъ источникомъ для подобныхъ трудовъ служили и служатъ данныя, находящіяся въ архивахъ, преимущественно въ Государственномъ, доступъ въ который въ теченіе нѣкотораго времени не представлялъ особенныхъ затрудненій. Знакомясь съ нетронутымъ дотолѣ любопытнымъ историческимъ матеріаломъ, авторы статей спѣшили познакомить и общество съ вещами, которыя счастливый случай передалъ въ ихъ руки. Нельзя не благодарить людей, умѣвшихъ оцѣнить интересъ своихъ архивныхъ находокъ и пожелавшихъ подѣлиться ими съ читателями. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что не всѣ новыя извѣстія о Ѳеофанѣ, являвшіяся на страницахъ различныхъ періодическихъ изданій, составляютъ дѣйствительное пріобрѣтеніе для ученой литературы, не всѣ проливаютъ новый свѣтъ на литературную и общественную дѣятельность такого замѣчательнаго человѣка, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Иныя свѣдѣнія увеличиваютъ только количество того, что̀ извѣстно о Ѳеофанѣ, нисколько не касаясь существеннаго, то-есть качества. Если извѣстно, напримѣръ, что Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ въ сношеніяхъ съ Тайною канцеляріей, въ руки которой передавалъ

---

de deux cents ans, sous le nom d'ANA, il ne s'en trouve pas un seul consacré spécialement à l'éloquence de la chaire, pas un seul portant le titre de PRÉDICATORIANA. Frappé de cette lacune dans une si volumineuse collection, nous avons essayé de la remplir en nous occupant d'un recueil qui, sous le titre de PRÉDICATORIANA, présentât une galerie curieuse des orateurs sacrés, anciens et modernes, dont on a conservé le souvenir, soit à raison de leur manière de prêcher, soit à raison des heureux effets qu'ils ont produits dans leur temps. Nous avons donc recueilli sur chacun d'eux bon nombre d'anecdotes la plupart assez piquantes, et nous les avons entremêlées d'extraits plus ou moins longs des sermons les plus singuliers et les plus bizarres, prêchés dans les XV, XVI et XVII siècles.... Nous avons consulté plus de cent ANA les plus estimées; nous avons mis à contribution l'obligeance de quelques amis, très-instruits, qui nous ont fourni de precieux renseignements; nous avons pris nos extraits dans les éditions originales des sermons de nos vieux prédicateurs (Préliminaire, VII–VIII).

своихъ враговъ, то прибавкой двадцати или тридцати фактовъ къ ста пятидесяти, уже вполнѣ доказаннымъ, немногое можно измѣнить въ понятіи о нравственномъ характерѣ Ѳеофана. Но если сообщаются данныя, изъ которыхъ видны его коренныя убѣжденія или же открываются яркія особенности его таланта, то этимъ вносятся дѣйствительные вклады въ литературу, ведущіе къ ясному и вѣрному пониманію и Ѳеофана Прокоповича, и его времени. Нѣкоторые изъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* знакомятъ съ внутреннимъ міромъ Ѳеофана, съ его понятіями и убѣжденіями, а также съ политическою ролью, выпавшею ему на долю или, вѣрнѣе, созданною имъ самимъ. Письма Ѳеофана и отрывки изъ его риторики, напечатанные въ русскомъ переводѣ въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики Ѳеофана, какъ писателя.

Нѣкоторыя изъ дѣлъ, производившихся въ Тайной канцеляріи, съ неизбѣжными спутниками тогдашняго судопроизводства— пыткой и застѣнкомъ, бросаютъ невыгодный свѣтъ на Ѳеофана, имя котораго неоднократно встрѣчается въ дѣлахъ подобнаго рода. Впрочемъ есть и другая причина несочувственнаго отношенія къ Ѳеофану немногихъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей и литераторовъ. Она заключается въ личномъ характерѣ Ѳеофана, въ отсутствіи въ немъ прямодушія, въ угодничествѣ передъ сильными міра: его обвиняютъ въ лести временщикамъ, въ потворствѣ разнаго рода Биронамъ, большимъ и малымъ, нагло попиравшимъ права русской народности и вѣры. Въ такомъ духѣ— отзывы о Ѳеофанѣ почтеннаго историка русской церкви и автора «Обзора русской духовной литературы» покойнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго. Не отрицая блестящаго ума и дарованій Ѳеофана, архіепископъ Филаретъ изображаетъ его мстительнымъ честолюбцемъ, унижавшимся передъ Меншиковымъ и Бирономъ и приносившимъ въ жертву своимъ страстямъ достойнѣйшихъ и правдивѣйшихъ людей, которые своимъ благо-

роднымъ образомъ дѣйствій и своими страданіями въ пыткахъ временъ бироновщины пріобрѣли неоспоримое право на уваженіе потомства. Несчастная судьба Ѳеофилакта Лопатинскаго и другихъ, судимыхъ въ Тайной канцеляріи, ложится темнымъ пятномъ на памяти Ѳеофана. Признавая тѣсную связь реформы Петра Великаго съ произведеніями Ѳеофана, авторъ указываетъ темныя стороны нововведеній, прославляемыхъ Ѳеофаномъ, враждебно относившимся къ русской старинѣ вообще. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія отзывы о двухъ проповѣдяхъ Ѳеофана: о заграничномъ путешествіи Петра Великаго и объ учрежденіи флота.

«Самая большая часть проповѣдей», говоритъ авторъ Обзора русской духовной литературы, «чисто политическая, и она-то блистательная въ ораторскомъ отношеніи Такъ, онъ ораторски описывалъ новую Россію въ сравненіи съ древнею: все, что блестѣло и звенѣло въ преобразованной Россіи, казалось ему золотомъ, и онъ безпощадно унижалъ древнюю Россію, выставляя ее деревянною. Путешествія Петра по Европѣ были предметомъ различныхъ неблагопріятныхъ толковъ. Ѳеофанъ описываетъ пользу путешествій вообще и для царя въ особенности. Германія, говоритъ онъ, матерь всѣхъ странъ, въ ней путешественникъ познаетъ «чинное общенароднаго правительства устроеніе, обычаевъ доброту, разума и бесѣды сладость, храбрость, науку и остроуміе». Иной улыбнется, слушая извѣстіе о неслыханной сладости бесѣдъ и невиданной храбрости Нѣмцевъ. Но что до того? Дѣло въ томъ, что начали тогда вводить у насъ нѣмецкую бюрократію, которая надѣлала столько зла; а Прокоповичъ — усердный помощникъ Петру при золоченіи Россіи. Заведеніе флота принято было весьма многими какъ совершенно безполезная новизна. Ѳеофанъ съ каѳедры защищаетъ введеніе флота. «Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, говоритъ онъ, которая надъ рѣкою или озеромъ положена и не имѣла бы лодокъ; а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей, не имѣти бы кораблей, *хотя бы ни единой къ тому не было нужды*, было бы то безчестно и укорительно». Видите: для золоченой Россіи нужны и безполезныя учрежденія, точно такъ, какъ весельчакъ помѣщикъ содержитъ красивыя и, конечно, дорогія лодки на озерѣ въ своемъ помѣстьѣ. Деревня прирѣчная держитъ лодку, чтобы переѣзжать на другой берегъ, а военный флотъ ужели для того только нуженъ, чтобы переѣхать на другую сторону моря? Далеко дешевле будетъ стоить, если переѣдете на купеческомъ кораблѣ. Ораторъ въ жару усердія заговорился. Дальше говоритъ онъ и дѣльное, но и тутъ не высказываетъ всей правды. «Какъ бы мѣста (приморскія) удержати? Какъ жити и отъ нападенія непріятельскаго опасатися, не токмо что оборонитися?» Но для защиты береговъ необходимъ не военный флотъ, а крѣпости и прибрежная флотилія. Такъ показалъ и недавній опытъ» [1]).

---

1) Обзоръ русской духовной литературы, *Филарета, архіепископа Черни-*

Приговоръ, только-что приведенный нами, каковъ бы ни былъ онъ самъ по себѣ, отличается отъ другихъ несочувственныхъ отзывовъ о Ѳеофанѣ уже тѣмъ, что въ основаніи его лежитъ не какая-нибудь избитая и смутно понимаемая тема непризванныхъ обличителей, а основательное знакомство съ эпохой и серьезное воззрѣніе на нее, хотя бы и не вполнѣ вѣрное и расходящееся съ общепринятымъ мнѣніемъ большинства. Обличительныя выходки и статьи другихъ авторовъ объясняются, съ одной стороны, господствомъ въ теченіе нѣкотораго времени обличительнаго направленія въ литературѣ вообще, съ другой—неожиданнымъ обнародованіемъ множества матеріаловъ, увлекшихъ вниманіе и своею новизной и занимательностью. Въ воззрѣніи на Ѳеофана совершился въ литературѣ нашей тотъ же переворотъ, чтó и во взглядѣ на Петра Великаго. Съ выходомъ исторіи Петра Великаго, издаваемой академикомъ Устряловымъ, въ особенности того тома, въ которомъ помѣщены любопытнѣйшіе акты, относящіеся къ судьбѣ царевича Алексѣя Петровича, совпадаетъ появленіе статей, представляющихъ въ рѣзкомъ свѣтѣ личныя свойства Петра Великаго. Авторы статей судили и рядили о немъ, какъ о человѣкѣ вообще, со свойственными человѣческой природѣ пороками и добродѣтелями, и упускали изъ виду научную оцѣнку того значенія, какое имѣетъ Петръ Великій въ жизни и судьбѣ русскаго народа. Порицая нѣкоторыя стороны въ характерѣ Петра Великаго, забывали въ Петрѣ геніальнаго представителя русской исторической жизни конца XVII и начала XVIII столѣтія. Такому же одностороннему порицанію подвергся и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Его осуждали за соучастіе въ мрачныхъ дѣлахъ Преображенскаго приказа и Тайной розыскной канцеляріи. Нельзя не вспомнить при этомъ словъ академика Пекарскаго по поводу новѣйшихъ обличителей Ѳеофана.

ювскаго; книга 2-я, Черниговъ, 1863, стр. 11—24. Глава: «Борьба съ реформаціею» и другія, отмѣченныя въ указателѣ, мѣста въ «Исторіи русской церкви», *архіепископа Филарета*, періодъ пятый, Синодальное Управленіе.

«Суровость нравовъ эпохи», говоритъ онъ, «невольно поражаетъ современныхъ намъ изслѣдователей, и они, увлеченные притомъ новостью предмета, не столь обращаютъ вниманіе на историческое значеніе заключающихся въ дѣлѣ матеріаловъ, сколько стараются выставить на первый планъ обстановку, которую придалъ старинный уголовный процессъ тому или другому историческому событію. Отъ такой разработки произошло то, что всѣ описанія, извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи, кажутся чрезвычайно похожими одно на другое, потому что дѣйствительно производство уголовныхъ дѣлъ въ старину было одинаково, и вся разница состоитъ въ томъ, что въ одномъ было болѣе привлечено обвиненныхъ, въ другомъ жесточе пытали и т. п. Отсюда никакъ не слѣдуетъ выводить заключенія, чтобы матеріалы, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, не годились для исторіи; но за нихъ взялись не такъ, какъ требуетъ наука. Каждое старинное уголовное дѣло можетъ быть пригоднымъ, во-первыхъ, для исторіи уголовнаго судопроизводства, и тогда, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ излагать весь ходъ процесса со всѣми мельчайшими подробностями даже канцелярскихъ формальностей; во-вторыхъ— для исторіи своего времени. Въ послѣднемъ случаѣ, прежде всего, слѣдуетъ подвергать критической оцѣнкѣ сущность дѣла, содержитъ ли оно въ себѣ черты, могущія служить для уясненія избранной эпохи или лица, и потомъ, если онѣ дѣйствительно найдутся, ими одними пользоваться, поставивъ на задній планъ или даже вовсе оставивъ въ сторонѣ тѣ обстоятельства, благодаря которымъ сохранились эти черты въ данномъ уголовномъ дѣлѣ» [1]).

Опредѣляя задачу безпристрастнаго изслѣдователя, стоящаго въ уровень съ требованіями современной исторической науки, г. Пекарскій указываетъ на причины, препятствующія вѣрной оцѣнкѣ Ѳеофана въ нашей литературѣ. Одна изъ главныхъ причинъ заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что не обращали вниманія на положеніе Ѳеофана въ русскомъ обществѣ по смерти Петра Великаго, съ которымъ онъ жилъ, такъ сказать, одною жизнью, стремясь къ тѣмъ же цѣлямъ, любя и ненавидя тѣ же явленія и тѣхъ же общественныхъ дѣятелей.

«Въ своей сферѣ», говоритъ г. Пекарскій, «Ѳеофанъ былъ такой же новаторъ, какъ и Петръ Великій въ сферѣ государственной. Превосходя всѣхъ современниковъ своего сословія умомъ, знаніями и дарованіями, Прокоповичъ, подобно Петру, не скрывалъ своего недовольства, переходившаго часто въ презрѣніе, ко всему, что̀ напоминало ему старое, и что̀ становилось преградой для осуществленія его любимыхъ идей. Подобно Петру, онъ также шелъ къ

---

1) Разборъ сочиненія г. Чистовича: «Ѳеофанъ Прокоповичъ», составленный академикомъ *Пекарскимъ*. Извлечено изъ XXXIV присужденія Демидовскихъ наградъ; стр. 9—10.

своей цѣли, не задумываясь надъ средствами, съ тѣмъ же неумолимымъ постоянствомъ и удивительною послѣдовательностью.... Прокоповичъ понялъ, что послѣ Петра настало такое время, когда ему уже не могли помочь ни его знанія, ни дарованія, и онъ кинулся въ дрязги интригъ и происковъ, которыми такъ богата наша исторія той эпохи. Прокоповичъ, послѣ 1725 года, жилъ въ такую эпоху, когда каждый мало-мальски значительный человѣкъ считалъ благоразуміемъ, въ видахъ собственнаго самосохраненія, слѣдовать правилу: губи другихъ, иначе эти другіе тебя погубятъ. Что это не преувеличено, напомнимъ общеизвѣстныя записки современниковъ: Манштейна, Миниха и особенно Шаховскаго» [1]).

Защищая Ѳеофана отъ взводимыхъ на него обвиненій, г. Пекарскій указываетъ между прочимъ на то обстоятельство, что враги Ѳеофана, пытаемые въ тайной канцеляріи, не избѣжали бы своей судьбы, если бы Ѳеофанъ и не принималъ въ дѣлѣ ихъ никакого участія. Они возставали противъ новаго порядка вещей, при которомъ правительственная власть увеличилась уничтоженіемъ патріаршества, и ихъ образъ дѣйствій считался тогда посягательствомъ на права верховной власти, то-есть, преступленіемъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ, которое влекло за собой неизбѣжныя и ужасныя послѣдствія. Но на подобное оправданіе можно возразить, что чѣмъ гибельнѣе были для обвиняемыхъ слѣдствія взводимыхъ на нихъ преступленій, тѣмъ болѣе было причинъ для человѣка, не испорченнаго нравственно, воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства. Какова бы ни была сила обстоятельствъ и вліянія духа времени, нельзя представлять замѣчательнаго дѣятеля какою-то *tabula rasa*, безсознательно и безпрекословно принимающею всѣ впечатлѣнія, наносимыя на нее, по волѣ слѣпаго случая, неудержимою житейскою волной. Едва ли есть возможность доказать, что Ѳеофанъ былъ безупреченъ по образу дѣйствій, по своимъ намѣреніямъ и по средствамъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ для достиженія своихъ цѣлей. Еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, во времена хвалебныхъ гимновъ и общаго увлеченія Петромъ и его сподвижниками, слышались го-

---

1) Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе *П. Пекарскаго*. Т. I. 1862, стр. 481—482.

лоса противъ Θеофана. Недовольный нововведеніями и сочувствующій старинѣ, князь Щербатовъ съ негодованіемъ говорилъ о Θеофанѣ, какъ о необузданномъ честолюбцѣ, приносившемъ законъ въ жертву произволу Бирона и не устыдившемся быть судьей въ Тайной канцеляріи[1]). Отзывъ Щербатова, не ограничивающійся однимъ Θеофаномъ, показываетъ, въ какой сферѣ долженъ былъ дѣйствовать Θеофанъ и при жизни Петра Великаго: что же окружало его въ послѣдствіи? Даже при полномъ довѣріи (если допустить его) къ словамъ Щербатова выходитъ,

---

1) Въ сочиненіи: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», *князь Щербатовъ* говоритъ: «Въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его (Петра Великаго) князь *Меншиковъ* когда ему строгую правду представлялъ, чтобы Гаврила Ивановичъ *Головкинъ*, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Галембурхомъ, съ Герцомъ и съ англійскими и шотландскими сообщниками претендента, ни *Остерманъ*, написавшій требуемое письмо, несовмѣстность сего поступка представилъ, чтобы Иванъ *Мусинъ-Пушкинъ* его отъ какого поступка удержалъ, чтобы адмиралъ *Апраксинъ*, имѣющій такую повѣренность, что̀ вопреки сказалъ государю. Но всѣ токмо согласіе свое изъявляли *и впускали вкореняться лести и рабству* для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ государь и князь Я. Θ. Долгоруковъ противоборствовали. А съ другой стороны, духовный чинъ, который его не любилъ за отнятіе своей власти, гремѣлъ въ храмахъ Божіихъ его панегириками. Между сими *Прокоповичъ*, который изъ духовенства хотя нелюбви къ государю не имѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выспренный свой голосъ на хвалы государевы вознесъ. Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно бы было, чтобы они не отъ лести происходили, а похвалы *Прокоповича*, сего непостриженнаго монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирона, сего, иже не устыдился быть судьею Тайной канцеляріи, бывъ архипастыремъ церкви Божіей, были лестны, яко свидѣтельствуетъ его собственное сочиненіе: «Правда воли монаршей» — памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому.... *Θеофанъ Прокоповичъ*, архіепископъ Новгородскій, мужъ исполненный честолюбія, хотѣлъ себѣ болѣе силы и могущества пріобрѣсти. Василій Никитичъ *Татищевъ*, человѣкъ разумный и предпріимчивый, искалъ своего счастія. Князь *Антіохъ Дмитріевичъ* (*Кантемиръ*), человѣкъ ученый, предпріятельный, но бѣдный, по причинѣ права перворожденія брата своего Дмитрія Дмитріевича, искалъ себѣ и почестей и богатства, которое надѣялся чрезъ умыселъ свой противу установленія получить и тѣмъ достигнуть еще до желанія его жениться на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, дочери и наслѣдницѣ князя Алекс. Мих. Черкасскаго, богатѣйшаго изъ россійскихъ благородныхъ. Сіи три, связанные дружбою, разумомъ и своими видами, учинили свое расположеніе для разрушенія сдѣланнаго Долгорукими узаконенія», и т. д.

что Θеофанъ Прокоповичъ дѣйствовалъ такъ же не искренно, какъ и Меншиковъ, Головкинъ, Остерманъ, Апраксинъ и другіе. Θеофанъ не чуждъ былъ лести въ своихъ панегирикахъ, восхваляя Меншикова за его небывалые героическіе подвиги, не смущаясь даже жестокостями его при взятіи Батурина, и т. п.[1]). Но не смѣшивая личнаго дѣла съ общимъ, оцѣнивая Θеофана, не какъ человѣка вообще, а какъ борца за просвѣщеніе, нельзя не признать его великихъ заслугъ. Въ наше время, когда тщательно собираются свѣдѣнія не только о главнѣйшихъ, но и о второстепенныхъ и третьестепенныхъ дѣятеляхъ, когда у нѣкоторыхъ является желаніе поставить на пьедесталъ лица, взвѣшенныя и осужденныя исторической критикой, и возвеличить, напримѣръ, Петра III въ ущербъ его знаменитой преемницѣ,—тѣмъ несправедливѣе и несовременнѣе было бы отрицаніе заслугъ человѣка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ по общему убѣжденію и почитателей его, и враговъ.

Совершенно справедливо замѣчаетъ академикъ Пекарскій, что «Θеоофанъ принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ и наиболѣе выдающимся личностямъ русской исторіи первой половины восемнадцатаго столѣтія; направленіе, которымъ отличаются всѣ произведенія, достойныя упоминанія въ исторіи русской литературы послѣднихъ двухъ вѣковъ, высказалось опредѣлительно и ясно въ произведеніяхъ Θеофана». Весьма остроумно сближеніе произведеній Θеофана съ аномаліями новѣйшей русской литературы. Во время Θеофана—говоритъ г. Пекарскій—

«не было у насъ журналистики, не существовалъ обычай высказывать печатно мнѣнія о состояніи страны, администраціи и т. п.—однимъ словомъ, у Прокоповича не было тѣхъ средствъ, которыми пользуется писатель въ другихъ государствахъ. Отъ него требовали и ожидали словъ на торжественные случаи, ему приказывали сочинять уставы; онъ и исполнялъ все это, но такъ, что часто вмѣсто проповѣди выходилъ у него политическій памфлетъ, а изъ законодательнаго памятника — сатира. И это—явленіе историческое въ нашей литературѣ: оно повторяется и донынѣ; въ доказательство напомнимъ только,

1) *Пекарскаго*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. II, стр. 207, 386 и др.

что есть повѣсти и разсказы, въ которыхъ также неожиданно, какъ и въ проповѣдяхъ Прокоповича, встрѣчается то, что было бы приличнѣе въ *Gazette des tribunaux* или другомъ юридическомъ журналѣ».

Вполнѣ основательно г. Пекарскій находитъ неумѣстнымъ появленіе въ литературныхъ произведеніяхъ вещей вовсе нелитературнаго характера. Но упрекъ въ подобной смѣси разнородныхъ началъ не можетъ, собственно говоря, падать на Өеофана. Если изъ законодательнаго памятника выходила у Өеофана *сатира*, то это зависѣло прежде всего отъ *склада его ума*, и черты его *сатирическаго таланта* обнаруживаются невольно, въ большей или меньшей степени, во всѣхъ его произведеніяхъ безъ исключенія. Что въ проповѣди является иногда политическій памфлетъ, это объясняется тѣмъ, что Өеофанъ былъ не отвлеченный мыслитель, не книжникъ, въ четырехъ стѣнахъ измышлявшій различныя теоріи, а живой *общественный* дѣятель, сознававшій свою силу и убѣжденный, что *слово* его не пропадаетъ даромъ, а *переходитъ въ дѣло*, благодаря могучей волѣ Петра Великаго. Онъ всего чаще избиралъ *проповѣдь* для выраженія своихъ идей именно потому, что она была, по многовѣковому обычаю, самою народною и общедоступною литературною формой для раскрытія идеи, созрѣвшей въ умѣ писателя. Нельзя сравнивать политическій элементъ въ сочиненіяхъ Өеофана, дѣйствительнаго политическаго дѣятеля, съ *quasi*-политическими вставками въ повѣстяхъ и разсказахъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго вліянія на политическій и общественный бытъ Россіи, чего никакимъ образомъ нельзя сказать о сочиненіяхъ Өеофана. Өеофанъ является политикомъ въ проповѣди, потому что это былъ прямой и единственный путь для высказыванія того, о чемъ онъ не въ правѣ былъ молчать, какъ дѣятель государственный, какъ просвѣтитель современнаго ему общества; но многихъ ли изъ позднѣйшихъ литераторовъ, воображавшихъ себя публицистами, можно не въ шутку и не кривя душой назвать просвѣтителями народа?

Въ капитальномъ трудѣ академика Пекарскаго находится

превосходное библіографическое описаніе сочиненій Θеофана Прокоповича со многими выписками, указаніемъ содержанія и объясненіями. Особенно подробно описаны составленный Θеофаномъ Регламентъ, драма Θеофана: Владиміръ, славяно-русскихъ странъ князь и повелитель, и нѣкоторыя другія изъ его произведеній. Исчислены какъ различныя изданія печатныхъ сочиненій и переводовъ Θеофана, такъ и остающіеся въ рукописи труды его, не упоминаемые ни въ одномъ перечнѣ его произведеній, какъ напримѣръ, рукописный переводъ съ латинскаго языка книги испанскаго писателя Донъ-Діего Саведра Факсардо: *Symbola christiana politica*— Изображеніе христіано-политическаго властелина, символами объясненное. При описаніи авторъ указываетъ на взаимную связь памятниковъ, отмѣчая ихъ различныя редакціи и приводя данныя для объясненія тѣхъ мѣстъ, которыя непонятны безъ сличенія ихъ съ другими произведеніями тогдашняго времени. Замѣчательное слово о власти и чести царской, изобилующее, какъ и всѣ произведенія Θеофана, живыми чертами дѣйствительности, находится въ связи съ дѣломъ царевича Алексѣя Петровича, въ которомъ замѣшано столько вліятельныхъ лицъ, и г. Пекарскій сопоставляетъ слово Θеофана съ «объявленіемъ розыскнаго дѣла и суда на царевича для извѣстія всенароднаго» и съ манифестомъ, читаннымъ въ столовой палатѣ 5-го марта 1717 года. Въ числѣ приложеній помѣщенъ любопытный проектъ о семинаріи въ Петербургѣ Θеофана Прокоповича, поданный Петру Великому; онъ хранится въ Государственномъ Архивѣ. Въ отдѣльной главѣ (пятнадцатой) изслѣдованія г. Пекарскаго разсматривается дѣятельность Θеофана Прокоповича какъ писателя, связь литературныхъ трудовъ его съ реформой Петра Великаго, отношенія Θеофана къ Кантемиру и Ломоносову, и т. п.

Изъ предложеннаго нами обзора видно, что различными писателями сообщено много важныхъ матеріаловъ для изображенія литературной и общественной дѣятельности Θеофана Прокоповича, и оцѣнены нѣкоторыя ея стороны. Біографическія данныя

приводятся, съ большею или меньшею подробностью, въ словарѣ митрополита Евгенія, въ книгѣ академика Пекарскаго [1]) и — гораздо ранѣе—въ примѣчаніяхъ къ сатирамъ Кантемира, гдѣ они записаны, такъ сказать, по живымъ слѣдамъ и по свидѣтельству современниковъ [2]). Литературные пріемы Өеофана, составъ и построеніе его словъ и рѣчей, разсмотрѣны Каченовскимъ, г. Самаринымъ и другими. Характеристическія особенности Өеофана Прокоповича, какъ писателя эпохи преобразованія, мастерски обозначены г. Самаринымъ и г. Пекарскимъ, который представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ богатый и научно разработанный матеріалъ для изученія литературныхъ трудовъ Өеофана. При подобныхъ пособіяхъ, при значительномъ запасѣ данныхъ, извлеченныхъ изъ архивовъ и появлявшихся въ различныхъ духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ, недоставало литературѣ нашей полной и подробной монографіи о Өеофанѣ Прокоповичѣ. Этотъ пробѣлъ восполняется трудомъ г. Чистовича, изданнымъ Академіей Наукъ.

Книга г. Чистовича заключаетъ въ себѣ обозрѣніе жизни и дѣятельности Өеофана Прокоповича (род. 1681) съ его ранняго дѣтства до его смерти (1736 г.). Существенное достоинство труда г. Чистовича состоитъ въ обиліи прекрасно сгруппированныхъ матеріаловъ, представляющихъ много любопытнѣйшихъ чертъ для исторіи изображаемаго времени. Не говоря о печатныхъ источникахъ и пособіяхъ, авторъ имѣлъ возможность пользоваться двумя важнѣйшими собраніями документовъ восьмнадцатаго столѣтія: Государственнымъ Архивомъ и архивомъ Св. Синода. Уже одно это обстоятельство достаточно показываетъ, какой интересъ должна имѣть книга г. Чистовича при его умѣніи пользоваться своими матеріалами. Главными источниками служили: дѣла архива Св. Синода съ 1721 по 1736 годъ, дѣла Го-

1) *Пекарскаго*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Т. I, стр. 482 и слѣд. Сообщаемыя авторомъ извѣстія заимствованы изъ Scherer's Nordische Nebenstunden.

2) Примѣчаніе къ пятому стиху третьей сатиры. Сочиненія *Кантемира*, изд. 1867, стр. 76—78.

сударственнаго Архива, а именно: а) кабинетныя дѣла, въ которыхъ находятся письма и донесенія Ѳеофана Петру Великому, и указы, распоряженія и замѣтки Петра Великаго по церковнымъ дѣламъ; б) переписка разныхъ лицъ съ Екатериной I-й, Анной Іоанновной и Елисаветой Петровной; в) дѣла Верховнаго Тайнаго Совѣта; г) дѣла Тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи; д) дѣла о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ; русскія и латинскія письма Ѳеофана Прокоповича, его слова и рѣчи; біографія Прокоповича, приписываемая академику Байеру и помѣщенная въ *Nordische Nebenstunden* 1776 г., и др.

Сообщивъ подробныя свѣдѣнія о судьбѣ Ѳеофана Прокоповича до появленія его въ Петербургѣ, авторъ излагаетъ дѣйствія Ѳеофана, какъ сподвижника Петра Великаго въ дѣлѣ реформы, говоритъ объ учрежденіи синода, о духовномъ регламентѣ, объ административныхъ и литературныхъ трудахъ Ѳеофана. За этимъ, сравнительно краткимъ, обзоромъ слѣдуетъ пространный разсказъ о дѣйствіяхъ Ѳеофана по смерти Петра Великаго. На первомъ планѣ является участіе Ѳеофана въ розыскахъ Тайной канцеляріи, хотя авторъ не забываетъ и другихъ сторонъ дѣятельности Ѳеофана Прокоповича. Времена были ужасныя: людей, совершенно невинныхъ, притягивали къ допросу изъ-за тридевять земель, заклепывая имъ ротъ, чтобы не говорили на пути; даже покойниковъ не оставляли въ могилѣ, и тѣла умершихъ отправлялись изъ Архангельска въ Петербургъ по требованію Тайной канцеляріи. Возмутительная картина преслѣдованій и пытокъ производитъ тяжелое впечатлѣніе на читателя и невольно подрываетъ сочувствіе его къ избраннику Петра Великаго. Видно, что самъ авторъ находился подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, какъ можно заключить и изъ чрезвычайно пространнаго описанія процессовъ и изъ бѣглыхъ замѣтокъ и отзывовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ сочиненія. Но въ окончательномъ выводѣ авторъ указываетъ на примиряющее начало, полагая его въ историческомъ изученіи Ѳеофана въ связи съ условіями его времени и тогдашнихъ нравовъ.

«Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ онъ, «что Ѳеофанъ выказалъ много темныхъ сторонъ своего характера. Но чтобы судить объ этомъ безпристрастно, нужно имѣть въ виду тѣ обстоятельства, въ которыхъ Ѳеофанъ находился во время своей жизни послѣ смерти Петра I. Онъ одинъ выносилъ на своихъ плечахъ введенныя Петромъ въ русскую церковь преобразованія. Извѣстно, что имъ угрожала самая печальная судьба. Оберегая себя, Ѳеофанъ оберегалъ вмѣстѣ съ тѣмъ общее церковное дѣло. Къ чести его надо сказать, что при противныхъ обстоятельствахъ, онъ не перемѣнилъ своихъ убѣжденій. При Екатеринѣ, Петрѣ II и Аннѣ онъ все тотъ же, что̀ былъ и при Петрѣ I. Конечно, нельзя нравственно оправдать его постоянныхъ аппеляцій къ Тайной канцеляріи; но ему оставалось выбирать одно изъ двухъ — или погибнуть гдѣ-нибудь въ Охотскѣ, Соловкахъ, также какъ погибли тамъ Ѳеодосій, Георгій Дашковъ и другіе, или обороняться тѣмъ же оружіемъ, какимъ пользовались противъ него его противники. Конечно, не похвальное дѣло запугивать государыню бунтами и революціями и держать въ страхѣ, слѣдовательно, подъ своею властію, министровъ; но мало пріятнаго и помѣняться ролями и судьбой съ своими противниками. И нельзя не признать, что только владѣя такимъ обширнымъ, гибкимъ и изворотливымъ умомъ, каковъ умъ Ѳеофана, онъ не только самъ уцѣлѣлъ и сохранилъ свое положеніе во время тѣхъ постоянныхъ смутъ, какія волновали государство и церковь въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда погибли Меншиковы, Долгоруковы, Голицыны, Остерманы и многое множество другихъ лицъ, но и сберегъ дѣло Петра отъ постоянно грозившаго ему уничтоженія. Нѣтъ сомнѣнія, что другое время дало бы иное направленіе тому великому дару, какой имѣлъ Ѳеофанъ. При болѣе высокомъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе спокойномъ состояніи общества, вмѣсто того, чтобы растрачивать время на процессы въ Тайной канцеляріи, онъ употребилъ бы его на пользу церкви, болѣе сообразно съ образомъ христіанскаго пастыря. Но какъ сынъ своего вѣка, онъ несетъ на себѣ и его болѣзни. При чтеніи процессовъ Ѳеофана съ разными лицами, съ неудержимою силой бьетъ въ глаза хаотическое состояніе тогдашняго общества, въ которомъ бродятъ разнородные, никѣмъ не направляемые элементы, и которое открывало полный просторъ для игры не сдерживаемыхъ страстей, честолюбій, интригъ. На церковныхъ дѣлахъ вполнѣ отразилось это неустроенное состояніе тогдашняго общества. И тамъ, и здѣсь подняться съ самыхъ низкихъ ступеней общества до самыхъ высшихъ, и такъ же скоро упасть съ высоты, какъ легко было подняться на нее, — въ ту пору — дѣло самое обыкновенное, хотя въ то же время самое неестественное, которое свидѣтельствуетъ о неустроенномъ состояніи общества. Ѳеофанъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, понималъ духъ своего времени и пользовался имъ съ искусствомъ, въ которомъ ему не было равнаго. Поэтому и вѣрная историческая оцѣнка его дѣятельности можетъ быть сдѣлана только въ виду состоянія тогдашняго общества, и притомъ съ точки зрѣнія на него, какъ на *государственнаго дѣятеля*, хотя ближайшею сферой его были церковныя дѣла» [1]).

---

1) *Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.* Томъ четвертый. Спб. 1868. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. *И. Чистовича*, стр. 576—577.

Изложеніе г. Чистовича отличается объективностью; не вдаваясь въ сужденіе о событіяхъ, авторъ передаетъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они записаны въ старинныхъ актахъ, и большею частію — подлинными словами актовъ. Самая характеристика Өеофана, какъ писателя, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, ни одной рѣзкой особенности въ сравненіи съ тѣмъ, чтó высказано уже г. Самаринымъ и г. Пекарскимъ. Авторъ избралъ своею задачей представить *время* Өеофана, и выбирая изъ памятниковъ многочисленныя свидѣтельства объ этой замѣчательной эпохѣ, онъ предоставляетъ читателямъ дѣлать выводы и объясненія. Въ выборѣ извлеченій изъ памятниковъ, авторъ руководствовался цѣлью серіозною. Уголовные процессы приводятся имъ не только ради ихъ новости и занимательности, а и по значенію ихъ для пониманія тогдашней эпохи. Его симпатіи и антипатіи вытекаютъ, повидимому, изъ воззрѣнія на внутреннее начало борьбы, совершавшейся въ русскомъ обществѣ. Въ образѣ дѣйствій Өеофана видно столкновеніе двухъ великихъ силъ: церкви и государства, и степенью сочувствія къ тому или другому изъ этихъ началъ объясняется отношеніе Өеофана какъ къ его современникамъ, такъ до нѣкоторой степени и къ послѣдующимъ цѣнителямъ.

Разнообразная дѣятельность Өеофана и его энергическое участіе въ общественныхъ дѣлахъ сводили его со многими, болѣе или менѣе замѣчательными лицами. Нѣкоторыя изъ нихъ выдаются своимъ характеромъ или ролью, которая выпала на ихъ долю; другія заслуживаютъ вниманія по своей печальной судьбѣ, знакомящей съ суровыми нравами эпохи. Авторъ тщательно собираетъ имена, упоминаемыя въ процессахъ Өеофана, и сообщаетъ о нихъ болѣе или менѣе подробныя извѣстія. Съ особеннымъ сочувствіемъ онъ говоритъ о Стефанѣ Яворскомъ, и разсказъ о немъ составляетъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ эпизодовъ въ біографіи Өеофана. Судьба Өеодосія Яновскаго, Георгія Дашкова, Родышевскаго, Аврамова и многихъ другихъ описана съ большою подробностью. Не забытъ и хлыстъ Спири-

донъ Лупкинъ и юродивый Тимоѳей Архиповичъ, какъ съ другой стороны, не забыты и князь Д. М. Голицынъ, «разумнѣйшій человѣкъ своего времени», по выраженію князя Щербатова, Кантемиръ, и Татищевъ, и Тредіаковскій, который неожиданно является въ роли обвиняемаго за вольномысліе и атеизмъ.

Повторяю: книга г. Чистовича заключаетъ въ себѣ много въ высшей степени любопытныхъ свѣдѣній и матеріаловъ, знакомя не только съ Ѳеофаномъ, но и съ его эпохой, подобно трудамъ академиковъ Устрялова и Пекарскаго. Сочиненіе г. Чистовича, еще до появленія въ печати, оцѣнено Академіей Наукъ, увѣнчавшею его двойною преміей: Демидовскою и Уваровскою. Два обширныхъ разбора составлены академикомъ Пекарскимъ и помѣщены въ издаваемыхъ Академіей Наукъ отчетахъ о присужденіи Демидовскихъ и Уваровскихъ наградъ.

На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя заключаются въ произведеніяхъ Ѳеофана Прокоповича, а также въ книгѣ г. Чистовича и въ различныхъ изданіяхъ: *Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, въ *Русскомъ Архивѣ* и др., можно составить ясное понятіе о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, какъ литературномъ и общественномъ дѣятелѣ. Не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ только нѣкоторыя черты, пользуясь преимущественно произведеніями самого Ѳеофана Прокоповича и приводя его собственныя слова, въ которыхъ съ необыкновенною живостью выражаются его мысли, стремленія и убѣжденія.

Существенную особенность Ѳеофана составляетъ то, что онъ былъ реформаторомъ по призванію, по убѣжденію и по дѣятельности своей въ русскомъ обществѣ. Реформа составляетъ душу его писаній и дѣйствій; онъ былъ искреннимъ и восторженнымъ приверженцемъ и защитникомъ новаго порядка и также искренно и настойчиво возставалъ противъ стараго. То, что сказано имъ

о жизни человѣческой вообще, вполнѣ примѣняется къ его понятіямъ о русской исторической жизни. «Что отъ житія нашего прошло», говоритъ онъ, «все то умерло, и какъ не сыти есмы прошлогодскою пищею, такъ не *живемъ мимошедшими временами*»[1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ опровергаетъ недоброжелателей всякаго новаго дѣла:

«Аще бы и новое дѣло, чтò же самая новость вредитъ? *Зло и старое*—*зло есть; добро и новое—добро есть*. Нѣкія вещи за самую ветхость похвалы своей лишаются; новость же сама собою ничего отнюдь не порочитъ... Бѣдны мы были, если не было у насъ (добраго и полезнаго), а благополучны, что и у насъ настало. Первѣе явилося огненное оружіе у прочіихъ народовъ, нежели у насъ; но если бы и къ намъ оное доселѣ не пришло, чтò бы была и гдѣ бы уже была Россія? Тожде разумѣй и о книжной типографіи, о архитектурѣ, о прочіихъ ученіяхъ. *Разумный есть и человѣкъ и народъ, который не стыдится перенимать доброе отъ другихъ и чуждыхъ; безумный же и смѣха достойный, который своего и худаго отстать, чуждаго же и добраго принять не хощетъ*» и т. д.[2]).

Восхваляя дѣла Петра Великаго, Ѳеофанъ говоритъ:

«Нынѣ дѣти россійстіи съ охотою учатся, съ радостію навыкаютъ: тая прежде была ли? Не вѣдаю, во всемъ государствѣ былъ ли хотя одинъ циркликъ, а прочаго орудія и именъ не слыхано; а если бы гдѣ нѣкое явилося ариѳметическое или геометрическое дѣйствіе, то тогда волшебствомъ нарицано. Чтò о архитектурѣ речемъ, каковое нынѣ видимъ строеніе? Было таковое, которое насилу крайней нуждѣ служило, насилу отъ воздушной противности, отъ дождя, вѣтра и мраза охраняти могло, а нынѣшнее, сверхъ всякаго изряднѣйшаго угодія, красотою и велелѣпіемъ свѣтлѣется. Чтò еще и о воинской и о корабельной архитектурѣ? Того у насъ прежде и живописцы правильно изобразити не умѣли.... *Чѣмъ мы прежде хвалилися, того нынѣ стыдимся*» и т. д.[3]).

Ѳеофанъ Прокоповичъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, неминуемо долженъ былъ идти рука объ руку съ Петромъ Великимъ. Полное внутреннее согласіе между ними установилось само

1) *Ѳеофана Прокоповича*, архіепископа великаго Новаграда и пр., Слова и рѣчи, собранныя и нѣкоторыя вторымъ тисненіемъ, а другія вновь напечатанныя. 1761. Ч. II, стр. 123.

2) Въ заключеніи политическаго памфлета, изданнаго подъ названіемъ: «Правда воли монаршей въ опредѣленіи наслѣдника державы своей».

3) *Ѳеофана Прокоповича* Слова и рѣчи. Ч. II, стр. 149.

кій задумалъ и въ церковной средѣ произвести преобразованіе, совершаемое имъ въ государственной жизни. Въ книгѣ г. Чистовича подробно говорится о мѣрахъ относительно новаго устройства монашества, и приводится указъ Петра Великаго о монастыряхъ, вызвавшій сильнѣйшее раздраженіе въ извѣстной части тогдашняго общества[1]). Петръ Великій всею силой души ненавидѣлъ лицемѣріе и ханжество. Онъ преслѣдовалъ въ немъ опаснѣйшаго для государства врага, съ которымъ особенно трудно было справиться, ибо оно могло волновать народныя массы, поддерживая и развивая въ нихъ суевѣрія и предразсудки. Опасность заключалась въ томъ видѣ, который принимало на себя лицемѣріе, прикрывая дѣйствія свои священнымъ знаменемъ церкви. Петръ Великій неоднократно высказывалъ мысль о необходимости разъяснять истинное понятіе о христіанскомъ благочестіи, оградивъ его отъ кривыхъ толковъ и суевѣрной примѣси. Онъ считалъ нужнымъ напечатать при требникахъ объясненіе заповѣдей, направленное противъ лицемѣровъ и ханжей, и самъ составилъ въ подобномъ духѣ любопытныя замѣтки о десяти заповѣдяхъ. По его мнѣнію, если нѣтъ отдѣльной заповѣди, запрещающей лицемѣріе и ханжество, то потому только, что это зло проникаетъ собою всѣ другіе грѣхи и пороки. Лицемѣры — отъявленные атеисты, не имѣющіе вѣры въ Бога, ибо разглашаютъ ложныя чудеса и вымышленныя видѣнія, какъ бы посланныя отъ Бога, а сами не вѣрятъ имъ, зная, что ихъ никогда не бывало. Лицемѣры убиваютъ множество людей, подстрекая ихъ къ неповиновенію законной власти. Они окрадываютъ не только руками, но и духомъ. Они нарушаютъ святыню супружескаго союза, втираясь къ чужимъ женамъ и нагло обманывая мужей и т. п.

Подобно Петру Великому, Ѳеофанъ ненавидѣлъ лицемѣріе, смотрѣлъ разумнымъ образомъ на требованія вѣры и былъ совер-

---

1) Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время. *И. Чистовича*, стр. 514 и слѣд. и 709—718.

шенно чуждъ фанатизма, дорожа вмѣстѣ съ тѣмъ чистотой православія. По отзыву спеціалистовъ, богословскія сочиненія Өеофана Прокоповича написаны въ духѣ православія. «Самое строгое разсмотрѣніе его сочиненій», говоритъ г. Чистовичъ, «не откроетъ въ нихъ ничего, противнаго православной церкви» [1]). Но его свѣтлый умъ далекъ былъ отъ піэтизма и нетерпимости. Какъ Петръ Великій и говорилъ и писалъ, что совѣсти человѣческой приневоливать не желаетъ, такъ у Өеофана была поговорка: *uti boni vini non est quaerenda regio, sic nec boni viri religio et patria.* Изучая Св. Писаніе и отцовъ церкви, Өеофанъ отвергалъ измышленія досужихъ книжниковъ, говоря, что «книга критика вѣрить имъ не велитъ». Впрочемъ, не только между слѣпыми приверженцами обряда и внѣшности, но и между людьми образованными были лица, не сочувствовавшія Өеофану въ его взглядѣ на взаимныя отношенія церкви и государства. Өеофана обвиняли въ томъ, что религія понималась имъ, какъ орудіе для цѣлей государственныхъ: религіозныя несогласія выставлялъ онъ мятежемъ и бунтомъ, за политическія убѣжденія и даже за пасквили на политическихъ дѣятелей предавалъ церковному проклятію. Лица противоложнаго образа мыслей, защищавшія свободу и независимость церкви и ограждавшія ее отъ вмѣшательства бюрократіи, говорили, что молиться по приказу нельзя, и что «въ церкви монархіи нѣтъ и никогда не бывало» [2]).

Противъ лицемѣровъ и ханжей Өеофанъ вооружился и въ книгахъ, писанныхъ по волѣ и по программѣ Петра Великаго, и въ проповѣдяхъ, и даже въ драматическихъ произведеніяхъ. Въ Тайную канцелярію представлено было обвиненіе въ томъ, что онъ называлъ нѣкоторыя лица, принадлежащія къ почетному сословію, идольскими жрецами, лицемѣрами, жериволами. Жериволъ является однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ драматической піесѣ Өеофана: «Владиміръ», въ которой изображается по-

---

1) *Тамъ же*, стр. 574.
2) *Тамъ же*, стр. 162.

бѣда новаго начала надъ старымъ, христіанства надъ язычествомъ. Владиміръ принимаетъ новое ученіе и распространяетъ его въ русскомъ народѣ, а жрецы отвергнутаго культа оплакиваютъ минованіе ихъ темнаго царства. Жериволъ, лицемѣрный служитель погибающихъ боговъ, дорожилъ ими ради прибытковъ, ради тучныхъ воловъ (какъ показываетъ самое названіе его) и другихъ жертвъ, приносимыхъ невѣжественными поклонниками, которыхъ онъ увѣрялъ, что безсмертные боги могутъ погибнуть только отъ голода, слѣдовательно, и главная забота вѣрующихъ должна состоять въ томъ, чтобы щедрыми дарами избавлять боговъ отъ голодной смерти[1]).

Осуждая и осмѣивая лицемѣріе, суевѣріе и невѣжество, Ѳеофанъ былъ проникнутъ живымъ сочувствіемъ къ просвѣщенію, вполнѣ понималъ значеніе науки и умѣлъ цѣнить людей, посвятившихъ жизнь научнымъ занятіямъ. Ѳеофанъ былъ безспорно просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ своего времени въ Россіи. Одинъ изъ современныхъ Ѳеофану ученыхъ говоритъ, что бесѣды съ Ѳеофаномъ воскрешали передъ нимъ древнюю Грецію съ ея философскими школами, и Ѳеофанъ казался новымъ Климентомъ, Кирилломъ или Евсевіемъ, а воспоминанія о Римѣ и Италіи, объ ея историческихъ памятникахъ, свидѣтельствовали о высокой образованности Ѳеофана, о необыкновенной воспріимчивости его духа, и поражали художествомъ его латинской и италіанской рѣчи.

Обширность знаній свидѣтельствуетъ о неутомимомъ трудолюбіи и изумительной памяти Ѳеофана, а сила размышленія, характеръ знаній и пониманіе духа науки показываютъ, какъ высоко онъ стоялъ въ сравненіи съ окружавшими его русскими и иностранными учеными. Еще въ Римѣ, на школьной скамьѣ,

---

1) *Новикова*, Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ, въ Матеріалахъ для исторіи русской литературы, изд. *Ефремова*. Спб. 1867, стр. 91, № 52.—Описаніе рукописей Румянцовскаго музеума, сост. *Востоковымъ*, стр. 447, № CCCXVIII.—*Пекарскаго*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, I, стр. 416—421 и друг.

онъ понялъ безплодность схоластики и съ жаромъ юности предался изученію отцовъ греческой и римской церкви и классическихъ писателей древняго міра: Демосѳена, Квинтиліана, Тацита и др. Воззрѣніе Ѳеофана на науку превосходно выражается въ слѣдующихъ словахъ его въ Духовномъ регламентѣ:

Доброе и основательное ученіе есть корень, сѣмя и основаніе всякой пользы какъ для отечества, такъ и для церкви. Но слѣдуетъ накрѣпко наблюдать, чтобы ученіе было дѣйствительно доброе и основательное. Ибо есть ученость, которая хотя и слыветъ таковою, но въ сущности не достойна этого имени.

Обыкновенно спрашиваютъ, въ какихъ школахъ былъ такой-то, и когда услышатъ, что былъ онъ и въ риторикѣ, и въ философіи, и въ богословіи, то за это одно высоко ставятъ человѣка, въ чемъ часто и погрѣшаютъ. Ибо и у хорошихъ учителей не всѣ хорошо учатся: иные по тупости, другіе по лѣности, тѣмъ болѣе, когда и самъ учитель въ дѣлѣ своемъ знаетъ весьма мало или же и вовсе ничего не знаетъ.

Слѣдуетъ помнить, что отъ пятаго до пятнадцатаго столѣтія во всей Европѣ всѣ науки находились въ великой скудости и несовершенствѣ, такъ что у самыхъ лучшихъ писателей того времени остроуміе видимъ великое, а свѣта великаго не видимъ. Только съ пятнадцатаго вѣка стали появляться любознательные и искусные учители, и мало по малу многія академіи возымѣли великую силу; но многія училища остались въ прежней тинѣ, такъ что у нихъ только одни имена риторики, философіи и другихъ наукъ.

Люди, вкусившіе такого призрачнаго ученія, бываютъ глупѣе неученыхъ; ибо, будучи темными невѣжами, считаютъ себя совершенствомъ, и думая, что знаютъ все, что̀ можно знать, не хотятъ и не помышляютъ читать книги и учиться. Но истинно просвѣщенный человѣкъ никогда не имѣетъ сытости въ познаніи своемъ; онъ никогда не перестанетъ учиться, хотя бы прожилъ Маѳусаиловъ вѣкъ; и т. д.[1]).

По вѣрности и глубинѣ взгляда на науку и просвѣщеніе, по дѣятельности своей для распространенія знаній въ Россіи, Ѳеофанъ долженъ быть названъ предшественникомъ Ломоносова, какъ просвѣтителя русскаго общества. Мысль о необходимости просвѣщенія, которую такъ ревностно проводитъ и словомъ, и дѣломъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, одушевляла собою и Ломоносова. Ѳеофанъ Прокоповичъ доказывалъ пользу знаній, настаивалъ на открытіи училищъ, составлялъ правила для нихъ и заводилъ

---

1) *Духовный регламентъ.* Глава о домахъ училищныхъ.

школы самъ, на свои собственныя средства. Ломоносовъ въ многочисленныхъ трудахъ своихъ говорилъ о силѣ и благотворномъ вліяніи науки, писалъ проекты учебныхъ заведеній, содѣйствовалъ открытію училищъ. Идея науки, выражаемая Ѳеофаномъ въ мѣткихъ чертахъ, относящихся къ области знаній вообще, получила у Ломоносова болѣе опредѣленный характеръ. Ломоносовъ высшую задачу науки полагалъ въ изученіи силъ природы, которое должно было оказать свое вліяніе на часть русскаго общества, не чуждавшуюся умственнаго, научнаго труда. Ѳеофанъ дѣйствовалъ преимущественно отрицательно, уничтожая суевѣрныя, враждебныя наукѣ понятія, господствовавшія въ массахъ и даже въ кругу людей, заправлявшихъ народными массами. Ломоносовъ старался дать и положительную основу тѣмъ представленіямъ, которыя долженъ имѣть о явленіяхъ, окружающихъ человѣка, всякій, не лишенный любознательности и привыкшій думать и отдавать себѣ отчетъ въ своихъ думахъ и выводахъ. Самыя условія той среды, въ которой дѣйствовалъ Ѳеофанъ, и той, въ которой подвизался Ломоносовъ, не представляли рѣзкаго различія между собою, по крайней мѣрѣ въ вопросахъ умственной жизни. Отъ этого много общаго между Ѳеофаномъ и Ломоносовымъ не только въ томъ, что оба они боролись за идею науки и просвѣщенія, отстаивая ее отъ нареканій со стороны невѣжественной части общества, но и въ выборѣ данныхъ для подкрѣпленія своей мысли, во взглядѣ на реформу Петра Великаго и на отношеніе новаго начала къ старому, наконецъ въ самомъ тонѣ нападеній ихъ на упорныхъ сторонниковъ того, что́ съ такою настойчивостью стремилась истребить реформа.

Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ломоносовъ съ одинаковымъ восторгомъ и жаромъ говорятъ о реформѣ Петра Великаго. Подобно Ѳеофану, Ломоносовъ восхвалялъ реформу во всѣхъ ея подробностяхъ, отъ новаго покроя платья до новыхъ знаній и искусствъ; истинное благо Россіи видитъ онъ въ заведеніи флота, въ устройствѣ войска и администраціи, въ путешествіи Петра по чужимъ странамъ, въ учрежденіи Синода, въ изданіи регламентовъ и

уставовъ. Въ великую заслугу преобразователю Ломоносовъ ставитъ то, что «математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхованіе вмѣненному, благоговѣйное почитаніе, въ освященной Петровой особѣ, приносилось»[1]).

Подобно Ѳеофану, Ломоносовъ возставалъ противъ грубаго невѣжества и заносчиваго полузнанія, и въ обличительныхъ словахъ его слышится, какъ и у Ѳеофана, то неудержимое негодованіе и протестъ, то злая и ѣдкая насмѣшка. Ѳеофанъ Прокоповичъ любитъ распространяться о вредѣ для религіи и науки отъ неразумнаго вмѣшательства напыщенныхъ всезнаекъ, упивающихся наивнымъ сознаніемъ собственной мудрости. Ломоносовъ утверждаетъ, что наука и религія дружно стремятся къ одной цѣли, и разладъ между ними поселяютъ люди, увлекаемые тщеславнымъ желаніемъ блистать своею мнимою мудростію[2]). Старина съ ея отжившими вѣрованіями и ихъ своекорыстными блюстителями представляется въ комическомъ свѣтѣ и у Ѳеофана Прокоповича, и у Ломоносова. Въ драмѣ Ѳеофана Прокоповича представлена забавная картина искалѣченныхъ боговъ: безногій Ладо, богъ плясокъ, не можетъ исполнять своего призванія; Мокошъ съ отбитымъ носомъ не слышитъ запаха кадилъ; Жериволъ и Куроядъ плачутъ надъ погибшими источниками своихъ доходовъ. Въ знаменитомъ посланіи Ломоносова изображается ужасъ суевѣрныхъ приверженцевъ стараго культа при мысли, что Плутонъ, Веста, Діана и все множествво боговъ безжалостнымъ образомъ принуждено вертѣться день и ночь, напрасно отыскивая мѣстечка, гдѣ бы успокоиться отъ вѣчнаго круговращенія. Жрецы въ отчаяніи, что люди поняли наконецъ, что всѣ эти Марсы, Нептуны, Зевесы не стоютъ не только жертвоприношеній, но даже дровъ подъ жертвы, а жрецы, слѣдовательно, совершенно напрасно поѣдаютъ приносимыхъ бо̃гамъ

---

1) Сочиненія *Ломоносова*. 1847. Томъ I. Похвальное слово Петру Великому, стр. 587.

2) Прибавленіе къ мемуару о явленіи Венеры на солнцѣ. Сочиненія *Ломоносова*. 1850. Т. II, стр. 270.

воловъ и ягнятъ. По мнѣнію Ломоносова, свѣтъ знаній задерживается пуще всего упорнымъ противодѣйствіемъ лицемѣровъ, отъявленныхъ враговъ науки и просвѣщенія[1]).

«Вели всегдашнюю брань съ наукой лицемѣры», говоритъ Ломоносовъ—и въ этой мысли, какъ и во многихъ другихъ воззрѣніяхъ, онъ вполнѣ сходится съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и Петромъ Великимъ.

При томъ общественномъ положеніи, которое занималъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, при его обширномъ государственномъ умѣ и политическомъ тактѣ, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ событіямъ, совершавшимся въ современной ему русской общественной жизни. Какъ человѣкъ съ опредѣленнымъ и сильнымъ характеромъ, онъ не могъ оставаться въ тѣни, и дѣйствительно, въ самыя важныя минуты волненій и переворотовъ онъ является не только участникомъ, но главой и руководителемъ различныхъ политическихъ партій. Отсюда, съ одной стороны, довѣріе къ нему вліятельныхъ людей государства, съ другой—непримиримая ненависть, процессы, открытая и тайная вражда.

Какое значеніе имѣлъ Ѳеофанъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ того времени, видно изъ того, что ему принадлежало иногда послѣднее и рѣшительное слово въ затруднительнѣйшихъ обстоятельствахъ, при самомъ запутанномъ положеніи государственныхъ дѣлъ. Ѳеофанъ принималъ самое дѣятельное участіе въ восшествіи на престолъ Екатерины I и въ возстановленіи самодержавія Анной Іоанновной. Онъ сообщилъ послѣдней планъ дѣйствій, составленный имъ въ виду случайностей, которыя могли быть вызваны уничтоженіемъ ограничивающаго акта.

Высшее учрежденіе имперіи, поправшее права Сената, такъ называемый Кабинетъ, замѣнившій собою Верховный Тайный совѣтъ, прибѣгалъ къ помощи Ѳеофана для осуществленія своихъ

---

1) Письмо о пользѣ стекла. Сочиненія *Ломоносова*. 1847. Т. I, стр. 516—517; и друг.

цѣлей. Подъ вліяніемъ Ѳеофана составленъ Анной Іоанновной актъ о престолонаслѣдіи, отпечатанный въ величайшей тайнѣ на дому у Ѳеофана. Онъ же убѣдилъ императрицу избрать жениха для принцессы Анны Леопольдовны. Кругъ знакомства и связей Ѳеофана былъ чрезвычайно обширенъ; представители иностранныхъ державъ при Петербургскомъ дворѣ искали его общества; въ частыхъ бесѣдахъ и пирахъ съ ними онъ болѣе всякаго другаго имѣлъ возможность узнавать дипломатическія тайны и при своей проницательности превосходно понималъ тогдашнія отношенія Россіи къ ея чужеземнымъ друзьямъ и недругамъ. Онъ не упускалъ изъ виду и малѣйшаго обстоятельства, могущаго имѣть прямое или косвенное вліяніе па судьбу Россіи, хотя бы и въ отдаленномъ будущемъ. Въ Голштиніи, у тетки императора Петра II, родился сынъ, названный Петромъ въ честь своего дѣда, Петра Великаго. Никто въ Россіи не обратилъ вниманія на это семейное событіе голштинскаго двора, тѣмъ болѣе, что молодость и цвѣтущее здоровье императора обѣщали ему долгую жизнь и удаляли всякую мысль о появленіи другаго государя на русскомъ престолѣ. Одинъ Ѳеофанъ привѣтствовалъ пространнымъ посланіемъ родителей новорожденнаго, котораго называлъ опорой Россійской державы. Хотя слова эти можно назвать риторическою похвалой, но ходъ событій придалъ имъ положительный смыслъ: тотъ, къ которому они относились, вступилъ въ послѣдствіи на русскій престолъ подъ именемъ Петра III.

Врагами Ѳеофана были Меншиковъ, Долгорукіе и многіе другіе изъ вліятельныхъ людей того времени. Нерасположеніе къ Ѳеофану было такъ велико, что, не смотря на всю его ученость, его не приглашали въ Верховный Тайный совѣтъ для обсужденія вопроса о воспитаніи и обученіи Петра II, хотя въ дѣлѣ этомъ онъ могъ быть наилучшимъ судьей и хотя были приглашены лица, несравненно менѣе его имѣвшія права на подобную честь. Къ партіи, во главѣ которой былъ Ѳеофанъ, принадлежали: князь Черкасскій, князь Трубецкой, Кантемиръ и другіе. Биронъ и Остерманъ были съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Высота общественнаго положенія Ѳеофана накликала ему много бѣдъ. Будучи душой различныхъ предпріятій, поддерживаемый верховною властію, Ѳеофанъ вооружалъ противъ себя всѣхъ, недовольныхъ дѣйствіями правительства. Появлялись подметныя письма, въ которыхъ представлялись въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ жизнь и поступки Ѳеофана.

Однажды полученъ былъ въ сенатъ, подъ видомъ дѣловой бумаги, пасквиль на государыню Анну Іоанновну и на Ѳеофана. У Ѳеофана не было достаточно мужества, чтобъ отвѣчать однимъ презрѣніемъ на доносы и подметныя письма. Онъ требовалъ отысканія виновныхъ и съ крайнею придирчивостью разбиралъ каждую фразу, каждое слово, въ которыхъ подозрѣвалъ что-либо противное его партіи или его личнымъ видамъ.

Постоянное участіе Ѳеофана въ дѣлахъ политическихъ и общественныхъ, какъ ни печально отражалось оно иногда на судьбѣ его и другихъ, дало необыкновенную жизненность его произведеніямъ. Они служатъ вѣрнымъ отголоскомъ эпохи и рисуютъ ее съ такимъ искусствомъ, которое достается на долю немногихъ писателей. Живая струя современности въ произведеніяхъ Ѳеофана сообщаетъ имъ ихъ отличительный характеръ, выражаясь какъ въ выборѣ изображаемыхъ предметовъ, такъ и въ тонѣ и способѣ изображенія.

У Ѳеофана преобладаетъ тонъ юмористическій, вполнѣ соотвѣтствующій складу его зоркаго и чуткаго ума, недовольнаго окружающею его средой и силящагося проложить новую дорогу, разбивая преграды, созданныя лицемѣріемъ, пошлостью и невѣжествомъ. Юмористическія изображенія людскихъ пороковъ и слабостей, съ рѣзкими чертами времени и мѣста, въ большомъ изобиліи встрѣчаются въ словахъ и рѣчахъ Ѳеофана. Не повторяя указаннаго другими[1]), приведемъ малоизвѣстную и мастерскую характеристику іезуитовъ, написанную подъ свѣжимъ впечатлѣ-

---

1) *Самарина*, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ проповѣдники. Стр. 148—151, 193—194 и др.

ніемъ іезуитской пропаганды, грозившей проникнуть въ русскія училища и заглушить въ нихъ зачатки новой жизни и умственнаго движенія:

«Поддѣльное благочестіе латинскихъ монаховъ», говоритъ Ѳеофанъ, «служитъ для меня важнѣйшимъ доказательствомъ ихъ нечестія. Посмотрите на тѣлодвиженіе, поступь, положеніе лица и тѣла ихъ: что̀ увидите искренняго, неподдѣльнаго, неизысканнаго? Одни представляются намъ сокровищницами кротости и любезности; другихъ увидишь облеченными суровостію болѣе чѣмъ катоновскою. Первые изъ нихъ, большею частью совершенно напрасно называющіе себя друзьями Іисуса, показываютъ видъ, будто они пребываютъ въ любви Божіей. Они всецѣло созданы для пріобрѣтенія благосклонности; являются въ общество въ черной, но изящной одеждѣ, отличаются бѣлизной кожи и съ головы до ногъ красавчики: тихо принимаютъ веселый видъ, придаютъ лицу пріятное выраженіе, складываютъ губы по женски, поднимаютъ и опускаютъ брови, мастерски потупляютъ глаза, пріятно и часто улыбаются, говорятъ ломанымъ голосомъ. Во время же разговора какое помаргиваніе носомъ, какое скорое движеніе пальцевъ, какое поворачиваніе въ обѣ стороны нѣжненькой шеи! А сколько мастерства въ томъ, что они имѣютъ обыкновеніе, какъ нѣкоторые Протеи, почти въ одно и то же время измѣнять свое лицо для выраженія самыхъ противоположныхъ душевныхъ движеній! Сейчасъ ты слышишь его веселаго и забавнаго; но если попадется въ рѣчи одно словечко сколько-нибудь печальнаго содержанія, вотъ ты увидишь, что онъ уже и вздыхаетъ и стенаетъ, и слезки каплютъ, — и все это дѣлаетъ онъ съ такою нѣжностію и пріятностію, какую можно видѣть и въ молоденькихъ дѣвушкахъ. Таковы-то почти всѣ свойства этого ордена; и я подозрѣваю, что лучшіе у нихъ учители — тѣ, которые обучаютъ искусству кокетничать. Но часто я не могъ удерживаться отъ смѣха при видѣ многихъ іезуитовъ, которымъ вовсе не было къ лицу представлять собою Купидоновъ или Венеръ. Когда они выходятъ на рынокъ и прогуливаются по городу (что имъ весьма свойственно, такъ какъ они подражаютъ апостоламъ), то несутся такимъ расчитаннымъ шагомъ, что, кажется, не идутъ, а танцуютъ, такъ легко и ловко, что, повидимому, не прогуливаются, а, по выраженію поэтовъ, восходятъ на высочайшую арену. Если встрѣтятся съ кѣмъ-нибудь знакомымъ, который поддается ихъ вліянію, тотчасъ оба (ибо они почти всегда прогуливаются вдвоемъ) самымъ веселымъ образомъ начинаютъ разговаривать между собою; затѣмъ старшій возрастомъ, то есть, главный начальникъ чужаго спасенія, склонивъ тихо голову на плечи и улыбаясь, говоритъ, пожимая руку встрѣтившагося знакомца: «въ какомъ состояніи вашъ внутренній человѣкъ? я увѣренъ, что онъ здравствуетъ какъ нельзя лучше»; затѣмъ сообщаетъ радостнѣйшее извѣстіе, что въ Индіи нѣкоторый могущественнѣйшій царь со всѣмъ своимъ народомъ, сколько ни есть его, приведенъ іезуитами къ вѣрѣ во Христа, и что въ Римѣ верховный первосвященникъ за ужиномъ удивительнымъ образомъ расхвалилъ общество іезуитовъ, за питьемъ возсылалъ за него молитвы и обѣщалъ безконечныя милости (такъ называютъ индульгенціи) тѣмъ, которые станутъ часто посѣщать храмы іезуитовъ. Далѣе: всегда неожиданно, а часто и неблаговре-

менно, приходятъ въ тотъ домъ, гдѣ знаютъ преданную ихъ ордену госпожу. Тамъ, послѣ пріятныхъ взаимныхъ привѣтствій, забавляютъ женщину многими благочестивыми шутками, хвалятъ украшеніе дома, удивляются картинамъ, и увидѣвъ Христа, пригвожденнаго ко кресту, вздыхаютъ съ деликатнымъ сожалѣніемъ и показываютъ движеніемъ рѣсницъ, что они уже готовы расплакаться; но тотчасъ отворачиваются отъ чужихъ глазъ, какъ будто бы для того, чтобы скрыть свои слезы, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы видѣли, что они не желаютъ быть замѣченными. Часто, если есть маленькія дѣти, іезуиты, тихо лаская ихъ, дарятъ имъ небольшія иконы или привѣшиваютъ къ шеѣ мѣдь съ изображеніемъ лица Игнатія (Лойолы). Но самый благопріятный случай выпадаетъ имъ, если они заслышатъ, что какая-нибудь богатая женщина лежитъ въ постели; тогда уже съ величайшею поспѣшностію прилетятъ къ ней и скажутъ, что они посланы святымъ Станиславомъ Косткой, что онъ приказалъ привѣтствовать ее отъ своего имени, что онъ будетъ усерднымъ ея врачемъ и постарается о скорѣйшемъ ея выздоровленіи. Потомъ обременяютъ больную многими обѣщаніями; если она будетъ осторожна и за слова отплатитъ словами же, то поспѣшно отходятъ, опустивъ уши, и будутъ говорить на сторонѣ, что она нисколько не заботится о вѣчномъ спасеніи; если же (что̀ случается чаще) больная, поддавшись ихъ суетнымъ внушеніямъ, откажетъ имъ или часть наслѣдства, или большія деньги, тогда іезуиты значительно увеличиваютъ обѣщанное больной вѣчное блаженство и, кромѣ того, подарятъ ей четки, какъ вѣрнѣйшій залогъ спасенія, и присовокупляютъ, что онѣ вмѣняются верховнымъ священникомъ въ добродѣтель, такъ что ктоноситъ ихъ въ минуту смерти, весьма легко умираетъ и улетаетъ на небо. Между тѣмъ не упускаютъ ничего, относящагося къ ихъ цѣли, и не думаю, чтобы бѣдный больной такъ мучился своею лихорадкой, какъ они невѣрнымъ ожиданіемъ его смерти. Впрочемъ, чтобы не оставить безъ вниманія и бѣдныхъ, скорымъ шагомъ обходятъ и тѣ домы, въ которыхъ жаренымъ не пахнетъ; если же увидятъ лежащаго и тяжко страждущаго нищаго гдѣ-нибудь на дорогѣ, гдѣ много собирается народу, то останавливаются тамъ и съ величайшимъ напряженіемъ кричатъ больному (хотя бы онъ вовсе и не былъ глухъ): какой пищи ему болѣе хочется — телятинки, или курятинки, или рыбки, или лепешечекъ, или мяса, или пряженцевъ, или пирожнаго? Наконецъ, перечисливъ другіе роды лакомствъ и раздраживъ аппетитъ человѣка, расходятся. А бѣднякъ этотъ воздерживается отъ простаго стола, мечтаетъ объ обѣщанныхъ кушаньяхъ и въ ожиданіи ихъ томится цѣлый день; въ заключеніе всего ему не присылается даже и протухлаго мяса. Вотъ тебѣ велегласные обѣщатели! Не достанетъ мнѣ дня, чтобы подробно говорить о нихъ. Это — люди, всѣ слова и дѣла которыхъ проникнуты развращающимъ элементомъ подложности и фальшивости. Они изобрѣтаютъ новыя и пустыя церемоніи; они постоянно шутятъ въ священныхъ собраніяхъ. Этими авторами выдуманы тѣ нѣжненькія басенки для дѣтей и женщинъ, будто Св. Дѣва поручила прилежному мальчику носить на рукахъ младенца Іисуса; что будто, когда была въ банѣ, отдала его вымыть одной дѣвочкѣ; будто ангелъ, когда будилъ какую-то дѣвицу къ утренней молитвѣ, тихо пощипалъ ее за ушко; и тысячи другихъ разукрашенныхъ пустяковъ. Вотъ каковы тѣ люди, которые мягкою святостію обманываютъ безразсудную толпу. Но такъ какъ не всѣмъ нравится эта

благочестивая сентиментальность, то есть другой родъ обманщиковъ, которые, какъ будто родившись отъ древнихъ Сабинянъ, кажутся весьма суровыми. Увидишь и другихъ, удивленныхъ и изумленныхъ, едва ступающихъ, какъ будто они вознеслись духомъ чуть не на небеса, и часто останавливающихся и какъ-бы забывшихъ себя; узнаешь также, что они днемъ и ночью лежатъ на книгахъ; не безъ удивленія замѣтишь также, что они и въ храмѣ, и на рынокъ выходятъ въ очкахъ. У нѣкоторыхъ рукава столь широкіе, что человѣкъ не ученый и не такъ набожный весь могъ бы одѣться однимъ рукавомъ. Другіе же — совершенные циники: смѣются надъ всѣми приличіями свѣта и попираютъ ихъ, немытые, грязные, съ наморщеннымъ челомъ, съ синими зубами, съ необрѣзанными ногтями, съ пренебреженіемъ ко всякому убранству. Они заботятся о томъ, чтобы говорить, по возможности, самымъ хриповатымъ или чрезмѣрно сильнымъ голосомъ; весьма приличнымъ считаютъ для священнаго оратора, если онъ во время проповѣди непристойно разводитъ мѣшками, пугаетъ всѣхъ суровымъ взглядомъ, кулаками и пятами бьетъ и чуть не ломаетъ каѳедру. Что касается одѣянія, то благодареніе Богу, если они не носятъ деревянныхъ подошвъ и не опоясываются веревкой; не имѣть чистой одежды составляетъ для нихъ религію. Поэтому увидишь весьма многихъ, которые нарочно кругомъ себя носятъ пришитые къ разодранному рубищу разноцвѣтные куски. Наконецъ, одежда, которая можетъ назваться или казаться изящною и красивою, та для нихъ смѣшна и въ высшей степени ненавистна; всякую красоту, убранство, всякую опрятность считаютъ они вредными забавами; нечистота и грубость пользуются ихъ уваженіемъ. Однако ничего не можетъ быть обжорливѣе и пьянственнѣе этого рода людей, такъ что не безъ справедливости скажешь о нихъ, что они — изъ стада свиней эпикуровыхъ. Что это, благій Боже, за новый видъ святости! Можетъ ли найтись кто-нибудь, кто бы не видѣлъ здѣсь пустой поддѣлки и не посмѣялся? Господь нашъ Іисусъ Христосъ самъ проводилъ и намъ заповѣдалъ совершенно иной образъ жизни. Онъ желалъ, чтобы мы были просты и чужды притворства; а латинскіе монахи, вопреки скромности и истинѣ, такъ возлюбили обманъ, что поставили его принципомъ своей дѣятельности. Однако меня въ высшей степени забавляетъ воспоминаніе объ этой двуличности. Всякій разъ, когда мнѣ припоминается и грязная суровость однихъ латинскихъ монаховъ, и томная и женственная нѣжность другихъ, то мнѣ представляется, что я смотрю на тѣхъ консуловъ, которыхъ превосходно изобразилъ Маркъ Туллій, — Пизона и Габинія, которымъ латинскіе монахи такъ искусно стараются подражать, что, кажется, одни ведутъ свое происхожденіе отъ Пизона, а другіе отъ Габинія» [1]).

1) Ѳеофанъ Прокоповичъ преподавалъ въ Кіевской академіи піитику и риторику. Руководство, составленное имъ по риторикѣ подъ названіемъ: «De arte rhetorica libri X», сохранилось въ рукописяхъ, находящихся въ Кіевской академіи и въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря. Извлеченія изъ нея изданы въ русскомъ переводѣ подъ названіемъ: «Выдержки изъ рукописной риторики Ѳеофана Прокоповича, содержащія въ себѣ изображеніе папистовъ и іезуитовъ», въ *Трудахъ Кіевской Духовной академіи* 1865 года, апрѣль, стр. 614—637. Описаніе іезуитовъ приведено Ѳеофаномъ въ его риторикѣ въ примѣръ характеристики.

Приведенное мѣсто, равно какъ и множество другихъ, показываетъ, съ какимъ художественнымъ чутьемъ Ѳеофанъ подмѣчалъ и изображалъ слабыя стороны современнаго ему общества, какъ сильна была сатирическая струя въ его блестящемъ литературномъ талантѣ. Постоянными жертвами его сатиры были люди, коимъ онъ противодѣйствовалъ и въ жизни со всѣмъ жаромъ энергическаго борца за новое начало, идущее въ разрѣзъ съ преданіями старины.

Появившіяся доселѣ статьи, монографіи, сборники матеріаловъ, словомъ, все, что̀ извѣстно о Ѳеофанѣ, приводятъ къ одному окончательному выводу, состоящему въ томъ, что Ѳеофанъ Прокоповичъ по всей справедливости долженъ быть названъ представителемъ своего вѣка. Во всѣхъ отросляхъ своей дѣятельности, въ своихъ достоинствахъ и недостаткахъ онъ представляетъ типъ просвѣщеннаго государственнаго человѣка Россіи временъ преобразованія.

Въ исторіи русской литературы Ѳеофану Прокоповичу принадлежитъ почетнѣйшее мѣсто въ ряду первостепенныхъ ея дѣятелей. Полное и критическое изданіе сочиненій Ѳеофана Прокоповича составляетъ существенную потребность нашей ученой литературы. Всестороннее изученіе произведеній и дѣятельности Ѳеофана Прокоповича необходимо для вѣрнаго пониманія литературы и внутренней жизни Россіи въ эпоху Петра Великаго и его ближайшихъ преемниковъ.

Повѣсть о судѣ Шемяки [1]).

Въ ряду произведеній нашей повѣствовательной литературы Шемякинъ Судъ заслуживаетъ вниманія какъ по своему содержанію и характеру, такъ и по тѣмъ даннымъ, которыя онъ представляетъ для разъясненія состава и происхожденія литературныхъ памятниковъ нашей старины. Въ XVII столѣтіи люди книжные списывали и вносили въ сборники повѣсть о судѣ Шемяки, интересовавшую ихъ своимъ сатирическимъ складомъ, своими забавными и остроумными подробностями. Въ XVIII вѣкѣ являлись передѣлки этого памятника, которому отводили мѣсто въ ряду образцовыхъ сатирическихъ произведеній, подобно баснямъ и притчамъ Сумарокова. Въ наше время ученые, какъ русскіе, такъ и иностранные, касаются преимущественно вопроса о составѣ памятника и соотношеніи его съ однородными произведеніями восточныхъ и западныхъ литературъ. Указывая на связь его съ условіями русскаго быта и общественной жизни, относятъ его къ тому же разряду, какъ и сказку о Ершѣ Ершовичѣ и лубочную картину «Мыши кота погребаютъ».

Шемякинъ Судъ сохранился въ нѣсколькихъ спискахъ конца XVII и начала XVIII столѣтія. Лучшимъ спискомъ называли тотъ, который находится, хотя и въ неполномъ видѣ, въ рукописи Бѣльскаго: «доселѣ — говоритъ Сахаровъ — не видалъ ничего лучшаго ни самъ я, ни кто-либо другой» [2]). Списки, изданные

1) Сборникъ 2-го Отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, т. X (1873 г,), и отд. Спб. 1873.

2) Русскія народныя сказки. 1841 г., стр. 269—270.

впослѣдствіи не представляютъ между собою существеннаго различія.

Шемякинъ Судъ послужилъ сюжетомъ не только для литературы, но и для народнаго искусства. Лубочныя картинки, числомъ двѣнадцать, помѣщенныя на одномъ листѣ, изображаютъ двѣнадцать событій мудренаго суда: бѣднякъ проситъ у богатаго лошади; бѣднякъ верхомъ на лошади, привязанной хвостомъ къ дровнямъ, бѣднякъ проситъ у богатаго прощенія, что оторвалъ хвостъ у его лошади; бѣднякъ падаетъ съ палатей; бѣднякъ падаетъ съ моста; передъ судьею Шемякой: бѣднякъ съ своимъ богатымъ братомъ, съ отцомъ задавленнаго имъ ребенка и съ сыномъ убитаго имъ старика; бѣднякъ мирится съ братомъ и съ двумя другими противниками; судья радуется избавленію отъ угрожавшей ему гибели.

Тѣ же сюжеты, только съ несравненно большимъ искусствомъ, представлены и въ одиннадцати гравюрахъ, изданныхъ въ концѣ прошлаго столѣтія писателемъ-художникомъ, скрывшимъ свое имя подъ буквами А. О. (быть можетъ, Алексѣй Оленинъ). Текстъ этого изданія есть переложеніе разсказа лубочной картины въ стихи, разбавленные сентенціями по тогдашнему литературному обычаю. Гравюры изображаютъ тѣ же самыя событія, что и лубочныя картинки и въ той же послѣдовательности; только три сцены истцовъ и отвѣтчика передъ судьей Шемякой замѣнены двумя, изображающими подсудимыхъ передъ Шемякою и рѣшеніе судьи Шемяки. Аляповатыя фигуры лубочныхъ картинъ замѣнены довольно изящными фигурами въ русской одеждѣ и съ русскими лицами; вмѣсто ассирійскихъ и византійскихъ оруженосцевъ являются русскіе мужички. — Издатель говоритъ, что Шемякинъ Судъ «рѣдокъ стариною своею; онъ извѣстенъ былъ до временъ сочиненія Уложенія, ибо на Спасскомъ мосту еще при царѣ Михайлѣ Ѳедоровичѣ продавался тогдашняго штиля виршами и съ картинами. Уповательно, что онъ забавнымъ своимъ произшествіемъ царскому двору былъ извѣстенъ, и въ младенчествѣ законодавцу Соборнаго Уложенія служилъ увеселеніемъ, а въ

народѣ какъ въ тѣ времена, такъ и нынѣ весьма употребительнымъ» [1]). Стихи поэта-гравера въ такомъ родѣ:

Смиренно богачу бѣдняга поклонился,
Лошадки съ хомутомъ онъ проситъ у него,
И милости сей ждетъ отъ брата своего.
Богатый, бѣдности не чувствуя мученья,
Исполнить просьбы сей не могъ безъ огорченья,
Съ великимъ сердцемъ онъ лошадку брату далъ,
А въ хомутѣ ему и вовсе отказалъ.
Не знаетъ нашъ бѣднякъ что дѣлать и съ лошадкой;
Но способъ наконецъ сыскалъ своей догадкой,
Что къ лошади за хвостъ возъ дровъ онъ привязалъ,
И сѣвши на дрова онъ прытко погонялъ....

Независимо отъ забавнаго содержанія въ пьесѣ видѣли своего рода мораль: при всей своей оригинальности судъ оказывается въ сущности справедливымъ и безобиднымъ, что̀ и выражается въ заключительныхъ стихахъ переложенія:

Каковъ ни есть сей судъ, мнѣ мнится быть полезенъ:
Имъ нищій сталъ богатъ, богатый же не бѣденъ.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія вышло въ свѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ описаніе лубочной картины Шемякина Суда, которое дало возможность иностраннымъ любителямъ народной словесности ознакомиться съ замѣчательною русскою сказкой. Въ журналѣ или точнѣе альманахѣ на 1808 годъ, изданномъ Гейдеке въ Ригѣ подъ названіемъ: Janus, въ числѣ нѣсколькихъ статей, относящихся къ исторіи русской образованности, какъ напримѣръ: о введеніи и развитія книгопечатанія въ Россіи, исторія русскаго театра отъ начала его до Волкова, описаніе русскаго посольства во Францію и въ Испанію въ 1667 г., и др.,

---

1) Старинная русская повѣсть Судъ Шемякинъ съ Баснями въ лицахъ. Москва. 1794. — Въ предисловіи къ читателю: «за излишнее почитаю представить пользу сей книги, а только то могу сказать, что желаніе мое безконечно, чтобъ всякій читатель въ скучное время нашелъ свое удовольствіе какъ въ стихахъ, такъ и въ представленныхъ изображеніяхъ, кои я самъ рисовалъ и гравировалъ. А. О.».

помѣщенъ въ концѣ перваго выпуска Шемякинъ Судъ подъ заглавіемъ: Etto Schemäkin sud (ein russisches sprichwort [1]).

Рижское изданіе Шемякина Суда не прошло незамѣченнымъ и безслѣднымъ. Иностранные ученые пользовались имъ, и, какъ видно изъ труда Бенфея, пользуются до настоящаго времени, обращая вниманіе на сходство русскаго памятника съ памятниками другихъ литературъ. Года черезъ три послѣ изданія Гейдеке извѣстный знатокъ и изслѣдователь германской старины фон-дер-Гагенъ указалъ, хотя и вскользь, на подобное сходство, именно на связь Шемякина Суда съ нѣмецкою пѣснію о Судѣ Карла Великаго [2]).

Гораздо ближе къ подлиннику, нежели у Гейдеке, нѣмецкій переводъ Шемякина Суда, изданный Дитрихомъ, получившимъ оригиналъ отъ И. М. Снегирева. Къ изданію, заключающему въ себѣ семнадцать русскихъ сказокъ, приложено предисловіе Якова Гримма [3]).

---

1) Janus oder Russische Papiere. Eine zeitschrift für das jahr 1808. Herausgegeben vom *Probst Heideke*. Erster heft. Riga. 1808.—Etto Schemäkin sud: ein uraltes volksmärchen gab zu diesem sprichworte anlass. Es heisst auf deusch: das ist geurtheilet wie Schemäkin und wird immer gebraucht, wenn jemand deraisonnirt, schief urtheilt, albern abspricht. Eine erklärung hierüber kann ich nicht besser geben, als wenn ich die beschreibung des zerrbildes, welches Schemäkins ritterliche prozedur in 12 quadraten in kupfer gestochen vorstellt, mittheile. Dabei erhalten die leser zu gleicher zeit ein pröbchen von national-fabeln im volkstone, aber mehr dürfen sie nicht erwarten (стр. 147—151).

2) Literarischer grundriss zur geschichte der deutschen poesie von der ältesten zeit bis in das sechszehnte jahrhundert durch *F. H. von der Hagen* und *J. G. Büsching*. Berlin. 1872. s. 172.... Karls Recht, ein meistergesang.... Docen in uns. mus. II, 276—83, wo ein auszug und mehr von den englischen und italienischen darstellungen dieser fabel. Von einer russischen vgl. die zeitschrift Janus, st. 1.—Aehnliche erzählungen aus Karls jugend in der deutschen prosa von seinem leben. Ueberhaupt war im mittelalter, wie Artus durch seine milde, so Karl durch seine strenge rechtspflege berühmt, und häufig sind bei den minnesingern beziehungen auf Karls Recht....

3) Russische Volksmärchen in den urschriften gesammelt und ins deutsche übersetzt von *Anton Dietrich*. Leipzig. 1831. Das Urtheil des Schemjaka, стр. 187—191.

Вольный переводъ Гейдеке перепечатанъ Бенфеемъ въ его извѣстномъ сочиненіи: «Панчатантра». Бенфей выводитъ русскую повѣсть о судѣ Шемяки изъ предполагаемаго, но пока еще не открытаго, индійскаго источника, и посредствующимъ звеномъ считаетъ сказку тибетскую. Устная передача и постепенныя примѣси, по его мнѣнію, чрезвычайно измѣнили первоначальный видъ произведенія. Бенфей приводитъ, какъ однородныя съ рус-

---

Приводимъ нѣсколько выдержекъ для сравненія изъ изданій Гейдеке и Дитриха.

Текстъ лубочныхъ картинъ.	*Janus, von Heideke.*	*Russische Volksmärchen, von Dietrich.*
Въ нѣкоторыхъ палестинахъ два брата живяше: единъ богатый, а другій убогій. Пріиде убогій братъ къ богатому лошади просити, на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздить, и богатый же даде ему лошадь. Убогій же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовалъ на брата, не даде ему хомута. Убогій же братъ умысли себѣ, что дровни привязать лошади за хвостъ....	Es lebten in einem lande zwei brüder. Davon war der eine reich, der andre arm. Einst kam der letzte zu dem erstern und bat ihn ihm sein pferd zu leihen um damit holz aus dem walde zu führen. Der reiche wollte anfänglich nicht dran. Endlich gab er es ihm, doch schlug er ihm das geschirr dazu ab. Dem armen blieb nichts übrig als den schlitten an den schweif des pferdes zu binden....	Auf einigen grundstücken lebten zwei brüder; der eine war reich, der andere arm. Da kam der arme bruder zu dem reichen um ihn um ein pferd zu bitten, damit er holz aus dem walde holen könnte. Der reiche gab ihm das pferd und der arme fing nun auch an um ein kummet zu bitten; der reiche aber zürnte auf den bruder und gab ihm kein kummet. Der arme bruder aber kam auf den gedanken, schlitten dem pferde an den schweif zu binden....
Судья же Шемяка выслалъ слугу къ убогому прошать денегъ триста рублевъ. Убогій же показа камень и рече: аще бы судья не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибить до смерти. Слуга же пріиде къ судьѣ и сказа про убогаго: аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнемъ ушибить до смерти. Судья же нача креститися: слава Богу, что я по немъ судилъ.	Er schickte seinen bedienten zu dem, den seine wohlwollende billigkeit losgesprochen hatte, und liess ihm um 300 rubel ersuchen. «Hätte mich der herr richter nicht losgesprochen, erklärte dieser, so wäre ihm der stein an den kopf geflogen». Nun so sei Gott gelobt, sagte Schemäka, dass ich mich so klug aus dem handel zog.	Der richter Schemjaka schickte seinen diener zu dem armen um drei hundert rubel zu verlangen. Der arme aber zeigte ihm den stein und sprach: «wenn der richter nicht für mich entschieden hätte, so würde ich ihn getödtet haben». Der diener kam zu dem richter und sagte von dem armen, wenn er nicht für ihn entschieden hätte, so würde er ihn mit dem steine getödtet haben. Der richter flug an sich zu bekreuzen und sprach: «Gott sei dank, dass ich zu seinem besten entschieden habe».

скою повѣстью: тибетское сказаніе изъ Дзанглуна, сказку о каирскомъ купцѣ и пѣсню о судѣ Карла Великаго [1]).

Русскій переводъ той же тибетской сказки Дзанглуна помѣщенъ г. Пыпинымъ въ статьѣ его о Шемякиномъ Судѣ вмѣстѣ съ текстомъ памятника, изданнаго по двумъ спискамъ: Толстовскому и Забѣлинскому [2]).

Въ исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ г. Буслаевъ помѣстилъ въ числѣ памятниковъ языка семнадцатаго вѣка и Шемякинъ Судъ по списку, принадлежащему самому г. Буслаеву. Ученый издатель говоритъ: «Эта сатира, основанная на преданіи о князѣ Шемякѣ, относится къ тѣмъ смѣхотворнымъ повѣстямъ, которыхъ большая часть была заимствована изъ польскихъ книгъ. Впрочемъ отсутствіе полонизмовъ въ Судѣ Шемякиномъ говоритъ въ пользу русскаго происхожденія этой сатиры на судей и подьячихъ. Рядъ судовъ Шемяки напоминаетъ апокрифическіе суды Соломона, встрѣчающіеся въ Палеѣ и хронографахъ, и какъ-бы противополагаетъ кривосудіе Шемяки правосудію Соломонову» [3]).

Г. Тихонравовъ въ статьѣ своей: «Шемякинъ Судъ» приводитъ, въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, сходныя съ русскою повѣстью сказанія, собранныя въ книгѣ Бенфея, и въ свою очередь указываетъ сходныя черты въ произведеніяхъ польской литературы. Вѣскія указанія почтеннаго автора заключаются слѣдующею вполнѣ вѣрной характеристикой памятника: «Наша сатирическая повѣсть сложилась своеобразно подъ условіями нашего быта и воззрѣнія, но матеріалы ея (основная сага) принадлежатъ въ такой же степени и восточнымъ и западно-европейскимъ литературамъ. Истиннымъ героемъ нашей сказки остается

1) Pantschatantra: fünf bücher indischer fabeln, märchen und erzählungen. Aus dem Sanskrit übersetzt mit einleitung und anmerkungen von *Theodor Benfey*. 1859. I, стр. 394—404.

2) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый *Николаемъ Калачовымъ*. 1859. Книга четвертая, стр. 1—10.

3) Историческая христоматія церковно-славянскаго и древнерусскаго языковъ. 1861, стр. 1443—1448.

убогій, изворотливый умъ котораго торжествуетъ и надъ случайностями житейскими, и надъ матеріальной силой богача, истцовъ и самого Шемяки судьи» [1]).

Справедливость вывода г. Тихонравова подтверждается текстомъ сказки, записаннымъ со словъ народа и помѣщеннымъ въ замѣчательномъ изданіи покойнаго Аѳанасьева [2]). Признавая, что повѣсть о судѣ Шемяки сдѣлалась вполнѣ народнымъ достояніемъ, ибо изъ устъ поселянъ можно слышать ее съ различными видоизмѣненіями, — Аѳанасьевъ находитъ одинаково возможнымъ одно изъ двухъ: или народная фантазія овладѣла книжнымъ разсказомъ и стала его варіировать по-своему, или же самая книжная редакція есть только обработка устнаго народнаго разсказа, принадлежащая перу стариннаго грамотника. Въ сборникѣ русскихъ сказокъ Аѳанасьева приводится какъ устная, такъ и книжная редакція повѣсти.

На основаніи данныхъ, представляемыхъ какъ устною словесностью народа, такъ и старинными рукописями и лубочными картинами, повѣсть о судѣ Шемяки является въ слѣдующемъ, наиболѣе полномъ видѣ:

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата [3]): богатый и убогій. Нанялся убогій къ богатому, работалъ цѣлую зиму, и далъ ему богатый двѣ мѣры ржи. Приноситъ убогій домой, отдаетъ хлѣбъ хозяйкѣ. Она и говоритъ: «работалъ ты цѣлую зиму, а всего-навсего заработалъ двѣ мѣры ржи; коли смолоть ее да хлѣбовъ напечь — поѣдимъ, и опять ничего у насъ не будетъ! Лучше ступай ты къ брату, попроси быковъ и поѣзжай въ поле пахать да сѣять: авось Господь Богъ уродитъ, будемъ и мы съ хлѣбомъ».— Не пойду, сказалъ убогій; все одно:

Въ нѣкоторомъ царствѣ жили два брата: одинъ—какъ чортъ богатъ, другой — до того бѣденъ, что почти ѣсть нечего; у богатаго не было ни единого дѣтища, а у бѣднаго девять сыновъ. Однажды повстрѣчалъ братъ брата и говоритъ богатый убогому: «послушай, тебѣ самому ѣсть нечего, не токма дѣтей прокормить, а я, по милости Божіей, ни въ чемъ не знаю нужды; отдай мнѣ одного сына, надѣлю тебя за то̀ и хлѣбомъ и деньгами». — Постой! у жены спрошу: что скажетъ, такъ тому и быть!— Спросился у жены; она и слушать не хочетъ: «чортъ съ нимъ и съ его добромъ!

1) Лѣтописи русской литературы и древности. Т. III. Книжка пятая. 1861. Смѣсь и библіографія, стр. 34—38.

2) *А. Н. Аѳанасьева*: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый. 1861, стр. 82—84. Выпускъ восьмой. 1863, стр. 325—330.

3) Въ иныхъ спискахъ: «два пустынника»; въ другихъ — «два брата земледѣльцы».

проси, не проси, не дастъ онъ быковъ!— «Ступай! теперь братъ въ большой радости: родила у него хозяйка сына, авось не откажетъ!» Пошолъ убогій къ богатому, выпросилъ пару быковъ и поѣхалъ на поле; распахалъ свою десятину, посѣялъ, заборонвалъ, управился и—домой. Ѣдетъ дорогою, а на встрѣчу ему старецъ: «здравствуй, добрый человѣкъ!»—Здорово, старикъ!—«Гдѣ былъ, что дѣлалъ?» — Поле пахалъ, рожь засѣвалъ.— «А быки чьи?» — Быки братнины.—«Твой братъ богатъ да немилостивъ; выбирай, что̀ знаешь: или сынъ у него помретъ, или быки издохнутъ». Подумалъ-подумалъ убогій: жалко ему и быковъ, и сына братнина, и говоритъ: «пускай лучше быки подохнутъ!» Будь потвоему, сказалъ старецъ, и пошолъ дальше. Сталъ подъѣзжать убогій братъ къ своимъ воротамъ, вдругъ оба быка упали на землю и тутъ же издохли. Горько онъ заплакалъ и побѣжалъ къ богатому: «прости, говоритъ, безъ вины виноватъ. Ужъ такая бѣда стряслась: вѣдь быки-то пропали». — «Какъ пропали? нѣтъ, любезный, со мною такъ не раздѣлаешься; заморилъ быковъ, такъ отдавай деньгами». И повезъ его къ праведному судіѣ [1]).

я сына своего ни за какія деньги не продамъ». Говоритъ убогій богатому, что жена не согласна, не даетъ сына. «Ну хоть помолись, братъ, вмѣстѣ съ своею хозяйкою Богу, чтобъ даровалъ мнѣ дѣтище; коли родится у меня сынъ али дочь, возьму тебя кумомъ и щедрой рукой надѣлю и хлѣбомъ и деньгами». Пришолъ убогій къ хозяйкѣ, сказываетъ ей про то; она въ отвѣтъ: «ну чтожъ, родитъ ему жена или нѣтъ, а Богу молиться не грѣхъ!» Зачали они молить Бога, цѣлую ночь поклоны клали, и услышалъ ихъ Господь: взволновалась у богатаго жена и родила ему сына. Только богатый забылъ про̀ свое обѣщаніе, взялъ въ кумовья къ себѣ именитаго купца, назвалъ гостей, и пошолъ у нихъ пиръ горой. «Ну что? много надавалъ тебѣ братъ денегъ и хлѣба, стала говорить убогому жена его; пойди хоть лошади попроси въ лѣсъ по дрова съѣздить». Пошолъ убогій. Увидалъ его богатый и закричалъ грубымъ голосомъ: «ты еще зачѣмъ»? — Будь милостивъ, дай лошади въ лѣсъ по дрова съѣздить.— «Ишь выбралъ время; развѣ не видишь, что у меня гости?» — Поломался, поломался, и далъ ему стараго мерина. Поѣхалъ убогій въ лѣсъ. Пока рубилъ онъ дрова, прибѣжалъ волкъ и съѣлъ мерина. Какъ узналъ про то богатый, напустился на брата пуще ворога: «собирайся, говоритъ, поѣдемъ въ судъ судиться». — Твоя воля: что̀ хочешь, то̀ и дѣлаешь [2]).

Ѣдутъ они къ праведному судіѣ, и попадается имъ на встрѣчу большой обозъ, тянется по дорогѣ съ тяжелою кладью; а дѣло-то было зимою, снѣга лежали глубокіе. Вдругъ ни съ того, ни съ сего заупрямилась одна лошадь у извощика, шарахнулась въ сторону со всѣмъ возомъ и завязла въ сугробѣ. «Помогите, добрые люди, выручьте изъ бѣды»! сталъ просить извощикъ.

Богатый же ссужая многа лѣта убогова и не возможе его скудости исполнити, и по нѣколику времени пріиде убогій къ богатому просити лошади на чемъ бы ему изъ лѣсу дровъ привезти. Братъ же богатый не хотя убогому брату лошади дати и рече ему: брате, ссужахъ тебя много, а наполнити тебя не могу. И даде ему лошадь. И нача у него просити: хомута нѣтъ, и

Пріиде убогій братъ къ богатому лошади просити, на чемъ бы ему въ лѣсъ по дрова съѣздить, и богатый же даде ему лошадь. Убогій же нача и хомута прошать; богатый же вознегодовалъ на брата, не даде ему хомута. Убогій же братъ умысли себѣ, что дровни привязать лошади за хвостъ; и поѣхалъ въ лѣсъ по дрова, и насѣкъ возъ великъ, елико сила можетъ

1) *Аѳанасьева*: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый, стр. 82—83.
2) Тамъ же, стр. 83. Варіантъ.

«Дай сто рублевъ», говоритъ богатый. — Что ты! али Бога не боишься? гдѣ взять тебѣ сто рублевъ.— «Ну, самъ и вытаскивай». — Постой, говоритъ убогій, я тебѣ задаромъ помогу. — Соскочилъ съ саней, бросился къ лошади, ухватилъ за хвостъ и давай тащить; понатужился и оторвалъ совсѣмъ хвостъ. «Ахъ ты, мошенникъ! напалъ на него извощикъ; вѣдь конь-то двѣсти рублевъ стоитъ, а ты хвостъ оборвалъ! что я теперь стану дѣлать?» — Эхъ, братъ, сказалъ богатый извощику, что съ нимъ долго разговаривать! садись со мной да поѣдемъ къ праведному судіѣ.

оскорбися на него богатый братъ, и нача ему поносити и рече ему: како, брате, что у тебя и хомута нѣтъ! И не даде ему хомута. Убогій же поиде къ себѣ, и пришедъ взя свои дровни, и привяза дровни къ лошади за хвостъ, и поиде въ лѣсъ; и насѣкши дровъ и накладчи на дровни елико лошади возможно везть и повезе къ двору своему. И привезчи дрова и отворивъ ворота, а подворотню забывъ выставить, ударивъ лошадь кнутомъ; лошадь же изо всей мочи бросяся съ возомъ черезъ подворотню, и хвостъ у себя оторвала. Убогій же вземъ лошадь, приведе ко брату своему богатому. Братъ же разсмотря, что лошадь его безъ хвоста, и не взявъ у него лошади, и поиде на него бить челомъ во градъ въ лошади. За нимъ же, вѣдая что будетъ по него изъ города присылка.... чтобъ ему ѣзду приставамъ не платить.

лошади везти; и пріѣхалъ ко двору своему, и отворилъ ворота, а подворотню забылъ выставить; лошадь же бросилась чрезъ подворотню и оторвала у себя хвостъ. Братъ же убогій къ богатому приведе лошадь безъ хвоста. Богатый же видѣ лошадь безъ хвоста, не принялъ у него лошади, и поиде на убогаго бити челомъ къ Шемякѣ судьѣ. Убогій, вѣдая, что пришла бѣда его — будетъ по него посылка — у голова давно смѣчено, что хоженаго дать будетъ нечего, поиде вслѣдъ брата своего.

Поѣхали всѣ трое вмѣстѣ, пріѣхали въ городъ и остановились на постояломъ дворѣ. Богатый съ извощикомъ пошли въ избу, а убогій стоитъ на морозѣ; смотритъ — копаетъ мужикъ глубокій колодезь, и думаетъ: «не быть добру! затаскаютъ, засудятъ меня; эхъ, пропадай моя голова»! И бросился съ горя въ колодезь, только себя не доконалъ, а мужика зашибъ до смерти. Тотчасъ подхватили его и повели къ праведному судіѣ.

И пріидоша до нѣкоего села не доходя города. Богатый поиде ночевать къ попу того села по знакомству. Убогій же братъ пріиде къ тому же попу, и пріиде ляже на полати, а богатый братъ нача попу сказывати про лошадь свою чего ради идетъ въ городъ; потомъ нача попъ зъ богатымъ ужинать и пити и ясти. Убогій же нача съ полатей смотрить что попъ зъ братомъ его пьетъ и ѣстъ, а его не позовутъ, и незапу убогій урвася съ полатей на зыбку, а въ зыбкѣ удави попова сына до смерти. Попъ же видѣ сына своего смерть и совершася (совѣщася) зъ богатымъ пошелъ въ городъ бить че-

И пріидоша оба брата къ богатому мужику на ночлегъ. Мужикъ же нача съ богатымъ братомъ пити и ясти и веселиться; убогаго пригласить не хотяху къ себѣ. Убогій же вниде на полати, поглядывая на нихъ и внезапу упалъ съ полатей, и задавилъ ребенка въ люлькѣ до смерти; мужикъ же поиде къ Шемякѣ судьѣ на убогаго бити челомъ.

Сталъ судить праведный судія, и говоритъ богатому: «убогій загубилъ твоихъ быковъ, жалѣючи сына; коли хочешь, чтобъ онъ купилъ тебѣ пару быковъ, убей напередъ своего сына». — Нѣтъ, сказалъ богатый, пусть лучше быки пропадаютъ.

Говоритъ праведный судія: «пусть убогій купитъ тебѣ новую лошадь, а ты, богатый, отдай ему сына: вѣдь онъ тебѣ сы-

ломъ на убогаго же въ убиствѣ сына своего. И пріидоша ко граду гдѣ живяше судія Шемяка. Убогій же иде за ними же.

И внидоша всѣ во градъ, и какъ убогій поиде мостомъ — мостъ же сдѣланъ надъ глубокимъ рвомъ — и нѣкій человѣкъ житель того града рвомъ подъ мостомъ везъ отца своего въ баню. Убогій же размышляя въ себѣ, что ему отъ брата и попа будетъ погибель, и умысля въ себѣ и хотя самъ себя смерти предати бросися съ мосту въ ровъ и упаде на стараго человѣка — сынъ его везъ въ баню, убогій же до смерти уби его. Тогожъ убогаго поймавъ всѣ и приведе предъ судію Шемяку.

Убогій же мысляше какъ бы ему бѣды избыти, и умысля взя камень и завертѣ въ платъ и положи въ шапку, и ста передъ судьею, и принесе братъ его исковую челобитную въ лошади и подаде судьѣ. Судья же выслушавъ челобитную въ лошади, и рече судія убогому отвѣщати. Убогій же не вѣдый что отвѣщати и вынявъ изъ шапки въ платѣ заверченый камень и показавъ да и поклонися.

Судія же надѣяся, что ему отъ дѣла сулитъ, и рече судія истцу богатому брату: «когда де братъ твой у лошади оторвалъ хвостъ, и ты у него лошади не емли до тѣхъ мѣстъ, какъ у лошади хвостъ выростетъ: въ то время у него лошадь возьми.

Потомъ нача другій судъ быти, и подаде попъ исковую челобитную въ мертвомъ сынѣ своемъ. Той же убогій также выня

Идущимъ же имъ ко граду купно богатый братъ и оный мужикъ, убогій же за ними идяше; прилучися имъ идти высокимъ мостомъ, убогій же иде съ ними и разумѣ, что не быть ему живому отъ судьи Шемяки, и бросился съ мосту — хотѣлъ ушибиться до смерти. Подъ мостомъ сынъ отца везетъ хвораго въ баню, и онъ попалъ къ нему въ сани и задавилъ его до смерти. Сынъ поиде бить челомъ, что отца его ушибъ.

Богатый братъ пріиде къ Шемякѣ судьѣ бити челомъ на брата, како у лошади хвостъ выдернулъ. Убогій же подня камень и завяза въ платъ, и кажетъ позади брата и то помышляетъ: аще судья не по мнѣ станетъ судить, то я его ушибу до смерти.

Судья же чая, что ему сто рублевъ даетъ отъ дѣла, и приказалъ богатому отдать убогому лошадь, пока у нея хвостъ выростетъ.

Потомъ пріиде мужикъ, подаде челобитну въ убивствѣ младенца и нача бить челомъ; убогій же вынявъ тотъ же камень и показа

на вымолилъ, а ты его добра не попомнилъ» [1]).

платъ съ каменемъ и такожъ судьѣ показалъ. Судья же видѣ и помысли, что ему отъ другаго суда сулилъ убогій же. Рече судія попу: когда той убогій ушибъ сына твоего, ты, попъ, отдай тому убогому свою попадью.

Потомъ нача третій судъ быти, что билъ челомъ сынъ во отцевѣ смерти, что тотъ убогій же бросился съ мосту, ушибъ у него отца. Убогій же вынявъ изъ шапки тотъ же заверченый камень въ платѣ и показа судьѣ. Судья же чая, что ему третій узелъ сулилъ и рече истцу: взыди ты на мостъ, а ты, убогій же, стань подъ мостомъ, и съ мосту бросись на того убогаго, якоже бросился на отца твоего. Убогій же нача Бога хвалити, что судія по немъ судъ судилъ.

Послѣ суда изыде истцы со отвѣтчикомъ изъ приказовъ, и нача богатый просити убогаго лошади своей. Онъ же рече ему по судейскому: какъ у лошади твоей хвостъ выростетъ, въ ту пору и лошадь тебѣ отдамъ. Богатый же даде убогому брату своему 200 рублевъ денегъ, чтобы онъ лошадь ему отдалъ и безъ (хвоста).

Потомъ же убогій нача попадьи просити по судейскому указу, чтобъ ему взявъ попадью ребенка у ней добыть и съ ребенкомъ бы попу попадью отдать.

Попъ же нача убогому бить челомъ, чтобъ у него попадьи неималъ, а убогій же нача носитися и попадью хотя у попа взяти, и даде попъ убогому за попадью 50 рублевъ денегъ да кобылу съ же-

судьѣ позади мужика. Судья же чая другое сто рублевъ даетъ отъ другаго дѣла и приказалъ: мужику отдать убогому жену по тѣхъ мѣстъ, пока у ней ребенка сдѣлаетъ, и ты въ тѣ поры возьми къ себѣ жену и съ ребенкомъ назадъ.

Пріиде сынъ объ отцѣ бить челомъ, како задавилъ отца его до смерти, и подаде челобитну на убогаго. Убогій же вынувъ тотъ же камень и кажетъ судьѣ. Судья же чая сто рублевъ даетъ отъ дѣла и приказалъ: сыну стать на мосту, а ты, убогій, стань подъ мостомъ, и ты, сынъ, также скочи съ мосту на убогаго и задави его до смерти.

Пріиде убогій братъ къ богатому по судейскому приказу лошади прошать безъ хвоста, пока у ней выростетъ хвостъ. Богатый же не восхотѣ лошади дати, даде ему денегъ 5 рублевъ да три четверти хлѣба да козу дойную, и помирися съ нимъ вѣчно.

Пріиде убогій братъ къ мужику и нача по судейскому приказу жену прошати, и хотяше изъ нея робенка такого же сдѣлать.

Мужикъ же нача съ убогимъ миритися и даде убогому 50 рублевъ да корову съ теленкомъ, да кобылу съ жеребенкомъ, да четыре четверти хлѣба, и помирися съ нимъ вѣчно.

---

1) *Аванасьева*: Народныя русскія сказки. Выпускъ пятый, стр. 83—84.

ребенкомъ, да быка съ коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей.

Потомъ же нача убогій третьему истцу по судейскому указу говорить: я де стану подъ мостомъ, а ты взыди на мостъ, а ты съ мосту бросися на меня такоже, якоже азъ на отца твоего. Онъ же размышляя въ себѣ: аще мнѣ броситися, его будетъ не убити, а себя буде убити. И нача истецъ миритися и даде ему 30 рублевъ денегъ да лошадь съ коровою.

Судія же высла человѣка своего къ отвѣтчику и велѣлъ у него взять показанные три узла. Человѣкъ же судейскій нача у него трехъ узловъ просити; онъ же вынявъ изъ шапки заверченый камень въ платѣ, показа тому человѣку, и человѣкъ нача его вопрошати, что то за камень кажешь. Онъ же рече: я де того ради сей камень судьѣ казалъ, кабы онъ не по мнѣ судилъ, и я тѣмъ камнемъ хотѣлъ его ушибти. И пришедъ человѣкъ и сказалъ судьѣ. Судья же слыша отъ человѣка своего и рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по немъ судилъ; акъ бы я не по немъ судилъ и онъ бы меня ушибъ. Потомъ убогій отыде въ домъ свой радуяся и хваля Бога. Аминь [1]).

Пріиде убогій къ сыну за отцово убивство, нача ему говорить, что по судейскому приказу тебѣ стать на мосту, а мнѣ подъ мостомъ, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти. Сынъ же нача помышляти себѣ: какъ скочу съ моста, его не задавишь, а самъ ушибуся до смерти, нача съ убогимъ миритися: даде ему денегъ 200 рублевъ, да лошадь, да пять четвертей хлѣба.

Судья же Шемяка выслалъ слугу къ убогому прошать денегъ 300 рублей. Убогій же показа камень и рече: аще бы судья не по мнѣ судилъ, и я хотѣлъ его ушибить до смерти. Слуга же пріиде къ судьѣ и сказа про убогаго: аще бы ты не по немъ судилъ, и онъ хотѣлъ тебя этимъ камнемъ ушибить до смерти. Судья же нача креститися: слава Богу, что я по немъ судилъ [2]).

1) Рукопись Публичной Библіотеки, конца XVII и начала XVIII вѣка. Отдѣл. XVII. Q. № 41. 42—45 об. — Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній. IV, 2—5. — Памятники старинной русской литературы, изд. *графомъ Кушелевымъ-Безбородко*. Выпускъ второй; стр. 405—406.

2) Приведенный текстъ заимствованъ изъ превосходнаго собранія лубочныхъ картинъ, составленнаго покойнымъ Далемъ. Въ отчетѣ Публичной Библіотеки за 1852 годъ сказано, что Даль принесъ библіотекѣ въ даръ «многочисленную, систематически расположенную коллекцію лубочныхъ картинъ. Присоединивъ ее къ полученной изъ древлехранилища г. Погодина, Публичная

Для вѣрной постановки вопроса о происхожденіи и составѣ русской повѣсти необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: необычайность, затѣйливость рѣшеній судьи; подробности дѣйствій подсудимаго и произносимыхъ надъ нимъ приговоровъ — держать у себя лошадь, пока выростетъ у нея хвостъ, прижить ребенка, упасть съ высоты на подсудимаго и т. п.; общій характеръ судьи и подсудимаго, и связь памятника, въ цѣломъ и частностяхъ, съ однородными ему произведеніями другихъ литературъ.

Въ тибетской сказкѣ подсудимымъ является бѣднякъ браминъ, безъ крова и одежды, совершающій слѣдующія преступленія. Онъ попросилъ быка для работы, и по минованіи надобности привелъ его опять къ хозяину, но быкъ убѣжалъ съ хозяйскаго двора. На пути въ судъ бѣднякъ упалъ со стѣны и убилъ ткача. Присѣвши отдохнуть на покрытое одеждами мѣсто, бѣднякъ задавилъ лежавшаго подъ одеждами ребенка. Царь-судья, къ которому сказка относится вполнѣ сочувственно, рѣшаетъ дѣло такимъ образомъ. Такъ какъ отвѣтчикъ, приведя быка, ничего не *сказалъ* объ этомъ, то отрѣзать отвѣтчику *языкъ*; а какъ истецъ *видѣлъ*, что привели быка и не привязалъ его, то истцу выколоть *глазъ*. По жалобѣ вдовы ткача царь повелѣваетъ бѣдняку - отвѣтчику жениться на вдовѣ убитаго. По иску матери задавленнаго ребенка

Библіотека имѣетъ теперь едва ли не первое въ Россіи, по богатству и разнообразію, собраніе этихъ произведеній простонароднаго искусства и русскаго затѣйливаго остроумія» (стр. 82). — Лучшіе въ своемъ родѣ, два экземпляра лубочныхъ картинъ Шемякина Суда въ коллекціи Даля за весьма, весьма немногими исключеніями дословно сходны между собою; даже ошибки одни и тѣ же, какъ напримѣръ «наслекъ» вмѣсто «ночлегъ». Почти единственный и самый крупный варіантъ состоитъ въ слѣдующемъ. Въ одной картинѣ: «отдать убогому жену, пока у ней ребенка сдѣлаетъ.... и хотяше изъ нея робенка такого же сдѣлать». Въ другой: «пока у нея ребенокъ родится». Такая замѣна для соблюденія большаго приличія выраженія произошла, быть можетъ, вслѣдствіе цензурныхъ требованій: она встрѣчается именно въ томъ экземплярѣ, гдѣ есть дозволеніе цензора, на первомъ же экземплярѣ нѣтъ этого дозволенія. До 1822 года лубочныя картины выходили безъ цензуры; съ этого времени они подчинены полицейскому надзору, а съ 1826 года — общему цензурному уставу. (Лубочныя картинки, соч. *Снегирева*. 1861, стр. 16).

царь приказываетъ бѣдняку взять ее себѣ въ жены и прижить съ нею другаго ребенка, и т. п. [1]).

Въ индійской сказкѣ о каирскомъ купцѣ подсудимый — солдатъ, взявшій у жида взаймы деньги подъ страшнымъ условіемъ: оно заключалось въ томъ, что въ случаѣ неустойки жидъ имѣлъ право вырѣзать у солдата фунтъ мяса. Бѣднягѣ нечѣмъ заплатить, и онъ вынужденъ бѣжать, но во время бѣгства сбиваетъ съ ногъ беременную женщину, которая вслѣдствіе этого выкидываетъ. На дальнѣйшемъ пути его постигаетъ новое несчастіе: онъ падаетъ въ каменоломню и убиваетъ человѣка, на котораго упалъ. Судья постановляетъ: вырѣзать фунтъ мяса, но отнюдь не болѣе и не менѣе; по остальнымъ обвиненіямъ—тѣ же приговоры, что въ сказкахъ тибетской и русской [2]).

Идеаломъ правдиваго судьи для средневѣковой Германіи былъ Карлъ Великій. Имя его вошло въ пословицу: и «Карловъ судъ» значило то же, что правый судъ и судъ по старинѣ [3]). Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія напечатана пѣсня о судѣ Карла Великаго, представляющая много сходнаго съ повѣстью о судѣ Шемяки. Въ 1493 издана въ Бамбергѣ пѣсня о Карлѣ подъ такимъ заглавіемъ: Von keiser Karls recht. Wie er ein kauffman und ein juden macht slecht, Von eins pfunds schmerbs weden das er aus seines seitten. M. gl.' v'setzthet [4]). Второе изданіе вышло въ Страсбургѣ въ 1498 году. Понятно, что изданія эти составляютъ библіографическую рѣдкость. Ихъ нѣтъ и въ нашей Публичной Библіотекѣ, обладающей значительнымъ количествомъ произведеній европейской печати пятнадцатаго вѣка и между прочимъ 1493 и 1498 го-

---

1) *Benfey*: Pantschantra. I, 394—397.

2) Тамъ же, I, 402—403.

3) Histoire poétique de Charlemagne, par *Gaston Paris*. 1865, стр. 353—356.—Gesammtabenteuer, herausgegeben von *Fr. H. von der Hagen*. 1850, II, 637—641.

4) *Panzer*'s Annalen der ältern deutschen literatur. Nürnberg. 1788. I, 207. (es ist dasselbe in IX gesetz abgetheilt und vermutlich von einem alten meistersänger vorfertiget worgen).

Lehrbuch einer literärgeschichte der berümtesten völker des mittelalters, von *Grässe*. 1842. 3 abtheilung, 1-e hälfte, s. 302—303.

довъ. Не только самый текстъ, но и подробное изложеніе его въ статьѣ Доцена, вышедшей въ 1811 году, стало уже рѣдкостью, такъ что Бенфей приводитъ содержаніе пѣсни по извлеченію изъ Доцена, сдѣланному Зимрокомъ въ извѣстномъ трудѣ его объ источникахъ Шекспира. Другіе ученые также ограничиваются пересказомъ Зимрока, выражая сожалѣніе о невозможности пользоваться статьею Доцена. Поэтому приводимъ вполнѣ важную для нашей цѣли пѣсню въ томъ видѣ, какъ изложена она у Доцена [1]).

—Купецъ, которому счастье помогло нажить значительное богатство, умирая, оставилъ все состояніе своему единственному сыну. О воспитаніи его отецъ приложилъ много заботы, и пѣсня восхваляетъ цвѣтущаго и веселаго духомъ, превозносящагося надъ другими, юношу—der jung war frisch und wohlgemut und brach sich da für andre seines gleichen. Какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сынъ бросился въ шумныя удовольствія; состоянія едва хватило ему на годъ, и онъ увидѣлъ передъ собою нужду и бѣдность. Для собственнаго спасенія онъ рѣшается попытать счастья въ чужихъ земляхъ. Съ этою цѣлью онъ отправляется къ богатому жиду занять у него тысячу гульденовъ, которые скоро и получаетъ, обѣщая жиду въ случаѣ, если не возвратитъ суммы къ назначенному сроку, фунтъ своего мяса — ein pfund schmer's aus seinem leibe. Онъ уѣзжаетъ въ чужую сторону; тамъ ему повезло, и скопивши три или четыре тысячи гульденовъ, онъ спѣшитъ уплатить долгъ къ назначенному времени. Но жида не застаетъ на мѣстѣ жительства, и только на третій день находитъ его въ другомъ городѣ, пріѣхавши туда по своимъ дѣламъ. Жидъ утверждаетъ, что контрактъ нарушенъ, срокъ пропущенъ, и потому онъ имѣетъ право получить неустойку. Напрасны всѣ оправданія; купецъ вынужденъ отправиться съ жидомъ къ импе-

1) Museum für altdeutsche literatur und kunst, herausgegeben von *dr. F. H. v. d. Hagen*, *B. J. Docen*, *dr. J. G. Büsching* und *B. Hundeshagen*. 1811. Zweiter Band: Docen. Etwas über die quellen des Shakspeare'schen schauspiele. Nebst einer altdeutschen erzählung: Kaiser Karls Recht. s. 279—283.

ратору, чтобы онъ разсудилъ ихъ по справедливости. Императоромъ былъ тогда Карлъ: имя его извѣстно было далеко, и бѣдняковъ и богачей судилъ онъ одинаково правдиво[1]). Со страхомъ идетъ купецъ къ замку императора, боясь, что судья не допуститъ отступленія отъ буквальнаго смысла контракта. На пути онъ заснулъ отъ утомленія и не замѣтилъ, какъ лошадь его раздавила ребенка, неосторожно бѣжавшаго на дорогѣ. Отецъ ребенка бросается за нимъ и обзываетъ его убійцею, но жидъ удерживаетъ его отъ насилія и предлагаетъ отправиться вмѣстѣ къ двору императора, чтобы получить удовлетвореніе. Когда прибыли они, всѣ трое, императоръ былъ въ отсутствіи. Купца держали подъ строгимъ присмотромъ, но съ нимъ приключилась новая бѣда: заснувши слишкомъ близко отъ окна, онъ свалился за окно и спасся только тѣмъ, что попалъ на сидѣвшаго на скамьѣ подъ окномъ стараго рыцаря, котораго и убилъ своимъ паденіемъ. Узнавши объ этомъ, юный сынъ рыцаря бросился на купца и закололъ бы его, если бы жидъ не остановилъ его и не объяснилъ, что первую казнь несчастный долженъ вытерпѣть отъ него. — Между тѣмъ императоръ приказываетъ снарядить судъ и привести стороны. Прежде всего — жалоба жида, которую купецъ не отрицаетъ, говоря однакоже, что онъ пришелъ въ срокъ, но не нашелъ «собаки» на мѣстѣ жительства. На это императоръ постановляетъ: купецъ подлежитъ наказанію, и жидъ долженъ самъ вырѣзать изъ его тѣла условленный фунтъ мяса, но не болѣе и не менѣе; если же онъ ошибется хотя на одинъ гранъ, то ему угрожаетъ смерть. Услышавъ такой приговоръ, и видя, что дѣло проиграно, жидъ объявилъ, что онъ даритъ противнику все и къ тысячѣ гульденовъ прибавляетъ еще двѣсти гульденовъ. Затѣмъ очередь пришла къ тому, чье дитя задавлено. Онъ обвиняетъ купца въ смертоубійствѣ; купецъ признаетъ фактъ, но утверждаетъ, что это произошло не предна-

1) Подъ именемъ Карла здѣсь надо понимать, безъ сомнѣнія, Карла Великаго, хотя происшествіе, лежащее въ основѣ, скорѣе могло бы быть отнесено ко временамъ Карла IV, ибо древнѣйшія саги не восходятъ ранѣе XIV вѣка (примѣчаніе Доцена).

мѣренно. Императоръ уговариваетъ истца удовольствоваться денежною пенею: вѣдь новая смерть дѣлу не поможетъ и его дитяти не оживитъ. Но все напрасно: истецъ настаиваетъ на смерти своего противника. На это послѣдовалъ такой приговоръ императора: «положи его съ твоей женою, чтобъ онъ сдѣлалъ ей другаго ребенка». — «Ну его и съ ребенкомъ», сказалъ истецъ —

leg ihn zu deinem weibe,
dass er ein ander kind ihr mach'
nein! sprach der mann, das kind lass ich eh' fahren.

Судья утѣшаетъ его, говоря, что во имя Бога надо простить то, что случилось неумышленно.—Наконецъ является сынъ убитаго рыцаря и требуетъ у императора суда надъ убійцею. Безъ дальнихъ околичностей судья произноситъ свой приговоръ, по которому для того, чтобъ вполнѣ отомстить за отца, предоставляется сыну броситься изъ окна на отвѣтчика, котораго посадятъ внизу на скамьѣ, и убить его своимъ паденіемъ. Но молодой рыцарь, боясь промахнуться, находитъ болѣе выгоднымъ отказаться отъ иска — mir nicht, ich möcht daneben fallen. Такимъ образомъ купецъ отдѣлался счастливо отъ всѣхъ преслѣдованій, возблагодарилъ императора, радостно отправился восвояси и сталъ тамъ весело жить да поживать. Въ заключеніе разсказа снова восхваляются судьи, соединяющіе съ милосердіемъ справедливость и укрѣпляемые Господомъ въ славѣ и чести своей — die mit erbarmung mischen das recht

und die das thun, der' ehre will Gott stärken. —

Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что нѣкоторыя черты русской повѣсти встрѣчаются и въ сказаніяхъ другихъ народовъ, и если сравнить эти сказанія между собою во всемъ ихъ объемѣ, то окажется, что одни черты иногда замѣняются другими. Такая замѣна объясняется постепеннымъ наслоеніемъ сказанія, въ которое вносились различныя подробности, казавшіяся въ то или другое время, въ той или другой мѣстности, болѣе важными и занимательными. При сравненіи русскаго сказанія съ иностранными

бросается въ глаза отсутствіе въ немъ одного и весьма существеннаго обстоятельства, именно—условія и приговора о вырѣзаніи мяса у несостоятельнаго должника. Этотъ эпизодъ, повторяясь во многихъ легендахъ, получилъ громкую извѣстность въ европейскомъ литературномъ мірѣ благодаря Венеціанскому Купцу Шекспира.

Высказано было нѣсколько соображеній объ источникѣ преданія о такомъ возмутительномъ и безчеловѣчномъ требованіи. Одни указываютъ на законы двѣнадцати таблицъ, другіе — на буддійскія легенды и преданія, и т. д.

По свидѣтельству Авла Геллія, римскіе законы дозволяли несостоятельнаго должника заковать въ желѣза, держать его въ заключеніи шестьдесять дней и наконецъ подвергнуть смертной казни; если онъ долженъ былъ многимъ, то заимодавцы имѣли право разсѣкать его на части [1]). Квинтиліанъ говоритъ: есть вещи сами по себѣ предосудительныя, по тѣмъ не менѣе дозволяемыя закономъ — таково постановленіе двѣнадцати таблицъ, дозволяющее заимодавцамъ дѣлить между собою разрубленное на части тѣло должника [2]).

Бенфей возводитъ къ буддійскому источнику всѣ преданія о кровавыхъ казняхъ—о вырѣзываніи мяса, объ искалѣчиваньи и увѣчьи, и т. п., и объясняетъ эти жестокости господствующими въ буддійскомъ мірѣ идеями о самопожертвованіи, доведенномъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Буддійскія легенды говорятъ о принесеніи себя въ жертву подъ видомъ оленя или рыбы; объ отдачѣ своихъ глазъ слѣпому нищему; о готовности отдавать себя на съѣденіе по частямъ. Какой-то царь—гласитъ легенда—долженъ былъ спасаться бѣгствомъ съ женою своею и сыномъ; онъ взялъ съ собою необходимый запасъ пищи; по несчастью путники сбиваются съ дороги, имъ приходится странствовать гораздо бо-

1) *Auli Gellii*: Noctes Atticae. Lib. XX, cap. I. 45—50.

2) *M. Fabii Quintiliani*: Oratoriae institutionis lib. III, cap. VII: ....sunt enim quaedam non laudabilia natura, sed jure concessa, ut in XII tabulis debitoris corpus inter creditores dividi licuit, quam legem mos publicus repudiavit....

лѣе, нежели предполагалось, и весь взятый запасъ истощается. Тогда сынъ предлагаетъ родителямъ питаться его тѣломъ, вырѣзывая изъ него мясо кусокъ за кускомъ, потому что если бы вдругъ убить его, то мясо скоро бы испортилось отъ сильнаго зноя. Родители принимаютъ предложеніе сына и дѣлятъ между собою куски его мяса [1]).

Въ старинной русской литературѣ извѣстна была легенда о вырѣзываніи жидомъ человѣческаго мяса; о ней упоминается у одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей семнадцатаго столѣтія—Іоанникія Галятовскаго († 1688). Въ сочиненіи своемъ: «Мессія правдивый», въ которомъ собрано много средневѣковыхъ обвиненій, направленныхъ противъ евреевъ, Галятовскій говоритъ: «въ Константинополю жидъ христіянинови убогому певную злота сумму позичилъ, жебы назначоного часу и долгъ и мѣсто лихвы двѣ унціи тѣла своего отдалъ жидови. Христіанинъ долгъ ему отдалъ, лихвы такой не хотѣлъ дати. Довѣдавшися о томъ Солиманъ цесаръ турецкій казалъ брытву принести и до жида мовилъ: чини ведлугъ права твоего—з которойколвекъ части хочешь тѣло вырѣжь, а нѣ больше, а нѣ менше надъ двѣ унціи, бо если ся помилишь, смертю будешь караный. Жидъ смертю пристрашеный будучи, зискъ отпустилъ христіанинови» [2]). Нашъ авторъ опредѣленно указываетъ, откуда онъ заимствовалъ свое извѣстіе о константинопольскомъ жидѣ: «Егѣдый Коррозетъ о мовахъ и учинкахъ памяти годныхъ пишетъ». Французскій писатель Егидій Коррозетъ, Gilles Corrozet (1510—1568), парижскій типографъ, самоучка-ученый, написалъ много сочиненій, и въ числѣ ихъ Les divers propos mémorables des nobles et illustres homes de la chrestienté. Paris. 1556, выдержавшее нѣсколько изданій [3]).

Опуская нѣкоторыя черты изъ цикла сказаній о судахъ, русская повѣсть удерживала другія, разнообразя ихъ по своему.

1) *Benfey*: Pantschatantra. I, 389—391.

2) Месіа правдивый .... *Іоаникія Галятовскаго*, архимандрыты Чернѣговского. Року 1669, л. 391.

3) Trésor de livres rares et précieux, ou nouveau dictionnaire bibliographique, par *Grässe*. 1861. T. II, p. 275—276.

Занимательность сюжета способствовала его популярности. Русскіе читатели, переписчики и пересказчики легко усвоивали себѣ пришедшее къ нимъ изчужа, добавляя его новыми подробностями и давая отчасти новый колоритъ. Изъ предложенныхъ фактовъ оказывается, что приговоры Шемяки—прижить ребенка съ женою истца и упасть на сына убитаго — встрѣчаются въ сказаніяхъ тибетскомъ, индійскомъ и нѣмецкомъ. Въ польской юмористической литературѣ извѣстенъ также разсказъ о каменьщикѣ, который упалъ съ высокой башни и убилъ сидѣвшаго внизу человѣка, а будучи позванъ въ судъ, сказалъ истцу: взойди туда, откуда я упалъ, а я сяду тамъ, гдѣ сидѣлъ твой отецъ, — бросайся внизъ и убей меня до смерти [1]). Этотъ разсказъ помѣщенъ въ польской передѣлкѣ похожденій нѣмецкаго народнаго шута: Eulenspiegel — по-польски Sowi - zrcał (зеркало)—обратился по забавной этимологіи, основанной на созвучіи, въ Совѣстдралъ. Тотъ же разсказъ встрѣчается и въ нѣмецкихъ юмористическихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ vademecum [2]). Эти сборники не чужды были и нашей литературѣ: въ концѣ прошлаго столѣтія переведенъ съ нѣмецкаго для увеселенія больныхъ вадемекумъ, въ которомъ разсказывается, какъ взятый русскими въ плѣнъ въ сраженіи при Вильнѣ въ 1658 году больной фельдмаршалъ говорилъ съ врачомъ итальянцемъ о креморъ-тартари, а стража думала, что они толкуютъ о враждебныхъ Россіи крымскихъ татарахъ, и т. п. [3]).

Показыванье камня судьѣ не составляетъ исключительной особенности русской сказки: г. Тихонравовъ приводитъ поразительно сходную, по тону и мотиву, черту изъ польскаго писателя шестнадцатаго вѣка Рея изъ Нагловицъ. У подсудимаго—говоритъ Рей — лежалъ за пазухой камень, а судья принялъ его за

---

1) Похожденіе хитраго и забавнаго шута Совѣст-драла большаго носа, переведенное съ польскаго и дополненное съ другихъ языковъ. 1793. Ч. II, стр. 173—174.—Статья г. *Тихонравова*: Шемякинъ Судъ, стр. 36—37.

2) Museum für altdeutsche literatur und kunst. II, 283.

3) Медицинскій вадемекумъ или собесѣдникъ, служащій забавою врачамъ и отрадою больнымъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Въ двухъ частяхъ. 1799.

мѣшокъ съ деньгами (worek) и рѣшилъ дѣло въ пользу подсудимаго, который объяснилъ ему, что этотъ камень полетѣлъ бы ему въ лобъ, если бы онъ рѣшилъ дѣло несправедливо [1]). По замѣчанію Снегирева, появленіе камня въ Судѣ Шемяки напоминаетъ старинную пословицу: «съ подъячимъ водись, а камень за пазухой держи» [2]). Эта пословица еще болѣе сближаетъ русскій разсказъ съ польскимъ народнымъ, переложеннымъ въ стихи Реемъ изъ Нагловицъ.

Подкупъ судей, ихъ корыстолюбіе и взяточничество составляютъ одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ сатирическихъ произведеній западно-европейской литературы [3]), откуда весьма многое

1) Лѣтописи русской литературы и древности. Книжка пятая. *Г. Тихонравова*: Шемякинъ Судъ, стр. 37.

2) Лубочныя картинки русскаго народа въ московскомъ мірѣ. Сочиненіе *Ив. Снегирева*. 1861, стр. 59.

3) Изъ множества подобныхъ юмористическихъ разсказовъ выбираемъ два, изъ которыхъ одинъ находится во французскихъ фацеціяхъ, а другой— въ польскихъ.

De la subtille invention dont s'advisa promptement un procureur du roy aux eaux et forests pour sauver un accusé en danger l'estre pendu.

Un certain procureur du roy un jour en son auditoire crioit et s'eschauffoit fort contre un pauvre compagnon appelé Vento accusé d'avoir tué plusieurs cerfs et biches aux forestz du roy, crime lors capital, auquel temps aussi les procez criminels se jugeoient à huis ouverts et en pleine audience en presence de l'accusé et disoient les advocats leurs opinions de vive voix n'y ayant point encore de conseillers en la plus part des sieges royaux. Comme donc le juge prenoit les opinions, Vento, ayant les fers aux pieds, regardoit tantost l'un tantost l'autre à mesure qu'il opinoit, et voyant que son cas alloit de mal en pis et la plus part etoit d'advis que l'ordonnance fust gardée et luy en se faisant pendu et etranglé, qui pis est. Le procureur du roy harranguant aussi magistralement et concluant formellement à la mort s'advise de demander qu'il luy fust permis de dire un mot en l'oreille du procureur du roy; ce que luy estant permis, mit subtillement et sans qu'on s'en apperceust en la main gauche du procureur un anneau de la valeur d'environ dix escus luy disant seulement en l'oreille qu'il eust pitié de luy et ne le poursuivist si rigoureusement. Ce qui mortifia et abbatit tellement les paroles de ce criart qu'à l'instant renuerça son plaidoié et tout ce qu'il avoit dit auparavant; s'escriant, Ha Vento! puisse tu devenir biche. Messieurs, voyez je vous prie le danger où il mettoit nos consciences; il me vient de dire qu'il est clerc et tonsuré, je ne peux empescher qu'il ne soit renvoyé à son evesque. Le juge et les advocats furent bien esbahis d'un si soudain changement et d'une si prompte et dextrement inventeé menterie et eschapatoire moyennant laquelle Vento fut renvoyé en la cour

перешло и въ польскую литературу съ различными видоизмѣненіями, зависѣвшими отчасти отъ личныхъ цѣлей писателей, отчасти отъ условій народнаго быта [1]). Въ польскихъ фацеціяхъ судьи являются въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ выставлены они въ слѣдующемъ разсказѣ, сохранившемся какъ въ подлинникѣ, такъ и въ старинномъ русскомъ переводѣ:

O sedzim co go dway darowali.

Wiedli prawo czas niemały dway szlachcicow. Jeden ktory sprawiedliwsza mial aby mogł mieć przedszo odprawe darował sedziemu wielki rydwan. Adwersarz jego obaczywszy to, darował sedziem pare koni dobrych. Rospieraiac sie prawem wskazał sedzia za onym co mu konie darował. On co rydwan dał rzecze sedziemu: p. sedzia zlescie moy rydwan nakierowali. Rzecze sedzia: nie dziwuy sie konie go nakierowaly; jako konie cia-

О судіахъ и о мздопріимствѣ.

Предъ судьею нѣкоимъ прилѣжаша о нѣкое право двое чесныхъ людей время не мало. И единъ уповая получити себѣ яко правѣе ему бѣ, но дабы скорѣйшую отправу возымѣти, дарова судіи великій и дивный рыдванъ. Соперникъ, иже неправо хотѣ одержати, увѣдавъ сіе, дарова судіи великихъ и дивныхъ возниковъ. По семъ предъ судіею препирающеся положеніемъ закона, судія присуди и подутверди да-

---

d'Eglise où depuis qu'un accusé est renvoyé il en sorte tousiours la vie sauve eust-il mangé une charrette ferrée, vray est que sa bource y demeure vide le plus souvent. (Les joyeusetz facecies et folastres imaginacions etc. 1829. Facecieux devis et plaisans contes par le *Sr. Moulinet* comedien. p. 16—18.

1) Facecyae polskie abo żartowne a trefne powiesci biesiadne tak z rozmaitych authorow, jako teź y z powiesci ludzkiey zebrane.—Экземпляръ (безъ конца) Публичной Библіотеки; печат. нѣмецкимъ шрифтомъ въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка.

O raycy łakomym.

Do radziec w jednym mieście przyszedł mieszczanin proszac abi my płac wymierzono na mieyskim gruncie. Przyzwola wszyscy. Tylko jeden, ktory był principał miedzy nimi, był przeciwko temu, tak iż onego dnia nic konkludować nie mogli. Nazajutrz on mieszczenin szedł do onego rayce na pokoy, przyniosł mu dziesieć talerow, aby przeciwko tomu nie był, a swoie votum dał za nim. Wział chctliwie. Gdy ta rzecz zaś przed rade przyszła, on pan rayca, co peniadze wział, poczał od nego rzecz prawic i prosić aby iako sie onegday zezwoliło płac temu mieszczaninowi wymierzyć. Rayce sie dziwuia co mu se sstało, a mieszczanin obrociwszy sie do sasiadow rzecze: patrzcie jako brzecza moie talery. Dobrze on poeta napisał:

Munera crede mihi placant hominesque deosque
Placatur donis Juppiter ipse datis.

Polacy tak mowia:

Błagaia Boga słuszne ofiary;
U ludzi zasie przyiemne dary.

gnely, tak rydwan musiał iść. Pospolita przypowiesc: kto lepiey nasmaruie tomu nie skrzypi. Pane sedzia,
Pomni na mary, Nie sodz za dary [1]).

ровавшему возники. Оный же неправедно обвиненный узрѣ ѣдуща судію на рыдванѣ своемъ на оныхъ возникахъ рѣче: господине, како толико неправедно одержалъ еси мой сій рыдванъ. И рече судія: не вѣмъ како, точію сильные возники увезоша, поелику тянуша толико и упредиша.

Общая приповѣсть: кто больши мажетъ, тотъ не скрыпитъ; но
о судіи, помните на мары,
не судите за дары [2]).

Въ одномъ изъ сборниковъ конца XVII или начала XVIII вѣка тотъ же сюжетъ передается въ стихахъ съ нѣсколько измѣненными подробностями [3]).

Судія нѣкто дароимецъ бяше,
Отъ прю имущихъ дары воспріяше:
Сосудъ елея взя отъ единаго,
А вепря тучна прія отъ другаго,
И сего судомъ своимъ оправдалъ есть,
Онаго паки винна сотворилъ есть.
Пришедшу же въ домъ иже елей далъ есть,
Судія кривый сице отвѣщалъ есть:
Прости ми, рече, забыхъ благодати,
Яко ты елей изволи ми дати:
Вина же тому вепрь питанный бяше,
Иже вшедъ въ домъ мой елей пролiяше.
Оле судіи! ниже усрамися,
Яко отъ правды вепромъ отлучися.

Одна изъ важнѣйшихъ особенностей русской повѣсти заключается въ тотъ, что судья является въ ней олицетвореніемъ кривды, между тѣмъ какъ въ подобныхъ сказаніяхъ другихъ народовъ судья дѣйствуетъ какъ представитель правды. Шемяка поступаетъ своекорыстно въ надеждѣ получить взятку, а между тѣмъ рѣшенія его въ сущности, по понятіямъ народа, вѣрны: они совпадаютъ съ рѣшеніями такихъ народныхъ идеаловъ справедли-

1) Facecyae polskie — названный въ предыдущемъ примѣчаніи экземпляръ Публичной Библіотеки..

2) Рукопись Публичной Библіотеки. Отд. XVII. Q. № 12.

3) Рукопись Публичной Библіотеки. Отд. XVII. Q. № 41.

вости, какъ Соломонъ или Карлъ Великій. Этотъ разладъ между стремленіями и дѣйствіями одного изъ главныхъ лицъ повѣсти наводитъ на мысль о различныхъ началахъ, изъ которыхъ она постепенно слагалась. Какъ самый составъ ея, такъ и воззрѣніе на судей, лежащее въ ея основѣ, въ значительной степени разъясняется при помощи семитическихъ легендъ. Въ нихъ же встрѣчается одна изъ выдающихся чертъ, которой еще не найдено аналогической—рѣшеніе судьи воротить лошадь только тогда, когда у нея снова выростетъ хвостъ. Камень также является здѣсь какъ орудіе мести неправедному судьѣ.

Въ высшей степени любопытную и разнообразную массу легендъ и преданій, переходившихъ у семитовъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, представляютъ памятники еврейской литературы, отличающіеся болѣе или менѣе апокрифическимъ характеромъ. Таковы преимущественно: Вавилонскій Талмудъ [1]) и Sepher Hajaschar, т.-е. Книга Праведнаго [2]), — романъ, составленный, по всей вѣроятности, испанскимъ евреемъ въ двѣнадцатомъ или три-

---

1) О Талмудѣ см. Geschichte des Juden, von *E. Graetz.* 1853. B. IV, s. 474—478. — *Д. А. Хвольсона*: О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ. 1861, стр. 54—55,—и мн. др.

2) Такое названіе заимствовано изъ книги Іисуса Навина для приданія произведенію большей важности. О «Книгѣ Праведнаго» упоминается въ книгѣ Іисуса Навина (X, 13) въ славянскомъ и латинскомъ переводѣ, но въ греческомъ текстѣ этого мѣста нѣтъ. Въ изданіи *Тишендорфа* (Vetus testamentum juxta LXX interpretes. 1850. I, стр. 260): καὶ ἔστη ὁ ἥλιος καὶ ἡ σελήνη ἐν στάσει ἕως ἠμύνατο ὁ θεὸς τοὺς ἐχθροὺς αὐτῶν. καὶ ἔστη ὁ ἥλιος κατὰ μέσον τοῦ οὐρανοῦ, οὐ προεπορεύετο εἰς δυσμὰς εἰς τέλος ἡμέρας μιᾶς. — Въ славянской библіи: И ста солнце и луна въ стояніи, дондеже отмсти Богъ врагомъ ихъ *не сіе ли есть писано въ книгахъ праведнаго*; и ста солнце посредѣ небесе, и не идяше на западъ въ совершеніе дне единого.—Въ латинской библіи: Substitit ergo sol, et luna tit, donec vindicata esset gens israelitica ab hostibus suis, nonne hoc scriptum est *in libro recti* (по друг. изд.: *in libro justorum*)? stabat autem sol in medio coelo, neque festinabat ad occasum, quasi diem integrum.—По-нѣмецки переводится: *das buch der redlichen.*—Въ русскомъ переводѣ Библіи: «И остановилось солнце, и луна стояла, доколѣ народъ мстилъ врагамъ своимъ. Не это ли написано въ *Книгѣ Праведнаго*: стояло солнце среди неба, и не спѣшило къ западу почти цѣлый день» (Переводъ, изд. въ 1869 году св. Синодомъ, а равно и переводъ Павскаго).

надцатомъ вѣкѣ изъ древнихъ сагъ, перемѣшанныхъ съ историческими сказаніями [1]). Въ Вавилонскомъ Талмудѣ и въ Книгѣ Праведнаго находится подробное изображеніе содомскихъ судей, раздражившихъ небо своею кривдою, обратившеюся имъ же въ погибель. По свидѣтельству народныхъ легендъ характеръ, дѣйствія и приговоры судей были въ такомъ родѣ:

— Четыре судьи были въ Содомѣ: Шакрай (Обманщикъ), Шакрурай (Разобманщикъ), Зайфи (Поддѣльщикъ) и Мацли-дина (Кривосудъ). Если кто прибьетъ беременную женщину и она вслѣдствіе этого выкинетъ, то судьи приказывали мужу обиженной отдать ее обидчику, чтобы онъ снова сдѣлалъ ее беременною. Отсѣкалъ ли кто-нибудь ухо у чужаго осла, судьи повелѣвали отдавать осла въ распоряженіе обидчика, пока снова выростетъ ухо у осла [2]).

— Когда приходилъ въ Содомъ нищій, жители не давали ему хлѣба, но каждый приносилъ ему по золотой или серебряной монетѣ, на которой выставлялъ свое имя; бѣдняга умиралъ съ голода, и каждый получалъ обратно свой динаръ [3]). Содомляне, по повелѣнію своихъ судей, устроили на улицахъ кровати, и какъ только въ городѣ показывался чужестранецъ, они хватали его, тащили къ кровати и насильно клали его на кровать; трое становились у изголовья и трое у ногъ: если онъ былъ короче кровати, его растягивали, не обращая ни малѣйшаго вниманія на его крикъ; если же онъ былъ длиннѣе кровати, то его стягивали, и такимъ образомъ замучивали пришельцевъ до смерти.

— Дочь Лота, исполнясь жалости къ обреченному на голодную смерть пришельцу, тайно давала ему хлѣбъ, скрывая куски

1) *Zunz*: Die gottesdienstlichen vorträge der juden, historisch entwickelt. 1832, стр. 154—156.

2) Вавилонскій Талмудъ, трактатъ Синедріонъ, л. 109. — Съ признательностью упоминаю о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ при ознакомленіи съ памятниками еврейской литературы профессоромъ Хвольсономъ, а также и гг. Саломономъ Мандelькерномъ и Іоною Гурляндомъ, принявшими на себя трудъ перевести съ еврейскаго подлинника на русскій языкъ нѣкоторыя мѣста изъ Талмуда и книги Hajaschar.

3) Вавил. Талмудъ, л. 109.

хлѣба въ кувшинѣ, съ которымъ ходила по воду. Когда это обнаружилось, судьи сожгли ее на кострѣ.—Другая дѣвушка накормила и напоила пришельца, и за это приговорена была къ мучительной смерти: судьи приказали обмазать ее медомъ и поставить передъ ульемъ, пока пчелы не заѣдятъ ее.

— Какой-то путникъ прибылъ въ Содомъ, и одинъ изъ жителей пригласилъ его провести у него нѣсколько дней, и взялъ на сохраненіе коверъ и веревки, которыми вьюкъ привязанъ былъ къ ослу. Передъ отъѣздомъ гость обращается съ просьбою возвратить его вещи, но содомлянинъ сталъ увѣрять, что это — сонъ; длинныя веревки означаютъ долгую жизнь, а пестрый коверъ— виноградникъ съ различными плодоносными деревьями, и требовалъ трехъ сребренниковъ за истолкованіе сна. Судья нашелъ требованіе снотолкователя вполнѣ справедливымъ [1]).

— Прибьетъ ли одинъ другаго до крови, судьи присуждали заплатить обидчику за кровопусканіе. Переѣзжающій рѣку на паромѣ долженъ былъ платить четыре зуза (злота). Однажды прибылъ въ Содомъ прачечникъ, и содомляне стали у него требовать четыре зуза; но онъ объяснилъ, что перешелъ рѣку въ бродъ; за это избили его до крови. Бѣдняга пошелъ жаловаться въ судъ, и судья приказалъ ему заплатить восемь зузовъ да, сверхъ того, за кровопусканье [2]).

— Однажды Сара послала своего вѣрнаго слугу Лазаря (Эліезера) освѣдомиться о здоровьѣ ея родственника Лота. Пришедши въ Содомъ, Лазарь увидѣлъ, какъ одинъ содомецъ боролся съ какимъ-то иногородцемъ и сорвалъ съ него платье. Обиженный жаловался Лазарю, и Лазарь обратился къ содомцу съ вопросомъ: «отчего вы такъ обходитесь съ бѣднымъ пришельцемъ?» Содомецъ на это отвѣчаетъ: «развѣ братъ онъ тебѣ или содомцы поставили тебя судьею, что ты вступился за не: комца?» Лазарь продолжалъ спорить съ своимъ наглымъ про

1) Книга Гайашаръ, отдѣлъ Вайера.

2) Вавил. Талмудъ, л. 109.

никомъ, и рѣшился отнять у него силою платье бѣдняка. Тогда содомецъ схватилъ камень и швырнулъ его Лазарю въ лобъ такъ, что кровь брызнула и полилась струей. Увидѣвши это, содомецъ вцѣпился съ Лазаря и сказалъ: «изволь-ка заплатить мнѣ за то, что я пустилъ тебѣ кровь—таковъ у насъ законъ!» Лазарь вскричалъ: «изранилъ меня, и требуешь еще платы!» Но содомецъ потащилъ окровавленнаго Лазаря къ судьѣ Шакру (Обману) и говоритъ судьѣ: «я пустилъ ему кровь, а онъ теперь отнѣкивается и не хочетъ заплатить». Судья сказалъ отвѣтчику: «правду говоритъ истецъ,—спѣши удовлетворить его требованіе согласно съ нашимъ закономъ». Услышавъ такой приговоръ, Лазарь взялъ камень и пустилъ его прямо въ лобъ судьѣ, прибавивъ: «посмотри-ка, Шакра, вотъ и я пустилъ тебѣ кровь въ изобиліи; по твоему же рѣшенію, и ты въ свою очередь долженъ вознаградить меня за трудъ: и такъ, изволь-ка заплатить мой долгъ моему истцу». Сказалъ и — былъ таковъ [1]).

По семитическимъ преданіямъ, кривой судъ содомлянъ составляетъ діаметральную противоположность съ мудрыми и правдивыми рѣшеніями Соломона. Такая же противоположность является, по замѣчанію Снегирева, между распространенными у насъ апокрифическими сказаніями о судахъ Соломона и судомъ Шемяки. Снегиревъ сопоставляетъ два произведенія, изъ которыхъ въ одномъ изображенъ судъ Соломона, въ другомъ—судъ Шемяки. Къ изображенію Соломонова суда на весьма рѣдкой картинѣ, гравированной въ Москвѣ въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, присоединенъ текстъ, поясняющій, что по жалобѣ вельможи, давшаго въ займы нищему во снѣ сто рублей, Соломонъ велѣлъ повѣсить эти деньги надъ колодеземъ, и тѣнь отъ нихъ взять вельможѣ. Рѣзкую противоположность мудрому и правдивому суду Соломона составляетъ кривой судъ Шемякинъ, усвоенный нашею лубочною литературою [2]).

---

1) Книга Гайашаръ, отд. Вайера.

2) *Снегирева:* Лубочныя картинки русскаго народа, стр. 58—59.

Подобно тому, какъ въ еврейской легендѣ серьезное, обличающее повѣствованіе о жестокихъ и неправедныхъ судьяхъ оттѣняется сатирою, проглядывающею въ поступкѣ Лазаря съ судьею, такъ и въ русской повѣсти серьезное перемѣшивается съ забавнымъ. Не отрицая сатирическаго характера русской повѣсти, должно замѣтить, что насмѣшка представляется въ ней позднѣйшимъ наслоеніемъ и не на одной только заимствованной, но и на чисто-русской основѣ. Въ народной сказкѣ до самаго ея заключенія, совпадающаго съ текстомъ лубочныхъ картинъ, нѣтъ и тѣни сатиры. Судья называется обычнымъ эпитетомъ своимъ: «праведный»—ѣдутъ къ праведному судьѣ, сталъ судить праведный судъ, и т. п. Въ рукописяхъ читается: «слава Богу великому, яко судихъ судъ по правдѣ», и т. д.

Главное дѣйствующее лицо въ Шемякиномъ Судѣ—честный бѣднякъ, чрезвычайно ловко избѣжавшій опасности; убогій братъ также «переклюкалъ» богатаго брата и всѣхъ своихъ вороговъ, какъ Ерема-дуракъ и Иванушка-дурачекъ перехитрили своихъ лукавыхъ и несправедливыхъ братьевъ [1]).

Въ составѣ русской повѣсти слышится нѣсколько мотивовъ; любимыя идеи народной словесности о побѣдѣ правды надъ кривдою, о спасеніи несчастнаго отъ злобы сильныхъ міра сливаются съ чертами изъ сказанія о судахъ, распространеннаго у индоевропейскихъ и семитическихъ народовъ. Въ наиболѣе давнемъ слоѣ повѣсти изображается судьба бѣдняка, въ потѣ лица работавшаго на богача брата и сохранившаго жизнь его сына. Вмѣсто благодарности жестокій богачъ требуетъ казни несчастнаго. Тотъ же бѣднякъ изъ состраданія бросается вытаскивать изъ сугроба чужую лошадь, и силясь вытащить ее, отрываетъ у нея хвостъ; за это также обвиняютъ его передъ судомъ. Что же оставалось дѣлать эпическому правдивому судьѣ, какъ не спасти несчастнаго, являющагося жертвою своей доброты? Изобрѣтательный судья придумываетъ рѣшенье, избавляющее ни въ чемъ въ сущности

---

1) *Аѳанасьева:* Народныя русскія сказки. Выпускъ VI, стр. 77—87 и др.

неповиннаго бѣдняка отъ нравственно незаслуженной казни. Дѣйствія судьи въ этомъ случаѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ голосу народа: «бѣднаго убить—не спасенье нажить»; «виноватаго кровь—вода, а невиннаго—бѣда» и т. п. Всѣ рѣшенія судьи ведутъ къ тому, чтобы не дать бѣдовика въ руки людей корыстныхъ и жестокихъ. Весь смыслъ легендарныхъ приговоровъ заключается именно въ томъ, что они произносятся надъ человѣкомъ нравственно невиновнымъ, ибо онъ обвиняется въ томъ, что совершено имъ не только безъ всякаго злаго умысла, а напротивъ—съ цѣлью благою и доброю, изъ любви къ ближнему. Отчасти онъ является безсознательною жертвою преслѣдующей его бѣды: бѣда шла на него и бѣдой погоняла... Пословицы говорятъ: невольный грѣхъ живетъ на всѣхъ; грѣхъ да бѣда на кого не живетъ; нужда законъ измѣняетъ; noth hat kein gebot; nécessité n'a point de loi; unrecht ist auch recht, и т. д. Убѣжденіе въ нравственной правдѣ суда, спасающаго несчастнаго хотя бы и вопреки юридической правильности, усвоено народною словесностью. Въ силу этого убѣжденія приговоры подобные Шемякинымъ приписываются: на востокѣ—царямъ и судьямъ «мудрымъ, святымъ, прекраснымъ», а на западѣ — Карлу Великому, слывшему въ средніе вѣка правдивѣйшимъ изъ правдивѣйшихъ судей, когда-либо существовавшихъ на бѣломъ свѣтѣ.

При дальнѣйшемъ развитіи легенды эпическій характеръ мало по малу сглаживается, уступая мѣсто чертамъ дѣйствительной жизни и неизбѣжному спутнику изображенія въ ея литературѣ—началу сатирическому. Съ появленьемъ этого начала послѣдовало измѣненіе мотива, и правдивый судья изъ эпическаго представителя доброй силы, охраняющей насчастіе, превратился въ судью неправеднаго—кривосуда и взяточника. Время и мѣсто измѣненія мотива такъ же трудно опредѣлить съ точностью, какъ и время и мѣсто первоначальнаго образованія сюжета. Существованіе подобныхъ мотивовъ въ произведеніяхъ польской, западно-европейскихъ и семитическихъ литературъ не позволяетъ видѣть, подобно Бенфею, въ подкупѣ судьи исключительно рус-

скій мотивъ. Гриммъ, указывая въ сказкахъ чисто-русскія особенности, какъ напримѣръ олицетвореніе кручины и т. п., не отмѣтилъ ни одной такого рода особенности въ Шемякиномъ Судѣ, извѣстномъ ему по тексту лубочныхъ картинъ. Строго говоря, въ повѣсти о судѣ Шемяки собственно русскаго—не ея характеръ, общее содержаніе и мотивъ, а многія подробности, взятыя изъ русскаго быта. Горемыка, закабалившій себя за двѣ мѣры ржи; занесенная снѣгомъ дорога съ сугробами, изъ которыхъ вытаскиваютъ проѣзжихъ; нежеланіе отдать дитя въ чужую семью ни за какія деньги; рожденье вымоленнаго ребенка; зарокъ взять въ кумовья; раздумье о томъ, что хоженаго дать нечего, что голова давно смѣчена и не быть живому при тогдашнихъ судейскихъ порядкахъ, и т. д., и т. д.—все это внесено въ повѣсть русскими книжниками и сказочниками. Самое появленіе попа въ числѣ истцовъ и приговоръ объ отнятіи у него попадьи находится въ связи съ тѣмъ, что потеря жены особенно чувствительна для русскаго попа, не имѣющаго права вступать во второй бракъ. Русскій обликъ повѣсти скрѣпляется чисто-русскимъ именемъ судьи—Шемяки. Нѣтъ сомнѣнія, что имя это внесено въ повѣсть уже сложившуюся, и невозможно допустить, чтобы она написана была по поводу дѣйствій Шемяки. Въ народной словесности вообще замѣтно стремленье замѣнять безыменныя лица какими-либо именами, какъ это встрѣчается во многихъ апокрифахъ и т. п. Впечатлѣніе, произведенное на москвичей Шемякою и его сподвижниками, содѣйствовало тому, что неправедный судья названъ именемъ Шемяки. По свидѣтельству хронографа, отъ временъ Шемяки «въ Велицѣй Русіи на всякого судью и восхитника во укоризнахъ прозвася *Шемякинъ судъ*». Приводя это мѣсто, Карамзинъ говоритъ: «не имѣя ни совѣсти, ни правилъ чести, ни благоразумной системы государственной, Шемяка въ краткое время своего владычества усилилъ привязанность москвитянъ къ Василію, и въ самыхъ гражданскихъ дѣлахъ попирая ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ, оставилъ навѣки память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ *о судѣ Шемя-*

киномъ, донынѣ употребительной» [1]). Происхожденіе этой пословицы профессоръ Соловьевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Положеніе Шемяки—говоритъ онъ—«въ Москвѣ на столѣ великокняжескомъ было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василія, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, промышлять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ пріобрѣсти расположеніе другихъ князей... Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ Суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его, должны были отступиться отъ своихъ пріобрѣтеній... Обазанный уступать требованіямъ князей союзниковъ въ ущербъ силѣ Московскаго княжества, Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ московскихъ приверженцевъ. Граждане къ нему нерасположенные или по крайней мѣрѣ равнодушные не могли найти противъ нихъ защиты на *судѣ Шемякинѣ*, и этотъ судъ пословицею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго» [2]).

Нѣкоторыя черты повѣсти, кажущіяся въ наше время чисто-сатирическими, представлялись въ нѣсколько иномъ свѣтѣ старинnымъ читателямъ и въ особенности слушателямъ, отдѣленнымъ отъ насъ нѣсколькими вѣками. По крайней мѣрѣ въ тогдашнихъ понятіяхъ о судѣ и въ самыхъ судебныхъ обычаяхъ было много такого, что отзывалось глубокою древностью и сближало дѣйствительную жизнь съ областью легендъ и преданій. Законъ возмездія въ буквальномъ смыслѣ слова, немного отличающійся отъ рѣшеній Шемяки о чужой женѣ и убійцѣ старика, было во всей силѣ своей въ русскомъ обществѣ семнадцатаго столѣтія. По свидѣтельству Кошихина, подтверждаемому законо-

1) Исторія государства россійскаго. 1842. Т. V, стр. 188, г. 1146, прим. 338.

2) *Соловьева:* Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. 1854. Т. IV, стр. 75—76.—*К. Н. Бестужева-Рюмина*: Русская исторія. 1872. Т. I, 414: «въ Москвѣ не любили Шемяку, и преданіе о неправильномъ судѣ Шемякѣ сохранилось до сихъ поръ; С. М. Соловьевъ очень вѣроятно объясняетъ это преданіе тѣмъ, что галицкіе бояре давили москвичей».

дательными памятниками, несостоятельный должникъ отдаваемъ былъ въ слуги заимодавцу, и если «господинъ тому человѣку учинитъ наругательство, съ сердца переломитъ руку или ногу, или глазъ выколетъ, или губы или носъ или уши или иное что обрѣжетъ: и ему противъ того же будетъ указъ учиненъ самому— рука за руку, нога за ногу, глазъ за глазъ, и иное противъ того же. А будетъ тотъ его увѣчной человѣкъ отъ его наругательства умретъ, и того господина самого казнятъ смертію», и т. д. [1]). За убійство казнили смертью; за поджогъ—сожигали виновнаго; кто лилъ фальшивую монету, тому заливали горло, и т. п. По Уложенію: «а кого кто убьетъ съ умышленія, такова убійцу казнити смертію; которые денежные мастера учнутъ дѣлати мѣдныя или оловянныя или укладныя деньги, или въ денежное дѣло въ серебро учнутъ прибавливати мѣдь или олово или свинецъ, за такое дѣло—залити горло; а будетъ кто нѣкія ради вражды или разграбленія зажжетъ у кого дворъ, и такова зажигальщика сжечь». (Уложеніе: XXI, 75; V, 1; X, 228).—Самъ историческій Шемяка, имя коего сдѣлалось прозвищемъ «всякаго судьи— восхитника», прибѣгнулъ къ равносильному возмездію: за ослѣпленіе отомстилъ тѣмъ, что ослѣпилъ виновнаго.—Въ судопроизводствѣ наблюдались нѣкоторые пріемы, напоминающіе гаданья и другія диковинныя вещи, описаніе которыхъ можно встрѣтить въ старинныхъ повѣстяхъ и сказкахъ. Къ числу стародавнихъ юридическихъ обычаевъ принадлежитъ судъ жребіемъ: и по Судебнику и по Уложенію въ искахъ гражданскихъ, преимущественно долговыхъ, возникавшихъ между русскими и чужеземцами, дѣло рѣшалось по жребію: «чей ся жеребей выйметъ, тотъ, поцаловавъ, свое возьметъ или отцалуется». Англичанинъ, бывшій въ Россіи въ половинѣ шестнадцатаго вѣка, такъ описываетъ свой процессъ съ русскимъ купцомъ: «Я былъ долженъ русскому купцу шестьсотъ рублей, а онъ требовалъ съ меня вдвое. Надле-

---

1) *Кошихина*: О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича; гл. VII, ст. 40, стр. 95 (изд. 1840 г.).—Уложеніе царя Алексѣя Михайловича: XXII, 10.

жало прибѣгнуть къ жеребью. Въ судной палатѣ толпилось множество людей. Судьи взяли два шарика восковые—одинъ съ моимъ, другой съ его именемъ, кликнули незнакомаго человѣка изъ толпы зрителей, бросили ему шарики въ шапку, и велѣли другому зрителю вынуть голою *правою* рукою одинъ изъ нихъ: вынулся мой. Я заплатилъ шестьсотъ рублей... народъ славилъ правосудіе небесное» [1]).

Хотя взглядъ на ту или другую черту могъ постепенно измѣняться, тѣмъ не менѣе занимающій насъ памятникъ въ его цѣломъ составѣ причисляемъ былъ къ сатирическимъ уже въ началѣ восьмнадцатаго и даже въ концѣ семнадцатаго вѣка. Такъ можно заключить изъ того, что составители сборниковъ считали его заимствованнымъ изъ польскихъ жартъ и помѣщали рядомъ съ юмористическими произведеніями. Въ сборникѣ, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ, непосредственно передъ Судомъ Шемяки помѣщена Притча о старикѣ, ухаживающемъ за молодою женщиною, которая говоритъ ему: а тебѣ у меня старому смерду—спать на полу на голыхъ доскахъ, а въ головы тебѣ жерновъ дресвяной камень, да пожалую тебя—велю дать соломенную рогожу, да пей болотную воду, да ѣшь сухой хлѣбъ; а сопернику старика—крупичатые калачики, сдобные пироги, сахаръ на блюдѣ, да вино въ кубцѣ—золотомъ вѣнцѣ, лебединая перина да чижевое зголовье, да соболиное одѣяло, и т. п. За Шемякинымъ Судомъ помѣщенъ разговоръ двухъ товарищей—пьющаго съ непьющимъ и затѣмъ—о чаркахъ, сколько кому пить: текстъ обоихъ статей находится и на лубочныхъ картинахъ [2]).

Много времени прошло до той поры, пока разбираемая нами повѣсть изъ серьезной и назидательной легенды о праведномъ судьѣ превратилась въ сатиру на взяточниковъ. Постепенное наслоеніе, видоизмѣнявшее древнюю основу, совершалось подъ

---

1) *Карамзина:* Исторія государства россійскаго. Т. IX, примѣч. 788.

2) *Снегирева:* Русскіе въ своихъ пословицахъ. 1832. Книжка III, стр. 210—218.

вліяніемъ различныхъ источниковъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ ряду послѣднихъ видное мѣсто должно быть удѣлено семитическимъ сагамъ и сказаніямъ, которыя разносились евреями повсюду и безспорно извѣстны были и на Руси. Эти сказанія тѣмъ скорѣе могли привиться въ русскомъ обществѣ, что они находятся въ тѣсной связи съ любимыми нашей стариной апокрифическими произведеніями.

Не вдаваясь въ область догадокъ и произвольныхъ выводовъ и основываясь единственно на фактахъ, приведу въ заключенье одинъ изъ нихъ, которому нельзя отказать въ значеніи при всестороннемъ изслѣдованіи памятниковъ нашей древней литературы. Весьма популярна была у насъ легенда о хромцѣ и слѣпцѣ, приставленныхъ сберегать роскошный садъ; она приводится у писателя двѣнадцатаго столѣтія, она встрѣчается во многихъ древнихъ прологахъ, она перешла даже въ народныя загадки: «слѣпецъ увидѣлъ зайца, хромой догналъ и положилъ нагому за пазуху: слѣпецъ — душа человѣка, хромой — тѣло, заяцъ въ полѣ—ѣда и питье, нагому за пазуху положилъ—въ ротъ вложилъ» и т. п. [1]). — Смыслъ русской легенды и ея иносказаніе заключается въ томъ, что душа и тѣло (слѣпецъ и хромецъ) неразрывно соединены въ человѣкѣ, вмѣстѣ участвуютъ во всѣхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ, а потому должны нести обоюдную отвѣтственность, и въ день суда подвергнутся за грѣхи совокупному наказанію. Та же мысль и въ тѣхъ же образахъ выражена въ слѣдующей легендѣ Вавилонскаго Талмуда, поразительно сходной съ русскою въ той части, гдѣ рѣчь идетъ о слѣпцѣ и хромцѣ: [2]).

— Однажды Антонинъ Пій (часто бесѣдовавшій съ рабби Іегудой Святымъ) сказалъ ему между прочимъ, что, по его мнѣнію, плоть и душа могутъ освободиться отъ загробнаго приговора.

---

1) О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго (см. выше).

2) Вавилонскій Талмудъ, гл. II, стр. 81.

— А какъ такъ? спросилъ рабби.

— А такъ, возразилъ Антонинъ, что плоть можетъ оправдываться, говоря: «душа виновата, потому что съ тѣхъ поръ, какъ она отлучилась отъ меня, я лежу въ могилѣ безмятежно, словно мертвый камень». Душа же можетъ точно также утверждать, что плоть согрѣшила, ибо «съ тѣхъ поръ, какъ она оставлена мною, я порхаю въ эѳирѣ свободно какъ птичка».

— Рабби отвѣтилъ: я приведу тебѣ примѣръ, уясняющій это дѣло. Жилъ-былъ царь, у котораго находился великолѣпный садъ съ прекраснымъ виноградникомъ. Въ немъ онъ посадилъ двухъ стражей: хромаго и слѣпаго. Разъ хромой говоритъ слѣпому: «я вижу въ саду прекрасный виноградъ,—возьми-ка меня на плечи, и вмѣстѣ отправимся за лакомствомъ». Слѣпой послушался, хромой сѣлъ на слѣпаго, и доставши виноградъ, съѣли его. Спустя нѣсколько времени явился къ нимъ хозяинъ сада. На вопросъ хозяина, куда дѣлся прекрасный виноградъ, бывшій въ саду, хромой отпирался, говоря: «вѣдь я безъ ногъ, какъ же я могъ за нимъ пойти?» Слѣпой же, подобно ему, отрекался, сказавъ: «вѣдь я безъ глазъ, какъ же я могъ увидѣть его?»... Но что сдѣлалъ хозяинъ? Онъ посадилъ хромаго на слѣпаго, и наказалъ ихъ обоихъ вмѣстѣ.

— Подобно хозяину сада поступаетъ и Господь Богъ: онъ беретъ душу, помѣщаетъ ее вторично въ плоть и наказываетъ ихъ обоихъ вмѣстѣ.

Два семитическія сказанія [1]), встрѣчающіяся въ памятникахъ русской литературы [2]).

I.

Въ *Вѣстникѣ русскихъ евреевъ* 1871 года № 41, въ отдѣлѣ иностранной лѣтописи, помѣщена не лишенная своего рода интереса статья подъ названіемъ: «Перестановка лицъ въ трагедіи: Венеціанскій купецъ».

«Въ послѣднее время—говорится въ этой статьѣ—публика манчестерскаго театра восхищалась Шекспировскимъ Шейлокомъ. Постановка этой пьесы не обошлась безъ критическаго разбора, при чемъ еврейскіе органы печати преимущественно занимались не разборомъ исполненія драмы, а обсужденіемъ самаго факта, служившаго основою для пьесы, и правдивости его съ исторической точки зрѣнія. Нерасположеніе къ еврямъ со стороны другихъ національностей, переходящее изъ поколѣнія въ поколѣніе, еще болѣе усиливается отъ дѣйствія такихъ драматическихъ произведеній какъ Венеціанскій купецъ. Шекспиръ родился въ 1564 г., а умеръ въ 1616 году; евреи же изгнаны окончательно изъ Англіи въ 1290 году. Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что Шекспиру никогда не приходилось видѣть въ глаза живаго еврея; слѣдовательно, онъ не могъ составить себѣ о евреѣ

---

1) Сборникъ 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, т. X (1873 г.), стр. LVI.

2) Замѣтка эта вызвана письмомъ ко мнѣ г. Гурлянда отъ 4 апрѣля 1873 г. Оно свидѣтельствуетъ о любознательности автора, слѣдящаго за ходомъ ученой литературы. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить свою признательность г. Гурлянду за сообщаемыя имъ свѣдѣнія. Онъ говоритъ между прочимъ о приведенной нами статьѣ Вѣстника русскихъ евреевъ и о только что вышедшей статьѣ *Перлеса*.

никакого личнаго взгляда и изображаемый имъ еврей Шейлокъ не есть снимокъ съ натуры. Подлинное событіе, служившее Шекспиру основою для его произведенія, дѣйствительно имѣло мѣсто но совершенно въ другомъ видѣ.

«Историкъ Грегоріо Лети, въ XI т. своей исторіи папы Сикста V, передалъ слѣдующій фактъ, который долженъ служить примѣромъ строгой справедливости этого папы. Въ 1587 году (значитъ, приблизительно, за десять лѣтъ до появленія пьесы Шекспира) одинъ почтенный и богатый римскій купецъ, по имени Павелъ Секки, строгій католикъ, получилъ извѣстіе, что знаменитый англійскій адмиралъ Франсисъ Дрейкъ овладѣлъ Ст. Домингомъ и набралъ тамъ много добычи. Онъ передалъ это извѣстіе еврейскому негоціанту Самсону Ценедѣ, которому оно почему-то показалось невѣроятнымъ, или же онъ по личнымъ соображеніямъ счелъ нужнымъ показать видъ, что не вѣритъ въ возможность такого происшествія. Во всякомъ случаѣ, онъ упорно опровергалъ возможность чего-нибудь подобнаго, и когда Секки продолжалъ доказывать противное, то Ценеда какъ-то выразился: «я готовъ отдать фунтъ мяса изъ моего тѣла въ подтвержденіе того, что это сообщеніе ложно».—А я даю противъ этого двѣ тысячи скуди—возразилъ христіанинъ и настаивалъ на заключеніи формальнаго договора, подписаннаго двумя свидѣтелями, христіаниномъ и евреемъ, въ силу котораго было условлено, что въ случаѣ если сообщенная Секкіемъ новость окажется ложною, то онъ обязанъ заплатить еврею 2,000 скуди; въ противномъ же случаѣ ему предоставляется право *собственноручно, при помощи хорошо навостреннаго ножа, вырѣзать еврею Самсону Ценедѣ одинъ фунтъ мяса изъ той части тѣла, которая будетъ имъ, Секкіемъ, выбрана.* Вскорѣ извѣстіе о побѣдѣ Дрейка подтвердилось, и Секки настаивалъ на исполненіи договора. Напрасно еврей предлагалъ своему противнику сумму въ двѣ тысячи скуди, равномѣрную той, которую предстояло потерять Секкію въ случаѣ, если бы онъ проигралъ пари. Ничего не помогало: неумолимый христіанинъ ни за что не хотѣлъ измѣнить условія, и ука-

залъ даже на ту часть тѣла, которая должна была подвергнуться операціи. Въ отчаяніи еврей обратился къ мѣстному начальнику, надѣясь уговорить чрезъ его посредство своего безпощаднаго противника. Начальникъ счелъ нужнымъ донести обо всемъ самому папѣ (который, по всей вѣроятности, выставленъ Шекспиромъ на сценѣ въ образѣ благодѣтельной Порціи) и послѣдній присудилъ обоихъ къ ссылкѣ на галеры. Впрочемъ имъ предоставлено было откупиться отъ этого наказанія пожертвованіемъ 2,000 скуди съ каждой стороны въ пользу Сикстинской больницы» [1]).

Предположеніе о томъ, не послужило ли событіе, описанное Лети, источникомъ для драмы Шекспира, высказано еще въ прошломъ столѣтіи англійскимъ переводчикомъ жизни Сикста V (Ellis Farneworth, 1754). Но всѣ послѣдующія открытія и разысканія опровергаютъ подобное предположеніе. На англійской сценѣ еще до Шекспира является еврей (The Jew)—первообразъ Шейлока. Несомнѣнно, ранѣе 1579 года въ Англіи давалась пьеса подъ заглавіемъ: The Jew shown of the Bull, representing the greedinesse of wordly choosers, and the bloody mind of usurers. Въ пѣснѣ о судѣ Карла Великаго, *напечатанной въ исходѣ пятнадцатаго столѣтія*, именно въ 1493 году, выводится также *еврей* [2]). Анекдотъ, разсказанный Лети, идетъ подъ стать къ его отзыву о Сикстѣ, который будто бы говорилъ, что христіанамъ надо пускать кровь изъ горла, а жидамъ—изъ кошелька: и дѣйствительно, въ его царствованіе казненъ только одинъ еврей, но усиленными налогами много вытянуто изъ еврейскихъ кошельковъ [3]).

Ссылаться на книгу Лети какъ на источникъ вполнѣ достовѣрный рѣшительно невозможно. Несостоятельность ея давно

---

1) Вѣстникъ русскихъ евреевъ. Газета еженедѣльная. 1871, № 41. стр. 1289—1291.

2) Museum für altdeutsche literatur und kunst. Zweiten Bandes erstes heft. 1811. s. 279—283.

3) Vita di Sisto V, pontefice romano, nuovamente scritta da *Gregorio Leti*. 1693, p. III, 473.

уже показана [1]). Современная историческая критика видитъ въ книгѣ Лети собраніе вымысловъ и противорѣчій, и успѣхъ ея объясняетъ только ея популярною формою да запрещеньемъ, которому эта книга подверглась къ католическихъ странахъ [2]).

II.

Притча о хромцѣ и слѣпцѣ, встрѣчающаяся въ русскихъ памятникахъ, находится и въ Тысячѣ и одной ночи въ слѣдующемъ видѣ:

— Визирь спросилъ у принца: душа и тѣло одинаково ли подлежатъ наградѣ и наказанію?—Ихъ ждетъ одинаковая участь, ибо и здѣсь они дѣйствуютъ вмѣстѣ, какъ нѣкогда хромой и слѣпой.—Что это за исторія?—Хромой и слѣпой жили въ дружбѣ и вмѣстѣ просили милостыню; разъ какъ-то выразили они желаніе, чтобы какой-нибудь богатый человѣкъ приставилъ ихъ къ своему саду. Услышавши это, какой-то добрякъ сжалился надъ ними, взялъ ихъ въ свой садъ, нарвалъ имъ плодовъ, и оставляя ихъ въ саду, просилъ только ничего въ немъ не портить. Но плоды до того пришлись имъ по вкусу, что они едва отвѣдали ихъ, имъ захотѣлось еще болѣе; хромой и слѣпой сообщили другъ другу свое желаніе и вмѣстѣ сожалѣніе, что одинъ не видитъ плодовъ, а другой не можетъ подойти къ нимъ. Пришедшій на ту пору сторожъ спрашиваетъ ихъ о причинѣ ихъ унынія, и узнавши въ чемъ дѣло, вскрикиваетъ: «горе вамъ! развѣ не слышали вы, какъ хозяинъ предостерегалъ васъ ничего не портить въ саду? обуз-

1) Quellen des Shakspeare in novellen, märchen und sagen, herausgegeben von *Theodor Echtermeyer*, *Ludwig Henschel* und *Karl Simrock*. 1831. T. III, стр. 186—189: Wenn dem Leti überhaupt zu trauen ist, was schon Douce I, p. 276, billig bezweifelt hat, so gingen jene kaufleute, von welchen er erzählt, wohl von der sage aus und kehrten die wette absichtlich um...

2) Ср. Sixte-Quint. par *m. le baron de Hübner*. Paris. 1870, T. I, p. 2—3. L'ouvrage de Gregorio Lete, rempli de contes niais, de contradictions et de mensonges évidents, fut publié la première fois à Lausanne en 1669... Le public lettré eut le tort de prendre pour un livre d'histoire ce qui n'est qu'un livre de fiction où le vrai se confond avec le faux, mais où le faux prédomine, et Sixte-Quint passa à la postérité dans un ignoble déguisement...

дайте свои желанія; иначе, онъ выгонитъ васъ изъ сада». Но они возразили: «мы хотимъ плодовъ во что̀ бы то ни стало, а хозяинъ ничего не замѣтитъ; не выдай только насъ, и укажи способъ удовлетворить наше желаніе». Сторожъ, видя, что не хотятъ слѣдовать его совѣту, сказалъ слѣпому: «возьми хромаго къ себѣ на плечи, онъ будетъ руководить тебя своими глазами, а ты своими ногами донесешь его до дерева; я уйду и вы можете наслаждаться». Слѣпой сейчасъ же взялъ хромаго на плечи, принесъ его къ дереву, и они принялись срывать плоды, наломали вѣтвей и перепортили весь садъ. Но какъ только хозяинъ воротился домой и увидѣлъ садъ въ такомъ безпорядкѣ, онъ съ гнѣвомъ обратился къ нимъ: «что вы надѣлали? это ли награда за то, что я пустилъ васъ въ садъ свой и надѣлилъ плодами? можно ли было такъ злоупотреблять моимъ довѣріемъ?»—Они отвѣчали: «господинъ, ты вѣдь знаешь, что мы ничего не могли испортить, потому что одинъ изъ насъ слѣпъ, а другой хромъ». Но онъ возразилъ: «или вы еще думаете запираться, и полагаете, что я не знаю, какъ вы это сдѣлали? если бы вы сознались въ своей винѣ, я отпустилъ бы васъ восвояси; но такъ какъ вы запираетесь, то и заслуживаете наказанія». Онъ выгналъ ихъ изъ сада и заключилъ въ темницу, гдѣ они и погибли.—«Значеніе этой притчи, продолжалъ принцъ, слѣдующее. Слѣпой представляетъ тѣло, хромой—душу; садъ есть образъ этого міра; владѣлецъ сада есть Богъ и Творецъ; дерево означаетъ животныя стремленія, а сторожъ—разумъ, предостерегающій отъ дурнаго и направляющій къ хорошему. По сему душа и тѣло подлежатъ совокупной наградѣ и совокупному наказанію» [1]).

Съ этимъ разсказомъ представляетъ большое сходство бесѣда императора Антонина съ раввиномъ, находящаяся въ Вавилонскомъ Талмудѣ. Связь между ними указана Перлесомъ въ

---

1) Monatschrift für geschichte und wissenschaft des judenthums, herausgegeben von *Frankel*, fortgesetzt unter mitwirkung des judisch-theologischen vereins von *Grätz*. Februar. 1873. Rabbinische Agada's in 1001 nacht. Ein beitrag zur geschichte der wanderung orientalischer märchen. Von *Perles*. s. 75—77.

статьѣ его, относящейся къ исторіи странствованія восточныхъ сказокъ. Перлесъ замѣчаетъ, что легенда о хромцѣ и слѣпцѣ весьма распространена, и въ доказательство указываетъ па слѣдующее сказаніе въ Gesta Romanorum.

— Жилъ-былъ царь, который задумалъ устроить пиръ па весь міръ, и разослалъ по всему царству бирючей сзывать на пиръ всѣхъ и каждаго, какого бы званія и состоянія онъ ни былъ; на пиру этомъ раздавались пе только роскошныя угощенія, но и драгоцѣнныя сокровища. Въ то время какъ бирючи объѣзжали земли и замки, возвѣщая царскую волю, въ какомъ-то городѣ жили хромецъ и слѣпецъ; слѣпой былъ силенъ и крѣпокъ, а хромой слабъ и хилъ, но имѣлъ весьма хорошее зрѣніе. Слѣпой говоритъ хромому: другъ ты мой, бѣда намъ обоимъ! по всей странѣ объявлено, что царь въ такое-то время даетъ великолѣпный пиръ, на которомъ будутъ раздаваться не только яства, какихъ кто пожелаетъ, но и большія богатства; но ты хромъ, а я слѣпъ; значитъ, ни ты, ни я на пиръ не попадемъ. Хромой возразилъ на это: если ты хочешь послушаться моего совѣта, то и мы, какъ всѣ другіе, будемъ на пиру и получимъ сокровища. Слѣпой объявилъ, что готовъ послѣдовать всякому полезному совѣту. Тогда хромой сказалъ: ты силенъ и крѣпокъ тѣломъ, а я хилъ и хромъ; возьми меня на спину и понеси, а я буду указывать тебѣ дорогу, потому что хорошо вижу, и мы оба попадемъ на пиръ и получимъ часть свою подобно всѣмъ другимъ. На это слѣпой отвѣтилъ: аминь говорю тебѣ, совѣтъ твой хорошъ; садись сейчасъ же мнѣ на спину. И такимъ образомъ вышло, что хромой указывалъ слѣпому дорогу, а слѣпой несъ хромаго, и оба пришли на пиръ и получили обѣщанныя сокровища [1]).

---

1) Das älteste märchen- und legendenbuch des christlichen mittelalters, oder die Gesta Romanorum, von *Grässe.* 1850. theil I, LXXI: Von der vergeltung der ewigen heimath. s. 132—133.

I. Указатель важнѣйшихъ собственныхъ именъ.

Цифры означаютъ страницы.

II. Указатель важнѣйшихъ названій памятниковъ литературы и произведеній народной словесности.

